КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА
имени М. В. ФРУНЗЕ

ВЛ. МЕЛИКОВ

М845

ПРОБЛЕМА
СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ПО ОПЫТУ
МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

МОСКВА—1935

КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА
имени М. В. ФРУНЗЕ

Вл. МЕЛИКОВ

ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПО ОПЫТУ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Том I

МИРОВАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

С предисловием Б. М. ШАПОШНИКОВА

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РККА имени М. В. ФРУНЗЕ
МОСКВА 1935

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИИ 15
М 545 Р

СССР
С 892
463
35
13848
13848

Ответ. редактор *А. А. Маегов.* Техн. редактор *Н. И. Алексеев.*

Сдан в произв 15/VII-35 г. Подп. к печ. 19/IX—3[illegible] г. Форм. бу[illegible]. 62×941/16 л. 38 1/2 п. л

Уполн. Главлита Б—9910. Заказ № 3391 Тираж 3000 экз.

Центральная типография НКО СССР им. Клима Ворошилова. Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 7
От автора 9
Введение 10

ЧАСТЬ I

Глава I. План стратегического развертывания по вариантам Шлиффена и Бонналя (французский план № 14) 44
Глава II. Организационное и технико боевое обеспечение варианта стратегического развертывания Шлиффена от декабря 1905 г. 82
Глава III. Французский план стратегического развертывания № 15 и вариант плана стратегического развертывания Шлиффена от декабря 1905 г. 90
Глава IV. План стратегического развертывания французского генерала Виктор-Константин-Мишеля 109
Глава V. Период 1895—1905—1911—1913 гг. 121
Глава VI. Оперативно-стратегическое учение Мольтке-старшего и Шлиффена 138

ЧАСТЬ II

Глава VII. Стратегическое развертывание в империалистическую войну 1914—1918 гг. 183
Глава VIII. Стратегическое развертывание по французскому плану № 17 и по германскому плану от 1913—1914 гг. 186
Глава IX. Предвоенный прогноз генерала Фоша 219
Глава X. Варианты стратегического развертывания по планам войны 1908—1910 гг. царского генерального штаба 222
Глава XI. Планы войны царского генерального штаба непосредственно перед войной 1914—1918 гг. 246
Глава XII. Оперативно стратегическая игра в Киеве в апреле 1914 г. . 266
Глава XIII. Австро-венгерский план стратегического развертывания . . . 281
Глава XIV. Стратегическое развертывание русских и австро-германских армий в августе 1914 г. 303
Глава XV. Развитие технических средств и живых сил за период с 1914 по 1918 г. 346

ЧАСТЬ III

Глава XVI. План кампаний и стратегическое развертывание сторон на западном фронте в 1918 г 377
Германский план кампании 1918 г. 384
Развитие наступательного плана Людендорфа 394

Стр.

Директива Людендорфа о начале прорыва-наступления . 406
Мероприятия англо-французского командования по локализации германского прорыва на Амьен 415
Провал германского наступательного плана кампании 1918 г. 423
Глава XVII. Наступательный план кампании, составленный ген. Фошем для второй половины 1918 г. 429
Стратегическое развертывание армий Антанты 25 сентября 1918 г. на франко-британском фронте 441
Глава XVIII. Оперативно стратегическое искусство Фоша и Людендорфа . 461
Глава XIX. Оперативно-стратегические варианты в планах ген. Петэна и Фуллера на 1919 г. 512
Глава XX. Опыт мировой войны и проблема оперативно-стратегического развертывания на франко-германском (западном) театре военных действий 535
Глава XXI. Развитие боевых технических средств в период 1919—1935 гг. и новые оперативно-стратегические теории 551
Глава XXII. „Армия вторжения“ и „армия прикрытия“, как основные элементы в плане стратегического развертывания современных миллионных армий 578

Приложения:

1. Заседание Высшего военного совета 19 июля 1911 г. . 602
2. Потери во время крупных операций: Франция, Германия, Англия, Италия . . . . . 607—611
Список источников 612
Схемы 617

«Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология».

...Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран».

В. И. Ленин (написано 1 ноября 1914 г., том XVIII, стр. 71).

«Стратегия есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции... Стратегия имеет дело с основными силами революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений за весь период данного этапа...

Если стратегия имеет целью выиграть войну, скажем, с царизмом или с буржуазией, довести до конца борьбу с царизмом или буржуазией, то тактика ставит себе менее существенные цели, ибо она старается выиграть не войну в целом, а те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, соответствующие конкретной обстановке в период данного под'ема или упадка революции. Тактика есть часть стратегии ей подчиненная, ее обслуживающая».

И. Сталин.

«Колоссальные фронты, многомиллионные армии, многочисленная техника самого различного назначения чрезвычайно усложняют руководство современной войной, современным боем. Чтобы правильно, умело и организованно владеть этим гигантским механизмом, необходимо иметь достаточное число высококвалифицированных мастеров военного дела с широкой подготовкой, большими знаниями. Не менее необходимы люди, имеющие высшее военно-техническое и военно-политическое образование. Этих мастеров мы готовим в наших академиях».

К. Ворошилов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировая империалистическая война 1914—18 гг. имеет ныне богатую литературу на всех языках, вскрывающую как подготовку к этой войне, так и историю самой войны. Однако, немного трудов можно насчитать, которые бы со всей серьезностью подводили итоги поднятым этой войной коренным вопросам развития военного дела. Громадный, захлестывающий поток мемуарной литературы сменяется ныне книгами, претендующими преподать «правду» о войне, но с легкостью романиста. Известно, что старик Мольтке советовал писать о войне «правду, но не всю правду». Этого-то и избегают все же лица, которые берутся за перо с целью не научных исследований прошедших событий, а скорее для рекламы своего бойкого пера.

Между тем, конечно, назрела необходимость получить полное и правдивое представление о тех тайнах, в которых зарождалась мировая война и о том как она началась.

Поэтому особенно нужно приветствовать появление в нашей печати труда профессора Краснознаменной и Ордена Ленина Военной академии РККА тов. В. А. Меликова «Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войны», охватывающего в своем первом томе империалистическую войну.

Большой комплекс вопросов охватывает стратегическое развертывание армий, исследовать который с скрупулезной точностью и дать единственно правильный ленинско-сталинский анализ событий недавнего прошлого поставил перед собой задачей автор этого ценного труда.

Нужно со всей справедливостью отметить, что тов. Меликов охватил обширный материал на всех языках по мировой войне и показал, как путем диалектического метода отметаются все ложные теории и размышления буржуазных военных теоретиков времен империалистической войны и строящиеся ныне на её выводах новые теории.

Вместе с автором читатель на ряде разобранных конкретных примеров стратегического развертывания в начале империалистической войны проникает в тайны полководческой деятельности буржуазных полководцев и рассматривает наглядно «свет и тени». Профессор Меликов марксистско-ленинско-сталинским анализом по-

казывает какие ошибки были сделаны в стратегическом развертывании сторон и учит наглядно, как нужно их избежать.

Автор во второй части своего труда вводит читателя в курс тех сдвигов, которые произошли в военном деле в ходе самой империалистической войны и которые наложили свой отпечаток и на характер стратегического развертывания. Марксистски исследуя новые факторы стратегии, тов. Меликов подводит читателя и к современным буржуазным теориям стратегического развертывания армий, давая им яркую критику.

В труде профессора Меликова нет схемы стратегического развертывания, да её и быть не может. Главная ценность труда автора в том, что он, давая ряд конкретных примеров, выводит читателя на дорогу размышлений и собственных его выводов.

Автор предоставляет читателю полную свободу согласиться с его выводами или же сделать свои. Широкий материал дан читающему этот труд и он может много подумать над крупными вопросами стратегического развертывания. Автор ставил своей целью показать читателю диалектику стратегического развертывания, чтобы у прочитавшего этот солидный труд вырабатывался свой ход мышления для оценки конкретного стратегического развертывания. Нужно со всей определенностью сказать, что автор достиг своей цели.

Труд профессора Меликова значительно пополняет и освежает наши труды по стратегическим вопросам.

На нем многому может научиться наш высший командный состав Красной армии, среди которого, нет сомнения, он и найдет соответствующую высокую оценку.

Остается пожелать, чтобы перо нашего автора скорее дало нам и второй том, освещающий стратегическое развертывание в нашей гражданской войне, так много внесшей в развитие военного искусства и показавшей, как пролетариат с его гениальными стратегами Лениным, Сталиным и таким вождем Красной армии, как тов. Ворошилов, выковывал победу пролетарской диктатуры и утверждал Красное Знамя — этот великий символ свободы всех трудящихся.

Б. Шапошников.

ОТ АВТОРА

В процессе работы над нашим трудом «Марна (1914 г.) — Висла (1920 г.) — Смирна (1922 г.)» перед нами встал целый ряд военно-теоретических вопросов, которые мы считали необходимым оговорить в заключительной части этой книги. Таких вопросов, вытекающих из военно-исторического анализа трех войн (империалистической, революционно-классовой и национально-освободительной), нами было выдвинуто двенадцать, в числе которых одной из основных являлась проблема стратегического развертывания современных армий.

И если к сегодняшнему дню мы имеем значительный фактический материал по стратегическому развертыванию современных армий, то обобщающего и подытоживающего труда по этой крайне сложной, интересной и актуальной проблеме пока еще нет. В настоящей работе мы попытались посредством критического анализа вскрыть, обобщить и подытожить накопившийся за последние десятилетия богатейший материал по стратегическому развертыванию современных армий.

И если проблема стратегического развертывания является сердцем плана войны (кампании), то, вполне естественно, эта проблема в первую очередь есть проблема политическая.

Современный план войны слишком многогранен и обширен в отношении тех вопросов, которые он в себя вбирает и впитывает, а поэтому, чтобы его полностью научно-теоретически вскрыть, рассмотреть, анализировать и обобщить во всех деталях и только по одной лишь данной армии, нужна целая большая книга.

В настоящем труде мы анализируем план войны (кампании) лишь в части его стратегического развертывания и не только для одной данной армии, а для всех основных и важнейших армий, которые приняли участие в Мировой империалистической войне 1914—1918 гг. и нашей гражданской войны 1918—1920 гг., причем стратегическое развертывание армий обеих сторон в период трех походов Антанты против Советской России мы исследуем во втором томе нашего труда.

Таким образом перенося центр тяжести в нашем исследовании на проблему стратегического развертывания и подробно разбирая ее и говоря о ней как о важнейшей и решающей части плана войны, как о его «сердце», мы, конечно, не можем обойти и другие важнейшие части того организма, в котором оно функционирует.

Работая над этим вопросом, анализируя огромный разнообразный, подчас сырой, отрывочный исторический материал, мы пришли к твердому убеждению, что, в о-п е р в ы х, наиболее убедительной является та стратегия, которая основана на тщательном анализе конкретных исторических фактов прошлого и настоящего (сделавшегося по отношению к сегодняшнему дню так или иначе прошлым); в о-в т о р ы х, наиболее поучительна та военная история, которая дает убедительный и полезный материал для настоящего и будущего.

В этом отношении мы помним исторические слова Ленина, сказавшего: «Кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом, другого положения нет и быть не может» и далее, что «марксизм ставит все вопросы на историческую почву не в смысле одного только об'яснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего».

Далее мы считаем, что настоящий труд является пока лишь попыткой обобщающего, синтезирующего порядка. Разбираемый вопрос исключительно сложен: поэтому понятно, что ряд глав требует дальнейшего анализа, дальнейших уточнений и дополнений. Автор стремился строить архитектонику настоящего труда таким образом, чтобы каждая глава, будучи тесно связана с другой в отношении идейно-теоретическом, в то же время представляла собой по возможности самостоятельное и законченное исследование.

Основная сложность вопроса видна, например, из того факта, что еще не было ни одной большой войны, начиная хотя бы с войн 1866—1870 гг., чтобы эта война уже с самого начала не внесла ряд коренных, кардинальных изменений в те предположения оперативно-стратегического характера, которые были установлены и разработаны непосредственно перед данной войной.

Каждая новая война ставила ряд сложных, совершенно новых проблем, которые нужно было и решать по-новому. Политики и полководцы, несмотря даже на свою талантливость и прозорливость, так и не могли в конце концов ясно предвидеть, во что же выльются события начального периода войны.

Особенно наглядно это видно из опыта последней Мировой империалистической войны 1914—1918 гг., характер, продолжительность и финал которой по-настоящему предвидели на основе научного марксистского метода лишь Энгельс и великие ученики Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин.

Вся работа в целом преследует основную цель так изучить и использовать опыт прошлого, чтобы было как можно меньше шансов к повторению уже сделанных ошибок. Насколько это нам удалось, судить будет читатель; автор весьма старательно и усердно стремился достигнуть этого в данном труде, работать над которым начал в 1930 году.

Путеводной звездой для всей этой работы были мысли, высказанные тов. Ворошиловым, что «от начальствующего состава требуются знания и уменье эти знания приложить к конкретным зада-

чам повседневной практической работы. Начальствующий состав должен быть во всеоружии революционного учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, крепко помня, что нет такого участка практической работы в Красной армии, где можно обойтись без марксистско-ленинской теории».

В другом месте тов. Ворошилов говорит: «Все решает человек. И на самолете, и в танке, и на лошади, и с химией, и без химии — везде человек. Без людей вообще ничего не делается, без людей нет армии. Поэтому от нас, от командиров и политработников, зависит все в строительстве Красной армии».

Творческая фантазия не только необходима при разработке плана стратегического развертывания, но еще более она нужна в управлении современными массами людей и современной сложной техникой, она неотъемлемая данная каждого культурного военачальника, полководца. Но там, где в основе этой творческой фантазии не лежит реальность будущего, там получается скачок в неизвестность. Творческая фантазия должна работать в полном контакте с опытом конкретной науки, ее выводов, ее фактических расчетов, подсчетов, чтобы не было этого скачка в неизвестность.

На творческом научно-исследовательском пути приходится также вести непрерывную ожесточенную войну, преодолевая сопротивление «противника» в виде разнохарактерного, разнообразного материала, подчас противоречивого, фальшивого, подтасованного, фальсифицированного. И надо много упорного труда, чтобы найти убедительную и конкретно-проверенную фактами, цифрами, расчетами истину.

В настоящем труде, который является анализом более чем тридцатилетней работы генеральных штабов важнейших капиталистических государств по вопросу планов стратегического развертывания армий, читатель найдет синтезированный исторический материал по целому ряду важных вопросов.

Этот материал показывает, что:

1. План стратегического развертывания армий, т. е. занятие исходных районов для наступления, хотя и разрабатывается в период до войны, но он должен быть максимально прозорливым, всесторонним и гибким. Ибо в мирное время задолго до войны все детали предусмотреть нельзя. Уже в начальный период войны живая действительность вносит целый ряд корректив, а поэтому план должен целесообразно и быстро воспринимать происходящее и на ходу перестраивать многие вопросы. Опыт последних десятилетий говорит, что ни один план стратегического развертывания армий не был целиком и полностью осуществлен и проведен в начальный период войны, как это полагали генеральные штабы в мирное время. В этом отношении не вредно помнить интересные мысли, высказанные одним из военных теоретиков германской буржуазии в области стратегии и тактики ген. Шлихтингом. Он пишет: «Стратегия не есть постоянная наука, как, например, математика

с ее суммой углов в треугольнике, или астрономия, даже с ее гипотезой Лапласа. Она вытекает из условий эпохи и из предоставляемых последнею боевых средств. Методы ее подвергаются постоянным изменениям. Поэтому, кто хочет ограничиться практическими целями, тому всего лучше обосновать свои взгляды на будущее на изучении ближайшего прошлого. Данную теорию всего лучше можно извлечь из новейшей военной истории...» [1]).

2. Мертвечина, деревянность, односторонность, как говорит многообразный опыт, — являются самыми злейшими врагами плана стратегического развертывания, который должен быть целеустремленным и в то же время насквозь пропитанным диалектикой действительной жизни.

3. Предстоящие империалистические войны в Европе, Азии, Америке уже не будут официально об'являться [2]) со всеми формальностями, как это было в августе 1914 г.; в войну будут «вползать» с основной мыслью внезапным ударом сорвать мобилизацию противника, нарушить его планы сосредоточения и развертывания его войск, глубоко вторгнуться в территорию противника, с тем чтобы дать возможность лучше развернуть свои силы 2-го отмобилизованного эшелона, памятуя, что 1-м эшелоном является «армия прикрытия», расположенная в мирное время где-то вблизи государственной границы с максимальной мобилизационной готовностью.

Из настоящего труда читатель наглядно увидит, что современная «армия прикрытия» есть в то же время «армия вторжения».

Читатель найдет разнообразный материал о тех прогнозах, которые давались видными военными и политическими авторитетами буржуазии до 1914 г. в отношении длительности предстоящей войны, их промахи и ошибки в этом вопросе, имеющие огромное принципиальное значение. Ошибки генеральных штабов и

---

[1]) Шлихтинг. Основы современной тактики и стратегии, стр. 2. Подчеркнуто нами. Вл. М.

[2]) В настоящее время в западноевропейской литературе мы часто видим, как продолжает дебатироваться вопрос, будет ли новая ближайшая война об'являться так же, как, скажем, это было в августе 1914 г., или же она начнется внезапно без всякого об'явления. История нам дает убедительный материал. Факты официального об'явления войны фиксируются на ее страницах, как исключение, зато отсутствие этих фактов является чуть ли не правилом. Достаточно указать, что только за период с 1700 по 1870 г. в Европе и Америке было 110 (сто десять!) случаев, когда не было никакого предварительного об'явления войны. А если мы возьмем период с 1870 г. и по сегодняшнюю японо-китайскую войну в Манчжурии, то к этим 110 случаям надо будет прибавить еще несколько десятков фактов, которые все вместе убедительно говорят лишь об одном, что армия должна быть постоянно готова по первому сигналу правительства перейти с мирного состояния на мобилизационно-боевое. Постоянная готовность к быстрой и четкой мобилизации есть лучший показатель боеспособности данной армии; так диктует многообразный, убедительный и конкретный опыт военной истории.

их руководителей в определении длительности предстоящей Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. влекли за собой ошибки в подготовке к этой войне. Большинство рассчитывало, что война, вспыхнувшая в августе 1914 г., закончится в начале 1915 г., а она затянулась на четыре года, вызвав невиданное напряжение сил у обеих империалистических коалиций и закончившись революциями в ряде стран.

Например, по современной теории воздушных экстремистов типа Дуэ, Пьер Фора, Гельдерса и других предстоящая война между империалистическими государствами Европы может быть закончена в несколько часов, в то время как противники этих теорий из лагеря же буржуазии, как увидим из нашего труда, полагают, что предстоящая война будет длительной и еще более ожесточенной и напряженной, чем война 1914—1918 гг. И в то время, как отдельные военные теоретики буржуазии Фуллер, Лиддель-Гарт, Сект, Зольдан и другие полагают, что для решения будущей войны в пользу буржуазии достаточно иметь небольшую, классово-отобранную, прекрасно технически оснащенную, вооруженную и обученную профессиональную армию, в это же время другая часть военных теоретиков и практиков современной империалистической буржуазии считает, что будущая война призовет под знамена и к действию миллионные массы, потребовав быстрого перехода всей промышленности на рельсы войны, всилу чего вся страна в целом окажется в лапах войны.

Новая военная техника, естественно, внесла целый ряд новых приемов, методов, способов в проблему стратегического развертывания. Борьба за право развернуться по ранее намеченному плану в будущей войне, в связи с появлением новых мощных ВВС (военно-воздушных сил), нового химического оружия, мотомеханизированных войск, новой модернизированной конницы и пехоты, обильно оснащенной автоматическим оружием, будет особо ожесточенной. Иными словами, борьба за стратегическое развертывание в начальный период войны будет иной, чем то было в августе 1914 г. на всех основных вооруженных фронтах двух империалистических коалиций (Антанта и Четверной союз).

Эта новая сложная военная техника, как увидим из настоящего труда, уже в последние годы Мировой войны 1914—1918 гг. имела «зерно», «зародыш» для дальнейшего развития современной операции и тактики.

Читатель наглядно увидит, что если глубина полосы стратегического развертывания вблизи государственной границы в августе 1914 г. на всех фронтах империалистической войны ограничивалась 50—80 километрами, то в современный период развития военного искусства эта глубина увеличилась в несколько раз. Военные писатели современной империалистической буржуазии считают, что 300—400-км зона от переднего края государственной границы на главных направлениях ударных армий с первого же дня войны превратится в поля ожесточенных сражений, где будут

энергично действовать современные мощные ВВС, мото-мехвойска, модернизированная конница, авиадесанты и пр. Все эти новые военные факторы входят в современную «армию вторжения», имеющую уже в мирное время максимальную мобготовность для активных и решительных действий.

Но имеется ряд авторов, которые считают, что эта приграничная полоса в 300—400 км будет не больше не меньше как «мертвой» для стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил и средств, так как современные военно-воздушные силы вместе с новым химическим оружием с первого же момента войны превратят эту полосу в 300—400 км в хаос и разрушение. Будет правильным считать, что развитие современной военной техники дает куда более благоприятные перспективы к выносу стратегического развертывания вперед, чем к тому, чтобы a priori оставлять эту полосу без должного внимания.

Надо только хорошенько изучить опыт 1918 г. на франко-британском фронте, чтобы видеть, что при значительной насыщенности противника боевой авиацией, при наличии у него химического оружия все же Людендорфу удалось сосредоточить непосредственно перед расположением противника на 70-км фронте огромные силы, когда на каждый километр фронта приходилось 1 дивизия, 100 орудий, 120 самолетов. Мало того, сосредоточив и развернув эти силы, Людендорф сумел нанести внезапный удар и в первые дни потрясти стратегический фронт англо-французов; примерно тоже самое сделал в июле 1918 г. в районе Виллер-Коттере маршал Фош. Он нанес внезапный мощный удар, не допустив в период сосредоточения и развертывания сил и средств для этого мощного удара ни одного неприятельского самолета над своим расположением (т. е. устроил так называемый воздушный забор, через который не удалось проникнуть противнику для того, чтобы ему посмотреть, заснять фото или побомбить жизненные пункты и районы). Но кроме изучения опыта Мировой войны 1914—1918 гг., достаточно хорошенько посмотреть, что именно делается в полосе государственных границ современных буржуазных государств хотя бы размером в 100—150 км глубины, где уже возведены и возводятся стоящие огромных денег новые укрепления, чтобы не поверить в возможность осуществления этой теории «мертвой» 300—400-километровой полосы от переднего края государственной границы.

Кроме того, если взять глубину территории любого современного государства Европы, то цифра 300—400 км говорит о том, что эта полоса покрывает собой любую столицу буржуазного государства; всилу этого недаром современные генеральные штабы буржуазии больше говорят не о «мертвой пустыне» приграничной полосы, а об организации мощного военно-воздушного флота, который своими заранее разработанными авиа-контратаками, вместе с ПВО, мероприятиями по быстрому восстановлению разрушений даст широкую возможность выносить стратегическое развер-

тывание вперед и гибко маневрировать районами сосредоточения и развертывания для внезапного удара.

Лозунг, что будущая война будет быстроподвижной, маневренной остается, как и в предвоенный период Мировой империалистической войны 1914—1918 гг., господствующим у подавляющей части военных писателей буржуазии.

Они считают, что борьба за маневренный характер войны должна быть особо настойчивой и решительной. Позиционный характер войны с долголетним сидением в окопах, с протяжением этих окопов от моря до моря, как это было в войне 1914—1918 гг., исключается.

Они считают, что такая война быстро вызовет революционные взрывы и на фронте и в тылу фронта у широких масс мобилизованного и немобилизованного населения, которые на данном этапе исторического развития стали политически ненадежны для защиты дела капиталистической буржуазии. Другое дело — наступательная маневренная война: она все же дает больше шансов удержать диктатуру буржуазии против многомиллионного пролетариата и трудящегося крестьянства капиталистических стран.

Настоящий труд своим фактическим материалом покажет тот военно-теоретический тупик, в который зашла современная оперативно-стратегическая мысль буржуазии в период мирового экономического кризиса капитализма.

Будет ли правильным констатировать, что идейное содержание современного военного искусства империалистической буржуазии также переживает тяжелый, затяжной кризис? Твердо полагаем, что да; конечно, это вовсе не значит, что фашистская буржуазия не может двинуть свои полки-дивизии в бой; это она может сделать и сделает, для чего сейчас усиленно совершенствует свою военную технику и тщательно готовит свои классово-отобранные военно-обученные кадры. Но говоря так, мы должны постоянно не забывать основное, решающее, а именно, в чьих руках находится данное наступление или оборона, кто их действительно своей массой выполняет, так как будущая большая война мыслится, как война массовая, многомиллионная, т. е. с миллионами бойцов на фронте и миллионами людей, готовящих в тылу все необходимое для жизни и боя действующей армии.

Нельзя ни на секунду отрывать живые силы, их подготовку от боевых технических средств, которыми они пользуются как средством для достижения поставленных целей.

Нельзя забывать и того факта, что современные массовые армии уже в период мирного времени имеют могучий жизнедеятельный зародыш с определенной тенденцией в будущем окрепнуть и вырасти в гигантскую силу, в решающий фактор; этот зародыш — перерастание империалистической войны в войну гражданскую. Этот классовый фактор, этот зародыш великолепно чует и понимает современная буржуазия, пытающаяся формировать строго классовые фашистские войска, но в то же время не имеющая воз-

можности игнорировать многомиллионные массы трудящихся, за которыми остается последнее решающее слово.

Военно-теоретическая мысль буржуазии, несмотря на отдельные весьма талантливые головы, которые эту мысль создают, сейчас бьется изо всех сил, чтобы найти лучшие пути и тропы для дальнейшего продления буржуазной диктатуры на земле; в то же время она ясно видит как тот «призрак коммунизма», который только что начинал распространяться по Европе во времена Маркса—Энгельса, в настоящее время уже стал действительностью на целой одной шестой земного шара, стал реальной всемирно-исторической гигантской силой в лице Союза советских социалистических республик — отечества трудящихся всего мира, передовой ударной бригады мирового пролетариата.

Мало того, что Союз советских социалистических республик существует уже 17 лет, имеет огромные, невиданные победы во всех областях социалистического строительства, он к тому же территориально лежит как раз на границах и путях Европы и Азии, каждодневно все более и более притягивая к себе симпатии и любовь эксплоатируемых и порабощенных многомиллионных масс капиталистических стран.

Империалистическая буржуазия и ее военные вожди и теоретики в первую голову стараются разрешить наиболее для них насущную проблему победоносной борьбы с СССР, их мучает этот вопрос, ответ на который они получили в докладе тов. Сталина на XVII с'езде ВКП(б).

И можно без преувеличения сказать, что прогноз тов. Сталина безусловно увеличил те муки творчества, которые переживает современная военно-теоретическая мысль империалистической буржуазии.

Этот прогноз следующий.

«Они (империалисты. В л. М.) думают разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что же из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на-смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией». Одна такая война

против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу — «нашествие 14 государств». Вы помните, конечно, что эта война сплотила всех трудящихся нашей страны в единый лагерь самоотверженных бойцов, грудью защищавших свою рабоче-крестьянскую родину от внешних врагов. Вы знаете, чем она кончилась. Она кончилась изгнанием интервентов из нашей страны и созданием революционных «Комитетов действия» в Европе. Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран.

Таковы военные планы запутавшихся буржуазных политиков. Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью» [1]).

Наиболее дальновидные военные теоретики современной империалистической буржуазии ясно понимают всю силу и правоту этого исторического прогноза тов. Сталина, но от этого, конечно, им не легче. Буржуазия в ближайший период времени все же будет вынуждена ходом исторического развития испробовать свои силы и способности через активную вооруженную борьбу. Известно, что до Мировой войны 1914—1918 гг. империалистический мир знал о гениальном прогнозе Энгельса о будущей войне и ее результатах (см. «Введение» нашего труда). Этот прогноз в значительной степени, как говорит Ленин в своей статье «Пророческие слова», оправдался. Но это все же не помешало капиталистам начать первую мировую империалистическую войну, без которой их существование немыслимо. Так будет и в данном случае. Поэтому тов. Сталин и подчеркнул, что «дело явным образом идет к новой войне» [2]). И если это случится, то пролетариат и трудящееся крестьянство всего мира хорошо помнят вещие слова нашего величайшего гения Ленина:

«... Школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это — тяжелая школа, и полный курс ее неизбежно содержит в себе победы контрреволюции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы, забитые, тупые, невежественные, и которая ведет к величайшим историческим подвигам рабов, сознавших позор своего рабства» [3]).

Этими мыслями Ленина и Сталина мы стремились пропитать весь I том настоящего труда и к этому же вопросу мы особо вер-

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 547—548.
[2]) Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 544 (подчеркнуто нами. Вл. М.).
[3]) Ленин, том XII, стр. 305.

13848 1948

БИБЛИОТЕКА КИЭЛ при ЦК ВКП(б)

немся во II томе нашей работы, где рассматриваем и анализируем проблему стратегического развертывания в эпоху нашей гражданской войны 1918—1920 гг. и те новые оперативно-стратегические вопросы, которые оформляются в настоящее время в армиях капиталистических стран на восточно-европейском и дальневосточном театре военных действий.

В настоящем же I томе мы охватили вопросы планов стратегического развертывания, которые предшествовали мировой войне и были в ее финальный заключительный период (1918 г.), а также проанализировали те возможные оперативно-стратегические варианты развертывания, которые в новой политико-экономической, классовой и военно-технической обстановке могут сложиться на западном франко-бельгийском театре военных действий.

Но уже из заключительных глав настоящего I тома, посвященного главным образом Мировой империалистической войне 1914—1918 гг., ясно видны те тенденции, куда растет и перерастает проблема стратегического развертывания современных армий.

**
*

Автор приносит свою благодарность товарищам, выступавшим на диссертационной защите настоящего труда и давшим ряд ценных пожеланий, которые учтены при подготовке данного тома к печати.

Так, например, исходя из этих пожеланий, во втором разделе «Введения» мы попытались дать краткую теорию вопроса по данной проблеме. Но нужно отметить, что целый ряд вопросов теоретического порядка будет освещен во II томе, в котором найдут свое место и общие выводы из мировой империалистической и гражданской войны по анализируемой нами проблеме.

ВВЕДЕНИЕ

I

В трудах великих основоположников научного социализма Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина мы находим гигантское научное наследство, всесторонне анализирующее ряд исторических эпох и тех войн и революций, которые имели место в эти эпохи. Особенно богатый и поучительный научно-классовый анализ в их трудах мы имеем по войнам и революциям XVIII, XIX и XX столетий.

Лишь с помощью научных трудов Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина современный исследователь политических и военных явлений и событий может действительно правильно подытожить опыт национально-освободительных, империалистических и гражданских войн, дать научно-конкретное определение, что представляет собой данная война, какой характер она имеет и каковы основные источники, питающие данную войну.

Из трудов Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина становится совершенно ясно, во-первых, что «война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир» (Ленин) [1]), во-вторых, что марксисты не принадлежат «к числу безусловных противников всякой войны» [2]). Марксисты говорят: «наша цель — достижение социалистического общественного устройства, которое, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплоатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устранит всякую возможность войн вообще» (Ленин) [3]).

Лишь только в этом тезисе Ленина марксизм видит единственный путь для того, чтобы раз навсегда вырвать человечество из всяких войн.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, стр. 70.

[2]) Марксисты являются последовательными противниками реакционных войн капиталистов. Такими реакционными войнами являются войны империалистических государств между собой и против пролетарской революции и против стран, в которых строится социализм. Наоборот, марксисты говорят, что «пролетариат поддерживает и ведет национально-революционные войны и войны социализма против империализма и организует оборону национальной революции и государств пролетарской диктатуры» (тезисы VI Конгресса Коммунистического Интернационала).

[3]) Ленин, т. XXX, стр. 332.

Война есть продолжение политики и насквозь политика. «...Для современной истории, — говорит Энгельс, — было доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, так как всякая классовая борьба есть борьба политическая, — ведется в конце концов из-за освобождения э к о н о м и ч е с к о г о» [1]).

Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин постоянно учили и учат при анализе того или другого типа войн никогда не забывать о с н о в н о г о, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война возникла, какие классы ее ведут, какие классы ее подготовляли и направляли, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали. «Не разобравши этого, — подчеркивает Ленин, — мы все свои рассуждения о войне осудим на полную пустоту, на споры чисто словесные и бесплодные».

Ленин с особой силой подчеркивал, что для того, чтобы безнадежно не утонуть в бесцельных фразах и беспредметных спорах, надо всегда помнить, что:

«Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия» [2]).

Огромное количество времени и труда Энгельс посвятил тщательному и глубокому изучению военно-теоретических вопросов. Эта работа у него постоянно сочеталась с вдумчивым, всесторонним анализом особенно тех войн и революционных восстаний, которыми была богато насыщена эпоха XIX века. На его глазах произошла революция 1848 г., а на следующий год Энгельс лично активно участвовал в революционном восстании в Бадене и в Палатинете, он также является современником русско-турецкой войны 1853—1856 гг. (Восточная война), австро-итало-французской войны 1859 г., войны между Севером и Югом в Америке 1861—1865 гг., австро-прусской войны 1866 г., франко-прусской 1870—71 гг., русско-турецкой 1877—78 гг. и других, а также бессмертного 72-дневного революционного восстания Парижской коммуны.

Обо всех этих военно-политических событиях Маркс и особенно Энгельс в своих трудах оставили нам глубокий военно-политический и классовый анализ.

Незачем здесь особо оговаривать, что вся работа Энгельса над военными вопросами, в первую голову, исходила у него из основной мысли так обучить пролетариат в военном отношении, чтобы он в будущей пролетарской революции был бы во всеоружии военных знаний. А что эти военные знания настоятельно необходимы рабо-

---

[1]) Э н г е л ь с. Людвиг Фейербах. Партиздат 1933 г., стр. 49.
[2]) Л е н и н, том XXX, стр. 333.

чему классу Маркс и Энгельс наглядно видели хотя бы из тяжелого опыта революционного восстания парижского пролетариата в исторические дни марта—мая 1871 г.

В 1905 г. 35-летний Ленин, самый глубокий и блестящий знаток марксизма, в своей статье «Революционная армия и революционное правительство» писал следующее:

«Ни один социалдемократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений... Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе» [1]).

Ленин постоянно твердо следовал по пути своего учителя Энгельса и самым внимательным образом изучал историю и теорию военного искусства. И к моменту Октябрьской революции 1917 г. и нашей гражданской войны 1918—1920 гг. Ленин был во всеоружии военных знаний [2]).

Маркс и Энгельс неустанно подчеркивали, что в предстоящих революционно-классовых битвах за мировую коммунистическую революцию «революции придется с современными военными средствами и с современным военным искусством бороться против современных военных средств и современного военного искусства буржуазии». Иными словами, Маркс и Энгельс постоянно требовали внимательно следить за дальнейшим развитием военной теории и военно-технических средств истребления, внимательно изучать их, чтобы пролетариат не оказался к моменту решительной вооруженно-классовой борьбы отставшим в тех военных знаниях, которые будет к этому времени иметь буржуазия. Маркс и Энгельс еще задолго до Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. предвидели неизбежность грядущей всемирной войны. Еще в 1870 г. Маркс предсказывал, что политика «железного канцлера» Бисмарка твердо ведет к военному союзу между Францией и Россией, а отсюда и к неизбежности войны между франко-русской коалицией и Германией. Эту войну Маркс и Энгельс ожидали с особым вниманием, так как они считали, что нанесение через эту войну удара по царской России будет толчком к обострению классовой борьбы в Европе и к революции в России. В ту эпоху, — эпоху домонополистического капитализма, — Маркс и Энгельс рассматривали войну против царской России как прогрессивную, положительную для завершения буржуазно-демократических преобразований в Европе.

«Если не считать Германии и Австрии, — писал Энгельс в 1875 г., — то страной, за которой нам надо наиболее внимательно

[1]) Ленин, т. VII, стр. 384—385.

[2]) См. об этом нашу работу «Ленин в гражданской войне 1918—1920 гг.», журнал «Война и революция», январь—февраль 1934 г.

следить, остается Россия. Там, как и у нас, правительство—главный союзник движения, но гораздо лучший союзник, чем наши Бисмарк и Штибер-Тессендорфы... Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс. А если это совершится во время неизбежной войны между германо-прусской империей и Россией — что весьма вероятно, то неизбежно и обратное воздействие на Германию» [1]).

Во время войны 1877—78 гг. между Турцией и Россией Маркс и Энгельс всемерно желают скорейшего и основательного поражения для царизма, исходя из основной мысли, что «поражение русских очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве, а тем самым ускорило бы резкий перелом во всей Европе» [2]).

В 1885—1886 гг. Энгельс, анализируя военно-политическую обстановку в Европе и особенно на Балканах, твердо говорит, что «тут локализация войны становится невозможной». Политика Бисмарка должна быть направлена «либо к отпору России, и тогда — перспектива франко-русского союза и мировой войны, ...либо уступить России, т. е. предать Австрию». Затем, переходя к военному анализу армий обеих сторон, Энгельс дает свое чрезвычайно интересное мнение о буржуазных армиях того времени.

«Германская армия — безусловно лучшая из всех и обладает лучшим командованием, но она лишь одна из многих армий. Силу австрийцев учесть заранее невозможно, даже в военном отношении (я имею ввиду и численность и в особенности командование), — они всегда умели добиться поражения, располагая лучшими солдатами.

Русские, как всегда, обольщаются своими огромными на бумаге силами; они чрезвычайно слабы при наступлении и слабы при обороне собственной страны. Их наиболее уязвимое место... недостаток хороших офицеров, необходимых для командования несметными массами; страна не производит такого количества образованных людей. Турки — отличные солдаты, но высшее командование у них всегда жалкое, если не продажное...» [3]).

В другом месте Энгельс, разбирая операции в Азии, жестоко критиковал турецкую армию в период Восточной войны. Он писал: «Четыре или пять неудачных сражений в 1853 и в 1854 гг. в районе между Ахалцыхом и Баязетом сломили спайку и боевую энергию этих войск, а отсутствие одежды и продовольствия в зимние месяцы окончательно разложили их... В глазах невежественных, завистливых и интригующих пашей авантюристы могли сойти за первоклассных деятелей, а с действительно полезными людьми... обращались как с авантюристами» [4]).

---

[1]) Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 96.
[2]) Там же, стр. 381.
[3]) Там же, стр. 360.
[4]) Маркс и Энгельс, т. X, стр. 586.

Эта точка зрения на турецкое командование не изменилась у Энгельса и после войны 1877—78 гг.

«Об итальянцах можно с уверенностью сказать, что при равной численности сторон они будут разбиты любой другой армией» [1]). В свете опыта Мировой войны 1914—1918 гг. эти мысли Энгельса являются такими же пророческими, как и его гениальный прогноз о характере будущей всемирной войны.

Тщательно изучая войны и революции эпохи XVIII и XIX столетий, Энгельс с гениальной прозорливостью определил, какой может быть после эпохи австро-прусской (1866 г.) и франко-германской (1870—1871 гг.) войн и революций 1848 г. и Парижской коммуны — будущая война.

За 37—38 лет до начала Мировой империалистической войны, т. е. до августа 1914 г., Энгельс дважды особенно подробно высказал свои предположения о характере будущей всемирной войны. Из дальнейших глав нашего труда, когда мы будем рассматривать прогнозы о будущей войне наиболее выдающихся представителей буржуазных политиков и военных стратегов, мы наглядно увидим, как большинство их глубоко ошибалось в своих предложениях о будущей войне и как оказался прав Энгельс. В июне 1918 г. (т. е. почти за пять месяцев до окончания Мировой войны и Ноябрьской революции в Германии) Ленин писал об одном из этих прогнозов Энгельса: «Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт». И далее, анализируя мысли Энгельса о будущей войне, Ленин подчеркивал: «Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа... Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние» [2]).

Энгельс, конечно, не мог еще в условиях конца XIX века дать характеристику новой монополистической стадии капитализма и определить все те глубокие и существенные изменения, которые присущи этой новой эпохе и которые придали специфический империалистический, со всех сторон реакционный характер ожидаемой им всемирной войне.

В 1887 году Энгельс говорил:

«...Для Пруссии—Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и

---

[1]) Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 360.

[2]) Ленин, том XXIII, стр. 105, 106 (подчеркнуто нами. В. Л. М.).

об'едать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не об'едали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен; всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И, если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Не если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все же таки неизбежна» [1]).

В январе 1888 г. в своем письме к Зорге Энгельс писал:

«Война отбросила бы нас назад на годы. Шовинизм все потопил бы, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около пяти миллионов солдат или 10% населения, другие около 4—5%, Россия — относительно меньше. Но в действие были бы пущены от десяти до пятнадцати миллионов солдат. Хотел бы я видеть, как их прокормят. Опустошение было бы так же велико, как в Тридцатилетнюю войну. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на колоссальные военные силы. Ибо на северо-восточной и юго-восточной границах Франция защищена очень длинной линией крепостей, а Париж снабжен образцовыми укреплениями — стало быть, война затянулась бы долго, точно так же и Россию нельзя победить одним ударом. И если все пойдет по желанию Бисмарка, то на нацию будет возложено столько тягостей, сколько она раньше никогда не терпела, и вполне возможно, что отсутствие решающих битв и частичные поражения вызовут внутренний переворот.

---

[1]) Маркс и Энгельс. Письма. Соцэкгиз 1931 г., стр. 360 (подчеркнуто нами. Вл. М.).

Если же немцы с самого начала будут побиты или будут вынуждены на продолжительную оборонительную войну, тогда переворот уже несомненно наступит. А в этом случае, если война кончится без внутренних потрясений, то наступит такое истощение, какого Европа уже 200 лет не переживала. Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы всех нас перед выбором: либо вернуться назад к сельскому хозяйству и производить только для собственного потребления (так как всякое другое применение агрикультуры исключается американской конкуренцией на хлебном рынке), либо — социальный переворот. Всилу этого я думаю, что дело не доведут до крайности, а ограничатся только запугиванием войной. Но пусть только раздастся первый выстрел и буржуазные правительства потеряют сейчас же контроль над собой и все завертится» [1]).

Если мы обратимся к некоторым фактам и цифрам Мировой империалистической войны 1914—1918 гг., то увидим, насколько Энгельс оказался прав в своем вышеприведенном научном прогнозе, несмотря на то, что он высказал его почти за четыре десятилетия до августа 1914 г. После войны 1870—1871 гг. Энгельс наглядно видел продолжавшийся рост вооружений и огромных расходов на милитаризм во всех главнейших европейских государствах. И действительно, Великобритания, Франция, Италия, Россия и Австро-Венгрия только за период с 1870 по 1912 г. увеличили армии с 2 111 000 человек до 3 184 000 человек. Их расходы на армию и флот составляли:

за	1881—1890 гг. —	6 200 000 000 долларов
»	1891—1900 гг. —	7 800 000 000 »
»	1901—1910 гг. —	12 700 000 000 »

За четыре года Мировой империалистической войны было призвано под знамена в действующую армию 29 000 000 человек, а на изготовление разнообразной боевой техники разрушения было истрачено 50 000 000 т стали. Милитаризм забрал в свои кровавые лапы десятки тысяч различных фабрик и заводов и промышленных предприятий для снабжения гигантских вооруженных сил воюющих империалистических коалиций. Французский империализм полностью подчинил себе работу 15 500 частных предприятий, английский — 20 000, а в Германии для производства только орудий было приспособлено 536 частных заводов.

Из дальнейших глав нашего труда читатель наглядно увидит появление в процессе Мировой империалистической войны новых невиданных до этого отраслей промышленности, поставляющих в огромном количестве на театр военных действий новые орудия истребления — авиацию, танки, химическое оружие и пр.

---

[1]) Маркс и Энгельс. Письма, стр. 360—361 (подчеркнуто нами. Вл. М.).

Мировая империалистическая война, дав огромные прибыли кучке капиталистов, наживавшихся на различных поставках для войны, нанесла громадный ущерб всему народному хозяйству воюющих государств, разорив и обескровив огромные многомиллионные трудящиеся массы. 10 000 000 убитых, 20 000 000 раненых (по данным американского статистика и экономиста Стюарта Чэйза), миллионы людей, погибших от всевозможных эпидемий и болезней, грандиозные разрушения на фронте и в тылу — таковы краткие итоги мировой империалистической бойни, которая бросила целые народы в лапы одичания, нищеты и варварства. И прав оказался Энгельс, говоря, что короны будут валяться на земле. Революции в России, Германии, Австро-Венгрии сбросили коронованных владык этих государств.

«Только один результат (всемирной войны. В л. М.),—говорит Энгельс, — абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса». И он оказался прав, диктатура пролетариата твердо победила на целой одной шестой земного шара, нанеся тем самым еще один могучий удар по издыхающему современному капитализму.

«Мировой перелом совершился, — добавляет к гениальному прогнозу Энгельса гениальный Ленин, — эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончена. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры».

Если Энгельс дал прогноз о характере будущей войны, то еще никто другой с такой изумительной четкостью, ясностью и всесторонностью не разработал вопроса о сущности, характере, источниках, «зачинщиках» и виновниках Мировой империалистической войны 1914—1918 гг., как это сделал Ленин. Ленин дал в своих многочисленных трудах огромный синтезирующий и обобщающий материал по всем этим вопросам.

На протяжении всей нашей работы гениальное ленинско-сталинское учение о Мировой империалистической войне 1914—1918 гг. являлось для нас тем могучим маяком, который освещал нам путь и выводил нас на верную дорогу, в то время, когда мы пытались научно-критически анализировать тот или другой вопрос в планах империалистических государств в эпоху Мировой войны 1914—1918 гг.

Как известно, Маркс и Энгельс вели свою революционно-творческую работу в период домонополистического капитализма. Энгельс умер в 1895 г., Маркс еще ранее, в 1883 г., а потому совершенно правильно говорит тов. Сталин, что они могли лишь строить научные предположения... «о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбы-

та и вывоза капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния» [1]).

И когда представители первой американской рабочей делегации спросили в их беседе с тов. Сталиным, какие именно «новые принципы» Ленин «прибавил» к марксизму, то тов. Сталин ответил, что «никаких новых принципов» Ленин не «прибавлял» к марксизму, так же, как Ленин не отменял ни одного из «старых» принципов марксизма. Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма».

И далее тов. Сталин указал, что «Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса—Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит?... Это значит, что развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, причем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций» [2]). В свете этих высказываний и положений тов. Сталина становится еще более ясной та ожесточенная борьба Ленина с оппортунистами различных мастей, которую он вел против всяких попыток перенести взгляды Маркса и Энгельса на тот или иной тип войны (скажем, оценка опыта войны 1870—71 гг.) — на современную империалистическую войну 1914—1918 гг.

Ленин говорил: «Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома и К° искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870—71 гг. была исторически прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии) Маркс и Энгельс решительно осудили немцев», а потому, — добавляет Ленин, — «перенесение оценки этой войны буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной на современную и империалистическую войну есть издевательство над истиной».

Одновременно с этим Ленин жестоко бичует социал-шовинистов типа Каутского, Плеханова и им подобных, желавших оправдать свое предательство интересов рабочего класса тем положением, что виновником и зачинщиком в империалистической войне 1914—

---

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 170.
[2]) Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 169.

1918 гг., с точки зрения Каутского, были Англия и Франция, а с точки зрения Плеханова — Германия.

Ленин бичует обе эти точки зрения, как исторически совершенно не соответствующие реальной действительности, как фальсификацию, как «теории», пытающиеся оправдать предательскую роль по отношению к рабочему классу со стороны международного оппортунизма во время империалистической войны.

Ленин писал: «Мы знаем, что десятилетиями трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России и Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника напали раньше, чем трое успели получить заказанные ими новые ножи... Разве это не удивительно, когда фразами о зачинщиках замазывают всеми социалистами бесспорно и единогласно признанную одинаковую «виновность» буржуазии всех стран».

Давая этот блестящий научно-классовый анализ сущности империалистических войн XX столетия, Ленин не случайно взял в кавычки слово «виновность». Он этим самым лишь еще раз хотел подчеркнуть ту закономерность, о которой в другом месте высказался следующим образом:

«Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, причем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти войны порождаются затем беспрерывными вооружениями, вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса...

Таким образом, войны коренятся в самой сущности капитализма, они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй».

Это основное ленинское положение о сущности империалистической войны, о ее классовом характере, об исторических и историко-экономических причинах, которые ее вызывают, направляют и питают, заставили Ленина в самом начале Мировой войны 1914—1918 гг. выдвинуть могучий стратегический и тактический революционно-классовый лозунг, который стал знаменем современной эпохи. Об этом лозунге Ленин сказал так:

«Превращение современной империалистической войны в войну гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (в 1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высокоразвитыми буржуазными странами».

Опыт первой Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. наглядно показал, насколько могуч и жизнедеятелен этот великий лозунг Ленина. Тов. Сталин, анализируя в своем докладе на XVII с'езде большевистской партии четыре возможных варианта планов войны современных империалистических государств, еще раз подчеркнул, что все эти империалистические пла-

ны и варианты в конце концов окончатся революционно-классовой гражданской войной. Иначе быть не может, ибо современное человечество и весь мир живут в период новой главы всемирной истории, в период эпохи пролетарской диктатуры.

II [1])

Современный план войны проникает во все поры государственного организма, обнимая собой все политические, экономические, хозяйственные, классовые, оперативно-стратегические и военно-технические вопросы. Всилу этого будущая война, как и война 1914—1918 гг., захватит в свои руки буквально все государство в целом.

План войны, по своей сущности, относится к области стратегии, которая охватывает собой все вопросы подготовки данного государства к обороне и ведению войны и руководства ею.

А поэтому пытаться в одной книге охватить все содержание и все стороны современного плана войны не представляется возможным; ниже мы будем говорить об одной очень важной части плана войны — о стратегическом развертывании вооруженных сил и средств и главным образом на сухопутном театре военных действий.

Основная цель нашей работы — попытаться выяснить, какие главные этапы в своем развитии стратегическое развертывание прошло на протяжении последних десятилетий, какие оно претерпело видоизменения, чем оно стало сейчас и какова тенденция в его дальнейшем развитии у капиталистических государств.

Понятие — развертывание вооруженных сил и средств существует в истории военного искусства с незапамятных времен.

Развертывание сил и средств есть термин не только стратегический, так как он имеет свое место и в тактике и в оперативном искусстве. Здесь вопрос заключается лишь в масштабе, в степени, т. е. какие именно количественно силы и средства надлежит развертывать (полк, дивизию, армию, группу армий, входящих во фронт и т. д.) на протяжении и в глубину данного фронта, данного театра военных действий.

И это вполне естественно, так как невозможно отделить непроходимой стеной в искусстве ведения войны, операции и боя такие понятия, как стратегия, оперативное искусство и тактика.

Если мы обратились бы к трудам и опыту наиболее крупных теоретиков и практиков военного дела, то воочию увидели бы, что ни один из них не говорит, что между стратегией и тактикой находится водораздел или стена. Вернее, эти высказывания еще раз со всей своей силой подтверждают гениальные ленинские мысли о диалектическом единстве общего и частного. В своем фрагменте о диалектике Ленин пишет: «...Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в от-

[1]) Этот раздел написан в ином плане, чем то было в литографированном издании настоящего труда.

дельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» [1]).

Обратимся к фактам. Например, Наполеон не раз говорил, что под стратегией он понимает «большую тактику» театра военных действий, в то время как просто тактика есть бой. Существенной разницы между этими обоими понятиями, т. е. большой тактикой (стратегией) и тактикой, он не замечал, а разницу видел лишь в степени. Как бы дополняя эту мысль, Клаузевиц говорит, что «стратегия указывает, как пользоваться боем в видах достижения целей войны; она, следовательно, обязана поставить всей войне цель окончательную, соответствующую целям войны. Стратегия составляет план войны, предположения отдельных кампаний и распоряжения в них отдельными сражениями. В своих высших сферах стратегия граничит с политикой и искусством государственного управления или, вернее, вмещает в себе то и другое. Итак, согласно нашему делению тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия — учение об использовании боев в целях войны» [2]). Детализируя эти два вышеприведенные положения, Мольтке-старший пишет: «Стратегия указывает выгоднейший путь к бою и когда он должен быть дан; тактика же — лучший способ употребления различных родов войск, т. е. как бой должен быть веден».

Шлихтинг, этот один из популяризаторов разницы между наполеоновскими и мольтковскими приемами и способами ведения войны и боя, пишет: «Сущность стратегии заключается в организации раздельных движений при условии обеспечения своевременного сосредоточения сил для удара в выбранном направлении».

Известный германский военный писатель, активный участник войны 1866 и 1870 гг., Бернгарди говорит: «То, что мы понимаем под тактикой и стратегией, так незаметно сливается друг с другом, что провести границу между ними не представляется возможным. Сосредоточение и операция относятся к области стратегии, а ведение боя — к области тактики». Наконец, Фрунзе, исходя, из положения Сталина, которое мы дали эпиграфом ко всей работе, пишет: «Тактика и стратегия это явления одного порядка, качественного различия между ними нет; есть только различие количественное. Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ей служащая, ею определяемая».

Как видим, здесь варьируется одна и та же мысль, которая выведена и проверена своеобразным опытом каждого из высказывавшихся выше.

---

[1]) Ленин, том XIII, стр. 303.
[2]) Клаузевиц. О войне. Гиз. 1934 г., стр. 67.

В основном каждый из авторов считает, что стратегия должна выбрать решающее направление, искусно подвести войска в возможно больших силах к исходной линии для операций (действий) и организовать успешный бой.

То же самое относится и к оперативному искусству, т. е. ведению армейских операций. Новый самостоятельный термин оперативное искусство стоит на грани между современной стратегией и тактикой. Этот термин не случаен, он является закономерным в развитии военного искусства. Например, в наполеоновское время достаточно было одной армии и одного генерального сражения (боя), происходившего на ограниченной по размерам площади по фронту и в глубину (Маренго, Ульм, Ваграм, Аустерлиц, Бородино и т. д.), чтобы успешно или неуспешно закончить целую кампанию, а подчас и войну. Во времена Мольтке-старшего поле сражения увеличилось во много раз, оно представляло собой ряд самостоятельных боев (сражений), которые вели частные армии (2—3—4) [1]) по общему плану и под общим руководством (ординарцев Наполеона заменил в основном телефон, а в русско-японскую войну телеграф и телефон). Сражения (бои) с каждой новой войной все более расширялись по фронту и в глубину благодаря росту и совершенствованию техники и росту численности армий. Например, Марнская операция 1914 г. в отношении численности войск, площади сражения (боев), длительности и потерь, во много раз превосходит Бородинскую (1812 г.) или Седанскую операцию (1870 г.). Но Мукденская операция (февраль 1905 г.) была уже показательной и являлась как бы предтечей, прообразом к Марнской операции 1914 г., конечно, значительно уступая ей во всех отношениях. В Мукденской операции участвовало 300 000 бойцов и 1 000 орудий на каждой стороне, пулеметов у японцев было 200, у русских 60, площадь достигала около 100 км по фронту и 60 км в глубину; решительные бои продолжались 14 дней; иными словами, лишь в количестве боевых дней Марнская операция уступает Мукденской (14 и 9 дней). По остальным же моментам «Марна» превосходит «Мукден»: в отношении количества бойцов в два с половиной—три раза с каждой стороны, орудий в пять—шесть раз, пулеметов в шесть—семь раз (для японцев) и двадцать раз (русских), по площади: в три раза больше по фронту и в два раза в глубину. Количество частных армий в Марнской операции было в полтора—два раза больше, чем в Мукденской. Таким образом каждая частная армия, имея свой фронт и глубину, ведет ряд последовательных сражений (боев) по цели и направлению, которые об'единяются армейским командованием (планом) в операцию (армейская операция). Всилу этого, например, чтобы уничтожить живую силу армий противника в Марнской операции 1914 г. был организован с обеих сторон ряд об'еди-

[1]) 3 августа 1870 г. 500-тысячная армия германцев в полной боевой готовности стояла на границе. Эта масса развернулась в трех группах на фронте в 150 км и в глубину в 110 км.

ненных операций, примерно, по шесть многочисленных армий (по 100 и более тысяч каждая) на 300-км фронте с глубиною более 120 км. Отсюда армейская операция органически входит во фронтовую операцию, где несколько армий (3—5), об'единенные под одним командованием, образуют фронт, который и ведет операцию данного фронта. Поэтому изменился по сравнению с наполеоновско-мольтковским временем театр военных действий: если тогда действовала одна армия (Наполеон) или три армии (Мольтке), то теперь театр военных действий составляет обычно несколько фронтов (2—3—4 и т. д.), которыми руководит стратегия главного (верховного) командования.

Отсюда ясно, что нельзя проводить водораздела или строить стену между стратегией и оперативным искусством, так как здесь одно вытекает из другого, дополняя друг друга, т. е. так же как оперативное искусство и тактика.

Исходя из анализа теоретических положений и опыта войн, мы можем под термином «стратегическое развертывание сил и средств» понимать развертывание войсковых единиц (соединений) на всем театре военных действий т. е., когда эти войска, приняв соответствующую группировку, заняли исходное положение для открытия военных операций.

Развертывание группы армий, вошедших в состав данной фронтовой организации (фронтовое командование), также будет являться стратегическим развертыванием данного фронта.

Термин оперативное развертывание по своему масштабу и по кругу вопросов в него входящих относится к организму данной армии (армейское командование), действующей в составе данного фронта, в то время как тактическое развертывание относится к войсковым единицам, начиная с корпуса и ниже.

Если невозможно провести водораздела между стратегией, которая обнимает собой понятие операций ряда армий (отдельно действующих или сведенных в группу или во фронт под одним командованием) на театре военных действий и оперативно-тактическим искусством, то нельзя отрывать друг от друга и проводить водораздел между мобилизацией, стратегическим сосредоточением и развертыванием.

План мобилизации (т. е. приведение армии из мирного состава в военный), план стратегического сосредоточения (т. е. сбор вооруженных сил в ранее намеченные планом войны районы театра военных действий), план стратегического развертывания (т. е. группировка и занятие войсками исходного положения для определенных операций на театре военных действий) — все это единое целое, вытекающее друг из друга, находящееся друг в друге и имеющее устремление к одной основной цели искусного ввода войск в первое большое пограничное сражение. Сюда же относится план устройства тыла (т. е. эшелонирование в глубину всего театра войны различных запасов, обеспечивающих действующую армию всем необходимым для ее

жизни — продовольствие, фураж, — ведения боя — огнеприпасы, горючее — и обслуживания ее санитарных нужд), который бы обеспечивал армиям свободу маневра и безопасность в тылу [1]).

Термин «стратегическое развертывание» существует и принят в ряде западно-европейских армий; в немецкой военной литературе он обозначен как strategischer Aufmarsch, или просто Aufmarsch, во французской déploiement strategique или Le plan de concentration, в австрийской Aufmarsch, причем достаточно ознакомиться с содержанием тех конкретных военно-исторических фактов, которые описываются в главах Le plan de concentration [2]) или Mobilisierung und Aufmarsch 1914 г. [3]), чтобы притти к заключению, что в них речь идет о сосредоточении и распределении войсковых сил и средств на исходной линии данного фронта для определенных действий, т. е. для стратегического развертывания.

Но следует здесь заметить, что стратегическое развертывание вооруженных сил и средств и их планирование принято считать только прерогативой начального периода войны, к нему обыкновенно и относят этот термин. Имея ввиду, что стратегическое развертывание в 1918 г. на западно-европейском театре военных действий с его многомиллионными людскими силами и огромной военной техникой, опиравшейся на укрепленные районы и полосы, крайне поучительно для современных условий развертывания, мы его также исследуем в настоящей работе [4]).

Мало того; как подсказывает опыт войн, не успеет закончиться данная война, не высохнут еще чернила на так называемых «мирных» договорах, как сейчас же начинается подготовка к новой войне и проектирование стратегического развертывания вооруженных сил для новых войн и в новых условиях. Например, не успел замолкнуть последний выстрел на полях Франции в 1870—71 гг., как Мольтке приступил к составлению нового плана стратегического развертывания против России и Франции [5]), а затем, до момента своей отставки (1888 г.) вносил в него ежегодно и даже чаще новые поправки и составлял новые варианты; это же делали его преемники Вальдерзее, Шлиффен, Мольтке-младший. То же самое было

---

[1]) В своей работе «Тыл и снабжение действующей армии» Н. Сулейман правильно подчеркнул, что «войска в бою — хирург, производящий трудную и сложную операцию. Тыл и снабжение — ассистент, каждый раз заботливо и умело облегчающий задачи хирурга только теми средствами, которые действительно необходимы каждый раз, в каждом отдельном случае, умело и заботливо подавая только то, что действительно нужно и заботливо отодвигая все, что может помешать и затруднить дело».

[2]) См. Les armées françaises dans la grande guerre, t. 1er, p. 51.

[3]) Osterreich Ungarns letzter Krieg 1914—1918, 1 Lieferung, s. 16, а также Reichsarchiv, Das Weltkrieg 1 Band.

[4]) Намеченный об'ем книги не дал нам возможности включить главу о стратегическом развертывании в 1915—16 гг. на восточном (русском) театре военных действий, мы решили ее выпустить отдельным изданием, но целый ряд моментов из периода 1915—17 гг. нашел свое место в настоящем первом томе нашего труда.

[5]) Graf Moltke. Die deutschen Aufmarschpläne 1871—1890. S. 4.

в царской России и Японии после войны 1904—1905 гг., и так везде и всегда в империалистических государствах включительно до сегодняшнего дня. «Все идеи (и доказательства) заимствованы из опыта» (Энгельс). «Все знания — из опыта, из ощущений, из восприятий» (Ленин); это верно так же, как никто не будет опровергать, что со стороны Японии сейчас, в так называемый «мирный» период, продолжается планирование стратегического развертывания и частичное уже его осуществление на дальневосточном театре военных действий, причем это планирование тесно увязывается со стратегическими планами генеральных штабов современной фашистской Германии и Польши, которые, как пишут иностранные обозреватели, стремятся к экспансии сперва на советскую Украину, а затем на юго-восток в направлении к Чехо-Словакии, в то время как их союзница Япония будет действовать в Приморье и Восточной Сибири.

Можно без преувеличения сказать, что 1866 г. является родоначальником планов мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания и плана устройства тыла, как научно-теоретической и практической системы, определяющей, как именно надлежит эти планы составлять и как их осуществлять для современных армий. В этот год начальник германского генерального штаба Мольтке-старший, тщательно изучивший многообразный опыт мобилизаций до него, а также собственный опыт (1859 г.), дал высокий образец всем генеральным штабам европейских армий, как надо проводить стратегическое сосредоточение в изменившихся условиях по сравнению с теми войнами, которые происходили до 1866 г.

И в австро-прусской войне 1866 г. и в франко-германской 1870 г. Мольтке все свои подготовительные расчетные работы (мобпланы и мобрасписания) по мобготовности государства и армии вел исходя из основной мысли построить так мобилизационный механизм, чтобы он:

а) в полной боевой готовности собрал бы войска своей армии к государственной границе, скорее и целесообразнее по сравнению с противником развернул бы их для боевых операций;

б) сократил бы до предела возможное время мобилизационного периода для того, чтобы, выиграв несколько дней в мобготовности по сравнению с неготовым противником, сосредоточить и развернуть свои войска и перейти к решительным действиям, имея инициативу в своих руках.

Говоря иными словами, планы мобилизации, первоначального сосредоточения, развертывания и организации и устройства тыла вооруженных сил в период 1866—70 гг. составляли единое целое, в котором один план вытекал из другого и прорехи и недоработки одного плана при его исполнении сейчас же со всей неизбежностью отражались на другом плане. Иначе не могло и не может быть, так как неудовлетворительные расчетные работы в мобилизационном плане (мобработа в армии мирного времени, укомплектование

войск и производство различных новых формирований при переходе армии с мирного на военное положение) совершенно ясно должны были сейчас же отразиться на плане стратегического сосредоточения. Мы говорим — с е й ч а с ж е, потому, что план стратегического сосредоточения периода 1866—70 гг. уже резко отличался от наполеоновских войн, так как появился новый могущественный технический фактор — железные дороги.

Последние в несколько раз ускорили процесс отмобилизования армии и ее сосредоточения к государственной границе. Мало того, железные дороги дали возможность численно большие армии перебрасывать на далекие расстояния в нужном направлении в неизмеримо меньшие сроки времени, при огромном сохранении мускульной энергии по сравнению с периодом до появления железных дорог.

Например, если мы возьмем блестяще проделанное походным порядком стратегическое сосредоточение, организованное Наполеоном из Булонского лагеря к Рейну в 1805 г., то мы увидим, как ему удалось для знаменитой Ульмской операции стотридцатитысячную армию перебросить на расстояние в 500 км всего лишь в 28 дней, причем марши корпусов были настолько блестяще организованы, что, например, во 2-м корпусе ген. Мармона после двадцатидневного безостановочного марша в 400 км оказалось всего лишь девять человек отсталых, остальные все в полном порядке пришли в район стратегического развертывания — Вюрцбург.

Теперь, если мы возьмем 1866 г. (австро-прусская война), то увидим, что за 21 день было перевезено в районы стратегического раззертывания 197 000 человек, 55 000 лошадей и 5 300 повозок; железнодорожный марш равнялся от 210 до 630 км.

В 1870 г. (франко-прусская война) в значительно меньшие сроки было переброшено в 1 205 поездах (115 000 осей) значительно большее количество войск и грузов; так за 16 дней мобилизационного периода немцами было перевезено 460 000 человек, 135 000 лошадей, 14 000 повозок и орудий на расстояние в 600 км, причем средняя суточная провозоспособность увеличилась в 3—4 раза.

В 1866 г. в день перевезено 9 400 чел., 2 620 лош., 252 повозки
В 1870 г. » » » 28 500 » 8 440 » 875 »

Как видим, за 4 года железнодорожная техника в отношении переброски войск и грузов в Германии сделала значительный шаг вперед [1]). Совершенно ясно, не легко и не сразу добился этих успе-

---

[1]) В 1870 г. Франция допустила целый ряд ошибок в вопросах мобилизации и стратегического сосредоточения. Французское командование стремилось осуществить мобилизацию армии в максимально короткие сроки, но четко разработанного плана для осуществления ее в жизни не было. Мобилизация и стратегическое сосредоточение началось сразу и происходило одновременно и бесплановo, высшие войсковые соединения в мирное время отсутствовали, формирование их проходило импровизированно, все это создавало целый ряд трудностей, которые так и не удалось французскому командованию исправить в начальный период войны.

В 1870 г. состояние мобилизационного дела в царской России находилось в отношении быстроты сосредоточения в зачаточном состоянии: например, для

хов германский генеральный штаб под руководством Мольтке-старшего.

Достаточно хорошенько изучить инструкции для проведения мобилизаций и железнодорожных переброс войсковых масс на театр военных действий, составленные под руководством Мольтке в 1859, 1861 и 1868 гг., а также опытные, экспериментальные работы в мирный период между военными операциями, чтобы видеть, какие плоды приносит огромная, тщательная, трудолюбивая деятельность. Например, для того, чтобы появился вариант плана войны против Франции за № 18, составленный Мольтке в конце зимы 1868—1869 гг., потребовалась длительная кропотливая оперативно-стратегическая работа (было составлено до двадцати мобзаписок и оперативных проектов) в течение времени с 1857 по 1870 г.

Эта упорная и кропотливая работа дала полное право Мольтке написать в своем мемуаре (план кампании 1870 г.), что «Наша мобилизация подготовлена до малейших подробностей. Шесть линий железных дорог находятся в нашем распоряжении для перевозки войск между Мозелем и Рейном. Маршруты изготовлены и по ним каждая часть войск может видеть день и час своего отправления и прибытия, уже на 10-й день первые отряды могут высадиться около французских границ и на 13-й день там соберутся два полных корпуса. В 18-й день наши силы достигнут 300 000, наконец на 20-й день эти войска получат все обозы».

После победоносной франко-германской войны 1870 г. перед Мольтке встал кардинальный вопрос, над разрешением которого он постоянно работал в последующие годы; эта проблема проходит красной нитью во всех его многочисленных вариантах по планам стратегического развертывания. Сущность ее заключается в следующем:

а) иметь в стране такой фонд запаса военно-обученных людей, лошадей, повозок, который бы свободно заполнил собой все поры армейского организма при переходе его на военное положение;

б) иметь в пунктах мобилизации такой же фонд неприкосновенных запасов вооружения, снаряжения и обмундирования для того, чтобы они свободно удовлетворили отмобилизованную армию.

Это нами здесь подчеркивается для того, чтобы показать, что с началом девяностых годов Мольтке уже не верит в скоротечность предстоящей войны. Он считает, что предстоящая большая война будет войной, которая втянет в свою орбиту главнейшие европейские государства, он считает, что война будет длительной (3—4 года [1]), с участием миллионных армий. И это вполне естественно, так

того, чтобы мобилизовать 350 000 бессрочно-отпускных нужно было 42 дня. Помимо примитивной в то время техники мобилизации — запасные собирались в губернские города, лошади покупались — очень существенное значение играли огромные территориальные пространства страны, при крайне слабом развитии железных дорог.

[1]) См. главу VI «Оперативно-стратегическое учение Мольтке-старшего и Шлиффена».

как составляя планы стратегического развертывания германской армии в период 1880—1890 гг., он должен был принимать во внимание в своих вариантах те конкретные вооруженные силы и их численность, которые были у Германии и у главнейших государств Европы. Так, например, по данным 1886—87 гг. Германия могла выставить в случае войны армию в 1 627 000, а с ландштурмом 2 655 000, из которых 1 500 000 вполне обученных; Австрия — 1 275 000 (вполне обученных); Италия — 795 000 (вполне обученных); Франция — более 3 млн., из которых 1 722 330 вполне обученных. Иными словами, все главнейшие государства Европы после войны 1870 г. продолжали непрерывно увеличивать численность своих вооруженных сил.

Если хорошенько вникнуть в планы стратегического развертывания, которые разработал Мольтке в последний период своей деятельности 1878—88 гг., то становится ясным, что он великолепно понимал колоссальные изменения по всем показателям, которые произошли во Франции по сравнению с войной 1870 г. (т. е. со времени его замечательного плана № 18 от 1869 г., по которому было разыграно стратегическое сосредоточение и развертывание германских войск). Изменилось все. Франция к 1886—88 гг. окрепла в политико-экономическом отношении, ее новая государственная граница после 1871 г. в восточной ее части между Бельгией и Швейцарией получила железобетонный пояс Серре-де-Ривьера, организация французской и германской армий стала одинаковой, мобилизация французской армии продолжалась 5 дней; для сосредоточения в районы стратегического развертивания требовалось 7 дней, то же самое было и в германской армии. Таким образом, германская и французская армии на 13-й день об'явления мобилизации могли начать операции. Численность армии, не в пример 1870 г., когда Германия обладала превосходством сил, теперь сравнялась для обеих армий, у французов — 19 корпусов, у немцев — 18, причем у немцев был незначительный перевес в кавалерии, а у французов—в артиллерии (перволинейные войска); то же самое было и с второлинейными войсками, которых у французов было несколько больше.

Основной вывод был тот, что оба противника могли открыть военные действия одновременно и в отношении общей боевой подготовки в очень незначительных моментах уступали друг другу. Все это являлось тем основным материалом, который послужил для Мольтке основанием в последних его вариантах стратегического развертывания перенести внимание на организацию первого удара против России, ограничившись обороной против Франции. Кроме того для Мольтке стало совершенно ясным, что подавляющее численное превосходство над противником в изменившихся по сравнению с 1866—70 гг. условиях (введение почти однообразной системы комплектования, снабжения, вооружения и пр. во всех важнейших государствах Европы) может быть в Европе достигнуто лишь посредством организации коалиций.

Речь Мольтке в рейхстаге в 1890 г. за год до его смерти, когда он говорил о предстоящей европейской войне (см. главу VI), со стратегической точки зрения является как бы предупреждением, что наступил новый период, период больших коалиционных войн, методы подготовки к которым должны быть другими, чем то было в периоды предшествующих войн. И в этом отношении Мольтке был несомненно прав и более политически и стратегически прозорлив чем Шлиффен, который в своем варианте 1905 г. фактически игнорирует такой мощный политико-стратегический фактор, как образование Антанты (о чем мы в развернутом виде будем говорить в первых пяти главах).

Кроме того, для Мольтке, прекрасно изучившего опыт войн эпохи Наполеона, а также войн за период с 1854 по 1877 г., был ясен рост в быстроте мобилизации и сосредоточения армий к границам. В первую голову это касалось таких государств, как Германия, Франция, Италия, Австро-Венгрия [1]). Если в 1870 г. почти полумиллионная германская армия через 20 дней после начала мобилизации перешла французскую границу, то уже в 1886 г. германская и французская армии это же самое могли проделать в 13 дней, выставив каждая армию по 700—800 тысяч. Иными словами, недели обращались в дни, а так называемый подготовительный к войне период все более сокращался, ибо тщательная подготовка мобилизационных мероприятий, железных дорог, устройство тыла действующих армий говорили о том, что намеченные заранее районы стратегического развертывания очень быстро после первого дня мобилизации будут заполнены войсками, и первое большое пограничное сражение, начавшись на широком фронте, расчленится на целый ряд армейских операций с решительными встречными боями.

В своих последних планах стратегического развертывания (см. издание Die deutschen Aufmarschpläne 1871—1890) Мольтке, опираясь на богатый опыт войн периода 1854—1870 гг., считал, что ход мобилизации армии должен быть планомерным, быстрота мобилизации армии ни в коем случае не должна вызвать суетливости и различного рода импровизации; он требовал строжайшего порядка и простоты мероприятий во всех работах мобилизационного характера.

Для того, чтобы пресечь попытки со стороны противника нарушить планомерный ход в мобилизации армии, Мольтке советовал обращать особое внимание на быстроту мобилизации в войсках, расположенных в полосе государственной границы.

Не дать противнику вторгнуться глубоко в пределы страны и тем самым обеспечить быстрое сосредоточение отмобилизованной армии к районам стратегического развертывания — такова основная задача, которую должны разрешить в начальный период войны погра-

[1]) Несколько в ином положении находилась царская Россия; ее слабо развитая железнодорожная сеть, огромные расстояния требовали для мобилизации и сосредоточения войск к государственной границе значительно (вдвое-втрое) больше времени, чем в Германии или Франции.

ничные войска. А поэтому Мольтке считал необходимым в приграничной полосе иметь войска полнокровные, с возможно большим количеством быстроподвижных (кавалерийские массы) войск, опирающихся на укрепленные точки (крепости) и в своей численности, уже в мирное время, состоявших по штатам военного времени. В противном случае пограничные войска не сумеют задержать наступление ранее закончившего сосредоточение противника, он вторгнется первым, захватит районы сосредоточения и развертывания и всилу этого заставит отнести назад районы стратегического развертывания данной армии.

И вот здесь мы подходим к очень важной проблеме, которая во весь рост встала перед генеральными штабами после опыта Мольтке в войну 1870 г., а именно, о стратегическом развертывании вооруженных сил вперед (т. е. возможно ближе к государственной границе) и о стратегическом развертывании назад (т. е. отнесении конечно-выгрузочных станций и районов сосредоточения войск и их развертывания на несколько переходов вглубь собственной страны).

Совершенно ясно, что производство стратегического развертывания вперед или назад, как показывает накопленный опыт войн, в первую голову зависит от целого ряда расчетов, из которых наиболее важные должны показать:

а) насколько быстро может отмобилизовать свою армию вероятный противник;

б) каково начертание его железнодорожной сети, особенно той, которая идет к границе, и какова ее пропускная способность;

в) сколько времени потребуется противнику для того, чтобы он сосредоточил свои отмобилизованные вооруженные силы в районы стратегического развертывания;

г) какова сила укреплений и состав войск противника в пограничной полосе, которые предназначены осуществить безопасность стратегического развертывания вооруженных сил.

Эти основные вопросы должны быть проанализированы и оконкретизированы с обеих сторон и от сопоставления их с вероятным противником будет видно, какую исходную линию для стратегического развертывания следует в данный период принять, в каких районах будут высаживаться прибывающие отмобилизованные войска и что надо сделать, чтобы достигнуть более выгодных чем у противника условий для развертывания сил и средств.

Если бы мы попытались проследить методику, по которой работали выдающиеся полководцы и начальники генеральных штабов над проблемой стратегического развертывания, то заметили бы, что Наполеон, Мольтке-старший, Милютин, Шлиффен, Жоффр, Конрад, Людендорф, Фалькенгайн, Фош для достижения определенной цели в работе стратегического развертывания шли по следующему примерному плану размышлений, исследования и расчетов, — причем, конечно, у всех у них качество работы было далеко не одинако-

вым, так как одним удавалось выработать более совершенные образцы, другим менее; но во всяком случае это были те военные деятели, на опыте которых можно и должно учиться.

Во-первых, они тщательно работали над исследованием политической обстановки как вне, так и внутри своей страны для того, чтобы установить количество и качество наиболее вероятных для себя противников. Если их оказывалось два-три, то они, опять же исходя из политических целей и наличия своих сил, средств и возможностей, стремились определить, какой именно из этих противников будет наиболее для них сильным, важным, наиболее серьезным, а всилу этого определяли, что данный театр войны против данного сильного противника будет главным, а другой театр — второстепенным.

Во-вторых, установив главный и второстепенный театры военных действий, примерные силы и средства противника, которые он может выдвинуть на этих театрах, они переходили к следующему моменту в своей работе, а именно к определению, какие политические и стратегические задачи они стремятся и будут преследовать на данных театрах военных действий, какое количество сил и средств будет необходимо собрать, с тем чтобы иметь основательный успех в первых операциях на главном театре военных действий.

В-третьих, они намечали на данном главном театре военных действий районы для сосредоточения главных сил и средств и районы для сосредоточения сил и средств, которые будут обеспечивать операции главной решающей стратегической группировки. Иными словами, они осуществляли нарезку на данном театре военных действий участков для фронтов и армий. И здесь же перед ними логически вставал кардинальный вопрос об организации командования для собранных вооруженных сил на данном театре военных действий, т. е. какое нужно количество частных армий (с определенным количеством корпусов), сколько необходимо будет иметь фронтовых организаций или групп армий, кто может быть выдвинут кандидатом на данную армию, фронт (группу армий) и пр.

В-четвертых, для того, чтобы благополучно сосредоточить и развернуть намеченные силы и средства в заранее установленных районах, они намечали войска прикрытия в пограничной полосе или в полосе уже существующего фронта, если это новое стратегическое сосредоточение и развертывание происходило уже в процессе самой войны. Эти войска прикрытия большею частью опирались и стремились в будущем действовать во взаимодействии с оборонительными фортификационными сооружениями (крепости, укрепленные районы, траншеи, огневые точки и пр.), расположенными или в полосе государственной границы или на определенном фронте во время войны (например в 1918 г. для этого служили укрепленные полосы, в тылу которых происходило сосредоточение, а затем развертывание для операции на Амьен, Шмен-де-Дам, Шато-Тьерри, Виллер-Коттере и т. д.).

В-п я т ы х, они считали, что войска, вошедшие в части прикрытия, не только обеспечивали стратегическое развертывание, т. е. распределение вооруженных сил на исходной линии для начала операций, но эти войска прикрытия могли быстро вторгнуться на территорию противника, с тем чтобы обеспечить быстроту сосредоточения и развертывания своих сил и тем самым ухудшить положение своего противника (т. е. нарушить планы его сосредоточения и развертывания, планы различных контрмероприятий). Последний вопрос являлся наиболее сложным как в начальный период войны, так и в ее процессе (скажем, в 1918 г. на франко-британском театре военных действий). Данный вопрос требовал, чтобы командование гибко и искусно маневрировало с районами сосредоточения и развертывания. Этому делу очень сильно помог факт гигантского развития автотранспорта и качественное и количественное увеличение шоссейных дорог, которые (авто плюс шоссе) оказались серьезными помощниками для железных дорог.

Но все это не мешало забывать, что выгрузочные платформы требовали определенного времени для их оборудования и что вопрос с выдвижением вперед или отнесением назад или в сторону пунктов высадок дивизий и корпусов был всегда весьма сложной операцией.

Многообразный и поучительный опыт четырех предшествующих войн перед началом франко-германской войны 1870 г. и после нее (войны в 1877, 1905, 1912 гг.), а также периода Мировой войны 1914—1918 гг. со всей наглядностью показал, что мобилизация, сосредоточение и стратегическое развертывание армий требуют соблюдения следующих основных условий, к достижению и осуществлению которых постоянно стремился каждый генеральный штаб и его главное командование:

а) б е з о п а с н о с т и (иначе говоря, не дать себя преждевременно атаковать со стороны превосходного противника);

б) в ы и г р ы ш а в о в р е м е н и (т. е. внезапно атаковать не совсем сосредоточившегося и плохо развернувшегося противника);

в) создания п р е в о с х о д с т в а в с и л а х, наиболее целесообразно их оперативно сгруппировав и

г) в о з м о ж н о б о л е е у д о б н ы х р а й о н о в д л я р а з в е р т ы в а н и я с и л и с р е д с т в.

Таковы четыре основных условия, которые, как требует богатый опыт войн, необходимо соблюдать для того, чтобы оказаться в лучшем положении по сравнению с противником, т. е. чтобы захватить у него почин в действиях, иметь первый большой оперативно-стратегический успех со всеми его политико-моральными преимуществами.

Таким образом более чем полувековой опыт работы генеральных штабов в области стратегического развертывания ясно показывает, что застывать в раз принятом варианте нельзя, напротив, план стратегического развертывания весьма живое дело живых людей, он почти постоянно технически совершенствуется и изменяется, так

как вопросы, входящие в оборону страны, не остаются на месте, а по всем направлениям каждодневно идут вперед.

К данному времени произошли новые изменения в вопросах мобилизации, сосредоточения и развертывания, все это поднялось на высшую стадию своего развития.

Гигантский опыт Мировой империалистической и нашей гражданской войн, крепко впитав в себя многообразный и разнохарактерный опыт всех предшествующих войн до августа 1914 г., внес целый ряд новых невиданных до того моментов в вопросы мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания. Теперь уже никто не думает, что достаточно мобилизовать постоянную армию с ее обученным резервом и ограничиться мобзапасами мирного времени, чтобы иметь успех с началом новой войны. Опыт первого года Мировой империалистической войны ясно всем показал, что войны коалиций современных государств не могут окончиться в несколько месяцев, а затягиваются на годы. Эти войны требуют предельного напряжения с началом войны всего государственного организма, немедленной мобилизации всех ресурсов страны, быстрого перехода всех без исключения отраслей народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д.) с мирного положения на военное. Иными словами, милитаризация «всего и вся» под постоянным контролем военной диктатуры современной капиталистической буржуазии. Сейчас, в так называемое «мирное время», помимо бешеной гонки в вооружениях и широкой военизации населения, в капиталистических странах, идет самая интенсивная политическая подготовка, как вне (заключение различных военно-политических союзов), так и внутри данного государства (сооответствующая фашистская обработка общественного мнения, терроризация рабочего класса и его политических организаций, причем деятельное участие в этом на стороне буржуазии, как в период до и во время мировой войны принимает современная социалдемократия). Отсюда ясно, что в современной политической обстановке с первого же дня мобилизации, с первого же выстрела на государственной границе — бешеным темпом заработают и военно-полевые суды против рабочего класса в странах фашистской буржуазии, и в этой кровавой обстановке еще более интенсивно будет расти популярность великого исторического лозунга Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую.

А раз изменились условия мобилизации, то ясно изменился и процесс стратегического сосредоточения и развертывания. Ожесточенная борьба за возможность сосредоточиться и развернуться в ранее намеченных районах явится также новым могущественным фактором начального периода современной большой войны.

А поэтому, кто призван работать над планом стратегического развертывания (который, как мы видели выше, диалектически синтезирует в себе разнообразные вопросы подготовки к войне), тот

должен, как говорит опыт войн, прежде всего иметь упрямую сосредоточенность мысли экспериментатора, умение «неотступно думать» об одном избранном предмете, «с ним ложиться и с ним вставать». Иными словами, тайна создания чего-либо большого, крупного заключается в настойчивой и продолжительной работе мысли и воли в известном направлении.

В задачу нашего исследования и входит проследить, в о-п е р в ы х, как всилу развития новой техники с ее новыми способами применения и новыми методами управления войсками менялись способы и приемы стратегического развертывания в период до и во время Мировой империалистической и гражданской войн, в о-в т о р ы х, в каком направлении развивается план стратегического развертывания в данное время у современных буржуазных армий.

Непосредственно перед Мировой войной 1914—1918 гг. в Германии и Франции были составлены два плана стратегического развертывания по вариантам Шлиффена (план 1905 г. плюс докладная записка от 1912 г.) и французского генерала Виктор-Мишеля (проект 1911 г.). Эти два оперативно-стратегических варианта явились резким контрастом по отношению к тому, как в действительности развернулись французские и германские армии в августе 1914 г.

Здесь мы в более подробных чертах рассмотрим план стратегического развертывания Шлиффена, тем самым дополнив те страницы нашей книги «Марна — Висла — Смирна», в которых мы говорили о плане войны Шлиффена. Кроме того, мы остановимся на его чрезвычайно интересном военно-политическом сопернике в виде плана стратегического развертывания французских армий, разработанного ген. Виктор-Констан-Мишелем, плана, который подробно еще не описан в нашей военной литературе и в лучшем случае несколькими строчками упоминается в буржуазной военной литературе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПО ВАРИАНТАМ ШЛИФФЕНА И БОННАЛЯ (ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛАН № 14)

В современной военной литературе существуют два твердо установившихся мнения о стратегических предположениях на случай войны с Францией и Россией, которые были разработаны в период 1891—1905 гг. начальником германского генерального штаба Шлиффеном.

Первое. План войны, разработанный Шлиффеном в декабре 1905 г., является итогом, синтезом его многолетней деятельности, этот план есть совершенное произведение во всех отношениях. Причем, если этот план был бы проведен в жизнь и не искажен его преемником Мольтке-младшим, то французская армия была бы разгромлена, и война против Франции была бы победоносно закончена к концу 1914 г.

Второе. План войны от декабря 1905 г. Шлиффена в значительной мере является фантазией большого военного деятеля. Идея по сосредоточению ¾ германских вооруженных сил на правом фланге, главным образом против Бельгии и левого фланга французской армии, была неверной и невыполнимой. Неверной потому, что Шлиффен рассчитывал на такие силы, которых Германия не имела и не могла иметь ни в 1906 г., ни в 1914 г., невыполнимой — так как для этих сил не было достаточного количества железных дорог, которые бы обеспечили успех в наступлении и питании всем необходимым (особенно огнеприпасами) тех огромных вооруженных масс правого фланга, которые наметил в своей декабрьской записке Шлиффен. Наконец, вообще Шлиффен в своем плане войны (декабрь 1905 г.) больше мечтал и фантазировал, чем конкретно рассчитывал.

Таково содержание двух резко противоположных точек зрения на план Шлиффена, которые наиболее ярко выражены в произведениях Гренера и Юстрова.

Две книги Гренера «Das Testament des Grafen Schliffen» («Завещание графа Шлиффена») и «Der Feldherr wider Willen» («Полководец против воли») построены на следующей основной мысли:

«Если мы хотим добиться полной ясности в операциях 1914 г., то для этого нам следует поставить также и армию перед зеркалом шлиффеновского замысла, тем более, что существует критик, который считает план Шлиффена фантастическим, так как якобы для его выполнения не было достаточных сил. Но граф Шлиффен умел трезво рассчитывать. Иллюзии были ему также чужды, как и сентиментальность. От этого защищал его присущий ему сарказм. Он продумывал вещи до конца. Он не останавливался даже перед традиционной славой, если дело шло о том, чтобы проникнуть в тайну победы. Он постиг «старый опыт», что «наступательная война требует очень больших сил и очень много их затрачивает; что эти силы непрерывно убывают, тогда как силы обороняющегося растут и все это в особенности в стране, которая замкнулась в крепостях» [1]).

Труд К. Юстрова «Feldherr und Kriegstechnik», разбирая и критикуя труды Гренера и авторов рейхсархива (1 Band. Die Grenzschlachten im Westen), стремится убедить читателя в том, что:

«Шлиффен по сравнению с Мольтке (старшим) являлся полководцем, у которого было значительно больше дерзания. Его мысли и планы быстро отрывались от действительности, они противоречили естественному ходу вещей. Он развил мощный наступательный план на технически и физически недостаточно обеспеченной основе...» [2]).

«Ответственнейшей его ошибкой было то, что в своей записке от 1905 г. (Denkschrift von 1905) он исходил из соотношения сил значительно более благоприятного для нас (т. е. немцев), чем это могло быть на самом деле, хотя в нашем распоряжении тогда не было тех сил, на которые он рассчитывал и хотя французы неуклонно продолжали заниматься реорганизацией своей армии» [3]).

Мы, конечно, не будем полемизировать с этими доводами из работ Гренера и Юстрова, так как считаем, что эти обе точки зрения не верны исторически, а также и теоретически.

Прежде всего необходимо совершенно твердо установить, что произведение Шлиффена от декабря 1905 г., которое является предметом сугубого внимания целого ряда современных авторов, не было ни планом кампании, ни, тем более, планом войны. Здесь правильно называть — это значит правильно понимать. Это произведение следует считать и называть лишь проектным, эскизным наброском, именно, как правильно его назвал сам Шлиффен «Denkschrift» [4]), дополнительным вариантом к тем планам стратегического развертывания, которые были разработаны германским генеральным штабом во главе со Шлиффеном до этого декабрьского варианта, причем вопреки ламентациям Гренера и рейхсархива, этот вариант хотя весьма несовершенен во многих отношениях, но и не

[1]) W. Groener Das Testament des Grafen Schliffen. S. 196.
[2]) Justrow. Feldherr und Kriegstechnik. S. 220
[3]) Там же, стр. 226.
[4]) То-есть «памятная записка».

настолько уродливо и дурно составлен, как это кажется Юстрову, Эльце, Иммануэлю и др.

Крупнейшая научно-теоретическая ошибка всех этих авторов в том, что они видят или стараются других убедить, что этот эскизный стратегический вариант для развертывания германских сил является планом кампании на два фронта (Франция и Россия), а некоторые даже возводят его в степень «плана войны», а также «плана кампании».

Планом кампании мы можем назвать такое произведение, которое представляет собой, скажем, мемуар Мольтке-старшего, разработанный им перед войной с Францией в 1870 г. Этот мемуар по своему содержанию и расчетам состоит из весьма конкретных элементов. Будучи составлен в 1868—69 гг., он имел в своем тексте такое, рукою Мольтке-старшего написанное, утверждение: «Спрашивается только, можем ли мы производить сосредоточение войск в Пфальце за Рейном у самой границы Франции, не опасаясь, что нас потревожат в самом начале. На этот вопрос, по моему мнению, следует отвечать — «да». Наша мобилизация подготовлена до малейших подробностей. Шесть линий железных дорог состоят в нашем распоряжении для перевозки войск в страну между Мозелем и Рейном. Маршруты изготовлены, и по ним каждая часть войск может видеть день и час своего отправления и прибытия. Уже на 10-й день первые отряды могут высадиться около французских границ, в 13-й день там соберутся два тяжелых корпуса. В 18-й день наши силы достигнут 300 000, наконец, в 20-й день эти войска получат все свои обозы».

Помимо этого утверждения, в мемуаре четко анализирована цель войны и действий, трудности для обеих сторон и средств для достижения цели, точный расчет сил как у противника, так и у себя, меры для обороны побережья и действий на море.

Возникает законный вопрос, мог ли Шлиффен так же сказать в своем декабрьском варианте, как выше Мольтке, что железные дороги подготовлены, что мобилизация сил, которые он намечал (40½ активных и резервных корпусов, 11 кав. дивизий, 20 ландверных бригад, 8 эрзац-корпусов) также подготовлена до малейших подробностей, что маршруты изготовлены, что к такому-то дню войска получат все свои обозы и т. д. Нет, так Шлиффен сказать в своем варианте 1905 г. не мог, и он нигде об этом не говорит. Наконец, если Мольтке разработал окончательно план кампании от 1869 г. и мог его осуществить в 1870 г., то нигде у Шлиффена мы не найдем мысли, что его вариант 1905 г. мог бы быть осуществлен, скажем для примера, в 1906 г.

Для Шлиффена и его ближайших сотрудников было совершенно ясным, что если бы вспыхнула война в 1906 г. между Германией и Францией, то стратегическое развертывание германских вооруженных сил происходило бы по плану кампании со всеми мобилизационными расчетами, железнодорожными расписаниями и т. д., которые были разработаны к 1903—1904 гг. германским генеральным

штабом во главе со Шлиффеном, но во всяком случае не по проектной декабрьской записке, которая лишь давала перспективу, в каком именно направлении надо работать его преемникам.

Думать иначе — значит притти к заключению, что после победоносной франко-германской войны, т. е. в период 1871—1905 гг., планы мобилизации, сосредоточения и развертывания вооруженных сил в Германии носили характер полной неготовности.

Но это исторически неверно, так как мы имеем весьма обстоятельные планы стратегического развертывания, разработанные Мольтке-старшим и Вальдерзее в период 1871—90 гг. и целый ряд планов стратегического развертывания, составленных Шлиффеном в период с 1891 по 1905 г.

Но помимо этих планов, строго соответствовавших той конкретной обстановке, для которой они составлялись, и у Мольтке, и Вальдерзее, и у Шлиффена имелся целый ряд перспективных набросков вариантов, на подобие декабрьскому варианту 1905 г. Этот вариант был составлен Шлиффеном, как дополнение к тому плану мобилизации, сосредоточения и развертывания германских вооруженных сил, который имела Германия в период 1903—1904 гг.

Вот этих, казалось бы, простых вещей не хотят понять многие из современных авторов, или не в меру восхищающихся декабрьским вариантом Шлиффена или же напротив требующих от этого варианта таких качеств и конкретных достоинств, которых ни в декабре 1905 г., ни к декабрю 1906 г. он никак не мог иметь. Недавно опубликованы рейхсархивом новые данные [1]), которые в полной мере подтвердили эту нашу точку зрения, о чем скажем несколько ниже.

А поэтому прямая обязанность каждого исследующего начальный период войны, тот или иной план кампании, план отдельной большой операции, или план современного боя, не поддаться ряду моментов внешнего формального порядка. Поучительность для будущего именно и достигается тем, что дается научно-правильный анализ и всесторонняя характеристика и оценка данного плана. Такая оговорка необходима всилу того, что очень часто приходится дело иметь подчас просто с школьническим положением и утверждением по схеме: победитель всегда оказывается прав, а побежденный неизбежно неправ и виновен. Если бы на войне было все так ясно и просто, что можно было бы по любому вопросу сразу безаппеляционно и безошибочно сказать: «да» и «нет», то тогда бы вопрос был иной, но ведь война не так проста, чтобы к ней подходить лишь с четырьмя правилами арифметики. «Исследование, — писал Маркс, — должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действитель-

---

[1]) См. труд „Von Scharnhorst zu Schlieffen 1806—1906. Hundert Jahre preussisch. deutscher Generalstab". S. 309—316.

ное движение». Вот почему слова Ленина являются тем верным маяком, к которому должен стремиться исследователь при анализе сложных противоречивых и подчас запутанных фактов и событий современной войны. Ленин писал: «Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше (по сравнению с логикой формальной. Вл. М.). Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), «изменении» [1]).

План войны это есть не только папка с начисто написанным вариантом и схемами, мирно и тихо хранящимися от момента их разработки и до начала новой войны под семью замками и печатями в несгораемых шкафах генерального штаба данной страны. План современной войны — это не что иное, как гигантский организм, который впитывает в себя, впитывает постоянно, непрерывно все основные элементы, из которых складываются все силы и средства данной страны и ее взаимозависимости и взаимоотношения с внешним миром. Отсюда план войны есть динамичный, наполненный противоречиями, видоизменениями, установившимися и устанавливающимися данными, т. е. организм, постоянно живущий диалектикой жизни. Подходя таким образом к этим вопросам, нужно сказать, что вся подготовка к войне, как и сам план войны, есть, как говорил Ленин, та «тайна, в которой война рождается».

Литература, рассматривающая подготовку к Мировой войне 1914—18 гг., в значительной своей части приписывает плану Шлиффена такие достоинства и недостатки, о которых не только никогда не мог мечтать сам автор, но которых в действительности подчас и не было.

«Профессор доктор Штейнгаузен утверждает (то же самое делает в своей работе «Танненберг» Вальтер Эльце, как и многие другие. Вл. М.) [2]), что шлиффеновский план, основанный на проходе через Бельгию, имел прямо-таки магическую силу над нашим генеральным штабом, который как-будто поклялся выполнить его; этот план якобы лежал в основе всех мероприятий по подготовке к войне; при возникновении войны он властно господствовал над всеми стратегическими и тактическими взглядами в армии; на него возлагались все надежды; он являлся единственным условием успеха; в него пламенно веровали» [3]).

---

[1]) Ленин, том XXVI, стр. 134.

[2]) Например Иммануэль «Победы и поражения в мировой войне», Штейнгаузен «Ошибки войны и генеральный штаб», а также Юстров «Полководец и военная техника» и др.

[3]) Куль. Германский генеральный штаб, стр. 147.

Насколько верно начало мыслей проф. Штейнгаузена, настолько формален и неправилен их конец.

Совершенно ясно, что шлиффеновский стратегический план по развертыванию сил и средств во время войны, постепенно слагавшийся и постепенно видоизменявшийся целых 14 лет (период пребывания Шлиффена в должности начальника германского генерального штаба с 1891 по 1905 г. включительно), не мог не являться важнейшим фактором в строительстве вооруженных сил германской империи. Этот план был не только производной данной германского империализма, но и, совершенно естественно, он влиял на всю оперативно-организационную подготовку германской армии, вытекал из ее военной доктрины, питал все пружины, нити и все поры германского империализма в целом. Например, вынужденный уход в отставку Шлиффена надо рассматривать как факт, который произошел не всилу «переутомления», «возрастного предела» или «личного инцидента» [1]), а всилу того, что те мероприятия милитаристического порядка, те организационно-численные увеличения сухопутных войск, которых к 1905 г. требовал Шлиффен, не нашли поддержки в правящей группировке германского империализма.

Последняя в это время требовала создания могущественного морского флота, вождь которого адмирал Тирпитц при полной поддержке Вильгельма II выдвигал лозунг «Weltmacht oder Niedergang» (мировое могущество или крушение). Индустриальные и пушечные короли германской промышленности (Крупп, Балин, Штумм, Тиссен, братья Маннесманы и др.) вместе с Вильгельмом, начиная с 1903 г., стремились обогнать «владычицу морей» — Англию в морских вооружениях, на что и уходила львиная доля военного бюджета. Против этих установок твердо выступал Шлиффен, которого Тирпитц хотя и считал «значительным сухопутным стратегом», но всюду твердил, что германский генеральный штаб во главе со Шлиффеном не понимает основного, что Германия ведет мировую политику и что ей необходим флот, не только равный флоту Великобритании, но и значительно больший. Шлиффен требовал иное, а именно обратить центр внимания на сухопутную армию, которая, по его мнению, должна была решить вопросы «молниеносной войны» и заключения победного мирного договора на территории главного врага — Франции. Отсюда большую часть денежных кредитов, отпускаемых военно-морскому ведомству, надо было тратить на сухопутную армию, а не на флот. Особенно Шлиффен ратовал за широкое создание мощной полевой, тяжелой артиллерии и ее производство в большом количе-

---

[1]) Помимо личной неприязни и зависти самовлюбленного честолюбца Вильгельма II тому высокому авторитету, которым пользовался Шлиффен в германской армии, последний имел с ним ряд столкновений на военных играх и маневрах, где Вильгельм II обычно участвовал в качестве командующего одной из играющих сторон (см. об этом работы Гренера, Эльце, Эмиля Людвига, Карла Рознера и др.); все это являлось предпосылками к подготовке увольнения Шлиффена в отставку.

стве, в связи с наличием сильной оборонительной полосы, воздвигнутой французами на их восточной границе, а также бельгийских крепостей на Маасе (Льеж—Намюр).

Мало того, крылатые фразы Шлиффена, вытекавшие из сущности всей стратегической концепции его декабрьского варианта, как-то: «будем считать за любезную услугу «Liebesdienst», если французы вторгнутся в глубь Эльзаса и южной Лотарингии» или «лучше пожертвовать провинцией (Восточная Пруссия), чем разделять армию, с которой хотят и могут победить», — все это страшно раздражало и било в самое сердце индустриальных магнатов Саара и Лотарингии и помещиков Восточной Пруссии. И надо сказать, что Шлиффену так и не удалось убедить ни морскую группировку во главе с Тирпитцем, ни промышленников Эльзас-Лотарингии, ни помещиков Восточной Пруссии итти на эти авансовые жертвы. Скорее все это их убедило в том, что надо быстрее убрать в отставку этого «сухопутного экстремиста», а на его место призвать генерала, который станет целиком и полностью осуществлять их интересы, иными словами, не позволит вступить армии царской России в Восточную Пруссию, а Франции — военному союзнику России — в земли Эльзас-Лотарингии, за которую так «геройски сражался германский народ» в 1870 г. и, кроме всего этого, не будет мешать гигантскому развитию германских морских вооружений. Таким преемником Шлиффена оказался генерал Мольткемладший; но об этом речь будет итти несколько позже.

Вследствие этого вопрос о проходе через Бельгию является лишь одной из данных, правда значительного порядка, из которых складывается план развертывания Шлиффена. Но уже будет совершенно неправильным думать, что на этот план возлагались «все надежды», что он являлся «единственным условием успеха», что только в него пламенно веровали. Единственным условием успеха план Шлиффена не мог быть уже по одному тому, что еще не было и никогда не может быть такого заранее составленного оперативного или стратегического плана, который бы обеспечил полную победу над противником. Поэтому и на вопрос проф. Штейнгаузена «был ли действительно шлиффеновский план верным средством победы» не может быть дано определенного ответа. Ибо таких чудес не может быть уже всилу того, что даже самый идеально разработанный стратегический план войны, имея в перспективе окончательную цель, четко во всех деталях разрабатывает только вопросы, связанные с первым основным этапом, т. е. со стратегическим развертыванием, как синтезом мобилизации и сосредоточения живых сил и технических средств в исходное положение для боя и с динамикой первого большого пограничного сражения на всем стратегическом фронте данного театра войны.

Ясное и твердое знание основной цели кампании на театре войны и непоколебимая воля к победе необходимы стратегу, который наметил нанести противнику основной удар в данном напра-

влении, но это не значит, что надо в деталях разработать весь план большой кампании (мы уже не говорим о плане войны), стремиться предусмотреть все мелочи во времени и пространстве, т. е. заранее на месяцы расписать действия армий на несколько сотен километров в глубину территории противника. Стремиться составить такой план и бояться затем отступить от этого плана (как это делал например австрийский гофскригсрат) это значит расстаться с действительной жизнью и впасть в схоластику.

Надо иметь продуманный план на период первых решительных операций, а затем твердо и постоянно руководить в процессе самой борьбы со всеми ее неожиданностями, противоречиями, трудностями, быстрой сменой явлений. Иными словами, так продуманно, целеустремленно руководить первыми операциями и сражениями, чтобы они приближали, а не удаляли основную цель кампании — разгром живой силы и захват технических средств врага.

Результаты больших пограничных операций и сражений являются именно тем первым экзаменом, на котором проверяется вся подготовка мирного времени данной армии, ее план мобилизации, сосредоточения и стратегического развертывания и оперативная группировка армий.

Очень часто уже после этого первого экзамена происходят коренные видоизменения и перемены в высшем управлении данной армии. Характерным примером в этом отношении служит французская армия с серией ее организационных перегруппировок в личном составе армии в дни второй половины августа 1914 г. [1]).

Мы считаем, что Куль прав, когда пишет, что «если слишком долго придерживаться плана как территориально, так и по времени, то можно попасть в опасный фарватер. Главное командование неизбежно учтет все возникающие возможности и продумает по мере сил всю обстановку..., ибо самое важное заключается в исполнении». А умение и исполнение, как известно, должны всегда находиться в полном взаимодействии и взаимопроникновении.

1 января 1906 г. на посту начальника германского генерального штаба Шлиффена уже не было, он был уволен в отставку, в которой пробыл шесть лет, т. е. до момента смерти (январь 1913 г.). В вынужденной отставке он непрерывно занимался литературной работой и дал целый ряд ценнейших научных исследований, в том числе известный оперативно-стратегический этюд «Der Krieg in der Gegenwart» («Будущая война»), напечатанный в январском журнале «Deutsche Revue» «Германское обозрение» 1909 г.

На протяжении этих шести лет с 1906 по 1912 г. план стратегического развертывания в том виде, в каком его оставил Шлиффен, претерпел целый ряд изменений, в числе которых были изменения и принципиального порядка. Поэтому к моменту начала мировой войны (июль 1914 г.) оперативно-стратегический план развертывания у германской армии был уже иной. Если бы Шлиффен

[1]) См. Вл. Меликов. Марна — Висла — Смирна, стр. 101.

был жив и находился во главе германских вооруженных сил, то и тогда бы его план от декабря 1905 г. претерпел бы ряд совершенно естественных изменений, так же как он видоизменялся в период его пребывания на посту начальника германского генерального штаба. Конечно, это не значит, что в обстановке 1914 г. Шлиффен сделал бы те же изменения в плане, что и Мольтке-младший. Вопрос другой, насколько целесообразно и искусно был видоизменен Мольтке-младшим в период с 1906 и по 1914 г. тот вариант плана стратегического развертывания, который был ему оставлен Шлиффеном. Прежде чем ответить на это, коротко остановимся на шлиффеновском варианте стратегического развертывания вооруженных сил германской армии.

Мы не будем здесь во всех исторических подробностях рассматривать, как сложился вариант плана Шлиффена к моменту его ухода из Большого германского генерального штаба (декабрь 1905 г.); читатель, интересующийся этим вопросом, может найти анализ его в нашей работе «Марна—Висла—Смирна». Здесь скажем лишь о том, с каким фактическим итогом и конкретным содержанием план Шлиффена в отношении, главным образом, стратегического развертывания германских армий вступил в силу к январю 1906 г.

Совершенно ясно, что планы стратегического развертывания Шлиффена имели свой генезис (зарождение) в том богатейшем стратегическом наследстве, которое он получил от Мольтке-старшего и Вальдерзее [1]).

Всилу этого будет полезно коротко указать о сущности этого наследства. Если мы изучим ряд вариантов плана стратегического развертывания, которые разработал Мольтке в период после франко-германской войны 1870 г., то заметим три основных линии, три основных периода в процессе всей его оперативно-стратегической работы за время с 1870 по 1885 г.

Первый период (1871—1876 гг.). В эти годы после успешной для Германии войны Франция в глазах германского генерального штаба во главе с Мольтке не представляла собой значительной реальной силы, а поэтому Мольтке считал, что в борьбе на два фронта (Франция и Россия) Германия вполне сможет одновременно вести войну и против Франции, и против России.

Второй период (1876—1879 гг.). Это тот период, когда для Мольтке и его соратников по генеральному штабу становилось ясным, что Франция окрепла быстрее, чем думали, что она и ее вооруженные силы очень быстро выросли в такую реальную силу, с которой приходилось серьезно считаться. Кроме того, на восточной границе Франции с каждым месяцем все более укреплялись и усовершенствовались крепостные районы, создававшиеся по плану и под руководством известного французского военного инженера

[1]) После ухода Мольтке-старшего (род. 1800 г.) в отставку в 1888 г. летом этого же года ген. Вальдерзее (р. 1832 г.) занял пост начальника генерального штаба и в этой должности он оставался до 1891 г., когда его заместил ген. Шлиффен (р. 1833 г.).

ген. Серре-де-Ривьера. В этот период Мольтке считал, что Франция это тот противник, против которого нужно готовить первый удар. Но Мольтке хорошо понимал что одним ударом с Францией покончить теперь не удастся, так как уже война 1870—1871 гг. со всей ясностью показала, что современное крупное европейское государство очень трудно заставить сложить оружие, что за первым эшелоном призывных возрастов, давшим Франции армию около полмиллиона, вскоре появились другие армии Гамбетты, причем второй эшелон оказался численно более первого, а все это увеличивало сопротивляемость страны и тем самым затягивало войну. Хотя столица Париж и разгром живой силы попрежнему в плане Мольтке оставались основной целью, к которой бы стремилась германская армия, но дойти до этой цели было много труднее, чем в войну 1870—1871 гг.

В этот период Мольтке возлагает большие надежды на дипломатический талант Бисмарка, он очень сильно рассчитывает, что в процессе наступления германских армий в пределах Франции Бисмарк сумеет уже после первого решительного сражения, которое германцы должны обязательно выиграть, начать активную борьбу за перемирие и мир. Благоприятный мирный договор для Германии Мольтке нужен как фактор, который дал бы возможность поскорее перебросить армии на восток против России, которая сильно запаздывает со своей мобилизацией и стратегическим сосредоточением в районы развертывания. Эту переброску на восток, как полагал Мольтке, будет возможно осуществить не ранее как к концу четвертой недели, начиная с первого дня мобилизации Франции.

Мольтке рассчитывал, что на 12-й день мобилизации Франция развернет свои войска и займет исходное положение для боя. За время с 13-го по 27-й день мобилизации произойдет решительное сражение, короткое преследование, а затем активнейшее вмешательство дипломатии с тем, чтобы склонить французов к прекращению военных операций; тогда, примерно с 28—29-го дня мобилизации, можно будет начать переброску армий на восточный русский фронт. Этот творческий период в работе Мольтке над планом стратегического развертывания, со всеми его особыми упованиями на дипломатию (успех которой мог быть и не быть), следует считать переломным. Именно в этот период Мольтке все более и более приходит к основному выводу, что в борьбе на два фронта будет выгоднее активно обороняться против Франции и вести наступление против России, которая благодаря медленности своей мобилизации значительно запаздывает со стратегическим развертыванием своих армий, в то время как готовность французской армии почти уже сравнялась с германской. И уже к 1879 г. Мольтке твердо считал, что упреждение в мобилизационной готовности и более быстрое развертывание германских вооруженных сил на восточном театре военных действий по сравнению с царской Россией передает в руки Германии верный шанс с первых дней войны глубоко вторгнуться в территорию России и иметь тем самым первый

большой стратегический успех. Фактически третий период с 1879 по 1888 г. является тем временем в творческой работе Мольтке, когда он центр тяжести в своей стратегической деятельности переносит на разработку наступательных вариантов против России. И действительно, политическая обстановка для Германии, как государства, находящегося в центре Европы, с 1879 г. резко меняется. В этот год заключается военно-политический союз с Австро-Венгрией.

По характеру своего стратегического мышления Мольтке не был поклонником таких афоризмов, как Шлиффен, который считал, что «судьба Австро-Венгрии будет решаться на Сене, а не на Буге». Мольтке полагал, что организация и вооруженные силы Франции в 1880 г. настолько окрепли, что мало чем отличаются от германских. Мобилизация и стратегическое сосредоточение французских войск к государственным границам почти сравнялись с германскими, в то время как русскую армию германцы упреждают на декаду. Крепости Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор со своими фортами, которые не переставали совершенствоваться, фактически заперли восточную границу Франции между Бельгией и Швейцарией. Столица Франции Париж также превращалась в обширную крепость-лагерь. Мольтке твердо решает, что Германия должна совместно с Австро-Венгрией вести активное наступление против России, добиться на этом восточном театре решительных успехов и благоприятного для Германии и Австро-Венгрии перемирия с Россией, после чего начать переброску сил против Франции. Этот основной мотив проходит через все последние варианты по плану стратегического развертывания, которые разработал Мольтке. Следует отметить, что Мольтке не изменил этого плана даже и тогда, когда к германо-австрийскому союзу временно присоединилась Италия; он считал, что этот момент несколько облегчает положение германских корпусов, которые останутся на французском фронте, но не больше.

На восточном (русском) фронте Мольтке считал целесообразным концентрическим ударом из Восточной Пруссии и Галиции (Австро-Венгрия) отторгнуть от России так называемый Передовой театр, т. е. район Осовец—Калиш—Томашев—Брест-Литовск.

На западном (французском) фронте вести активную оборону, в основном опираясь на германские укрепления, расположенные в районе Меца и по Рейну. Исходя из данных агентуры и разведки, Мольтке считал, что французы главные силы сосредоточат в районе Верден—Эпиналь для решительного наступления в Лотарингии, примерно на фронт Мец—Саарбург, вспомогательный удар они поведут в Эльзасе. Для того чтобы выиграть время до подхода освободившихся германских корпусов с восточного фронта, необходимо истощить французскую армию в ее борьбе за овладение районом Майнц—Мец—Страсбург; в Эльзасе также не допускать глубокого вторжения французских сил. Мольтке считал, что 13 арм. корпусов, которые он оставляет для активной обороны против Франции, сумеют в случае французского наступления не только исто-

щить французов в районах крепости Меца и при отходе с упорными боями к крепостям Майнц и Страсбург, но, опираясь на Рейн, германская армия не допустит дальнейшего распространения французов в глубь германской территории. Мольтке рассчитывал, что 7 арм. корпусов, оставленных против России, совместно с австрийской армией вырвут благоприятный мир от России и тогда, вернувшись на западный фронт, германская армия нанесет решительный контрудар французам. Ген. Вальдерзее в основном остался верен этому плану Мольтке.

В 1891 г. начальником германского генерального штаба был назначен ген. Шлиффен, с именем которого связаны операции германских армий на западном (французском) театре военных действий и который ¾ своей оперативно-стратегической деятельности посвятил разработке основного вопроса решительного наступления и организации первого главного удара против Франции. Для Шлиффена было очевидно, что Германии придется вести борьбу на два фронта, так как к его назначению был заключен и начал действовать военно-политический союз между Францией и Россией.

Шлиффен, изучая варианты по плану стратегического развертывания своего великого предшественника Мольтке-старшего, видел, что последний после 1880 г. считал нанесение главного удара против Франции делом весьма трудным. Начавшаяся постройка новой крепости Нанси и форта Мононвилера фактически запирала последний небольшой проход между Тулем и Эпиналем. В вариантах Мольтке-старшего Шлиффен нашел ряд важных соображений, которые явились «зерном», «зародышем» для его будущего самостоятельного плана стратегического развертывания. Надо твердо установить, что ни Мольтке-старший, ни Вальдерзее не поднимали вопроса и не разрабатывали оперативно- стратегических вариантов наступления через Бельгию и Люксембург с внезапным нарушением их нейтралитета. Но Мольтке-старший в своих вариантах указывал, что наступать в лоб китайской стене из французских крепостей, расположенных между Бельгией и Швейцарией, дело нецелесообразное, надо думать об обходе железобетонного пояса ген. де-Ривьера. Если наступать, то где-то севернее крепости Вердена, в направлении Стенэ, но обязательно обеспечив это наступление мероприятиями, которые не дали бы противнику возможности ударить по левому флангу главной обходящей группы из района Вердена на север.

Вот эти мысли Мольтке-старшего крепко запомнил Шлиффен и они нашли у него благоприятную почву для своего дальнейшего развития, несмотря на то, что в противоположность Шлиффену Мольтке-старший, как мы видели выше, считал правильным первый, основной и главный удар вести против России и на первых порах активно обороняться против Франции.

Оперативно-стратегические мотивы и конкретный план развертывания германских вооруженных сил по Шлиффену фактически складывались из следующих основных моментов.

После глубокого и тщательного анализа стратегических вариантов, которые были созданы Мольтке-старшим и ген. Вальдерзее и сопоставляя их с новой действительной обстановкой, Шлиффен окончательно пришел к выводу, что основным и главным противником для германской армии является Франция. В период с 1894 по 1899 г. Шлиффен совместно с сотрудниками Большого германского генерального штаба разработал в основном план решительного наступления против Франции с проходом через Бельгию и Люксембург. Марш-маневр через бельгийскую территорию давал не только большой замах для флангового удара, но и полную возможность для огромной массы правого фланга германских армий двигаться по территории, удобной для маневрирования, а главное пустить эту массу в обход железобетонного пояса, сооруженного генералом де-Ривьера (схема 1) [1]).

Во время создания Шлиффеном вариантов прохода главной массы германских армий через Бельгию и Люксембург Шлиффену было в достаточной степени в стратегическом отношении известно, что восточная граница Франции, благодаря возведенным на ней укреплениям, стала с фронта трудно преодолимой. На полевых поездках и военных играх он постоянно указывал, что «Франция возвела почти непрерывную преграду на всем своем восточном фронте между Швейцарией и Бельгией вдоль верховьев Мозеля и Мааса». Он не раз подчеркивал, что французская граница времен Мольтке-старшего к 1905 г. стала совершенно иной; теперь в полосе восточной границы Франции «выросла китайская стена», причем укрепления потянулись также и по бельгийской и частично швейцарской границам. Поэтому варианты стратегического развертывания германских армий на западном (французском) фронте, которые оставил после себя Мольтке-старший, должны быть теперь в значительной мере переработаны. «Прямая дорога, — говорил Шлиффен, — от Меца и Страсбурга на Париж закрыта железобетонным поясом Серре-де-Ривьера [2]), а поэтому нужно искать другие пути для вторжения во Францию». В это время крепостная линия Германии на ее западной границе также была мощной; она шла вдоль водной преграды реки Рейна; именно здесь были расположены первоклассные крепости с долговременными фортами, как-то: Везель, Кельн, Кобленц, Майнц, Страсбург и малые крепости Роштадт, Нейбризах. Впереди этого укрепленного барьера находились две сильные крепости Мец и Диденгофен (Тионвиль). Таким образом стратегическое развертывание германских армий в отличие от французских должно было совершиться к западу от линии р. Рейн, т. е. впереди основной германской крепостной системы, в то время как стратегическое развертывание французских армий должно было

---

[1]) Схемы даются в приложении.

[2]) Ген. Серре-де-Ривьера был после войны 1870 г. назначен председателем комитета по обороне Франции.

происходить за укрепленным поясом Серре-де-Ривьера (Бельфор, Эпиналь, Туль, Верден с целой серией фортов между этими мощными крепостями).

Во всяком случае система расположения крепостей и фортов Германии и Франции давала полную возможность как той, так и другой стороне широко маневрировать полевой армией. Франция могла, опираясь на свои крепости по восточной государственной границе, в нужное время перебросить главные силы к северу, с тем чтобы действовать, если это потребует обстановка, на территории Бельгии; Германия, обладая сильно укрепленной водной преградой — Рейном, могла вести не только большую наступательную операцию, но, опираясь на эту крепкую оборонительную линию, не допустить глубокого вторжения противника в глубь своей территории.

Для Шлиффена было ясно, что железобетонный пояс ген. де-Ривьера значительно о б е с п е ч и в а л благоприятное развитие мобилизации и сосредоточения для французской армии. Мало того, опираясь на широко развитую железнодорожную сеть, французы могли значительными силами первыми вторгнуться в районы предполагаемого стратегического развертывания германских армий, которые находились в п е р е д и (т. е. к западу) системы крепостей по Рейну. Именно всилу этого Шлиффеном было обращено особое внимание на развитие крепостей в районе Мец [1]) — Диденгофен (Тионвиль) [2]), Саарлуи, которые запирали наиболее важные проходы и пути в полосу стратегического развертывания германских армий впереди Рейна, а также на усиление корпусов, прикрывающих стратегическое развертывание. Шлиффен мог благодарить своего учителя Мольтке-старшего за ту государственную границу Франции, которую он начертал после победоносной войны 1870 г., границу, значительно сократившую пути к столице Франции — Парижу. Но одновременно с этим Шлиффен никак не мог благодарить ген. Серре-де-Ривьера, который в значительной мере ослабил выгоды после 1870 г. для нового неприятельского вторжения во Францию, устроив мощный железный пояс на огромном протяжении от Мезьера до Бельфора. Для Шлиффена было совершенно ясно, что эти укрепленные районы в полосе восточной границы Франции заперли все главные пути для вторжения с востока на Париж. Схема 1 дает представление о военно-инженерной подготовке восточной границы Франции. Шлиффен на основании разведывательных данных довольно хорошо знал, что в этом железобетонном барьере от Мезьера до Бельфора имеются лишь два условных прохода в промежутке между Монмеди и Верден = 30 км и между Тулем и Эпиналем = 50 км. Но Шлиффен отлично понимал, что современные мас-

[1]) Например, долговременные укрепления крепости Мец были вынесены местами до 12—14 км; во всяком случае для атаки Меца французы, по мысли Шлиффена, должны были бросить не менее 5—6 полных дивизий, чтобы рассчитывать на минимальный успех.

[2]) Французский город Тионвиль после войны 1870 г. отошел к немцам, которые его переименовали в Диденгофен.

совые армии по таким промежуткам не могут нацеливаться и развертываться, это, во-первых, а, во-вторых, войдя в первый промежуток, наступающий после нескольких километров своего продвижения на запад, натыкался на огромный, трудно доступный для действий крупных войсковых масс лесисто-болотистый район Аргонского леса, и в-третьих, известный «Шармский проход» между Тулем и Эпиналем пересекался крупной водной преградой р. Мозель, имевшей ряд оборонительных позиций. Как увидим сейчас, в варианте 1900—1903 гг. Шлиффену приходилось итти на то, чтобы стараться прорваться через проход «Шарм».

Итак, лишь северная граница Франции от Лонгви до Дюнкирхен (за исключением нескольких небольших укреплений типа фортов-застав, как Монмеди—Лонгви) была свободна для вторжения, но чтобы ее достигнуть, нужно было преодолеть территорию Бельгии, захватить крепости Льеж и Намюр и разбить бельгийскую полевую армию. Во всяком случае для зоркого взгляда такого стратега, как Шлиффен, было совершенно ясно, что вся французская крепостная система по рр. Маасу и Мозелю рассчитана не на широкие наступательные операции впереди пояса Серре-де-Ривьера, а на ведение длительной оборонительной войны, в которой французские армии могли крепко и непрерывно опираться на железобетонный барьер по восточной границе Франции. Французский генеральный штаб очень хорошо знал активную наступательную доктрину, которой была пропитана сверху донизу, особенно после побед 1866 и 1870 гг., германская армия, а поэтому первым долгом стремился обеспечить успех своевременного стратегического сосредоточения своих армий к восточной границе с тем, чтобы крепко оседлать железный пояс де-Ривьера. И лишь после этого, в зависимости от демарша германского командования, «рисковать» наступательной операцией в верхний Эльзас и Лотарингию, т. е. оставив позади себя обширные крепостные районы Бельфора — Эпиналя—Туля—Вердена, попытаться выполнить заветы ген. Буланже о реванше с целью обратного отторжения потерянной в 1870 г. провинции Эльзас-Лотарингии. Возникает законный вопрос, для чего было важно французскому генеральному штабу своевременно сосредоточить свои армии к крепостям в полосе восточной границы Франции? Ответ может быть лишь один — для того, чтобы не потерять железный пояс де-Ривьера, который без тесного взаимодействия с полевой армией долго держаться собственными силами не мог. С потерей же оборонительной системы Франции ее общее стратегическое положение было бы крайне тяжелым, она теряла районы своего стратегического сосредоточения, а подходившие к ним корпуса могли подвергнуть себя участи быть битыми по частям. Отнести развертывание назад также было невыгодно, ибо это значило, что при незначительной глубине театра военных действий стратегическое развертывание надо было бы производить где-то невдалеке от столицы государства — Парижа. Таким образом, все говорило за то, что французская армия не должна бы-

ла по сравнению с германской опоздать с разрешением задачи стратегического сосредоточения и развертывания в полосе укрепленной системы де-Ривьера, которая без тесного взаимодействия с полевой армией, при таком сильном и активном противнике, как немцы, самостоятельно долго бы продержаться не могла.

Прежде чем перейти к декабрьскому (1905 г.) варианту Шлиффена, полезно будет осветить очень интересный период из творческой работы французского и германского генеральных штабов.

Создав крепостной пояс Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор между бельгийской и швейцарской государственными границами, французский генеральный штаб не мог не понимать, что этим самым он в известной мере подчинил своей воле оперативно-стратегическую мысль германского генерального штаба. У последнего оставалось три возможных варианта для сосредоточения и развертывания германских сухопутных сил и средств.

Первый — сосредоточить и развернуть германские армии для лобовой атаки и прорыва укрепленного пояса де-Ривьера [1]).

Второй — обход правым флангом стратегического фронта через Бельгию и Люксембург.

Третий — проход через Швейцарию; этот вариант отпал, так как швейцарская милиционная армия и горный театр Швейцарии не давали выгодных шансов к быстрому проходу через эту страну для внезапного обхода с юга крепостного пояса де-Ривьера.

Эти варианты были в поле зрения и размышления деятелей

---

[1]) Между прочим, в книге « Feldherr und Kriegstechnik » автор ее Юстров как раз предлагает этот вариант и считает его наиболее целесообразным для 1914 г. в сравнении со всеми вариантами Шлиффена и Мольтке-младшего. Юстров строит четыре германских армии в два эшелона в районе Люксембург — Мец — Страсбург с активными заслонами на флангах от Люксембурга до Аахена и от Страсбурга до швейцарской границы. Эти четыре армии должны произвести прорыв и наступать по кратчайшему направлению Мец — Париж. Юстров планирует операцию таким образом, чтобы захватить порты для высадки английской армии во Францию (Булонь, Кале, Дюнкерк) и затем, после прорыва в районе к западу от Люксембург — Мец, на 40-й день мобилизации построить сплошной фронт от Абевиля на Шалон — Лангр — Безансон, наступая затем на фронт: Руан — Париж — Дижон (60-й день мобилизации). У нас нет места в деталях рассмотреть схему планирования операции Юстровым (это мы сделаем в другом месте), но не трудно видеть, что он своим вариантом уже с первого момента в августе 1914 г. способствовал бы еще более быстрому установлению позиционного фронта. Схема 3, данная Юстровым в его книге, ясно говорит, насколько сложна и искусственна та операция, которую он в ней изображает. Юстров пытается показать, что он больше ученик Мольтке-старшего, чем Шлиффен, которого считает по меньшей мере беспредметным фантазером. Но Юстров забыл при планировании своей операции основной тезис Мольтке-старшего, который говорил, что хотя Мец — Париж направление кратчайшее, но «трудное и неудобное», так как преграждается оборонительной завесой (rideau défensif) Вогезского хребта и Маасских высот, защищенных новыми большими крепостями Верден—Туль—Эпиналь и Бельфор и рядом фортов-застав между этими крепостями. Значительное время и не менее значительное количество боевых средств нужно, чтобы прорваться через эту железобетонную стену из крепостей.

французского генерального штаба и в его истории есть варианты плана стратегического развертывания, составленные ген. Бонналем[1]), сущность которых вытекает в основном из желания и стремления не только парировать на восточной границе Франции удары с севера или юга, но и посредством наполеоновской «армии авангарда» разгромить живую силу противника.

На этих принципах был построен французский план стратегического развертывания за № 14, причем и в плане № 15 и № 15-бис эта идея остается, но только в последних двух была убрана «армия авангарда», о чем будем говорить ниже (глава III).

Оперативно-стратегическая идея Бонналя, заложенная в плане его развертывания на восточной границе Франции между Бельгией и Швейцарией, может быть кратко охарактеризована следующим образом:

Во-первых, ген. Бонналь считал необходимым вести войну перволинейной армией. Резервные формирования у него в самых ничтожных размерах располагаются далеко в тылу, «чтобы приобрести там необходимую спайку». «Их надо сперва хорошенько натаскать и политически обработать, а затем уже можно испробовать в бою», — говорил Бонналь о резервных формированиях.

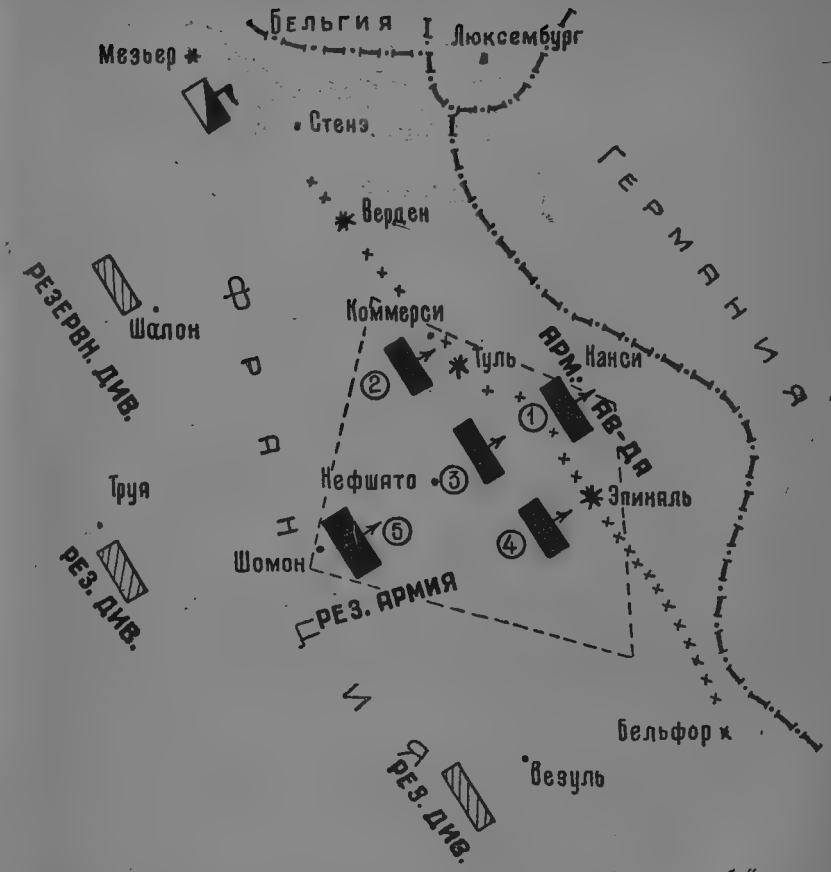
В своем плане № 14 Бонналь писал[2]): «Действующие войска первой линии образуются исключительно из регулярных формирований, из людей, находящихся под знаменами и самых молодых классов резервистов. Резервные армейские корпуса и резервные армии упраздняются. Резервисты старых годов комплектуют резервные дивизии, снабженные всеми органами, необходимыми для походной жизни. Подвезенные в тыл армии первой линии, в зону сосредоточения, резервные дивизии смогут завершить там свою организацию и приобрести необходимую спайку».

Во-вторых, ген. Бонналь считает достаточным иметь пять регулярных армий, которые сосредоточиваются и развертываются, принимая форму «ромба», в районе к югу от Вердена—Шомон—Эпиналь, в основном оперативно-стратегически нацеливаясь на Лотарингию и северную часть Эльзаса. Сосредоточение и развертывание в районе станций выгрузки пяти армий делалось для того, чтобы с 8-го дня мобилизации главнокомандующий свободно мог в зависимости от демарша германцев принять то или иное стратегическое решение о контрнаступлении. Графически этот «ромб» или «армия авангарда» показана на черт. 1.

---

[1]) Французский генерал Бонналь родился в 1844 г., участвовал в Тонкинской экспедиции, в 1899 г. был профессором военной истории и тактики во французской военной академии, а затем в 1901 г. ее начальником. Бонналю французское главное командование поручило составить план стратегического развертывания французской армии, который затем получил, после утверждения правительства, название плана войны № 14. Бонналь являлся крупным знатоком военного искусства Наполеона и Мольтке-старшего, операции и учение которых он разобрал в ряде военно-исторических работ «Маневр С.-Прива», «Виленская операция» и др.

[2]) Les armées françaises dans la grande guerre, t. premier, p. 7—8.



Черт. 1. Расположение пяти армий по Бонналю в форме „ромба".

Этот метод построения боевого порядка развертывающихся пяти армий с кавалерией на левом фланге требовал не только обороняясь подчинить своей воле наступающего, но и действовать так:

Первое положение (см. черт. 2 на стр. 62).

Как только для французского главнокомандующего, полагал ген. Бонналь, после сосредоточения и развертывания станет ясным маневр противника, ромбообразное расположение пяти французских армий будет давать полную возможность предпринять любой контрманевр. Из чертежа первого положения виден вариант, когда противник направляет свои силы с фланга при поддержке этого охватывающего маневра атакой с фронта. Именно этот

маневр германцев с особым вниманием изучал ген. Бонналь и в своем произведении «La manoeuvre de Saint-Privat» он пытался заглянуть в душу германского генерального штаба с тем, чтобы вскрыть стратегический план Шлиффена.

Черт. 2.

Этот план ген. Бонналю рисовался таким образом:

1) Окружение — это красная нить всей стратегической и тактической доктрины германцев. Осуществление комбинированного удара с фронта и флангов — вот та основная цель, к которой будет стремиться немецкое командование, наступая на французском фронте.

2) 12-й день мобилизации для германской армии будет днем перехода после развертывания в наступление.

3) Бонналь, представлял себе развитие германского плана операций в следующей последовательности.

а) 7—8 армейских корпусов совместно с 7—8 кавдивизиями развернутся на исходной линии С.-Вит—Трир. Наступая через бельгийский Люксембург, эти войска к 16-му дню мобилизации выходят на фронт Мезьер—Стенэ, а к 20-му дню мобилизации на фронт Сюип—С. Менегульд—Клермон. При организованной и удачной боевой работе 7—8 германских кавалерийских дивизий можно будет ожидать, что к 16-му дню мобилизации они выйдут в район С. Кетэн—Шалон, а на 18-й день мобилизации захватят район Мо—Куломье (см. черт. 3).

б) Примерно 12 германских армейских корпусов, развернувшись на 60—80-километровом фронте южнее Меца и севернее Кольмара, должны будут в течение нескольких суток вести фронтальные бои, притягивать на себя противника и тем облегчать правофланговую операцию наступающих 7—8 армейских корпусов.

Самое раннее на 15-й день мобилизации эта центральная масса войск перейдет в энергичное наступление.

в) На левом фланге на фронте Кольмар—Мюльгаузен также к 12-му дню мобилизации развернется не менее 3—4 армейских корпусов; они перейдут в наступление в тот момент, когда комбинированный удар фланга и центра достигнет крупного успеха и потребуются силы для завершения окружения французов.

Бонналь считал, что при таком германском варианте французский главком, производя сосредоточение и развертывание по плану

Черт. 3. Наступательный план германцев в предположении ген. Бонналя (в период 1896—1900 гг.).

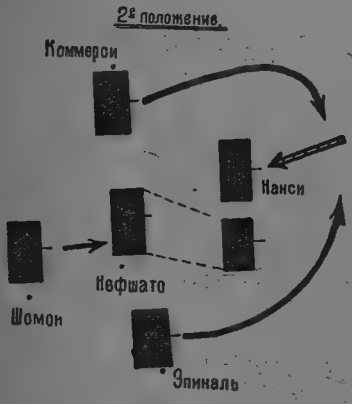
№ 14, сумеет с 8-го дня мобилизации предпринять соответствующий контрманевр; армия авангарда в районе Нанси будет удерживать неприятеля с фронта, в то время как 4 французские армии будут брошены в направление охватывающего германского фланга.

Второе положение.

Это положение будет иметь место, когда главная германская атака производится с фронта в направлении Нанси. В данном случае «армия авангарда» останавливает противника, армия второй линии, расположенная в районе Нефшато, выдвигается на усиление «армии авангарда», в то время как армии у Коммерси и Эпиналя охватывают фланги противника. Резервная армия у Шомон будет брошена в район решительного удара с тем, чтобы завершить победу.

Таковы оперативно-стратегические идеи, которые были заложены в плане стратегического развертывания ген. Бонналя.

Военное учение ген. Бонналя не могло не вытекать из его политического мировоззрения. Бонналь поддерживал тесную связь с реакционными офицерскими кругами, он был постоянно связан с бонапартистами и аристократией. Всилу этого не случайно мы видим у него исключительно отрицательное и враждебное отношение к широким народным массам, из которых преимущественно формируются резервные и территориальные части. Он настойчиво требовал создать перволинейную армию профессионалов с длинными сроками службы (не менее 5 лет) с тем, чтобы иметь вымуштрованных солдат, соответственно политически обработанных и воспитанных и готовых, не задумываясь, беспрекословно выполнять любой приказ, идущий на пользу дела буржуазии. Например, когда в 1907 г. вспыхнул на юге Франции известный виноградный бунт, когда мелкий собственник восстал против крупных собственников-эксплоататоров и против правительственных налогов и пошлин и когда войска, которые были двинуты для прекращения оружием волнений, стали переходить на сторону мелких виноградарей (17-й пех. полк и др.), не желая стрелять, а в учебных сборах резервистов вспыхнули волнения и пр., — ген. Бонналь оказался одним из первых, кто в печати стал усиленно пугать французского рантье призраком якобинизма и революции 1793 г.



Черт. 4.

Солдат должен быть оторван от народных масс; для этого существует, говорил ген. Бонналь, казарма с долголетней суровой муштрой, которая вырабатывает из солдата профессионала, автомата, т. е. крепкую вооруженную опору для буржуазного строя.

Эта теория победила в плане развертывания французских армий за № 14, который свел на-нет резервные формирования и в основном был направлен против вооружения значительных народных масс и обучения их военному делу и который оперировал только одними регулярными армиями.

Уничтожая резервные формирования, французский генеральный штаб вместе с Бонналем не хотел видеть реальную действительность, которая в это время развертывалась в Германии, где после утверждения правительством знаменитого закона 1888 г. шло бешеное строительство германских вооруженных сил. Этот закон увеличивал срок воинской повинности вдвое с 12 до 25 лет.

Закон устанавливал — 3 года действительной службы, 4 года состояния в резерве, 5 лет в ландвере 1-го призыва (возраст от 27 до 32 лет), 6 лет в ландвере 2-го призыва (от 32 до 39 лет), 12 лет —

в запасе (т. е. не попавшие на военную службу, но годные к ней), ландштурм 1-го призыва (от 17 до 39 лет) и 2-го призыва (от 39 до 45 лет).

Иными словами, этот закон создавал огромную многомиллионную массовую армию из полевых, резервных (территориальных), ландверных, ландштурмных, эрзац-резервных войск, которые должны были решать смелые задачи по шлиффеновским планам стратегического развертывания, построенным в основном на опыте полководческого искусства Наполеона и Мольтке-старшего.

Бонналь также говорил, что его план развертывания за № 14 является перенесением наполеоновского учения в современную Бонналю эпоху. Но так могли думать лишь Бонналь и его школа, мягко говоря, формально воспринявшая многообразный боевой опыт Наполеона и чрезмерно восхищавшаяся идеей «армии авангарда».

В официальном французском издании говорится, что план № 14 является планом «выжидательным» [1]), т. е. всецело зависящим от воли и инициативы противника. После того, как противник перейдет границу и будет решительно действовать в определенном направлении, ясном для французского главного командования, только тогда последнее начнет решать, куда бросить армии. Этот план ясно говорит, что автор его хочет очень много знать о противнике (что на войне бывает редко) и затем уже безошибочно действовать. Другими словами, у автора большое желание перехитрить своего противника. Но если мы хорошенько проанализируем боевой опыт Наполеона и Мольтке, то мы наглядно увидим, что наибольшее количество твердых и инициативных решений у них приходится как раз на те случаи, когда они решали на основе скудных и обычно противоречивых сведений о противнике.

Слишком многогранны и многообразны военное искусство и боевой опыт Наполеона и Мольтке, чтобы сводить их, как это сделал Бонналь, в одну форму «всеспасительного ромба» с его «армией авангарда» в первой линии (Нанси), тремя армиями во второй линии (Эпиналь—Мирекур—Нефшато—Коммерси) и одной армией маневренного резерва в третьей линии (Шомон) с основной идеей «выжидания» [2]) и с мечтой, что такое построение вглубину годно на все случаи и обещает успех.

Только этим и можно об'яснить то обстоятельство, что Бонналь очень смело и свободно оставляет весь район Вердена на собственное попечение его гарнизона. Он не боится его сдать противнику во имя будущих успехов. Такое игнорирование района Вердена резко критикуется почти всеми французскими авторами, касающимися этого вопроса. Наполеон и его наиболее знаменитый последователь и ученик Мольтке-старший постоянно твердили, что надо навязать свою волю противнику, необходимо посредством внезап-

---

[1]) Les armées françaises dans la grande guerre, t. I, p. 8.
[2]) Ibidem 8.

ного наступления взять инициативу действий в свои руки и ни за что не давать ее у себя вырвать.

Это основная, центральная мысль в полководческом искусстве Наполеона и Мольтке, как мы видели, очень слабо выражена у Бонналя даже тогда, когда он довольно верно в период 1898—1902 гг. представляет себе германскую наступательную доктрину и возможные варианты действий противника на восточной границе Франции.

Клаузевиц писал, что на войне нельзя терять времени. «Если мы не можем извлечь каких-либо особых выгод из промедления, то важно приступить к делу как можно скорее. Быстротой можно пресечь многие мероприятия противника в самом зародыше и привлечь на свою сторону общественное мнение. Внезапность играет в стратегии гораздо большую роль, чем в тактике; она является наиболее действительным началом победы. Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Фридрих II, Наполеон обязаны быстроте действий самыми яркими лучами своей славы» [1]). Как мы видели, у Бонналя в ы ж и д а н и е является основной идеей в плане его стратегического развертывания.

План № 14 ген. Бонналя просуществовал четыре года (с 1898 по 1902 г. включительно) и в 1903 г. был заменен новым планом № 15, который крепко впитал в себя основную «в ы ж и д а т е л ь н у ю» идею ген. Бонналя, но убрал «армию авангарда» из района Нанси.

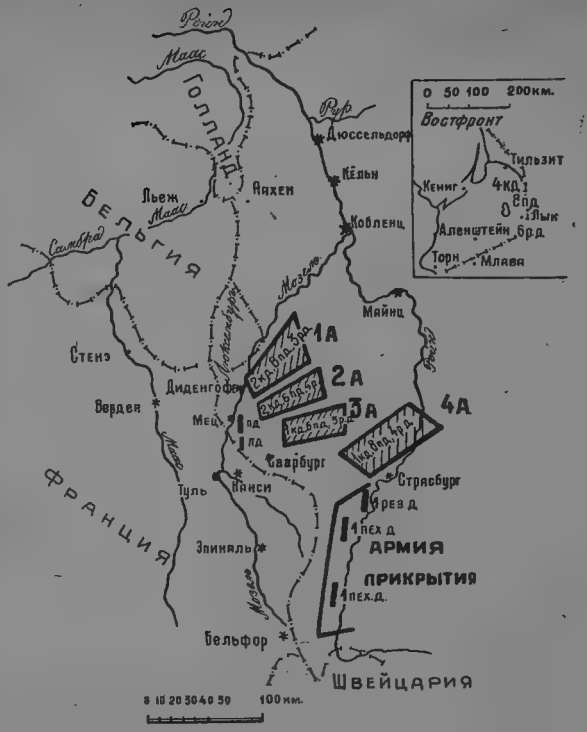
В период 1893—1905 гг. Шлиффеном был разработан целый ряд планов стратегического развертывания на западном (французском) театре военных действий, который он считал для Германии главным и куда проектировал сосредоточить основную массу германских вооруженных сил.

По плану стратегического развертывания 1893—1894 гг. Шлиффен сосредоточивал против Франции главные силы, а именно: 6 кавалерийских, 32 пехотных, 15 резервных дивизий, оставляя в Восточной Пруссии всего лишь 4 кавалерийских, 8 пехотных, 6 резервных дивизий. Но во всяком случае, как видим, Восточной Пруссии в эти годы он уделяет значительное внимание, неизмеримо большее, чем району Эльзаса (Страсбург — швейцарская граница 100—110 км), куда направляет всего лишь 2 пехотных и 1 резервную дивизию. Главные силы сосредоточиваются в районе Диденгофен—Страсбург (140 км) — 6 кавалерийских, 30 пехотных, 14 резервных дивизий (см. черт. 5 на стр. 67).

Этот вариант развертывания Шлиффен считал невыгодным для германской армии, так как ее основные и главные силы были нацелены прямо на укрепленную полосу Верден—Туль—Эпиналь. Это обстоятельство неизбежно повлекло бы за собой затяжную и тяжелую борьбу с французской армией, которая не только может действовать оборонительно, но и, весьма возможно, будет наступать в двух направлениях, между Мецем и Саарбургом и севернее Диденгофена через Люксембург. В таком случае, говорит Шлиффен,

---

[1]) К л а у з е в и ц. О войне, стр. 604.



Состав западного (французского) фронта.

1-я армия	— 2 кд,	8 пд,	3 рд.
2-я армия	— 2 кд,	6 пд,	4 рд.
3-я армия	— 1 кд,	6 пд,	3 рд.
4-я армия	— 1 кд,	8 пд,	4 рд.
Мец	—	2 пд,	
Армия прикрытия (Эльзас)	—	2 пд,	1 рд.
Итого . . .	6 кд,	32 пд,	15 рд.

Состав восточного (русского) фронта.

Итого . . .	4 кд,	8 пд,	6 рд.
Всего . . .	10. кд,	40 пд,	21 рд.

Черт. 5. План развертывания, составленный Шлиффеном в 1893—1894 гг.

германская армия, собранная на узком пространстве, будет принуждена конратаковать французов по внутренним флангам, но такая атака в условиях ранее потерянной инициативы едва ли может быть

выгодной для германской армии. Возводимые бельгийцами крупные укрепления (Намюр—Льеж) говорят об уверенности Бельгии в том, что её нейтралитет будет Германией нарушен. Кроме того Шлиффен в эти годы считал, что Франция с началом же войны введет свои войска в Бельгию, чтобы охватить своим левым флангом германскую армию, имея центр и правый фланг обеспеченными железобетонным поясом крепостей де-Ривьера.

По этому варианту Шлиффен делал основной вывод, что германской армии необходимо притянуть правый фланг к Люксембургу и Бельгии с тем, чтобы первыми взять инициативу в свои руки и попытаться обойти Верден с севера (см. черт. 6 на стр. 69).

Эта идея Шлиффена была положена в основу разработанного плана стратегического развертывания 1899—1900 гг. По этому плану (см. черт. 6) силы, намеченные в Восточную Пруссию, были уменьшены на шесть дивизий, кроме того в Эльзас Шлиффен выделял всего лишь две дивизии из 6-й армии, рассчитывая к тому же от своей союзницы Италии получить 12 дивизий на левый фланг. Имея ввиду, что Шлиффен все время считал весьма полезным, если французы вторгнутся глубоко в Эльзас-Лотарингию [1]) и тем самым дадут возможность германцам их атаковать с фланга и тыла, следует полагать, что эти 12 итальянских дивизий Шлиффен ставил в качестве гипотезы, в реальность осуществления которой мало верил, хотя бы по одному тому, что Италия едва ли так просто перебросила бы для Германии целых 6 корпусов (или 12 дивизий). План от 1899—1900 гг. направлял через Люксембург и Бельгию (бельгийский Люксембург) в обход укрепленного района Вердена 4 кавалерийских, 16 пехотных, 4 резервных дивизии.

Если правый фланг охвата (1-я и 2-я армии) численно сопоставить с центром и левым флангом (3-я, 4-я, 5-я, 6-я армии), то разница будет всего лишь (без итальянских дивизий) в 10 пехотных и 3 резервных дивизиях в пользу центра и левого фланга (Страсбург).

Как видим, Шлиффен уже смело нарушает этим планом нейтралитет Люксембурга и Бельгии и для охвата на правом фланге ставит наиболее сильные 1-ю и 2-ю армии, которые должны были сочетать свой удар с фронтальным ударом остальных 4 армий, расположенных на линии Диденгофен—Саарбург—Страсбург. Начиная с 1900 г., Шлиффен всецело поглощен вопросом усиления правого фланга и направления его в такой широкий район, где он получил бы соответствующее пространство для маневрирования; и мы видим, что сперва Шлиффена удовлетворяет обход на фронт Верден—Мезьер, а затем он его удлиняет до Лилля.

К периоду 1900—1903 гг. относится вариант, который по своему идейному содержанию приближается к плану 1899—1900 гг., но где правый фланг протянут уже до Аахена. Следует считать, что планы

[1]) Например, Шлиффен отвергал предложение ген. Фон-дер-Гольца об укреплении района Мец — Саарбург (80 км), так как считал, что такое укрепление было бы помехой для французов при их глубоком вторжении в Лотарингию и Эльзас, где он оставлял лишь две дивизии из 6-й армии.

Состав западного (французского) фронта.

1-я армия —	2 кд,	8 пд,	4 рд.
2-я армия —	2 кд,	8 пд,	—
3-я армия —	2 кд,	6 пд,	2 рд.
4-я армия —	1 кд,	8 пд,	—
5-я армия —	1 кд,	8 пд,	—
6-я армия —	—	4 пд,	5 рд.
Итал. —	12 дивизий.		
Итого .	8 кд,	42 пд,	11 рд. +
			+ 12 итал.

Состав Восточного (русского) фронта

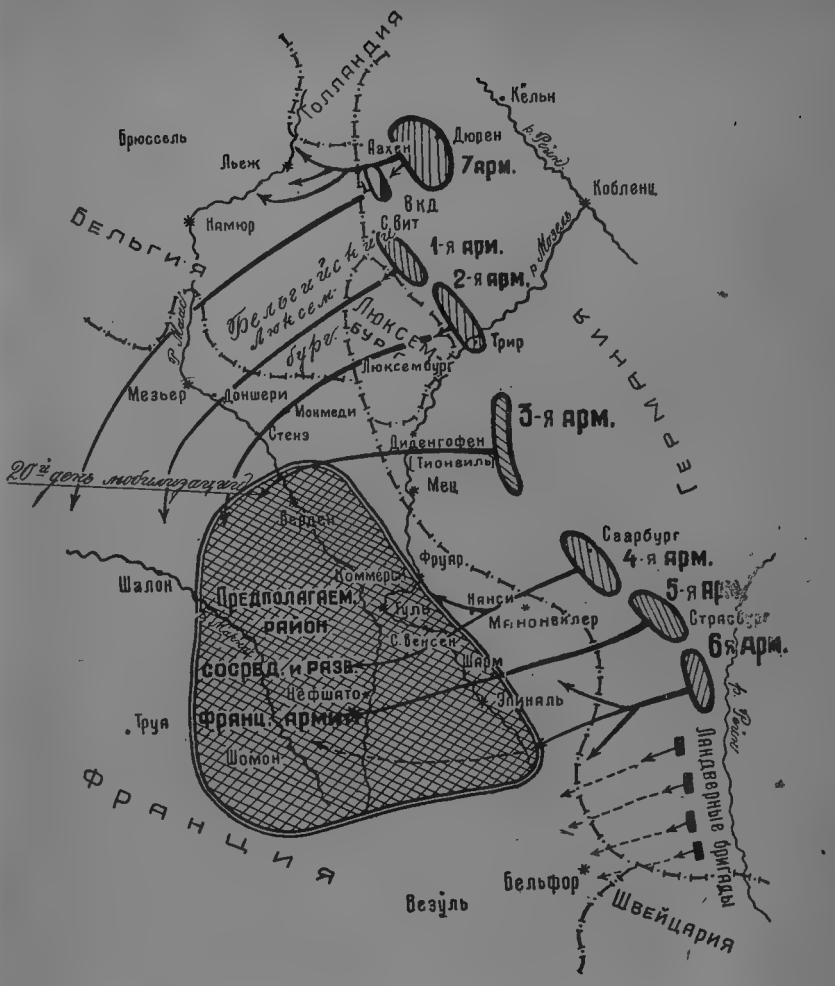
Итого .	3 кд,	6 пд,	3 рд.
Всего .	11 кд,	48 пд,	14 рд. +
			+ 12 итал.

Черт. 6. План стратегического развертывания, составленный Шлиффеном в 1899—1900 гг.

периода 1899—1900—1903 гг. являлись прямыми и логическими предшественниками шлиффеновского варианта 1905—1906 гг. В плане 1900—1903 гг. Шлиффен считал, что главная масса французских армий развернется в районе Верден—Нефшато и южнее Эпиналя. Начиная с 1875 и по 1903 г. включительно в этом районе у французов шла усиленная постройка железных дорог, выгрузочных платформ и всевозможных оборудований для сосредоточения крупных войсковых масс. В этом же районе, ограниченном с севера линией восточнее Мец—Верден—Шалон—Монмирай и с юга Бельфор—Лангр—Труа, производилась наибольшая часть военных учений и маневров. В основу своих стратегических решений Шлиффен, глубокий поклонник учения Наполеона, клал следующий тезис последнего: «Крепости, как пушки, сами собою дела не делают, а требуют, чтобы ими искусно управляли и их кстати употребляли». Иными словами, размышлял Шлиффен, за Верденом, Тулем, Эпиналем, Бельфором с их многочисленными фортами, т. е. за этим стальным щитом, будет сосредоточиваться французская армия, которая будет производить соответствующие перегруппировки по ходу событий. А поэтому Шлиффен, помня второй тезис Наполеона «никогда не назначать для сосредоточения своих войск такого района, на котором неприятель может предупредить в значительных силах» и далее «не атакуйте с фронта таких позиций, которыми можно овладеть путем обхода их», — решает главный удар вести севернее Вердена через Люксембург и бельгийский Люксембург (см. черт. 7 на стр. 71).

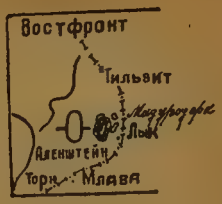
Кроме того, небольшой проход Шарм давал возможность атаковать французскую армию между Тулем и Эпиналем в направлении Нефшато. Шлиффен в идейном отношении строил операцию следующим образом: три армии (1-я, 2-я, 3-я) правого фланга с 8 кавдивизиями, развернувшись на фронте С.-Вит—Трир—Мец, должны были к 20-му дню мобилизации выйти с севера на меридиан Вердена, преодолеть Маас на участке между Мезьером и Верденом, далее наступая в направлении Шалон. Две армии (4-я и 5-я), прорвав фронт противника, должны были вклиниться между Туль—Эпиналь, стремясь овладеть районом Нефшато. Иными словами, эти пять армий, действуя концентрически, предназначались к тому, чтобы охватить большую часть развертывающихся французских сил с запада и дать французам уничтожающее сражение к западу от крепостного пояса де-Ривьера. Две армии (7-я и 6-я с ландверными бригадами) обеспечивают фланги наступающего стратегического фронта германцев. 7-я армия располагается уступом за правым флангом и, вступив на территорию Бельгии, не должна позволить бельгийской армии нарушить фланговую операцию правого фланга 1-й и 2-й германских армий. 6-я армия совместно с ландверными бригадами обеспечивает левый фланг германского фронта и операцию прорыва 4-й и 5-й германских армий.

На восточном (русском) театре военных действий Шлиффен оставлял небольшие силы в Восточной Пруссии, которые в случае не-



Черт. 7. Стратегический план развертывания Шлиффена (1900—1903 гг.).

обходимости будут отходить за Вислу. Шлиффен уже в этом варианте говорит, что «главный успех должен быть достигнут на французском театре военных действий; этот успех вернет все временные территориальные потери на восточном (русском) фронте». Военно-политический союз с Австро-Венгрией в вариантах до декабря 1905 г. также учитывается, но в том случае, если Германия будет главный удар наносить против России; тогда германские армии совместно и активно должны наступать с Австро-Венгрией,



Состав западного (французского) фронта.

1-я армия —	3 кд,	6 пд,	6 рд.
2-я армия —	1 кд,	8 пд,	1 рд.
3-я армия —	1 кд,	8 пд,	4 рд.
4-я армия —	1 кд,	6 пд,	—
5-я армия —	—	6 пд,	—
6-я армия —	2 кд,	6 пд,	—
7-я армия —	—	6 пд,	4 рд.
8-я армия —	3 кд,	6 пд,	5 рд.
Итал. арм. —	2 кд,	10 пд,	
Итого . .	11 кд,	52 пд,	20 рд
	+ 2 кд.	+ 10 пд.	

Состав восточного (русского) фронта: ничего не дается.

Всего . . 11 кд, 52 пд, 20 рд.
+ 2 кд, + 10 пд.

Черт. 8. План стратегического развертывания, составленный Шлиффеном на 1905—1906 гг.

чтобы концентрическим ударом из Восточной Пруссии и Галиции отторгнуть от России 10 губерний Передового театра (см. черт. 8 на стр. 72).

При главном ударе германских армий на Францию Австро-Венгрия может вести активное наступление в Люблинском и Брест-Литовском направлении, но в этом случае она должна твердо помнить, что ее судьба будет зависеть от военных успехов германского оружия на французском театре военных действий.

Как видим, вариант Шлиффена для действий на французском фронте в основном все же исходил из мольтковского положения, а именно при наступлении на западе наносить главный удар севернее Вердена. Но этот обходный удар «севернее Вердена» Шлиффен повел не только на Стенэ, как это предполагал Мольтке-старший, а сперва поднял его к бельгийскому Люксембургу, а затем, в начале 1905 г., отказавшись от удара (двумя армиями) на Шармском направлении, сделал район Меца осью захождения для ударного правого фланга, который направлялся теперь уже через всю восточную границу Бельгии и Люксембург (см. чертеж 8). По этому варианту шесть армий (с 1-й по 6-ю) развертываются севернее Диденгофена, а две армии (7-я и 8-я) между Мецем и Саарбургом. В Восточной Пруссии не оставлялось германских сил, так как 8-я армия развертывалась в районе Саарбурга, а в Эльзасе сосредоточивалась условная итальянская армия.

1905 г. был весьма продуктивным для германского генерального штаба и германской армии. В этот год было проведено больше, чем в любой из предшествующих годов, военных игр (с розыгрышем вариантов на западе и востоке), полевых поездок и маневров. Нам думается, это можно об'яснить тем, что Шлиффен именно в этот год считал наиболее выгодным об'явить войну Франции, так как поражение России в русско-японской войне развязывало руки Германии на западе (Франция). Одновременно с этим взаимоотношения между Шлиффеном и группой Вильгельма—Тирпитца настолько обострились, что вопрос об увольнении в отставку Шлиффена был уже решен. Помощником Шлиффена по вопросам ведения стратегических операций был племянник знаменитого Мольтке-старшего Мольтке-младший; по словам Вильгельма, одна фамилия последнего могла заменить собой, по крайней мере, два недостающих армейских корпуса на каком-либо важном направлении. Мольтке-младший был в дружественных отношениях с Вильгельмом; таким образом заместитель был налицо.

Особенно интересной по своему идейному содержанию была полевая поездка летом 1905 г. Во время этой поездки Шлиффен руководил германской стороной, а за французов играли наиболее видные офицеры германского генерального штаба. Стратегическое развертывание французов было предположено примерно таким, как оно фактически оказалось в 1914 г., а германское развертывание по варианту 1905—1906 гг. (см. чертеж 8), т. е. главный удар наносился мощным правым флангом через Бельгию. Офицерами, игравшими

за французов, было разработано против Шлиффена три варианта, каковые последний все разыграл и пришел к твердому убеждению в целесообразности плана развертывания, составленного в начале 1905 г.

По первому ходу этой игры французы повели главный удар своими главными силами между Мецем и Страсбургом против южного фланга германских войск в Лотарингии.

По этому варанту Шлиффен отказался от широкого захождения на Лилль, четыре южных германских армии нацелил против вторжения в Лотарингию французов, оставляя открытым проход Мец—Страсбург и отводя эти четыре армии (5-я, 6-я, 7-я, 8-я) на восток и юго-восток. Французы наступают до р. Саар. Тогда Шлиффен наносит своими четырьмя армиями удар со Страсбургского направления по флангу и тылу вторгнувшихся французов и выигрывает этот вариант. Северный фланг (1-я, 2-я, 3-я, 4-я армии) резко поворачивает на юго-запад, имея осью захождения Люксембург и нанося удар по тылам французских войск между Реймсом и Верденом. Этот вариант был выигран в пользу Шлиффена.

По второму ходу игры французская армия наступала по обе стороны Меца. Половина всех французских сил была брошена между Мецем и Страсбургом. Шлиффен отводит назад три армии. Он намерен пропустить противника до р. Саар, а затем из района Страсбурга ударяет по флангу и тылу. В этом варианте интересно то, что Шлиффен ищет решение сильным правым флангом разбить левый фланг французов. Для этого он остальные пять армий все больше и больше стягивает к западу, глубоко их эшелонирует и обеспечивает свой правый фланг большими резервами.

По третьему ходу игры французы повели наступление совместно с бельгийцами усиленным левым флангом, который был протянут вплоть до района Мобежа.

Для парирования этого маневра французов Шлиффен стягивает почти все силы к правому флангу и ему удается глубоким захлестыванием оттеснить французскую армию к востоку от Парижа. Шлиффен энергично развивает удары глубоко эшелонированным правым флангом и к 56-му дню мобилизации отбрасывает французов к швейцарским Альпам.

При разборе этого варианта Шлиффен заметил, что он не намерен проходить правым флангом за Сену и ослаблять себя выделением сил для осады Парижа.

Шлиффен на разборе указал, что осада Парижа могла бы иметь место лишь в том случае, если охват не удался бы на южной бельгийско-французской границе и если противник не был бы глубоко отброшен на восток. В своей памятной декабрьской записке 1905 г. Шлиффен пишет, что он рассматривает марш правого фланга западнее Парижа только как вспомогательное средство, которое будет уместно лишь по обстановке.

Но если не удастся наступлением против левого фланга французов отбросить их к укрепленным районам на Мозель (Туль и

Эпиналь, а затем южнее Бельфор) и к швейцарской Юре, то тогда обход Парижа становится неизбежным, потому что в противном случае ставится под вопрос весь план и весь замысел уничтожающего сражения. И Шлиффен указывал в своей памятной записке, что от усиления правого фланга зависит успех всей операции, для этого надо использовать и ландвер и ланштурм и это является вопросом жизни и смерти для Германии («eine Frage auf Leben und Tod für Deutschland»).

Эта полевая поездка лета 1905 г. и ее выводы послужили конкретным материалом для его памятной записки («Denkschrift») под заглавием «Война против Франции» («Krieg gegen Frankreich»).

Авторы сборника «От Шарнгорста до Шлиффена» правильно подчеркивают, что эта «памятная записка» является не готовой схемой, а только эскизом работы мысли большого человека.

В этой записке Шлиффен предлагал ландштурм и ландвер использовать в активной полевой армии, а не только как резерв.

События, которые предшествовали написанию этой записки были таковы. После летней полевой поездки, которую мы только что изложили выше, в августе Шлиффен очень неудачно упал с лошади и сломал себе ногу. Это обстоятельство вывело его из строя более чем на 2 месяца. Во время этой болезни его замещал Мольтке-младший. Последний вместе с Вильгельмом провел сентябрьские маневры германской армии, после которых с утверждения Вильгельма издал инструкцию, в корне противоречащую оперативным поучениям Шлиффена. В этой инструкции фронтальные удары и лобовые атаки с двигающимися по ограниченному количеству дорог корпусами (корпус на одной дороге), с сосредоточением больших резервов на узких фронтах (против чего выступал Шлиффен, так как он говорил, что огонь современного оружия есть смерть для этих резервов) — все это было взято за основу в боевой подготовке армии. Фланговые удары и обходы умышленно игнорировались. Вернувшись после болезни в октябре 1905 г., Шлиффен после ознакомления с этой инструкцией ничего не сказал Мольтке-младшему, так как для него было очевидным, что она написана специально для того, чтобы предупредить начальника германского генерального штаба приготовиться к сдаче своих дел. Шлиффен это хорошо понял и приступил к составлению «памятной записки» «Война против Франции», которую он закончил и в декабре 1905 г. передал своему преемнику Мольтке-младшему. Конец составления этой «памятной записки» совпал по времени с рескриптом Вильгельма об увольнении Шлиффена в отставку. Этот декабрьский вариант по мысли Шлиффена должен был быть для германского генерального штаба как бы оперативно-стратегическим завещанием на пути его дальнейших работ.

Итак, перейдем к анализу декабрьского варианта плана стратегического развертывания, составленного Шлиффеном перед увольнением его в отставку.

В период 1904—1905 гг. Шлиффен с особым вниманием следил за темпами мобилизации и сосредоточения французской армии,

которые значительно выросли по сравнению с 1870 г. и концом девятнадцатого столетия. И когда Шлиффен пришел к заключению, что в отношении быстроты стратегического сосредоточения и развертывания французская армия поравнялась с германской, перед ним встал во весь рост кардинальный вопрос не губить германскую армию в лобовых атаках французских сплошных укреплений на восточной границе Франции, не терять для этого огромного количества времени, а искать новые пути для наступательных операций.

Приступая к разработке своего декабрьского варианта, Шлиффен из всевозможных разведывательных данных видел, что французские крепости расположены между государственной границей и станциями высадок для отмобилизованной французской армии. Французский генеральный штаб этим самым стремился к тому, чтобы войска прикрытия, опираясь на эти крепости, дали возможность благополучно выполнить план стратегического сосредоточения и развертывания французских армий. Перед Шлиффеном в первую голову вставал вопрос, что именно надо делать, чтобы сорвать перевозки по стратегическому сосредоточению французских войск, что надо предпринять, чтобы насильно заставить французское командование менять районы высадок, т. е. вкорне изменить оперативно-стратегическую группировку армий, ранее намеченную планом войны. Ясно, что, добившись этого, он тем самым выигрывал время для принятия самых решительных действий по отношению к противнику.

Все эти соображения и ряд других вошли составной частью в оперативный вариант развертывания германской армии, составленный Шлиффеном к декабрю 1905 г. Этот вариант представляет собой грандиозный в истории оперативно-стратегического искусства замысел, наполненный до предела желанием с первого же шага вперед господствовать над волей противника и диктовать ему свою волю. Этот вариант стратегического развертывания против Франции фактически является синтезом всех размышлений и оперативных экспериментов, которые были проделаны Шлиффеном с коллективом Большого германского генерального штаба в предыдущие 14 лет до 1905 г.

Десятки и десятки полевых поездок, военных игр, выходов в поле с учетом новых данных в отношении усовершенствования техники и вооружения, специальные рекогносцировочные работы, железнодорожные экспериментальные работы по сосредоточению, выгрузке и пропускной способности на важнейших направлениях и т. д. — все это было тем богатейшим материалом, который входил конкретными данными в проблему стратегического развертывания по последнему декабрьскому варианту Шлиффена. И надо признать, что этот вариант является по своему идейному замыслу крупнейшим произведением стратегического искусства начала XX столетия.

Стратегическое развертывание германских сил (40 армейских и резервных корпусов, 11 кавдивизий, 20 ландверных бригад) осуществлялось в следующем виде (схема 2).

В промежутке между голландской границей и укрепленным районом Мец, равном 190—195 км, Шлиффен сосредоточивал 23 армейских, 12½ резервных корпусов и 8 кавдивизий.

Основная задача для этих сил — образуя единый оперативно-стратегический фронт и опираясь левым флангом на укрепленный район крепости Мец, энергично наступать через территорию Бельгии на северные департаменты Франции и, все сокрушая на своем пути, произвести глубокий охват укрепленных позиций противника и его живых сил. Правый фланг маневрирующих сил должен был проходить через районы Брюссель, Лилль, Аббенвиль (Амьен), Нижняя Сена и в обход Парижа (см. схему 2).

Вся эта маневрирующая масса сил делилась на три оперативных группы:

северная (Nördl. Gruppe, Richtung Brüssel—Namur);
средняя (Mittlere Gruppe, Richtung Namur—Mezières);
южная (Südl. Gruppe, Richtung Mezières—Verdun).

Северная группа развертывается на участке от голландской границы до Мальмеди — 35 км, имея 9 армейских корпусов плюс 2 армейских корпуса, которые должны были быть подтянуты к железной дороге из Лотарингии, кроме того еще 7 резервных корпусов и 5 кавалерийских дивизий.

Первый этап наступления — выдвижение на фронт Брюссель—Намюр, глубина скачка = 100 км.

Средняя группа развертывается на участке Мальмеди (исключительно) восточнее Арлон = 80 км, имея 6 армейских корпусов, 1 резервную дивизию.

Первый этап наступления — выдвижение на фронт Намюр—Мезьер, глубина скачка = 90—100 км.

Южная группа развертывается на участке Арлон (исключительно), Мец = 80 км, имея 8 арм. корпусов, 2 кавдивизии.

Первый этап наступления — выдвижение на фронт Мезьер (исключительно) — Верден, глубина скачка = 60 км.

Эти три группы должны были преследовать основную цель — полный разгром и уничтожение живой силы англо-французской армии. Во всей этой операции правый фланг (северная группа), действуя в полной оперативно-маневренной связи со средней и южной группами, являлся ведущим; он, как гигантский, высоко занесенный молот, должен был непрерывно наносить удары, опрокидывая противника через Бельгию к северным департаментам Франции. Дробя и сокрушая все на своем пути, он должен был гнать остатки неприятельских сил на восток к районам французских крепостей Туль, Эпиналь, Бельфор. Из Лотарингии и Эльзаса должны были действовать группы прикрывающих германских войск, которые развертывались южнее Меца до швейцарской границы. Силы этой эльзас-лотарингской обеспечивающей группы войск составляли: 3½ арм. корпуса (из этих сил 2 арм. корпуса Шлиффен предполагал в первые же дни наступления перебросить на правый фланг); 1½ рез. корпуса; 3 кавдивизии; 3 эрз. корпуса; 5 ланд. бригад.

Но уже после успешного овладения линией Брюссель—Намюр—Мезьер—Верден (1-й этап) охватывающие германские войска должны были по мере продвижения в глубь неприятельской страны не таять, как это обычно бывает в плохо организованном наступлении, а укрепляться и увеличиваться.

Оперативно-стратегический вариант плана Шлиффена требовал дополнительной добавки в силах.

Главное командование германской армии обязано было для второго этапа наступления (линия Эн, Уаза, Париж и Ля-Фер, Лион, Ретель) перебросить войска ландштурма и ландвера. Ландштурм и ландвер должны были оккупировать целиком тыл и охранять его и особенно работу железных дорог в тыловом районе. Таким образом войска первой линии, действующие на правом фланге стратегического фронта, освобождались от этого. Кроме того сейчас же после мобилизации Шлиффен требовал сформировать 8 новых резервных корпусов. Эти резервные формирования у ряда авторов вызывают сомнение: они говорят, что Шлиффену едва ли удалось бы в 1906 г. их реализовать. Мы считаем, что вариант от декабря 1905 г. являлся планом перспективным с расчетом на ряд лет большой работы по всем направлениям и каналам и особенно в области железнодорожного строительства и создания погрузочных и выгрузочных станций в районах стратегического сосредоточения. Но несомненно одно: Шлиффен никогда не допустил бы ослабления правого фланга на целых 6 корпусов, как это сделал во время наступления к Марне в августе 1914 г. его заместитель Мольтке-младший.

В решительном сражении на линии Эн—Уаза—Париж Шлиффен рассчитывал сосредоточить и развернуть 25 армейских корпусов и 2½ рез. корпуса, причем из этих сил 7 армейских корпусов должны были глубоко обойти Париж, а 6 эрзац. корпусов осадить Париж с запада и юга. Но этот последний тезис из 2-го периода наступления (после 31-го дня мобилизации) Шлиффен не считал нужным детализировать, так как, по его мнению, все зависело бы от конкретной боевой деятельности, а главное от успеха выполнения основной задачи: быстрого внезапного прохода через Бельгию—Люксембург и мощного удара в левый фланг живой силе противника.

Следует иметь ввиду, что, когда Шлиффен составлял этот декабрьский вариант, это он делал под огромным впечатлением и влиянием факта жесточайшего разгрома царской армии и флота в русско-японской войне 1904—1905 гг.

Он считал, что этим самым для Германии теперь руки развязаны и она может всеми силами броситься на Францию, не боясь за свой тыл со стороны царской России, которой надо много лет для залечивания огромных ран, нанесенных ей русско-японской войной и революцией 1905 г.

Англию Шлиффен учитывал на стороне Франции и Бельгии, но считал, что английская армия запоздает со своей высадкой на фран-

цузской территории или высадится тогда, когда бельгийская армия уже будет разгромлена. Австро-Венгрия принималась Шлиффеном в расчет, как союзник, который еще более гарантировал тыл Германии со стороны России, ибо, действуя против ослабленной России, Австрия могла иметь успех на территории русского Передового театра; кроме того ей будет помогать германская армия из 10 полевых и резервных дивизий и 7 ландверных бригад, которые Шлиффен предполагал оставить на восточном (русском) фронте.

Стремясь с первого же дня войны подчинить волю англо-бельгийского и французского командования себе, с тем чтобы посредством победы на фронте через несколько месяцев (2—3) продиктовать ему условия мира, Шлиффен видел ряд существенных препятствий, которые могли быть в процессе осуществления этого, пока еще только в идейной части намеченного оперативно-стратегического варианта. Это нами подчеркивается всилу того, что нельзя считать декабрьский вариант 1905 г. планом стратегического развертывания, обработанным во всех отношениях и уже полностью имевшим материально-техническую базу к декабрю 1905 г. Это весьма существенное обстоятельство, как правило, упускается военными исследователями и в первую очередь Гренером и Юстровым, которые, не имея конкретного материала, рассуждают об этом варианте Шлиффена так уверенно, как будто перед ними лежит отработанный план стратегического развертывания на подобие плана (мемуара) Мольтке-старшего, составленного им в 1868—1869 гг. и осуществленного в начальный период войны 1870 г. Разница между этими произведениями очень значительная, о чем мы уже говорили в начале этой главы.

Во-первых, Шлиффен считал, что если французское командование упредит германскую армию в мобилизации, сосредоточении и развертывании и французская армия совместно с 100-тысячной армией англичан, высадившихся где-то в районе Лилля, и 160-тысячной армией бельгийцев двинется первой в наступление с тем, чтобы овладеть на территории Бельгии линией Антверпен—Намюр до того момента, как к этой линии подойдут германские войска, то обстановка резко изменится. Этот барьер внес бы весьма существенное изменение в вариант Шлиффена от декабря 1905 г. Во всяком случае, внезапность охвата правым флангом потеряла бы свою силу, да и сам охват становился невозможным. Дальнейшее распространение союзных сил к линии Мааса выдвигало бы на сцену новые оперативные варианты для контрмероприятий против наступающего, создание новой оперативной группировки с тем, чтобы фланговым ударом с линии Мец—Трир в направлении Намюр, Льеж приостановить и прекратить дальнейшее продвижение союзных армий.

Это обстоятельство, которое имеет большое значение при исследовании плана стратегического развертывания французского генерала Виктор-Констан-Мишеля (см. главу IV) с первых же дней борьбы при столкновении миллионных масс обеих сторон в Бельгии

(Антверпен—Намюр) вызвало бы грандиозное фронтальное столкновение, гигантское встречное сражение и явилось бы прологом к позиционности, но уже на полях не Франции, а скорее Бельгии.

Таким образом, декабрьский вариант Шлиффена в основе своего замысла строился в первую очередь на внезапности удара и на быстроте марша-маневра через территорию Бельгии и Люксембурга и на уверенности, что французы главные свои силы будут разбертывать против Эльзас-Лотарингии.

Во-вторых, план Шлиффена считался с возможностью, что французская армия может перейти в большое контрнаступление в Эльзас-Лотарингии в тот момент, когда правый фланг германской армии будет наступать в Бельгии.

Насколько наступление и захват англо-бельгийцами и французами линии Брюссель—Намюр были опасны с точки зрения варианта от декабря 1905 г., настолько всякое продвижение французской армии в глубь Эльзас-Лотарингии Шлиффен считал выгодным для германского командования. Это была бы «любезная услуга», — говорил он. Такое продвижение отвлекло бы значительные силы неприятеля и тем самым облегчило процесс наступления немецкого правого фланга и выхода его в тыл французскому укрепленному поясу де-Ривьера (Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор).

В-третьих, во втором этапе наступления, если германские войска встретили бы со стороны союзных армий активную оборону по линии Лаон—Ля-Фер—Уаза—Париж, декабрьский вариант Шлиффена предусматривал энергичное наступление от рубежа к рубежу не менее как 10 армейскими корпусами с линии Амьен—Ля-Фер на фронт Ля-Фер — Париж и осаду и охват 12 корпусами парижского укрепленного района. Наконец, имея ввиду, что Россия выступит на стороне Франции, Шлиффен по декабрьскому варианту оставлял на восточном фронте самые незначительные силы, так как решительная победа на западном (французском) фронте, по его мнению, могла бы быстро восстановить временные потери на востоке. «Можно на некоторое время пожертвовать провинцией Восточной Пруссии во имя главного», — говорил Шлиффен.

Но, как мы уже говорили, беспечное отношение Шлиффена к Эльзас-Лотарингии, в промышленности которой были заложены огромные капиталы германских финансовых тузов, а также мысль об оставлении Восточной Пруссии во имя «будущих побед» над Францией были одной из основных причин увольнения Шлиффена в отставку. Не малую роль во всем этом сыграли и те резкие расхождения, которые были у Шлиффена с группой Вильгельма—Тирпитца по вопросу строительства гигантского морского флота, как решительного конкурента Англии.

Как известно, Шлиффен меньше всего думал о морской гегемонии Германии (в своих вариантах он почти не касается проблем флота) и считал, что надо центр тяжести переносить на создание еще более многочисленной и еще более обильно снабженной тех-

нически (особенно тяжелой артиллерией) сухопутной германской армии. Его вариант от декабря 1905 г. в основном и строился на том, что будут созданы новые 8 корпусов, что еще более увеличатся ландверные, ландштурмные и эрзац-резервные формирования, что закон 1888 г. еще более разовьется и расширится, что еще сильнее будет развита и оборудована железнодорожная сеть, ведущая к восточным границам Бельгии—Люксембурга и пр. Без всего этого декабрьский вариант оставался лишь дерзкой, смелой, красивой графически оперативно-стратегической идеей, материально далеко не подкрепленной и не обеспеченной.

Не было у Шлиффена и особых друзей в союзной Германии Австро-Венгрии; австро-венгерский генеральный штаб ясно не мог понять шлиффеновскую установку на то, что «судьба Австро-Венгрии будет решена на Сене», между тем как развертываться и воевать 50 австро-венгерских дивизий будут севернее и восточнее Галиции. Если к тому же прибавить весьма прохладные личные отношения между Вильгельмом и Шлиффеном, ясно, что увольнение Шлиффена в отставку рескриптом Вильгельма в декабре 1905 г. явилось логическим результатом всех перечисленных обстоятельств.

Вышеуказанный оперативно-стратегический вариант плана развертывания 1 января 1906 г. был Шлиффеном передан новому начальнику германского генерального штаба ген. Мольтке-младшему, который должен был таким образом планировать строительство германских вооруженных сил, чтобы между этим планом и дальнейшими мероприятиями по подготовке к войне было бы полное единство и взаимодействие. Так мечтал Шлиффен, иначе, как увидим дальше, думали Вильгельм, Тирпитц, промышленные короли Эльзас-Лотарингии, юнкера-помещики Восточной Пруссии и их выдвиженец, племянник великого Мольтке — ген. Мольтке-младший.

Вариант Шлиффена от декабря 1905 г. явился логическим итогом той огромной работы, которую из года в год проделывали работники Большого германского генерального штаба под руководством Шлиффена. Этот вариант оказался для Шлиффена последним в серии ежегодно, составляемых планов стратегического развертывания и проектов первоначальных операций на случай войны для наступающего мобилизационного года.

Разбирая декабрьский вариант развертывания Шлиффена, мы продолжаем его считать эскизным наброском для дальнейших работ на несколько лет. В следующей главе мы попытаемся сказать, что надо было бы конкретно сделать, чтобы этот вариант превратился в план, готовый к осуществлению.

А поэтому не будем обвинять Шлиффена в фантастике, как это делает ряд современных германских авторов во главе с Эльце, Юстровым и др., но и не будем его чрезмерно восхвалять, как это пытаются делать Куль, Фестер, Гренер и др.

ГЛАВА II

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ И ТЕХНИКО-БОЕВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВАРИАНТА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА ОТ ДЕКАБРЯ 1905 г.

Четырнадцать лет (1891—1905 гг.) стоял Шлиффен во главе германского генерального штаба, роль которого в армии была огромна; работа этого штаба (не в пример многим генеральным штабам Европы того времени) пронизывала германскую армию насквозь. В боевом отношении германская армия до 1914 г. всеми признавалась наиболее обученной, организованной, самой сильной армией среди других армий буржуазных государств.

Всилу этого идейное оперативно-стратегическое содержание, заложенное в декабрьский вариант Шлиффена, не могло быть случайным: во-первых, этот вариант имел свой генезис в тех планах, которые были до декабря 1905 г., во-вторых, он опирался на те вооруженные силы и средства, которые уже были в 1905 г. в Германии и на программу военного строительства в ближайшие годы.

До сих пор как в нашей, так и в иностранной военной литературе при рассмотрении и анализе оперативного плана войны Шлиффена приводятся лишь общие положения, излагающие стратегический замысел с указанием голого количества корпусов, которые в определенной оперативной группировке должны были бы двинуться в таком-то направлении. Такой материал и его критику мы находим в работах рейхсархива (первый и второй томы, трактующие о планах войны), Куля, Гренера, Ферстера, Буше, Эльце, Юстрова и других и во всех наших советских трудах по этому вопросу.

Мы очень часто встречаем выводы некоторых писателей о том, что будто бы этот «план войны» в целом, как и декабрьский вариант, является продуктом односторонней фантазии Шлиффена с его idée fixe глубокого флангового охвата и пр.

Мы попытались хотя бы кратко рассмотреть этот план в отношении численности живых сил и технико-огневого материала. Это был военный фундамент, на котором строили и не могли не строить свои оперативно-стратегические варианты начальник германского генерального штаба Шлиффен и его ближайшие сотрудники, рабо-

тая над созданием плана войны против своих вероятных противников (Франция, Англия, Бельгия, царская Россия).

Нам пришлось брать справочные и статистические сборники того времени и постепенно восстанавливать необходимую картину. Не проделав этого, мы пошли бы опять по пути исследователей, которые, не имея конкретных данных и не проработав их, делают весьма смелые и категорические выводы и заключения, основываясь на «общих» рассуждениях и тем самым внося не мало путаницы в вопрос. Потому и получается, что одни считают декабрьский вариант Шлиффена «законченным планом войны», другие «планом кампании», третьи ни тем ни другим, а просто фантазией абстрактного метафизика, каковым будто бы и являлся Шлиффен с его планами войны.

Пока нам удалось на основании имевшегося материала установить следующие данные.

Как в отношении политическом, так и оперативно-стратегическом, декабрьский вариант вырос из совершенно конкретного материала, т. е. из тщательно обработанных сведений об иностранных армиях, их силах, устройстве, мобилизации, географических особенностях их приграничной полосы, развитии их железнодорожной сети, их инженерной обороны (крепостные районы, укрепленные полосы по границе и пр.). Эти данные ежегодно обновляли, сопоставляли с политической ситуацией и общим состоянием германских вооруженных сил прежде чем прийти к тому или другому оперативно-стратегическому выводу или итогу. Конечно, это не исключает, что тот или другой оперативный вариант данного плана войны, данной армии совершенно свободен от ошибок. Кто пытается так представить себе дело составления вариантов плана войны, тот просто игнорирует действительную жизнь. И здесь будет не вредно привести мысль одного из крупнейших и опытнейших работников Большого германского генерального штаба ген. Ганса Куля, который в мирное время проработал в Большом генеральном штабе 18 лет в области оперативной, а всю мировую войну был на высших штабных должностях (армия, фронт). Ганс Куль вполне резонно пишет:

«Раз навсегда надо запомнить, что в мирное время никогда не удается составить полное и точное представление о противнике и картину будущей войны. Неожиданностей никогда не избежать, если даже, по совету Наполеона, менять свою тактику каждые 10 лет [1]) и стремиться выполнить новейшие требования техники, военной организации и вооружения. Самое тщательное

---

[1]) Здесь Ганс Куль, вероятно, имеет в виду мысль, высказанную Наполеоном I, а именно: «Меняйте тактику войны каждые 10 лет, если хотите сохранить хоть сколько-нибудь преимуществ». Как известно, в настоящее время бурный рост технических изобретений заставляет вносить в тактику и оперативное искусство существенные, а подчас и коренные поправки и изменения много быстрее, чем каждые 10 лет. Вл. М.

изучение операции и наилучшие военные упражнения все же недостаточны, так как при этом исключается действие неприятельских орудий и нельзя учесть моральных обстоятельств».

Конечно, если нельзя иметь «полное и точное» представление о всех оперативно-стратегических расчетах и предположениях вероятных противников, то все же постоянное изучение повседневных материалов, которые поступают через официальную и не официальную печать, через доклады военных представителей (военные атташе и агенты), через военную литературу и пр., могут дать богатейший материал для оперативно-стратегических размышлений и расчетов.

Например, о нарушении бельгийского нейтралитета Германией открыто говорили задолго до войны. Наиболее ярким выступлением надо считать речь бельгийского министра иностранных дел де-Фаверо при обсуждении в 1909 г. в сенате нового военного закона. Де-Фаверо откровенно заявил, что, кто умеет внимательно следить за событиями, тот придет к твердому заключению, что уже с 1906 г. договор о нейтралитете Бельгии является «клочком бумаги, который не имеет никакой цены». Де-Фаверо советовал о т к р ы т о заключить военно-политический договор с Францией на случай войны с Германией.

Или такой факт, когда в 1905 г. Франция сократила срок действительной службы в армии с трех до двух лет. Это обстоятельство, совершенно ясно, не могло не иметь большого влияния на численность войсковых частей (как внутри страны, так и в пограничных районах) мирного времени и на качественное состояние армии. В с е э т и д а н н ы е, как и многие другие (например разгром царской армии в русско-японской войне 1904—1905 гг.), вносили весьма реальные поправки в оперативно-стратегические варианты плана войны.

Создавая свой грандиозный оперативно-стратегический вариант, Шлиффен хорошо понимал, что он живет в то время, когда полумиллионная германская армия мирного времени (1905 г.) в первые дни и недели после об'явления войны отмобилизует и выставит миллионные вооруженные силы, оснащенные соответствующим количеством технических средств.

Если по закону от 25 марта 1905 г. численность германской армии была определена цифрой 505 839 рядовых и ефрейторов, то в военное время эта цифра делала значительный скачок вверх благодаря призыву под знамена запаса военнообязанных.

В период разработки плана войны Шлиффеном общая численность запаса людей имела три основных категории:

1) люди в п о л н е о б у ч е н н ы е, которые прошли через ряды постоянной армии и находились под знаменами в резерве и ландвере;

2) люди с л а б о о б у ч е н н ы е — та часть армии — резервисты, которая призывалась в учебные сборы и потом перечислялась в ландвер 2-го призыва;

3) люди совсем необученные — большая часть эрзац-резервистов, перечисляемая потом в ландштурм 1-го призыва и, наконец, весь ландштурм 1-го призыва.

По данным: «L'armée allemande» Martin et Pont, 1903, page 101. Statistisches Jahrbuch f. d. Deutsche Reich (сборник 1902—1903 гг.) запас рядовых германской армии на 1 апреля 1905 г. в возрасте от 21 до 38 лет исчислялся следующими цифрами:

Таблица 1

Возрастной класс	Люди, прошедшие через ряды постоянной армии (вполне обученные)	Люди, поступившие в эрзац-резерв (слабо обученные)	Люди, поступившие в ландштурм 1-го призыва (необученные)
1904—1887 гг.	3 543 508	1 286 413	1 535 850

Таким образом, в случае войны Германия уже в 1905 г. имела 3,5 миллиона обученных и 2,8 миллиона необученных, причем в ландштурме 2-го призыва имелось около 800 тыс. обученных и 500 тыс. необученных. По данным «Veltzes Armee Almanach» 1906 г., стр. 64 в Германии имелась несколько более высокая цифра, а именно 4 350 000 обученных людей.

Вопрос с командным составом разрешался, особенно в части унтер-офицерского состава, довольно напряженно, несмотря на высокий уровень образования населения Германии. Германская армия в случае войны требовала для всех категорий войск не менее 500 000 унтер-офицеров, в то время как при мобилизации военное командование могло иметь 85 тысяч унтер-офицеров (кадры мирного времени, резерв и ландвер). Вопрос разрешался таким образом, что этот огромный недостаток считали возможным пополнить наиболее способными ефрейторами и рядовыми мирного времени. Но это был паллиатив, и на ближайшие годы твердо ставился вопрос о необходимости поднять цифру наличия унтер-офицерского состава до необходимого минимума, чтобы не оказаться в кризисном положении во время войны. Не особенно благоприятная картина была и с наличием офицерского состава. 48 тысяч офицеров— вот та цифра, которую Германия могла дать при мобилизации, в то время как общая потребность достигала цифры 100 тысяч. Как видим, недостаток целых 50%. Переход же различных категорий унтер-офицеров на офицерские должности разрешить этот недостаток не мог; следовательно, и этот вопрос также требовал принятия энергичных мер с целью скорейшего восполнения указанных пробелов в численности командного состава, без наличия которого самые архисмелые и тщательно продуманные оперативно-стратегические идеи не могут быть во время войны благополучно разрешены.

Вооруженные силы германской армии в основном делились на армию, предназначенную для активных операций (полевая) и вой-

Таблица 2

Численность германской армии военного времени в период разработки декабрьского варианта плана Шлиффена (1905—1906 гг.)

(составлено по официальным данным)

Наименование войск	Батальонов	Эскадронов	Пулеметов	Орудий	Крепостных или осадных арт. бат.	Инженерных и ж.-д. рот	Офицеров	Нижних чинов	Лошадей	Повозок
А. Полевая действующая армия	666	411	200	3 498 лег. 1 752 тяж.	56	154	40 512	1 180 006	430 169	69 735
а) Резервные войска	318	120	—	990 лег.	—	52	14 286	443 286	117 155	20 270
б) Подвижные ландверные войска	220	28	—	168 лег.	—	14	6 715	236 720	17 102	2 997
Итого	1 204	559	200	4 656 лег. 1 752 тяж.	56	220	61 513	1 860 012	564 426	93 002
Б. Гарнизонные войска	470	54	—	312	42	51	15 042	501 477	67 062	19 783
а) Запасные войска	454	83	—	1 206	18	65	15 235	774 031	51 698	2 839
б) Ландштурм	370	75	—	360	20	40	8 635	339 025	5 770	240
Итого	1 294	212	—	1 878	80	159	38 912	1 614 533	124 530	22 862
Всего германская армия военного времени	2 498	771	200	8 286	136	379	100 425	3 474 545	688 956	115 864

ска, предназначенные для службы в гарнизонах и обеспечения тыла действующей армии.

Вышеприведенная таблица 2 дает представление о численности германской армии в военное время.

О чем говорит эта таблица? В первую голову она со всей определенностью отмечает, что вопрос с количеством обученного рядового состава в германской армии в то время обстоял вполне удовлетворительно. Ибо достаточно сравнить выше приведенные данные об обученном запасе возвратных классов 1904—1887 гг., чтобы видеть, что их численность в 3,5 миллиона вполне покрывала нужную потребность для армии военного времени (в первый период), не трогая пока старших возрастных классов. О наличии командного состава мы говорили выше.

Другой вид и значение будет иметь содержание варианта Шлиффена, когда мы рассмотрим боевой состав германской армии в период, когда этот план разрабатывался. Следующие цифры показывают боевой состав войсковых единиц и дают представление о той силе, которую стремился сосредоточить и развернуть против Франции на правом фланге стратегического фронта Шлиффен.

Таблица 3

Боевой состав германской армии военного времени в период 1905—1906 гг. (составлено по официальным данным)

Наименование	Штыков	Сабель	Орудий	Лошадей	Повозок
Бригада (2 полка) . . .	5 880—6 000	—	—	300—314	93
Дивизия полев. (трех родов оружия) . . .	12 250—12 740	450	72 ор.	3 500—3 880	450—520
Кавалерийская дивизия .	—	3 600	12 ор. + 12 пул.	5 150—5 300	160—170
Резервная дивизия . . .	12 000—12 740	450	36—54 ор.	4 500—5 000	900—950
Ландверная дивизия .	10 000—12 000	150—300	12—18 ор.	1 000—1 200	200—300
Армейский корпус . . .	25 500—30 400	900	144 ор. + 6 пулем.	13 000—13 800	2 200—2 360

Далее мы укажем только самое существенное из организационного состава германской армии.

Всю полевую действующую армию в военное время намечалось подразделить на 5—7 частных армий, причем каждая частная армия имела от 3 до 6 армейских корпусов (большей частью трехдивизионного состава), от 2 до 4 кав. дивизий, несколько резервных дивизий, не вошедших в состав армейских корпусов и пр. Корпуса должны были иметь такой

состав: в пехоте все полки трехбатальонного состава, в кавалерии: 3 эскадрона на пех. дивизию, в полевой артиллерии все батареи по 6 орудий, в пешей артиллерии около 4 батарей на корпус, в инженерных войсках по одной пионерной роте на дивизию, а иногда сверх того по одному батальону трехротного состава на корпус. Корпус, как правило, имеет две дивизии (гвардейский корпус — три), корпусной патронный парк (4 козла, 26 понтонов, длина моста 122 м), 9 телеграфных станций, 80 км провода, сверх того, в зависимости от задачи, несколько батарей тяжелой артиллерии, второй пионерный батальон (бис). Дивизия (полевая) имеет 2 (или 3) пех. бригады по 2 полка, 3 эскадрона дивизионной кавалерийской бригады из 2 полков, пионерроту. Резервная дивизия — 2 рез. пех. бригады, 2—3 эскадрона кавалерии, 1 рез. арт. полк и т. д., пионерроту с дивизионным понтонным парком, телеграфное отделение, 21,5 км провода. Ландверная дивизия (подвижная) — 2 ландв. пех. бригады, 1—2 ландв. эскадрона кавалерии, остальное применительно к резервным дивизиям. Кав дивизия — 3 кав. бригады по 2 полка, по 4 эскадрона, 2 арт. батареи, 129 км провода.

В то время вооружение германской армии (по данным «L'armée allemande» 1903 г. Martin et Pont, «Veltzes Armee Almanach» 1906, L'ehnert's «Handbuch für den Truppenführer» 1906, Wedel's «Offizier Taschenbuch» 1907) было следующее: пехота и кавалерия полевой армии деятельно перевооружались на ружье образца 98 года (калибр 7,9 мм, вес 4,5 кг, дистанция по прицелу 2 050 метров), с количеством патронов около 400 на каждое ружье. Пулемет Максима имел калибр, патроны и дальность те же, что и у пехотного ружья, но нормальный огонь считался на 400 метров с числом выстрелов от 300 до 500. В среднем на пулемет приходилось 16 000 патронов.

Полевая артиллерия приобрела орудие образца 96 года, которое показало прекрасные результаты на больших маневрах 1905 г. Эта скорострельная пушка образца 96 года имела калибр 7,7 см, наибольшую дальность стрельбы 8 000 м, дистанционная трубка до 5 000 м, скорость стрельбы до 6—8 выстрелов в минуту, в батарее 130 снарядов на орудие, а с возимыми всего около 330 снарядов на орудие.

Полевая гаубица 98 года — калибр 10,5 см, дальность стрельбы 6—7 тыс. м, скорость до 7 выстрелов в минуту. В батарее 86 снарядов на орудие, а с возимыми около 225 снарядов на орудие.

Главнейшие данные тяжелой артиллерии: 15-см тяжелая гаубица 1902 года — вес снаряда 93,5 кг, дальность 6 тыс. м, 21-см стальная мортира — вес снаряда 119 кг, дальность — 8 тыс. м; 10-см стальная пушка — вес снаряда: граната — 18 кг, шрапнель — 17,9 кг, дальность гранаты 11 тыс. м, шрапнели 8½ тыс. м.

Как видим, огневое вооружение в германской армии 1905 г. было на довольно высоком уровне. Во всяком случае, состояние и развитие основных технических средств борьбы говорило о том,

что армия может вести длительный современный бой и что против этой техники армии Франции, Бельгии, Англии и России могли бороться, имея лишь не худшую, а еще лучшую технику. В оперативно-тактической подготовке германская армия, благодаря своей блестящей выучке и высокой дисциплине, по праву занимала первое место в Европе.

Теперь несколько слов о развитии и емкости железнодорожного транспорта, который в германской армии сделал огромный шаг вперед по отношению к блестяще проведенному стратегическому сосредоточению в войну 1870—71 гг. Количественные и качественные показатели были следующие.

Воинский поезд составлялся, как правило, из 50 вагонов (100—110 осей), длиною около 550 м, средняя скорость движения 22—25 км в час. Для переброски пехотной дивизии (12 батальонов, 3 эскадрона, 12 батарей) нужно было 32 поезда; для ее колонн и обозов еще 15 поездов, т. е. всего 47 поездов. Для переброски кавалерийской дивизии (24 эскадрона, 2 бригады) — 23 поезда. Для войск армейского корпуса с последовательной отправкой частей требовалось следующее количество поездов: 1) 1 пехотная дивизия — 33 поезда, 2) штаб корпуса с полевой хлебопекарней — 2 поезда, 3) 2 пех. дивизия — 30 поездов; всего без муниционных колонн и обозов надо было 65 поездов. Затем следовали два эшелона (1-й и 2-й) муниционных колонн и обозов; для 1-го — 18 поездов, для 2-го — 16 (15½); сверх того 4 поезда с продовольствием, отправляемых в промежутке перевозимых войск. Всего же на один армейский корпус требовалось 103 поезда. Стратегическое сосредоточение по декабрьскому варианту развертывания германской армии против Франции ясно потребовало бы огромных железнодорожных потоков не только в период развертывания на границе, но и во время наступления по территории Бельгии и Северной Франции, когда надо было бы вслед за войсками двигать железнодорожные эшелоны со всем необходимым для боя и жизни наступающих армий.

Ежегодное увеличение количества стратегических железнодорожных линий, выгрузочных и погрузочных станций на главном направлении (бельгийская граница), многократные экспериментальные работы по производству воинских перевозок, постоянная тренировка на военных учениях и маневрах войск и командного состава, а также обслуживающего персонала железных дорог и т. д.,— все это разрешало лишь один вопрос первоначального стратегического сосредоточения армий к границе; второй вопрос был еще более важным, чем первый — это умелое и целесообразное овладение железнодорожным хозяйством на занятой территории противника в процессе наступления с тем, чтобы бесперебойно питать огнеприпасами и продовольствием наступающие корпуса. По этим вопросам мы приведем ряд соображений в общем заключении по декабрьскому варианту Шлиффена (см. главу III).

ГЛАВА III

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ № 15 И ВАРИАНТ ПЛАНА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА ОТ ДЕКАБРЯ 1905 г.

Теперь обратимся к сопоставлению варианта стратегического развертывания Шлиффена и его антипода французского плана № 15 (схема 3), который явился логическим продолжением плана № 14 ген. Бонналя (см. главу II).

Анализ планов войны, разработанных со стороны Франции ко времени создания Шлиффеном декабрьского варианта говорит о том, что все опасения, что бельгийская и французская армии займут линию Антверпен—Намюр ранее чем немецкие войска, и тем сорвут стратегическое развертывание по варианту Шлиффена — совершенно отпадали. В период с 1903 и по 1909 г. во Франции действовал оперативный план войны № 15. Этот план по своему идейному содержанию был крайне пассивным, а с точки зрения оперативно-организационной беспринципным планом. Стратегическое развертывание по этому варианту как нельзя лучше способствовало проведению в жизнь оперативно-стратегического замысла шлиффеновского варианта от декабря 1905 г. По плану войны № 15 все пять французских армий были сгружены на Эльзас-Лотарингском направлении за железобетонным поясом французских крепостей. Разбирая детально это стратегическое развертывание, трудно себе представить, что же будут с началом активных операций делать эти пять французских армий, так как ни для наступления, ни для обороны такое расположение частей выгодным быть не могло. Подобная группировка сил скорее говорила о том, что армии будут выжидать и пассивно стоять, наблюдая за действиями германской армии после ее сосредоточения на границе. Если мы нанесем все французские части, предназначенные к развертыванию по плану № 15, на карту большого масштаба, то мы увидим, что французский генеральный штаб проблему стратегического развертывания начала XX века понимал крайне своеобразно. Создается полное впечатление, что начальник французского генерального штаба, разрабатывая это развертывание, начертил эллипсис по линии французских крепостей, дал 50—60-километровые

районы для сосредоточения каждой армии, в то время как в этих районах сотрудники французского генерального штаба механически расставляли корпуса, входившие в данную армию. На этом работа операторов была закончена и это произведение получило название французского плана войны № 15.

В недрах французского генерального штаба вероятно есть еще более неблагоприятный материал, который не вошел в официальное описание планов войны, которые имела Франция перед Мировой войной 1914—1918 гг. Хотя и то, что опубликовано в издании «Ministère de la guerre Etat Major de l'armeé (service historique)» в первом томе «Las armées françaises dans la grande guerre» вполне подтверждает сказанное нами.

Стратегическое развертывание пяти французских армий по плану № 15 при сопоставлении его с идеей стратегического развертывания по декабрьскому варианту Шлиффена довольно наглядно говорит о том, что французский генеральный штаб своим планом № 15 построил ловушку для французской армии, весьма скученно развертывавшейся на Страсбургском направлении.

Выше мы уже говорили о декабрьском варианте Шлиффена, здесь скажем несколько слов о французском плане № 15 [1]).

В плане № 15 составители оперируют, как и творец плана № 14 ген. Бонналь (между прочим, планы эти весьма немногим отличаются друг от друга [2]), лишь одними регулярными войсками. По мысли составителей плана № 15 запасные более старших классов должны образовать резервные дивизии, снабженные всем необходимым для действий в бою [3]). Все эти 10 дивизий будут находиться в 80—100—120 км от первой линии и в районах своего сосредоточения будут обучаться и морально спаиваться. Другими словами, эти 10 резервных дивизий, благодаря такому расположению и такой организации, были лишены возможности принять участие в первых операциях. Всего должно было развернуться пять армий, причем одна (3-я) сосредоточивалась в центре во второй линии в качестве резерва главнокомандующего, т. е. для маневра в связи с той обстановкой, какая сложится в первые дни наступления противника.

Все пять французских армий развертываются на восточной границе Франции южнее линии Реймс—Верден—Мец. По фронту они должны были занять 170-км участок Верден—Бельфор.

4-я армия в составе 1, 3, 6, 10, колониального арм. корпусов и 54 рез. дивизии развертывается в районе Верден—Бар-ле-Дюк.

---

[1]) См. схемы плана № 15, упомянутого официального издания французского генерального штаба (см. схему 3).

[2]) По плану № 14 районы развертывания и расположения резервных дивизий те же, что и в плане № 15. Армии располагаются: 1-я авангардом у Нанси, 4-я (Туль), 3-я (Нефшато), 2-я (Эпиналь) во второй линии, 5-я армия в резерве в районе Шамон (см. схему плана № 15).

[3]) Les armées françaises dans la grande guerre, t. I, p. 9.

1-я армия в составе 2, 5, 8, 20 арм. корпусов — в районе Туль—Нанси.

2-я армия в составе 7, 12, 13, 16, 17 армейских корпусов в районе Мирекур—Эпиналь—С.-Дье, причем 7 корпус выделяет 14 пех. дивизию в район Везуль.

5-я армия в составе 14 и 15 арм. корпусов — в районе Везуль.

3-я армия в составе 4, 9, 11, 18 арм. корпусов —во второй линии в районе Нефшато.

Четыре резервных дивизии — в районе Реймс, Шалон. Две резервных дивизии — Труа. Четыре резервных дивизии в районе Лангр.

Кавдивизии были расставлены на границе: 4-я, 5-я, 3-я, 1-я в направлении Люксембург, Мец, 2-я, 7-я, 6-я в направлении Саарбург, 8-я в направлении Мюльгаузен.

Если мы попробуем подсчитать размеры районов, в которых должны были сосредоточиться и развернуться пять французских армий, то получим следующие показательные цифры.

Каждая армия, примерно, должна была занять район 60 км по фронту и 40 км в глубину.

Если мы возьмем весь район развертывания, ограниченный Верденом, Ветри, ле-Франсуа, Нефшато, Везуль, Бельфор, Верден, то увидим, что на 170-км фронте с глубиною в 80 км сгружено целых пять армий, численность которых видна из таблиц 4 и 5.

Стратегическая оборона, выжидательное стратегическое развертывание — такова красная нить в плане № 15.

Примерно тоже самое было и в плане № 14, но теперь в плане № 15 «армия авангарда» убрана и развертывание должно происходить не в три, а в две линии. Конечно и здесь можно предположить, что французский генеральный штаб в случае наступления германских армий через Бельгию решил бы ударить в северо-восточном направлении, т. е. во фланг обходящей группировки германцев. Но все это должно было произойти лишь после точного выяснения обстановки, а именно, поведет ли германское командование главный удар через Бельгию или будет главными силами наступать из Эльзас-Лотарингии.

Лишь после этого французское главное командование по плану № 15 начнет маневрировать своими пятью армиями, а до этого, сосредоточив их в районах развертывания, французский главком будет выжидать. Как видим, пассивностью проникнут в основном и этот план; кроме того, имея ввиду бурно-наступательную доктрину германской армии и стремительность маршей, которым обучались германские войска, такое «выжидание» могло перерасти в опоздание с предполагаемым контрманевром. Во всяком случае план № 15 с первых же дней мобилизации передавал инициативу в действиях германской армии, думая затем вырвать эту инициативу обратно. История учит, что такие планы обычно ставили их составителей с первого же момента войны в пассивно-оборонитель-

Таблица 4

Численность французской армии военного времени в период разработки плана войны № 15

(составлено по официальным данным)

Наименование войск	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Орудий	Креп. бат.	Инж. бат.	Офицеров	Нижних чинов	Лошадей	Повозок
Военное министерство, высшие управления и военные заведения	—	—	—	—	—	—	6 392	4 319	6 833	—
Действующая армия										
Полевые войска и резервные части	982	513	748	4 494	—	25	37 549	1 437 451	430 801	68 355
Крепостные и местные войска	82	4	—	—	224	—	3 444	142 000	13 053	726
Запасные части	—	79	—	—	—	—	4 848	239 718	16 395	376
Итого в действующей армии	1 064	596	748	4 494	224	25	45 841	1 819 169	460 249	69 457
Территориальная армия										
Полевые войска	458	148	290	1 740	—	21	16 566	583 205	120 930	17 772
Крепостные и местные войска	38	—	—	—	176	—	1 573	76 146	1 036	—
Запасные войска	—	—	18	108	—	—	779	47 065	3 490	378
Итого в территориальн. армии	496	148	308	1 848	176	21	18 918	706 416	125 456	18 150
Всего в военное время	1 560	744	1 056	6 342	400	46	71 151	2 529 904	592 538	87 607

Примечание. Здесь укажем численность бельгийской армии военного времени, относящуюся к рассматриваемому периоду (1904—1905 гг.). В полевых войсках: 68 батальонов, 44 эскадрона, 34 пол. батарей, 240 орудий, 6 инж. рот, 2,5 тыс. офиц., 97,5 тыс. солдат, 21,5 тыс. лошадей, 2 тыс. повозок. В крепостных войсках: 48 батальонов, 8 эскадронов, 6 батарей, 36 орудий, 78 креп. батарей, 20 инж. рот, 1,5 тыс. офицеров, 61,5 тыс. солдат, 1,6 тыс. лошадей, 2,2 тыс. повозок. Всего в военное время: 3,9 тыс. офицеров, 160 тыс. солдат, 240 орудий, 78 крепостных батарей.

ное положение и в полную зависимость от того, что будет делать противник.

Таблица 5

Боевой состав французской армии военного времени в период разработки плана войны № 15

(составлено по официальным данным)

Наименование	Штыки	Сабли	Орудия	Лошади	Повозки
Бригада (2 полка)	7 920	—	—	194	8
Пехотн. дивизия	15 840	—	24	2 744	635
Кавдивизия	—	3 552	12	4 936	161
Резервная дивизия	7 920	—	24	291	76
Корпус (норм.)	31 680	2 368	34	11 585	2 132

Примечание. Организационный состав высших оперативно-тактических соединений был следующий: полевая армия подразделялась на 5—6 частных армий. В каждую армию входило 3—4—5 арм. корп. Пех. бригада—2 полка или 8 батальонов, кав. бригада—2 полка или 8 эскадронов, 1 кон. батарея. Пех. дивизия—2 пех. бригады, 6 арт. бат., 1 инж. рота с парком. Кавдивизия—2 кав. бригады (по 2 полка — 4-эск. состава), 2 кон. бат. Корпус—2 пех. дивизии, кав. бригада, корп. артиллерия (20 бат., в том числе 12 бат. дивизионной и 8 корпусной артиллерии со 120 орудиями), $2^1/_2$ инж. роты.

Вся линейная пехота имела ружья сист. Лебеля — 86 г. (калибр 8, вес 4,5 кг, дистанция по прицелу 2 тыс. м), а также Ле-Гра — 74 г (калибр 11, вес 4,7 кг, дистанция по прицелу 1 800 м). На ружье полагалось 296 патронов. Артиллерия французской армии была вооружена скорострельными 75-мм орудиями без отката, конные батареи — 80 мм сист. Банжа с унитарным патроном; на 75-мм орудия всего полагалось 617 снарядов, на 80-мм — 504 снаряда. Крепостная артиллерия в основном была вооружена 95-мм, 120-мм, 150-мм пушками, береговая артиллерия 19, 24 и 32-см стальными орудиями. Осадная имела 155-мм, 220-мм, 270-мм орудия.

Как видим, все пять французских армий направлялись на границу с Эльзас-Лотарингией. Документального материала, который бы говорил, как решило французское командование маневрировать этими пятью армиями — нет. Есть лишь указание, что эти армии должны занять выжидательное расположение. Во всяком случае, нет такой директивы, в которой бы твердо говорилось, что по плану № 15 французские армии должны будут вторгнуться в Эльзас-Лотарингию или контратаковать германцев, если они двинутся через Люксембург—Бельгию. Есть лишь общее указание, которое гласит: «В итоге можно видеть, что в плане № 15 нет речи об общем авангарде («армия авангарда»), но что главнокоман-

дующий сохраняет в своем распоряжении при всяком положении дела значительную маневренную массу» [1]). Иными словами, второлинейная армия позади центра (по нумерации 3-я) будет в готовности для маневра по указанию и усмотрению главнокомандующего. Но что могла сделать эта армия (3-я) в составе 4 корпусов даже совместно с верденской 4-й [2]) в составе 5 корпусов и 4 кавдивизий против 35½ корпусов и 8 кавдивизий по декабрьскому варианту Шлиффена?

Во всяком случае, французские армии столкнулись бы с фактами невыгодного для них соотношения сил и потери инициативы, которую они сами добровольно отдавали с первого же дня начала войны. Расположение французских армий по плану № 15, как видим, опирается главным образом на четыре крепости Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор; расположение корпусов скученное, а отсюда невыгодное с точки зрения гибкости маневрирования. В таком расположении войск не видно, чтобы французский генеральный штаб стремился обеспечить свободу действий своей полевой армии, учитывая взаимодействие ее с крепостями.

И если мы оперативно-стратегически сопоставим идейное содержание декабрьского варианта Шлиффена и французского плана № 15, то все говорит за то, что французская армия с ее 18—20 корпусами должна была бы при таком стратегическом развертывании оказаться в крайне невыгодном положении по отношению к тому, что замыслил делать противник, который, как мы видели, сосредоточивал больше чем вдвое сил, а также их более целеустремленно развертывал (схема 4).

План Шлиффена, глубоко охватывая, затем брал в клещи сгруженные пять французских армий в районе Верден—Бельфор. И если бы французы перешли в наступление на фронт Страсбург—Мюльгаузен, то чем глубже они зашли бы на территорию Эльзас-Лотарингии, тем лучше было бы для германского командования. Как мы видели выше, декабрьский вариант Шлиффена в своей оперативно-стратегической концепции имел ввиду организацию большого марша через Бельгию, Люксембург, северные департаменты Франции на Париж и далее на Труа, Нефшато. Но рассматривая план № 15, мы обязаны задать себе следующий вполне законный вопрос: стал ли бы Шлиффен при наличии у противника такого плана обязательно обходить Париж с запада? Мы твердо полагаем, что он этого не стал бы делать. Он говорил и очень часто, что после прохода территории Бельгии обстановка будет более ясной и тогда будет видно, что именно надо будет решать. А поэтому, если бы он увидел, что в районе Туль—Бельфор группируются главные силы французов, то замах своего правого фланга он без сомнения сократил бы. Шлиффен был последовательным

[1]) Les armées françaises dans la grande guerre, t. I, p. 9.

[2]) Как известно, по плану Бонналя (№ 14) район Вердена фактически предоставлен был самому себе; в плане № 15 он уже опирался на целую 4-ю армию, которая располагалась в его районе.

учеником Наполеона и Мольтке-старшего, он постоянно подчеркивал, что за голой территорией гоняться смысла нет, что каждый план может быть в мирное время разработан лишь до момента решительного столкновения с серьезной группировкой противника. А поэтому было бы странно полагать, что Шлиффен, видя главную массу французских армий не на территории Бельгии, не на границе северных департаментов Франции, а в районе Туль—Бельфор, все же стал бы упорно терять время на длительные обходы Парижа с запада. Эта тактика не шлиффеновского стиля. Он постоянно учил, что главная масса войск неприятеля и ее разгром есть основное. В данном случае на Париж он выделил бы небольшую часть сил своего фланга, а свои главные силы бросил бы с линии Гирсон—Мезьер—Живэ—Седан прямо на юг и юго-восток к району главных сил противника. Думать иначе, значит полагать, что все, чему учил германскую армию более 20 лет Шлиффен, делалось им лишь для красного словца.

Во всяком случае, если бы Шлиффену удалось сосредоточить и развернуть силы, которые он намечал, то план № 15 сулил французской армии быть не только отрезанной от своих тылов и от столицы Парижа, но также и вести сражение и бои в невыгодной оперативно-стратегической группировке.

Если бы Большой германский генеральный штаб, помогая Шлиффену в оперативно-стратегической работе по декабрьскому варианту 1905 г., точно знал содержание французского плана № 15, то он бы еще лучше увидел, насколько прав был Шлиффен. И далее, если бы французский генеральный штаб получил декабрьский план Шлиффена, то у нас нет уверенности в том, что авторы французского плана № 15 поверили бы в реальность плана Шлиффена. По всей вероятности они бы несколько усилили район севернее Вердена, возможно подбросили на всякий случай в район Мезьера один-другой армейский корпус и этим бы дело ограничилось. Слишком уже была консервативна и туга на под'ем оперативно-стратегическая мысль французского генерального штаба того времени, чтобы его руководители, даже имея перед своими глазами план Шлиффена, рискнули бы фронт Антверпен—Намюр—Льеж—Монмеди—Лонгви сделать г л а в н ы м, а хорошо оборудованный и укрепленный фронт Бельфор—Эпиналь—Туль—Верден—в с п о м о г а т е л ь н ы м. Частично это попытался сделать в 1911 г. вице-президент Высшего военного совета французской армии ген. Виктор-Констан-Мишель, но, как говорят ныне опубликованные документы, он сам и оказался жертвой этой попытки.

Следует здесь указать, что дальнейшие французские планы № 15 (бис), а также №№ 16 и 17, разработанные непосредственно перед Мировой войной 1914—1918 гг., весьма относительно улучшили разобранный здесь план № 15; во всяком случае, довольно беспечное отношение французов к прямой возможности со стороны Германии нарушить бельгийско-люксембургский нейтралитет проходит лейтмотивом через все эти планы, включительно до последнего № 17.

Французам посчастливилось в том, что сами немцы допустили ряд промахов в стратегическом развертывании и особенно в руководстве операциями в начальный период войны. Ген. Мольтке-младший в этом отношении в августе 1914 г. оказал большую услугу ген. Жоффру и его стратегическому развертыванию по плану № 17, о чем будем говорить ниже.

Сопоставлять и сравнивать вариант Шлиффена и французский план № 15 — дело весьма неблагодарное.

Что французы могли противопоставить той смелой оперативно-стратегической концепции, которая выражена в плане развертывания Шлиффена?

Если французы ждали со стороны немцев большого фронтального наступления на укрепленную полосу крепостных районов по восточной границе Франции, то это значит, что они плохо следили за германской литературой. А в ней говорилось: «Массирование для фронтального наступления с недостаточными силами приводит к последовательным ударам, постепенно ослабевающим и остающимся почти безрезультатными. Вследствие этого современное сражение сведется еще больше чем прежде к борьбе за фланги; победит тот, кто будет иметь последние резервы не за серединой фронта, а на его крайнем фланге. А туда они могут быть подвезены лишь тогда, когда проникновенный взор главнокомандующего в зареве идущей на протяжении многих квадратных миль битвы установит решающий пункт (шверпункт). Они должны быть подвезены туда по железным дорогам согласно заранее назначенного плана перевозок и с пунктов выгрузки походным порядком подведены к полю сражения... Необходимо добиться глубокого выхода на сообщения противника, тогда лишенный своих сообщений неприятель будет уничтожен» (Шлиффен).

Как видим, каждая строчка этого литературного произведения соответствует тому, что заложено в декабрьском варианте Шлиффена, в то время как французский план № 15 является полной противоположностью этим положениям.

Помешать сосредоточению и развертыванию огромной массы германских сил на правом фланге фактически никто не собирался, между прочим, так оно случилось и в августе 1914 г. Современных авиаэскадрилий тогда еще не существовало, а свое развертывание французы производили на 160 км южнее правого обходящего фланга Шлиффена. Организация наступления с указанием, на какой день мобилизации (22-й и 31-й) армии правого фланга должны были достигнуть определенных рубежей, говорит, что методы ведения наступления у германских армий исключали элементы огульности [1]).

---

[1]) Между прочим, эту особенность плана Шлиффена, т. е. достижение к определенным дням мобилизации определенных рубежей, Мольтке совер-

В то время как кавалерия французов была безыдейно разбросана на огромном участке от Лонгви до Бельфора (250 км), Шлиффен группирует конницу на важнейших направлениях, причем впереди основной ударной северной группы должны были пойти 6 кавдивизий.

В общем, мощному ударному молоту немцев французы противопоставляли численно вдвое слабейшую оперативно-стратегическую группировку, войска которой в бесформенной массе сгрудились с основной задачей пассивно наблюдать и ждать, что будет делать противник.

Подведем некоторые итоги изложенного.

Критики декабрьского варианта Шлиффена во главе с Юстровым видят следующие политические, оперативно-стратегические и военно-технические пробелы в этом шлиффеновском произведении.

1) Нарушение нейтралитета Бельгии неизбежно вызвало бы недоброжелательное и враждебное отношение со стороны всех главнейших государств, не входивших в военно-политический союз с Германией.

2) Нельзя было механически переносить удачные операции по охвату Ганнибала, Наполеона, Фридриха и Мольтке-старшего, ограниченные небольшими полями сражения с участием небольшого количества войск с обеих сторон, в современные новые условия с огромными полями сражения, миллионными армиями и сложной военной техникой.

Нельзя в XX веке всю войну рассматривать как одну гигантскую стратегическую операцию охвата, так как д л и т е л ь н о проводимый на всем театре военных действий охват, естественно, терял идею внезапности.

3) Шлиффен ничего не сказал, как надо немцам организовать командование и управление на западном фронте, кто именно будет руководить операцией ударной правофланговой массы (от района Меца до голландской границы) — фронтовое командование или же каждый командующий будет непосредственно подчинен верховному главнокомандующему.

4) Шлиффен мало считался с тем, что французы обладали весьма широко развитой и прекрасно оборудованной сетью железных дорог, вследствие чего могли очень широко применять маневр и быстро перебрасывать войска в северо-восточном направлении, т. е. во фланг обходящей германской группировке через Люксембург—Бельгию.

шенно забыл или, вернее, просто игнорировал, так как совершенно нет данных, что его эти д н и и р у б е ж и как-то беспокоили. «Вали валом, а потом разберем» — таков был характер наступления германских армий в августе—сентябре 1914 г., таково было и управление армиями включительно до проигрыша сражения на Марне. Эту мысль в полной мере подтверждают послевоенные монографии командующих германскими армиями правого фланга (1-я, 2-я, 3-я германские армии).

Юстров пишет: «Что сделал бы Шлиффен, если бы в 1914 г. он был французским полководцем? Он наверняка позволил бы германцам как можно дальше пробраться на север Франции и затем с юга прижал бы их к каналу. Пренебрегать этой вероятной опасностью не был вправе ни один полководец. Шлиффен оказал бы своей родине большую услугу, если бы он оставил ей более простой план, план менее зависимый от случайностей и более понятный и легче осуществимый менее одаренным полководцем, чем был сам Шлиффен» [1]).

5) Большой успех на войне всегда обещает внезапность удара, выигрыш времени по сравнению с противником, чтобы, упредив противника в действиях, нанести ему решающее поражение еще в период развертывания его сил. Как же можно было использовать это преимущество, если германские армии к 12-му дню мобилизации, а по всей вероятности и к 50-му и 60-му дням мобилизации продолжали бы маршировать и маршировать, тесня перед собой уклоняющегося противника. Как за это время питать всем необходимым для боя и жизни эти многочисленные наступающие германские корпуса?

6) Юстров пишет, что согласно данным первого дополнительного тома рейхсархива, разбирающего работу железных дорог (стр. 201), лишь в начале сентября было обеспечено использование одной единственной сквозной железнодорожной линии от Аахена через Льеж—Брюссель—Монс—Камбрэ и к С.-Кентену с ответвлением, отходящим через Перонн—Шольм—Гам. Эта дорога могла быть эксплоатирована лишь до моста через реку Маас (у Намюра), разрушенного противником. Мост этот был восстановлен лишь к 30 сентября, тогда эта линия смогла эксплоатироваться до Шарлеруа—Бюзиньи [2]).

7) Вопрос овладения железнодорожным хозяйством на занятой территории противника не был генеральным штабом предусмотрен, что было ясно видно в августе 1914 г. Непрерывный поток поездов очень скоро привел к перегрузке конечных станций, поскольку вокзалы передовых станций не были приспособлены для больших выгрузок, не имели достаточного количества запасных путей, выгрузочных платформ, вследствие чего порожняк не мог быстро подаваться назад.

18 августа 1914 г. германская ставка Мольтке-младшего писала: «Сообщение по бельгийским железным дорогам вследствие полного отсутствия телефонной и телеграфной связи исключительно затруднено. Управление военных сообщений 1-й армии дало приказ отклонять все требования в перевозках, кроме неотложнейших и срочнейших. Следует восстановить сначала планомерное сообщение и затем уже удовлетворять нередко слишком преувеличенные тре-

---

[1]) K. Justrow. Feldherr und Kriegstechnik. S. 232—233.
[2]) Ibid. S. 248—249.

бования этапных инспекций. Иначе будут поставлены под вопрос питание и снабжение всего нашего правого фланга».

Так было в августе 1914 г., когда генералом Мольтке-младшим на правом фланге было сосредоточено значительно меньше германских корпусов, чем то намечал Шлиффен. Что же было бы с вопросом использования железных дорог, если бы в Бельгию было введено то количество корпусов, которое намечал вариант Шлиффена?

8) Гренер пишет, что к 42-му дню мобилизации, т. е. если перенести эти дни на 1914 г., то к 12 сентября, Шлиффен мог сосредоточить в районе нижнего течения рек Сены и Уазы не менее 24 армейских корпусов.

На это Юстров отвечает: если считать, что до этого момента серьезного сопротивления со стороны противника не было и что он за эти дни германского марша перегруппировывался и пополнялся, то в дальнейшем германское наступление должно было протекать от рубежа к рубежу с упорными боями и большим расходованием огнеприпасов. Желая доказать всю безнадежность марш-маневра через Бельгию и далее в обход Парижа по декабрьскому варианту Шлиффена, Юстров продолжает убеждать читателя, что если даже предположить, что продовольствование войск было бы обеспечено за счет местных средств, то одни огнеприпасы потребовали бы такого количества поездов в сутки, для которого пропускная способность железных дорог Бельгии и северной Франции подготовлена не была ни к 1914 г., ни тем более к 1906 г. Он пишет, что ежедневный расход огнеприпасов в корпусе при напряженной боевой обстановке, которая ожидалась именно при подходе к Парижу (с фронта нижней Сены и Уазы), исчислялся бы следующими цифрами:

1 эшелон в составе 4 поездов с пехотными огнеприпасами (по 8 вагонов каждый)	24	вагона
1 эшелон снарядов полевой артиллерии	28 + 2	»
1 эшелон снарядов для полевых пушек и гаубиц	34 + 2	»
1 эшелон снарядов для тяжелых полевых гаубиц в составе	32 + 1	»
Всего	118 + 5	вагонов

(вагоны товарные, грузоподъемностью в 10 000 кг каждый).

Для 24 корпусов и особых потребностей кавдивизий, саперных частей (взрывчатые вещества) и т. д., для снабжения правого фланга армий только огнеприпасами необходимо 100 поездов. Далее Юстров пишет: «Если мы примем далее (и здесь мы берем наиболее благоприятное для плана Шлиффена предположение), что железная дорога Аахен—Льеж была оборудована тремя конечно-выгрузочными станциями в Аббенвиль, Амьен, Нуайон, то все же остается неразрешенным вопрос, как подвезти все эти боеприпасы к войскам, сражавшимся впереди в удалении, примерно, 100 км от

этих конечно-выгрузочных станций... Мосты через р. Сену и Уазу безусловно были бы противником разрушены настолько основательно, что восстановление их потребовало бы, как фактически и восстановление мостов через р. Маас южнее Намюра, несколько месяцев. Рейхсархив проводит отчетливое различие между бельгийскими и французскими железными дорогами. Только у бельгийцев вначале повреждения ж. д. были незначительны, потому что бельгийцы были захвачены врасплох быстрым нашим наступлением, французы, напротив, провели серьезную подготовку и серьезно и длительно разрушали железные дороги. Наступление на Париж столкнулось, следовательно, с величайшими техническими трудностями в организации подвоза войскам всего им необходимого и преодолеть эти трудности с той быстротой, которая была необходима для удачи операции Шлиффена, было абсолютно невозможно. Французы были бы в благоприятных условиях в отношении подвоза, так как их базы и источники пополнения были близки» [1]).

9) Генерал Врисберг пишет, что из огнеприпасов, заготовленных в мирное время, в среднем приходилось на полевую пушку 987 и на полевую гаубицу 973 выстрела — цифры явно недостаточные для прожорливого современного боя и скорострельности орудий. Мобилизационная подготовка промышленности была не только в странах Антанты, но и в Германии к августу 1914 г. явно неудовлетворительной и требовала нескольких месяцев для перехода с работы мирного времени на военные рельсы, причем необходимое производство боеприпасов могло быть в Германии налажено лишь через 16 недель [2]).

10) Для современного ведения войны недостаточно одного оперативного замысла, нужны и соответствующие материальная и технико-огневая обеспеченность его. Достаточно указать, что в сентябре 1914 г. после Марнского сражения и перехода к позиционной войне в германской армии был запрещен всякий более или менее значительный расход боеприпасов, так как запасы мирного времени были на исходе и промышленность еще не перестроилась с тем, чтобы давать все необходимое в достаточном количестве.

В этих 10 пунктах нами обобщены наиболее существенные возражения и замечания по декабрьскому варианту Шлиффена, которые мы находим в современной военно-научной литературе и, главным образом, западной-европейской. И надо сказать, что целый ряд из вышеприведенных пунктов безусловно заслуживает большого внимания, особенно те, которые говорят о вопросах материально-технического обеспечения идейных соображений, заложенных в оперативно-стратегический вариант Шлиффена от декабря 1905 г. Они проводят мысль, что любой план стратегического развертывания останется химерой, пустышкой, отвлеченным прожектерством, если его оперативно-стратегические идеи не будут под-

---

[1]) K. Justrow. Feldherr und Kriegstechnik. S. 253.
[2]) Wrisberg. Wehr und Waffen. S. 82—83.

креплены хорошо организованным командованием и подготовленной живой силой армии, а также материально-техническими факторами (т. е. железными дорогами с необходимым подвижным составом и оборудованием и всякими другими перевозочными средствами, затем оружием, продовольствием, снаряжением и пр.).

Но из этих 10 пунктов есть ряд неверных, а также много очень важных политических и стратегических вопросов просто упущено и не отмечено. Об этом мы считаем нужным здесь кратко сказать. Например, думать, что нарушение бельгийского нейтралитета Германией было основной причиной вступления в войну Англии на стороне Антанты это значит забыть всю ту гигантскую политическую и экономическую борьбу, которую вели Англия и Германия и особенно в начале XX столетия. Нарушение бельгийского нейтралитета со стороны Германии не могло быть неожиданным для Англии, так как о возможности, а затем и неизбежности этого нарушения открыто говорилось и в Англии и в Бельгии, и во Франции, и в самой Германии еще задолго до 1914 г. Правильнее сказать, что Англия с нетерпением ждала этого нарушения, так как ее политики и дипломаты в этом видели «законный» повод вмешаться в войну против ее самого могущественного конкурента, каковым была в последние три десятилетия перед 1914 г. Германия.

Последнее обстоятельство не совсем ясно понимал, вернее и не хотел понимать, начальник германского генерального штаба Шлиффен, всилу чего его стратегические решения были односторонними, несмотря на всю их исключительную смелость, дерзание, динамичность и экстремизм. Жертвой этой односторонности он фактически и оказался, когда в декабре 1905 г. получил синий конверт, в котором лежал рескрипт Вильгельма с отставкой Шлиффена. Для новой империалистической группировки, возглавляемой Круппом, Тирпитцем и Вильгельмом II основным и решающим лозунгом была «мировая политика». Все же стратегические планы Шлиффена, включая его последний вариант от декабря 1905 г., не являлись твердой опорой и оперативно-стратегическим выражением настойчивых чаяний и стремлений этой руководящей политической группировки германского империализма в начале XX столетия. Мало того, группа Круппа, Тирпитца и Вильгельма уже не могла дальше терпеть начальником генерального штаба германских вооруженных сил того человека, который весьма последовательно и упорно все свое внимание в первую голову уделял франко-бельгийскому театру военных действий и вопросу разгрома Франции, весьма мало обращая внимания, а подчас открыто игнорируя вопрос форсированного развития и строительства германского морского флота и политику интенсивных колониальных завоеваний, т. е. тот вопрос, который Круппом, Вильгельмом и Тирпитцем считался самым важным, кардинальным и ведущим в империалистической политике и экономике Германии.

Шлиффен, наоборот, постоянно требовал форсирования в создании огромной сухопутной армии с огромным развитием военно-технических средств для нее (с тем, чтобы военные запасы мирного времени были как можно больше), он требовал еще большего развития железнодорожной сети и особенно идущей в направлении бельгийской границы с тем, чтобы безболезненно подвезти и выгрузить массу германских войск между Мецем и Дюссельдорфом.

И надо сказать, что он в этом многого добился, особенно в области постройки железных дорог, необходимых для оперативного направления его плана; так например, если до 1880 г. постройка новых железнодорожных путей происходит, главным образом, южнее Люксембурга, то, начиная с 1895 г. и до 1905 г. включительно, идет самое интенсивное строительство высадочных железнодорожных платформ, конечно-выгрузочных станций, новых железнодорожных путей с устройством и открытием пунктов смычки с бельгийскими железными дорогами и пр. именно севернее Меца. С 1906 и по 1914 г. фактически между Дюссельдорфом и Мецем продолжалась достройка намеченных еще Шлиффеном железнодорожных путей.

Хотя все эти мероприятия Шлиффена группа Круппа, Тирпитца и Вильгельма считала важными, но главным для нее было другое. Германский империализм очень ясно видел, что по размерам колониальной экспансии Англии принадлежит первая роль в мире. В период 1874—1906 гг. она увеличила свои колониальные владения более чем на 10 млн. кв. км. Франция стремилась не отставать от Англии, и, примерно за этот же период 1860—1906 гг., она увеличила свои колониальные владения, главным образом в Индо-Китае и Африке, также почти на 10 млн. кв. км.

Германия перешла на путь интенсивных колониальных завоеваний почти одновременно с Италией с 80-х годов и успела захватить в Африке, Азии и Австралии территорию около 3 млн. кв. км, весьма значительно отстав таким образом от Англии и Франции.

Об'явив основным путем для Германии «Weltpolitik», группа Вильгельма—Круппа—Тирпитца в начале XX века перешла к энергичным мероприятиям с тем, чтобы как можно скорее догнать Англию в двух основных вопросах: а) в создании могущественного морского флота и б) в дальнейшем увеличении своей территории за счет нового раздела уже поделенного мира, за счет новых колониальных приобретений и вложения в них новых германских капиталов. Эта политика Германии неизбежно должна была в первую голову столкнуться с английским империализмом, который для Германии с началом нынешнего века являлся наиболее сильным конкурентом, отсюда и наиболее важным ее врагом. Это обстоятельство не было понято Шлиффеном, который все свои усилия сосредоточивал лишь против Франции, открыто заявляя, что Франция является главным врагом Германии и ее основным конкурентом, в то время как в действительности Франция свои передовые политико-экономические

позиции еще за 25 лет до 1 августа 1914 г. передала Англии, оставив себе после Германии лишь третье место.

Это обстоятельство не было в достаточной мере понято и приемником Шлиффена — Мольтке-младшим, но последний оказался более покладистым, ибо Мольтке-младший не мешал дальнейшему развитию экстремистской мировой политики, которую вела основная, главная и руководящая империалистическая группировка Круппа—Вильгельма—Тирпитца.

И надо сказать, что правы те военно-морские исследователи, которые, анализируя все эти факты, говорят, что Германии не удалось составить такого стратегического плана войны, который стройно и целеустремленно об'единил бы в себе вопросы политики, экономики, хозяйства, армии и флота.

Дальше мы видим, что все строгие критики или доброжелатели декабрьского варианта Шлиффена твердо исходят из основной мысли, что это законченный план стратегического развертывания со всеми детальными расчетами по вопросам мобилизации, сосредоточения сил и средств, а также материально-технического обеспечения для наступления в глубь Франции с проходом через Бельгию—Люксембург. В начале II главы нашего труда нами была уже высказана точка зрения относительно того, как надо квалифицировать произведение Шлиффена от декабря 1905 г.; все дальнейшее изложение явилось лишь подтверждением того, что этот план был лишь перспективным наброском для дальнейших оперативно-стратегических и мобилизационных работ в определенном направлении. Во всяком случае, если бы война между Германией и Францией вспыхнула в 1906—1907 гг., то в жизнь был бы проведен план стратегического развертывания, разработанный в период 1900—1903 гг. (см. черт. 7 на стр. 71).

Например, ряд авторов (Юстров, Иммануэль, Штейнгаузен и др.) считает, что вторжение в Бельгию надо было бы вести не через Брюссель—Лилль—Амьен (вариант декабря 1905 г.), а через Льеж—Намюр—Мобеж (т. е. совершить меньший охват, примерно, по плану стратегического развертывания 1900—1903 гг.).

Мы полагаем, что если бы Шлиффен определил, что главные французские силы во время прохождения германских армий через Бельгию и Люксембург находятся в районе Верден—Шомон—Эпиналь, то он так и сделал бы, исходя из основной и решающей мысли, которую проводил во всех своих военных играх, полевых поездках и оперативно-стратегических разработках по плану войны, что надо стремиться к уничтожению живой силы врага, а не к захвату только его территории. Он не пошел бы в далекий и ненужный обход Парижа, а, выставив к нему заслоны, всею массою армий своего правого фланга бросился бы с линии Мобеж—Мезьер—Монмеди на юго-восток против главных сил французов с целью добиться уничтожающего генерального сражения.

Чем более тщательно изучаешь, сопоставляешь и анализируешь имеющийся материал по оперативно-стратегическим разработкам

Шлиффена, тем более твердо приходишь к основному выводу, что все варианты по плану войны и по планам стратегического развертывания у Шлиффена не выходят из рамок основной стратегической идеи, что главный враг — Франция, а поэтому первый и главный удар необходимо наносить на западном (французском) фронте. В этих вариантах мы не найдем подробных расчетов того, как Шлиффен считает нужным использовать силы своих союзников — Австро-Венгрии и Турции. Шлиффен надеется лишь на успехи германской армии, в то время как германский империализм в начале века уже цепко и глубоко вонзил свои когти в тело Австро-Венгрии и Турции.

«Германия, Австрия и Турция должны были составить единое хозяйственное целое, в котором три названных государства взаимно экономически дополняли бы друг друга, строя свое хозяйство под руководством германского финансового капитала» [1]).

В работах Шлиффена мы не видим, как он смотрел бы на разрешение проблемы с постройкой так называемой Багдадской железной дороги, идущей через Германию, Австро-Венгрию, Болгарию, Турцию, т. е. через будущую военно-политической коалицию этих государств и посредством сухопутного пути соединяющей Северное (Немецкое) море с Персидским заливом. Эта дорога, строившаяся главным образом на германские капиталы, как раз и стремилась содействовать экономическому об'единению тех держав, через которые она проходила. Мало того, эта дорога должна была не только способствовать организации главной продовольственной и хлопковой базы в Турции и Месопотамии на случай войны Германии с Англией, Францией, Россией, но она являлась важным стратегическим путем для различных воинских переброс ок. Багдадская дорога являлась «пистолетом», направленным прямо в сердце английского империализма, так как она устанавливала для Германии кратчайший путь к «жемчужине британской короны» — Индии. И не случайно в мае 1903 г. английский министр иностранных дел Ленсдоун открыто предупредил Германию, что «если какая-либо держава попытается встать твердой ногой в Персидском заливе, это будет рассматриваться как повод к войне». Как именно реагировал на все эти вопросы начальник германского генерального штаба Шлиффен, остается совсем неизвестным, во всяком случае, в его стратегических вариантах по плану войны эти вопросы «Weltpolitik» (мировой политики) отражения не находят. Конечно, это вовсе не значит, что Шлиффен был совсем оторван от факта бурного развития германского империализма, скорее надо сказать, что его декабрьский вариант стремился итти в ногу с дальнейшим развитием и успехами германского империализма, но это стремление было одностороннее, сухопутное, без должного учета морской гегемонии Англии, которая являлась главным организатором империалистической коалиции под названием Антанты и в то же время

---

1) К. Радек. Багдадская дорога. БСЭ, т. 4, стр. 304

главным соперником и конкурентом Германии. Шлиффен недоучел основного факта, что Англия не могла бы допустить вторичной после 1870 г. победы Германии над Францией, так как в таком случае Германия оттеснила бы Англию на второе и третье место в мировой империалистической политике. Поэтому мечты Шлиффена, что посредством быстрого победного марша через Бельгию в обход крепостей пояса де-Ривьера он в полтора-два месяца покончит с Францией, а затем начнет переброску на восточный (русский) фронт против царской России, должны были остаться мечтами, так как Англия не могла остаться нейтральной.

В своей книге «Мировой кризис» Черчилль пытается доказать, что Англия сохранила бы спокойствие и не вступила бы в войну, если бы Германия бросилась только на царскую Россию. Людендорф говорит, что этот вариант отпадал, так как он сильно затягивал бы войну, в то время как все считали, что, начавшись летом, к рождеству война кончится. Но если бы Германия первый удар нанесла вместе с Австро-Венгрией против царской России, то это вовсе не значит, что Англия и Франция могли бы остаться нейтральными. Франция не могла остаться нейтральной не только потому, что уже был военный союз 1893 г. с царской Россией, но главным образом потому, что она твердо знала, что после разгрома России Германия бросится на нее и тогда бы Англия оказалась в еще более тяжелом положении, так как равновесие сил окончательно было бы утеряно. Английские политики, английские индустриальные и финансовые короли великолепно это понимали и твердо считали, что для того, чтобы не потерять своих сверхприбылей, своих колоний, своего руководящего и первенствующего положения среди представителей мирового монополистического капитала, они не могли в предстоящей мировой империалистической войне и одного часа остаться нейтральными. Как увидим ниже, так оно и случилось. И вот этого коалиционного характера будущей мировой войны, которая не могла закончиться одним ударом и одним генеральным сражением, осуществленным лишь на военных запасах мирного времени, Шлиффен не сумел распознать и раскрыть во всей его полноте. Отсюда он не мог и оставить более прочное и не такое эскизное наследство (вариант от декабря 1905 г.) своему заместителю, которого Шлиффен к тому же считал далеко не первоклассным стратегом-полководцем. Мольтке-младший получил от Шлиффена богатый стратегический капитал, но и большие долги и в первую очередь по вопросам не столько смелого, сколько довольно беспечного оставления с первого же дня войны таких огромных и богатейших районов, как Восточная Пруссия и Эльзас-Лотарингия. К тому же оставался совсем не разрешенным вопрос с военно-политическим союзником Германии — Австро-Венгрией и ее армией, так как формула «ждите победы на Сене» была весьма неопределенной. В перспективе открытым оставался и вопрос с Турцией, которая вследствие своей политики неизбежно должна была войти в союз с Германией против держав Антанты. Крупной

была ошибка у Шлиффена с недооценкой роли Англии при борьбе Германии на два фронта.

Мы подчеркиваем слово «недооценка», так как сказать, что Шлиффен просто игнорировал роль Англии — нельзя, это будет исторически неверным. Когда в 1905 г. Шлиффен предлагал Вильгельму II об'явить войну Франции, он писал: «Мы окружены чудовищной коалицией; мы находимся в таком же положении, как Фридрих Великий перед Семилетней войной. Теперь мы могли бы вырваться из петли. Вся Западная Россия очищена от войск. Россия недееспособна на ряд лет (Шлиффен имеет ввиду разгром царской армии в русско-японской войне. Вл. М.). Мы могли бы теперь посчитаться с нашим наиболее заносчивым и опаснейшим врагом — Францией, и к тому же имели бы на то полное право. В подобном случае Франция не упустила бы ни одного мгновения, чтобы броситься на нас, если бы она имела шансы при нападении на нас быть поддержанной и другими державами. Недаром английский король, этот любящий покой человек, раз'езжает кругом света. Он лучший коммивояжер своих министров и ошибочно думать, что Англия стремится разорить нас только экономически: нет и политически, и в военном отношении. Под давлением хозяйственной и политической необходимости Англия думает, что она должна войти в круг наших врагов; она взяла на себя руководство в облаве и хочет окончательно устранить неудобного экономического конкурента. В этом нет никакого сомнения»[1]).

Как видим, главный противник у Шлиффена опять Франция, а не Англия, и здесь он опять исходит из военной стороны вопроса, считая, что Англия не имеет большой реальной сухопутной армии, а у Франции она налицо. Это явная недооценка, так как Англия могла в огромной доле усилить сопротивление Франции и флотом, и оружием, и деньгами и не допустить и в 1905 г. одним прыжком к Парижу покончить с Францией. Война могла затянуться и в 1905 г. надолго, а не решить вопрос в «шесть недель», как это думал Шлиффен. Повторяем, Шлиффен был против политики Вильгельма—Тирпитца—Круппа, которая добивалась мирового первенства для Германии через морское могущество и новые колониальные захваты, и оставался на точке зрения решения этого вопроса путем победы Германии на полях Бельгии и Франции.

В своей последней памятной записке, датированной декабрем 1905 г. (Denkschrift vom Dezember 1905), которую с легкой руки ряда германских писателей и особенно Куля, Ферстера, Гренера, Юстрова и других совершенно неосновательно и неправильно характеризовали как «план войны» и «план кампании», Шлиффен пишет:

«Непременно надо попытаться наступлением против левого фланга французов оттеснить их в восточном направлении на их Мозельские крепости, на Юру и Швейцарию. Французская армия должна быть уничтожена. Для проведения всей операции важно

---

[1]) См. W. Groener. Das Testament des Grafen Shliffen. S. 6.

создать сильный правый фланг, при посредстве которого выигрывать сражения и постоянно вновь принуждать противника к отходу безостановочным преследованием силами того же правого фланга. В Лотарингии необходимо стремиться к тому, чтобы возможно большие силы французов были скованы возможно меньшими немецкими силами. Немцы могут быть уверены, что если они будут упорно проводить свои операции, то французы вскоре повернут и при том не севернее, а южнее Меца, в том направлении, откуда грозит наибольшая опасность после охвата. Поэтому особенно важно, чтобы немцы были сильны насколько возможно на правом крыле, так как именно здесь следует ожидать решающего сражения». Шлиффен предлагал соотношение между правым (севернее Меца) и левым флангами (Эльзас-Лотарингия), как 7 : 1.

На такое соотношение сил его преемник Мольтке-младший не пошел, он дал другую пропорцию флангов как 3 : 1. Иначе говоря, Мольтке не согласился с памятной запиской Шлиффена, где тот писал, что «наступление французов в Эльзас будет большой выгодой» или «Liebesdienst» — «любезной услугой». Мольтке развертывал там 6-ю и 7-ю германские армии кронпринца баварского Руппрехта и ген. Геерингена, а также эльзасский отряд ген. Геде общей численностью 360 тысяч бойцов. Как это случилось, мы расскажем в главах, посвященных июлю—августу 1914 г.

ГЛАВА IV

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ГЕНЕРАЛА ВИКТОР-КОНСТАН-МИШЕЛЯ [1])

Весьма интересной фигурой в истории французской армии начала нашего столетия оказался начальник генерального штаба, создатель в 1911 г. плана стратегического развертывания французской армии, вице-президент Высшего военного совета Франции ген. Виктор-Мишель [2]).

Ген. Виктор-Мишель занял пост вице-президента Высшего военного совета, когда действовал план № 15 (бис), который очень мало чем отличался от уже рассмотренного нами плана № 15.

План ген. Виктор-Мишеля не только представляет большой оперативно-стратегический интерес в военно-техническом отношении, но он также весьма интересен еще благодаря тому, о чем удачно сказал ген. Буше [3]).

«В Германии Шлиффен, благодаря своим стратегическим воззрениям на развертывание сил, признавался гением: во Франции главнокомандующий (в данном случае ген. Виктор-Мишель. Вл. М.), который один их угадывал и разделял, считался сумасшедшим».

Но ген. Буше только косвенно касается плана ген. Мишеля, он о нем говорит в нескольких строчках. В современных высших военных школах (академиях) ни в одной армии не разбирают этого плана, без которого не может быть полной картины работы генеральных штабов накануне Мировой войны 1914—1918 гг. В лекциях французской высшей военной школы (академии) немало места уделено плану № 17 Жоффра, разбирается план Шлиффена [4])

---

[1]) Схемы 5, 6, 7.

[2]) До назначения на эту должность ген. Виктор-Мишель командовал полком, бригадой, дивизией и корпусом. Одно время (в период 1887—1890 гг.) был ад'юнкт профессором во французской военной академии. Виктор-Мишель считался одним из крупных и образованных офицеров французского генерального штаба. Вице-президентом он был назначен в июле 1910 г.

[3]) А. Буше. Основы подготовки великой войны, стр. 102.

[4]) Но опять же декабрьский вариант 1905 г. Шлиффена характеризуется, как законченный план войны и план стратегического развертывания, получивший свое якобы осуществление в августе 1914 г. Между прочим, этой ошибкой грешат все без исключения военные исследования современной буржуазии.

и — ни слова о ген. Виктор-Мишеле. Как видим, замалчивание продолжается и до настоящего времени.

Марксистско-ленинское положение о том, что «капитализм обезличивает людей, что это одна из его разрушительных функций», вполне подтверждается сотнями и тысячами фактов, которые трудно перечесть. Маркс писал, что буржуазия никогда не может осуществить социалистический принцип «каждый по способностям, каждому по труду» и тем более коммунистический «каждый по способностям, каждому по потребностям», «так как буржуазия превратила в меновую стоимость личное достоинство человека. Маркс говорил, что буржуазия обезличила и рабочего, и инженера, и крестьянина; буржуазия, особенно в эпоху империализма, душит всякое проявление инициативы, научную мысль, таланты, личные достоинства и качества трудящихся и даже буржуазных специалистов и ученых, если они не укладываются в рамках средней нормы прибыли. Не уложился в рамки «средней нормы» по политическим мотивам, как увидим ниже, довольно талантливый выдвиженец из средней французской буржуазии ген. Виктор-Мишель с его оперативно-стратегическим творчеством по плану разверывания французской армии. Буржуазный ген. Мишель был затерт более сильной военно-политической группировкой буланжистов (Миссими, Кастельно, Фош и др.), которая в основном требовала, как и бывший военный министр ген. Буланже (так называемый «генерал-реванш»), скорейшего обратного отторжения от Германии Эльзас-Лотарингии, потерянной в результате войны 1870 г., для чего необходимо было создать крепкую перволинейную армию, хорошо политически обработанную и готовую до конца защищать интересы капиталистической буржуазии и, конечно, без допущения каких-либо резервных и территориальных формирований. Группа Миссими, Кастельно [1]), Фоша и других была жесточайшим врагом политических требований Жореса [2]), особенно его борьба за сокращение трехлетнего срока военной службы до двух лет (с приходом к власти Жоффра—Кастельно за год до войны 1914 г. опять был введен трехлетний срок военной службы). Группа Миссими, Кастельно, Фоша и др. была настроена против известной книги Жореса «Новая армия» (написана в 1910 г.), в которой автор очень ярко защищал идею милиционной армии и всеобщего вооружения народа. Следует считать, что идеи этой книги не прошли незаметными для ген. Виктор-Мишеля, так как немало этих идей, заложенных в книге

---

[1]) Кастельно — реакционный французский генерал, по своим политическим убеждениям роялист. После смещения ген. Виктор-Мишеля и назначения на его место ген. Жоффра ген. Кастельно стал его заместителем, соавтором плана войны № 17. В августе 1914 г. ген. Кастельно был назначен командующим 2-й французской армией, которая развертывалась против Эльзас-Лотарингии.

[2]) Жорес — виднейший вождь реформистского крыла французской социалистической партии, буржуазный демократ, законченный тип оппортуниста, безотказно веровавший в силу «буржуазной социальной реформы» (Ленин, том VII, стр. 198).

«Новая армия» Жореса, мы находим в плане стратегического развертывания ген. Виктор-Мишеля.

В истории планов войны и стратегического развертывания, составленных французским генеральным штабом, лишь один вариант плана ген. Виктор-Мишеля рассматривает территорию Бельгии, как театр наивероятных действий в первые же дни войны. Французские планы войны, составленные в XIX и начале XX столетия, а именно, планы 13, 14, 15, 16, 17 совершенно исключают эту возможность и стратегическое развертывание французской армии строят на восточной границе к югу от района Вердена. В основном эти планы исходят из теории популярного французского министра девяностых годов, известного душителя Парижской коммуны, ген. Буланже, который требовал во что бы то ни стало осуществить поход-реванш и захватить в первую голову обратно Эльзас-Лотарингию. Ген. Буланже был представителем крупной капиталистической буржуазии Франции, он имел огромную поддержку во французском генеральном штабе. Ген. Кастельно и Фош, как увидим ниже, являлись в противовес ген. Виктор-Мишелю наиболее последовательными буланжистами в проведении этой теории скорейшего обратного отторжения Эльзас-Лотарингии (об этом также см. главу XVIII «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа»).

На плане стратегического развертывания ген. Виктор-Мишеля мы остановимся несколько подробнее всилу того, что в деталях этот план в советской литературе совершенно неизвестен. И если мы внимательно рассматриваем и анализируем план Шлиффена, то этого же вполне заслуживает план ген. Виктор-Мишеля, как поистине грозный соперник плана Шлиффена. Ибо то, чего так опасался Шлиффен, а именно, что французские армии могут быстро занять линию Антверпен—Намюр и тогда сорвут всю операцию обходящего правого фланга, как раз и намечал в 1914 г. план стратегического развертывания ген. Мишеля. И если план Шлиффена (декабрьский вариант 1905 г.) был в 1914 г. значительно видоизменен его преемником ген. Мольтке-младшим, то план Мишеля совершенно был похоронен в недрах несгораемых шкафов французского генерального штаба, а французские армии в 1914 г. развертывались по беспринципному плану № 17 ген. Жоффра. Ныне, спустя много лет после мировой войны, французы опубликовали план войны ген. Виктор-Мишеля и выписки из протоколов заседания Высшего военного совета французской армии [1]).

План войны ген. Виктор-Мишеля изложен в его февральском и июльском докладах 1911 г. на имя военного министра. Этот план представляет собой обширный материал для размышлений. А по-

---

[1]) См. официальное издание французского генерального штаба „Les armées françaises dans la grande guerre", том I, стр. 13 и приложения к этому тому стр. 7—15.

этому ниже мы постараемся рассказать самую сущность стратегического прогноза, который давал план войны, составленный ген. Виктор-Мишелем.

В основных чертах этот план слагался из следующих главных моментов (повторяем, в этом плане мы найдем ряд положений, заимствованных ген. Виктор-Мишелем из книги Жореса «Новая армия», изд. 1910 г.).

1. «Политические и экономические противоречия, — пишет в своем плане ген. Виктор-Мишель, — между Англией и Германией с каждым днем увеличиваются и это обстоятельство может в любой момент вызвать военные действия, которые неизбежно вовлекут Францию и охватят большую часть европейских государств».

Далее он развивает свою мысль, говоря, что с первых же дней большой европейской войны вся Бельгия будет главным театром военных операций и не только потому, что Германия издавна идет к завоеванию политико-экономического и торгового района и порта Антверпена, но и потому, что для германских вооруженных сил быстрое и сокрушающее наступление возможно лишь через Бельгию. Свой главный удар Германия никогда не будет направлять через Лотарингию и Эльзас, так как ей хорошо известны мощные укрепления, которые тянутся по восточной границе Франции от Вердена до Бельфора. Об этом имеется достаточный материал в военной литературе и Германии, и других европейских стран (1911 г.). Территория Бельгии позволяет не только обойти с севера эти укрепления, но и на ее равнине развернуть и двинуть современную массовую армию. Кроме того, исключительно развитая и с каждым годом все более увеличивающаяся железнодорожная сеть нижнего Рейна позволяет Германии быстро сосредоточить и развернуть большие силы. Германия несомненно бросит большую часть своих 42 армейских и резервных корпусов именно через Бельгию. Это обстоятельство заставляет внести существенные изменения во французский план войны, который действует в настоящее время. Активно помогая с первого же выстрела Бельгии, мы тем самым обеспечиваем успех Франции, которая в данное время может располагать 40 армейскими и резервными корпусами. Обстановка требует главные силы (две трети) французской армии сосредоточить и развернуть между Мезьер, Дюнкирхен (Дюнкерк) для энергичного наступления в Бельгию, в то время как остальные силы должны нести активную оборону по линии Бельфор, Мезьер. Ген. Виктор-Мишель далее в своем докладе говорит: «Антверпен, Брюссель, Намюр находятся на почти равном расстоянии от французской и немецкой границ, это и заставляет внести изменения в вопросы мобилизации и развертывания французской армии». Другими словами, с момента об'явления войны необходимо раньше занять линию Антверпен, Брюсель, Намюр, чем это сделают германские войска. Как видим, то, чего так опасался Шлиффен, как раз разгадал ген. Виктор-Мишель. Одно это проникновение в оперативно-стратегические замыслы противника, а главное твердое желание активно

противодействовать германским планам ставит ген. Виктор-Мишеля головой выше всех «жрецов» и «богов» французского генерального штаба с их оперативно-стратегическими планами, начиная с 13-го и до 17-го включительно.

2. С тем, чтобы поднять еще выше боевую мощь французской армии и увеличить ее численность, ген. Виктор-Мишель предлагал коренным образом реорганизовать систему резервных соединений. Необходимо довести французские войска первой линии до 40 корпусов. Для этого нужно уничтожить организацию резервных дивизий, которые существуют в большей своей части на бумаге, не имея надлежащей спайки и достаточно подготовленного командного состава. Уничтожая организацию резервных дивизий, необходимо при мобилизации формировать регулярные полубригады, составленные путем придачи каждому регулярному полку его соответствующего резервного полка. Сведенные таким образом в одно, два полка будут управляться командиром регулярного (полевого) полка. Всилу этого при мобилизации бригада развернется в 4 полка; дивизия будет иметь 8 полков, двухдивизионный корпус — 16 полков; трехдивизионный корпус — 24 полка.

Эту реорганизацию ген. Виктор-Мишель обосновал следующими мотивами. Резервные полки составлены из вполне обученных людей под командой молодых активных командиров, пользующихся достаточным авторитетом у войск. Такой резервный полк рядом с регулярным (полевым) полком, выдвинутый в первую линию, будет доблестно сражаться хотя бы из одной гордости и чувства соревнования, что он борется наравне с регулярными полевыми войсками. Вот эти-то оба полка и составляют полубригаду под командованием командира регулярного полка чином полковника, командирами же полков будут чином подполковники из регулярного полка. При существующем положении (1911 г.) половина командиров резервных полков будет состоять из подполковников регулярных частей, находящихся в отставке не менее 5 лет. Офицеры же, раз выйдя из регулярной армии, быстро теряют физическую гибкость, энергию, которые постоянно развиваются при командовании войсками. Место таким офицерам во второй линии, т. е. во главе территориальных формирований.

Командир регулярного полка, который впоследствии ведет оба полка в бой, еще в мирное время постарается дать личному составу обоих полков приблизительно равное воспитание, закалку и сплоченность. Отсюда полубригада будет состоять из двух полков трехбатальонного состава каждый, т. е. она не будет отличаться от существующей бригады. При мобилизации все регулярные соединения будут, подобно приведенной реорганизации пех. полка, у д в о е н ы. Удвоится численный состав, удвоится количество пехотных единиц. Соединения не меняют своих названий, они остаются под командой командиров мирного времени, которые, оставаясь на войне в том же чине, будут нести обязанности на одну категорию выше. Последнее обстоятельство уже в мирное время бу-

дет требовать проявления большего внимания при отборе начальников. При мобилизации численный состав корпуса возрастает с 45 тысяч до 70 тысяч человек, что значительно расширяет круг деятельности корпуса. Для полной готовности корпуса к выступлению нужно будет лишь на 2—3 дня больше, чем это рассчитано в данное время (1911 г.).

3. Вопрос с артиллерией должен был разрешиться следующим образом: к февралю 1911 г. артиллерия французского армейского корпуса насчитывала 30 батарей, которые при мобилизации должны были развернуть еще 10 батарей поддержки. Таким образом, артиллерия бригады военного времени (с двойным численным составом) должна была насчитывать 9 батарей, артиллерия дивизии — 18 батарей. Дивизионная артиллерия (для двух дивизий) — 36 батарей. Батареи поддержки, как правило, будут следовать с группами их создавшими. Артиллерия армейского корпуса будет иметь эти 10 батарей, 4 конные батареи плюс 1 группа тяжелой артиллерии (3 дивизиона по 2 батареи). «В германской армии тяжелая артиллерия к началу 1911 г. является оружием корпуса, так же должно быть и во французских войсках»[1]). Насыщенность артиллерией при данной реорганизации будет следующая: корпус при 30 батареях на каждые 1 500 человек будет иметь одну батарею. Корпус с удвоенным составом при 40 батареях на 1 750 человек будет иметь также одну батарею.

4. Перед тем, как перейти в наступление на главном направлении, необходимо тщательно продумать вопрос о соответствующем обеспечении своих границ. Нужны специальные мобилизационные мероприятия в пограничных районах, с тем чтобы с первых же дней мобилизации преградить путь для вторжения неприятельских сил. Такие мероприятия должны также обеспечить нормальное проведение мобилизации и сосредоточение армейских корпусов в намеченные планом войны районы. Для этого пограничные районы должны иметь соответствующие силы и средства, чтобы крепко защищать свои границы. «Мобилизация войск пограничных районов будет несколько иной, чем внутри страны. По первому сигналу все имеющиеся силы (регулярные части, резервные, территориальные и резерв территориальников) данного пограничного района берутся за оружие, собираются в соответствующие центры сосредоточения и организуют крепкий отпор». Резервисты территориальных войск, по мнению ген. Мишеля, должны немедленно приняться за охрану путей сообщения; территориальные дивизии, составляющие гарнизоны крепостей, стойко их обороняют.

---

[1]) Как видим, и в отношении создания тяжелой артиллерии ген. Виктор-Мишель не желал отставать от своего грозного противника — Шлиффена, который первый в германской армии потребовал скорейшего и обильного оснащения ее тяжелой артиллерией.

По северной, северо-восточной границе Франции и в Альпах, т. е. по границе Бельгии, Германии, Швейцарии и Италии, Франция располагает в военно-административном отношении 1-м, 2-м, 6-м, 7-м, 14-м, 15-м и 20-м корпусными округами (см. схему 7). Если для 1-го и 2-го округов корпус будет доведен до состава военного времени — 70 тыс. человек, а для остальных четырех округов — до 100 тысяч человек (что нетрудно, так как эти округа имеют в мирное время корпуса по 3 дивизии), то обеспечение стратегического сосредоточения и развертывания по плану войны будет достигнуто. Во всяком случае, наличие и умелое использование 140 тысяч на бельгийской границе, 300 тысяч против Германии (от Монмеди до Бельфора) и 200 тысяч против Италии (Альпы) могут сковать более значительные силы врага, пытающегося внезапно вторгнуться в пределы Франции.

Кроме всего указанного, имея ввиду, что в первые дни мобилизации Франции придется рассчитывать лишь на свои силы, необходимо принять ряд дополнительных мероприятий. Территориальные дивизии 1-го корпусного округа должны занять Дюнкерк и Мобеж. I корпус, отмобилизовавшись, расположится своими 70 тысячами между Дюнкерком и Лиллем, часть этих войск в случае необходимости может прикрывать посадку и перевозку по морю английских войск.

Территориальные дивизии 2-го корпусного округа займут Лион и Реймс. 2 корпус, отмобилизовавшись, займет район между Мезьер, Монмеди, прикрывая левый фланг 6 корпуса.

Занятие укреплений по побережью океана и Средиземного моря будет проведено и осуществлено колониальными войсками, мобилизованными в портах и территориальными дивизиями 3-го, 10-го 11-го, 18-го и 15-го корпусных округов.

3-й, 4-й, 5-й корпуса, а также колониальная Парижская дивизия, сосредоточатся вокруг столицы (220 тысяч), немедленно приступив к организации укрепленных позиций. Работы должны производиться территориальными дивизиями, сосредоточенными из глубины страны.

Главный резерв сил образуется в районе Парижа из полевых (регулярных) войск, располагаясь вблизи железнодорожных узлов для переброски по железным дорогам в любом направлении по требованию боевой обстановки.

Такое решение было основано еще и на том, что столица-Париж очень близко (200—250 км) была расположена от северной и восточной государственных границ.

5. Наступление в Бельгию. Все указанные выше войска создают армию обеспечения и прикрытия. Под прикрытием этих сил происходит сосредоточение 8, 9, 10, 11, 12 и 13 армейских корпусов (420 тысяч человек). Эти корпуса развернутся от Лилля до Авена, в то время как сосредоточившиеся 16, 17, 18 армейские корпуса (220 тысяч человек) развернутся между Гирсоном и Ретелем).

Таким образом, в энергичном наступлении в Бельгию могли бы принять участие:

а) 1-й корпус + шесть армейских корпусов, расположенных между Лиллем и Авеном = 490 тыс. человек;

б) 2-й корпус + три армейских корпуса, расположенных между Гирсоном и Ретелем для наступления справа от первых = 280 тысяч человек;

в) к этим силам можно придать главный резерв из Парижского района = 220 тысяч человек.

Итого в наступлении в Бельгию может участвовать 990 тыс. чел.

6. Активная оборона на восточной границе. Между Монмеди и Бельфором организуется активная оборона. Силы для этого будут состоять из:

а) 300 тысяч человек из регулярных войск 6-го, 20-го и 7-го корпусных округов;

б) смотря по обстоятельствам (т. е. в случае нейтралитета Италии), эти силы могут быть увеличены еще на 200 тысяч человек за счет переброски на эльзас-лотарингском направлении 14-го, 15-го, 21-го и 19-го корпусов;

в) тогда с этими 500 тысячами, опирающимися на крепостной пояс генерала де-Ривьера, можно будет не только вести активную оборону, но и энергичное наступление в глубь Эльзас-Лотарингии.

Иными словами, ген. Виктор-Мишель намечал развернуть армию в 1 490 тыс. плюс 220 тыс. резерва в районе Парижа, т. е. в 1 710 тыс. человек для наступления в Бельгию и Эльзас-Лотарингию.

г) Английская армия развертывается на линии Ла-Фер—Суассон—правый берег Марны, оперативная задача для нее пока не была указана.

Таков в основных своих чертах план стратегического развертывания, составленный ген. Виктор-Мишелем и переданный им для утверждения военному министру Миссими. Этот крайне интересный в военно-научном отношении вариант стратегического развертывания французских вооруженных сил, как пишут сами французские авторы, произвел очень сильное впечатление в среде руководящих работников генерального штаба и военного министерства того времени. Создатели планов войны за №№ 14, 15, 16 ясно видели, что план стратегического развертывания ген. Виктор-Мишеля является полным и законченным антиподом к их планам войны. Приняв его, надо было буквально все перестраивать заново. Учитывая, что возразить против активного оперативно-стратегического замысла, заложенного в вариант Виктор-Мишеля было весьма трудно, решили вообще снять его с обсуждения: пусть, историки в будущем разберутся в этих стратегических новаторствах генерала, в его «полубригадах», которые к тому же неприятно напоминают «амальгаму» из времен армий Великой французской революции!

Был собран Высший военный совет под председательством воен-

ного министра Миссими, который и отклонил вопрос реорганизации вооруженных сил, т. е. главное было сделано. Поскольку оперативно-стратегический замысел Виктор-Мишеля был неотделим от его предположений по реорганизации французских вооруженных сил, с отклонением Высшим военным советом вопроса реорганизации механически был снят вопрос о предложенном новом стратегическом развертывании.

Военный министр Миссими, а с ним вместе Кастельно, Бонналь, Фош и другие, не могли помириться с сущностью плана стратегического развертывания тен. Виктор-Мишеля, исходя из основного принципа буланжизма — вести войну с помощью политически обработанной, вышколенной, классово-преданной до конца буржуазно-капиталистическому правительству регулярной перволинейной армии. Буланжизм требовал постоянного увеличения такой армии в числе из соответственно классово-подобранных элементов. Резервные и территориальные войска, которые впитали бы в себя широкие народные французские массы, по заветам ген. Буланже должны были быть в минимальном количестве, а роль их — второстепенно-обслуживающей. В своих теоретических трудах Бонналь и Фош проповедывали высокое значение, которое в современном бою и операции имеет солдат-профессионал, готовый по первому зову беззаветно защищать буржуазный порядок против внешних и внутренних (революция) врагов. Бонналь являлся автором плана стратегического развертывания № 14; в этом плане, как мы видели из главы II, он ликвидировал армейские резервные корпуса и резервные армии, а резервные дивизии и территориальные войска свел на совершенно второстепенную роль, оставив их численно в минимальном размере (см. официальную историю Мировой войны 1914—1918 гг., издание французского генерального штаба, том I, стр. 7—8). В своем проекте под названием «О полках резерва и их использовании в соединении с регулярной армией» (см. приложение 1) ген. Виктор-Мишель предлагал каждый регулярный полк слить с резервным полком и образовать из них полубригаду, откровенно указывая, что само название «полубригада» напоминает самую славную эпоху национальной истории (иными словами, эпоху Великой французской революции). Ясно, что на заседании Высшего военного совета Франции 19 июля 1911 г. при рассмотрении проекта это предложение вызвало решительный отпор со стороны буланжистов, из которых в то время в большинстве своем состоял французский генеральный штаб. Новый оригинальный и смелый оперативно-стратегический замысел Виктор-Мишеля о наступлении $^2/_3$ сил в Бельгию и Эльзас-Лотарингию Высшим военным советом был положен в глубину архивов французского генерального штаба, а автор этого плана, Виктор-Мишель, который получил кличку «жорес-сист», вскоре был принужден уйти в отставку.

Читатель может задать вполне законный вопрос, что случилось бы, если бы план генерала Виктор-Мишеля был утвержден и осуществлен в жизни?

Мы не будем детализировать этот вопрос, но со всей определенностью можно сказать, что в таком случае и при декабрьском варианте Шлиффена и даже при видоизмененном ген. Мольтке-младшим плане Шлиффена германские армии правого крыла фронта встретили бы в Бельгии миллионную французскую армию плюс еще бельгийскую армию.

План Виктор-Мишеля предусматривал наступательные действия в Бельгии, а также и в Эльзас-Лотарингии с подходом 200 тысяч с итальянской границы, а поэтому он поставил бы германское главное командование с первых же дней войны в напряженное положение на всем франко-бельгийском театре военных действий. Во всяком случае, внезапность удара через Бельгию для французов исключалась, и вместо внезапности германские армии правого фланга напоролись бы на 990 тысяч французов и 150 тысяч бельгийцев. Все французские планы развертывания (с № 13 по 17 включительно) пытались выждать того момента, когда была бы возможность яснее понять, где именно будет наноситься главный удар противник; в плане Виктор-Мишеля мы видим обратное: он стремится предупредить противника наступлением на линию Антверпен—Брюссель—Намюр. Вследствие этого, надо думать, происходившее в сентябре Марнское сражение перекочевало бы еще в августе на поля Бельгии, и еще большой вопрос, сумел ли бы так легко противник добраться до северных департаментов Франции, как это он сделал в августе 1914 г.

Должно было бы получиться гигантское фронтальное столкновение главных сил обоих противников с их миллионными массами на полях Бельгии. В результате этого столкновения возможно Ватерлоо и не случилось бы ни для одной из сторон, но возникновение позиционной войны было бы реальным.

Столкнувшись с более чем миллионной франко-бельгийской армией, германцы принуждены были бы перейти к обороне и позиционный характер войны наступил бы еще раньше, чем это случилось (в октябре 1914 г.) на французском театре военных действий. Возникает еще также большой вопрос, сумел ли бы Виктор-Констан-Мишель так крепко обучить эту армию по новой организации, чтобы она могла твердо, умело и искусно бороться против лучшей армии, какой была германская. Но во всяком случае мы в этом плане ген. Виктор-Мишеля видим активность с первого же момента в Бельгии, а с подходом 14, 15, 21 французских корпусов с итальянской границы и в Эльзас-Лотарингии, где французские войска должны были перейти в наступление. Иными словами, Виктор-Мишель, бросая 990 тысяч в Бельгию и 500 тысяч в Эльзас-Лотарингию, заставлял бы германское главное командование с первых же дней войны искать какие-то новые пути для достижения успеха в стиле учения Шлиффена, так как для достижения уничтожающего сражения в первую голову было нужно не менее как двойное, а лучше тройное превосходство в силах.

Приводить дальнейшие детали по этому плану мы считаем излишним; уже указанное в полной мере говорит о том, что правильно поставленный прогноз о развертывании сил врага имеет исключительное значение. Вскоре по приказанию военного министра Миссими был заготовлен проект о реорганизации Высшего военного совета, согласно которому должность вице-председателя упразднялась. Таким образом, был не только похоронен план войны, который являлся грозным соперником плана Шлиффена, но был изгнан и его автор. Ген. Виктор-Мишель был уволен в отставку «по болезни». На его место пришел новый человек — Жоффр, под руководством которого был разработан план стратегического развертывания, известный под № 17.

При Жоффре длительность обязательной военной службы была увеличена с 2 до 3 лет; этим самым наносился крепкий удар по Жоресу, который в свое время в 1905 г. добился этого сокращения; резервные и территориальные части были почти сведены к нулю. В августе-сентябре 1914 г. Франция оказалась в тяжелом положении: 14 возрастов с началом войны ею были использованы далеко не полностью и если бы не бешеное огульное наступление в Восточную Пруссию царской армии, которая спешила этим ударом отвлечь германские силы на восточный (русский) фронт (Мольтке-младший перебросил из Франции целых два армейских корпуса плюс 1 кавдивизию, столь необходимых для битвы на Марне), то положение на Марне для французов было бы еще более серьезным.

Будет весьма односторонним подходом к изучению вопроса о плане стратегического развертывания — этой сердцевины всякого плана войны, если мы изложим лишь военно-техническую сторону событий и фактов. Это будет контур картины, но без ее ландшафта, так как не было на свете такого плана войны данного государства, который бы крепко не впитал в себя ту политическую обстановку и то экономическое положение, которые имели место, когда данный план разрабатывался. Вот почему думать, что план войны Шлиффена и Виктор-Мишеля являются индивидуальной фантазией данных деятелей это значит пройти мимо решающих факторов политико-экономического порядка, это значит приобрести микроскоп, но не иметь необходимых к нему стекол.

«Что в данной стране в данное время выступает такой человек и при том именно этот, а не другой — это, конечно, чистая случайность. Но если бы мы устранили этого человека, то явился бы спрос на его заместителя, и заместитель нашелся бы «tant bien que mal» (т. е. «так себе». Вл. М.), но все-таки нашелся бы в конце-концов» (Энгельс).

Мы уже знаем, что и Шлиффен, и Виктор-Мишель, хотя и видели дальше других, но все же принуждены были уйти в отставку, т. е. были лишены возможности осуществить в жизни свои мысли и замыслы. На место их пришли, хотя и «tant bien que mal», но все же пришли, это были Мольтке-младший и Жоффр. И двое последних делали историю, т. е. руководили армиями в первый период импе-

риалистической войны 1914—1918 гг. За шесть леть пребывания в отставке Шлиффен (он умер в январе 1913 г. в тяжелом одиночестве) написал много весьма ценных оперативно-стратегических исследований. Творец грандиозной стратегической симфонии чувствовал, что остающийся дирижер — Мольтке-младший не только не справится с ней, но и будет выполнять ее иначе. Это тяжелое предчувствие еще раз запечатлелось в фразе умирающего: «Не ослабляйте, а усиливайте правый фланг», он предупреждал: «Kleine Ursachen grosse Wirkungen», т. е., что маленькие причины повлекут за собой большие последствия. В этом — красная нить его плана стратегического развертывания, основной цели работы всей его жизни [1]). Но, как это часто бывает, на эти слова Шлиффена обратили внимание лишь его биографы [2]), а не ген. Мольтке-младший и окружавшие его лица, к которым эти слова прямо относились за два года до Мировой войны 1914—1918 гг.

Точно так же и ген. Виктор-Мишель, после ухода из генерального штаба, подавал ряд докладных записок с различными проектами по вопросам улучшения строительства вооруженных сил Франции, но все это был лишь литературный материал.

Планы войны составляли Жоффр и Мольтке-младший, они уже играли роль, они несли юридическую ответственность, так как возглавляли вооруженные силы Франции и Германии.

Мы видели, что гигантский стратегический размах в плане войны Шлиффена (декабрь 1905 г.) не мог не требовать ряда конкретных мероприятий по еще большему усилению тех отраслей и областей, которые поднимают и усиливают вооруженные силы страны и которые реально обеспечивают их всем необходимым на случай войны.

В чем же была сущность политико-экономического положения в Англии, Германии и Франции, когда составлялись и разрабатывались столь смелые и активные оперативно-стратегические планы войны, авторами которых были генералы Шлиффен и Виктор-Мишель?

---

[1]) Шлиффен, говоря об этих «больших последствиях», как бы предчувствовал их. И действительно, Мольтке перед решительным сражением ослабил правый фланг на целых шесть корпусов. Гвардейский резерв. корпус 2-й армии плюс 11 корпус 3-й армии плюс 8-я кав.дивизия направились с 26 августа в Восточную Пруссию, 3 рез. корпус плюс 9 рез. корпус отправлены были под Антверпен, 5 корпус удержан был в тылу в районе Меца с предполагаемой задачей также бросить его на восточный (русский) фронт и затем 7 корпус получил задачу овладеть Мобежем; итого целых шесть корпусов и одна кав.дивизия не могли принять участие в битве на Марне в начале сентября 1914 г.

[2]) См. Фрейтаг-Лорингофен. Генерал-фельдмаршал Шлиффен, стр. 71.

ГЛАВА V

ПЕРИОД 1895—1905—1911—1913 гг.

В этот период создавались не только планы стратегического развертывания ген. Шлиффена и ген. Виктор-Констан-Мишеля, но и шла самая интенсивная подготовка к империалистической войне во всех государствах Европы.

К французско-русскому военно-политическому союзу, существовавшему с 1892 г., в период 1904—1907 гг. присоединилась Англия, тем самым образовав Тройственное согласие (Triple Entante). К этому времени военно-политический союз между Германией и Австро-Венгрией, заключенный в 1879 г., все более политически и экономически креп и расширялся, будучи всеми своими помыслами и стремлениями направлен против коалиции держав Тройственного согласия [1]). Союз Англии, Франции и царской России был в политико-экономическом и военном отношении главным образом направлен против их могущественного конкурента Германии. В этой антигерманской коалиции главную роль играла безусловно Англия, которая ясно видела, что в англо-германском морском соперничестве Германия с начала XX века начинает быть реальным, могущественным открытым врагом Англии. Эта старая «владычица морей и океанов» великолепно понимала, что владеть морями и океанами это значит быть хозяином-монополистом на мировом рынке. В 1909 г. английский министр иностранных дел Грей говорил: «Англия не может примириться с господством на континенте одного какого-нибудь государства, которое диктовало бы Англии свою по-

[1]) Роль Италии, находившейся сперва долгое время (с 1882 г.) в военно-политическом союзе с Германией и Австрией (Тройственный союз), нами рассмотрена в главе «Политическая и экономическая конъюнктура перед мировой войной» в труде «Марна (1914 г.), Висла (1920 г.), Смирна (1922 г.)» (стр. 20—48); здесь лишь укажем, что после дружественного договора Италии с Францией по вопросу Триполи и Марокко (1900 г.) союз Италии, Германии и Австрии дал сильную трещину, и Италия начинает все более и более отходить от крепкого Двойственного союза Германии-Австрии. В 1915 г. союз Италии—Германии—Австрии был ликвидирован, и Италия перешла на сторону Антанты. В мировую войну против Антанты действовал новый военно-политический Четверной союз — Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, который также образовался не сразу, а имел свою длительную политико-экономическую и военную историю.

литику». Говоря так, Грей этим самым прямо угрожал Германии. Но этот английский тезис имел германский контртезис, который ясно выражен одним из выдающихся представителей германского империализма, главным организатором и руководителем германского морского флота адмиралом Тирпитцем, который говорил, что «к мировому могуществу, кроме постройки флота, для нас не существовало иного пути». Из-за морского первенства Германия в Европе спорила лишь с Англией, так как «все остальные народы она уже опередила». Англия, явно понимала, что создание Германией мощного флота есть тот шаг, которого она допустить не может, а поэтому, говорит Тирпитц, Англия, начиная с 1904 г., собирала силы и средства, с тем чтобы «поразить насмерть своего преуспевающего соперника».

Этого обстоятельства так и не мог ясно понять Шлиффен, который до последнего дня своей жизни (1913 г.) продолжал твердить, что главный враг Германии — Франция, что создание огромной сухопутной вооруженной силы есть единственный путь к мировому могуществу Германии. За эту настойчивость, как и за ряд других моментов, могущественная группа Вильгельма—Тирпитца—Круппа убрала в начале 1906 г. Шлиффена в отставку, тем самым освободив себе путь к дальнейшему бешеному военно-морскому соперничеству с Англией, которое продолжалось вплоть до августа 1914 г.

Но если еще можно упрекать Шлиффена в том, что он очень смело бросал Восточную Пруссию и Эльзас-Лотарингию на съедение противникам, что он очень храбро считал, что будет довольно одного удара, чтобы покончить с армией Франции, что он игнорировал новую морскую политику Германии, которая начала смертельную схватку с Англией и т. д., то было бы неправильным думать, что стратегическое развертывание от декабря 1905 г. Шлиффена не имело под собой никакой реальной политико-экономической базы.

Именно в период 1895—1905 гг., когда план развертывания Шлиффена принимал все больший оперативно-стратегический размах и становился с каждой новой полевой поездкой германского генерального штаба все более уверенным в своей жизненности, именно в это же время росла и крепла та решающая политико-экономическая база, которая вдохновляла творца этого грандиозного оперативно-стратегического плана.

В эти годы рост производительных сил Германии во всех отраслях народного хозяйства достиг огромного уровня. Национальное имущество увеличилось в полтора раза, т. е. достигло 300 млрд. марок, в то время как национальный доход почти удвоился с 23—25 млрд. (по данным 1895 г.) до 43 млрд. к 1913 г. В эти годы шел непрерывный под'ем хозяйства всей страны, шла переделка всей экономической структуры страны, которая на протяжении короткого времени стала ареной безраздельного господства финансового капитала.

«Гигантское развитие производства во все возрастающей степени вовлекает Германию в систему мирового хозяйства. Иностранное сырье и рынки сбыта становятся для нее вопросами существования. Поскольку Германия в этот период развивается быстрее других капиталистических стран (Англии, Франции и др.), ее рост протекает в условиях резко обостряющихся противоречий, ибо дальнейшие ее успехи связаны для нее с вытеснением более старых конкурентов. Начавшаяся уже ранее внешняя экспансия германского капитализма приобретает теперь откровенно империалистический характер. Она становится величайшей угрозой для великобританского империализма, который создает против нее могущественный военно-дипломатический союз. Разрешение обостряющихся противоречий силой оружия становится в порядок дня» [1]).

Если мы проанализируем цифры и факты роста горной и горнозаводской продукции, которая является основной артерией для питания соответствующими материалами, вооружающими по современному армию и флот, если мы остановимся на организации военно-политических союзов и вскроем их роль в подготовке к империалистической войне, то тогда станет совершенно ясным, что при данной конкретной обстановке планы войны ген. Шлиффена и ген. Виктор-Констан-Мишеля могли носить именно тот решительный оперативно-стратегический характер и иметь то содержание, о котором мы говорили выше, т. е. их размах и широкая постановка имели под собой твердый политико-экономический фундамент. Неразрывно связанная с банками черная металлургия, опора финансового капитала с его внешней экспансией, главный рычаг в росте и качестве вооружений, в период 1895—1905—1911—1913 гг., дала в Германии невиданные до этого показатели.

Следующая таблица вполне подтверждает это.

Таблица 6

Годы	Добыча угля	Добыча железной руды	Потребление железной руды	Выплавка чугуна	Выплавка железа и стали
	В миллионах тонн			В тысячах тонн	
1895	104,0	12,3	11,9	5,454	4,780
1905	173,8	23,4	25,8	10,813	10,310
1911	234,5	29,9	38,1	15,477	14,409
1913	277,3	35,9	46,4	19,207	17,370

Эти цифры, при сопоставлении их с данными по экономике Англии, гегемона того времени на европейском континенте, говорят о том, что Германия перед войной обогнала

[1]) Дволайцкий. Расцвет германского империализма 1895—1914 гг. БСЭ, т. 15, стр. 590—591 (подчеркнуто нами. Вл. М.).

Англию и встала на первое место по отраслям промышленности, питающей соответствующими материалами военные заводы и поднимающей обороноспособность страны. Следующие цифры характеризуют начало и конец рассматриваемого периода.

Состояние тяжелой промышленности Германии и Англии

Таблица 7

Годы	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия
	Добыча угля		Потребление угля		Добыча железной руды	
1895	104,0	192,6	103,5	158,7	12,3	12,8
1913	277,3	292,0	249,7	213,0	35,9	16,3
	+ 167%	+ 58%	+ 141%	+ 34%	+ 192%	+ 27%

Продолжение таблицы 7

Годы	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия
	Потребление желез. руды		Выплавка чугуна		Производство железа и стали	
1895	11,9	17,3	5,5	7,8	4,8	3,9
1913	46,4	23,6	19,2	10,4	17,4	9,0
	+ 290%	+ 36%	+ 249%	+ 33%	+ 262%	+ 131%

Как видим, на протяжении всех этих годов Германия обогнала Англию по самым важнейшим отраслям тяжелой промышленности, питающей империалистическую политику Германии.

Но в эти годы росла не только тяжелая металлургия Германии, наряду с ней шел гигантский расцвет электротехнической промышленности (например, в 1895 г. эта промышленность насчитывала всего лишь 17½ тыс. человек, в 1907 г. — уже 98 тыс., в 1913 г. — 250 тыс. человек, причем стоимость продукции была в 1898 г. около 229 млн., а в 1913 г. уже 1 млрд. 300 млн. марок). Кроме того, вывоз электропродукции буквально забил крупнейших экспортеров — Англию, Америку, Францию и Швейцарию, так как Германия вывозила электрооборудования в 1913 г. в количестве более половины вывоза указанных четырех стран, взятых вместе.

Не менее мощными темпами шел рост самого разнообразного вида машиностроения. Конечно, генеральный штаб в первую очередь требовал производства достаточного количества паровозов и

вагонов. Прогресс электротехники, естественно, заставлял развиваться производство мощных (в десятки тысяч лошадиных сил) двигателей, как-то: дизелей, паровых турбин и т. д. Можно лишь указать, что если стоимость продукции машиностроительной промышленности в 1907 г. определялась в 2 млрд. марок, то в 1913 г. она выросла уже до 3 млрд. По сравнению с 1895 г. более чем в 3 раза увеличилось количество рабочих, занятых в этой промышленности, достигнув полмиллиона человек. Перед войной 1914—1918 гг. в отношении вывоза продукции машиностроения Германия заняла первое место.

Ту же картину гигантского роста мы имеем и в области химической промышленности; в ней были заняты тысячи людей, причем ежегодный прирост составлял несколько тысяч человек; например, если в 1895 г. в химической промышленности рабочих было 115 тыс. человек, то в 1907 г. — 206 тыс. человек; стоимость химпродукции исчислялась миллиардами (около 2 млрд. в год перед войной), по экспорту она стояла даже выше, чем машиностроение. В годы работы Большого генерального штаба под руководством ген. Шлиффена в Германии очень быстро росли не только фабрики и заводы, одновременно с их ростом шел гигантский процесс концентрации производства и банкового дела в мощные монополистические союзы, которые стали господствующей силой в экономике страны. В начале XX века Германия превратилась в одну из передовых стран монополистического капитализма; экономику и политику Германии стали определять монополистические союзы, гиганты промышленности — комбинаты, финансируемые крупнейшими акционерными банками, имевшими в своем распоряжении огромные средства. Наиболее близким к германскому генеральному штабу был мировой гигант — комбинат во главе с Круппом. Около 100 тысяч рабочих и служащих были заняты на огромных предприятиях этого комбината, который не только конструировал и отливал орудия, пулеметы, ружья и другие средства борьбы на суше и море, но и сам организовал весь процесс производства от начала до конца, т. е. от добычи угля и руды, выплавки чугуна и стали до конструкционной работы и производства того, что требовали оперативно-стратегические замыслы и планы войны, создаваемые германским империализмом. То же самое было и на других военных фирмах — Штумм, Тиссен, Людвиг Лебе, но в несколько меньшем размахе, чем у Круппа.

Количество путей и качество работ на железнодорожном и водном транспорте, состояние грунтовых и шоссейных дорог и т. д., как известно, играет огромную роль в вопросе стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил. И надо сказать, что с момента блестяще проведенного стратегического сосредоточения в войну 1870—1871 гг., Германия улучшила этот вопрос во много раз. Четкость работы, главным образом германского железнодорожного транспорта, по сосредоточению миллионных армий в 1914 г. достойна самого глубокого анализа и изучения. Методы и

приемы, применявшиеся германским и французским командованием в этом вопросе в период войны 1914—1918 гг., не потеряли своего смысла и значения и в настоящее время. Необходимо отметить обстоятельство огромной важности, которое прошло мимо французского генерального штаба во главе с Жоффром, а именно громадное железнодорожное строительство, проводившееся германцами в районах к востоку от границы Бельгии и зафиксированное в докладе военному министру Миссими ген. Виктор-Констан-Мишелем. Последний дословно писал в феврале 1911 г. следующее:

«Железнодорожная сеть нижнего Рейна, очень густая между Бонном и Кельном, Дюссельдорфом и Везелем, дает германцам возможность быстро развернуть свое сосредоточение вплоть до границ Голландии. Прекрасная колея достаточной пропускной способности связывает Везель с Флессингом, огибая на севере укрепления Антверпена, который таким образом будет отрезан от моря. В этом случае нам опять придется пойти на помощь Бельгии, окруженной противником на протяжении всей своей восточной границы. Германия не задумается пустить здесь в дело большую часть своих 42 армейских и резервных корпусов».

Как видим, то, что обдумывал о бельгийской границе, ежегодно проверяя через полевые поездки, ген. Шлиффен, то прекрасно учел и разгадал ген. Виктор-Констан-Мишель и, как увидим ниже, это-то самое совершенно игнорировал Жоффр. Для переброски миллионных армий и их средств ген. Шлиффен категорически настаивал на наличии огромной массы паровозов и вагонов, а также и на соответствующих темпах железнодорожного строительства, которые дали бы необходимую плотность рельсовой сети для оперативно-стратегических перебросок и маневрирования. Можно здесь указать, что длина широколинейных путей с 1895 по 1912 г. увеличилась на 34%, т. е. до 60½ тыс. км. Грузооборот железных дорог, который к 1895 г. равнялся 26½ млрд. т/км, к 1913 г. увеличился до 67½ млрд. т/км. Те же успехи в водном транспорте: например, грузооборот в 1897 г. составлял 3 070 тыс. т, в то время как к 1912 г. он поднялся до 7 400 тыс. т. «Поле моей деятельности — весь мир» была надпись на портале конторы водного транспорта в Гамбурге. К 1913 г. Германия заняла уже 2-е место в мире по торговому флоту, который достиг водоизмещения в 5 млн. т. За ограниченностью места мы не останавливаемся на огромном общем росте и под'еме сельского хозяйства Германии в период 1895—1913 гг. Крупные технические усовершенствования, механизация сельского хозяйства, широкое применение химизации (искусственное удобрение) — все это подняло производительность сельского хозяйства в Германии на огромную высоту.

Выброска огромных капиталов в другие страны, огромный рост внешней торговли, постройка железнодорожных путей в Малой

Азии с проектом построить железную дорогу Гамбург—Берлин—Багдад, т. е. связать воедино хозяйство Германии, Австро-Венгрии и Турции, членов будущей военной коалиции, активная колониальная политика и захват ряда опорных и контрольных пунктов и районов на африканском континенте и островах Тихого океана [1]) говорит о том, что Германия сделалась в рассматриваемый период в полном смысле слова передовой страной финансового капитала, стремившейся посредством вывоза капитала, экономической войны за мировое господство и соответствующей монополистическому капиталу империалистической политики окончательно сбить с передовых позиций своих конкурентов — Англию и Францию.

Гениальное марксистско-ленинское положение, говорящее о том, что политика — это сконцентрированная экономика, целиком опрокидывает лживость каутскианства, отрывающего политику империализма от его экономики. Истина ленинизма, что монополизм в политике является концентрированным выражением монополизма в экономике, со всей наглядностью видна из анализа положения дел в странах, участвовавших в империалистической войне 1914—1918 гг.

Империалистическая политика Англии, Франции и Японии к началу 1910 г. под дирижерскую палочку Англии была направлена главным образом к окружению и изоляции Германии, этого наиболее жизнедеятельного соперника в борьбе за мировую гегемонию. Этому окружению всемерно способствовала Франция, величайший кредитор царской России, постоянно мечтавшая о реванше за войну 1870—1871 гг. и обратном отторжении Эльзас-Лотарингии. Она всемерно готовила себе союзника для удара по Германии с востока, т. е. со стороны царской России.

Здесь мы только в самых сжатых чертах остановимся на той политической обстановке, в которой работали руководители вооруженных сил Германии и Франции — ген. Шлиффен и ген. Виктор-Констан-Мишель.

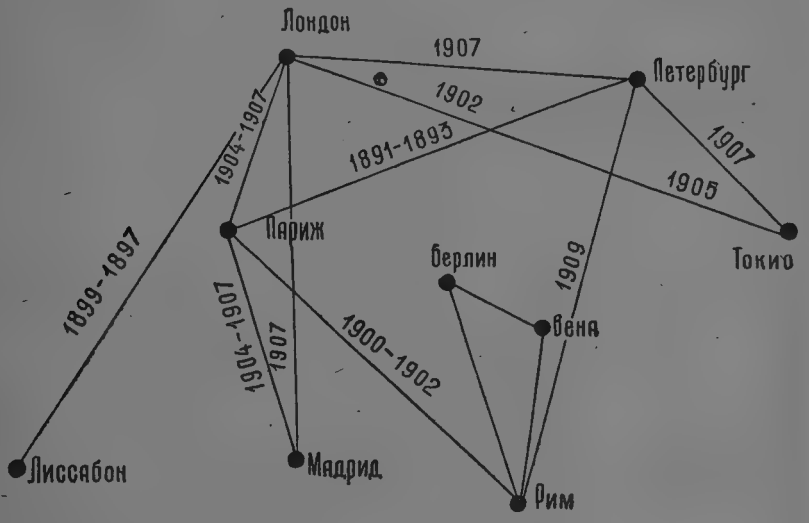
Если кратко графически изобразить переплетенность политических интриг, империалистических вожделений и стремлений, так или иначе отобразившихся и запечатлевшихся в различных союзах, договорах, конференциях и пр., то получится следующая схема-график, дающая некоторое представление о том постепенном политическом окружении и изоляции, в которую политикой Антанты

---

[1]) В 1897 г. министр иностранных дел Бюлов очень ярко выразил дальнейшую внешнеполитическую линию поведения Германии: «Прошли уже времена, — говорил Бюлов в рейхстаге, — когда другие народы делили между собой землю и воды, а мы, немцы, довольствовались лишь голубым небом. Не желая никого отодвигать в тень, мы требуем и для себя места под солнцем». В 1899 г. он добавил к этой формулировке следующее: «Мы не потерпим, чтобы какой-нибудь чужеземный Юпитер сказал нам: «Что делать, мир уже поделен». Для старых империалистических хищников — Англии и Франции эти слова являлись сигналом к новым политическим ходам против молодого, но крайне энергичного соперника, к новым сухопутным и особенно морским вооружениям.

была заключена Германия перед Мировой войной 1914—1918 гг. (см. черт. 9).

Наиболее важные события перед августом 1914 г. заключались в следующем: в январе 1902 г. был заключен англо-японский союз, направленный в первую голову против царской России, которая была уже политически связана договорами с Францией. Но в то время царскую Россию поддерживала Германия, так как русская экспансия на Дальнем Востоке была выгодна для Германии, которая тогда протягивала свои империалистические щупальцы в Китай, сталкиваясь тем самым с интересами японской политики в Ки-



Черт. 9.

тае. В 1904 г. политическая изоляция Германии еще более углубляется; в этом году было заключено англо-французское соглашение по вопросам Египта и Марокко, к которому присоединилась и Испания. В 1905 г. последовало новое англо-японское соглашение, согласно которому в случае войны Япония должна была бы помогать Англии в защите Индии.

Жесточайшее поражение царской России в русско-японскую войну 1904—1905 гг. внесло новую политическую струю в европейскую политику так называемых «великих держав». Япония делается мировой державой, ее взаимоотношения по вопросам Китая с Германией еще более обостряются. Надо сказать, что Германия одобрительно относилась к царской России во время ее борьбы с Японией на Дальнем Востоке (Манчжурия) и тем самым обеспечивала царской России ее тыл со стороны Ближнего Востока и на западной границе. В это время активную политику в отношении России

начинает вести Англия, которая склоняет царскую Россию подписать ряд соглашений и договорных условий о переносе центра тяжести своей политики на Ближний восток, на Балканы к проливам и т. д.; отсюда — начало новых обострений австро-русских и русско-германских отношений. «Точно так же перемена направления русской экспансии должна была неблагоприятно отразиться на немецких планах в Малой Азии, ибо стремление России захватить в свои руки контроль над проливами ставило под угрозу дальнейшее существование Европейской Турции, которая по планам германских империалистов должна была играть роль моста между среднеевропейскими государствами и азиатскими провинциями Турции» [1]). В 1907 г. Англия присоединяется к франко-русскому союзу, который был еще заключен в конце прошлого столетия (1892 г.). Англия заключает соглашение с Россией по совместному выступлению во всех вопросах европейской и азиатской политики. Кроме того, Англия, Франция и Испания заключают соглашение по вопросам, связанным с политикой в Средиземном море.

1907 г. явился началом самого деятельного взаимообмена политической и военной информацией между генеральными штабами Франции, Англии, Бельгии, а также усиленной подготовки (разработки) плана войны против Германии. Сазонов пишет, что Пуанкаре в августе 1912 г. ему откровенно заявил, что между Англией и Францией тесный союз, что «как сухопутные, так и морские генеральные штабы обоих государств находятся между собой в тесном общении и непрерывно сообщают друг другу с полной откровенностью все могущие их интересовать сведения. Этот постоянный обмен мыслей своим последствием имел заключение между французским и английским правительствами устного соглашения, всилу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае нападения со стороны Германии, помощь как морскими, так и сухопутными силами. На суше Англия обещала поддержать Францию посылкою стотысячного отряда на бельгийскую границу для отражения ожидаемого французским генеральным штабом вторжения германской армии во Францию через Бельгию». Эти слова Пуанкаре в полной мере соответствуют действительности, так как вопрос о проходе германских войск через Бельгию обсуждался во Франции на заседании правительства, на котором присутствовал будущий французский главком Жоффр [2]), о чем мы будем говорить в главе VIII нашей работы.

Взаимоотношения генеральных штабов Антанты никем не скрывались до августа 1914 г., ибо посещения Фошем и Жоффром царской России [3]) и Англии и, наоборот, царскими и английскими военными руководителями Франции имели место и открыто публиковались в печати под различными довольно невинными сообще-

[1]) Лукин. Эпоха расцвета германского империализма 1895—1914 гг. БСЭ, т. 16.

[2]) „Mémoires du mareshal Joffre", t. I, p. 117—125.

[3]) См. Сухомлинов. Воспоминания, стр. 190—214.

ниями — «присутствие на маневрах», «путешествие с целью ознакомления с культурой и бытом», «путешествие для охоты» и пр., за которыми скрывалась выработка единого плана действий во время войны.

Два момента империалистической политики в Марокко говорили Германии о том, что англо-французская политика прямо направлена к ее изоляции и окружению.

В то время как французский капитал и вооруженные силы Франции с каждым годом все более укреплялись и расширяли сферы своего влияния в Марокко, Германия очень косо смотрела на это, страстно желая сама активно участвовать в дележе Марокко. Заключенное в 1904 г. между Францией и Испанией соглашение о «размежевании сфер влияния в Марокко» и полное игнорирование в этом вопросе Германии резко обострило взаимоотношения последней с Францией. В марте 1905 г. Вильгельм II приезжает в Танжер (марокканский порт), где произносит очень ядовитую речь, направленную прямо против Франции и Испании. В 1905 г. ген. Шлиффен с особой настойчивостью указывал Вильгельму относительно выгодности положения для об'явления войны. Было известно, что Франция была не готова к войне. Ее союзник царская Россия потерпела позорнейшее поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. Но германская политика считала пока еще несвоевременным об'явление войны Франции. После этой речи германский капитал через свои банки влил в казну правительства Марокко 10 млн. марок, а германские капиталисты, братья Маннесманы, получили концессию в Марокко. Затем английские, французские, германские, бельгийские, австро-венгерские и т. д. дипломаты открыли конференцию по вопросам Марокко в испанском городке Алжезирасе, в то время как французские и германские капиталы начали свою конкуренцию и хозяйничание в так называемом «независимом» Марокко. Германия осталась очень недовольна работой Алжезирасской конференции. Единый фронт Англии, Франции, Бельгии, Испании и др. против Германии, которую поддерживала только Австро-Венгрия, показали германскому империализму, что он остается изолированным. Положение Франции в Марокко после этой конференции еще более упрочилось, в то время как Германия оказалась в неизмеримо худших условиях.

Второй момент — это так называемый Агадирский инцидент, который по времени совпал с разработкой плана стратегического развертывания французской армии ген. Виктор-Констан-Мишелем. 1 июля 1911 г. германское правительство демонстративно посылает в марокканский порт Агадир военное судно (канонерскую лодку) «Пантеру». Правительства Англии и Франции этот акт стали рассматривать как удар, который направлен к срыву «мира» не только в Марокко, но и в Европе. Вся европейская печать заговорила о неизбежности войны, так как Англия и Франция приняли этот вызов Германии, заявив свой решительный протест. Единый фронт Англии, Франции и ряда государств, которые присоединились к ним, сло-

мил решительность германского империализма, заставив его убрать когти и отозвать обратно «Пантеру». Франция опять оказалась в выигрыше, она получила полную свободу действий в Марокко (юридически французский протекторат был оформлен в 1912 г.), Германия же получила «подачку» — незначительный кусок второстепенных французских владений в Конго. Германия после Агадирского инцидента окончательно убедилась, что она вполне изолирована и что «цепь замкнулась». Ее политическими союзниками оставались Австро-Венгрия, Турция и Болгария, особенно после балканской войны.

Все вышеизложенное являлось прекрасным политическим материалом для оперативно-стратегического размышления такого военного деятеля, как ген. Виктор-Констан-Мишель.

Исключительно резкая речь Ллойд-Джорджа во время Агадирского инцидента, которая прямо угрожала Германии войной, прямо говорила о том, что английская политика, флот и армия всецело на стороне Франции, достаточно ясно освещала ситуацию в Европе. Прыжок германской «Пантеры» еще более об'единил Англию и Францию и давал полное право военному стратегу внести ряд существенных коррективов в план войны, сделать его более решительным и отвечающим политической ситуации, которая складывалась в те годы в Европе.

Отсюда мы видим, что план стратегического развертывания ген. Виктор-Констан-Мишеля не есть только фантазия французского генерала, ибо он, как и план Шлиффена, вытекал, да и не мог не вытекать, из конкретной политической и экономической обстановки, которая имела место во время разработки этих планов. В экономическом отношении Франция находилась в Европе на третьем месте после Германии и Англии почти по всем показателям экономической и хозяйственной жизни страны, а это уже ко многому обязывало работников французского генерального штаба. Разве случайностью было, что в плане стратегического развертывания ген. Мишеля мы видим пункт, говорящий о возможности переброски французских корпусов с Альп (итальянская граница) против Эльзас-Лотарингии? Конечно, нет. Это был политический прогноз, материалом для которого явился факт поражения германского империализма в 1911 г., когда Италия с помощью Англии и Франции аннексировала турецкие провинции Триполитании и Киренайки. Во всяком случае, после 1912 г. Германия уже не надеялась, что к её союзникам — Австро-Венгрии, Болгарии и Турции (последние две были сильно потрепаны в результате балканской войны в начале XX века) — прибавится Италия. Скорее все говорило о том, что последняя в случае европейской войны или сохранит нейтралитет, или же выступит на стороне Антанты. А это освобождало по плану Виктор-Констан-Мишеля с французской (альпийской) границы по крайней мере 200-тысячную армию, которую ген. Виктор-Мишель рассчитывал бросить в наступление на Эльзас-Лотарингию с 300 тыс. французов, расположенными от Вердена да Бельфора.

В результате так и случилось. 3 августа 1914 г. Италия об'явила нейтралитет: 14-й и 15-й французские армейские корпуса и батальон альпийских стрелков были переброшены в район Эпиналя к югу от Нанси; но эта переброска не дала реальной пользы, так как план Жоффра был совершенно другой, чем Виктор-Мишеля.

Теперь несколько слов о морских вооружениях и о соревновании в этом вопросе между Англией и Германией. Вступать в соперничество с Германией по постройке новых единиц морского флота Франция не могла по целому ряду причин политического и финансового характера, да к тому же на морях она надеялась на своего союзника — «владычицу морей и океанов» — Великобританию. Мы здесь не будем рассказывать всех весьма интересных империалистических интриг и словопрений о разоружениях, которые практиковались каждой из сторон с одновременным увеличением своих морских вооружений в последние годы перед Мировой войной 1914—18 гг. Такие заявления: как «для Англии флот — жизненная необходимость, тогда как для Германии он — излишняя роскошь» (Черчилль) никого не могли убедить из лагеря германского империализма; сейчас же следовал на это соответствующий ответ, вроде: «Наше будущее на воде» (Вильгельм II) и т. д. Начиная с 1904—1905 гг. и по 1908—1909 гг., морской бюджет Германии возрос почти на 65%, увеличившись с 10 почти до 17 млн. фунтов стерлингов, в то время как расходы на новое судостроение возросли на 80%, выразившись в сумме более 8 млн. фунтов стерлингов. «Ежегодно на немецких эллингах закладывалось по 2 линейных корабля, по одному бронированному и по 2 малых крейсера, по одной дивизии истребителей».

Если мы сопоставим бюджетные ассигнования на морские силы Великобритании и Германии (в млн. фунтов стерлингов) по интересующим нас годам, то получим следующую картину:

Таблица 8

Годы	Великобритания		Германия	
	Морской бюджет	В том числе на новое судостроение	Морской бюджет	В том числе на новое судостроение
1905—1906	33,3	11,2	11,3	4,9
1908—1909	32,3	7,5	16,6	8,3
1911—1912	44,3	Сведений нет	22,8	Сведений нет
1913—1914	46,3	„ „	24,0	„ „

Финансовые затруднения 1908—1909 гг. заставили Англию снизить сметы на морской флот. Этим воспользовалась Германия, сделав дальнейший новый скачок вперед. Видя угрожающий рост, Англия уже в следующие годы ведет самую напряженную борьбу

в этом вопросе, отпуская на морской флот огромные суммы из общегосударственного бюджета.

Число линейных (спущенных) судов Великобритании и Германии в период с 1905 по 1913 г. было следующее:

Таблица 9

Суда	Великобритания	Германия	Примечание
1905 г.			
Число судов	27	11	Предполагалось построить дредноутов
Тоннаж (в тыс. тонн)	97,0	38,0	
Лошадиных сил	211,7	157,4	
1912 г.			
Число судов	30	23	
Тоннаж (в тыс. тонн)	163,8	91,8	
Лошадиных сил	591,9	356,5	
1913 г.			
Число судов	42	19	
Тоннаж	185,2	132,2	
Лошадиных сил	1096,2	327,7	

Год	Великобритания	Германия
1911	4	3
1912	5	2
1913	5	2

Мы видим стремление германского империализма догнать старого морского гегемона — Англию в морских вооружениях, т. е. в кратчайшие сроки проделать путь, который Англия осуществляла в течение десятилетий до Мировой войны 1914—1918 гг. Но несмотря на гигантское напряжение, Германия не только не сумела обогнать Англию, но даже поравняться с ней. Перевес по самым решающим показателям оставался на стороне Англии, которая вступила в империалистическую войну, сохранив за собой возможность быть владычицей на морях и океанах. Следующая таблица конкретными цифрами показывает превосходство Англии. Германия занимает в морских силах только второе место (см. табл. 10 на стр. 134).

Несмотря на непрерывный рост морских сил Германии, Англия продолжала оставаться гегемоном на море. В отношении боевой подготовки великобританский флот до мировой войны вполне заслуженно стоял выше всех существовавших флотов.

В декабре 1912 г. Шлиффен послал Мольтке-младшему набросок плана широкого охвата обоими флангами французской армии, развертывавшейся в полосе своей государственной границы от Седана до Бельфора. Он предлагал увеличить сухопут-

Таблица 10

Типы судов	Великобритания			Германия		
	1907	1910	1913	1907	1910	1913
Дредноуты и сверхдредноуты	37		26			17
Линейные суда додредноутного типа	13 } 50		40 } 66	35	35	20 } 37
Крейсера (бронированные)	28	32 } 84	123	35	41	9 } 45
Крейсера (бронепалубные)	54	52 }	118	50	47	36 }
Миноносцы-канонерки	51	135		70	93	47
Эскадренные миноносцы	142	188	228	1	8	152
Подводные лодки	30	65	85			26

ную армию настолько, чтобы была возможность осуществить главный удар через Бельгию—Люксембург с мощным ударом из Эльзаса и Лотарингии, т. е. осуществить гигантские стратегические «Канны» с французской армией. Как видим, Шлиффен, будучи уже шесть лет в отставке, продолжал игнорировать морскую политику Вильгельма—Тирпитца, которые в феврале 1912 г. составили грандиозную программу строительства морского флота. Черчилль пишет, что морская политика Германии бросила Англию в крепкие об'ятия Франции; этого не понимали так, как следует, ни Шлиффен, ни Мольтке-младший, этого не понимала и руководящая группа Вильгельма—Тирпитца—Круппа. И прав морской историк Шталь, который пишет: «Дело не в том, что морская политика Тирпитца была плоха, а в том, что у него была своя политика, а у сухопутного германского генерального штаба своя, и каждая из них в своей области была тщательно продумана и энергична. Беда для них была в том, что обе они не были об'единены между собою и не об'единены иностранной политикой. Воистину правая рука не знала, что делала левая. Мольтке рассчитывал покончить все дело сам без помощи флота. Решение спора с Англией откладывалось на вторую очередь. Бетману было поручено усыпить Англию и он изо всех сил старался уверить ее в своих дружеских чувствах; но «усыпление» Бетмана и «стук молотков» Тирпитца никак не вязались между собою» [1]). После того как в середине 1912 г. Германия отвергла морскую строительную формулу Англии «два киля (Англии) против одного (Германии)», а Англия не согласилась на формулу Германии 2 : 3, по словам Грея, наступила для Англии открытая подготовка к войне, с тем чтобы «нанести сильный чувствительный удар германскому морскому могуществу». В Берлине, особенно в сухопутном генеральном штабе, тогда еще были готовы верить, что

[1]) А. Шталь. Черчилль — первый лорд адмиралтейства в мировой кризис 1911—1915 гг.

Англия не является главным врагом Германии, так как Шлиффен продолжал до последнего момента говорить и писать, что главный враг — это Франция и что наступательные операции нужно будет вести таким образом и так рассчитывать, чтобы война, начавшаяся в июле, «к осеннему листопаду» на западе закончилась, судьба Франции была бы решена, а освободившиеся германские силы направлены (переброшены) против ее союзников — Англии и царской России.

Необходимо здесь же указать, что до мировой войны правительства всех европейских государств и особенно держав Антанты и Тройственного союза при каждом удобном и неудобном случае твердили: «Если мы будем хорошо вооружены и сильны на море и на суше, дело мира будет в твердых руках, дело мира будет обеспечено». Именно под этими лозунгами шла бешеная гонка вооружений и с особой силой после Гаагских конференций по мирному разрешению международных столкновений. Эти конференции не раз собирались в период 1899—1907 гг. На них были торжественно заключены «великими» и не великими державами письменные декларации о воспрещении «метать бомбы с воздушных шаров и летательных аппаратов, воспрещено употребление снарядов, распространяющих удушливые газы и применение разрывных пуль». Как известно, эти торжественные конвенции во время мировой империалистической войны были нарушены именно теми «великими» державами, которые первые поставили свою подпись под этими декларациями-конвенциями.

Одновремено с превращением домонополистического капитализма в империализм и с ростом последнего, а также с бурным ростом вооружений в Европе и активной подготовкой буржуазных правительств к империалистической войне, в последние два десятилетия перед августом 1914 г. произошли глубокие изменения в развитии международного рабочего движения.

Раскол рабочего движения на два непримиримых лагеря — революционно-марксистский и буржуазно-ревизионистский, оппортунистический, — стал совершившимся фактом. Чем быстрее рос империализм и чем сильнее углублялись экономические и политические противоречия между основными империалистическими странами мира, тем явственнее происходил процесс превращения мелкобуржуазных партий II интернационала в буржуазные рабочие партии, процесс превращения оппортунизма в социал-шовинизм, социал-империализм и тем ярче и резче обозначались разногласия и борьба между основными двумя течениями в международном рабочем движении.

Экономической основой развития международного оппортунизма и превращения его в социал-шовинизм, социал-империализм, как гениально вскрыл В. И. Ленин еще задолго до войны, является подкуп империалистической буржуазией наиболее квалифицированных и наилучше оплачиваемых слоев рабочего класса, так называемой рабочей аристократии и её вождей, во всех капитали-

стических странах за счет сверхприбылей, получаемых от эксплоатации неквалифицированной рабочей силы в метрополии и зверского грабежа трудящихся колониальных и полуколониальных стран.

Одновременно повсюду во всех партиях II интернационала наметилась отмежевка, выделение революционного марксистского крыла от открыто правого оппортунистического и центристского (каутскианство на западе, троцкизм в России). Полное завершение этот процесс отделения и очищения революционной партии рабочего класса от оппортунизма и ревизионизма (т. н. легального марксизма, экономизма, меньшевизма и его разновидности — троцкизма) нашел лишь в России всилу её исторических условий развития, притом задолго до империалистической войны, еще в 1903 г., под руководством гениальных вождей международного пролетариата Ленина и Сталина [1]), еще в период назревания буржуазно-демократической революции. В остальных странах мира этот процесс выделения и формирования самостоятельных коммунистических партий затянулся почти вплоть до окончания империалистической войны и пролетарской революции в России. Величайшим препятствием размежевке революционных элементов от открыто правооппортунистических (Бернштейна, Давида, Герца, Макдональда и др.) в партиях II интернационала в других странах явился так называемый «ортодоксальный» марксизм или центризм в лице каутскианства в Германии и австро-марксизма Адлера и Отто Бауэра в Австрии и др.

Особенно предательской оказалась работа социал-шовинистов в годы непосредственно перед мировой империалистической войной. Ревизионисты, оставаясь в партиях II интернационала, на словах и в своих напыщенных звонкой фразеологией декларациях постоянно клялись, что с началом империалистической войны они мобилизуют против нее все силы международного пролетариата. Но как только грянула война, вожди II интернационала превратились в подлинных предателей дела рабочего класса, они превратились в законченных социал-шовинистов, перешли на сторону «своих» буржуазных правительств, голосовали за военные кредиты на империалистическую войну, стали вводить «социалистов» в буржуазные правительства войны, целиком и полностью служа захватническим целям и стремлениям господствующих буржуазно-капиталистических классов. Последовательную и непримиримую борьбу с этими социал-предателями интересов пролетариата и трудящихся как перед мировой войной, так и во время войны вела л и ш ь о д н а большевистская партия во главе с Лениным. Ленин жестоко разоблачал политику международного меньшевизма и его участие в организации империалистической войны в интересах капиталистической буржуазии и особенно упорную борьбу вел против главного вождя и теоретика

[1]) См. фактический материал в работе Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», Партиздат 1935.

II интернационала социал-интервента К. Каутского. «Каутского ненавижу и презираю, — писал Ленин, — сейчас хуже всех: поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерие. Нет на свете ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности пролетариата, как это поганенькое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизами и якобы ученым многоглаголанием разбуженную совесть рабочих. Если Каутскому это удастся, он станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении»[1]). Так оно и получилось с Каутским. Ленин оказался целиком и полностью прав: именно Каутский со своими соратниками-единомышленниками «стали главными представителями буржуазной гнили в рабочем движении». Ленин пророчески указывал уже в 1914 г., что с началом перерастания империалистической войны в гражданскую, социал-шовинисты, социал-патриоты первыми встанут на защиту буржуазного строя и направят свои удары вместе с буржуазией против пролетарской революции. Эти предсказания Ленина, целиком основанные на учении Маркса—Энгельса, как известно, в дальнейшем оправдались полностью. Социал-предатели II интернационала в августе 1914 г., предварительно звонкими фразами усыпив бдительность пролетариата, затем первыми бросили рабочий класс в об'ятия империалистической войны; они же всемерно начали помогать капиталистической буржуазии при превращении революционным пролетариатом империалистической войны в войну гражданскую. Таким образом, вожди II интернационала явились активными сообщниками и помощниками капиталистов в развязывании империалистической войны 1914—1918 гг., а во время войны — образцовыми исполнителями воли генеральных штабов воюющих империалистических стран.

Прежде чем перейти к анализу стратегического развертывания на бельгийско-французской границе в августе 1914 г., нам хотелось бы подвести итоги тому военно-теоретическому наследству, которое получили деятели генеральных штабов европейских армий перед мировой войной. Это оперативно-стратегическое наследство наиболее ярко и наглядно видно в учении выдающихся деятелей современного империализма — Мольтке-старшего и Шлиффена, которые создали наиболее сильную и передовую армию в Европе, каковой являлась германская армия перед мировой империалистической войной.

В дальнейшем в главе «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа» мы постараемся вскрыть то новое в современном военном искусстве, которое вполне закономерно возникло к моменту окончания Мировой войны 1914—1918 гг.

---

[1] Ленинский сборник, т. XXII, стр. 14.

ГЛАВА VI

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МОЛЬТКЕ-СТАРШЕГО И ШЛИФФЕНА

Ленин не раз с особой силой подчеркивал, что «марксизм, завоевал себе свое всемирно-историческое значение, как идеология революционного пролетариата, тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи». Ленин учил нас не отбрасывать все то, что есть ценного у буржуазной культуры и ее выдающихся представителей — политиков, ученых, теоретиков, а напротив, правильно усваивать это ценное, перерабатывать его, с тем чтобы человеческая мысль и культура, созданная до периода диктатуры пролетариата и в ее эпоху, с помощью марксистской идеологии переработанная по-новому, всемерно работала бы на дело диктатуры пролетариата. Ленин говорил: «Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира». В другом месте он подчеркивал, что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которое человечество выработало под гнетом капиталистического общества» [1]), так как «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество, ...чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую [2]). Следуя этим указаниям гениального учителя рабочего класса, нам нет никакого смысла отбрасывать те мысли и думы над судьбами современного военного искусства, которые имеются у авторитетных представителей капиталистической буржуазии, какими безусловно являются в первую голову Клаузевиц, а затем Мольтке-старший, Шлиффен, Конрад, Людендорф, Фош и др. Мы брали и будем брать у них все для нас ценное, в особенности в деле организации приемов и методов стратегического и оперативно-тактического искусства и умения использовать военную технику. Мы будем критически перерабатывать это ценное с помощью марксистско-ленинской методологии, с тем чтобы лучше, искуснее, прочнее обеспечить победу восходящему рабочему классу, верному и последовательному могильщику буржуазии.

---

[1]) Ленин. т. XXX, стр. 406.
[2]) Ленин т. XXIX, стр. 442.

Маркс и Энгельс, беспощадно бичуя в своих трудах бездарность, тупость, неумелость тех или других политических и военных деятелей буржуазии, пробравшихся на высокие руководящие посты, всегда с должным вниманием и исторической справедливостью отмечали, изучали и выделяли наиболее умных и даровитых представителей из враждебного нам буржуазного лагеря. Они указывали, что пролетариат не должен бояться брать наиболее совершенные методы военного руководства и управления у своего более опытного классового врага, чтобы затем, научившись, быстро и хорошо с ним расправиться. Маркс и Энгельс говорили, что хорошо и всесторонне изученный противник уже наполовину бит. И они, как и Ленин и Сталин, постоянно призывают тщательно изучать своих классовых врагов и, не кичась, умно, критически, брать от них все полезное для дела рабочей диктатуры. Энгельс в своих трудах высоко расценивал военные способности и искусство руководить войсками Фридриха, Наполеона и Мольтке-старшего, не раз напоминая о том, что на их опыте есть чему поучиться. И подчеркивая, что действительные таланты у полководца проявляются именно в том, как он умеет применить изобретенную новую военную технику и нового бойца на практике военных операций, Энгельс говорил:

«Каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории применением новых комбинаций, является либо изобретателем новых материальных сил, либо первый находит правильный способ применения новых сил, изобретенных до него. В промежутке времени между Тюреннем и старым Фрицем (Фридрих II. В л. М.) произошла революция в пехотном деле, вызванная заменой пики — штыком и фитильного запала — кремневым замком; заслуга Фридриха Великого в военном искусстве заключалась лишь в том, что он в пределах тогдашних военных методов впервые пересоздал и усовершенствовал старую тактику применительно к новым видам оружия. Подобно этому, бессмертная заслуга Наполеона заключается в том, что он нашел единственно правильное тактическое и стратегическое применение колоссальных вооруженных масс, появление которых было возможно лишь благодаря революции; к тому же эту стратегию и тактику он довел до такой степени совершенства, что современные генералы (Энгельс это писал в 1851 г. В л. М.), в общем и целом отнюдь не в состоянии превзойти его, а лишь пытаются подражать ему в своих самых блестящих и удачных операциях» [1]).

В истории военного искусства Мольтке-старший также занял блестящее место, как выдающийся стратег-оператор, талантливо сумевший приспособить способы ведения войны к новым техническим средствам, новому оружию и новым бойцам.

В своих военных работах Энгельс всегда придавал огромное значение изобретению нового огнестрельного оружия и новой военной техники истребления. Он говорил, что новая техника, появляю-

[1]) Маркс и Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 464.

щаяся в результате экономического прогресса, в результате нового развития производительных сил, революционизирующим образом влияет на методы и способы ведения войны. Он говорил, что новая техника настоятельно требует нового типа труда, новых работников с новой более высокой, чем прежде, культурой, и что это положение относится не только к области промышленности и земледелия, но целиком и к военному делу. «Колоссальные нововведения Наполеона I в военной науке, — говорил Энгельс, — не могут быть преодолены посредством чуда; новая военная наука будет в такой же мере необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой методы, созданные революцией и Наполеоном I, явились неизбежным результатом тех новых отношений, которые даны были революцией. И точно так же, как пролетарская революция в промышленности будет заключаться отнюдь не в упразднении паровых машин, а в увеличении их числа, и в военном деле задача состоит не в уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, в поднятии и того и другого на высшую ступень» [1]).

Появление постоянных армий, расширение сети железных дорог (по сравнению, скажем, с последней войной 1866 г.); более широкое применение телеграфа и телефона; появление скорострельной, дальнобойной, полевой артиллерии (нарезные пушки заводов Круппа, заряжавшие с казны, с дальностью в 3½ км); изобретение нового французского ружья Шаспо с дальностью огня в 1200—1500 шагов (в прусской армии в основном оставалось ружье Дрейзе с дальностью до 500 шагов и модернизированное ружье, которое получили прусские егеря, с дальностью до 1000 шагов); новые формы и методы комплектования армии, новые способы стратегического сосредоточения больших войсковых масс, вооружения и грузов посредством железных дорог и т. д. — все это, естественно, заставляло изыскивать новые методы в управлении войсками как на театре войны, так и на поле боя [2]).

Все это, не в пример французскому главному командованию во главе с Наполеоном III, очень хорошо учел прусский генеральный штаб, руководимый Мольтке-старшим.

Последний с исключительной тщательностью долгие годы работал над проблемой стратегического развертывания современных ему армий и над вопросами операций в начальный период войны. Сохранились десятки оперативно-стратегических вариантов, которые были разработаны под руководством Мольтке-старшего в четырехлетний период п е р е д войной 1870 г.

В этом отношении методы работы Мольтке-старшего по планам

---

[1]) М а р к с и Э н г е л ь с. Сочинения, т. VIII, стр. 461.

[2]) Например, совершенно ясно, при скорострельном и дальнобойном оружии тактика густых построений времен Наполеона для 1870 г., кроме лишних потерь, уже дать ничего не могла; новое оружие требовало замены батальонных и ротных компактных колонн стрелковой цепью. Это так же понятно, как то обстоятельство, что более дальнобойное оружие заставляло противника в 1870 г. развертываться на более дальних дистанциях, чем то было во время Наполеона.

стратегического развертывания армий, к слову сказать, широко опубликованные в печати, не потеряли своего интереса и поучительности и до настоящего времени.

Конечно, в научно-теоретических работах Мольтке и Шлиффена, этих крупнейших военных идеологов буржуазии, есть очень много идеалистической шелухи, устаревшего хлама и пр., но наряду с этим есть немало такого, что сохранило свою ценность и для наших дней. Здесь мы остановимся на деятельности Мольтке-старшего и Шлиффена; не уяснив себе сущность учения этих двух начальников генеральных штабов, фактических руководителей в т о в р е м я лучшей в мире германской армии, нельзя правильно понять сущности тех противоречий, которыми наполнена как научно-теоретическая, так и практическая работа этих наиболее видных вождей германского милитаризма и империализма.

Мольтке и Шлиффен как бы сконденсированно выражали чаяния и стремления своего класса, милитаристической немецкой буржуазии периода второй половины XIX и начала XX столетий.

И Мольтке и Шлиффен были не только, так сказать, выдающимися практиками-руководителями вооруженных сил германского капитализма, превратившегося в конце IX века в империализм, но также крупнейшими военными учеными, стремившимися найти и построить теоретическую основу для руководства в области военной практической деятельности.

За свою длительную жизнь (Мольтке прожил до 91 г., Шлиффен до 80 лет) они запаслись огромной долей знаний, тщательно изучив всё лучшее в военном искусстве, бывшее до них и во время их жизни.

Если Мольтке работал над дальнейшим развитием наполеоновского искусства ведения войны и вождения войск, будучи сам активным участником-организатором ряда войн — кампаний (1859, 1866 и 1870 гг.), то Шлиффен явился наиболее последовательным и талантливым продолжателем дела первого. Каждый из них по-своему внес целый ряд новых данных и положений в основные вопросы стратегических решений, в вопросы управления войсками, их организации, обучения и воспитания.

Каждый по-своему и притом довольно активно участвовал в политической жизни германской капиталистической буржуазии, которая, как мы видели выше, уже при них вышла на мировую арену соревнования капиталистических союзов и коалиций и вела в подлинном смысле слова активную мировую империалистическую политику.

В ряде военно-научных исследований мы находим утверждения, что, в отличие от своего учителя Клаузевица, Мольтке-старший и Шлиффен считали вмешательство политики в дела военной стратегии вредным и были якобы категорически против этого вмешательства. Пишущие это, как правило, исходят из следующих фраз Мольтке-старшего, записанных в его «Военных поучениях».

«Война, — по словам ген. Клаузевица, — продолжение политики другими средствами. И т а к, п о л и т и к а, к с о ж а л е н и ю, н е-

отделима от стратегии: политика пользуется войной для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее начало и конец, причем она оставляет за собою право во все время войны повысить свои требования или довольствоваться меньшим успехом».

Таков первый основной тезис Мольтке-старшего о взаимодействии политики и стратегии. Как видим, содержание этого тезиса гутаперчевое, эклектичное, с основной мыслью найти примат в пользу военной стратегии: политика располагает своими решающими прерогативами в начале (иными словами, в подготовительный период до войны) и в конце (т. е. тогда, когда военные операции окончены и вступают в силу вопросы перемирия и выработки условий мирного договора). Из этого следует, что в середине, т. е. как раз в период военных действий, решающее значение принадлежит только военно-стратегическим решениям, стратегическому военно-техническому руководству. Но и в этой середине (период ведения операций) политике предоставляется все же право вмешиваться в ход военных операций и повышать даже свои требования в зависимости от обстановки. Хотя этот тезис Мольтке-старшего и небольшой размером, но он всегда привлекал к себе самое горячее внимание со стороны старого буржуазного генералитета, да и сейчас он является основной заповедью всех армий фашистской диктатуры. И действительно, надо обладать незаурядным талантом, чтобы вложить столько путаницы в столь небольшое количество слов. Не мудрствуя лукаво, марксистско-ленинское учение о войне и в части вопроса о взаимодействии политики и стратегии говорит и просто и ясно — так, как действительно бывало, бывает и будет в жизни, а именно: война есть насквозь политика, между политикой и стратегией постоянно существует полное взаимопроникновение и взаимосвязь на всех этапах борьбы и операций. Так было во все периоды войн, включая и те, которые вел сам Мольтке-старший.

Но за первым тезисом следует второй, как развитие и уточнение первого. Мольтке пишет: «Ввиду такой неопределенности (т. е. что решающее право у политики все же остается только в период начала и конца войны. Вл. М.), стратегия может стремиться лишь к высшей цели, которой можно достигнуть предоставленными ей средствами. Таким образом, стратегия будет способствовать успеху политики, имея ввиду ее цель, но оставаясь, по возможности, независимой в отношении военном, в своих действиях. Политика не должна вмешиваться в операции... Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается — это исключительно её дело». Иными словами, данному полководцу политик может сказать: «как мавр, ты сделал свое дело, теперь можешь убираться, ты должен быть более чем удовлетворен, потому, что тебе, ведь, не мешали, когда ты делал свое дело». Замечательная наивность, так как автор не только не верит сам тому, что пишет, но еще более убежден в

том, что так ведь в действительной жизни никогда не бывает! И сам Мольтке в оправдание того, что он никогда не был подобным «полководцем-мавром», мог бы привести десятки и сотни случаев того, как он вел самую активную и политическую и военную деятельность именно в период операций на театре военных действий, как он очень много спорил, дебатировал с политиками, а последние с ним перед войной и в начале войны и в середине и в ее конце, как часто он изумлялся политическому чутью Бисмарка в самый разгар военных операций, как много Бисмарк ему помогал и как Мольтке подчас был очень доволен, что имеет в лице Бисмарка такого замечательного политика, с помощью которого военные операции развиваются так целесообразно и продуктивно. Существование триумвирата Бисмарк—Мольтке—Роон никогда не было бельмом на глазу мольтковской стратегии; будет правильнее сказать, что лишь благодаря в основном слаженной работе этого триумвирата мольтковская стратегия смотрела и зорче и дальше, чем то было в стане её разнообразных противников. Вот почему делать только по тезисам мольтковских «Военных поучений» окончательное заключение о том, как он разрешал вопрос о взаимодействии политики и стратегии, будет еще неполным и недостаточным; надо исходить не только из этих фраз, а главным образом из анализа характера той действительной активной политической и военной деятельности, которую вел Мольтке-старший.

Только такой неодносторонний подход может дать материал для правильного уяснения этого вопроса. И в эпоху господства бисмарковской политики, и в период послебисмарковской Германии, наряду с большой военно-стратегической работой, Мольтке всегда очень активно занимался политической деятельностью. Все его многочисленные оперативно-стратегические варианты по планам войны всегда в основном исходили из глубокого политического анализа той обстановки, которая складывалась в Европе к моменту составления им того или иного оперативно-стратегического варианта.

Если Бисмарк, с которым Мольтке пришлось больше всего совместно работать и в период мира (т. е. в период очередной подготовки к войне), и в период войн, являлся политическим вождем буржуазно-дворянского, юнкерского класса, то таковым же был и стратег Мольтке. Они как бы дополняли друг друга, да и не могли не дополнять, ибо, как говорит Ленин: «если во Франции буржуазная монархия и бонапартистская империя явственно и резко отличаются одна от другой, то уже в Германии Бисмарк дал образцы «сочетания» того и другого типа с явным перевесом тех черт, которые Маркс называл «военным деспотизмом», не говоря уже о «бонапартизме».

А все это Бисмарку (несмотря на мимолетные разногласия с Мольтке) удалось в первую очередь проделать с помощью германских вооруженных сил, организаторами и руководителями которых были и Мольтке-старший и Бисмарк.

Как увидим ниже, начальники генеральных штабов и австро-венгерского Конрад, и царского — ген. Сухомлинов, и германского — Мольтке-младший и Людендорф, и французского — Жоффр и Фош — все они склоняли и спрягали модную, но насквозь фарисейскую фразу «армия вне политики», и все они одновременно с этим, как и Мольтке-старший и Шлиффен, в практической жизни вели самую энергичную политическую деятельность и не могли не вести её, хотя бы исходя из самой сущности их работы. Примеров сколько угодно, хотя бы возьмем Конрада: он вел самую ожесточенную, непрерывную и долгую политическую борьбу с министром иностранных дел, могущественным некоронованным королем австро-венгерской монархии — Эренталем. И только смерть последнего закончила этот этап в политической деятельности Конрада, которая продолжалась, но уже с заместителем Эренталя—Бертхольдом. Но когда спрашивали Конрада, как он расценивает смысл этой борьбы, он всегда спокойно отвечал: «Я солдат, и моя стратегия и армия, руководителем которых я являюсь, всегда были и есть вне политики». Отвечая так, он думал: если поверят, тем лучше для моей политической борьбы, так как умно обмануть противника — значит иметь лишний шанс в победе. Точно так же отвечали и думали вышеперечисленные начальники генеральных штабов буржуазных армий Европы.

Иначе говоря, на словах было одно, на деле совершенно другое, судить же надо по делам, а не только по теоретическим словоизлияниям. Можно ли составить вариант того или иного плана войны, будучи полным невеждой в политических вопросах? Нет нельзя, так как план войны и его оперативно-стратегические варианты есть насквозь политика, а стратегическое развертывание армий есть проблема прежде всего политическая, ибо без политической цели не может быть произведено никакого развертывания вооруженных сил. Этого не могли не понимать Мольтке-старший, Шлиффен, Конрад, Сухомлинов и др.; они хорошо знали английскую пословицу, что «пробовать пудинг, значит его кушать».

Таким образом, основной смысл вопроса вовсе не в том, что они недоучитывали значения политики и ее взаимодействия с военной стратегией, или что они хотели бы даже отбросить политику с пути своих стратегических решений. Этого, повторяем, при всем их желании они сделать фактически не смогли бы, так как без политического анализа они бы не сумели ни составить плана войны и стратегического развертывания армий, ни тем более вести этими армиями военные операции. Вопрос же заключается в том, насколько была всесторонней и целесообразной данная политика и какого она была качества для данного оперативно-стратегического решения. Вот в чем соль. А это качество в истории каждого генерального штаба и

их руководителей, конечно, было различно. Это подтверждается основанным на фактах опыта войн положением, что плохая по качеству, но упорная в своих стремлениях, политика не может принести необходимой пользы для военной стратегии и, наоборот, плохая и неорганизованная стратегия и армия, ею руководимая, постоянно мешают осуществлению тех основных и важнейших целей, которые ставятся данной политикой.

Взаимосвязь и взаимопроникновение политики в военной стратегии настолько очевидны и реальны, что не было в истории ни одного действительно крупного военного деятеля, который бы этой теснейшей связи не понимал. Большинство крупных полководцев в истории буржуазии не столько стремились порвать эту связь, сколько через пропаганду примата военной стратегии над политикой сосредоточить и политику, и стратегию полностью в своих руках. Особенно наглядно это видно из анализа совместной политико-стратегической деятельности Мольтке-старшего с Бисмарком, Шлиффена с Вильгельмом II, Конрада с Эренталем, Жоффра с Мильераном, Фоша с Клемансо. Но это редко кому из них удавалось, так как для этого надо было быть и крупным политическим деятелем и одновременно не менее крупным и всесторонним военным специалистом-практиком. Таких полноценных полководцев, которые сосредоточивали бы в своих руках целиком политику и военную стратегию, вся военная история, история рабовладельческой, феодально-дворянской и буржуазно-капиталистической культуры насчитывает буквально единицы (например, Александр, Цезарь, Наполеон и др.). Да и то они были далеко не полноценными до конца своей политической и военной деятельности. Эпоха Октябрьской революции, гражданской войны и пролетарской диктатуры разрешила целиком и полностью этот вопрос, дав в лице Ленина—Сталина—Фрунзе—Ворошилова великих полководцев рабочего класса и его Красной армии.

Борьба за господство примата военной стратегии над политикой, особенно во время процесса военных операций, очень часто имела тот смысл, что военные стратеги и особенно операторы-тактики буржуазии пытались твердить, что политические руководители, как правило, или ровно ничего, или очень мало понимают в специфических вопросах военно-технического руководства войсками на войне. А поэтому их активное вмешательство будет лишь вредить развитию хода военных действий. Вот почему Мольтке-старший, а за ним подавляющее большинство буржуазного генералитета и военных теоретиков ревниво оберегали выдвинутое ими положение: «Политика не должна вмешиваться в операцию и тактику». Бернгарди, Гольц, Фош, Шлихтинг, Михневич, Леер, Свечин, Новицкий, Верховский, Зайончковский, Базаревский и др., в своих трудах согласны с правотой этого положения.

Конечно, если подойти к этому вопросу односторонне, то Бисмарк, Ллойд-Джордж, Мильеран, Клемансо, Миссими и др. полити-

ческие деятели буржуазии, возможно, и не могли лично организовать технику прорыва на участке корпус—дивизия или командовать полком-батальоном на поле боя, но разве этим самым можно опровергнуть сущность положения, что политика пронизывает все дело войны сверху донизу? Во время мировой империалистической войны Жоффр, Фалькенгайн, Конрад, Нивелль, Петэн, Фош и Людендорф и царская ставка на конкретных примерах восстаний и военных мятежей с массовым убийством офицерского состава после больших военных неудач, происходивших благодаря скверному оперативно-стратегическому, а отсюда и политическому руководству, воочию могли убедиться, что война насквозь политика и что без твердого политического руководства не может быть достигнуто успеха в операциях и на поле боя.

Таким образом, если стратегическое руководство кампанией совершенно немыслимо без соответствующего политического руководства, то также немыслимо положение, что «политика не должна вмешиваться в операции». Сколько бы против этого ни говорили и ни писали, политика ходом диалектического развития событий все равно всегда вмешивалась и не могла не вмешиваться, так как война, военные операции и бой — насквозь политика.

Конечно, другой вопрос, насколько деловитым, умным и конкретным было это «вмешательство» или «опека».

Этот вопрос о качественной стороне вмешательства политики в ход боевых операций ни на иоту не опровергает сущности и неизбежности взаимозависимости, взаимосвязи и взаимопроникновения политики и стратегии, а отсюда той же связи с оперативно-тактическим руководством. Этот вопрос лишь ставит во весь рост необходимость того, чтобы это вмешательство было организовано разумно, целесообразно, целеустремленно и высококачественно.

16 лет истории Красной армии есть наилучший конкретный пример, подтверждающий вышесказанное. Но буржуазно-капиталистическим армиям и их руководству добиться качественных показателей, подобных Красной армии, не удастся, так как основная масса трудящихся, составляющая ядро капиталистических армий, классово-враждебна этому руководству. Заменить же в современных многомиллионных армиях массу трудящихся только кучкой классово-отобранных фашистских малых армий, прекрасно вооруженных военной техникой — проблема более чем утопическая. Поэтому зашедшая в идеологический тупик политика капиталистической буржуазии неизбежно будет разгромлена в этом тупике.

Мольтке-старший и Шлиффен не только являлись руководителями вооруженных сил германской армии, но они были ее военно-теоретическими вождями. Свои научно-теоретические положения они проводили в толщу армии, главным образом, через созданный ими многочисленный офицерский корпус генерального штаба, который воспитывался и обучался в соответствующем духе. Их выступления в стенах германской военной академии и в печати (уставы, наставления, инструкции, теоретические статьи и пр.) по-

степенно создали новую систему учения о современной войне. И тот и другой были прекрасно осведомлены о многообразном опыте войн, бывших до них, и о тех военных теориях, которые существовали в большинстве крупных армий Европы. Для того и другого Франция и Россия являлись основными и главными противниками; тщательному изучению этих государств они и уделяли наибольшее внимание.

Мольтке-старший учился в Берлинской военной академии тогда, когда начальником ее был знаменитый профессор стратегии и военной истории, философ войны — идеалист Клаузевиц. Свидетель наполеоновской эпохи — Клаузевиц, будучи начальником академии в продолжении 12 лет, конечно, не только вел административную работу в прусской академии, но и проводил беседы со своими слушателями по военной истории и стратегии. Он внушал своим питомцам академии, что без анализа опыта войн создать учение по стратегии и тактике невозможно. Он приводил в пример свой научный опыт, говоря, что ему никогда бы не удалось составить свои лекции о войне, если бы его память не была обогащена историческим знанием кампаний Фридриха, Наполеона, войн великой французской революции и пр. [1]).

Эти слова глубоко запали в мысли молодого Мольтке, и в дальнейшей своей большой работе по созданию германских вооруженных сил он всегда твердо помнил этот совет своего знаменитого учителя. Биографии Мольтке-старшего и Шлиффена представляют собой поучительный документ, говорящий об исключительном трудолюбии и гигантской работоспособности этих военачальников германской буржуазии. И тот и другой очень часто любили повторять известный наполеоновский афоризм, что «упорным и постоянным трудом можно достигнуть того же, что и гением». В основу своей работы они клали мысль, что «лучшее поучение на будущее время мы должны извлекать из личного опыта, но так как этот опыт крайне ограничен, то мы должны с особенным вниманием и чуткостью воспользоваться опытом других». Шлиффен очень часто повторял свою любимую фразу: «Viel leisten, wenig hervortreten, mehr sein als scheinen» — «Больше делать, меньше выдаваться, больше быть, чем казаться». Быть большим, чем казаться, такова была линия поведения в жизни Мольтке-старшего и Шлиффена, которые с особенной твердостью требовали ее проведения от лиц, составлявших офицерский корпус германского генерального штаба. Они беспощадно изгоняли из рядов армии всех шумливых и карьеристически настроенных лиц, требуя от офицера генерального штаба больших конкретных знаний и совершенного владения суммой тех элементов, которые составляли тот или иной участок работы, порученной данному офицеру. Мольтке первый ввел в германскую армию в большом об'еме воен-

[1]) Сочинения Клаузевица изданы в 10 томах, из которых 6 томов посвящены анализу войн XVII и XVIII столетий и четыре тома (последних) составляют его учение «О войне».

ные игры на картах и в поле, как обязательную систему в обучении командного состава. Это полезное нововведение его ученик Шлиффен углубил, продолжил и сделал в армии повседневным. Техника проведения военных игр была доведена до большого искусства, эти игры, как правило, всегда были целеустремленны и насыщены поучительным творческим содержанием и замыслом. Каждая организованная военная игра и полевое учение с войсками под руководством Мольтке и Шлиффена являлись подлинным экзаменом для командного состава. В германской армии был весьма популярен знаменитый «синий конверт» (отставка), который вручался вскоре после проведения данного учения тому или другому неподготовленному к вождению войск участнику мольтке-шлиффеновских генеральных поверок конкретных знаний старшего и высшего командного состава. Исходя из положения, что великие полководцы рождаются и формируются неизмеримо реже, чем возникают войны, Мольтке и Шлиффен стремились к созданию как можно большего количества опытных, знающих, культурных кадров начальствующего состава, конкретно и в совершенстве владеющих той областью и отраслью работы, которая им поручается. Особенное внимание они обращали на создание многочисленного кадра штабных работников. Они воспитывали каждодневно эти кадры с тем, чтобы выработать из них не только квалифицированнейших знатоков и помощников командованию, но и чутких, дисциплинированных исполнителей воли полководца. Коллективный метод в работе не отвергался ни Мольтке, ни Шлиффеном; и тот и другой держались следующего правила, выведенного ими из тщательного многообразного опыта войн Александра, Цезаря, Фридриха, Суворова, Наполеона и их противников.

Мольтке писал:

«Только великие полководцы не нуждаются в советах. Они сами изучают вопросы и сами их разрешают, окружающим их остается лишь исполнение. Но — это звезды первой величины, появляющиеся раз в столетие. Что же касается огромной массы начальников, то они редко могут обойтись без совета. Возможно, что этот совет будет результатом совещания немногих лиц, способности и опытность которых позволяют им здраво оценить обстановку, но в этом ограниченном числе лиц необходимо, чтобы восторжествовало о д н о чье-либо мнение. Принципиально иерархическая военная организация должна обеспечивать повиновение даже мысли и достигать того, чтобы тот, кто имеет право и обязанность, предлагал бы критическому рассмотрению главнокомандующего о д н о т о л ь к о м н е н и е. Это лицо должно быть назначаемо не всилу одного только старшинства в чине, но всилу внушаемого к себе доверия. Конечно, не всегда один этот совет будет наилучшим, тем не менее, он приведет к хорошим результатам, если будет проведен с должной энергией и твердостью.

На долю главнокомандующего всегда выпадает величайшая заслуга, выслушав своего со-

ветчика, принять на себя ответственность за решение и проведение его в жизнь»

В своих военных поучениях Мольтке и Шлиффен этот тезис, особенно его основной вывод, заключающийся в последней, подчеркнутой нами фразе, подтвердили целым рядом конкретных исторических примеров. К слову сказать, исходя из правила, что наши знания получаются опытным путем и вытекают из критики этого опыта, Мольтке и Шлиффен свои военные поучения богато оснастили военно-историческими примерами, которые в этих трудах являются как бы центром тяжести всего их содержания. Мольтке любил повторять своим офицерам генерального штаба мысль, выведенную им из опыта предшествующих полководцев и своего собственного:

«Ясно, как на ладони, — говорил он, — что для достижения победы еще недостаточно одних теоретических знаний; для свободного действия на практике, для творчества в искусстве управления открывается простор для энергии лишь тогда, когда и характер вышколен военной подготовкой и опытом, будь последний почерпан из военной истории, или из самой жизни. Репутацию полководца прежде всего, конечно, устанавливает успех. Но какую роль в нем играют его действительные заслуги определить необычайно трудно. Перед непреодолимой силой обстоятельств сгибаются даже лучшие люди, и столь же часто обстоятельства возносят и посредственность. Но преимущественно продолжительное счастье выпадает людям усердного труда».

И далее:

«Стратегия — это система подпорок. Стратегия это больше, чем наука; это перенос знания в практическую жизнь, дальнейшее развитие первоначальной руководящей мысли в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами; стратегия — это искусство действия под гнетом труднейших условий».

В своих многочисленных политико-стратегических вариантах по планам войны, которые Мольтке разрабатывал против Дании, Австрии, Франции и России, он красной нитью проводит мысль, что по сравнению с наполеоновской эпохой политико-экономическая обстановка резко изменилась, а отсюда должны были естественно измениться и оперативно-стратегические решения. Новое огнестрельное оружие, новая техника связи, новая система комплектования армий и пр., все более развивающаяся система железнодорожного транспорта, все это, как многое другое, создавало совершенно новые условия и методы для подготовки к войне, для стратегического сосредоточения и развертывания значительно увеличившихся численно армий. Он твердо требовал от своих офицеров генерального штаба самого тщательного изучения и знания не только вопросов тактики, вооружения, снабжения армий вероятных противников, но также политико-экономических и промышленно-технических условий, оказывающих решающее влияние на ведение войны и руководство армией, которая в своей боевой численности пере-

росла при Мольтке за полмиллиона, а при Шлиффене стала многомиллионной.

С исключительным вниманием Мольтке относился к новому могущественному фактору — железнодорожному транспорту. Он понял лучше кого-либо, что от пунктуальной работы железных дорог будет зависеть успешность мобилизации и стратегическое сосредоточение войск. С особой радостью констатировал он перед войной 1866 и 1870 гг. наблюдавшееся им беспечное отношение австрийцев и французов к железнодорожному строительству. Мольтке твердо потребовал, чтобы германское правительство в противовес австрийскому и французскому выкупило все железные дороги у частных коммерческих компаний, говоря, что этим самым обеспечивается половина будущей победы на полях сражений. Все проекты новых построек железнодорожных линий Мольтке сосредоточил в своих руках и под его непосредственным контролем шло новое железнодорожное строительство Германии. В этом отношении диктатура германского генерального штаба была наиболее беспощадной.

Из года в год, в продолжение целых 30 лет, Мольтке выковывал корпус офицеров генерального штаба, создавая из них монолитную корпорацию высококвалифицированных, преимущественно штабных, командиров. Он говорил, что германские генштабисты не только глаза и уши начальника генерального штаба, но они также и его наиболее доверенные командиры, через которых германская армия усваивает новые взгляды на ведение войны, усваивает ту новую систему обучения, которая была основана на опыте только что прошедших и уже изученных войн [1]) и тех изменениях в военном деле, которые последовали с момента окончания последней войны.

Разработка планов войны и анализ подготовительного к войне периода в работах Мольтке занимали доминирующее положение. Он старательно внушал своим офицерам генерального штаба, что первое сражение есть подлинный экзамен для армии и ее командного состава, экзамен для всех оперативно-стратегических расчетов и соображений мирного времени. Если этот экзамен неудачен, то с ним проваливаются все заранее заготовленные соображения, а также дискредитируется в первую голову высшее командование данной армии.

Многочисленные оперативно-стратегические варианты планов войны, ныне изданные германским генеральным штабом [2]), воочию убеждают каждого с ними ознакомившегося в тщательности

---

[1]) Ни одна европейская армия не сумела так быстро воспользоваться опытом войн 1859, 1866, 1870 гг., как германская. Под непосредственным руководством самого Мольтке уже спустя год—два после окончания каждой из этих войн, офицеры генерального штаба получали обстоятельные военно-исторические исследования, многие главы которых были написаны лично Мольтке, а большинство этих трудов было тщательно им проредактировано.

[2]) См. Graf Moltke Die deutschen Aufmarschpläne 1871—1890.

анализа политической и стратегической обстановки и положения своего и противников и в точности расчетов по сосредоточению сил и средств намеченных армий для движения их к границам, после которого они должны приступить через пограничное сражение к осуществлению марш-маневра. Максимальная ясность и простота оперативно-стратегического замысла и твердая постановка цели кампании (например, захват Парижа) являлись непреложным законом для мольтковских вариантов. Но Мольтке в них никогда не стремится к разработке всех деталей для слишком дальних оперативно-стратегических целей. То, что его в первую голову интересует и к чему он всемерно готовится — это первое большое сражение с противником, которое должно будет разыграться в пределах полосы государственной границы с основной и главной задачей разгрома живой силы врага.

Все его известные формулировки, как-то: «итти врозь, а драться вместе», «гнусная крайность сосредоточения», «одна ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании» целиком и полностью исходили из факта появления нового огнестрельного оружия, технических средств борьбы, изменившихся по сравнению с достаточно примитивным состоянием военной техники в предшествующую ему эпоху Наполеоновских войн, из появления новых средств для передвижения и сосредоточения в виде железнодорожного транспорта.

Никогда Мольтке не разрабатывал свои оперативно-стратегические варианты на слишком далекие цели, он всегда учитывал, что не успеют армии подойти к границам, как они встретят волю и контрнамерения, контрмероприятия противника. Хорошо организованная и превосходная в силах и средствах по отношению к противнику армия может небезуспешно сразу же сломить эту волю и захзатить инициативу действий в свои руки, а поэтому «ни один оперативный план не может хотя бы с некоторой достоверностью простираться за пределы первого столкновения с главными силами противника». Он жестоко высмеивал методы руководства австрийского гофкригсрата и говорил, что австрийская армия своими поражениями в первую очередь обязана именно этому схоластическому учреждению, которое стремилось все и вся предусмотреть и предвидеть, сковывая по рукам и ногам своих частных начальников.

«Только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной и до конца удерживаемой первоначальной идеи»,— говорил Мольтке-старший.

Разгром живой силы противника и захват его главного жизненного, торгово-промышленного и культурного центра, иными словами, столицы, как известно, были основной и конечной целью во

всех больших кампаниях, которые вел Наполеон I. Мольтке считал, что такой способ ведения войны и стратегические намерения в основном не устарели и для его времени. В 1870 г., разгромив французскую армию под Седаном и Мецем, покончив с ее живой силой, как известно, он устремляется к Парижу.

Движение на Париж Мольтке-старшим было организовано со всей тщательностью и предусмотрительностью. Эта всесторонняя организация мероприятий вызвала у известного французского военного писателя ген. Луи-Леваля следующее замечание: «Было бы слишком признавать всю эту работу проявлением гения, но нельзя не согласиться, что подобное обращение войны в простое мастерство и столь глубокая предусмотрительность сильно приближаются к гениальности». Как видим, Леваль играет словом «гениальность», забывая упомянуть более существенную «мелочь». Она заключается в том, что Мольтке не мог не быть архиосторожным и архипредусмотрительным, двигаясь к Парижу, который был накануне восстания парижских коммунаров. И не надо забывать простой вещи, что Бисмарк и Мольтке со своей стороны помогли версальскому правительству Тьера—Галифе, именовавшему себя правительством «порядка и частной собственности», задушить Парижскую коммуну. И это вполне понятно и иначе быть не могло, так как в классовом отношении Парижская коммуна и ее политические цели и стремления были «исчадием ада» не только для Тьера и Галифе, но и для Бисмарка и Мольтке. Все это прекрасно показано в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Когда Ленин после анализа политической деятельности буржуазии и её наиболее крупных политиков делал вывод, что: «политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику и еще больше на высшую математику, чем на низшую..., политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе своих пролетарских «классовых политиков», чтобы они были не хуже «политиков буржуазных», — то этот вывод целиком и полностью относился и к военной стратегии, к военным стратегам-операторам.

В своих многочисленных вариантах плана войны после 1870 г. Мольтке полагал, что в организации главного удара против Франции Париж должен быть одним из основных об'ектов для наступающей армии (вариант 1878 года), но считал необходимым здесь же предупредить, что одним махом достигнуть этой цели не удастся. Как бы ни были благоприятны условия стратегического сосредоточения и развертывания армий в связи с новыми техническими факторами (еще большее усовершенствование железных дорог, средств связи, продолжавшиеся работы по возведению крепостей на французской границе и пр.), уже имеется много препятствий для беспредельного оптимизма. А все усиливавшаяся французская армия и государственная оборона Франции, особенно в ее пограничной полосе (крепостной пояс Серре-де-Ривьера), говорит

за то, что нужно еще более тщательно и всесторонне готовиться к будущему испытанию [1]).

Шлиффену Мольтке-старший оставил следующий конкретный совет: «Полководец никогда не должен упускать из вида своей главной цели (разгром неприятельских сил и захват его столицы. В л. М.), несмотря на всю изменчивость обстоятельств. Но пути, по которым он надеется её достигнуть, никогда не могут быть с уверенностью установлены далеко вперед. Полководец обречен в течение всей кампании принимать целый ряд решений, вытекающих из обстановок, которых нельзя было заранее предвидеть. Таким образом, все следующие друг за другом акты войны не являются выполнением заранее обдуманного, а актами выявления воли, руководимой военным тактом. Дело заключается в том, чтобы в каждом частном случае провидеть скрытое в тумане неизвестности положение вещей, правильно оценить имеющиеся данные, разгадать неизвестные, быстро принять решение и затем энергично и безошибочно приводить его в исполнение» [2]).

Опыт Мировой войны 1914—1918 гг. и нашей гражданской войны 1918—1920 гг. в полной мере подтверждает целесообразность этого тезиса-вывода Мольтке-старшего, извлеченного им из многообразного опыта войн XVIII и XIX столетий. В свете этого вывода особенно наглядным и поучительным становится ряд стратегических решений в войнах последних десятилетий, например: марш-маневр германских армий на Париж под руководством Мольтке-млад-

---

[1]) Например, варианты Мольтке от 1879—80 гг. предусматривали наступление на русском фронте и оборону на французском, так как французы к этому времени заканчивали мобилизацию и стратегические перевозки к границе к 12-му дню мобилизации, причем Париж и граница были уже сильно укреплены, а реорганизация армии в большей своей степени осуществлена. Поэтому Мольтке считал, что на быструю победу над Францией рассчитывать было нельзя. Мольтке оставил Шлиффену богатый материал по плану войны (варианты против Франции и России), предоставив последнему полное право в соответствии с конкретной обстановкой, которая будет окружать Шлиффена, доработать или изменить эти варианты. Из предыдущих глав мы видели, что и как решил Шлиффен.

[2]) Если подойти к декабрьскому варианту Шлиффена односторонне, утверждая, что Шлиффен обязательно желал обойти Париж с запада, а потом уже пытаться искать и громить живую силу французской армии, то тогда, конечно, все содержание этого мольтковского завета было против Шлиффена. Но к декабрьскому варианту Шлиффена надо подходить исторически правильно, надо его сопоставлять не с планом № 17 Жоффра, как это делают все исследователи мировой войны, а с французским планом № 15. Тогда картина резко меняется. И как мы говорили в главе III нашего труда, при наличии французского плана № 15 Шлиффен едва ли стал бы заниматься длительными прогулками по территории Франции, обходить Париж с запада, а затем итти на восток к фронту Эпиналь—Бельфор. Он сократил бы этот замах правого фланга по крайней мере наполовину, ударив с фронта Гирсон—Мезьер—Седан прямо на юг и юго-восток в район Туль—Эпиналь—Бельфор, где была собрана по плану № 15 вся французская армия. Думать иначе, значит действительно характеризовать Шлиффена как беспредметного бумажного фантазера. Но разве Шлиффен был таким? Анализ его многолетней работы во главе германских армий говорит несколько иное.

шего с финалом Марны 1914 г.; марш русских армий на Берлин по директиве царской ставки с финалом Лодзи 1914 г.; наступательный план кампаний ген. Нивелля и Людендорфа в 1917 и 1918 гг.; марш-маневр армий Колчака на Москву с финалом Бугуруслана—Уфы, «Московская директива» Деникина с финалом в районе Кром—Орла—Воронежа в 1919 г.; марш белопольских армий к Киеву в апреле—мае 1920 г. и красных армий к Варшаве в августе 1920 г. и ряд других.

Хотя во всех этих кампаниях и операциях вопросы политико-экономического и классового характера, вопросы соотношения вооруженных сил и средств, как и организация управления и командования и пр., все это было различно, но все же общая основная мысль вышеприведенного высказывания Мольтке-старшего о главной цели и способах ее достижения остается верной и на сегодняшний день. Во всех этих кампаниях и операциях к твердо и заранее поставленной дальней главной цели (Париж, Берлин, Москва, Киев, Варшава) шли без должного учета меняющейся обстановки на основных фазах и этапах наступления, без ряда таких оперативно-стратегических решений, которые бы говорили, что изменение обстановки командованием постоянно учитывается. И вместо того, чтобы соответствующими зоркими контрмероприятиями и контррешениями все больше и больше развеивать «туман неизвестности», командование, напротив, своей беспредельной уверенностью, что намеченная главная цель должна быть безусловно достигнута, все больше и больше этот туман сгущало. Только формально мыслящий человек не пожелает понять основного смысла в сопоставлении этих различных кампаний и операций, проведенных с военно-стратегической точки зрения по всем правилам и со всей суммой того конкретного, что мы вкладываем в ясное и четкое сталинское определение «огульное наступление» [1]).

Основываясь на своем личном опыте кампаний 1854, 1859, 1866 и 1870 гг., Мольтке-старший говорил:

«Ведение войны не находится во власти слепого произвола. Теория вероятности могла бы подсчитать, что кроме воли нашей и воли противника, в конечном счете все случайности, которые трудно предусмотреть во всех подробностях (погода, болезни, железнодорожные катастрофы, недоразумения и ошибки и пр.), столь же часто идут во вред или на пользу как одной, так и другой стороне, и полководец, который в каждом частном случае отдает если не наилучшее, то все же ряд разумных распоряжений, всегда имеет шансы достигнуть цели».

К этому высказыванию мы могли бы также привести ряд конкретных исторических примеров, говорящих о целесообразности и жизненности этого вывода, не потерявшего значения и для наших дней.

---

[1]) Из чего и когда складывается «огульное наступление» см. работы Сталина «Ответ товарищам колхозникам» и доклад XVI с'езду ВКП(б) в его книге «Вопросы ленинизма».

За 30 лет своего пребывания на посту начальника германского генерального штаба Мольтке положил основание образованию офицерского корпуса генерального штаба, был его главным организатором. Организаторские способности Мольтке-старшего были весьма велики, он как никто другой в германской армии, знал качество своих офицеров генерального штаба и при нем они заняли все важнейшие посты в армии. Он зорко следил, чтобы в об'единенной «железом и кровью» германской империи вопросам создания о д н о о б р а з н ы х по силе и устройству высших военных единиц и подготовки резерва уделялось бы достаточно большое внимание. Все попытки со стороны отдельных союзных государств-королевств, вошедших по конституции 1871 г. в германскую империю (как-то: Пруссия, Бавария, Вюртемберг, Саксония и др.), нарушить общесоюзную имперскую систему в строительстве германских вооруженных сил и внести свои новшества, идущие вразрез этой системе, энергичной рукой Мольтке пресекались вкорне. Германская армия должна быть в мирное время однообразной по силе и устройству своих вооруженных сил с тем, чтобы обеспечить удобство управления и командования ею во время войны — таково было возражение со стороны Мольтке тем, кто, увлекаясь местными интересами, пытался нарушить единую систему в строительстве германских вооруженных сил.

Хорошо помня совет своего предшественника Шарнгорста, который говорил, что «без хорошей военной литературы не может быть ни хорошей армии, ни большого развития военных талантов», Мольтке первый положил начало созданию целой группы военно-научных исследователей.

Появился целый ряд крупнейших военных писателей, которые обильно оснащали германскую армию своими оригинальными трудами. Знаменитые военные писатели Шлихтинг и фон-дер-Гольц говорили, что конкретное содержание их трудов целиком и полностью обязано тому практическому и научно-теоретическому наследству, которое они получили главным образом из эпохи Мольтке. И те, которые думают, что только офицеры, вышедшие в отставку могут создавать научно-исследовательские труды, глубоко ошибаются. Они забывают основное, что, уйдя из армии в отставку, в запас, командир теряет о г р о м н у ю д о л ю связи с практической работой в армии, и его научные труды уже не могут иметь того ценного, конкретного жизненного содержания, как у военных писателей, продолжающих работать в толще армии, живущих её насущными потребностями и конкретно знающих, что армии нужно на данном этапе в ее развитии вооруженных сил. Это относится еще более к трудам военно-теоретического и исторического характера, ибо лишь та в о е н н а я и с т о р и я ц е н н а, к о т о р а я с м о т р и т н е н а з а д, а в п е р е д, к о т о р а я н а с ы щ е н а с о в р е м е н н о с т ь ю и е е б у д у щ и м.

Когда Мольтке спрашивали о формах построения его наступательных и оборонительных операций, он спокойно отвечал, что

главное зависит от соответствующего конкретного содержания, а последнее на войне крайне изменчиво и непостоянно. Он давал понять, что шаблон, схематизм и трафарет в построениях операций — величайшие враги в полководческом искусстве.

«Кто из моих походов и кампаний заключит, что все мои наступательные планы велись по типу, когда в центре я ставил сильную армию, а на флангах: с одного — слабую, образующую, скорее, оборонительный уступ, с другого — более сильную, и что моя центральная армия первой вступает в бой с подходом фланговых и т. д., тот глубоко ошибется». Не менее ошибочно думать, что Мольтке все свои оборонительные операции вел из следующей голой и мало что говорящей схемы: «Он (т. е. Мольтке-старший) охотно и даже смело отказывается от сообщений, прибегает к фланговым позициям, желает дать противнику втянуться между собой и большой рекой, чтобы атаковать его затем сзади и сбоку и прижать к реке».

Как видим, кто так поэтически красочно пишет о построениях оборонительных операций Мольтке-старшего, тот во главу угла этой своей схемы ставит наличие «большой реки». А что будет с мольтковской оборонительной операцией, когда этой реки не будет вовсе, или она окажется небольшой? А ведь в опыте войн, проведенных Мольтке, таких случаев было как раз больше, чем в этой голой схеме, отнюдь не годной на все и всяческие случаи на войне, которая по своей живой диалектической природе совсем не вяжется с схематизмом. Общей схемы для кампаний и операций таких крупных полководцев, как Суворов, Наполеон, Мольтке составить нельзя. Не случайно Суворов, когда потребовали от него план сражения в Италии, послал чистый лист бумаги, или Наполеон, когда его спрашивали, каков план операций, благодаря которому он побеждает, иронически отвечал: «Я не имею плана кампании». Тот, кто подумает, что оба полководца просто скрывали свой замысел и не хотели его заранее расшифровать, тот не поймет основного смысла в ответах Суворова и Наполеона. Отвечая так, они предостерегали тех, кто посредством заранее заготовленных рецептов хотел добиться победы.

Именно против бесполезных измышлений диллетантов и были направлены слова Мольтке в работе прусского генерального штаба о войне 1870 г., что: «главнокомандующий, конечно, будет всегда иметь перед собой свои великие цели, несмотря на все случайности событий, но пути и способы, которыми он надеется их достигнуть, никогда не могут быть с уверенностью установлены далеко вперед».

Поэтому надо изучать конкретное содержание походов и операций крупных полководцев истории, изучать политику того класса, чаяния и стремления которого они выражали и представителями которого они являлись, стремиться понять сущность их оперативно-стратегического творчества и решений. Не следует искать общую, годную для всех многообразных и разнохарактерных операций схему, которую при всем желании составить никому

и никогда не удастся, так как каждая кампания, операция, каждое сражение и бой той или другой эпохи имеют свой стиль, свое построение, вытекающее из конкретных условий характера местности, времени, соотношения сил, искусства исполнителей и пр. и пр.

Исходя из опыта своих кампаний, Мольтке считал, что слишком глубокие и длительные по времени и пространству обходы, как это было, например, в некоторых кампаниях Наполеона (Ульмская операция), в его время, в связи с развитием новых технических средств и все увеличивающейся численностью армий, стали менее возможными. Такого вида глубокие марш-маневры могут быть обнаружены противником задолго до их конечного осуществления. Но это, конечно, не исключало возможности охватов, которые в целом ряде своих кампаний Мольтке удачно применял. Этот факт заслуживает самого пристального внимания в связи с стратегическим решением, которое мы находим в декабрьском варианте 1905 г. его ученика Шлиффена.

Расходился ли в основном вариант 1905 г. Шлиффена с военно-стратегическими поучениями Мольтке-старшего? Нет, не расходился. Мы видели, что главный об'ект, к которому стремился Шлиффен, — это разгром французской армии. Если последняя после проигрыша большого пограничного сражения будет отступать к своей столице Парижу, то это и есть именно тот акт, которого хотел добиться Мольтке-старший. Шлиффен мечтал сосредоточить огромные превосходные силы на правом фланге своего стратегического фронта, то-есть именно на том направлении, которое обеспечивало выигрыш первого сражения, о чем, как мы видели выше, так беспокоился Мольтке-старший.

Намечал ли Шлиффен вперед во всех деталях те пути и частные цели, которых он надеялся достигнуть, ища главные силы французской армии? Нет, этого он не делал. Шлиффен, следуя завету Мольтке, не упускал в своем варианте 1905 г. из вида своей главной цели (разгром неприятельской армии плюс захват его столицы), причем захват столицы был как бы побочной задачей, которая должна была быть осуществлена походя, если главные силы французской армии не будут в её районе. Шлиффен полагал, что если неприятельская армия после проигрыша пограничного сражения сконцентрируется в районе Парижа, то тогда ясно она будет германской армией атакована там, но если она двинется дальше, то столицу должны взять эрзац-корпуса, а полевые войска будут продолжать преследовать противника, всемерно стремясь отбросить французские войска с севера на восток к их крепостному поясу, или к Мозелю и здесь с помощью войск левого фланга стратегического фронта их уничтожить. Но все это — лишь наметка путей: они могут в процессе кампании измениться. Шлиффен на своих полевых поездках, военных играх и в литературных трудах постоянно твердо проводил в жизнь мысль Мольтке-старшего, что ряд новых решений после прохода территории

Бельгии будет целиком зависеть от конкретной обстановки, причем детали этих решений заранее предвидеть нельзя.

«Дело заключается в том, чтобы в каждом частном случае провидеть скрытое в тумане неизвестности положение вещей, правильно оценить имеющиеся данные, разгадать неизвестные, быстро принять решение и затем энергично и безошибочно проводить его в исполнение», — так учил Мольтке, это же очень часто напоминал своим ученикам Шлиффен.

Шлиффен с особой силой всегда подчеркивал необходимость для полководцев твердости управления и постоянного наблюдения за биением пульса боевой обстановки, т. е. того, чего как раз и не было в августе—сентябре 1914 г. у его заместителя — Мольтке-младшего. Последний выпустил вожжи управления из своих рук и пустил наступающие к Парижу германские армии без руля и без ветрил по течению.

Надо совершенно не понимать сущности учения Шлиффена о ведении кампании и организации операций, чтобы хоть на минуту согласиться с тем, что Шлиффен, как это сделал Мольтке-младший, в решительный момент кампании стал бы посылать корпуса с главного направления в Восточную Пруссию или выделять с главного правого фланга фронта целые корпуса для блокирования бельгийских и французских крепостей, израсходовав для этого шесть корпусов плюс одну кавдивизию из обходящего правого фланга. Все это вкорне расходилось с тем, чему постоянно учил и о чем изо-дня в день говорил Шлиффен в продолжение последних 20 лет своей жизни [1]).

Мы уже говорили в главе III о целом ряде существенных недоработок, которые имеются в декабрьском варианте Шлиффена, повторять их здесь не будем. Но если бы мы попробовали представить себе, что развертывание французских армий по плану ген. Виктор-Мишеля восторжествовало бы и было принято французским правительством, то совершенно ясно, что, столкнувшись в жизни с этим планом, Шлиффен принужден был бы принять также целый ряд контрмероприятий и новых решений.

Очень странно, что военные писатели и исследователи мировой империалистической войны, фиксируя печальный финал для германской армии битвы на Марне в 1914 г., констатируют: «Этим самым

---

[1]) У некоторых явится законный вопрос, неужели Шлиффен оставил бы без внимания неприятельские крепости вроде Антверпена и Намюра. Этого он, конечно, не сделал бы. Он выделил бы для этой цели второочередные дивизии, но не больше. Но ослаблять свой правый фланг на целых шесть корпусов и одну кавдивизию, т. е. на 13 дивизий, в то время как впереди его ждет генеральное сражение, Шлиффен никогда бы не рискнул. Он постоянно твердил об усилении главного направления, а не об его ослаблении. „In dem wir mit möglichstarken Kräften den Feind in Flanke und Rücken anfallen", писал в своей Denkschrift 1905 года Шлиффен (т. е. „вести атаку противника с фланга в тыл возможно наибольшими силами").

провалился и план Шлиффена». Мы же, исходя из анализа конкретной действительности, говорим, что вариант Шлиффена не мог провалиться уже по одному тому, что в том виде, как он был идейно задуман в декабре 1905 г., он никогда в жизни не проводился. Был другой план 1913—14 гг., который если и включал в себя отдельные элементы из «Denkschrift» (памятной записки) Шлиффена, то в главном и основном это был другой план и автором его являлся не Шлиффен, а Мольтке-младший.

Если бы кто-либо попытался во всех деталях анализировать вариант Шлиффена от 1905 г. и план Мольтке от 1913—1914 гг., то воочию убедился бы, что как идейное, так и фактическое содержание (расстановка сил, техника и пр.) в этих планах различны, не говоря о полной противоположности методов управления у Шлиффена и Мольтке-младшего. А все это еще раз говорит о том, что эти два плана являются не близнецами, а скорее антиподами (см. главу VIII и схему 11).

За год до смерти, выступая в рейхстаге в мае 1890 г. по вопросу усиления мирного состава германской армии и защищая военный бюджет, Мольтке-старший сделал верный прогноз о длительности будущей европейской войны. В этом отношении он оказался прав и резко разошелся по этому вопросу не только со Шлиффеном, но и с большинством руководителей правительств Европы и их генеральными штабами. Финансовый проект, который защищал в рейхстаге Мольтке-старший, был полностью одобрен большинством голосов рейхстага, да было бы и странным, чтобы Мольтке потерпел фиаско с этим проектом. Он выступал как верный сын своего класса, искренно напрягал весь свой талант, весь свой огромный авторитет победителя в войнах 1866—1870 гг. и все свое красноречие, чтобы поднять германский империализм на еще большую высоту. Он выступал, как верный служака престола, как монархист, который отдал всего себя на служение делу империи Гогенцоллернов. Этой же речью, как и рядом других, он еще раз показал, что он не только узкий военный специалист и прекрасный знаток всех премудростей оперативно-стратегического искусства, но и политик, вождь своего класса, класса крупной капиталистической буржуазии.

Конечно, смешно было бы ожидать, чтобы Мольтке или Шлиффен и им подобные стали произносить такие речи, в которых бы подчеркивали, что главным виновником войны является империализм, что он без войны существовать не может, что капиталистическая буржуазия является вдохновителем и организатором каждой войны, стремясь ценой крови и беспримерных страданий широких трудящихся масс получить новые прибыли, новые колонии и рынки. Монархисты-капиталисты говорят иначе, они говорят как Мольтке, а именно:

«Времена кабинетных войн остались в прошлом, мы живем в эпоху только народных войн и вызвать таковую, со всеми ее непредвиденными последствиями, сколько-нибудь разумное правительство

может решиться лишь с большим трудом. Элементы, угрожающие миру, заключаются в самих народах. На внутреннем фронте таковыми является зависть классов, которым судьба менее благоприятствовала и делаемые ими время от времени попытки быстро достигнуть посредством насилия улучшения своего положения, улучшения, которого можно добиться лишь путем реформ и лишь не покидая длительного и утомительного пути работы. На внешнем фронте угрозы родятся из известных национальных и расовых домогательств, вообще из недовольства существующим положением. В каждую минуту это может зажечь войну, независимо от воли правительства и даже против его воли. Именно правительство, недостаточно сильное, чтобы бороться с народными страстями и партийными домогательствами — такое слабое правительство представляет постоянную военную опасность. Я считаю, что невозможно переоценить достоинства и блага сильного правительства. Только сильное правительство может проводить здоровые реформы, только сильное правительство может являться порукой мира.... Блестящее финансовое положение при недостаточных средствах сопротивления не воспрепятствовало бы тому, что сегодня враг находился бы в пределах нашей страны; так как, как раньше, так и теперь только меч может заставить другой меч оставаться в ножнах... Враг в пределах страны быстро покончил бы с нашими финансами. Только сильно вооруженная Германия со своими союзниками оказалась в силах столько лет удерживать мир...

Я полагаю, что во всех странах громадное большинство населения хочет мира; но решение остается не за ним, а за возглавляющими массы партиями... Мирные заверения обоих наших соседей на востоке и на западе (царская Россия и Франция. Вл. М.), впрочем, неустанно продолжающих развивать свою подготовку, и все прочие мирные данные, конечно, представляют большую ценность, но обеспечение своей безопасности мы можем искать только в своих собственных силах».

Этот сконденсированный политический документ злейшего классового врага пролетариата настолько по своему содержанию ясен и краток, что никаких особых комментариев не требует. Так может говорить только очень умный представитель классового врага; для того, чтобы этого врага победить, надо хорошо понять, как высоко он умеет поднять искусство защиты своего временного господства на земле, на которой сам он (капиталистический класс) по численности лишь ничтожная песчинка в двухмиллиардной массе им угнетаемых и порабощенных. Конечно, и тогда и сейчас под этими документом с его внутренней сущностью подпишется любое правительство и любая партия капиталистической буржуазии. Но вот в отношении прогноза будущей войны правильные мысли Мольтке не разделили ни его ученик Шлиффен, ни Конрад и Мольтке-младший, ни один генеральный штаб Антанты. Если послед-

ние утверждали, что будущая мировая война по своей продолжительности должна быть не более года, то Мольтке-старший в этой речи говорил иначе.

«Если война, — говорил он в 1890 г., — которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами как дамоклов меч, если эта война, наконец, вспыхнет, то никто не сможет предугадать её продолжительность и её конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу. Это, может быть, будет семилетняя, а может быть и тридцатилетняя война» [1]).

Вот по этому очень важному вопросу о длительности предстоящей войны Шлиффен разошелся со своим учителем. В противовес этому тезису Шлиффен выдвинул противоположный, с внешнего вида как будто и возможный, но по своему внутреннему содержанию глубоко неверный. Шлиффен писал:

«Значительный под'ем промышленности и торговли в Германии только усилил непримиримое враждебное чувство со стороны Франции. Ненависть к конкуренту, к которому чувствовалось ранее пренебрежение, не может быть ни ослаблена уверениями в истинной дружбе и сердечной симпатии, ни обострена едким словом. Неприятель определяется не побуждениями чувства, но размерами дебета и кредита... Продолжительность войны в современную эпоху тяжко отзывается на всем государственном организме, ибо существование государства зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и быстрое решение борьбы должно вернуть к деятельности фабричные станки: война на истощение (измор) не может иметь места, когда содержание миллионов солдат требует миллиардных расходов». В другом месте Шлиффен подчеркивал, что, «начавшись весной, война до осеннего листопада должна быть

---

[1]) Как читатель помнит, еще за три года до этого выступления Мольтке-старшего в рейхстаге, великий учитель и вождь пролетариата Фридрих Энгельс о грядущей войне писал в германской печати куда более точнее и подробнее. С исключительной силой гения он научно предвидел за 37 лет до августа 1914 г., что будущая мировая война будет продолжаться три—четыре года, принесет огромные опустошения и откроет путь к победе рабочего класса (см. «Введение» к настоящей работе).

Не исключена возможность, что Мольтке был осведомлен об этом замечательном прогнозе Энгельса, популярность которого, как великого вождя рабочего класса, в то время как в Германии, так и во всем мире, была огромной. Кроме того, как известно из переписки Маркса и Энгельса, крупные представители капиталистической буржуазии и их генеральные штабы всегда очень внимательно следили за всей политической деятельностью и литературным творчеством Маркса и Энгельса и особенно за военными работами последнего.

окончена и разрешены все вопросы тяжкого мирного договора для побежденного».

Между прочим, к внутреннему смыслу этого тезиса присоединились все генеральные штабы европейских армий и все выдающиеся буржуазные политики; в свое время его разделял Бисмарк, его придерживались Ллойд-Джордж, Мильеран и ряд других, твердо считавшие, что генеральный штаб армии существует для интересов политики, а отнюдь не политика для генерального штаба. А поэтому, как увидем ниже, в соответствующих главах нашего труда, все они оказались неподготовленными не только к семилетней, но даже хотя бы к двухлетней войне. И только к концу первого года мировой войны все генеральные штабы обеих воюющих империалистических коалиций, за исключением английского военного министра Китчинера, который уже в начале войны предвидел её длительность, поняли всю правильность оперативно-стратегического прогноза Мольтке-старшего, когда он говорил, что «ни одна из европейских держав не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной». Мольтке был прав в определении увеличившейся мощности обороноспособности каждого большого капиталистического государства, которые после первых поражений в 1914—1915 гг. нашли в себе новые силы, чтобы «воспрянуть и возобновить борьбу». Будет справедливым сказать, что этот прогноз о длительности будущей войны весьма резко расходился не только с планами и их стратегическими решениями всех европейских армий для войны 1914—1918 гг., но и с сущностью стратегического решения по методам сокрушительной молниеносной войны, заложенного в вариант 1905 г. Альфредом Шлиффеном. Но говоря так, мы вскрываем лишь одну сторону вопроса, а поэтому нельзя забывать ряд следующих кардинальных фактов. Свою речь Мольтке произносил в мае 1890 г., план Шлиффена вылился в последний вариант в декабре 1905 г., т. е. через 15 лет. Шлиффен принужден был уйти в отставку в январе 1906 г.; таким образом, мировая война, начавшаяся в 1914 г., возникла лишь через 9 лет после последнего варианта Шлиффена. Отсюда, если за 15 лет после речи Мольтке в политико-экономической и военно-технической области во всех капиталистических государствах произошли существенные изменения, то таковые же не могли не произойти в период с 1905 по 1914 г. Таким образом, если бы Шлиффен остался на посту начальника генерального штаба, то надо думать, он внес бы целый ряд качественных и количественных изменений в свой вариант 1905 г.

Теперь попытаемся коротко остановиться на сущности учения Шлиффена и на его военно-литературных работах. Не совсем будет верно расценивать оперативно-стратегическое учение Шлиффена, как только теорию двойного оперативно-стратегического охвата и окружения сил неприятельской армии. Если Шлиффен в период с 1908 по 1912 г. написал свой научно-теоретический труд под названием «Канны», то из это-

го вовсе еще не следует, что он везде и всегда стремился воспроизвести в новых условиях эти «Канны» Ганнибала. Кто так расценивает все многообразное учение Шлиффена, тот вскрывает лишь одну сторону этого учения, не пытаясь вскрыть всей его сущности. Ведь никто, как сам Шлиффен в своих же «Каннах» черным по белому пишет:

«Совершенное воплощение сражения при Каннах лишь очень редко встречается на страницах военной истории. Для него необходим, с одной стороны, Ганнибал, а с другой, Теренций Варрон, которые оба по-своему содействуют достижению великой цели».

Таков первый тезис Шлиффена, который с первых же строчек предостерегает читателя, желая сказать, что не так-то все будет просто на войне. Дальше Шлиффен говорит:

«Ганнибал обязан, если не иметь преобладания в силах, то уметь его создать. Для этого желателен полководец, который имеет в себе:

а) что-то от Шарнгорста, от Фридриха-Вильгельма или Вильгельма I, располагающих прочной армией;

б) что-то от Мольтке-старшего, сосредоточивающего силы исключительно против главного врага;

в) от Фридриха Великого, который приводит в действие все орудия и ружья;

г) от Фридриха Великого или Наполеона, наносящих главный удар против фланга и тыла;

д) от Фридриха Великого и Мольтке-старшего, которые недостающего Газдрубала заменяют естественным препятствием или границей нейтрального государства;

е) наконец, нужны частные начальники, которые были бы дисциплинированы, знатоки своего дела и обладали бы пониманием замыслов полководца».

Таков второй тезис Шлиффена, который поставил ряд таких жестких и необходимых условий для полководца, мечтающего воспроизвести «Канны».

Наконец, третий тезис-вывод гласит следующее:

«В результате получилось, что если, исключая Седан, и не было совершенных Канн, то все же можно найти целый ряд сражений, приближающихся по типу к полному разгрому, и таковые находятся как раз на поворотных пунктах истории».

Эти три тезиса являются как бы красной нитью всего оперативно-стратегического учения Шлиффена. И если мы хорошенько проанализируем все его варианты по плану войны, по системе сосредоточения и развертывания современных армий, то увидим, что Шлиффен стремится к осуществлению «стратегии уничтожения» («Vernichtungs-Strategie») не только посредством «двойного охвата» («Doppelte Umfassung»). В большинстве своих оперативных поездок и во-

енных игр Шлиффен берет за основание такой оперативно-стратегический замысел и его проработку, который бы приближал этот замысел к возможности скорейшего разгрома живой силы неприятельской армии. Он не проводит теорию сосредоточения главных ударных группировок на двух наступающих флангах, с крепким центром, так как считает, что для этого на большом театре военных действий у стратегии не хватит сил. Он стремится только к приближению к «Каннам» посредством организации лишь одного сильного фланга, куда и сосредоточивает огромное превосходство сил и средств.

Этот гигантский по силе фланг должен не только сразу же прорвать первоначальное расположение противника, но и дальнейшим движением вперед, обтекая и захлестывая главные силы неприятельской армии, загнать ее в огневую петлю и этой же петлей задушить, если она до этого не положит своего оружия. Все это достаточно ярко выражено в декабрьском варианте 1905 г. Шлиффена.

В основном оперативно-стратегическая теория Шлиффена базировалась именно на создании одного мощного фланга. Эта концепция вытекала из понимания им того факта, что окружить в масштабе театра военных действий целую неприятельскую армию данной страны такая гигантски трудная и имеющая столько препятствий на своем пути задача, что для осуществления её необходимо удачное сочетание всех трех вышеупомянутых тезисов. Мало того, нужен «поворотный пункт истории», понимая под этим такое благоприятное политико-экономическое и военно-техническое положение для одной из сторон, чтобы она получила возможность приступить к осуществлению этой гигантской оперативно-стратегической задачи.

При «Каннах» победитель был численно вдвое слабее побежденного. Но было бы смешно думать, что в XX веке можно выиграть большое сражение, окружить противника, когда последний жизнедеятелен, активен и имеет двойное превосходство в живых силах и технике. Такое «чудо» может совершиться лишь тогда, когда этот вдвое сильный противник совершенно разложен и потерял всякую способность к сопротивлению и, покорно опустив голову, заглушив свои моторы, убрав шашки в ножны, разрядив ружья, пулеметы и орудия, ждет, когда его армию возьмут в плен. Поистине такие чудеса бывают на «поворотных пунктах истории» и тот полководец, который будет беспечно ждать подобного положения, может его и не дождаться, а армию свою погубить. Это мы говорим потому, что, увлекаясь анализом событий при «Каннах», Шлиффен допустил наряду с рядом верных и интересных рассуждений целый ряд путаных, эклектических неверных установок, вкорне противоречащих современному военному искусству. Но нам думается, что Шлиффен сделал это не без задней мысли, о чем мы и будем говорить ниже. Шлиффен подошел к анализу «Канн» Ганнибала крайне своеобразно. Он очень красочно подал финал битвы при «Каннах» с определенной мыслью,

чтобы этот финал настолько покорил ум и сердце читателя, чтобы последний слепо последовал выводу на будущее, который сделал Шлиффен. Как известно, при «Каннах» 50-тысячная армия Ганнибала окружила и уничтожила 80 тысяч (по другим данным 100 тысяч) римлян под командой Эмилия Павла и Теренция Варрона. Это произошло две тысячи лет тому назад, т. е. настолько отдаленно от нашей эпохи, что восстановить действительное положение при «Каннах» дело весьма и весьма трудное. Каждый историк на «Каннах» фантазировал по-своему, пользуясь тем, что опровергнуть приводимые им соображения никому не удастся, так как ни Ганнибал, ни Варрон не оставили после себя хотя бы и приблизительного описания, что у них произошло на самом деле при «Каннах».

В числе таких историков оказался и Шлиффен. После разбора всего накопившегося малодоброкачественного материала по этому событию Шлиффен все же под конец своего описания битвы при «Каннах» решил твердо установить, что «массивный продолговатый четырехугольник римлян имел четыре фронта, он атаковался со всех сторон пехотой с короткими мечами и густой массой кавалерии, этот четырехугольник вынужден был остановиться; дротики, стрелы и камни из пращей летят без промаха в римскую пехоту. Римляне теснятся назад и оказываются все более и более сдавленными. Беспомощно, не имея возможности действовать оружием, они ожидают смерти. С сердцем, полным ненависти, разъезжает Ганнибал по полю кровавой работы, поощряя ревностных и стыдя бездеятельных. Только несколько часов спустя прекращают солдаты сечу. Устав от убийства, они берут в плен оставшихся три тысячи человек, остальные или были убиты, или в преследовании докончены».

Таково поэтическое описание финала «Канн» Шлиффеном. Далее следует такой вывод на будущее, который смело ставит на колени перед «Каннами» не только читателя, но то же самое делает с Клаузевицем и Наполеоном.

«Было дано сражение на уничтожение, — пишет далее Шлиффен, — и притом наперекор всем теориям победа была одержана меньшими силами. «Концентрические действия против неприятеля не годятся для слабейшего», — говорит Клаузевиц. «Слабейший не должен делать одновременно обход обоих флангов», — говорит Наполеон. — Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал в некоторой степени концентрически и обходил не только оба фланга, но одновременно заходил и с тыла».

Вот наглядный пример того, как большой ум оперирует логикой малого ребенка. Было бы странно, если бы мы поверили, что все это Шлиффен написал серьезно. Этого не могло случиться уже потому, что он, во-первых, был блестящим начальником генерального штаба; во-вторых, сам Шлиффен в своей практической работе и в своих оперативно-стратегических поучениях никогда и нигде не стремился доказать, что вдвое меньшими силами можно уничтожить неприятельскую армию. На

полевых поездках, на военных играх и в своих вариантах плана войны он всегда делал противоположное. Так в чем же дело? Для чего понадобилось Шлиффену эта бесподобная экскурсия в самые отдаленные дебри истории? Мы полагаем, что он рассуждал так: то, что я пишу о «Каннах» Ганнибала, проверить все равно никому не удастся. Но этот фокус дает мне в руки лишний шанс убедить моих современников, что «неприятельский фронт не является целью важнейшей атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, а нажим на фланги. Фланговая атака не должна коснуться только одной крайней точки на конечности фронта, а должна захватить в глубину все расположение противника. Законченным уничтожение может быть лишь после атаки неприятельского тыла. Для этого, в первую голову, привлекается конница. Коннице не требуется сразу атаковать «не расстроенную» пехоту, но она может, пользуясь дальнобойным оружием, нанести ущерб неприятельским массам». Так, очень умно, писал Шлиффен под конец изложения своей фантазии о битве при Каннах. История может привести не одну сотню фактов, когда крупнейшие политические и военные деятели буржуазии посредством выдуманных ими же деталей данного исторического явления пытались провести в жизнь свои определенные положения, которые они считали назревшими. Такое «мошенничество» мы можем иллюстрировать десятками примеров.

В этой же работе о «Каннах» Шлиффен пишет:

«За 2000 лет оружие и тактика боя совершенно изменились. Уже не идут врукопашную, с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи теперь — пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция». И затем вдруг такой вывод: «Но в основных чертах боевые условия остались без изменения. Бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена». В чем дело? Откуда это чудовищное противоречие? Исходит ли оно только из уверенности Шлиффена в теории «вечности и неизменности принципов военного искусства»? Да, это, конечно, играло свою немалую роль, но это еще не все, так как Шлиффен хорошо понимал, что раз изменилась техника, то изменились и боевые порядки, а поскольку изменились последние, то не могли не измениться приемы и способы управления войсками. Что это он хорошо понимал, мы наглядно увидим ниже. Основное заключается в том, что это утверждение Шлиффена, будто бы действуя точно так же как Ганнибал, можно выиграть большое сражение, целиком и полностью расходится с его конкретными делами (см. составленные им полевые поездки, военные игры и вариант развертывания 1905 г.). Этот знаменитый военный писатель в своем труде «Канны» пользовался фактами военной истории как фокусник предметами своего ремесла. И нельзя не признать, что такой своеобразный способ использования истории не увенчался для него успехом.

Но это случилось потому, что «Канны» он писал в период с 1908 по 1912 г., а практическим деятелем, руководителем германских вооруженных сил был с 1895 по 1906 г. В вынужденной отставке Шлиффен под конец своей жизни всемерно пытался посредством своей литературной работы укрепить в кругах армии те оперативно-стратегические идеи, которые пропагандировал и проводил в германском генеральном штабе в продолжении 15 лет. Выше мы говорили, как он смело поставил на колени Клаузевица и Наполеона перед своими выводами о сражении при «Каннах», точно так же он не церемонился с разбором войн Фридриха, Наполеона и Мольтке-старшего в своем труде «Канны». Письменная конкретная документация, оставшаяся от Наполеона и Мольтке-старшего его мало трогает. подчас он притягивает буквально за уши свою теорию фланговых ударов даже к тем отдельным операциям, которые вели Мольтке-старший и Наполеон и в которых они действовали совершенно иначе.

Этим самым Шлиффен хотел сказать: «Смотрите, раз великие полководцы Ганнибал, Фридрих, Наполеон, Мольтке действовали как при «Каннах», то, если мы хотим победить, мы должны брать с них пример». В этом отношении военный историк Шлиффен представляет собой совершенно исключительный и своеобразный тип исследователя, к военно-историческому материалу которого надо подходить осторожно, причем критический анализ необходимо вести, постоянно изучая ряд других трудов, которые описывают данное военно-историческое событие. Только такая перекрестная проверка материала может дать правильное представление о событии. Но все же мы не можем не констатировать факта, что как Мольтке-старший, так и Шлиффен, при наличии у них крупных оперативно-стратегических дарований, тщательно изучали военную историю и в свое время были лучшими ее знатоками. Ни у кого в таком обилии мы не наблюдаем сопоставление и цитирование исторических фактов, событий и цифр, как у Мольтке и Шлиффена. Они говорили своим офицерам генерального штаба:

«Перед каждым, намеревающимся сделаться полководцем, лежит великая книга, озаглавленная «Военная история». Чтение ее, надо сознаться, не всегда занимательно. Приходится преодолевать массу безвкусного материала. Но за ним открывается действительность, заставляющая подчас сердце биться сильнее; глубины же истории дают познание, как все было, как все могло бы быть и как будет в будущем».

Эти мысли и тот и другой очень твердо внушали своим ученикам и, надо сказать, небезуспешно. До мировой войны германская военно-историческая литература по своему количественному размаху и тщательно разработанному фактическому содержанию стояла на одном из первых мест. Это же место государственным архивом мировой войны (рейхсархив) удерживается и в послевоенный период. Конечно, для историков-марксистов здесь гигантское поле деятельности и непочатый край работы, так как ждать от буржуа-

зии действительно научного правдивого анализа исторических событий не приходится.

Итак, Шлиффен пришел к выводу, что современное большое сражение можно выиграть лишь посредством организации такого удара одним из мощных флангов стратегического фронта, чтобы после прорыва расположения противника из этого удара, к моменту уничтожающей битвы на поле сражения, образовалась оперативно-стратегическая петля, которая бы захлестывала в ловушку армию противника. Графически это может быть выражено таким образом, как это показано на схемах 2 и 4.

Эта теория наиболее конкретно обоснована личными разборами Шлиффена на его полевых поездках и военных играх, которые он организовывал для своего генерального штаба, и наиболее ярко выражена в декабрьском варианте плана войны 1905 г.

Сущность этой теории, её обоснование, способы проведения её в жизнь мы находим не только в военно-историческом труде Шлиффена «Канны», но также и в заново им отредактированном официальном наставлении для германской армии «Основные принципы высшего командования войсками», которое в свое время составил Мольтке-старший, затем в очень интересном и содержательном оперативно-стратегическом этюде «Будущая война» и, наконец, в небольшом очерке «Полководец». Две последние работы написаны вскоре после вынужденного выхода в отставку, которую очень тяжело морально переживал Шлиффен. Он хорошо знал Мольтке-младшего, который работал у него в генеральном штабе, как начальник оперативного управления (генерал-квартирмейстер). По словам Шлиффена, это был человек трудолюбивый, но обладавший лишь средними способностями техника-исполнителя, не имея полководческих способностей, а поэтому пост начальника генерального штаба ему был явно не по плечу.

Мы считаем необходимым коротко остановиться на этих работах Шлиффена.

Глава об управлении в «Основных принципах высшего командования войсками», начинается словами, которые показывают, что учение Клаузевица германским генеральным штабом в основном было воспринято не плохо. В параграфе 11 этого наставления говорится: «Цель войны — проведение политики оружием и завоевание мира на соответствующих этой политике условиях. Задача управления войсками — уничтожение вооруженных сил противника. Бой олицетворяет собой сильную волю и огромные средства, чтобы сломить сопротивляющуюся волю противника. Все остальные более или менее значительные действия являются лишь средством, чтобы создать такое положение, которое нашло бы развязку в решительном сражении».

Мы считаем, что этот параграф довольно правильно разрешает вопрос взаимозависимости политики и стратегии, так как он говорит, что политика фактически проникает во все дела войны. Кроме того, не плохо сформулирован вопрос, что завоевание мира на тех

условиях, которые бы отвечали политическим целям войны, может быть достигнуто лишь через решительный разгром вооруженных сил и средств неприятеля, так как, говоря иными словами, недорубленный лес опять вырастает. И если вооруженная сила неприятеля осталась существовать и остались тенденции к её новым пополнениям за счет еще неизрасходованных ресурсов страны, то война будет продолжаться и ни о каком тяжелом для противника мире не может быть и речи. Опыт мировой и нашей гражданской войны в основном подтверждает правильность этого вывода.

В параграфе 4 мы находим очень интересные положения, которые не потеряли своего смысла и для нашего времени.

«Управление большими войсковыми единицами не может быть полностью практически изучено в мирное время. Для этого приходится ограничиваться лишь изучением отдельных факторов и опытом прежних войн. Но прогресс техники, усовершенствованные пути сообщения, новое вооружение, короче, совершенно изменившаяся обстановка, часто делают неприменимыми в настоящее время как средства, которыми раньше велись войны и одерживались победы, так и установленные величайшими полководцами принципы».

Последние слова ясно говорят, что Шлиффен, редактируя этот параграф, не особенно-то верил, что «бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала», как это он писал в своих «Каннах», конечно, понимая план Ганнибала во всей совокупности событий и решений, которые в нем имелись. Ибо, раз совершенно изменилась обстановка, то планы с их давностью в две тысячи лет не могли ныне остаться неизменными. Новые события и обстановка вызывали и вызывают новые средства, новых людей и новые методы и способы управления; это достаточно понимал Шлиффен, ибо в противном случае он не пропитывал бы этими мыслями свои работы «Будущая война» и «Полководец», о которых мы будем говорить ниже.

В отношении организации маневров, полевых поездок и военных игр, которых при Шлиффене было проделано больше, чем за всю последнюю историю (до войны 1914—1918 гг.) всех генеральных штабов европейских армий, взятых вместе, наставление указывало, что, хотя все эти учения весьма полезны и необходимы командованию и войскам, так как лучше всего позволяют дать представление о действительной войне, все же они имеют целый ряд неизбежных условностей. Тяжесть ответственности начальников, существующая на войне, отсутствует, так как на этих учениях фактически не бывает ни победителей, ни побежденных. Вопросы решительного действия оружием заменены холостыми выстрелами. Громоздкость современной организации тыла также принимает условное, искусственное оформление и пр. Но все это, конечно, отнюдь не компрометирует этого общепринятого обучения армии в мирное время, без которого она превратится в отвлеченную схоластическую организацию.

Штат посредников впервые в широком размере был применен именно при Шлиффене. Работе посредников он приписывал исключительно важное значение. Он говорил, что они не только глаза и уши организатора учения, но и его самые ответственные и деятельные помощники.

«Принципы стратегии мало превосходят первоначальные понятия здравомыслящего человека», так начинается 5-й параграф наставления, дословно взятый из военных поучений Мольтке-старшего. Этим самым как бы подчеркивается, что ясность и простота решения и распоряжений на войне с обязательным постоянным учетом «меняющейся каждый момент боевой обстановки» необходимы для начальника, который всегда должен стремиться «простое и естественное решение с должной твердостью и предусмотрительностью осуществлять в жизни». Против «мандарината» и «богов» и «полубогов» генерального штаба с их мнимой непогрешимостью и оракульством направлена сущность этого параграфа.

«Война является искусством и как таковое опирается, конечно, на многие науки. Одни науки не создадут однако еще полководца. но там, где их ему недостает, они должны быть заменены знаниями других лиц». Против универсального диллетантизма и беспредметного всезнайства направлены эти мысли наставления. Требованием конкретных знаний, выдержки, четкости командного языка, ясности и точности формулировок оперативно-боевых распоряжений, с указанием, что «простое решение, последовательно проводимое в исполнение, вернее всего ведет к цели», требованием быстро решать вопросы, никогда не отдавать половинчатых туманных распоряжений, — всем этим и пропитано наставление.

Особенно сильно борется наставление с готовыми рецептами, схематизмом, с любителями геометризировать формы операций. Оно четко указывает, что «при разнообразной и быстро меняющейся обстановке на войне нельзя дать каких-либо сковывающих правил, а лишь основные принципы и общие отправные точки могут в этом отношении служить опорой. От схем надлежит отказаться.. тщательное изучение обстановки может дать верные пути для действий».

Наставление особенно подчеркивает значение в современной войне среднего и младшего начсостава. От их качеств зависит, чтобы оперативно-стратегические решения не оставались на бумаге, а были твердо проведены в жизнь.

«Сила армии покоится на командирах взводов, рот и батальонов, на коих устремлены все взоры», — говорит это наставление.

Разумная инициатива, опирающаяся на конкретные знания у командного состава, решает очень многое в современной войне. Наставление говорит:

«Там, где младшие начальники постоянно ожидают приказаний, никогда не будет использована благоприятная обстановка. Только право и готовность начальников всех степеней к самостоятельным

действиям дают возможность даже при тяжелых условиях двигать большие массы войск и действовать ими единодушно».

Нигде мы не найдем в официальной военной литературе германской армии (уставы, инструкции, наставления и пр.), чтобы «окружение» было возведено в непреложный принцип, в правило, которое только и обеспечивает достижение важнейшей цели всякой военной операции—уничтожения противника. Мало того, разбираемое наставление черным по белому подчеркивает, что хотя «окружение, а при особых условиях охват, может иметь последствием победы уничтожение противника, но добиться этой самой важной цели можно будет далеко не всегда». Этим самым как бы вносится разъяснение для тех, кто пытался германскую военную доктрину представить лишь как постоянное и слепое стремление её создателей к одному способу действий — «окружению» и только.

Но, основываясь на опыте последних войн перед Мировой войной 1914—1918 гг., наставление указывало, что «разбитый во фронтальном сражении противник почти всегда, спустя более или менее продолжительный промежуток времени, вновь появляется перед нами», а поэтому для того, чтобы добиться серьезных успехов и результатов, необходимо стремиться преградить противнику путь к отступлению через перехват и отрезание его сообщения с тылом. Хотя наступательными тенденциями наставление пропитано сверху донизу, но и обороне оно уделяет не малое место. Оно требует при оборонительных операциях не только отражать атаки, но и переходить к активным действиям. Для этого организации построения боевого расположения должно быть уделено большое внимание.

«Особенно надлежит при обороне эшелонировать войска в глубину, чтобы быть в состоянии встретить неприятельский охват». Хорошо укрытые и свежие резервы принесут при активной обороне огромную пользу, подчеркивает наставление.

Мы не можем здесь останавливаться подробно на всех отделах (разведка, марш, связь и пр.) наставления, но должны сказать, что, сравнивая его с подобными наставлениями или инструкциями других армий перед империалистической войной 1914—1918 гг., следует признать, что оно наиболее верно и полно отразило все то новое, с чем вступили европейские буржуазные армии в мировую войну. Во всяком случае, новый этап в развитии современного военного искусства наставление представило в достаточно развернутом виде. Оно подчеркнуло, что главная суть искусства управления войсками в бою заключается в правильном распределении боевых сил в соответствии с данными им задачами. Искусство выбрать главное направление для основного удара весьма велико. Тот, кто сумел это правильно сделать и сосредоточить сюда главную массу сил и средств, тот окажется на пути к успеху. Но, как увидим, ни в первый год мировой войны, ни в последний её год это искусство со стороны даже наиболее выдающихся полководцев 1914—1918 гг проявлено в должной мере не было.

Казалось бы, к 1918 г. накопилось уже по этому вопросу достаточно разнообразного опыта, а между прочим, даже вопреки благоприятно складывавшейся обстановке, сперва Людендорф, а потом Фош допустили наиболее тяжелые промахи и ошибки на этих решающих участках современного военного искусства. Но об этом мы будем говорить подробно в своем месте, а сейчас коротко остановимся на двух работах Шлиффена.

Шлиффен очень высоко расценивал полководческое искусство Наполеона и особенно его обычный прием, заключавшийся в том, что после определения неприятельского расположения Наполеон стремился обойти противника с фланга и принудить его к сражению с перевернутым фронтом. Фактически согласно этой идеи и построен план стратегического развертывания от 1905 г. Шлиффена, который форму маневра заимствовал из Ульмской операции Наполеона.

«Чтобы уничтожить противника, — говорит Шлиффен, — надо прежде всего знать, где он находится. Разузнать это обыкновенно удается, в особенности теперь, когда развертывание, в сущности, уже предопределено сетью железных дорог. Гораздо труднее выяснить, куда устремится противник из своего района развертывания».

Но в этом случае, полагал Шлиффен, целесообразная деятельность конницы, а также правильная разведка с воздуха (во время Шлиффена развитие авиации было еще в зачаточном состоянии, а поэтому он возлагал значительные надежды на работу воздушных шаров) должны помочь полководцу в принятии соответствующего своевременного решения.

Работы Шлиффена «Будущая война» и «Полководец» по своему идейному замыслу и конкретному содержанию стремятся приподнять завесу будущего с тем, чтобы определить характер решений и действий в предстоящей ближайшей войне.

Если у Мольтке-старшего, как мы видели выше, в его теоретических высказываниях были по вопросу взаимодействия политики и стратегии значительные расхождения с Клаузевицем, то таковых мы не находим у Шлиффена. Последний совершенно правильно пишет в своем «Полководце», что «война является лишь средством (инструментом) политики. Чтобы это средство оказалось действительным, нужна подготовительная работа государственного человека... полководец должен быть и выдающимся государственным человеком и дипломатом». Этим самым Шлиффен не только хотел показать себя более последовательным учеником Клаузевица, но также больно ударил по Вильгельму II, который для Шлиффена не являлся ни в какой мере «выдающимся государственным человеком», и Мольтке-младшему, к тому же, не обладавшему, по мнению Шлиффена, и полководческими способностями.

Таким образом, хочет сказать Шлиффен, политика и стратегия в Германии к 1908 г. находилась в руках людей, которые даже если бы и пожелали пойти по пути, указанному Клаузевицем, то не могли

этого сделать, так как качественно к этому не были подготовлены. Что касается Антанты, то по самой своей природе в ней, как полагал Шлиффен, заложена настолько сильная тенденция противоречий, что едва ли будет много пользы от её «внешнего сердечного согласия». Шлиффен прямо говорит, что в «коалиции государств, которая образовала Антанту, каждый отдельный член этой коалиции стремится спихнуть на другую львиную долю работы, но оставить за собой таковую при дележе».

Отсюда, по Шлиффену, следует, что для военной стратегии такое политико-стратегическое положение в обоих лагерях противников должно сильно осложнять вопросы принятия твердых стратегических и оперативных решений.

В своей работе 1909 года «Будущая война» Шлиффен прямо указывал, что оперативно-тактическое искусство под влиянием гигантского развития технических средств истребления «радикально изменилось». Сопоставляя технику вооружений в прежних войнах включительно до русско-японской войны 1904—1905 гг., Шлиффен настолько был этим увлечен и потрясен, что даже ошибочно выдвинул мысль, что дальнейшие усовершенствования в технике истребления вряд ли будут иметь место.

Опыт мировой войны воочию убеждает, что Шлиффен в этом вопросе допустил крупную ошибку.

Военная техника шагнула после 1914 г. значительно вперед, она выдвинула на арену борьбы боевую авиацию различных типов (разведывательную, истребительную, бомбардировочную, штурмовую), новое танковое и химическое оружие, еще более усовершенствовала артиллерию и связь, гигантски развила автомобильный транспорт

И когда читаешь фразу Шлиффена, в которой он говорит: «Беспрерывное стремление опередить друг друга дало, в конце концов, обеим сторонам оружие, едва ли доступное дальнейшему усовершенствованию», что в этом отношении «мыслимое достигнуто», то ставишь перед собой вопрос: если такой крупный военный деятель буржуазии не сумел предвидеть ни дальнейшего развития технических средств истребления, ни длительности войны, то как же обстояло дело с другими «богами» и «полубогами» генеральных штабов европейских армий?

Шлиффен как бы с особой радостью констатирует, что оперативно-тактическое искусство не могло не измениться, так как коренным образом изменились все его боевые элементы.

«Как орудия, так и ружья стали легкими и удобными в обращении [1]), быстро заряжающимися и скорострельными, дальнобойными

---

[1]) Читатель не должен подумать, что, рассуждая так, Шлиффен упустил из вида тяжелую артиллерию и пулеметы; он этого сделать не мог уже потому, что был самым активным проводником в германскую армию этих видов вооружения и фактически лишь при нем она стала ими оснащаться в должной степени.

и меткими. Бездымный порох не выдает ни стрелка ни орудий. Патрон минимального калибра и вида дает возможность возить с собой большое количество огнестрельных припасов и допускает использовать скорострельность. Как будто стало лишним повышать дальнейшие требования и ставить изобретателям новые задачи. Мыслимое достигнуто».

Далее он указывает, что стальной дождь повлек за собой изменение боевых порядков, так как какой же «мудрец» теперь рискнет на близкие расстояния обмениваться залпами, как это было в XVIII, XIX и в начале XX века, или строить для атаки квадратные наполеоновские колонны. Все это было бы сметено очень быстро с лица земли новым скорострельным и дальнобойным оружием.

Шлиффен приводит примеры того, что отставание в радикальном изменении боевых порядков всегда несло за собой ужасающие потери и дезорганизацию войск. Эта непредусмотрительность руководителей армии «уже при Марс-ля-Туре заставила прусский пехотный полк, атаковавший в сомкнутом строю, потерять в течение получаса от огня несовершенного и теперь устаревшего оружия 68% своих солдат. Три года тому назад японская бригада Намбу заплатила за свое смелое наступление в еще меньший промежуток времени 90% своего состава. В Южной Африке укрытый расположенный стрелок с легкостью поражал 14 человек на него наступающих».

Говоря так, Шлиффен требует радикального изменения боевых порядков.

«Пехота должна наступать не в сомкнутом строю, а в прерывчатом, считая примерно по 1 метру на человека, и не в нескольких густых следующих одна за другой линиях, но лишь в одну. Сзади идущие линии движутся не в слишком близком расстоянии... в передовые линии должны влиться резервы, постоянно следующие сзади». Далее Шлиффен требует тщательного применения к местности, перебежек, не забывая лопаты и пр.

«Продолжительны и утомительны будут наступательные бои от закрытия к закрытию, подползание к противнику, напряженность днем и ночью и постоянная готовность отбить контратаку».

По этим высказываниям Шлиффена германская армия действовала в мировой войне, и, развивая их дальше, она постоянно являлась в её процессе законодательницей в оперативно-тактическом искусстве. По ней равнялись все другие воюющие армии.

Далее Шлиффен ставит прогноз, что «поля сражений будущего примут и должны принять совершенно другое протяжение, чем нам это известно из прошлого. Армии, равные бывшим под Кенигрецом, Гравелотом и С.-Прива, займут пространство в четыре раза больше, чем тогда. Но что из себя представляют 220 000 человек, бывших под Кенигрецом и 186 000 человек под Гравелотом в сравнении с массами, которые выступят в будущей войне!». Шлиффен этим самым ориентировал читателя в 1909 г. на миллионные

армии будущего. В полном собрании сочинений Шлиффена у него есть небольшая статья, где он как раз и говорит об этих миллионных армиях, которые в предстоящей войне выставят воюющие коалиции.

Далее он высказывает интересную мысль, что так как скорострельное и дальнобойное оружие создано и для того, чтобы оно могло заменить много ружей, то вместо накопления за фронтом резервов, которые бездействуют, не лучше ли вместо них запастись большим количеством огнеприпасов. Читатель, верно, догадывается, куда этим самым клонит Шлиффен. Он постоянно бьет в одну точку, а именно:

«Войска, необходимые для обхода флангов, можно получить лишь соответствующим ослаблением войск, ведущих фронтальное наступление... Подвезенные сюда на грузовых автомобилях патроны составят лучшие и надежнейшие резервы. Все войска, находившиеся прежде позади и предназначенные для нанесения окончательного удара, должны быть теперь с места выдвинуты против фланга. Чем больше сил будет привлечено для флангового удара, тем решительнее он закончится».

Эта мысль преследовала Шлиффена неотступно в продолжении всей его жизни, она же вырвалась в последних его словах перед смертью: «усиливайте правый фланг».

Как видим, новая военная техника истребления, шагнувшая значительно вперед со времен наполеоновских войн и войн 1866 и 1870 гг., которые провел учитель Шлиффена Мольтке-старший, заставила его ученика Шлиффена высказать ряд новых положений по вопросам тактического искусства. Совершенно ясно, что новая военная техника, властно меняя формы боевых порядков и управления ими в тактике, тоже самое заставляла делать и в области оперативно-стратегического руководства и вождения войск на всем театре военных действий.

Миллионные армии потребовали новых методов и способов комплектования, мобилизации, сосредоточения и развертывания, чем то было во времена Наполеона и Мольтке-старшего, численность армий которых в отдельных операциях и кампаниях не превышала 180—200—300—500 тысяч. Все увеличивающаяся численность армий была учтена уже Мольтке-старшим, который на своем опыте кампании 1870—1871 гг. видел как война, начавшись 450—500 тысячами, закончилась призывом под знамена более чем миллионной армии (1 100 тысяч). Кроме того, появление у французов второго эшелона войск в виде армий Гамбетты указало Мольтке-старшему на тот факт, что разгромить одним молниеносным ударом современное большое государство дело весьма проблематичное и трудно осуществимое. И не случайно Мольтке в своих новых вариантах планов войны после 1870 г., а также в своем выступлении в рейхстаге в 1890 г., говоря о предстоящей новой войне, указывал, что «в борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена

в один или два похода, так чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу».

Этот тезис Мольтке-старшего все же не сумел понять его ученик Шлиффен, полагавший, что, молниеносно действуя по внутренним операционным линиям, он в несколько месяцев расправится с Францией, а затем с помощью железных дорог перебросит освободившиеся немецкие армии на восток против царской России, союзницы Франции. Шлиффен полагал, что посредством искусно проведенных операций против Франции он сократит продолжительность будущей войны, то же самое сделав с царской Россией, если она к моменту разгрома Франции сама не откажется от продолжения войны. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; в этом случае Шлиффен, пытавшийся продолжать и еще более углублять оставленный ему совет Мольтке-старшего, в вопросе длительности предстоящей войны допустил крупную ошибку.

Дальнобойное оружие, новые средства связи в виде телеграфа и телефона, дальнейшее быстрое развитие железнодорожного транспорта, все это, говорил Шлиффен, внесло новые коренные изменения в проблему стратегического развертывания. Он решительно пересматривает тот капитал, который ему оставили и Мольтке-старший и Вальдерзее в виде ряда вариантов плана войны. Шлиффен воочию убеждался в том факте, что Франция с каждым днем усиливалась экономически, в военном отношении, в деле дальнейшего совершенствования и роста укреплений по восточной ее границе. Он видел, что идея буланжистов об обратном отторжении Эльзас-Лотарингии все более укреплялась. Он видел, что мобилизация и сосредоточение французской армии почти сравнялись с германской: всилу всего этого Франция явилась для Шлиффена тем основным и главным врагом, с которым надо было расправляться быстро, решительно и в первую очередь.

«Кто желает сохранить все, не достигнет ничего», говорил Шлиффен, а поэтому в своем плане он готов был временно потерять и Восточную Пруссию и допустить успех французов в Эльзас-Лотарингии, если они туда двинутся. Шлиффен был уверен в том, что высокая подготовка германской армии и её частных начальников, правильное использование всех возможностей железнодорожного маневра и новых технических средств связи должны будут обеспечить успешные решительные действия и непрерывность управления операциями.

Чтобы избежать «гнусной крайности сосредоточения» и найти свободное пространство для широкого маневра, Шлиффен решает произвести стратегическое развертывание главных сил своей армии на участке Аахен—Мец, концентрируя основную массу войск к крайнему правому флангу своего стратегического фронта и оставляя незначительные силы на левом в Эльзас-Лотарингии.

Правый фланг, как молот, наносит первый удар по Бельгии и затем, выходя к северной границе Франции, пойдет или к Парижу

и в обход его, или будет сужен, смотря по обстановке, имея основную и главную цель найти живую силу французской армии, обойти её с фланга, заставить ее вести операцию с перевернутым фронтом и отрезанным тылом и истребить её живые силы через генеральное сражение.

В этой своей статье «Будущая война» Шлиффен анализирует укрепления, созданные в приграничной полосе Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, говоря совершенно откровенно и открыто о возможности и необходимости прохода через Бельгию или Швейцарию. Эта статья, как известно, была напечатана в январской книжке «Германское обозрение» 1909 г., а поэтому болтовня о том, что нарушение нейтралитета Бельгии явилось якобы неожиданностью для генеральных штабов Антанты, ясно не имеет под собой никакой реальной почвы, что подтверждает в этой статье и сам Шлиффен:

«Германия, — пишет он, — беспрестанно мечтает о победоносном вторжении в цветущие равнины Сены и Луары; это всеми принимается как нечто вполне определенное. Так как прямая дорога ей была закрыта, то считают, что она постарается обойти неприятную ей преграду через Швейцарию или Бельгию. Чтобы предупредить подобное наступление на свой правый фланг, Франция своевременно закрыла все проходы через Юру фортами (т. е. Бельфор, Туль и пр. В л. М.). Слева пришла ей на помощь Бельгия (т. е. укрепления Льежа и Намюра. В л. М.)».

Так писал Шлиффен за 5 лет до мировой войны в широко распространенном сборнике «Германское обозрение». Поэтому совершенно отпадает вопрос, что главное командование союзников было застигнуто врасплох, когда германские армии появились на территории Бельгии. Жоффр не рассчитывал, что германские армии так быстро пройдут Бельгию, он думал, что к моменту их подхода к северной границе Франции он уже сумеет иметь решительный успех в Эльзас-Лотарингии. Но Жоффр просчитался. Да к тому же его план войны за № 17 был слишком несовершенным, чтобы иметь шансы на первоначальный успех. В отношении Бельгии французский генерал Виктор-Мишель оказался более стратегически прозорливым, чем до 1914 г. Жоффр и Фош.

В этой же работе Шлиффен еще раз подчеркивал, что обширные поля сражения должны внести коренные изменения в методы управления войсками. «Ни на одной из высот не появится новый Наполеон, окруженный свитой. Его белый конь сделался бы легкой целью многочисленных дальнобойных батарей. Полководец находится далеко сзади, в доме с обширным штабом, куда проведены проволочный и искровой телеграф и телефон, где всегда готово для дальних поездок множество автомобилей. Там, на удобном стуле за большим столом, сидит современный Александр, имея перед собой карту всего поля сражения (или театра военных действий), откуда он передает по телефону свои распоряжения и получает донесения от командармов и комкоров и с привязных и управляемых

воздушных постов, наблюдающих вдоль всего фронта за передвижением противника» [1]).

Читатель не должен подумать, что содержание этой фразы Шлиффена направлено против личного общения главнокомандующего с частными начальниками. Напротив, Шлиффен как раз усиленно пропагандировал необходимость личного общения между главнокомандующим и командующими группой армий и отдельными армиями. В приведенной выкладке Шлиффен хочет показать, что современный полководец управляет не только через ординарцев, как это делал Наполеон здесь же на поле решительного сражения, но он должен научиться целесообразно управлять, используя новые технические средства связи.

Шлиффеновские методы управления и руководства войсками не допускали, чтобы к моменту завязки крупной операции и сражения полководец находился в таком удалении от огневой линии, чтобы он терял постоянную связь с войсками (например, как это случилось с Мольтке-младшим, который сидел в Люксембурге без связи с армиями правого фланга, в то время как решительные бои шли южнее Марны).

Наряду с основными и решающими обстоятельствами (резкое расхождение с группой Вильгельма—Тирпитца—Круппа по вопросам морского строительства и колониальной политики, а также по вопросам Эльзас-Лотарингии, Восточной Пруссии, которые Шлиффен был готов без обороны оставить противнику для того, чтобы за их счет получить дополнительные силы на правый фланг, см. главы II и III), благодаря которым Шлиффен был довольно неожиданно для него уволен в отставку, имели место и побочные, в виде резкого личного антагонизма, который был между Шлиффеном и Вильгельмом II.

Последний считал себя и делал все, чтобы и все окружающие считали его, как пишет Эмиль Людвиг, «великим полководцем», полагая, что в будущей войне это подтвердится целиком и полностью. Он часто говорил в кругу своих приближенных, что «Фридрих Великий с укором смотрит на него с неба, что он свою власть полководца делит с другими», намекая тем самым прямо на Шлиффена.

Вскоре Вильгельм поступил со Шлиффеном так же как с Бисмарком. И когда в 1908 г. Шлиффен напечатал в военной энциклопедии Альтена свою статью «Полководец», то Вильгельм открыто сказал, что этот памфлет обиженного старца направлен против него. Но если бы Вильгельм и промолчал, то и без этого все ясно понимали куда бьет Шлиффен, так как эта полная острого сарказма статья неприкрыто издевается над Вильгельмом II и Мольтке-младшим, которые встали во главе вооруженных сил германской армии, не имея никаких для этого данных.

---

[1]) Эти мысли в более сухих и конкретных формулировках нашли свое место в 17-м параграфе немецкого наставления «Основные принципы высшего командования войсками».

«Полководцем нельзя быть назначенным, полководцем надо родиться и быть предопределенным», пишет Шлиффен.

И далее:

«Но если начинающий свою карьеру полководец полагается единственно на свое божественное предназначение, на свой гений, на поддержку и покровительство высшей силы, то его победа будет плохо обеспечена. Напряженной работой подготовляется полководец к своему высокому признанию, его духовные и умственные силы должны возвыситься до полной ясности».

Так бичевал Шлиффен своего коронованного владыку! Но если, возможно, для Шлиффена этим самым достигалось облегчение в его моральных переживаниях, когда он был не у дел, то фактическая сторона дела от этого не менялась. Вильгельм и Мольтке-младший продолжали стоять во главе дела и из года в год постепенно видоизменять то оперативно-стратегическое наследство, которое оставил им Шлиффен.

Развивая военные поучения Мольтке-старшего о полководческом искусстве, соглашаясь с ним, что современный полководец не должен сторониться методов коллективной работы, Шлиффен все же указал, что если «в 1866 и 1870 гг. полководец был представлен в виде триумвирата (Вильгельм, Бисмарк, Мольтке-старший) и этот опыт удался, то это вовсе не значит, что ему всегда надлежит удаться»[1]).

Шлиффен оказался прав — дуумвират (Вильгельм II и Мольтке-младший) в сентябре 1914 г. принес германской армии Марнскую катастрофу. Лишь после этого Вильгельм II отошел в сторону от оперативно-стратегических вопросов, передав это дело в руки Фалькенгайна, а затем Гинденбурга и Людендорфа.

В заключение Шлиффен выдвинул следующее требование:

«Задачей полководца является уничтожить или полностью сокрушить даже более сильного противника, о котором он не знает, где он находится, куда направляется и что намеревается предпринять; чтобы достигнуть этой цели, полководец должен упорно преследовать избранный им путь, энергично преодолевая все встречающиеся затруднения, быстро находя выход при неожиданностях, до крайности развивая достигнутый успех и мужественно претерпевая удары судьбы... Но как много знаний требуется от полководца? Он должен не только уметь привести войско к победе, он должен его создать, вооружить, снарядить, обучить, обмундировать и прокормить. Возможно, конечно, что найдутся и другие лица, которые

---

[1]) Последние подчеркнутые слова редакцией труда «Стратегия в трудах военных классиков» смазаны, так как редактор изо всех сил стремился, во-первых, приписать Шлиффену, что он был за теорию об «Интегральном полководце», во-вторых, изобразить его как пропагандиста идеи «полководческого коллектива», в котором сам «полководец разложен на некий комитет или совет». Конечно Шлиффен, работая над статьей о «Полководце», был далек от этой эклектической мешанины, которую пытается ему навязать редакция вышеуказанного сборника.

возьмут на себя эти задачи, но едва ли им удастся полностью угодить полководцу».

Таковы интересные мысли, оставленные Шлиффеном, которому, как мы знаем, не пришлось принять участия в Мировой войне 1914—1918 гг., так как он умер за один год до нее.

Те, которые пытаются установить, что шлиффеновская теория о «полководческом искусстве» представляет собой обоснование ныне установленной для СССР организации высшего военного управления [1]), не только очень плохо разобрались в этой шлиффеновской теории, но и ничего не поняли в вопросах организации верховного руководства войной, которое было в Советской республике и Красной армии в годы гражданской войны 1917—1922 г. и в послевоенные годы.

Никакая заумная теория о так называемом «интегральном полководце», который якобы имел и имеет место в строительстве красных вооруженных сил, конечно, не может разубедить в том, что Шлиффен, трактуя несколько по-новому роль полководца в современной войне, все же в основном остался на старых идеалистических позициях, на позициях формальной логики. Но, конечно, мы не можем оставить без всякого внимания те интересные и подчас очень ценные мысли, которые высказал Шлиффен, будучи сам выдающимся полководцем буржуазии.

Если Шлиффен и ненавидел искренно Вильгельма II, то эта ненависть об'яснялась у него исключительно тем, что он чувствовал всю невыгодность этого руководства для германского империализма, чувствовал, что господствующий капиталистический класс, интересы которого крепко защищали и Мольтке-старший и Шлиффен, от этого понесет значительный ущерб. Все это очень тяжело переживалось Шлиффеном, который был твердо убежденным и идейным сыном германской монархии. Он не мог спокойно наблюдать, как наносятся удары тому капиталистическому зданию, которое он так ревностно оберегал с помощью германских вооруженных сил, создававшихся им на протяжении всей его жизни.

На этом мы считаем возможным закончить наш краткий анализ жизненной деятельности и творческой работы Мольтке-старшего и Шлиффена, этих двух крупных военных представителей капиталистической Германии. На протяжении нашего труда мы еще не раз к ним будем возвращаться. Итак Шлиффен, как мы видели, разошелся со своим учителем Мольтке-старшим по двум основным вопросам: по вопросу взаимодействия политики и военной стратегии, идя в этом случае по пути Клаузевица и по вопросу о длительности предстоящей мировой войны. В последнем случае Шлиффен делал все, чтобы сжать сроки продолжительности будущей войны. Но он подошел к этому кардинальному вопросу односторон-

---

[1]) См. «Стратегия в трудах военных классиков», под редакцией А. Свечина, том I, стр. 343.

не, как военный специалист, не вскрыв всю политико-экономическую и народно-хозяйственную сторону современных крупных капиталистических государств, очень мощных и гибких в отношении возможности длительной обороны страны. Хотя он и исходил именно из политико-экономической необходимости стремиться быстрее закончить раз начавшуюся войну, но этот подход был формальным и односторонним.

Он говорил, что «после нескольких десятков лет германо-французского соревнования, усовершенствования техники привели к тому, что почти все армии не только Европы, но и дальнего Востока и Запада владеют довольно равноценным оружием. Но распространяя свои драгоценные дары равномерно и справедливо между всеми, военная техника на всех наложила большие тягости и всем принесла громадные убытки. Не трудно было указать, как следовало поражать и уничтожать противника этим усовершенствованным оружием. Но как одновременно избежать собственного уничтожения, составило нелегко разрешимую задачу» («Будущая война»).

Но говоря так, Шлиффен не вскрыл основное, а именно, насколько германский капитализм и империализм в самые последние годы перед мировой войной (1909—1913) обогнал Францию и Англию как своих наиболее вероятных противников и соперников в отдельности, и в каком соотношении сил и средств окажутся Германия и Австро-Венгрия с мощной коалицией Англии, Франции, Италии и царской России. Шлиффен искал путей, чтобы «избежать собственного уничтожения» через молниеносную и стремительно-наступательную войну по методам наполеоновской стратегии, т. е. сперва броситься и разгромить одного противника (французская армия), а затем перебросить освободившиеся силы на другого (русский фронт). Но Шлиффен сделал просчет в основном — в политико-экономической мощи сопротивления таких капиталистических государств его времени, как Англия, Франция, Италия, не учтя и того, что первая из них являлась главным врагом Германии (см. главу V).

Германская армия могла и захватить Париж, и разгромить почти целиком полевую армию союзников в сентябре 1914 г., но никто в этом месяце не думал бы о заключении мира. Коалиция Антанты была слишком могущественна, она выставила бы новые и новые силы, как это и делала, и кровавое соревнование продолжалось бы дальше. Конечно, если бы Германия сумела в 1914 г. нанести такой удар по всем жизненным артериям Антанты, который был бы равноценен истощению самой Германии к середине 1918 г., вопрос стоял бы иначе, но эта гипотеза для того времени была бы явно несостоятельной. Этим и об'ясняется, что остался только на бумаге написанный Шлиффеном для германской армии параграф 8 официального наставления «Основные принципы высшего командования войсками», где говорилось:

«Характер современного ведения войны отличается стремлением к более полному и быстрому решению: призыв всех способных носить оружие, массы современных вооруженных сил, трудности продовольствия их, расходы, сопряженные с военным положением, перерыв в торговле и сношениях, промышленности и земледелии и при этом готовая к бою организация армии и быстрота, с которой она сосредоточивается, все это заставляет б ы с т р о кончить войну».

В этом случае победила не точка зрения Альфреда Шлиффена и других генеральных штабов капиталистических армий, которые также уверовали в сущность содержания этого параграфа, а гениальный и всесторонний прогноз Фридриха Энгельса, данный им за 37 лет до начала Мировой империалистической войны 1914—1918 гг., о чем мы писали в введении данного труда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА VII

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ 1914—1918 гг.

Ниже мы попытаемся вскрыть и проанализировать методы и приемы стратегического развертывания в августе 1914 г. и в последний период мировой войны, в её заключительном 1918 г.

1918 г., в течение которого были введены в боевые действия огромные по своей численности живые силы и гигантская техника истребления, крайне показателен в том отношении, что он является как бы закономерным прологом дальнейшего развития современной боевой техники, потребовавшей изменения боевых порядков и управления ими; на фоне этого года становится ясным и то изменение в системе обороны, которое мы наблюдаем в мировую войну и в настоящее время. Мы увидим, как железный пояс Серре-де-Ривьера перерос в укрепленные полосы Вотана—Зигфрида—Германа—Гундинга—Брунгильда, а последние уже после войны в ту систему пограничных оборонительных полос Бельгии—Франции, которые не могут не заставить франко-бельгийское командование в предстоящей новой войне применить иные методы в стратегическом развертывании своих армий. Если к настоящему времени мы имеем достаточно богатый, но не синтезированный фактический материал, так сказать, голую историю вопроса, о планах войны и развертывании армий, то нет у нас трудов по планам стратегического развертывания, которые обобщили бы этот богатейший опыт империалистической войны и сделали бы соответствующие из него выводы. А это было бы крайне полезно уже потому, что методы, способы и приемы, которые применялись в вопросе стратегического развертывания в империалистическую войну 1914—1918 гг., к настоящему времени резко изменились. Теперь в предстоящей большой войне нельзя уже будет сосредоточить и развертывать силы и средства точно так же, как это делалось в 1914—1918 гг. Состояние и дальнейшее развитие технических средств борьбы требует новых методов и приемов для производства стратегического развертывания.

Анализ богатейшего опыта войн последних двух десятилетий в достаточно полном виде дает представление о том, «как было и почему именно так было». Внимательное изучение современного военного дела и современных средств борьбы в свете опыта недавнего

прошлого может дать ценнейшие указания на то «как будет и почему должно быть именно так».

Проблема стратегического развертывания в предстоящей большой войне крайне усложнилась по сравнению с проблемой развертывания сил и средств в мировой войне и поднялась в последние два десятилетия на неизмеримо высшую ступень. Вот почему подведение итогов опыта мировой и гражданской войны является совершенно необходимым этапом, для того чтобы конкретно говорить о современной высшей стадии в развитии этой проблемы, когда стратегическое развертывание и стратегический маневр, опираясь на новых людей, новую политико-экономическую обстановку и военно-техническую базу и её правильно используя, может дать невиданные до сих пор образцы подвижности и гибкости. Конечно, надо добиться, чтобы это искусство в первую голову принадлежало новому восходящему классу — пролетариату, который во всемирно-исторической борьбе с капиталистической буржуазией будет окончательным победителем.

Ниже нам придется опять встретиться с целым рядом личностей, которые, занимая высокие посты в правительстве и армии, играли выдающуюся роль в событиях первого года мировой войны. Мы должны помнить, что планы войны и планы стратегического развертывания армий создавались и создаются генеральными штабами во главе с их начальниками. Последние, хотя и не играли доминирующей и решающей роли в исторических событиях военного порядка, но они всегда были тесно связаны с этими событиями, а поэтому нельзя игнорировать их работу, их практическую и теоретическую деятельность, их принадлежность к тому или иному господствующему классу данного государства.

Отвечая на вопрос немецкого писателя Эмиля Людвига о значении личности в истории, тов. Сталин в популярной форме не только раз'яснил, что марксизм и ленинизм не отрицают определенной роли крупной личности в исторических событиях, но и указал, что, ведь, люди делают историю. Маркс очень ярко говорит об этом: «Не история, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется». «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком, как средством для достижения своих целей. История нечто иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [1]).

Развивая это положение Маркса, Ленин писал: «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» [2]).

Нам предстоит показать на политических и оперативно-стратегических примерах ту значительную роль, которую играет личность в вопросах подготовки и организации вооруженных сил данного

---

[1]) Маркс и Энгельс. Собрание сочинений, т. III, стр. 118.
[2]) Ленин, т. IV, стр. 58 (подчеркнуто нами. Вл. М.).

государства и какие последствия могут быть после того, когда данная личность, как организатор определенного коллектива, утверждает и санкционирует для проведения в жизнь тот или иной план войны, план стратегического развертывания, которые не могут не иметь огромного государственного значения.

Перед нами две личности — Жоффр и Мольтке-младший (о Сухомлинове, Ю. Данилове, Янушкевиче и Конраде, под руководством которых разрабатывались планы стратегического развертывания русских и австро-венгерских сил, мы будем говорить позже), как создатели планов войны, по которым развернулись вооруженные силы Франции и Германии в августе 1914 г. Каждый из них получил богатое оперативно-стратегическое наследство от своих предшественников, бывших начальников генеральных штабов.

Перед Жоффром лежали планы войны №№ 13, 14, 15, 16, а также знаменитый план стратегического развертывания французских вооруженных сил, составленный ген. Виктор-Констан-Мишелем.

Перед ген. Мольтке — богатое оперативно-стратегическое наследство от его дяди Мольтке-старшего (варианты войны на два фронта против Франции и России и пр.), Вальдерзее (варианты развертывания против России), и, наконец, как синтез предшествующей многолетней работы коллектива Большого германского генерального штаба, — планы развертывания Шлиффена.

Кроме того, каждого из них (т. е. Мольтке-младшего и Жоффра) окружала новая политическая обстановка, новое экономическое и хозяйственное положение страны, новое состояние технических средств борьбы, новые данные об организации вооруженных сил вероятных противников и т. д. и пр., другими словами, были новые данные, которые требовали теоретического обобщения и нахождения новых путей для разрешения стратегических и тактических задач, диктуемых изменившимися обстоятельствами и дальнейшим развитием буржуазной теории. Но так не было в данном случае на практике: конкретное содержание планов войны, составленных Жоффром и Мольтке-младшим, говорит о несколько ином.

Если нельзя сказать, что Жоффр и Мольтке являются главными и основными фигурами во всех событиях июля и августа 1914 г., то будет все же правильно и справедливо указать, что планы стратегического развертывания в августе 1914 г. были их прямым детищем. Они создавали их, под их непосредственным руководством вносились в эти планы соответствующие оперативно-стратегические и военно-технические изменения, по этим планам с первых дней мобилизации французские и немецкие армии стали сосредоточиваться в тех районах, которые для них были установлены.

Только так и можно рассматривать и расценивать это, имеющее большое принципиальное значение событие, благодаря которому факты в жизни стали осуществляться именно в данном направлении, а не в ином. Само собой ясно, что эти планы являлись прямым выражением той политико-экономической обстановки, в которой они разрабатывались и о которой мы говорили выше.

ГЛАВА VIII

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ПЛАНУ № 17 И ПО ГЕРМАНСКОМУ ПЛАНУ ОТ 1913—1914 гг.

В своей работе «Подготовка войны и ведение операций», на стр. 6, начальник французского генерального штаба ген. Жоффр (бывший во время войны верховным главнокомандующим французских армий) пишет:

«В плане № 17 центр тяжести сил северо-восточного театра был перенесен значительно севернее, чем в предыдущих планах, из-за все более и более вероятного нарушения бельгийского нейтралитета германскими силами. Я могу добавить что до плана № 16 сосредоточение происходило к югу от Вердена. В плане № 16 поднялись немного севернее и в плане № 17 пошли еще гораздо севернее». Это правильно. В четырех армиях, расположенных в первой линии между Бельфором и Гирсоном[1]), по этому плану должно было сосредоточиться 18 армейских корпусов и 8 резервных дивизий и во второй линии еще одна армия из 3 армейских корпусов в районе С.-Дизье и Бар-ле-Дюк. Дальше Жоффр пишет:

«С конца марта 1914 г. главной квартирой был выработан план добывания сведений для северо-восточной группы армий, дабы точно установить те сведения, которые являлись необходимыми и средства их получения. В этом плане было обращено особенное внимание на очень вероятную возможность нарушения неприкосновенности бельгийской территории германскими силами и предусматривались меры, которые необходимо принять, чтобы в случае, если это произойдет, следить шаг за шагом за развитием и об'емом этого нарушения».

Мы намеренно подчеркнули в этих выкладках ряд мыслей Жоффра, которые со всей ясностью говорят, что французский генеральный штаб вместо активного наступательного образа действий за захват инициативы будет действовать оборонительно, подчиняя свою оперативно-стратегическую мысль и творчество замыслу противни-

[1]) В плане развертывания № 14 Бонналя — южнее Вердена, в плане № 15— то же, в плане № 16 уже несколько севернее Вердена, в № 16 (бис) — у Мезьера.

ка. Этот замысел к марту 1914 г. Жоффру был хорошо известен, хотя бы из купленной в 1909 г. «полевой поездки 1905 г. Шлиффена», в которой проверялся и прорабатывался план стратегического развертывания германских армий на 1905—1906 гг.[1]), и из целого ряда других данных (военная литература, разведывательные данные, донесения военных атташе и пр.) и несмотря на все это, основные идеи (выжидательные) планов развертывания №№ 14 и 15 продолжают иметь крепкое место и в новом плане № 17.

Французская военная литература, особенно периода 1903—1914 гг., включая и официальные наставления и уставы, в основном требовала на стремительную, глубокую, наступательную доктрину германской армии ответить быстрыми и решительными контрмероприятиями и именно ранее того, чем немцы вторгнутся в пределы Франции[2]). Иначе говоря, с момента об'явления войны вопрос быстрого ввода французских войск в Люксембург и Бельгию ставился прямо и открыто в военной печати[3]). Между прочим, это обстоятельство давало повод Шлиффену, как мы видели в главе первой, на своих полевых поездках и военных играх заявлять, что французы первыми нарушат нейтралитет Бельгии, с тем чтобы ударить по флангу германских армий, наступающих к восточной границе Франции. Были и такие произведения, которые ориентировали читателя на оборонительный способ действий с широким развитием борьбы войсками прикрытия (1-й, 6-й, 20-й, 7-й корпуса[4]), и войсками гарнизонов укрепленных районов (Туль, Эпиналь, Бельфор, Верден и др.), чтобы, возможно, проиграть часть территории, но зато выиграть время. Выигрыш времени нужен был для того, чтобы окончательно распознать, куда бросает главные силы противник, для того чтобы сосредоточить и в благоприятных условиях развернуть свои армии и затем совместно с прибывшей английской армией и африканскими войсками перейти к решительным действиям. Такой образ действий «маневрирования из глубины» проповедывали все последователи Бонналя.

С каждым новым днем в дальнейшем развитии железных дорог писатели, считавшие, что «лучше выждать, когда обстановка выяснится и действовать наверняка», старались убедить, что широкое маневрирование по железным дорогам восполнит сторицей время, потерянное «на выжидание», и даст возможность «разумно, правильно и выгодно» создать основную стратегическую группировку для мощного контрудара. Между прочим, как видно из работы ген. Фоша («Ведение войны. Маневр для боя»), Фош не

---

[1]) Об этом см. указание б. начальника 2-го бюро французского генерального штаба ген. Дюпона в его книге «Высшее германское командование», с предисловием Жоффра, стр. 12.

[2]) См. об этом подробно главу XVIII «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа».

[3]) См. работы Буше, Местро, Бюа, Мордака, Ланглуа и Лакруа, Фалькенгаузена, Бернгарди, Бриальмона, Дюкарна и др.

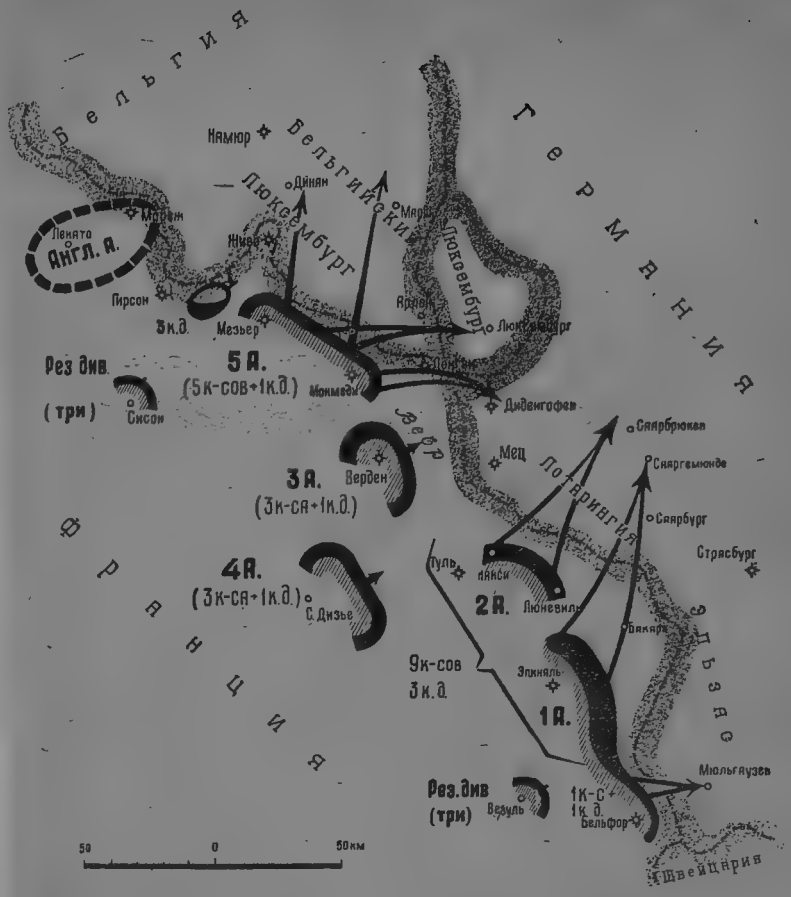
[4]) Схема 7.

только очень мало верил, что немцы поведут свой главный удар через Бельгию, но и питал огромную надежду, что скученное сосредоточение в кулаке французских армий п р о т и в Эльзас-Лотарингии, опираясь на большое количество железнодорожных узлов в этом районе и широко развитую железнодорожную сеть, создаст возможность для маневра из глубины в нужном по обстановке направлении (см. подробнее главу IX). В основном же побеждала мысль, что крепкий удар в Эльзас-Лотарингию по левому флангу немцев не только вернет потерянное в 1870 г., но и поставит в исключительно тяжелое положение германские армии, если они будут главными силами наступать севернее Меца через Люксембург—Бельгию. Французская армия громит левый фланг германцев и выходит в глубокий тыл их наступающим армиям севернее Меца — фактически эта гипотеза была господствующей. Между прочим, она нашла свое выражение в директиве № 1 к плану № 17, говорящей о замысле стратегического развертывания у французского генерального штаба. Графически этот оперативно-стратегический замысел по директиве № 1 выражен на черт. 10 (стр. 189).

Иначе говоря, план № 17 на 12-й день мобилизации развертывает 5 армий на фронте Мезьер—Бельфор, причем наибольший сгусток сил концентрирует на правом фланге (9 + 1 = 10 корпусов и 3 + 1 = 4 кавдивизии). На 4-й день мобилизации из 1-й армии выделяется один корпус и одна кавдивизия для наступления в Эльзас.

Задачи 1-й и 2-й армий после развертывания на линии Нанси—Люневиль—Бакара — наступать в Лотарингию на Саарбрюкен—Сааргемюнде. 5-я армия развертывается на линии Мезьер—Монмеди с двойной задачей: если германцы будут наступать в Бельгию, то 5-я армия и кавалерия (3 кавдивизии), образуя отдельный кавалерийский корпус, группируя резервы к своему левому флангу, вторгается в бельгийский Люксембург; если этого не будет, то корпуса 5-й армии наступают на Люксембург—Диденгофен. 3-я армия служит связующим звеном между наступающими двумя группами (5-я армия плюс кавалерия и 1-я и 2-я армии); задачей ей ставилась в основном оборона района Вевр со стороны Меца и Диденгофена. В случае же особо благоприятных условий 3-я армия могла перейти в наступление с целью обложения района крепости Мец. 4-я армия развертывается во второй линии; её задача заключается в том, чтобы, смотря по обстановке, быть готовой поддержать и первую и вторую наступающие группы, в случае же выдвижения 5-й армии в направлении Динана, 4-я армия должна наступать на Арлон, развернувшись в промежутке между 5-й и 3-й армиями.

В отношении английской армии в особом приложении к плану № 17 под заголовком «армия W» было сказано, что англичане в составе 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий после высадки во Францию сосредоточатся на левом фланге французской армии в районе Ле-Като—Мобеж. Кроме того, было подчеркнуто, что ввод французских войск в Бельгию может быть осуществлен лишь с пря-



Черт. 10. Наступательный замысел по французскому плану развертывания № 17.

мого указания французского главкома; в его же распоряжении остаются все резервные дивизии, африканские колониальные войска и корпуса, оставленные на итальянской границе. Необходимо иметь ввиду, что эти оперативно-стратегические идеи, заложенные в план № 17 Жоффра, имели тесную связь с работами царского генерального штаба по плану стратегического развертывания русских армий против Германии и Австро-Венгрии.

Связь в стратегической работе между французским и царским генеральными штабами стала особенно тесной в последние годы перед мировой войной, когда наблюдались почти ежегодные посещения и совместные совещания начальников главного и генераль-

ного штабов генералов царской армии Сахарова, Палицина, Гернгросса и Жилинского с начальниками генеральных штабов французской армии ген. Деляном, Пендзеком, Брэном, Ладеба, Дюбайлем, Жоффром. Основным вопросом, постоянно стоявшим на повестке дня, был вопрос отвлечения как можно больше германских сил с западного (французского) фронта на восточный (русский), чтобы тем самым облегчить положение Франции, которая должна будет принять первый главный удар со стороны немцев. Царская армия по военно-политической конвенции с Францией обязалась всемерно помочь последней путем организации мощного удара по Восточной Пруссии. Когда царская армия окрепла после неудачной для нее русско-японской войны, французский генеральный штаб стал очень активно и настойчиво требовать обязательства царской России выставить против Германии на 15-й день мобилизации до 800 000 человек, начав тотчас же наступление в пределы Восточной Пруссии и тем самым отвлекая внимание и силы главного германского командования с запада на восток (см. об этом главу X). Н. Валентинов в своей работе «Военные соглашения России с иностранными государствами до войны» указывает, что на совещании в 1910 г. французы говорили царскому генеральному штабу: «Вы не можете себе вообразить, какое впечатление произведет у нас известие, что русская армия перешла в наступление и что первая английская рота высадилась в Кале». После русско-японской войны и революции 1905 г. Франция обильно финансировала царское правительство, требуя за свои займы через Дюбайля и Жоффра постройки стратегических дорог на границе с Восточной Пруссией, соответствующих мер по ускорению мобилизации и быстрейшего сосредоточения к 15-му дню против Германии такого количества войск, которое царская Россия, благодаря своим огромным пространствам и слабо развитой железнодорожной сети, явно не могла сосредоточить. Но об этом подробно будем говорить в главах X—XIV нашего труда.

Хотя в предвоенной литературе и обсуждался план взаимодействия между армиями Бельгии, Франции и Англии, по которому бельгийцы развертываются на Маасе между Льежем и Намюром, англичане в районе Льежа, а французы протягивают свой левый фланг до района Намюра, но, как показали августовские дни 1914 г., четко выработанного плана взаимодействия между этими армиями не было.

Бельгийцы, получив первый удар, были очень скоро отброшены к Антверпену, англичане не имели большого намерения действовать в тесной связи с французами, и потребовалось не мало усилий, чтобы убедить их на согласованные действия.

Во всяком случае и в Бельгии, и на северной границе Франции правофланговые германские армии били эти армии союзников по частям. Выше мы видели, что хотя у французов и было желание 5-й армией наступать в бельгийский Люксембург (направление Динан—Марш), но одновременно она должна была быть готовой наступать в направлении Люксембург—Диденгофен, е с л и н е м ц ы

не пойдут главными силами в Бельгию. Вот эта концепция и нашла свое отражение в основной директиве плана № 17, где были сказаны исключительно важные слова, в которых мы видим зерна, посеянные трудами Бонналя, Фоша и их школой. Эта директива к плану № 17, говорящая о сосредоточении французских армий в районы стратегического развертывания, почему-то очень часто упускается военными историками. В ней говорилось:

«Из собранных сведений и предшествующего сравнительного исследования (анализа) вытекает, что большая часть германских сил будет вероятно сосредоточена на общей границе. Возможно, что в некоторых пунктах они перейдут границу раньше, чем может произойти наше общее наступление в пределах Германии» (подчеркнуто нами. Вл. М [1]).

Как видим, коротко, но крайне показательно. О чем же говорит этот политический и оперативно-стратегический прогноз французского генерального штаба? А о том, что главные силы германской армии развертываются на восточной границе Франции, южнее меридиана Лонгви—Диденгофен, т. е. там, где начинается «общая граница» между Германией и Францией. А поскольку это так, то и французские армии будут развертываться своей главной массой против Эльзас-Лотарингии, т. е. на той же линии, на которой должны были развертываться согласно разобранные нами французским планам войны №№ 14, 15 [2]).

Кроме того, эта директива к плану войны № 17 совершенно игнорирует тот огромный материал о бельгийском театре военных действий, который хранился в папках первого, второго и третьего бюро французского генерального штаба и которым, как мы видели, так неплохо уже в 1911 г. воспользовался генерал Виктор-Мишель, больше поверивший сведениям о полевой поездке Шлиффена 1905 г., приобретенным французами в 1909 г. [3]).

К моменту утверждения плана № 17 (20 мая 1913 г.) этот материал значительно увеличился и принял еще более конкретные формы. Во всяком случае, уже никто не сомневался в нарушении Германией бельгийского нейтралитета; об этом открыто говорили везде и всюду, но все это тихо, как тень, скользнуло мимо творцов плана № 17, мимо страниц этого об'емистого стратегического фолианта [4]).

В недавно опубликованных мемуарах Жоффр [5]) пытается свою ошибку с вопросом бельгийского театра военных действий переложить на председателя совета министров Пуанкаре, который будто бы на секретном совещании 21 февраля 1912 г. высказался против ввода французских войск до нарушения немцами бельгийского нейтралитета. Но этот довод Жоффра так неудачен, что историк ни в

---

1) Les armées françaises dans la grande guerre, t. 1, p. 54.
2) Ibid p. 51—53
3) Дюпон. Высшее германское командование, стр. 12.
4) Les armées françaises dans la grande guerre, t. 1, p. 18—67.
5) Memoires du marechal Joffre, t. 1, p. 117—125.

коей мере не может стать на его сторону и снять с него этой ошибки. Жоффр пишет, что он еще в 1911 г. поставил своим сотрудникам по генеральному штабу задачу переработать стратегический план № 17 таким образом, чтобы помешать германской армии нарушить бельгийский нейтралитет. Но от того, что Жоффр *только поставил этот вопрос, а не твердо его решал*, как, скажем, ген. Виктор-Мишель, дело, конечно, не изменилось ни на йоту.

Что же пишет Жоффр в своих мемуарах? Он говорит, что 9 января 1912 г. на заседании высшего совета национальной обороны, которое происходило под председательством президента республики Фальера, он (Жоффр) следующим образом сформулировал свои вопросы к французскому правительству.

«1) Могут ли наши армии вступить в Бельгию при первом же сообщении о нарушении немцами нейтралитета бельгийской территории?

2) Могут ли наши армии не обращать внимания на нейтралитет Люксембурга?»

Как видим, такие вопросы начальника французского генерального штаба Жоффра правительству были вполне резонны после того, как тихо похоронили стратегический план развертывания ген. Виктор-Мишеля. И что же ответило правительство Жоффру?

Ответ был краток:

«*Совет единогласно*, — пишет далее Жоффр, постановил, *что французские армии будут в праве действовать, как найдут лучшим*».

Но вот через месяц 21 февраля 1912 г. состоялось *второе* совещание, на котором присутствовали председатель совета министров Пуанкаре, члены правительства Мильеран, Делькассе, Палеолог, Жоффр и начальник морского штаба Обер. Жоффр повторил, примерно, то же самое, что он говорил правительству 9 января, указывая на необходимость войти в соглашение с бельгийским правительством относительно ввода французских войск на территорию Бельгии.

«В результате моего доклада, — пишет Жоффр, — я изложил свое заключение в том смысле, что высший интерес требует от нас введения наших армий на бельгийскую территорию и не только тогда, когда немцы нарушат неприкосновенность. Я прибавил, что, быть может, возможно дипломатическим путем приобщить британское и бельгийское правительства к этой точке зрения. Военный министр Мильеран полностью присоединился к моей точке зрения относительно выгод, которые обещал мой план. Морской министр Делькассе также твердо высказался в пользу моего мнения. Но председатель совета министров Пуанкаре заметил, что проход французских армий через Бельгию рискует вызвать недоброжелательность Европы и даже самих бельгийцев. При этих условиях представляется необходимым, чтобы наше вступление на территорию Бельгии было, по крайней мере, оправдано угрозой германского нашествия. Нужно добиться хотя бы того, чтобы наш стратегический

план, основанный на нашем вступлении в Бельгию, не повлек за собой недовольства Англии и не вынудил ее отказать нам в помощи». Так пишет сам Жоффр.

Является вопрос, следует ли заключить из того, что говорил на этом совещании Пуанкаре, что он был принципиально против ввода французских армий в Бельгию? Этого нисколько не видно; мало того, сам Пуанкаре как раз тоже ратует за это, но он только пытается дать ряд политических моментов, которые будто бы необходимо разрешить Франции с тем, чтобы в дипломатическом отношении дело прошло более обдуманно и гладко. Сам же Жоффр пишет дальше, что и Англия и Бельгия в принципе не возражали против ввода французских армий в Бельгию, как это требовал Жоффр. Мало того, бельгийское правительство заключило вскоре после этого заседания соглашение, в котором черным по белому было написано: «Французские армии имеют право вступить в Бельгию, в случае если нейтралитет Бельгии будет нарушен немцами».

Чего же большего надо было автору плана войны № 17 Жоффру? Следовало бы соответствующим образом переработать план № 17, но этого как раз и не было сделано. В этом плане продолжала торжествовать выдвинутая Буланже идея реванша, отторжения в первую очередь Эльзас-Лотарингии. На этот участок, на это операционное направление и группировал основные силы своих армий Жоффр в августе 1914 г.

Ген. Гренер в своей работе «Завещание Шлиффена» пишет: «Стратегическая внезапность вполне удалась. Французы совершенно не были знакомы с основной идеей плана Шлиффена». Это, конечно, неверно. Во-первых, французы были хорошо осведомлены о плане нарушения германской армией бельгийского нейтралитета и необходимости прохода ею через Бельгию. Во-вторых, как видим из мемуаров Жоффра, последний вместе с английским генеральным штабом хорошо учитывал этот вопрос еще за 2 года до войны [1]). В-третьих, достаточно ознакомиться с планом предшественника Жоффра — ген. Виктор-Мишеля, чтобы видеть, что

---

[1]) Бешеная конкуренция в морских вооружениях, по словам английского министра иностранных дел Эдуарда Грея (его послевоенные мемуары), делала Англию непримиримым врагом Германии. Английский генеральный штаб еще задолго до мировой войны получил директиву о выработке англо-франко-русской военной конвенции, направленной против Германии. Было твердо установлено, что с первым шагом германских армий по территории Бельгии (т. е. с нарушением бельгийского нейтралитета Германией) Англия сейчас же об'являет войну Германии и высаживает свою экспедиционную армию во Франции. Таким образом, для английской дипломатии нужен был лишь предлог к активному вмешательству в мировую войну, в подготовке которой она задолго до ее начала принимала самое горячее участие. А потому сплошным фарисейством звучат те тирады из вышедших недавно мемуаров Ллойд-Джорджа, где он, потеряв всякий стыд, пытается убедить читателя, что «Англия вступила в войну исключительно в результате «неожиданного» нарушения Германией нейтралитета маленькой Бельгии, благородно защищая попранную невинность!» Ллойд-Джордж «забыл» речь Эдуарда Грея в палате общин от 3 августа 1914 г., в которой по-

французский генеральный штаб был знаком с основной идеей Шлиффена (удар правым флангом и проход этого фланга через Бельгию). Но предвзятая мысль, что главным театром для Франции является именно ее восточная граница (Верден—Бельфор), осталась господствующей. Мало того, эта предвзятость торжествовала и в тот момент, когда в августе 1914 г. Жоффр узнал, что германские армии вторгнулись в Бельгию; он все же думал иметь успех именно в Эльзас-Лотарингии, а затем уже на северной границе Франции. И Шлиффен жестоко ошибся, когда он перед войной говорил своим офицерам генерального штаба:

«Ширина северной Бельгии столь значительна, марш через нее будет столь продолжительным, что французы найдут время для осуществления всевозможных мероприятий для противодействия нам; о внезапности не может быть и речи».

Верно, о внезапности не было речи, но вот именно время-то для осуществления соответствующих контрмероприятий Жоффр так и не сумел целесообразно использовать: он был всецело занят вопросом Эльзас-Лотарингии, вопросом реванша и за это получил в наказание факт отступления бельгийской армии к Антверпену, английской армии Френча и всех французских армий левого фланга и центра — к Марне.

Один из почитателей стратегических талантов Жоффра — французский военный писатель Энгеранд в работе «Драма у Шарлеруа» (большое пограничное сражение было у Монса, Шарлеруа, Динана, на реке Самуа, у Лонгви и т. д.) пишет следующее:

«Теперь можно смело сказать, что еще никогда так сильно не ошибались. Заблуждение было полное и, что поражает, — добровольное, потому что никогда неприятельское наступление не было так ясно предусмотрено и предсказано, как наступление немцев в августе 1914 г.; стратеги старой школы не только предсказали его за 40 лет, но даже указали нам способы противодействовать ему; однако, их идеи осмеивали, их труды оставляли в пренебрежении».

Эта выкладка из труда Энгеранда комментариев не требует.

В чем основная стратегическая цель в плане № 17? Если исходить из анализа общих положений, то мы найдем в нем очень много фраз об активном, широко наступательном образе действий, которые должны сейчас же после стратегического развертывания армий начаться со стороны Франции. Кроме того, все уставы и инструкции французской армии, официальные выступления предста-

---

следний со всей ясностью продемонстрировал конкретные результаты подготовительных работ французского и английского генеральных штабов за последнее пятилетие перед Мировой войной 1914—1918 гг. Но все это, конечно, не исключает того факта, что к августу 1914 г. англичанам, французам и бельгийцам не удалось установить полного боевого взаимодействия между армиями, так как командование каждой из этих армий выжидало, стремясь уклониться за счет соседа от первого поражения. Но случилось так, что каждая из этих армий союзников в августе получила по крепкому удару со стороны германского правофлангового кулака.

вителей французского генерального штаба (Гранмезон и др.) — все это говорило о том же, что: «Дух наступления неделим»[1]). Когда же мы анализируем идею стратегического развертывания французских армий и те задачи, которые они получают с первого же момента после развертывания, то видим совершенно другое. Французские армии должны были не наступать, а выжидать, т. е. в основе плана развертывания лежала оборонительно-выжидательная концепция, которая пронизывает план № 17 от начала до конца.

Вполне реален рассказ ген. Буше, относящийся к 3 августа 1914 г., когда война была уже об'явлена и Жоффр собрал у себя всех командующих армиями. Хотя последние и знали крылатую фразу Жоффра, что «план операций это — идея, которую полководец держит в своей голове, но не доверяет бумаге», но все же ожидали ясных директив в отношении операций в начальный период войны.

«Все командующие армиями, — пишет ген. Буше, — считали, что они собраны для того, чтобы Жоффр, по примеру Бонапарта, изложил им свои взгляды о направлении, которое он намеревался придать операциям. Они надеялись выйти от него полные уверенности в исходе войны, уверенности, которую они не преминули бы сообщить своим войскам. Ничего подобного не было. Беседа коснулась только банальностей. Когда один командующий попытался поднять вопрос о плане, то Жоффр ответил: «Это ваш план, но не мой». И все удалились, исполненные беспокойства, которое высказал один из них: «Имеет ли главнокомандующий план? Есть ли у него идея?».

Таково было поведение французского главнокомандующего Жоффра, которого за его молчаливость называли «крепостью, замкнутой со всех сторон», но который в данном случае со своими непосредственными частными начальниками мог бы быть более откровенным.

В еще более оригинальном положении оказался в первый день общей мобилизации (т. е. в момент об'явления войны) генерал Мольтке-младший. По плану войны 1913—1914 гг. в силе оставалась шлиффеновская идея о сосредоточении главной массы сил против Франции на фронте к северу от Меца, в то время как против России должна была быть организована оборона незначительными силами. Хотя план Мольтке имеет значительное отличие в целом от плана Шлиффена, о чем мы скажем ниже, но основная идея борьбы на два фронта с переносом центра тяжести на запад оставалась в силе и по варианту 1913—1914 гг.

Но вот 1 августа, когда Германией была об'явлена война России, с Мольтке произошел весьма показательный инцидент. Мы его приводим, как важный момент в истории стратегического развертыва-

[1]) Об этом подробнее см. главу XVIII «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа».

вания германской армии, как факт, который говорит, что долголетняя работа мирного времени по вопросам стратегического развертывания не может быть настолько коренным образом изменена, чтобы подготовленные годами стратегические потоки перевозок с войсками сразу же могли двинуться в совершенно другом направлении, чем то было намечено планом.

1 августа в 5 час. вечера Вильгельм подписал приказ о мобилизации армии. Вариант 1913—1914 гг. плана войны оставался в силе. Имея на руках этот приказ, Мольтке отправился обратно в генеральный штаб. Дальше предоставим слово самому ген. Мольтке [1]).

«Я находился, — пишет в своих воспоминаниях Мольтке, — на обратном пути из дворца в генеральный штаб, когда получил приказание немедленно вернуться во дворец, куда поступили очень важные известия. Я тотчас же вернулся. Во дворце, кроме его величества, я нашел канцлера, военного министра и еще несколько других чинов».

Эти известия заключались в том, что английский статс-секретарь (министр иностранных дел) Грей будто бы передал германскому послу в Лондоне Лихновскому намерение Англии взять на себя обязательство удержать Францию от об'явления войны Германии, если Германия первой не начнет враждебные действия. Другими словами, пусть Германия, об'явившая 1 августа войну России, и воюет с последней.

Как затем оказалось, это было какое-то недоразумение с Лихновским, который перепутал то, что ему говорил Грей или же сам Грей не так выразился, как хотел. Во всяком случае, этот трюк английской дипломатии Лихновский в шифрованной телеграмме передал Вильгельму как раз в то время, когда Мольтке находился в пути в генеральный штаб с подписанным приказом об общей мобилизации.

Вошедшему Мольтке Вильгельм сказал:

«Мы должны вести войну только с Россией. Итак, мы наступаем всеми армиями на востоке». «Я возразил его величеству, — пишет Мольтке, — что это было бы невозможно. Стратегическое развертывание миллионных армий не может быть импровизировано, оно является результатом упорной многолетней работы и, однажды установленное, не меняется. Если его величество настаивает все армии направить на восток, то они не явились бы готовыми к бою, а представляли бы собой хаотические толпы неорганизованных вооруженных людей без снабжения. Кайзер настаивал на своем и был очень возбужден, сказав мне, между прочим: «Ваш дядя (Мольтке-старший) дал бы мне другой ответ!» Для меня это было очень больно. Я никогда не претендовал быть подобным фельдмаршалу. Что для нас наступила бы катастрофа, если бы со всеми армиями начали наступление против

[1]) Helmuth von Moltke. Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877—1916. S. 18—20.

России, имея в тылу мобилизованную Францию, в этом никакого не было сомнения. Как могла гарантировать Англия Германии, что Франция не нападет с тыла? Мое возражение, что Франция уже мобилизовалась и невозможно, чтобы оба мобилизовавшиеся государства оставались долго без столкновений, было напрасно. Настроение было приподнятое и я оказался совершенно одиноким... Я сказал кайзеру, что по окончании сосредоточения возможно любую сильную часть армии перебросить на восток, но в самом плане сосредоточения ничего не может быть изменено, ибо в противном случае я снимаю с себя всякую ответственность... В продолжении всей этой сцены я был в полном отчаянии... По нашему мобилизационному плану было предусмотрено занятие Люксембурга 16-й дивизией уже в первый день мобилизации. Мы должны были немедленно обеспечить люксембургские железные дороги от французских покушений, так как они предназначались для нашего сосредоточения. Тем более для меня было тяжело, когда канцлер (Бетман-Гольвег. В л. М.) заявил, что занятие Люксембурга не может быть осуществлено ни под каким видом, ибо оно было бы прямой угрозой Франции и свело бы нанет сделанные Англией предложения. В то время как я настаивал на своем, кайзер, не спрашивая меня, обратился к дежурному флигель-ад'ютанту и приказал ему тотчас же послать телеграфный приказ в Трир 16-й дивизии, чтобы она не вступала в Люксембург; я чувствовал, что как будто бы мне должны разбить сердце. Вторично возникла опасность, что наше сосредоточение будет смято. Понять это, конечно, мог только тот, кто в целом и до самых мельчайших подробностей изучил работу по стратегическому сосредоточению, где каждый поезд рассчитан по минутам и где каждое изменение могло оказать самые тяжелые последствия. Напрасно я старался убедить его величество, что мы должны использовать и обеспечить железные дороги в Люксембурге, я был остановлен замечанием, что вместо этих дорог я могу использовать другие. Приказ остается в силе».

«С этим я ушел», — говорит дальше Мольтке. В таком тяжелом положении оказался военный стратег, к слову сказать, как из всего изложенного видно, крайне односторонне разбиравшийся в общей политической обстановке и не умевший с помощью политических факторов распознать создавшуюся путаницу с Лихновским или Греем и тем самым показать и с политической точки зрения всю несуразность предложения Вильгельма и тех реплик, которые вставлял в процессе разговора германский канцлер Бетман-Гольвег.

До 11 часов вечера Мольтке находился в том же положении, когда он опять был вызван к Вильгельму, который ему указал, что теперь «вы можете делать, что хотите», так как выяснилась путаница с информацией Лихновского и английским предложением. Мольтке сейчас же отдал приказ 16-й дивизии занять Люксембург, причем в приказе была добавлена фраза: «Так как ныне стало известно, что во Франции об'явлена мобилизация».

Мы намеренно привели эту выписку из воспоминаний Мольткемладшего, как в полной мере характеризующую чудовищную стратегическую беспринципность и безграмотность, в которой пребывали германская политика и её руководители. Кроме того, само содержание этой выписки нам еще будет нужно в дальнейшем изложении.

Мы не будем останавливаться на имевших место до 1 августа и в дни 1—2 августа различных политических и дипломатических переживаниях государственных деятелей Антанты и Четверного союза, особенно в вопросе об'явления войны, так как все это представляет лишь исторический интерес. Теперь каждому известно, что до 1 августа все генеральные штабы воевавших держав (Англии, Франции, Бельгии и т. д.) приняли ряд мер, которые говорили о том, что война уже до 1 августа вступила в свои права (см. таблицу 11).

Кроме того, самый акт об'явления войны в наши дни потерял всякий смысл, так как несомненно, что мы теперь не будем свидетелями факта об'явления войны, а затем уже широких мобилизационных мероприятий. Это будет делать лишь тот, как открыто говорит западно-европейская печать, кто желает потерять внезапность удара и запоздать со стратегическим развертыванием своих сил, но такие едва ли найдутся.

Из последних глав нашего I тома мы увидим, что первые сведения о сильной бомбардировке железнодорожных узлов и важных оперативно-стратегических пунктов в приграничной полосе (глубиной не менее 300 км), внушительные внезапные удары мотомех. частей и кавалерии по заранее расписанным районам (приграничной полосы) по ту сторону государственной границы — в наши дни будут восполнять и дополнять телеграммы об об'явлении общей мобилизации и об'явлении войны. Об этом пишет большинство наиболее авторитетных военных писателей буржуазии.

Как мы уже говорили выше, общая мобилизация армии и сосредоточение к границам войск прикрытия являются первыми боевыми аккордами, говорящими о том, что потоки эшелонов с войсками данной армии двинулись в районы стратегического развертывания, заранее намеченные планом войны.

Следующие две таблицы в кратких чертах дают представление о том, как в основном протекала мобилизация в армиях Германии, Франции, Бельгии и Англии и какие силы были перевезены к границам для обеспечения прикрытия мобилизации и стратегического развертывания (см. таблицы 11 и 12 на стр. 199 и 200).

О чем говорят эти таблицы? Они говорят, во-первых, о том, что за несколько дней до официального об'явления войны каждый из противников принял ряд таких мероприятий, всилу которых их армии ко дню 1 августа оказались уже мобилизованными. Во-вторых, фактически и Франция и Германия окончили свою мобилизацию одновременно.

Необходимо далее отметить, что французское командование предприняло один из шагов, который является показательным по-

Таблица хода мобилизации постоянной армии в Германии, Франции, Бельгии и Англии

Наименование армий	Сбор войск в пункты постоянного расквартирования из лагерей, частичный призыв резервистов, охрана железных дорог	Прекращение отпусков, усиление охраны гос. границы ж.-д. узлов и путей жел. дорог, сбор перевозочных средств	Мобилизационные работы в крепостях, призыв резервистов в пограничной полосе	Дальнейший призыв резервистов в пограничной полосе, перевозка в пограничные районы войск, назначенных для прикрытия мобилизации и сосредоточения	Об'явление общей мобилизации (об'явление войны)	1-й день мобилизации	Окончание мобилизации постоянной армии
Германская	28 июля	29 июля	29—30 июля	30—31 июля	1 августа об'явление войны России и 3 августа Франции	2 августа	5 августа
Французская	26—27 июля	28 июля	29—30 июля	31 июля	1 августа	2 августа	5 августа

Примечание. Бельгийская армия: усиление боевой готовности началось с 24 июля, 28 июля было призвано 3 возрастных класса резервистов, 31 июля об'явлена мобилизация.

Английская армия и флот — 27 июля — приказ о сосредоточении флота в Портланде, 27 июля — начало мобилизационных работ, 31 июля — окончание мобилизации флота, в период с 4 по 7 августа закончилась мобилизация экспедиционной армии.

Таблица 12

Переброска войск прикрытия

Наименование армии	Усиление охраны границ и выдвижение войск прикрытия к границе	Переброшенные части прикрытия до 1 августа	Район развертывания	Части, расположенные в мирное время на границе
Германская . . .	30 июля	1-й кав корпус (гвард. и 5-я кавдив.) плюс шесть бригад из разных корпусов 4-й кав. корпус (3-я и 6-я кавдивизии). 3 кав. корпус (бавар., 7-я и 8-я кавдивизии)	Бельгийская граница Люксембургская граница Лотарингская граница	8-й корпус (Аахен — Трир), 16-й корпус (Диденгофен — Мец), 21-й корпус (Саарбрюкен — Саарбург), 15-й корпус (Страсбург—Ней — Бризах), 14-й корпус (Мюльгаузен)
Французская . .	31 июля	2-й, 6-й, 7-й 20-й и 21-й арм. корпуса, 2-я, 4-я, 6-я, 8-я кавдивизии, кав. полки 2-го, 5-го и 8-го арм. корпусов, 3-я, 9-я, 15-я пех. дивизии, 84-я пех. бригада	Развернулись по границе от Монмеди до Бельфора	2-й корпус с 4-й кавдивизией (Монмеди, Спинкур), 6-й корпус (Конфлан — Ст. Муссон), 20-й корпус со 2-й кавдивизией (Номени — Шампенуа — Эмберминиль)
Французская . .	3 августа	Закончена переброска африканских частей	В район Бельфора	21-й корпус с 6-й кавдивизией (Мантиньи — С. Дие-Фрез . 7-й корпус с 8-й кавдивизией (Жерард — Мер-ле-Тиле) и укрепленный район Бельфора
Бельгийская . . .	24—28 июля	3-я и 4-я дивизии	Льеж — Намюр — Тонгр — Гюи	Войска крепостного района Льежа

литико-стратегическим актом, весьма четко характеризующим ту растерянность, в которой пребывало оно в первые дни мобилизации. Вместо твердой политики отвечать на удар ударом, оно приказало войскам прикрытия не приближаться к границе ближе, чем на 10 км. Такое установление «нейтральной зоны» перед активным решительным врагом французское правительство и командование об'ясняют желанием не быть обвиненными, что Франция начала войну первой. По этому поводу В. Ф. Новицкий справедливо замечает, что «едва ли такая осторожность могла быть в каком-либо отношении полезной для французской армии, потому что и без этого сознание германского превосходства и боязнь поражений составляли характерные особенности в психологии французских войск».

И этот акт французов является тем менее убедительным, что он последовал за несколько часов до об'явления войны, да и, насколько известно, в эти часы события с обеих сторон были настолько быстротечными, что этот никому ненужный акт фактически никем из войск прикрытия не выполнялся. Если мы сравним задачи войскам прикрытия, которые ставил план развертывания ген. Виктор Мишеля с этим актом французского главного командования во главе с Жоффром, то станет еще более понятным, что в эти кризисные дни французское главное командование еще не знало, что оно хочет.

Ход сосредоточения главной массы сил сторон виден из таблицы 13 (см. стр. 202). Кроме того, мы даем две подлинные карты стратегического развертывания французских армий, составленные французским генеральным штабом (см. схемы 8 и 9). Схема 8 есть точное отображение стратегического развертывания по плану № 17, схема 9 говорит о расположении французских армий согласно приказу от 2 августа. Как видим, здесь разница весьма незначительная и касается она главным образом четвертой армии. Согласно приказу Жоффра от 2 августа, который последовал после того, как французским главным командованием были получены сведения о вступлении немецких частей в Люксембург, 4-я армия стала подниматься несколько к северу. Из тесного района Бар-ле-Дюк она продвинулась к северу, к району Шалон. Новые передвижения французов для развертывания последовали несколько позже, когда стало известно, что германские войска, захватив Льеж, двинулись массой через Бельгию к северной границе Франции.

Для плана стратегического развертывания, который не имеет твердой цели и твердого стратегического пути, такие передвижения, пересортировки, передачи корпусов и дивизий из одной армии в другую, желание заткнуть то там, то здесь образующиеся прорехи и дыры, мотание частей из стороны в сторону и пр. и пр. — все это, как говорит богатый опыт последних войн, явление вполне естественное и закономерное.

Итак на фронте Гирсон—Бельфор, протяженностью в 345 км, французы развернули 5 армий, состоявших из двадцати одного арм.

Таблица 13

Сроки сосредоточения главной массы войск к границам в районы развертывания

Наименование армий	Переброска главной массы войск в районы сосредоточения (до этого также шли переброски отдельн. частей)	Прибытие главной массы в районы сосредоточения	Полное сосредоточение всех армий	Окончание перевозок в армейские районы второлинейных войск для тыловой службы	Примечание
Германская	7 августа	10—11 августа	17 августа	20 августа	[1]) Об'явление 3 августа нейтралитета Италией дало возможность Франции в период с 5 по 13 августа перебросить войска 14-го и 15-го корпусов и альпийских стрелков с итальянской границы в Эльзас-Лотарингию. Кроме того, в период с 5 по 13 августа были переброшены в район Аррас—Лилль три территориальных дивизии и $4^1/_2$ территориальных дивизии в парижский гарнизон. [2]) Такая задержка произошла всилу новых перевозок, которые необходимо было делать по новому плану развертывания и поднимания французских частей к северу.
Французская	6 августа	12—13 августа [1])	19 августа [2])	—	
Бельгийская	—	—	6 августа	Сосредоточение английских частей в районе Мобеж—Ландреси 20 августа	
Английская	—	—	—		

корпуса, десяти кавалерийских дивизий, двадцати четырех резервных и четырех территориальных дивизий, общей численностью 1 325 000 человек, 4 052 легких орудия, 107 батарей (кроме крепостных) тяжелых орудий и 1 314 пулеметов.

Главную массу войск составляли:

1-я армия — 5 арм. корпусов, 2 кавдивизии, 1-я группа резервных дивизий (три дивизии) и по одной резервной дивизии в гарнизонах крепостей Бельфор и Эпиналь, всего 320 тыс. человек, 850 орудий.

2-я армия — 5 арм. корпусов, 2 кавдивизии, 2-я группа резервных дивизий (три дивизии), одна дивизия в гарнизоне крепости Туль. Всего 300 тыс. человек, 800 орудий.

3-я армия — 3 арм. корпуса (6-й корпус трехдивизионного состава), 1 кавдивизия, 3-я группа резервных дивизий (три дивизии), одна резервная дивизия в гарнизоне крепости Вердена, всего 200 тысяч человек, 750 орудий.

5-я армия — 5 арм. корпусов, 1 кавдивизия, 2 резервных дивизии — всего 250 тыс. человек, 650 орудий.

На левом фланге этой армии: 4-я группа резервных дивизий (три дивизии — 60 тыс. человек) и перед фронтом 1 кав. корпус (три кавдивизии — 10 тыс. человек).

4-я армия (резерв главного командования во второй линии) — 3 арм. корпуса, 1 кавдивизия, всего 125 тыс. человек, 450 орудий.

В районе Аррас—Лилль—Дуэ группа в три территориальных дивизии — 60 тыс. человек, 250 орудий.

Таким образом, против Эльзас-Лотарингии развернулись 4 армии (945 тыс. человек), на бельгийской границе — одна армия плюс 4 группы резервных дивизий, кав. корпус, группа территориальных дивизий (380 тыс. человек).

Ширина фронта 1-й армии — 120 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии Эпиналь — 45 км.

Ширина фронта 2-й армии — 40 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии Нефшато — 80 км.

Ширина фронта 3-й армии — 70 км; глубина 60 км; удаление штарма от боевой линии Верден — 50 км.

Ширина фронта 5-й армии — 120 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии Реттель — 50 км.

4-я армия во второй линии, штаб армии С.-Дезье — 120 км.

Главная квартира — Витри-ле-Франсуа — 120 км от фронта.

На левом фланге стратегического фронта французов только к 20 августа развернулась английская экспедиционная армия в составе двух корпусов и пяти кавбригад — 70 тыс. человек. Эта армия на протяжении августа и сентября принесла весьма мало пользы, так как совершенно не была подготовлена к ведению операций в современной войне. Да кроме того её командующий, специалист по колониальным боям, Френч получил перед от'ездом на французский фронт такую инструкцию от специалиста по тем же боям английского военмина Китчинера, что, кроме отступлений и

маневрирований с основной целью благополучного выхода из боя, эта армия и её командование ни к чему не были расположены. Эта инструкция была составлена в весьма решительных тонах. Она гласила:

«Главнокомандующий экспедиционной английской армией генерал Френч вполне самостоятелен и ни в коем случае и ни в каком отношении не будет подчинен никакому союзному генералу». И затем, как бы вспомнив, что все-таки эта армия является союзной, автор инструкции продолжал: «Хотя и необходимо итти с полной охотой навстречу предположениям и желаниям нашего союзника, тем не менее генерал Френч должен самым серьезным образом обдумать возможность своего участия в таких наступательных движениях, в которых не участвуют крупные силы французов и где английская армия может быть подвержена нападению в неблагоприятной обстановке; и если такой случай будет предполагаться, то вам следует сообщить мне об этом настолько заблаговременно, чтобы я мог успеть уведомить вас о решении, принятом по этому вопросу правительством» [1]). Содержание этой инструкции в полной мере говорит о том, насколько была подготовлена английская армия к ведению современной войны и как она понимала взаимодействие между политикой и стратегией. На протяжении всех событий в августе—сентябре 1914 г. Френч дословно выполнял эту инструкцию, а после общего отступления французских армий к Марне вообще чуть не эвакуировал английскую армию обратно на родной остров. Пуанкаре, Ллойд-Джордж, Жоффр и другие уговаривали Френча этого не делать, так как это вызовет ликование в стане противника. На этот раз Френч уступил.

Бельгийская армия развернулась в районе Брюссель—Намюр—Льеж в составе 6 дивизий пехоты и одной кавдивизии общей численностью 175 тыс. человек, из которых полевых войск насчитывалось 117 тыс. человек, 650 орудий, 85 батарей (кроме крепостных), 150 пулеметов.

По бельгийскому плану войны бельгийская армия должна была крепко оборонять р. Маас, опираясь на крепости Льежа и Намюра, и войти в связь в районе Динана с левым флангом французской 5-й армии. В случае же сильного напора превосходных сил германцев и падения Льежа и Намюра полевая бельгийская армия будет с боями по рубежам отходить в направлении Антверпена. По мысли бельгийского генерального штаба крепостной район Антверпена должен был сыграть роль дамоклова меча, который бы висел над флангом и тылом проходящих по территории Бельгии германских армий. Не совсем так получилось в жизни: бельгийцы, отходя с линии р. Маас, не пошли сразу на соединение со своими союзниками,

---

[1]) Эдмонд. Операции в Бельгии и Франции в 1914 г., стр. 442—443.

а двинулись через столицу Брюссель на Антверпен, где и были блокированы. На этом примере еще раз можно видеть, что общие интересы в коалиционной войне у союзных армий не были должным образом осознаны, так как совершенно ясно, что, отступая на соединение с англо-французами, бельгийская армия принесла бы больше пользы для союзников в районе Монса—Шарлеруа, чем одиноко отсиживаясь в Антверпене. В августе у союзников каждая армия вела бой сама по себе и за себя, вместо твердого взаимодействия друг с другом.

Если мы всю бельгийско-французскую границу разобьем на два участка — северный — Аахен—Мец (исключительно), южный — Мец (исключительно)—Бельфор и посмотрим, как развернулись германские войска, то мы получим, что главные массы обеих сторон расположились на противоположных участках бельгийско-французской границы.

Стратегическое развертывание германской армии видно из подлинной карты, составленной рейхсархивом (см. схему 10).

Поскольку 1-я германская армия, с тем чтобы не нарушать нейтралитета Голландии, принуждена была подняться от Аахена к северу, линия от Крефельда до Мюльгаузена, идущая по бельгийской, люксембургской и французской государственной границе, была равна 380 км.

На этой линии и развернулись семь германских армий плюс эльзасский сводный отряд.

Эти 7 армий имели 22 полевых, 12 резервных, 4 кав. корпуса, 3 резервных и 6½ эрзац-резервных дивизий, 17½ ландверных бригад плюс несколько мелких частей с общей численностью в 1 600 000 человек при 4 800 легких и 1 688 тяжелых орудий и 1 840 пулеметов.

Состав армии виден из схемы 10.

1-я армия — 3 арм. и 2 рез. корпуса, всего 210 тыс. чел., 750 орудий.

2-я армия — 4 арм. и 3 рез. корпуса плюс 1 кав. корп. (2-й [1]) — 260 тыс. чел., 850 орудий.

3-я армия — 3 арм. и 1 рез. корпус плюс 1 кав. корп. (1-й) — 160 тыс. чел., 600 орудий.

4-я армия — 3 арм. и 2 рез. корпуса — 180 тыс. человек.

5-я армия — 3 арм. и 2 рез. корпуса, 33-я рез. див. и рез. див. в крепости Мец; кав. корпус (4-й) — 230 тыс. чел., 650 орудий.

6-я армия — 4 арм. и 1 рез. корпус плюс кав. корпус (3-й) — 200 тыс. чел., 1 070 орудий.

7-я армия — 2 арм. и 1 рез. корпус плюс одна рез. див. в креп. Страсбург — 140 тыс. человек и 700 орудий.

Эльзасский сводный отряд — 3 ландверных бригады плюс 1 ландв. полк — 20 тыс. человек.

---

[1]) После вступления в Бельгию 2-й кав. корпус ген. Марвица перешел в оперативное подчинение 1-й германской армии.

Ширина фронта 1-й армии — 25—30 км; глубина — 45 км; удаление штарма от боевой линии (Гравенбронх) — 40 км.

Ширина фронта 2-й армии — 50 км; глубина — 60 км; удаление штарма от боевой линии (Монжуа) — 20 км.

Ширина фронта 3-й армии — 40 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии (Прюм) — 25 км.

Ширина фронта 4-й армии — 60 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии (Трир) — 50 км.

Ширина фронта 5-й армии — 60 км; глубина — 90 км; удаление штарма от боевой линии (Саарбрюкен) — 80 км.

Ширина фронта 6-й армии — 80 км; глубина — 70 км; удаление штарма от боевой линии (С.-Абольд) — 40 км.

Ширина фронта 7-й армии плюс Эльзасский отряд — 120 км; глубина — 40 км; удаление штарма от боевой линии (Страсбург) — 50 км.

Главная квартира (Кобленц) — удаление от боевой линии 120 км.

Выше мы говорили, что эрзац-резервные части, как и ландверные бригады, Шлиффен намечал на участок севернее крепости Мец, с тем чтобы еще более усилить главные направления. Иначе эти части распределяет Мольтке.

К 20 августа в тыловых районах германских армий были сосредоточены 6½ эрзац-резервных дивизий, но они были переданы на левый фланг в 6-ю и 7-ю германские армии, кроме того, 14 ландверных бригад, которые были сосредоточены следующим образом:

в 1-ю армию — 3 бригады,
» 2-ю » — 2 »
» 3-ю » — 1 »
» 4-ю » — 1 »
» 5-ю » — 5 »
» 6-ю и 7-ю — по одной бригаде.

Далее 4 ландверных плюс 7 пионерных ландверных полков и несколько тяжелых ландверных батарей (для всех армий); численность всех этих войск была около 200 тыс. человек.

Таким образом, эти 200 тысяч человек вместо того, чтобы усилить главное направление (правый фланг стратегического фронта), были почти равномерно распределены по всему 380-км фронту германских армий.

Как видим (и что необходимо особенно подчеркнуть), самое основное отличие в плане Шлиффена от плана Мольтке-младшего заключается не в общем количестве сил, сосредоточенных на франко-бельгийском театре военных действий, которое очень мало разнилось в этих планах, а в том, что распределение сил по разным операционным направлениям было совершенно иное. Распределение сил по Шлиффену и по Мольтке-младшему заставляет признать, что мы имеем здесь дело с двумя различными планами и с двумя полководцами, которые считали нужным решать стратегическую задачу разгрома франко-бельгийских и английских армий каждый по-своему. Внешняя формальныя общность в этих планах

Таблица 14

Участки фронта и войсковые соединения	План Шлиффена 1905 г.	План Мольтке 1913—1914 гг.	Разница: со знаками (—) уменьшение сил, (+) увеличение сил
Брюссель—Намюр (в 1914 г. 1-я и 2-я германские армии)			
Активных корпусов	9	8	— 1
Резервных корпусов	7	5	— 2
Кавалерийских дивизий	5	3	— 2
Ландверных бригад	10	5	— 5
Эрзац-резервных дивизий	12	нет	— 12
Намюр—Мезьер (в 1914 г. 3-я и 4-я германские армии)			
Активных корпусов	6	6	То же самое
Резервных корпусов	1/2	3	+ 2 1/2
Кавалерийских дивизий	1	2	+ 1
Ландверных бригад	6	2	— 4
Мезьер—Верден (в 1914 г. 5-я армия)			
Активных корпусов	8	3	— 5
Резервных корпусов	5	2	— 3
Кавалерийских дивизий	3	3	То же самое
Ландверных бригад	4 1/2	5 1/2	+ 1
Эрзац-резервных дивизий	4	6 1/2	+ 2 1/2
Всего весь Западный фронт			
Активных корпусов	26 1/2	23	— 3 1/2
Резервных корпусов	14	12	— 2
Кавалерийских дивизий	11	10	— 1
Ландверных бригад	26 1/2	17 1/2	— 9
Эрзац-резервных дивизий	16	6 1/2	— 9 1/2

осталась [1]), но конкретное содержание их было глубоко различным. И это было не случайно.

«Графа Шлиффена, — пишет Гренер, — очень тяготило полное отсутствие духовной связи со своим преемником, младшим Мольтке; 1906—1913 гг. могли бы принести неизмеримую пользу, если бы между этими двумя личностями не пролегала глубокая духовная пропасть» [2]).

Во время полевой поездки в 1904 г. сам Мольтке писал своей жене, что его взгляды почти никогда не совпадают со взглядами Шлиффена и подчеркивал, что «невозможно представить себе большего разногласия, чем в наших взглядах» [3]). Это высказывание Мольтке от 18 апреля 1904 г. очень показательно.

Приведем количественное распределение сил по обоим планам, которое таило в себе и различное качественное содержание. Исходя из фактических данных работ рейхсархива, работ Гренера «Завещание Шлиффена», «Полководец против воли», Ферстера и т. Жигура, получаем цифры, приводимые в таблице 14 (стр. 205).

О чем говорит такое распределение сил по плану Мольтке-младшего? Во-первых, об усилении левого фланга стратегического фронта, т. е. оставлении в Эльзас-Лотарингии 6-й и 7-й германских армий, численность которых увеличивалась за счет правого фланга, во-вторых, о более равномерной расстановке этих сил на протяжении всего франко-бельгийского фронта, в-третьих, о том, что кавалерийские дивизии были у Шлиффена главным образом сгруппированы на крайнем правом фланге, а у Мольтке-младшего они, как известно, в августе 1914 г. были равномерно рассредоточены по всему франко-бельгийскому фронту.

Из всего этого ясно, что здесь мы имеем дело с двумя различными планами стратегического развертывания. А поэтому нельзя говорить, что план Шлиффена не удался в 1914 г., что он провалился; он не мог быть проведен в жизнь уже потому, что к 1914 г. оказался лишь историческим документом, которого в жизнь никто и не собирался проводить, ибо от подражания до оригинала — расстояние значительное. А в августе 1914 г. мы наблюдали именно лишь «подражение» шлиффеновскому плану со стороны руководителей германских армий, а не осуществление в целом оперативно-стратегического замысла Шлиффена.

Надо постоянно иметь ввиду, что если бы Шлиффен остался начальником германского генерального штаба до 1913 г., то он, конечно, внес бы в свой вариант 1905 г. ряд новых поправок, исходя-

---

[1]) Например, установка плана на то, что главный удар германская армия наносит против Франции и Бельгии, а не против царской России, в огромном территориальном пространстве которой можно было завязнуть и потерять возможность быстро закончить войну, имея к тому же в тылу на западе сильную Францию с Англией и Бельгией.

[2]) Groener. Der Feldherr wider Willen. S. XIII.

[3]) H. Moltke. Erinnerungen, Briefe, Dokumente. S. 292.

щих из новой обстановки, которая за этот период значительно изменилась. Но эти изменения были бы безусловно отличны от той линии стратегического поведения, которую мы наблюдаем за эти годы в работе Мольтке-младшего, как руководителя германских вооруженных сил. Достаточно просмотреть и изучить теоретические работы Шлиффена с 1905 по 1913 г., чтобы убедиться в том, что он продолжал оставаться на той же точке зрения в отношении идейного содержания своего варианта 1905 г. И не случайно, а вполне закономерно, что последние слова перед смертью у Шлиффена были: «Усиливайте правый фланг, ибо даже маленькие поводы («kleine Ursachen») к его ослаблению приведут к большим последствиям («grosse Wirkungen»)[1]; в этих словах Шлиффена заложен основной смысл оперативно-стратегической работы на протяжении его целой жизни совместно с коллективом Большого германского генерального штаба. Он остался верен своей оперативно-стратегической идее, выведенной им из анализа опыта ряда войн и конкретной обстановки, которая его окружала.

«Полководец, — говорил Шлиффен, — должен с настойчивостью следовать по пути, который он избрал, чтобы достигнуть этой цели, преодолевать с величайшей энергией все затруднения, которые он встречает, быстро находить все средства, чтобы противодействовать случайностям, стараться до конца достигнуть успеха и стоически переносить удары в неудаче». И мы видим, что в новом оперативно-стратегическом этюде, который был как бы развитием его памятной записки «Война против Франции» от декабря 1905 г.[2]), Шлиффен за месяц до смерти в декабре 1912 г. не изменяет тому, что он оставил Мольтке-младшему к январю 1906 г. (год выхода Шлиффена в отставку), а еще более уточняет и в оперативном отношении углубляет основные положения своего декабрьского варианта 1905 г., исходя из новой политико-экономической обстановки в Европе.

Но Мольтке имел уже свой план войны, в который вошли лишь отдельные элементы шлиффеновского плана и его учения о ведении современной войны. Однако и эти элементы носили скорее не шлиффеновский образ мышления, наполненного бурной сокрушительной волей и энергией, а характер Мольтке-младшего, который не скрывал своих больших разногласий в вопросе ведения войны со Шлиффеном, когда работал вместе с ним, а тем более после его отставки.

В памятной записке, составленной Шлиффеном в декабре 1912 г., т. е. за месяц до смерти, мы имеем дело с новым вариантом: Англия и Франция — главные враги Германии; против них, как считает Шлиффен, и необходимо направить первый сокрушительный удар.

---

[1]) См. Ферстер. Шлиффен и мировая война, изд. 1924 г., а также двухтомник собрания сочинений Шлиффена.

[2]) Denkschrift. «Krieg gegen Frankreich».

По сравнению с 1905 г. обстановка резко изменилась: с Англией отношения ухудшились, теперь она фактически руководит Антантой; Россия окрепла после русско-японской войны, царизм подавил революцию 1905 г.; армии Франции и Англии еще более усилились; территория Франции более удобна для быстрой и сокрушительной войны, чем море земли, которую имела царская Россия. Разгромив французскую армию и её союзников англичан и бельгийцев в полевой войне, можно думать об активных операциях против России. Так рассуждал Шлиффен в 1912 г. за месяц до смерти. Он теперь на франко-бельгийском фронте предлагал Мольтке действовать несколько иначе. По плану 1905 г. Шлиффен считал вступление французов в Эльзас за «любезную услугу»; здесь он оставлял, как мы видели, самое минимальное количество войск с пассивной задачей прикрытия, а все стягивал к северу от Диденгофена (Тионвиля). Теперь, в декабре 1912 г., Шлиффен рекомендует Мольтке-младшему, в о-п е р в ы х, против России не оставлять никаких полевых войск (Шлиффен в противовес Мольтке не боялся временной потери Восточной Пруссии), а все сосредоточить на западный фронт против Бельгии, Франции и тех английских войск, которые будут высажены во Франции; в о-в т о р ы х, «атаковать на франко-бельгийском фронте и со стороны Эльзас-Лотарингии», но если, таким образом, «противник должен быть атакован по всему фронту», то главный удар с гигантским насыщением правого фланга остается попрежнему в силе. На правом фланге «германские армии должны двигаться как батальоны».

«Проходя через Бельгию и Северную Францию, как громадный вал, правый фланг будет охватывать все французские позиции, которые встретятся, надо как можно дальше распространяться на запад, чтобы выиграть пространство, необходимое для свободы движения и оперативно-стратегических решений». Необходимы еще большие средства и их надо найти, например, на один лишь участок Аббенвиль—С.-Кентен в 120 км на правом фланге наступающего фронта нужно направить не менее 21 армейского корпуса. Но Шлиффен опять и опять повторяет мысль, что ни в коем случае идея наступления со стороны Эльзаса не может быть осуществлена за счет ослабления сил на правом фланге. Таким образом эскиз-набросок от 1912 г., хотя и предлагает решительные действия и со стороны левого фланга германского стратегического фронта, с тем чтобы устроить «Канны» противнику, но ¾ сил все же рекомендует концентрировать на правом фланге. «Атаковать повсюду, — говорит Шлиффен, — это способ, которым выигрываются в настоящее время сражения», н о э т о в о в с е н е з н а ч и т в е с т и н а с т у п л е н и е с р а в н о м е р н ы м р а с п р е д е л е н и е м с и л п о в с е м у с т р а т е г и ч е с к о м у ф р о н т у. Атаковать по всему фронту — это значит сковать силы противника, истощить его волю и решительным ударом огромных сил в выгодном направлении (Бельгия) прорвать фронт, найти главные силы врага и дать ему уничтожающее сражение. Мольтке-младший поступил иначе, он фактически

кордоном разместил все свои семь армий на франко-бельгийском фронте. А так как против слабой бельгийской армии пришлись при этом распределении почти три прекрасно обученные германские армии, то они, конечно, не могли не иметь первоначального успеха в Бельгии. Но сопоставляя характер полосы стратегического развертывания по плану Шлиффена и по плану Мольтке-младшего, мы увидим, что они совершенно отличны друг от друга и имеют совершенно разное оперативно-стратегическое содержание.

Схема 11 дает полное представление об этой разнице. Она говорит о том, что основной завет Шлиффена об усилении заходящего правого фланга Мольтке-младшим не был осуществлен. Получилось как раз наоборот: правый фланг — этот мощный ударный кулак — растаял и почти превратился в линию. Чем об'яснить это изменение плана стратегического развертывания? Появлением мощного воздушного флота, который мог бы наброситься на это огромное скопление сил и средств и тем нарушить их сосредоточение и развертывание? Нет, такого воздушного флота к августу 1914 г. еще не было. Количественно и качественно он был у всех воюющих государств весьма слабым и малочисленным. Может быть необорудованность в железнодорожном отношении района на правом фланге, куда должны были бы собраться эти силы, не позволяла осуществить эту оперативную группировку? Опять же имеющиеся данные как раз говорят о противоположном. Благодаря постоянным заботам германского штаба в период с декабря 1905 г. (время составления плана стратегического развертывания Шлиффеном) и по август 1914 г. сеть железных дорог в Рейнской провинции была значительно усилена. Новые рельсовые линии и под'ездные пути особенно обогатили район Кельн—Аахен—Мальмеди—Кобленц. Значительное усиление получили в отношении оборудования и пропускной способности железные дороги Люксембурга. Кроме того, на фронте Аахен—Мальмеди—С.-Вит—Трир были сооружены специальные платформы для быстрой вытрузки войсковых частей. Все выгрузочные станции к августу 1914 г. были оборудованы по последнему слову техники того времени. Таким образом, и этот момент надо снять со счетов, так как он не мешал Мольтке-младшему создать соответствующую оперативно-стратегическую группировку на правом фланге.

Сопоставление планов стратегического развертывания Шлиффена и Мольтке говорит еще о неудачном распределении, вернее распылении, по всему фронту конных масс. Вместо шлиффеновского массирования конницы на правом фланге, мы видим равномерное распределение конницы на огромном пространстве от голландской границы до Меца. Эта группировка конницы совершенно непонятна еще и в том отношении, что вся германская и иностранная военно-теоретическая мысль по использованию конных масс проповедывала перед войной именно такую оперативную группировку, которую мы видим в плане Шлиффена, т. е. массирование, а не распыление.

В период развертывания все кавалерийские корпуса были подчинены непосредственно главному командованию, но это продолжалось весьма недолго, так как разбросанные на огромном пространстве и имея слабую связь со ставкой германского главного командования, эти кавалерийские корпуса обрекались на бездействие; с началом военных действий они были равномерно распределены, как мы видели выше, по армиям. 1-я, 3-я, 5-я и 6-я германские армии получили по одному кав. корпусу.

Стратегическое развертывание сторон в августе 1914 г. на западном фронте являлось невиданным до того сосредоточением сил и технических средств к государственным границам.

79½ пехотных и 10 кавалерийских дивизий германской армии имели против себя на западном фронте 89 пехотных и 13 кавдивизий противника, но что замечательно, очень скоро эти большие цифры войсковых единиц стали стремительно расти и к 1918 г. мы видим уже 300 дивизий у каждой воюющей коалиции.

Таким образом, миллионные армии с тысячами орудий обеих воюющих коалиций должны были в августе 1914 г. вступить в жестокое единоборство. Каждая из сторон стремилась закончить войну в течение короткого времени. 3—6 месяцев, вот те сроки, которые считались вероятными и возможными для того, чтобы решить, кто будет победителем и кто побежденным в этой грандиозной маневренной войне. Во всяком случае, все очень хорошо помнили совет Шлиффена: «Если нам не удастся во вспыхнувшей войне, — говорил Шлиффен, — разбить и уничтожить нашего врага на западе в первых же боях, то затянувшаяся вследствие этого на многие годы война может легко привести ко второй Иене» [1]). А поэтому как в ставке германского главного командования, так и в штабах армий можно было часто слышать фразу: «Bis Weihnachten ist Friede», — говорит генерал Гренер [2]).

Особой энергией и стремительностью были пропитаны все действия германской армии в августе 1914 г., жаждавшей с «осенним листопадом» покончить с армиями союзников и заключить мир с Францией, для того чтобы бросить все силы против царской России, если последняя будет продолжать борьбу.

Полной противоположностью этим действиям в первый месяц войны была линия поведения французского главного командования во главе с Жоффром.

Стратегическое развертывание французских армий является одной из поучительнейших страниц истории первых месяцев империалистической войны 1914—1918 гг.

Оно совершенно закономерно вытекало из тех политико-экономических противоречий и военно-стратегических решений, которые имели место у держав Антанты как в годы перед мировой войной, так и в первые три недели после об'явления войны. В первых главах

---

[1]) W. Groener. Der Feldherr wider Willen. S. 2.
[2]) Ibid. S. 3

нашей работы мы уже об этом говорили, здесь остается отметить еще следующее.

Долгие месяцы до 1 августа 1914 г. французский генеральный штаб во главе с Жоффром вел бурную агитацию за энергичную наступательную доктрину всеми силами французской армии. Все уставы, инструкции и наставления, все статьи в журналах и военных газетах, большинство французских трудов научно-исследовательского порядка были пропитаны проповедью стремительного наступления в глубь Германии, реванша за войну 1870 г. и обратного отторжения Эльзас-Лотарингии.

Вот в эти-то месяцы и был создан план войны № 17, этот стратегический «двуликий Янус», между прочим, резко осужденный почти всей военно-политической литературой современной Франции.

Содержание плана № 17 отнюдь не соответствует тем бурно-наступательным теориям, которые проповедывались французским генеральным штабом. Это скорее классический образец для оборонительно-выжидательного образа действий.

Почему же так случилось? Ответ может быть лишь один. Французский генеральный штаб, как вооруженный орган французской капиталистической буржуазии, во главе с Кастельно и Жоффром, хотя и был за наступательную доктрину по плану «генерал-реванша» Буланже, с немедленным вторжением в Эльзас-Лотарингию с целью её захвата [1]), но в основном не верил в быстрый успех этого дела. Французский империализм и французская буржуазия, внимательно следя за успехами соперника — Германии, были постоянно под гипнозом непобедимости германской армии и могущества германского империализма. Работники французского генерального штаба вроде полковника Гранмезона могли постоянно кричать о бурном наступлении, но не имели твердой веры в крупный первоначальный успех даже в том случае, если Англия станет на стороне Франции и России. Это обстоятельство и наложило свой отпечаток как на план № 17, так и на первоначальный образ действий французских армий, обстановка для которых в июле и начале августа 1914 г. была довольно благоприятной.

Мобилизация и сосредоточение французских армий проходили с точностью часового механизма (в этом отношении был сделан

---

[1]) Надо постоянно иметь ввиду, что эльзас-лотарингская провинция была очень лакомым кусочком для французских промышленных магнатов. В экономическом отношении она представляла собой очень важное значение, так как помимо крупных районов текстильной промышленности с центрами Мюльгаузен, Кольмар, Страсбург, в Эльзас-Лотарингии имеются богатейшие районы металлообрабатывающей промышленности, как-то: железнодорожный район Бриэ, Тионвиль, Мец, каменноугольный район Саарской области, калийные соли в районе Мюльгаузена и небольшой пешенбронский нефтеносный район. Исходя из этого, еще в 1891 г. Фридрих Энгельс четко указал, что «насильственная аннексия Эльзас-Лотарингии Германией на долгие годы сделала невозможным всякое соглашение между германским правительством и Францией». Иными словами, вопрос об Эльзас-Лотарингии в условиях капитализма мог быть разрешен лишь силой оружия.

огромный шаг вперед по сравнению с опытом войны 1870 г.). Полки, дивизии и корпуса при минимальном количестве трений и безукоризненной работе железных дорог были доставлены в районы сосредоточения в точно намеченные по мобилизационному расписанию сроки.

Шовинистическая политика делала свое дело, войска были готовы броситься в бой, германские армии имели во главе не Шлиффена, а довольно бесцветного Мольтке-младшего, они почти ничем не нарушали всей работы по сосредоточению французских армий в первоначальный период войны, так как они были заняты той же работой и главным образом на севере против бельгийской границы, т. е. там, где французских армий не было. И все же большое наступление в Эльзас-Лотарингию после полного сосредоточения основной массы сил (13 августа) по плану № 17 изо-дня в день откладывалось. Это, повторяем, происходило оттого, что сейчас же после об'явления всеобщей мобилизации у французского командования сильно ослабла воля к победе. И хотя еще в мирное время по разработанным маршрутам сотнями змеек бежали эшелоны с войсками к восточной границе, но их не направляла твердая уверенная рука полководца, крепко знающего, чего он хочет и имеющего твердый стратегический путь.

Полное отсутствие твердого стратегического прогноза по вопросу о Бельгии, как театре наиболее вероятных военных действий, довольно смутные и противоречивые психологические переживания за судьбу бельгийской армии, против которой собирались огромные массы германских сил, все это продолжалось в главной французской квартире со 2-го по 20 августа.

18 дней безрезультатных желаний направить главный удар в Эльзас-Лотарингию, 18 дней тревожного наблюдения за событиями в Бельгии! Такая линия стратегического поведения у французского главного командования в ответственнейший период развертывания его армии на границе естественно вызывала целый ряд оперативных перегруппировок, целый ряд мотаний для войск в сильную августовскую жару 1914 г.; например, корпуса 5-й армии (3-й и 10-й) сделали по 120 км из района Седан—Мезьер до нижней Самбры.

Непрерывные передвижения в полосе стратегического развертывания и перегруппировки как целых французских армий, так и дивизий и корпусов внутри армий к 20 августа с'ели все те выгоды военно-технического порядка, которые были у французов за период мобилизации и стратегического сосредоточения.

Директива, данная Жоффром в 8 часов 18 августа, являлась как бы итоговой перед большим пограничным сражением, она же ориентировала и вводила союзные армии в это сражение. Приведем эту директиву № 13:

«1) 3-я, 4-я и 5-я французские армии, действуя согласованно (agissant de concert) с армиями английской и бельгийской, имеют об'ектом своих действий немецкие силы, сосредоточенные в районе

Тионвиль (по-немецки — Диденгофен. В л. М.), в Люксембурге и в Бельгии.

Эти последние, повидимому, включают в себя в общем от 13 до 15 корпусов. Можно предполагать, что они образуют две основные группы: с е в е р н а я правофланговая группа, повидимому, состоит из 7—8 корпусов и 4 кавалерийских дивизий; ю ж н е е её — центральная группа между Бастонь и Тионвиль (Диденгофен. В л. М.), состав которой можно принять от 6 до 7 корпусов и 2—3 кав. дивизий.

2) Что касается 5-й французской армии, английской и бельгийской армий, то нужно предвидеть два основные возможные варианта:

а) Северная группа противника, двигаясь по обоим берегам Мааса, может стремиться пройти между Живе и Брюссель и даже подать свое движение к северу.

В этом случае 5-я французская армия и кав. корпус, приданный ей, действуя в полной связи с армиями бельгийской и английской, должны непосредственно воспрепятствовать этому движению, стараясь обойти противника с севера. Бельгийская армия и кав. корпус могли бы выполнить этот охватывающий маневр.

В это самое время наши армии центра (3-я и 4-я) атакуют сначала центральную группу противника с тем, чтобы разгромить ее.

По достижении такого результата большая часть 4-й армии наступает немедленно против левого фланга северной группы противника.

б) Противник может только часть своей правофланговой группировки направить севернее Мааса.

В этом случае противник, атаковав центральной группой наши 3-ю и 4-ю армии, мог бы южной частью своей северной группы, оставленной к югу от Мааса, стараться атаковать левый фланг нашей 4-й армии. Тогда 5-я армия, предоставляя армиям английской и бельгийской ведение боя с немецкими силами к северу от рр. Самбра и Маас, наступает через Намюр и Живе в общем направлении (dans la direction générale) на Марш или Сент-Юбер.

Группа резервных дивизий 5-й армии полностью или частично могла бы действовать с английской армией к северу от Мааса [1])».

Эта директива была отдана 18 августа. В это время шли безуспешные бои в Эльзасе и Лотарингии и огромные силы французов втянулись в эти бои без перспектив к победе. Эта директива является как бы первым шагом главной французской квартиры к осуществлению прорыва фронта на линии Люксембург—Арлон—Нефшато. Иными словами, теряя все более и более веру в успех в Эльзас-Лотарингии, Жоффр пытается иметь успех на своем левом фланге. Но в этом стремлении есть одно весьма существенное обстоятельство, которое является рецидивом старого неверия в то, что главные силы германцев будут двинуты через Бельгию и Люксембург. Жоффр в

[1]) Les armées françaises dans la grande guerre, t. I. Annexe n° 450, p. 424.

первом же параграфе своей директивы определяет количество германских сил на фронте Диденгофен—Брюссель цифрой вдвое меньшей, чем их было в действительности, считая 13—15 корпусов, в то время как там было их 27½. Жоффр не верит даже в цифру 20 корпусов, которую давали ему сотрудники 2-го бюро главной французской квартиры, он сокращает эти данные на 7—5 корпусов, составляя вероятной цифру 13—15.

Указанная директива Жоффра говорит об очень слабой разведывательной деятельности французской конницы, так как бельгийцы в это время отходили к Брюсселю, а не находились к востоку от Мааса. Кроме того, 5-я армия уже развернулась фронтом на север, имея уступный порядок на правом фланге. Этой директивой Жоффр предполагал сразу повернуть 13 дивизий 5-й армии на восток. Во всяком случае, эта директива не является документом, который бы говорил о наличии у Жоффра ясной оперативно-стратегической концепции и твердого желания осуществить определенную задачу.

И в то время, как германские войска форсировали Маас, захватили Льеж и Брюссель, обложили Намюр, французские войска медленно тянулись к северной границе Франции, сдвигая развертывание своих войск влево. Только к 23 августа развернулась английская армия, без особого желания активно участвовать в первом большом пограничном сражении. Главком английской армии Френч беспрестанно указывал французскому главному командованию на то, что английская армия слаба, еще не устроена и что лучше было бы ей отойти к югу. Неоднократные просьбы Жоффра убедили все-таки Френча оставить свою армию в районе Мобежа.

Как видим, и на 20-й день после об'явления войны из головы французского главкома еще не выветрилась мысль, заложенная в первой директиве к плану № 17, о которой мы говорили выше. Фраза, что «большая часть германских сил будет, вероятно, сосредоточена на общей границе», т. е. в Эльзас-Лотарингии, попрежнему определяла стратегические установки французского командования. Такое исключительно неподвижное и не в меру упорное оперативно-стратегическое мышление вызвало и будет вызывать много лишних движений и передвижений у войск, напрасно изматывая их перед большим пограничным сражением.

Оперативно-стратегическая группировка французских армий перед пограничным сражением к 20—22 августа сложилась следующим образом:

1-я и 2-я армии, ослабленные на два корпуса, которые ушли к северной границе Франции, продвинулись с большими и упорными боями на 10—15 км в Эльзас-Лотарингию; против них наступали 7-я и 6-я германские армии. Соотношение сил было таково: общее превосходство было на стороне французов (29½ пехотных и 4 кавалерийских дивизий против 26 пехотных и 3 кавалерийских дивизий немцев), но на главном направлении Саарбург-Моранж немцы ввели ²/₃ своих сил (18 пехотных и 3 кавалерийских диви-

зии), а французы всего лишь $^1/_3$ (9 пехотных и 3 кавалерийских дивизии), остальные были разбросаны по второстепенным направлениям. Поэтому общая победа в Эльзас-Лотарингии осталась на стороне немцев [1]).

3-я и 4-я армии растянулись от Вердена до Мезьера, против них наступали 5-я, 4-я и 3-я германские армии.

5-я французская армия и английская армия заканчивали свое сосредоточение на линии Живе—Шарлеруа—Мобеж, против них, пройдя уже Бельгию, наступали 2-я и 1-я германские армии.

Затем три территориальных дивизии были растянуты от Валансьен до Дюнкерк. Как видим, в отношении численности (14 корпусов и 5 кавдивизий против 18 корпусов и 7 кавдивизий немцев) и оперативной группировки германские армии везде находились в более выгодном положении.

Так заплатила действительность за полное игнорирование бельгийского театра военных действий, за полную безыдейность, негибкость и вялость плана стратегического развертывания французских армий, которые вступили в большое пограничное сражение в явно невыгодной оперативной группировке и с войсками, ослабевшими от непрерывных мотаний в полосе стратегического развертывания.

Прошло всего лишь два дня и пограничное сражение англо-французами было проиграно, началось бурное отступление их к Парижу, за ними на юг к Марне покатился и двуликий план № 17 с его «наступлением всеми силами во что бы то ни стало» и одновременно «оборонительно-выжидательным образом действий в период развертывания французских армий».

При изучении развертывания сторон в 1914 г. невольно возникает вопрос, в какой мере оправдалась известная формула Мольтке-старшего, выведенная им из опыта австро-прусской войны 1866 г. и франко-германской 1870 г. о том, что «одна ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армий, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании».

Мы считаем, что за время с 13 по 20 августа, т. е., когда главная масса французских сил была сосредоточена непосредственно у государственной границы, у французского главного командования были все данные для того, чтобы резко изменить первоначальное стратегическое развертывание.

Обстановка была крайне благоприятной, противник не опередил французскую армию ни в мобилизации, ни в сосредоточении, оперативно-стратегическая инициатива целиком еще не была в руках немецкого командования.

Состояние железнодорожного транспорта у французов было таково, что можно было быстро перебросить не только стратегический резерв — 4-ю армию, но и 2-ю армию на бельгийский театр

---

[1]) По данным германского рейхсархива, т. 1, стр. 646, 6-я и 7-я герм. армии имели 328 бат., 143 эск., 1 766 орудий, 1-я и 2-я франц. армии имели 420 бат., 161 эск., 1 648 орудий.

военных действий, оставив за укрепленным крепостным поясом (Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор) 1-ю французскую армию. Нам могут возразить, что Жоффром был отдан в середине августа приказ о наступлении из района Вердена в направлении С.-Вит—Прюм, т. е. во фланг наступающему правому флангу германского фронта. Это верно, но, как известно, этот приказ остался неосуществленным в жизни, так как за ним последовал ряд распоряжений, которые свели на-нет этот временный наступательный проблеск в стратегии главного французского командования.

Таким образом, в 1914 г. Жоффр с помощью богатой сети железных дорог мог исправить ошибки в стратегическом сосредоточении по плану № 17 в первый же месяц от начала кампании, а не только «в течение всей кампании», как это думал Мольтке-старший в 1871 г., когда писал вышеуказанную формулу в своей известной статье «О стратегии». С дальнейшим развитием к 1918 г. и в последующие после мировой войны годы автотранспорта, при умелом сочетании его с работой железных дорог, современное высшее командование получило еще больший простор для внесения изменений в первоначальное стратегическое сосредоточение армий в начале той или иной кампании. Таково решающее значение развития техники вообще и военной техники в частности, которая является могущественным фактором в руках современного командования.

ГЛАВА IX

ПРЕДВОЕННЫЙ ПРОГНОЗ ГЕНЕРАЛА ФОША

В период 1903—1913 гг. наиболее популярным трудом во французском генеральном штабе был труд Фоша «Ведение войны. Маневр для боя». Оперативно-стратегические рассуждения автора, его прогнозы и выводы в этой работе были построены главным образом на опыте последней большой для Франции войны, а именно франко-германской (1870—1871 гг.). Весь труд «Ведение войны» был направлен к развенчанию стратегии Мольтке-старшего и являлся резкой ее критикой. Попутно автор давал ряд своих мыслей о будущей войне и о том, в каком виде будет проходить для обеих сторон (Германия и Франция) начальный период войны. События августа 1914 г. со всей очевидностью показали, что те предположения, которые строил Фош в главе «Планы войны» о стратегическом развертывании германских вооруженных сил в предстоящую войну (т. е. на 1914 г.), оказались неверными.

Перейдем к фактам. После анализа операций в Эльзас-Лотарингии в 1870—1871 гг. Фош пишет:

«От этого прошлого обратимся с вопросом к будущему: применимы ли принципы Мольтке к сосредоточению завтрашнего дня? Увидим ли мы две одновременно подготовляемые операции — одну в Эльзас-Лотарингии, а другую на Нижнем Рейне (т. е. в районе Рейнской провинции Дюссельдорф—Кобленц—Трир—Гладбах, где в 1914 г. как раз развернулись 1-я, 2-я, 3-я германские армии. Вл. М.)? Это было бы два наступления вместо одного, к тому же особых, вследствие разделяющего их пространства. Об этом нельзя и мечтать. Но могут сказать, эта операция, оставаясь единой, чтобы избежать преграды, образуемой нашими крепостями, может достичь известных выгод, развиваясь преимущественно не в Эльзас-Лотарингии, а на Нижнем Рейне и в Бельгии, а, следовательно, и будет иметь место в действительности. Предусматривать это едва ли стоит, так как сосредоточение прежде всего будет преследовать цель соединения всех сил в возможно кратчайшее время, что требует самого широкого использования железнодорожных линий, высадочных платформ и т. д. (т. е., что было четко организовано немцами в период 1906—1914 гг. как раз на

Нижнем Рейне, о чем Фош должен был бы знать и поэтому внести соответствующие изменения в одно из своих изданий «Ведение войны» хотя бы 1907 г. Вл. М.). Следовательно, сосредоточение, безусловно, будет происходить исключительно в наиболее оборудованном районе. В этом отношении район Нижнего Рейна нельзя сравнивать с Эльзас-Лотарингией. Будущее сосредоточение будет происходить на местности с достаточным количеством и густотой высадочных платформ. Они находятся в Эльзас-Лотарингии. В дальнейшем мы увидим, что в пользу Эльзас-Лотарингии, как района сосредоточения, гласят и другие обстоятельства. Во всяком случае, если теперь немцы, ошибаясь в понимании своих интересов или руководствуясь какими-либо ускользающими от нашего внимания соображениями, нарушат нейтралитет Бельгии или Швейцарии, то для нас в этом можно усмотреть только выгодную сторону.

1. Независимо от преград [1]), которые немцам пришлось бы преодолеть по пути, в связи с противодействием этих малых государств (Бельгия и Люксембург. Вл. М.), им пришлось бы ослабить свои силы, оставив отряды перед Антверпеном или в Брюсселе.

2. Они предоставили бы нам случай атаковать их во фланг всеми нашими соединенными силами, конечно, при условии, чтобы мы в свою очередь последовательно придерживались следующих принципов:

а) сбор всех наших сил в одну массу без выделения отрядов;

б) в одном районе, наилучше оборудованном железными дорогами и высадочными платформами — единственное средство для быстрейшего окончания сосредоточения;

в) при условии придания сосредоточению такой формы, которая бы по своей глубине давала возможность, в случае необходимости, обратиться фронтом на северо-восток или юг.

Перед этим господствующим правилом должны исчезнуть все вопросы об угрожаемых границах, как бы по внешности они ни казались интересными... Ввиду этого, во Франции район сосредоточения, повидимому, должен ныне находиться где-то на линии Шато—Сален—Клермон—Ферран. Насколько сосредоточение на этом направлении будет выдвинуто вперед или подано назад, определяется сроками готовности».

Дальше Фош проводил план создания против Эльзас-Лотарингии оперативной группировки из четырех армий и резерва, заканчивая свою мысль таким образом: «Таковы требования, из которых прежде всего должны исходить работы генерального штаба». (Подчеркнуто нами Вл. М.).

Мы уже достаточно подробно знаем план № 17 и когда сравниваем то, что говорил в своих трудах Фош, с содержанием, ко-

---

[1]) Здесь интересно вспомнить статью Шлиффена «О будущей войне», о которой мы писали в главе VI.

торое имеет этот план, то видим, что авторы плана № 17 не мало позаимствовали у Фоша. В приведенной выше выдержке из Фоша мы находим прямое игнорирование бельгийского театра военных действий и требование сосредоточения главной массы в одном районе, находящемся против Эльзас-Лотарингии, чтобы эта масса была подразделена на четыре армии с одной в резерве и т. д. Иными словами, то же самое, что было в планах №№ 15 и 17.

Указание Фоша сосредоточить армии поглубже, с тем чтобы лучше в нужный момент сманеврировать, смотря по обстановке, в необходимом направлении, как известно, в период с 13 августа и до конца большого пограничного сражения (у Монса, Шарлеруа, Динана и р. Самуа) кроме непрерывных движений, передвижений, выделений корпусов, перетасовок частей для создания новых двух армейских групп — амьенской и лотарингской, — ничего не принесло. Армии были обременены большим количеством соединений и трудно управляемы. Сутолока и сумятица господствовали в полосе французского стратегического развертывания после блестяще проведенной мобилизации и сосредоточения; здесь плюсы обратились в минусы, а идейное оперативно-стратегическое содержание плана № 17 было тому первопричиной.

Из всего сказанного мы делаем тот вывод, что и Фош и Жоффр оба не учитывали действительной актуальности для французской армии бельгийского театра военных действий. Фош и Жоффр перед 1914 г. не осознали так, как следовало бы, доктрину германской армии и целиком покоившийся на этой доктрине план развертывания Шлиффена, конкретные данные о котором еще до войны имелись как в литературе, так и в документах, приобретенных французским генеральным штабом еще в 1909 г. [1]).

---

[1]) См. работу ген. Дюпона «Высшее германское командование», стр. 12, с предисловием Жоффра.

ГЛАВА X

ВАРИАНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПО ПЛАНАМ ВОЙНЫ 1908—1910 гг. ЦАРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА [1])

Если из анализа германского и французского стратегического развертывания в августе 1914 г. на западно-европейском театре военных действий мы получили очень много данных, весьма полезных для военной теории, то также не меньше поучительного мы увидим и в стратегическом развертывании русских и австро-германских армий.

Выше мы наглядно видели, что стратегическое развертывание армий является одним из основных звеньев плана войны и оно находится на грани между оперативно-стратегическими замыслами плана войны, разрабатываемого в мирное время и первым большим пограничным сражением. В действительной жизни между планами мобилизации, сосредоточения и развертывания армий данной страны нет перегородок и заборов, а существует диалектическое единство. Стратегическое развертывание находится в полной взаимозависимости с планами мобилизации и стратегического сосредоточения, т. е. это есть последний и самый ответственный этап, после которого войска в определенных оперативных группировках вступают в бой с противником.

Отсюда ясно, что какова политика господствующего класса, таково будет и стратегическое развертывание армий и далее, каково по цели и направлению стратегическое развертывание армий, таков будет и характер первого большого пограничного сражения.

Будет совершенно неправильным рассматривать всю работу русского генерального штаба по вопросам создания плана стратегического развертывания армий в конце XIX и в начале XX столетий вне зависимости от тех политико-экономических и военных отношений и обязательств, которые имели между собой Франция и Россия. Нельзя правильно понять характер работы царского генерального штаба без соответствующего анализа развития экономики капитализма в России в последние два-три десятилетия перед Мировой войной 1914—1918 гг. В данной главе, как и в последующих, мы не имеем возможности исследовать все изменения всех много-

[1]) При чтении этой главы желательно пользоваться 25 и 40 верст. картой.

численных планов войны, которые были в царской России, так как для этого потребовалась бы целая книга. При анализе работы французского и германского генеральных штабов перед Мировой войной 1914—1918 гг. мы вскрыли лишь последние варианты плана войны; так же мы сделаем и здесь, ибо подвергнуть анализу все 20 вариантов, которые накопились перед империалистической войной у царского генерального штаба, не входит в нашу задачу.

Более 20 лет (1892—1914 гг.) между царской Россией и Францией действовала военно-политическая конвенция, четко определявшая те обязательства, которые должны были выполнить оба союзника в отношении как подготовки к войне, так и мероприятий, необходимых в первый период войны.

Периодические свидания и совещания, которые имели место между ответственными представителями генеральных штабов обеих стран, еще более детализировали, углубляли и видоизменяли в связи с политической обстановкой отдельные моменты заключенной военно-политической конвенции.

После своего назначения начальником французского генерального штаба Жоффр, приступив к разработке плана войны № 17, дважды имел личное свидание (в 1912 и 1913 гг.) с тогдашним начальником русского генерального штаба ген. Жилинским.

Сохранились весьма интересные материалы, говорящие о том, что ген. Жоффр весьма тщательно вникал в дела стратегического сосредоточения и развертывания царских армий. Эти материалы и та масса справок по планам войны, которые требовали к совещанию Жилинский и Жоффр, все это весьма наглядно в виде выводов отразилось на содержании последней редакции военно-политической конвенции.

Сущность ее заключалась в следующем:

1. Россия и Франция должны немедленно мобилизовать свои силы, как только будут получены первые сведения о мобилизации в Германии.

2. Главный враг обоих союзников — Германия, а поэтому поражение немецкой армии является первой и основной целью операций союзников.

3. Жилинский и Жоффр, не зная в деталях германского плана войны, правильно определяли, что «Германия направит большую часть своих сил против Франции, ограничившись минимумом против России», а потому они делали вывод, что союзники должны начать энергичное наступление одновременно с двух сторон.

4. Дальше следовали конкретные обязательства, которые царская Россия, хотя они и были подписаны ген. Жилинским, выполнить не могла всилу исключительной отсталости своих железных дорог.

Конвенция устанавливала:

«Франция выставляет на 10-й день мобилизации на своем северо-восточном фронте 1 500 000 чел., причем операции начнутся на 10-й

день. Россия выставит против Германии до 800 000 человек на 15-й день мобилизации, причем наступление начнется тотчас после 15-го дня».

Ниже мы увидим как осуществились в жизни эти конкретные сроки и цифры, но во всяком случае на всю стратегическую работу генеральных штабов обоих союзников это соглашение не могло не наложить своей печати.

5. Наконец, конвенция в общих чертах наметила направление для стратегического сосредоточения и развертывания русских армий, причем каждый пункт её был направлен к тому, что царская Россия должна энергично облегчать положение Франции, на которую обрушиваются главные силы Германии.

Конвенция твердо указывала царской армии, что «наступление будет наиболее выгодным с юга, т. е. от Нарева на Алленштейн, в случае сосредоточения немцев в Восточной Пруссии, или прямо на Берлин, если бы немцы сосредоточили свои главные силы восточного фронта в районе Торн—Познань». Во всяком случае, вся группировка царских армий должна была иметь такой характер, при котором:

а) для немцев была бы затруднена переброска с одного фронта на другой;

б) Германия вынуждена была бы оставить на своем восточном фронте как можно больше сил и

в) группировка сил в районе Варшавы имела бы для Германии угрожающий характер.

Имея ввиду, что уставы, инструкции, наставления и пр. у обеих армий были пропитаны наступательными тенденциями, конвенция сочла нужным еще раз оговорить и напомнить, что термин «оборонительная война» нельзя понимать буквально. Напротив, безусловно необходимы со стороны русской и французской армий наступательные действия, «энергичные и по возможности одновременные». Мы уже знаем, что «энергичное наступление» по плану № 17 выразилось в бурном отступлении французских армий к Парижу, а по плану войны царского генерального штаба этот пункт конвенции об «энергичном наступлении» закончился Самсоновской катастрофой и полным провалом Лодзинской операции. Постараемся и для русского фронта разобраться в причинах этого интересного явления.

Главными противниками на западно-европейском театре военных действий для царской России являлись Германия и Австро-Венгрия.

Конфигурация государственной границы была весьма своеобразной, так как огромный мешок Осовец—Калиш—Томашев, который представлял собой так называемый Передовой театр, в оперативно-стратегическом отношении имел свои выгоды и недостатки. Русский генеральный штаб больше ориентировал своих работников на то, что при при данном начертании государственной границы активный удар противника со стороны Германии (Восточная

Пруссия) и от Кракова—Ярослава (Австро-Венгрия) в общем направлении на Седлец должен будет совершенно срезать Передовой театр. Этот удар сразу отберет Польшу и выравняет государственную границу из полукруга в прямую линию. Русский генеральный штаб, пропитывая свои уставы наступательной доктриной, одновременно избегал детализации вариантов активного удара к северо-западу от Варшавы с целью отрезать Восточную Пруссию, или удара из района Ивангород—Люблин в направлении Будапешт, хотя в тех 20 оперативно-стратегических фолиантах, которые остались от царского генерального штаба, такие активные варианты также имели свое место. (Например, планы развертывания ген. Милютина).

Но в основном будет правильным сделать вывод, что как французский, так и русский планы войны перед империалистической войной 1914—1918 гг. находились в резком противоречии с содержанием той решительной, наступательной доктрины, по которой учились войска (уставы, наставления, инструкции, полевые поездки, военные игры и пр.).

Совершенно естественно, что, имея перед собой на западе двух серьезных противников, царский генеральный штаб должен был иметь два варианта в плане войны, построенные с учетом требований русско-французской военной конвенции. Это были варианты «Г» (Германия) и «А» (Австро-Венгрия).

Варианты «А» и «Г», по которым развернулись вооруженные силы царизма в 1914 г., были созданы не сразу, а в результате длительного периода времени.

В тот момент, когда Мольтке-старший (см. главу I) решал активно действовать на восточном (русском) театре и, обороняясь на западе (против Франции), совместно с австрийцами «последовательно бить медленно собирающиеся русские войска», в это время царский генеральный штаб изыскивал различные способы увеличить готовность армии и добиться скорейшего стратегического сосредоточения войск в пограничные Неманские, Привислинские и Волынские районы. Уступное положение вперед Восточной Пруссии и Галиции очень выгодно захватывало в клещи весь русский Передовой театр (Осовец—Калиш—Томашев), но, с другой стороны, и царские армии, сосредоточившись в Передовом театре, ударом в северо-западном и юго-западном направлениях могли охватывать районы Восточной Пруссии и Галиции (действуя по внутренним операционным линиям). Стратегическое развертывание царских армий на левом берегу Вислы требовало обеспечения флангов, иными словами, нужны были дополнительные силы. Последний момент опять упирался в основной вопрос быстроты мобилизаций и сосредоточения при огромных территориальных размерах царской России. При отнесении стратегического развертывания назад на линию Неман, Шара, Стырь, царские армии, естественно, теряли Передовой театр и давали возможность быстро соединиться в нем германским и австрийским армиям. Но это развертывание назад давало в руки

царского командования такое положение, когда армия оказывалась вне клещей со стороны Восточной Пруссии и Галиции.

Но для того, чтобы не осуществлять развертывания назад, необходимо было соответствующим образом организовать железнодорожную сеть, крепостную систему, ускорить быстроту мобилизации и стратегического сосредоточения, организовать соответствующую дислокацию мирного времени, с тем чтобы большая часть полевой армии находилась бы в пограничной полосе. До военно-политической конвенции между царской Россией и Францией в вариантах стратегического развертывания проходит основная мысль — активно действовать против Австро-Венгрии, с желанием через успешную войну с ней распространить свою экспансию на Балканах, и обороняться против Германии. Но после франко-русской конвенции распределение сил на западном театре военных действий становится равномерным, а в некоторых вариантах даже невыгодным для южного участка (Австро-Венгрия). Во всех же оперативно-стратегических предположениях проходит красной нитью факт медленного русского сосредоточения; так, в планах, составленных до русско-японской войны 1904—1905 гг., это отставание по сравнению с германцами было на 22 дня, а с австрийцами на 18 дней. Постройка железных дорог и крепостей требовала много средств и времени, а разница в быстроте стратегического сосредоточения и развертывания оставалась до 1905 г. весьма большой и крайне невыгодной для царской армии. Например, германская армия на восточном (русском) фронте заканчивала стратегическое развертывание на 12-й день мобилизации, австро-венгерская — на 15-й, а царская армия — на 32-й день.

Учитывая сказанное, царский генеральный штаб, не желая добровольно оставлять Передовой театр, решил как можно более усилить войска, прикрывающие развертывание. Делалось это для того, чтобы эти войска прикрытия, ведя длительные самостоятельные операции, задерживали бы вторжение противника и тем самым облегчали процесс сосредоточения на театр военный действий основной массы войск из глубины страны. Поэтому еще в мирное время, в 1902 г., из имевшихся 25 корпусов царское командование в трех западно-пограничных округах — Виленском, Варшавском и Казанском — имело 16.

Среди планов стратегического развертывания царской армии есть ряд интересных по своему идейному содержанию и целеустремленных образцов, например, планы Милютина и Драгомирова. План развертывания ген. Драгомирова от 1900 г. представлял собой целеустремленный активный план, направленный к сосредоточению в Передовом театре основной массы сил для решительных операций против главного противника — Германии. Этот план впитал в себя все наиболее сильные стороны оперативно-стратегических вариантов предшествующих разработок, а поэтому мы кратко остановимся на нем, чтобы затем перейти к новому плану (после русско-японской войны, периода 1909—1914 гг.).

Генерал М. И. Драгомиров был самым страстным поклонником полководческого искусства Суворова. В области же стратегии и учения о войне он считал себя учеником Клаузевица, которого Драгомиров с восьмидесятых годов старался широко популяризировать в России.

В противовес бонналевской «муштровке», направленной к тому, чтобы создать «солдата автомата», Драгомиров говорил, что «солдата надо не муштровать, а воспитывать и специализировать, не ломая в нем человека». За широкое развитие моральных качеств, за крепкую физическую культуру бойцов постоянно ратовал в своих трудах Драгомиров, пытаясь сам осуществлять эти идеи в тех войсках, которыми он командовал. Следует заметить, что за эти идеи Драгомиров поплатился от школы николаевских плац-парадников: последние умышленно сгущали краски и даже там, где Драгомиров был прав. Когда он говорил, что с изобретением нарезного оружия «пуля и штык не исключают, а дополняют друг друга», плац-парадники делались ярыми «огнепоклонниками». Они писали, что Драгомиров противопоставляет «штык пуле, ратуя за штык и не веря в действие современного скорострельного огня». Надо иметь ввиду, что Драгомиров, как военный писатель, отличался не только большой парадоксальностью, но и эклектизмом. Например, в ряде своих работ (см. сборники «14 лет 1881—1895 гг.», «11 лет 1895—1905 гг.», также учебники по тактике) Драгомиров говорит, что штык еще не потерял своего «решающего значения» в современном огневом бою и что надо стремиться воспитывать солдат и младших командиров таким образом, чтобы они всегда стремились в бою как можно ближе подходить к противнику и р е ш а т ь у ч а с т ь б о я у д а р о м в ш т ы к и. Учитывая развитие техники и тактики девяностых и девятисотых годов, ничего «несуразного» в такой постановке вопроса Драгомировым мы не видим, так как он эти мысли базировал на «развитии высокой моральной и физической силы бойца». Другой, конечно, вопрос, что, пытаясь оказать большую услугу своему классу, генерал Драгомиров не видел того, что все более и более расшатываемый революционными взрывами царский режим уже не мог дать такого бойца, которого требовал генерал Драгомиров.

Суворовское правило «глазомер, быстрота, натиск» Драгомиров широко пропагандировал в печати, на полевых поездках, учениях и маневрах. Это суворовское правило он понимал так, что г л а з о м е р — это значит правильно оценить данную боевую обстановку; б ы с т р о т а — обеспечить для своих действий в н е з а п н о с т ь удара; н а т и с к — сосредоточить возможно большее количество сил в решительное место, где намечен по плану операции удар.

Читая в 1903 г. «Des principes de la guerre» Фоша [1]), Драгомиров правильно расшифровал, что Фош, выдвигая для современного военного искусства три принципа: 1) п о д г о т о в к а, 2) м а с с а и

[1]) F o c h. Des principes de la guerre. Paris 1903, p. 42—45.

3) стремительность, фактически повторяет суворовский «глазомер», заменяя его словом «подготовка», понятие «быстроты» заменяет «стремительностью» и, наконец, понятие «натиск» у Фоша выражено словом «масса».

Но наряду с этими интересными и верными мыслями Драгомирова, что солдата надо «не муштровать, а воспитывать», с тем чтобы «солдат сознательно понимал своей маневр», что «учить войска в мирное время» нужно «только тому, что им придется делать на войне», которые он высказывал и писал тогда, когда в царской России очень мало кто об этом думал, наряду с этим Драгомиров очень часто впадает в эклектизм и высказывает совершенно неверные и вредные мысли по использованию военой техники и в особенности в отношении её дальнейшего усовершенствования и развития.

Например, в 1891 г. он писал: «Я считаю пулеметы нелепостью в полевой армии нормального состава». Это была уже реакционность. Таким образом, наряду с отдельными верными идеями в деле тактической подготовки и воспитания бойцов, у Драгомирова очень часто имело место пренебрежительное отношение к военной технике и особенно к магазинным ружьям, пулеметам, щитам для орудий, увеличению артиллерии, стрельбе с закрытых позиций и т. д. Чрезмерно увлекаясь суворовской ударной тактикой и подчас фетишизируя штыковой удар, Драгомиров упускал и игнорировал важнейший фактор в виде значительного роста и развития военной техники, которые в то время наблюдались за-границей. С этим недоучетом и недопониманием дела дальнейшего развития военной техники и её теснейшей взаимозависимости и взаимодействия с тактикой и операцией и умер Драгомиров в 1905 г.

Во время командования войсками Киевского военного округа Драгомирову удалось составить вариант стратегического развертывания против Германии, который заслуживает внимания. Этот вариант явился как бы развитием, дополнением плана развертывания царского генерального штаба от 1900 г. Из первой главы нашего труда мы знаем варианты развертывания, которые проектировал в эти годы начальник германского генерального штаба Шлиффен, оставляя в Восточной Пруссии 3 кав., 6 пех., 3 рез. дивизий и сосредоточивая против Франциии 8 кав., 42 пех., 11 рез. дивизий, т. е. $^4/_5$ всех германских вооруженных сил. Посмотрим, как предлагал Драгомиров развернуть русские армии на германо-австрийской границе, когда 95% своих сил Шлиффен направлял на Францию. Предварительно коротко остановимся на плане 1900 г. Этот план фактически был одним из последних перед русско-японской войной, когда главное внимание царского генерального штаба было перенесено на события Дальнего Востока (японо-китайская война, захват Порт-Артура русскими войсками, Као-Чао германцами, боксерское движение, борьба за южную Манчжурию и Корею и т. д.). Составители плана 1900 г. предполагали, что главные силы австро-венгерской армии будут развернуты против России в Галиции, а

германские в Восточной Пруссии. Предполагалось, что на фронте Каменка—Струмилова—Тарнополь австрийцы развернут в 1900 г. 4 корпуса, а в районе Львов—Соколов — 9 корпусов, оставляя один корпус в Кракове; о германском развертывании было известно, что при направлении главных сил против Франции в Восточной Пруссии будет оставлено 5 корпусов, но возможен и другой вариант, когда на восточном (русском) фронте германское командование развернет 18 корпусов. По плану 1900 г. генеральный штаб на северном фронте против Германии развертывал 1-ю и 2-ю армии от Липска до Пултуска, имея 6-ю армию в районе Вильна, как резерв главкома. На южном фронте против Австро-Венгрии 3-я армия развертывалась в районе Люблин—Ковель, 4-я — впереди Дубно, 5-я — в районе Проскурова, с Кавказа в район Проскурова подвозилась группа в составе 72 батальона, 44 эскадрона, 244 орудия. Общий резерв — в трех группах: Казатин, Брест, Минск.

По этому плану предполагалось развернуть:

Русские силы		Австро-германские силы
1 524 бат.	против	от 926 до 1 327 бат.
1 078 эск.	„	„ 487 „ 682 эск.
4 802 орудия	„	„ 2 972 „ 5 092 орудий

в зависимости от того, направит ли Германия на восточный (русский) фронт 5 корпусов или 18 корпусов. В этом развертывании царские армии отставали от германских на 22 дня, от австрийских на 18 дней.

Замечания ген. Драгомирова по этому плану выразились в следующих предложениях:

1. Дислокация царской армии в 1900 г. была такова, что все армейские корпуса были сосредоточены в пограничных округах не далее линии Петербург—Москва—Харьков—Севастополь. Это значительно ускоряло сосредоточение.

2. Красная нить в развертывании ген. Драгомирова — стремительные активные действия с первого же дня войны; он за вторжение в Германию, которую считает главным врагом, а также и за наступательные действия против Австро-Венгрии. Для этого на обоих направлениях он предлагает сосредоточить превосходные силы; против 14 австрийских корпусов Драгомиров собирает три армии в составе 15 арм. корпусов, 12 кавдивизий и 1 рез. дивизии; против 5 германских корпусов — три армии в составе: 10 арм. корпусов, 2 кав. корпусов, 5 кавдивизий, 4½ пех. дивизий плюс 8 пех. и 3 кавдивизии 6-й армии. Такое сосредоточение превосходных сил с компактным их расположением давало возможность Драгомирову строить план активной операции на австро-германской границе.

3. Драгомиров полагал, что его план дает прочное основание для совместного удара с восточного (русского) фронта и запад-

ного (французского) по Германии, ставя последнюю в крайне тяжелое положение, так как Германия не могла рассчитывать на поддержку Австрии, которая имела против себя также превосходные силы русских.

Драгомиров требовал: а) всемерного усиления левого берега Вислы, как плацдарма для глубокого скачка в пределы Германии, б) скорейшего расширения железнодорожного строительства на варшавском театре военных действий с целью быстрейшего сосредоточения войск к границам, в) постройки нескольких мостов через Вислу для маневрирования войсками с одного на другой берег, г) сосредоточения в районе Лович—Скерновицы не менее 2 армейских корпусов в противовес тенденции оголять левый берег Вислы, и наконец, д) полного взаимодействия в начальный период многочисленной конницы с полевой армией, которая будет также стремительно наступать.

Развертывание по варианту Драгомирова показано на черт. 11.

1-я армия — 5 стр. бригада в Сувалках, три кавдивизии по границе от Августово до Кольно, 3-й корпус в Гродно, 4-й и 18-й — в Белостоке, 2-й, 20-й и казачья дивизия — в Ломже.

2-я армия — 1-й кав. корпус (две дивизии) — в Конине, 14-я кавдивизия — в Ченстохове, 1-я стр. бригада — в Кутно, 5-й и 15-й корпуса и 3-я гвардейская пехотная дивизия — в Лович—Скерновицы, 2-й кав., 6-й и 16-й армейские корпуса и три резервные дивизии — в районе Варшавы.

6-я армия и три резервные дивизии подвозятся непосредственно к Варшаве.

3-я армия в районе Люблин—Томашев—Холм, 23-й корпус с казачьей дивизией — в Ковеле.

4-я армия — в районе Луцк—Кременец, резервная дивизия — в Ровно.

5-я армия — в районе Кременец (искл.) — Старо-Константинов — Волочиск — Проскуров.

В районе Кишинев — Одесса 27-й корпус и 8-я кав. дивизия, 28-й корпус — в Бердичеве, 24-й корпус от Барановичей сосредоточивается в районе Варшавы.

Этот план Драгомирова не получил своего дальнейшего развития, так как генеральный штаб не разделял его идею более чем двукратного сосредоточения сил и средств для первоначального стремительного удара и наступления в пределы Германии. С приходом после русско-японской войны Сухомлинова и Данилова эти идеи Драгомирова совсем были забыты, так как в области развертывания делалось все им противоположное.

Для исследователя мировой войны этот вариант Драгомирова интересен тем, что он со всей ясностью говорит, что царскому командованию в августе 1914 г. было выгоднее осуществить вариант Драгомирова, чем пытаться делать в октябре—ноябре 1914 г., когда соотношение сил было не в пользу России, примерно то же, что предлагал четырнадцать лет ранее ген. Драгомиров.

Боевой состав армий.

1 армия—5 стр. бр-да, три кав. дивизии, 2, 3, 4, 18, 20 к-са, каз. дивизия.

2 армия—1 кав. к-с, 14 кав. дивизия, 1 стр. бр-да, 3 гв. пех. дивизии, 2 кав. к-с, 5, 6, 15, 16 к-са, три рез. дивизии. (Варшавский район).

3 армия—гренад., 14, 13, 17, 19, 25 к-са, три кав. дивизии, 23 к-с + каз. дивизия (Ковель).

4 армия—9, 10, 11, 21, четыре кав. дивизии + рез. дивизия.

5 армия—7, 8, 12 к-са, две бр-ды (3 и 4) и четыре кав. див., из них две сведены в к-с.

6 армия—восемь дивизий пехоты и три кав. дивизии.

Черт. 11. План стратегического развертывания, составленный командующим Киевским военным округом ген. М. И. Драгомировым в 1900 году.

На этом в рамках нашего исследования мы считаем возможным закончить разбор плана развертывания Драгомирова и перейти к периоду Сухомлинова и Данилова.

Сухомлиновско-даниловский период по времени относится к 1909—1914 гг. и в основном является пассивно-оборонительным; он впитал в себя варианты так называемого переломного периода 1902—1909 гг. с основной идеей развертывания назад и отрицательного взгляда на Передовой театр (польский мешок). Мало того, если милютинская система требовала еще большего развития крепостей Варшавско-Новогеоргиевского района, включая Зегрж, Ивангород, Ломжу, то Сухомлинов фактически уничтожил все крепости Передового театра, оставив как будто для курьеза лишь Новогеоргиевск, называвшийся в шутку «вторым Порт-Артуром».

Сухомлиновский вариант стратегического развертывания требовал не эшелонирования на основных направлениях в глубину с наличием удобно-расположенных резервов для маневрирования, а, напротив, фронтального развертывания всех армий царизма на линии Вильна—Белосток—Брест—Ровно—Каменец-Подольский, разделенной почти на два равных участка благодаря огромному лесисто-болотистому району Полесья. И вместо крепостей Передового театра Сухомлинов строил и укреплял крепости в районах Ковно—Гродно—Осовец—Брест. Но, как известно, царская армия выступила на войну совсем без крепостей (если не считать Новогеоргиевска), так как старые были заброшены, а новые еще не были построены и достроены.

Пассивно-оборонительный план работ по подготовке к войне периода Сухомлинова—Данилова становился в резкое противоречие с тем, что было написано в франко-русской военной конвенции.

Сущность всех вариантов стратегического развертывания периода Сухомлинова сводится к тому, что они составлены по основной оперативно-стратегической концепции: «А что же должен делать противник и что он будет обязан делать?» Отсюда, как же успеть сосредоточить свои вооруженные силы так, чтобы этому делу не помешали ни германцы, ни австрийцы, куда отнести развертывание из польского мешка, чтобы не быть обойденным с флангов, где окончательно наметить линию, с которой в будущем, но опять же в «зависимости от обстановки», перейти в наступление? Содержание же конвенции как раз требовало обратного, а именно: царская армия должна наступать и сразу же навязывать свою волю противнику. Царский генеральный штаб совершенно не был уверен в том, что война начнется именно в 1914 г., скорее он ориентировался на лучшее: по его предположениям война должна была начаться в 1917 г., когда закончится осуществление большой военной программы. Всилу этого свои расчеты и подсчеты по стратегическому развертыванию сообразно с пунктами конвенции в обновленной редакции 1912—1913 гг., он целиком не сумел под-

готовить. Но зато все варианты перед империалистической войной полны желанием не только забраться в оперативно-стратегические думы противника, но и думать именно за него.

Это же желание слишком много думать и решать за противника, в ущерб стремлению посредством своей активности навязать ему свою волю, не могло не привести к тому, что, как правило, во всех последних вариантах доминировала мысль о необходимости прикрыть хорошенько все направления, идущие от государственной границы и везде иметь достаточное количество войск. А поскольку протяжение государственной границы измерялось в 2 600 км, желание везде ее прикрыть и везде иметь войска приводило к стратегическому развертыванию по принципу кордона, т. е. в длинную линию, с войсками, растянутыми в нитку по всей государственной границе.

Исходя из положения, что каждый новый проект является в известной степени производной от старого и поэтому они должны рассматриваться в связи друг с другом и имея ввиду, что у царского генерального штаба проектов развертывания было очень много, более 20, мы кратко остановимся только на самых характерных, которые в той или иной степени могут дать оценку оперативно-стратегическому мышлению царского генерального штаба, а также охарактеризуют тот идейный политический и стратегический багаж, с которым русский генеральный штаб начал стратегическое развертывание на своем западно-европейском театре военных действий в июле—августе 1914 г.

Перед нами проект стратегического развертывания русских армий 1908 г., т. е. того времени, когда в Германии еще действовали планы Шлиффена, а во Франции — план № 15. Прогноз русского генерального штаба о реальном противодействии плану Шлиффена и рассуждения о группировке германских сил мы находим в варианте развертывания 1908 г. В нем мы видим следующие положения.

Для борьбы на всем западном (русском) театре сосредоточивается 8 армий, которые должны иметь общую численность в 1 357 батальонов, 1 038 эскадронов и 4 390 орудий.

Главный противник — Германия. Силу германской армии этот вариант определяет в 46 корпусов (из них 23 резервных) и 19 кавалерийских дивизий (из них 8 резервных).

Главный составитель этого варианта ген. Ю. Данилов считал, что главный удар Германия будет наносить Франции, но одновременно оставит против России сильный заслон не менее как в 18—20 корпусов, т. е. «заслон» на второстепенном направлении почти в половину всех сил (?!). Так понял доктрину германской армии царский русский генеральный штаб, имевший обильный материал о противнике.

Итак, из 46 корпусов целых 18—20 корпусов — против России! Как же они должны были развернуться, с тем чтобы «прикрыть» и затем «наступать» против русской армии? Составители варианта 1908 г. полагали, что не менее 10—13 корпусов будет сосредоточе-

но между Млавой и юго-восточным выступом Мазурских озер, 1½ корпуса — к северу, т. е. против среднего Немана, остальные будут рассредоточены по линии Бромберг—Познань—Бреславль. Австро-венгерская армия почти не бралась во внимание, она как будто ускользнула из поля зрения составителей варианта 1908 г. Имевшиеся в распоряжении царского генерального штаба документы говорили о том, что 4 корпуса австро-венгерского фронта будут развернуты на фронте Тарнополь—Красне и 9 корпусов на фронте Львов—Соколов. Готовность к наступлению германской армии определялась к 12-му дню мобилизации, полная готовность к 18—19-му и 21—22-му дню мобилизации, но собственно войска могли быть готовы через 15 дней после об'явления мобилизации.

Определив и расположив так силы противников, царский генеральный штаб 8 своих армий развертывал в следующем виде (таблица 15, стр. 235, схема 12).

Что же можно сказать о стратегическом развертывании 1908 г., по мобилизационному расписанию № 18? Во-первых, оно было неправильно в самой основе, так как предвзятое мнение о 18—20 германских корпусах в Восточной Пруссии совершенно не соответствовало действительности. Такой прогноз скорее говорит о полном незнании стратегической доктрины германской армии, несмотря на то, что русский генеральный штаб изучал огромное количество материалов. Совершенно непонятно, как мог автор этого варианта предполагать, что германцы для прикрытия второстепенного направления бросят целых 18—20 корпусов, а на главное и важнейшее направление направят всего лишь 26 корпусов. Во-вторых, боевой порядок развертывания 1908 г. крайне причудлив, фактически он равномерно прикрывает все направления и все участки границ. Он готов к наступлению и на Восточную Пруссию и в Галицию, в то время как в основе варианта лежит мысль, что главная борьба предстоит именно с Германией, которая, как казалось русскому генеральному штабу, сосредоточивает против России до 20 корпусов. Согласно варианту авангард в 11 дивизий выдвинут вперед на 150 км, более 6 переходов от линии Белосток—Холм, куда сосредоточивались 24 дивизии главных сил.

Если мы сравним сроки готовности обеих сторон, которые определяли сами работники царского генерального штаба, то увидим, что они заведомо хотели вести операцию против превосходного по их же расчетам противника, не окончив стратегического сосредоточения армий. При более тщательном учете всего этого они не допустили бы грубейшей ошибки с 20 корпусами, а также поняли бы, что главная масса сил должна была направляться немцами против наиболее сильного противника, оставляя против другого заслон, равный не половине этой главной массы, а максимум 5% из 100, т. е. то, что и делали немцы, предназначая для Восточной Пруссии 4—5 корпусов. Как помнит читатель, одно время Шлиффен вообще

Таблица 15

	Армия	Состав: Батальонов	Состав: Эскадронов, сотен	Состав: Дивизий	Район сосредоточения	Готовность в днях мобилизации: Главной массы	Готовность в днях мобилизации: Окончательная (полная готовность)
Северо-западный фронт северное Полесья	Балтийская плюс Рижский отдельный корпус	203	71	Показаны на схеме 12	Петербург и побережье Балтийского моря	16	29
	1-я	188	122		Вильна—Ораны—Олита—Ковно	15	25
	2-я	118	110½		Гродна — Белосток	11	13
	3-я	211	178		Бельск — Брест — Холм — Ковель	14	33
	Висленская	172	76		Под прикрытием крепостей Новогеоргиевска, Зегржа, Варшавы, Ивангорода	12	20
	Центральная	96	135		Лида — Волковыск — Барановичи	17	35
					Для всего сев.-зап. фронта	11—17	20—35
Армии южнее Полесья	Киевская	272	273		Ровно — Дубенский и Проскуровский	19	35
	Киевская	97	72		Бендеры — Тирасполь	19	30
					Для армий Южного Полесья	19	30—35

считал возможным оставить совершенно ничтожные второочередные силы для Восточной Пруссии, сосредоточивая все свое внимание против франко-бельгийского фронта и развертывая 90% сил на своем правом фланге (бельгийско-люксембургская граница).

План развертывания по варианту 1908 г. по своему идейному содержанию (кордонообразность оперативных группировок всилу равномерного распределения сил и отсутствия уплотнения для удара, исключительное тяготение к насыщению всего пространства войсками, преувеличение сил противника до 18—20 корпусов, когда в это время германцы оставляли в Восточной Пруссии 4—5 корпусов) родственен французскому стратегическому развертыванию по плану № 15. И, как увидим ниже, план развертывания царских армий к 1914 г. будет по своему внутреннему содержанию родственен французскому плану № 17 с его красной нитью: «наступать в зависимости от обстановки».

Вариант развертывания 1910 г. является также весьма оригинальным оперативно-стратегическим произведением царского генерального штаба.

В это время во главе военного министерства стоял ген. Сухомлинов; при нем сменилось три основных начальника генерального штаба — Гернгросс, Жилинский и Янушкевич; Зайончковский характеризует их так:

«О них трудно было бы что-либо сказать; я думаю, что они сами не могли бы сказать, на основании каких стратегических и административных данных эти люди были выдвинуты Сухомлиновым на ответственный пост начальника генерального штаба».

Автором большинства вариантов стратегического развертывания был начальник оперативного управления (генерал-квартирмейстер) Ю. Н. Данилов. Он в продолжении целых шести лет перед 1914 г. работал над вопросами оперативно-стратегической подготовки царской России к войне. Его считали «своего рода Мольтке» царской армии.

В последние годы перед мировой войной инициативная группа во главе с ген. Даниловым стала с особой настойчивостью проводить мысль о полной самостоятельности начальника генерального штаба и его ближайшего помощника (ген. Ю. Данилова) во всех вопросах оперативно-стратегического порядка, разрешение которых требуется в работах по созданию плана войны. Военный министр ген. Сухомлинов целиком поддержал эти предложения работников своего генерального штаба, которые были сформулированы, примерно, так:

«Установление строгой плановости в ведении стратегических работ. Всилу этого принципа план войны (развертывание армий и тылов) должен разрабатываться и проводиться лицами, непосредственно стоящими у этого дела и отвечающими за него в целом. Коллегиальный же способ разработки должен быть отставлен, как вносящий в дело слишком много соображений местного (имеется ввиду мнения по сосредоточению и развертыванию армий со стороны

командования округов. В л. М.), а следовательно, частного характера и, в общем, несомненно нарушающий цельность работы и вложенную в нее единую идею».

Автором стратегического развертывания 1910 г. был генерал Ю. Н. Данилов, которого всецело поддерживал начальник генерального штаба ген. Гернгросс. Материал по этому развертыванию очень обширен, а поэтому мы постараемся здесь дать лишь синтез из этих многочисленных подсчетов, расчетов, отдельных предложений, записок, докладов, дополнительных соображений, резкой полемики с командованием округов, которые подняли большой шум, продолжавшийся более года после получения этого варианта развертывания.

Первые слова директивы по плану стратегического развертывания начальника генерального штаба, написанные рукою ген. Данилова (см. дела военно-учебного архива за № 175710 и № 175953) весьма пессимистичны.

Директива сразу же начиналась с преувеличения сил, средств и возможностей Германии, Австро-Венгрии и Румынии, как главных противников царской России. Все эти государства по директиве находились в неизменно лучшем положении в основных вопросах, т. е. быстроте мобилизации и сосредоточения, вооружении и пр.

«Пользуясь этим обстоятельством, они, вероятно, начнут войну быстрым вторжением в пределы нашего отечества. Такой способ действий для них возможен даже в случае, если Германия разделит свои силы для одновременной борьбы с нашей союзницей Францией» гласила директива Гернгросса—Данилова.

Вследствие этого обстоятельства общая обстановка резко меняется, надо отходить назад, надо забыть об удержании Передового театра с его оборонительной линией по Висле и Бугу. Нареву, как опоры, как трамплина для дальнейшего наступления в глубь территории противника. Все это — оперативно-стратегическая фантастика, обстановка требует немедленно подготовить вопрос сдачи десяти губерний Передового театра, «уничтожив все, что может принести пользу противнику», и отнести стратегическое развертывание армий назад.

Первоначальную задачу для всех армий директива формулировала следующим образом:

«Сосредоточиться в избранных районах с целью задержать наступление австрийцев активными действиями войск, собранных к югу от Полесья и создать к северу от Полесья возможно более благоприятную обстановку для перехода совокупными силами в общее наступление по указанию главнокомандующего.

Дальше следовали указания о сосредоточении и развертывании для армий, причем к указаниям для каждой армии прибавлялось мало к чему обязывающее напоминание: «Подготовка к решительному наступлению в зависимости от об-

становки». Сам же ген. Данилов так определял этот план развертывания:

«Форма сосредоточения армий в две линии вызывалась желанием придержать часть сил в тылу впредь до выяснения обстановки».

Однако при развертывании он придерживал в тылу не часть, а почти все армии.

Ввиду исключительного интереса, который представляет собой это произведение, весьма остро характеризующее оперативно-стратегическое мышление главных представителей русского генерального штаба и понимание ими современной большой войны, постараемся дать сводную таблицу по стратегическому развертыванию 1910 г. по мобилизационному плану № 19 (см. таблицу 16, стр. 240, 241 и схему 13).

Схема 13 и таблица 16 дают достаточное представление о плане развертывания 1910 г., здесь же мы лишь укажем, что оригинальнее всего в этом так называемом «стратегическом развертывании назад» — задача, которую поставили Гернгросс—Данилов единственной крепости Новогеоргиевску, отстоявшей более чем на 200 км от главных сил. Эта крепость, имея в своем гарнизоне 2 полевых дивизии, должна была одна защищать Передовой театр. «Залогом нашего возвращения в этот район, — писала директива, — является крепость Новогеоргиевск, которая должна держаться до последнего патрона и сухаря».

Если развертывание 1908 г. предполагало ведение операций против превосходного противника, не закончив сосредоточения армий, то вариант стратегического развертывания Гернгросса—Данилова от 1910 г. был ему полной противоположностью, так как стремился достигнуть наибольшей безопасности в стратегическом сосредоточении и развертывании своих армий.

Этот вариант является также «образцом» по оттягиванию своих сил подальше от государственной границы с целью посмотреть и выждать, прежде чем думать об активных действиях. Авторы этого произведения хорошо понимали, что в дальнейшем будет небезопасно проявлять инициативу в действиях, так как с уходом русских войск из Передового театра (Осовец—Калиш—Томашев) противник получал полную возможность об'единить германские войска из Восточной Пруссии с австрийскими войсками из Галиции. Что будет делать после развертывания этих сил будущий главком — дело его опыта, таланта и знаний; факт тот, что на небольшом пятачке вариант собирал огромные силы в кулак. А поэтому долг главкома направить эти силы или в Восточную Пруссию или в Галицию, или разорвать где-то в центре об'единенные силы австро-германцев, если это об'единение произойдет, и затем итти от Седлеца на Варшаву—Берлин. Таблица 16, говорит, что к 20-му дню мобилизации вариант может дать 32 дивизии против Германии и 26 против Австрии, т. е. налицо будет возможность равными силами наступать против главных сил противника,

и прикрываться против второстепенных. Иначе говоря, везде стараться быть сильным, а фактически в перспективе нигде не иметь успеха.

Вариант стратегического развертывания 1910 г. шел вразрез с политикой буржуазно-помещичьей России в первое десятилетие XX века.

Для того чтобы иметь более полное представление об оперативно-стратегическом творчестве царского генерального штаба, необходимо проследить ту политическую и экономическую обстановку, в которой находилась царская Россия и её генеральный штаб — основной руководитель вооруженных сил, как в период создания вышеуказанных планов войны 1908 и 1910 гг., так и непосредственно перед империалистической войной.

К началу XX столетия политическая обстановка в Европе с каждым годом все более накалялась, шла бешеная гонка вооружений морских и сухопутных сил, на Балканах крепко завязывался узел политико-экономических противоречий, в который втягивались Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Австро-Венгрия открыто стремилась к колонизации Балкан. Она заявляла в своей печати «Балканы нам нужны, и мы их возьмем; а кто станет нам поперек дороги, того мы отправим домой с окровавленной головой». Это стремление постоянно встречало самое энергичное противодействие со стороны самодержавной России. Последняя после своего жестокого поражения на Дальнем Востоке (русско-японская война) с помощью Франции залечивала раны, нанесенные ей Портсмутским миром [1]) и революцией 1905 г. Подхлестываемый французской буржуазией царский империализм, хотя и был слаб экономически по сравнению с Англией, Германией и своим союзником Францией, все же стремился к скорейшему захвату в первую голову восточных рынков (турецкого, персидского, китайского, монгольского), а также к овладению Босфором и Дарданеллами. Но на этих путях империализм царской России сталкивался и входил в политический конфликт не только с германским и английским империализмом. Аннексирование Австро-Венгрией бывшей турецкой провинции Боснии и Герцеговины в 1908 г. было одним из сильных ударов по балканской политике царизма, нанесенных ему германским империализмом через своего вассала — Австро-Венгрию. После русско-японской войны и разгрома революции 1905 г. царизм приступил к энергичному восстановлению своего сильно потрепанного государственного организма и своих вооруженных сил. Одновременно с этим в России начинается полоса самой реакционной внутренней политики, направленной к вытравливанию и удушению остатков того револю-

[1]) Договор, подписанный Россией и Японией в Портсмуте (США) 23 августа 1905 г., закончил русско-японскую войну 1904—1905 гг. Россия: 1) уступила Японии права на Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артуром и Дальним, южную половину острова Сахалина и южную часть КВЖД; 2) отказалась от притязаний на Манчжурию; 3) признала фактически протекторат Японии над Кореей.

Армии	Кем формируется	Состав с округлением					
		Пехотных дивизий	Кавалерийский	Штыков (в тыс.)	Сабель (в тыс.)	Орудий	Пулеметов
1-я	Виленский округ	18	5,5	435,5	22	1 056	648
2-я	Варшавский округ	14	8,5	410	36,5	918	576
3-я	Киевский округ	19	9	461	38	1 244	720
4-я	Казанский округ	9	2,5	200	10,5	528	288
5-я	Московский округ	12	2,5	266,5	10,5	684	384
6-я	Петербургский округ	8	1,5	160	ок. 7	540	384
7-я	Одесский округ	6	1,5	96	5	324	200

Таблица 16

Район сосредоточения	Задача армиям	Готовность в днях мобилизации	
	Всем армиям прикрытие мобилизации и сосредоточения	главной массы войск	окончательная
Главными силами в районе Ораны — Олита — Гродно, отдельный отряд (три внеочередных дивизии плюс кав. бр.) в Ряго-Шавельском районе	1. Разведка противника в пределах от Палангена до Лыка и наблюдение за Балтийским побережьем 2. Упо но оборонять пограничный район	20	35
Армия сосредоточивается в двух группах в районе Белостока и Брест-Литовска	1. Разведка противника к западу от Лыка (в Восточной Пруссии) и в Галиции к западу от Дружекополь — Каменка (Струмилова) и Львов) 2. Удержание Белостока — Бреста — Кобрина	11	27
Армия сосредоточивается в Дубно-Ровненском и Проскуровском районах	Приковать к себе возможно больше сил австрийцев	18	40
Свенцяны — Вильна — Молодечно	Быть готовым поддержать первую линию армий	30	41
Лида — Волковыск — Барановичи	Быть готовым поддержать первую линию армий	20	31
Главные силы в районе Петербурга	Обеспечение столицы	16	5
Главные силы в районе Бендер	Прикрытие левого фланга 3-й армии со стороны Румынии. Наблюдение за морским побережьем	15	29
	Всего — 1 449 батальонов и 1 098 эскадронов и сотен	11—30	27—41

ционного под'ема, который был в 1905 г. В июле 1906 г. либерально-кадетская 2-я Дума была распущена; царизм издает свирепое положение о военно-полевых судах и приступает к дикой расправе с революционерами; так называемые «столыпинские галстуки» (виселица) замучили по далеко не полным цифрам 5 тысяч революционеров; шла беспощадная кровавая борьба с национальным движением на окраинах России. Товарищ Сталин пишет: «...Царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного,—взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат» [1]).

Одновременно внутри страны шло интенсивное создание крепкого кулацкого хозяйства в деревне, выделение крестьян на отруба и хутора с наделением их лучшей землей, т. е. создание крепких хозяйственных мужиков-кулаков, как классовой опоры феодально-дворянской реакции, каковой являлась столыпинщина. Дальнейший ход исторических событий в России ясно показал, что столыпинщина не разрешила аграрной проблемы. Столыпинщина еще раз наглядно показала, что все зверства царизма есть верный признак все усиливавшейся слабости и гнилости царского самодержавия. Собирается новая 3-я Дума, в которой начинает господствовать реакционный блок крупных помещиков-крепостников и крупной финансовой буржуазии. Царизм внутри страны открывает широкие двери для иностранного капитала с целью поднять свою промышленность. Русская промышленная и банковая буржуазия, заключив союз с самодержавием, пытается с помощью иностранного финансового капитала также найти свое место под солнцем. 69% иностранных капиталов, брошенных в русскую промышленность, принадлежало державам Антанты, из которых французские капиталы занимали первое место — 32,6%, английские — 22,6%, бельгийские — 14,3%; на долю германо-австрийского капитала приходилось только 20%. Роль иностранного капитала в русской промышленности к началу империалистической войны была весьма значительной; так например, в горном деле ему принадлежало 90%, в химической промышленности — 50%, в металлургии и металлообрабатывающей промышленности — 42%, в текстильной — 28%.

Товарищ Сталин пишет: «...Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как

[1]) «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 4.

топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 12-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистских фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов. Дальше. Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе»[1]).

В первом десятилетии XX века наблюдается сильный рост крупных промышленных предприятий. Если в своей классической работе «Развитие капитализма в России» Ленин, подводя итоги роста промышленности в России к концу XIX столетия, указывал, что к 1890 г. по сравнению с 1879 г. число фабрик возросло на 100 (852—951 соответственно годам), число рабочих возросло на 73 963 (390 374 — 464 337 также соответственно годам) при общей сумме производства в 587 965 000 рублей к 1890 г., то все эти цифры в начале XX столетия сделали дальнейший скачок вверх.

Только за одно десятилетие 1898—1908 гг. общее число фабрик и заводов увеличилось на 2%, тогда как количество рабочих возросло на 28%, а сумма производства на 73%. Промышленность России превращалась в крупно-капиталистическую; так например, в 1902 г. было выплавлено чугуна 158 618 000 пудов, добыто каменного угля 1 005,2 млн. пудов, нефти — 637,7 млн. пудов. Прирост продукции по главнейшим отраслям в период 1909—1913 гг. еще более увеличился. Он выражался в следующих цифрах:

Годы	Чугун	Сталь и железо	Каменный уголь	Переработка хлопка
		В тысячах тонн		
1909	2 867	2 670	26 061	348,9
1913	4 635	4 029	36 266	527,0

После 1905 г. финансовый капитал в России продолжает развиваться, примерно, по тем же путям, по которым шли могущественные империалистические державы — Англия, Германия, Франция. Во всех отраслях тяжелой промышленности образуются монопольные организации (синдикаты, тресты) «Продмет», «Трубопродажа», «Продуголь», «Продвагон» и т. д., которые начинают диктаторствовать в промышленной жизни царской России. Банки становятся полными руководителями промышленности, концентрируя перед войной в своих руках 82% основных капиталов акционерных обществ тяжелой промышленности в России. Рост промышленной жизни в России (которая в последние годы перед войной с помощью иностранных капиталистов постепенно превращалась в колонию международных капиталистических хищников) заставляет

[1]) «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 5.

царизм прибегнуть к ряду реформ и в области сельского хозяйства, находившегося на крайне низком уровне своего развития. Именно в это время начинает усиленно проводиться в деревне ставка на кулацкое крестьянское хозяйство, создание хуторного хозяйства (столыпинщина), на дальнейшее закабаление огромной массы деревенской бедноты.

В этой политико-экономической обстановке в царской России создается так называемая «большая четырехлетняя военная программа по усилению армии», осуществление которой должно было закончиться в 1917 г. Согласно этой программе (см. дело № 183536 по описи военно-ученого архива) вооруженные силы царизма должны были увеличиться в мирное время на ½ миллиона, т. е. почти на 40% существующего штата, причем из числа добавляемых на долю пехоты приходилось 57%, на артиллерию 27%, кавалерию 8% и технические войска 3%. Царское самодержавие, опиравшееся на дворянско-помещичьи круги и на финансовую буржуазию, ассигновало на осуществление этой программы ½ миллиарда рублей золотом. Красной нитью всей программы было создание сильной армии мирного времени, которая должна выполнить основную роль в первых успехах и «молниеносно» закончить войну. О возможности затяжной войны никто не хотел думать, ибо рассчитывали, как и во Франции, вести войну за счет мобилизационных запасов мирного времени. Большая военная программа являлась естественным развитием тех договорных условий, которые имелись в военно-политической конвенции Франции с царской Россией, так как в дальнейшем росте вооружений в России была, в первую голову, заинтересована Франция. Французские капиталисты не жалели денег, они давали царскому правительству огромные займы. К 1910 г. долг царской России равнялся 9 млрд. золотых рублей, из которых около 6 млрд. было размещено во Франции.

Большевистская партия, тщательно анализируя политику крупных капиталистических держав, не только определила характер предстоящей мировой войны, но задолго до 1914 г. указывала, что эта политика стремительно приближает мир к катастрофе. 1 ноября 1914 г. Ц. К. большевистской партии, не зная еще содержания секретных дипломатических документов (которые были опубликованы и публикуются советским правительством с момента Октябрьской революции), в своем «Манифесте» писал:

«Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачивание рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата, — таково единственное содержание, значение и смысл современной войны».

Как видим, анализированный выше план войны 1910 г. составлялся в крайне сложной политической и экономической обстановке.

Гернгросс и Ю. Данилов, передав этот план для проведения его в жизнь в военные округа, промахнулись. Этот план, естественно, явился огромным и непонятным для округов оперативно-стратегическим документом, противоречившим общей политико-экономической обстановке царской России, в которой он создавался.

И действительно, в то время, когда уже назревала подготовка к осуществлению «большой военной программы», о которой поговаривали задолго до её утверждения, в то время, когда дипломатия царизма вела бумажное наступление на Константинополь, на проливы Мраморного моря, через которые шли ¾ хлебного экспорта русских помещиков и буржуазии на Балканы, где, как она считала, царскую армию ждут не дождутся забытые «братья славяне»; в то время, когда финансовая буржуазия кричала о своих успехах в области промышленности и вела бешеную агитацию за еще более тесный «братский» военно-политический союз с Францией и за «дружбу» с Англией; в то время, когда гогенцоллернская Германия «посмела» в сотнях тысяч экземпляров распространить по Европе карту будущей Германии, в которой Курляндия, Литва, русская Польша и ряд областей Франции и Бельгии были окрашены под цвет германской территории и т. д., — в это время Гернгросс — Данилов составили капитулянтский план войны со стратегическим развертыванием царских армий назад с оставлением Передового театра. Это мы говорим для того, чтобы понять следующий казус с планом 1910 г. Получив этот план, все военные округа забили тревогу, заговорили о политическом неблагополучии в генеральном штабе, который как бы подготавливал этим планом удар в спину «сердечному союзу» с Францией и пр., пр.

Весь 1911 г. ушел на бумажную войну между генеральным штабом и военными округами. В 1912 г. последние оказались победителями. Гернгросс ушел в отставку. Новый начальник царского генерального штаба ген. Жилинский был одним из тех, кто подписал вместе с Жоффром военно-политическую конвенцию между Францией и Россией.

ГЛАВА XI

ПЛАНЫ ВОЙНЫ ЦАРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НЕПОСРЕДСТВЕННО ПЕРЕД ВОЙНОЙ 1914—1918 гг [1]).

На анализе планов Шлиффена и ген. Виктор-Мишеля, планов стратегического развертывания №№ 15—17 (французских) и 1908 и 1910 гг. (русских) мы останавливались для того, чтобы еще раз оттенить мысль, что в мирное время генеральный штаб, как общевойсковой орган управления и командования, играет огромную роль.

Из всего вышесказанного видно, что основная задача генерального штаба заключается в том, чтобы будущему главнокомандующему, которого нет в мирное время, передать такой материал в виде плана войны, который не заставлял бы его сразу же ставить недоуменный вопрос: «что же я буду делать?», а, напротив, который с первого же дня войны ставил бы главнокомандующего в четкие и конкретные условия, оставляя в то же время ему простор для оперативно-стратегического творчества.

План стратегического развертывания 1910 г., составленный ген. Ю. Н. Даниловым, может служить примером, когда главнокомандующий с первого же момента своей деятельности попадает в трудные условия работы.

Глубокое понимание политико-экономической обстановки, классового соотношения сил и общих условий борьбы, знание основ современного военного искусства, постоянное стремление не только итти нога в ногу, но и заглядывать в будущее в отношении новых форм и методов управления войсками — вот основные спутники тех, кто призван работать над сложным делом стратегического развертывания современных армий.

Политическая обстановка меняется постоянно, техника меняется быстро, в наши дни исключительно быстро; она не может не менять боевые порядки современной армии. А с изменением последних меняются формы и приемы руководства и управления войсками; меняется и театр военных действий, особенно в части его железнодорожной сети и инженерной подготовки. Вот отсюда и надо ис-

[1]) Схема 14.

ходить, продумывя варианты развертывания, с тем чтобы в будущем не связать по рукам и ногам тех, кто будет призван руководить и управлять войсками.

Вариант 1910 г. просуществовал недолго. Все военные округа царской России высказались против этого детища Гернгросса—Данилова. Появился новый вариант стратегического развертывания, утвержденный 1 мая 1912 г. Этот последний был составлен в результате большой коллективной работы начальников штабов округов, т. е. будущих начальников штабов фронтов и армий.

Если по варианту 1910 г. после развертывания русские армии останавливались в своей основной массе на линии Ковно—Брест и здесь оставались в выжидательном положении до выяснения обстановки, то иначе было с планом развертывания 1912 г. План делился на два варианта — «А» (Австро-Венгрия) и «Г» (Германия), давая главнокомандующему возможность не позже 10—11-го дня мобилизации решить, по какому из вариантов надо действовать и куда направить главные силы, против Австро-Венгрии или Германии. И правильно замечает Зайончковский, что «полководцу при подвозе главных масс войск к театру войны легко было комбинировать в деталях ту или иную группировку по фронтам в зависимости от его оперативной идеи. Развертывание войск на широком фронте с охватом флангов двух вдававшихся в русскую территорию неприятельских клинов (автор, вероятно, имеет ввиду Восточную Пруссию и Галицию. Вл. М.) не только еще более облегчало перегруппировку войск в смысле лучшего использования рельсовой сети, но и давало в руки полководцу более широкие возможности в смысле разнообразного применения его оперативных идей».

И это естественно, так как творцом плана 1912 г. была коллективная работа людей, которые не только не упускали основной стратегической цели, но и были хорошо осведомлены о местных особенностях, которых, как мы видели выше, так боялись Гернгросс и Данилов, энергично требуя единоличного составления плана войны.

План развертывания 1912 г. по своему содержанию в основном отличается в неизмеримо лучшую сторону во всех отношениях от русских планов, разобранных выше. Если вариант 1910 г., требуя отнесения развертывания армий назад, шел по линии наименьшего сопротивления, отражал целиком безвольную стратегию, то план 1912 г. ставил общей задачей стратегического развертывания «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы».

Как видим, несмотря на превосходство в быстроте мобилизации и сосредоточения, которые имелись у Германии, Австро-Венгрии и Румынии по сравнению с армиями царской России, авторы плана 1912 г. все же решили поставить сразу

Вариант „А“ по плану раз

вертывания 1 мая 1912 г.

Таблица 17

Фронт	Наименование армии	Кем формируется	Состав пех. дивизий	Состав кавдивизий	Наименование частей	Состав: Батальоны	Состав: Эскадроны и сотни	Состав: Орудия	Состав: Пулеметы	Состав: Инж. роты и баталионы	Район сосредоточения	Операционная задача фронтам	Первоначальная задача армий	Быстрота сосредоточ. на всем театре к западной границе: Свыше 50% всей пех. и кав. — Пех.	Свыше 50% всей пех. и кав. — Кав.	Свыше 75% всей пех. и кав. — Пех.	Свыше 75% всей пех. и кав. — Кав.	Полн. сосред. 100% сил
Германский	1-я	Виленским округом	15½	5½	Гвард., 1-й, 3-й и 4-й арм. к-са, 53-я, 54-я, 56-я, 57-я, 68 я, 72-я, 73-я пех. дивизии, 1 тяж. арт. пол. бригада, 1-я, 2-я гвард., 1-я, 2-я и 3-я кавдивизии и 1-я отд. кав. бригада	248	170½	900	552	44	Главн. силами на сред. Немане между Ковно и Друскениками	Поражение герм. войск, оставленных в В. Пруссии и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий	Разведка от Палангена до Лыка. Прикрытие мобилизации и сосредоточение. Наблюдение за Балтийск. побережьем. Подготовиться к наступлению для обхода Мазурских озер с севера	К 15-му дню	До 10 дней	20 дней	10 дней	36 дней
	2-я	Варшавским округом	14½	4	2-й, 6-й, 13-й, 15-й, 23-й арм. к-са, 1-я стр. бр., 59-я, 76-я, 77-я, 79-я пех. дивизии, 2 пол. тяж. арт. бр., 4-я, 5-я, 6 я, 15-я кавдивизии Кубан. каз. дивизии, креп. Новогеоргиевск и Осовец	233	145½	840	512	45	Главными силами в районе Гродно — Белосток — Ломжа	Разведка к западу от Лыка, прикрытие мобилизации и сосредоточения, подготовиться к наступлению для обхода Мазурских оз. с зап. Р-н Белосток — Гродно сохраняется при всякой обстановке	20 дней	До 10 дней	20 дней	15 дней	40 дней
Австрийский	4-я	Казанским округом	11½	4½	Гренад., 14-й, 16-й и 20 й арм. к-са, 80-я, 82 и и 83-я пех. дивизии, 3 пол. тяж. арт. бригада, 13-я, 14-я каз., 3-я Дон. ск. и Урал. каз. дивизии	184	162½	690	400	5 бат и 32 роты	Р-н Рейовец Любачи — Иван-город — Холм	Поражение австро-венг. армий, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил пр-ка на юг — за Днестр и на запад — к Кракову	Разведка к зап. от линии Томашев — Перемышль, прикрытие моб и соср., подгот. к наступлению на Перемышль	20 дней		27 дней	30 дней [1]	41 день
	5-я	Московским округом	13	4½	5-й, 17-й, 25-й и 19-й арм. к-са, 55-я, 61-я, 70 я, 75 я и 81-я пех. дивизии, 5 пол. тяж. арт. бригада, 7-я кав., 1-я, 4-я и 5-я Донск. каз дивизии, 2-я и 3-я отд. кав. бригады и креп. Брест-Литовск.	208	158½	768	432	42	Главными силами в районе Ковель — Холм — Брест-Литовск	Разведка к зап. от линии Дружкополь — Каменка (Струмилова), Львов до линии Томашев, Перемышль (вкл.). Подготовка к наступл. на фр Перемышль — Львов. Р-н Брест — Кобрин армия должна сохранить во что бы то ни стало	20 дней		20 дней	27 дней [1]	36 дней

Фронт	Наименование армии	Кем формируется	Состав: Пехот. дивизий	Состав: Кавдивизий	Наименование частей	Состав: Батальонов	Состав: Эскадроны и сотни	Состав: Орудий	Состав: Пулеметы	Состав: Инж. роты и батальоны
Австрийский	3-я	Киевским округом	21½	9	7-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 21-й, 24-й арм. и 3-й кав. к-са., 58-я, 60-я, 65-я, 69-я, 78-я пех. дивизии, 4 пол. тяж. арт. бригады, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я кав., 2-я св. каз., 3-я кав. каз., 1-я и 2-я Куб. каз., Терск. каз. дивизии	352	273	1340	784	5 бат. и 57 рот
	6-я	Петерб. округом	6+4 стр. бр.	1½	18-й, 22-й арм. к-са, гв. стр. бригада, 67-я, 74-я, 84-я пех. дивизии, 3-я бригада, 1-я гв. кав. дивизия, Оренб. каз. дивизия, креп. Свеаборг, Кронштадт, Выборг.	128	62	432	320	26
	7-я	Одесским округом	6	1½	8-й арм. к-с, 62-я, 63-я, 61-я, 71-я пех. дивизии, 8-я кавдивизия, Крымский конный полк, 7-и Дон. каз. полк, креп. Очаков, Севастополь	96	52	324	200	53

Примечание. Замедление в сосредоточении кавалерии в трех армиях (3-я, 4-я, 5-я) объясняется большим количеством второочередных казачьих частей, особенно в 3-й армии.

Район сосредоточения	Оперативная задача фронтам	Первоначальная задача армий	Быстрота сосредоточ. на всем театре к западной границе: Свыше 50% всей пех. и кав., Пех.	Свыше 50% всей пех. и кав., Кав	Свыше 75% всей пех. и кав., Пех.	Свыше 75% всей пех. и кав., Кав	Полн. сосред. 100% сил
В 2 группах в р-нах Дубно, Ровненск. и Проскуровском. Непосред. начальствование последней группой объединяется в руках особого генерала		Разведка к югу и ю.-в. от линии Дружкополь—Каменка Стр. — Львов (вка), подготовка в общем направлении на Львов	15 дней	20 дней	20 дней	27 дней [1]	40 дней
Главными силами в районе Петербурга		Обеспечение столицы, наблюдение за Балтийским побережьем в районе армии	20 дней		27 дней		36 дней
Главными силами в районе Бендер		Прикрытие лев. фланга 3-й армии со стороны Румынии, наблюдение за морским побережьем в р-не армии и содействие флоту при обороне	10 дней		15 дней		20 дней

активную задачу всем вооруженным силам царизма. Имея ввиду, что стратегическое развертывание русских армий в августе 1914 г., хотя полностью осуществлено не было, но прямо вытекало из плана 1912 г., постараемся вариант «А» этого плана изобразить в виде суммарной таблицы (табл. 17, стр. 248-251).

Здесь мы в деталях не разбираем варианта «Г», но считаем нужным оговорить, что в отношении состава армий, районов и времени сосредоточения, в отношении первоначальных оперативных задач вариант 1912 года требовал, чтобы 3-я, 6-я и 7-я армии имели одинаковые задачи с вариантом «А».

Вариант «Г» требовал так же, как и вариант «А», овладения Восточной Пруссией с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий, но группировка армий против Восточной Пруссии была несколько иной.

Германские войска по варианту «Г» являлись главным противником, а поэтому вариант требовал организации перехода в главное наступление против них с парализацией действий противника на остальных фронтах. Всилу этого 4-я армия должна была сосредоточиться не в районе Люблин—Ивангород—Холм, а в Ригo-Шавельском районе для наступления на фронт Тильзит—Инстербург. 1-я и 2-я армии получили те же районы и почти те же задачи. 5-я армия, как и 3-я армия, получила основную задачу приковать возможно большее количество сил австрийцев.

По варианту 1912 г. авторы не безвольно передают инициативу в действиях своему противнику, а пытаются сразу захватить ее в свои руки. Это явилось уже весьма положительным фактором в дальнейшей работе по вариантам развертывания царского генерального штаба.

При всестороннем и тщательном продумывании общего положения и состояния вероятного противника (одного, двух и т. д. — безразлично) в долгий период мирного времени есть возможность составить себе достаточное представление, что он намерен и будет делать в первый месяц войны. Важно здесь не подчинять свою волю гипнозу какой-то особой силы вероятного противника, а рассматривать, изучать, анализировать всевозможные сведения о нем только с той точки зрения, насколько его замыслы могут помешать осуществлению плана стратегического развертывания моих вооруженных сил. Только при соблюдении этого основного правила военного искусства, которое мы почти всегда наблюдаем у крупных мастеров военного дела, не будет такого положения, которое случилось с авторами развертывания войск царизма по плану 1908 г., когда 20 германских армейских корпусов по их расчетам и предположениям оказались в Восточной Пруссии и несколько более корпусов против главного для Германии противника — Франции.

Из всего этого со всей ясностью вытекает, насколько важно знать опыт прошлого, ибо тот, кто хорошо продумал его закономерное развитие, всегда будет в более выигрышном положении, так

как будет стараться и в новых условиях не оказаться в том невыгодном положении, в каком оказались его исторические предшественники. Если без этого не может обойтись даже буржуазная наука, то тем более это важно для нашей военной теории, преследующей цели насильственного уничтожения капитализма. Умение взять все хорошее от старой буржуазно-капиталистической культуры, её опыта, её знаний, её навыков и с особым вниманием анализировать все отрицательное и невыгодное в ней, т. е. критически, по марксистски-ленински все это переработать, должно быть естественным путем в дальнейшем самоусовершенствовании борца за пролетарскую революцию. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»,—неоднократно говорил Ленин [1]).

Из тех материалов, которые к данному времени уже широко опубликованы, видно, что царский генеральный штаб к началу мировой войны (1914 г.) в достаточной мере правильно предугадывал возможное развертывание сил противника. Директива к плану 1 мая 1912 г., а также другой проект развертывания от 1913 г. по мобилизационному расписанию № 20 (мало чем в основном отличающийся от первого) [2]) в рубриках «вероятные силы, расположение и готовность противника» достаточно верно определяли численную группировку сил противника как в Восточной Пруссии, так и в Галиции.

Достаточно правильно, как это видно из ныне опубликованных материалов и работ рейхсархива, Куля и т. д., определял развертывание армий царизма и германский генеральный штаб. Разница была лишь в том, что одна сторона умела делать соответствующие выводы для действий в дальнейшем, а другая их также делала, но не в пользу себе, а во вред. Например, заведомое запугивание себя действиями противника по варианту 1910 г. видно и в дальнейшем из ряда контрпредложений, которые были сделаны ген. Ю. Даниловым и Жилинским (новый начальник генерального штаба, подпавший под полное влияние Ю. Данилова) по поводу плана развертывания 1912 г. Мы имеем здесь ввиду новый проект развертывания 1913 г. по мобилизационному расписанию № 20, который остался историку-стратегу как материал для размышлений.

Медлительность и вялость в принятии решений со стороны работников царского генерального штаба германским командованием хорошо учитывались, мало того, оно считало это органическим недостатком армии царизма в целом.

---

[1]) Ленин, т. XXX, стр. 407. (Разрядка наша. Вл. М.).

[2]) Автор его тот же Ю. Данилов, потерпев неудачу с проектом 1910 г, и в варианте 1913 г. постепенно пытался восстановить вариант 1910 г., но теперь он шел другими путями: через уменьшение численности войск Передового театра и разрешение армиям отходить на восток на линию Вильна—Белосток—Брест и пр.

«Русские медленно запрягают и еще медленнее едут», — говорили немцы, давая характеристику высшему командному составу царской армии.

Накануне мировой войны (1913 г.) германский штаб, до этого прекрасно изучивший опыт русско-японской войны [1]), дал следующую оценку царскому генеральному штабу: «Передвижения русских войск, — писал германский генеральный штаб, — совершаются теперь, как и раньше, крайне медленно. Быстрого использования благоприятного положения ожидать от русского командования так же трудно, как и быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики препятствия со всех сторон при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому немецкое командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие маневры, которых оно не позволило бы себе с другим, равным себе, противником».

Неплохо был осведомлен германский генеральный штаб и относительно подготовки высшего командного состава и особенно в вопросе взаимоотношений его главных представителей. Например, о личной неприязни и вражде между Ренненкампфом и Самсоновым немцам было хорошо известно еще до 1914 г. и они были весьма рады, когда узнали, что эти два начальника будут действовать против Восточной Пруссии с основной оперативной задачей «тесно взаимодействовать» друг с другом. Не приходится доказывать, что русский, как и французский генеральные штабы не только не знали, например, о взаимоотношениях Клука и Бюлова, но фамилии этих генералов они впервые услышали лишь го второй половине войны 1914—1918 гг. Шлиффен уделял огромное влияние вопросу организации командования, оставив по этому вопросу целый ряд своих суждений, и, несмотря на это, Мольтке-младший уже в августе допустил большую ошибку в регулировании взаимоотношений Клука с Бюловым, а затем посылкой Хенча [2]).

Итак, рассмотрев оперативно-стратегическую деятельность русского генерального штаба в последние годы перед империалистической войной, мы теперь постараемся анализировать те итоги общей подготовки армии царизма, с которыми она приступила в августе к сосредоточению и развертыванию своих вооруженных сил на западной границе.

В период времени между русско-японской и мировой войной царский генеральный штаб сложа руки не сидел. Напротив, про-

---

[1]) Достаточно сказать, что по этой войне в Германии было издано 32 очень важных и интересных исследования. В Австро-Венгрии также было издано 12 исследований. Часть этих оперативно-тактических работ была переведена еще до войны издательством Березовского. См. выпуски «Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев».

[2]) См. нашу работу «Марна—Висла—Смирна», стр. 127—148.

играв последнюю войну, он как бы очнулся и стал в период 1908—1914 гг. вести весьма активную деятельность. Мы видим, что за этот небольшой промежуток времени русским генеральным штабом была составлена большая военная программа, а также более пяти вариантов планов развертывания вооруженных сил. А что значит составить план стратегического развертывания армии данного государства на случай войны? Это значит — надо рассчитать, подсчитать, взвесить, проверить большую сумму данных в отношении политико-экономической кон'юнктуры, вооружения, снаряжения, людского запаса, провозоспособности железных дорог, транспортных и перевозочных средств, инженерной подготовки театра военных действий и т. д. и пр., как у себя, так и у противника. Ибо без этой работы можно лишь расставить на картах красно-синим карандашом кружки и кружочки различных овалов, которые ни уму, ни сердцу ничего говорить не будут.

Какое же наследство получил 26 июля 1914 г. главнокомандующий и его штаб, когда начальником генерального штаба ген. Янушкевичем (ген. Жилинский был назначен командующим северо-западным фронтом) было об'явлено начало подготовительного периода к войне? С чем конкретно мог с первых же шагов своей оперативно-стратегической работы встретиться главком царской армии, первый раз подходя к столу, на котором лежала карта военных действий и ряд справочных данных. Мы ставим этот вопрос так потому, что, повторяем, в мирное время главкома нет и не обязательно начальник генерального штаба мирного времени, как это имело место во Франции в 1914 г., превратится в первый день войны в главнокомандующего. Пока что исторический опыт войн последних десятилетий перед мировой войной наглядно говорит, что главкомы в первый месяц войны не действовали так, чтобы стало видно, что они хорошо расшифровали оперативно-стратегическую обстановку, их окружающую. Единственным в этом отношении исключением был лишь один человек — Мольтке-старший, знаменитый организатор германского генерального штаба.

Читателю, уже проработавшему характер и содержание планов развертывания Шлиффена, ген. Виктор-Мишеля, германского варианта 1913—1914 гг., будет не трудно определить, что четкая, массированная оперативная группировка сил в последнем плане царского генерального штаба, несмотря на коллективную помощь со стороны военных округов, выражена не ясно.

Особенно это будет заметно, если мы сопоставим в цифровом (процентном) отношении указанные выше планы с русским планом от 1 мая 1912 г. Процентное отношение сил на главном и вспомогательном направлениях в этих планах было таково:

1. Вариант Шлиффена (декабрь 1905 г.):

95% — главное направление (правый фланг фронта);
5% — вспомогательное (район Меца и Эльзас-Лотарингии);
0% — в Восточной Пруссии.

2. Вариант Виктор-Мишеля (1911 г.):

85% — главное направление (наступление в Бельгию);

15% — вспомогательное (в Эльзас-Лотарингии и на итальянской границе).

3. По плану развертывания германской армии в 1914 г.:

70% — главное направление — правый фланг и центр (от района Аахена до Меца);

30% — вспомогательное (Эльзас-Лотарингия и Восточная Пруссия).

4. По плану развертывания армии царизма от 1 мая 1912 г.:

52% — главное направление (удар по Австро-Венгрии) и на вспомогательном:

33% — прикрытие против Германии;

15% — балтийское побережье и румынская граница.

Итак, вновь назначенный главнокомандующий получал 52% на главное направление и целых 48% на вспомогательное. О чем говорят эти цифры? Они говорят о том, что желание прикрыть все направления[1]) повело к растягиванию прибывающих в районы сосредоточения и развертывания войск равномерным и почти равночисленным кордоном по западной границе, имевшей протяженность в 2 600 км.

Если сравнить линию развертывания армий юго-западного и северо-западного фронтов и численность противника, противостоявшего каждому из этих фронтов, то получится, что вспомогательный второстепенный северо-западный фронт развертывался на много меньшей территории и имел больше сил против германцев, чем то было на юго-западном фронте, который наносил главный удар. Это обстоятельство, конечно, ни в коей мере не может говорить о том, что работники царского генерального штаба плохо умели считать и допустили поэтому такого характера ошибку. Это случилось потому, что стратегия царского генерального штаба, добавим, и французского, хотя и была весьма шумливой и архинаступательной на бумаге (уставы, наставления, теоретические труды и пр.), в действительности же была вялой, осторожной. А поскольку стратегическое развертывание есть конкретнейшая действительность, то и случилось так, что, какова была стратегия царской армии, таково было и стратегическое развертывание как по плану 1912 г., так особенно и в действительности, т. е. в 1914 г. Это последнее мы подчеркиваем потому, что, как выше говорили, начиная с 10—11-го дня мобилизации, главнокомандующий мог направить потоки эшелонов в те направления и районы, которые он считал наиболее целесообразными и соответствующими его оперативно-стратегическим замыслам. Но в действительности получилось, что

---

[1]) Неманская группа — 248 батальонов, наревская — 232 батальона, ивангородско-брестская — 392 батальона и ровно-проскуровская — 352 батальона.

в полосе развертывания царских армий происходила сумятица, путаница, неразбериха, дергание с места на место частей, которые не знали, где их тылы и обозы, т. е. почти то же самое, что и у французского главного командования в период с 10 по 23 августа.

Теперь посмотрим, насколько столь интенсивная в количественном отношении разработка оперативных вариантов царским генеральным штабом влияла на качество оборудования районов стратегического развертывания и быстроту сосредоточения.

Мы видели, что германский генеральный штаб в период с 1900 по 1914 г. из года в год непрерывно улучшал районы, в которых должны были развернуться его армии. Росло оборудование железнодорожной сети с конечно-выгрузочными станциями, соответствующими платформами для погрузок и выгрузок войск и военного имущества, непрерывно совершенствовалась инженерная подготовка полосы стратегического развертывания армий, а мобилизационное расписание проектировалось так, чтобы достигнуть максимального эффекта в отношении быстроты сосредоточения основной массы в районах развертывания. И надо сказать, что во всем этом германцы сильно подвинулись вперед по отношению к любой из европейских армий.

Посмотрим, что же за этот период было сделано русским генеральным штабом, разработавшим с 1900 по 1914 г. более десяти оперативно-стратегических вариантов по плану войны.

Имеющиеся цифры говорят, что за эти 12 лет в отношении численности армии и быстроты её сосредоточения результаты были малоутешительны.

По варианту 1900 г. генеральный штаб рассчитывал выставить:

1 524 батальона, 1 078 эскадронов и сотен при 4 802 орудиях.

По варианту 1912 г.:

1 456 баталионов, 1 094 эскадрона и сотен при 5 294 орудиях.

Общее сосредоточение, выдвинутое к Висле:

к 1900 г. — 32-й день мобилизации.

к 1912 г. — 40-й день мобилизации.

Как видим, об улучшении говорить не приходится. В отношении инженерной подготовки генеральный штаб, решив отнести развертывание армий царизма в глубь страны, только спроектировал новую линию инженерного барьера Ковно—Гродно—Осовец—Брест, но зато привел в последние годы до мировой войны в запустение привислинскую и наревскую оборонительные линии (крепости Варшавского района, Новогеоргиевск, Ивангород, Зегрж и 4 укрепления — Ломжа—Остроленка—Рожаны—Пултуск). Лишь одна крепость Новогеоргиевск в качестве курьеза укреплялась, будучи оборонительным базисом на огромной территории и отстоя на 200 км от новой проектируемой оборонительной линии. Эта крепость должна была держаться «до последнего патрона, сухаря и солдата». Если предположить, что эта крепость оставалась из соображений внутренне-политического характера, как опора царизма против

внутренних восстаний и пр., то с точки зрения военного искусства такое оставление одной крепости на 200 км впереди развернувшейся армии является совершенно бесполезным делом.

Такую инженерную подготовку получал в свои руки новый главнокомандующий. Если Милютин и Драгомиров стремились из Передового театра создать сильный плацдарм, как огневой клин, врезающийся в территорию противника, и тем самым способствовать русским армиям развить наступление в глубь Германии или Австрии, то Сухомлинов новому главкому оставил разбросанные на огромной территории лишь три укрепленных района — Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Осовец.

Железнодорожная сеть. Огромная отсталость царской России в отношении оборудованности и количества рельсовой сети по сравнению с Германией и Австро-Венгрией весьма отрицательно влияла на быстроту мобилизации и сосредоточения. Но несмотря на брошеный русским генеральным штабом лозунг — «усиленная постройка и развитие путей должны итти с востока на запад», дело подвигалось весьма медленно.

Кроме того, усиливались именно те направления, которые давали лобовые удары — Вильна—Белосток (на Германию), Ровно—Проскуров (Восточная Галиция), а, напротив, такие районы, где проходила линия Ивангород—Холм или Варшава—Дейч-Эйлау, совсем игнорировались.

На огромный фронт развертывания от устья Немана и до Дуная общим протяжением 2 600 км выходило всего лишь 13 линий, имевших 21 колею, т. е. почти одну колею на 130 км границы, в то время как у противника на этот же фронт выходило 32 линии с 36 колеями, т. е. почти в 2 раза больше.

К австро-германской границе подходило 23 колеи, из которых:

	У русских	У австрийцев
К Восточной Галиции	Волочиск (2) и Радзивиллов — 3 колеи	4 колеи
На фронте Луцк — Ивангород	Луцк, Владимир-Волынский, Холм (2), Люблин (2) и Ивангород — 7 кол.	4 колеи
К Кракову	От Ченстохова (2) и от Кельцы (2) — 4 колеи	7—8 колей
		У германцев
Германской к границе западнее Вислы	Ченстохов, Калиш, Александрово — 3 колей	10 колей
От Торна до Августова	Млава, Граево, Августово и Ломжа — 4 колеи	14 колей
От Августова до моря	Сувалки, Вержболово — 3 колеи	

Рокадных линий русский генеральный штаб имел на левом берегу Вислы — одну сплошную от Кракова до Александрова и две между Краковом и Варшавой. В правобережном Привислин-

ском районе (Передовой театр) пять колей: Люблин—Млава, Люблин—Малкин, Люблин—Ломжа и две Холм—Белосток.

Далее к востоку от Днепра только две колеи: Зболдуново — Вильна и Волочиск—Киев—Витебск—Двинск—Радзивилишки. Восточнее Днепра имелись две крупные рокадные линии: Жмеринка—Киев—Брянск—Смоленск—Витебск и Кременчуг—Харьков—Москва—Рига [1]).

В Германии к 1914 г. было достигнуто такое положение, что по всем железнодорожным линиям была установлена однообразная воинская пропускная способность. Конечно, ничего подобного мы не видим в царской России. Здесь каждая линия имела свою пропускную способность, а такая разношерстность создавала невиданную разницу: например, на всех линиях Европейской России пропускная способность колебалась от 9 до 84 пар поездов в сутки, а на петербургско-варшавской от 23 до 84 пар поездов в сутки. Эта пестрота пропускной способности, естественно, крайне усложняла вопрос с быстротой мобилизации и сосредоточения.

Весьма слабо было с организацией быстрой выгрузки эшелонов в соответствии с быстротой подачи их, а также наличием подвижного состава. Здесь мы не будем останавливаться на разборе состояния шоссейных дорог, лишь укажем, что денег на это дело почти не отпускалось и стратегические шоссейные линии и в количественном и в качественном отношениях находились в самом неудовлетворительном и зачаточном состоянии как на северо-западном (3 шоссе), так и на юго-западном фронтах. Состояние железнодорожной сети и шоссейных дорог в Восточной Пруссии находилось на уровне европейских достижений XX столетия; то же можно было сказать и об Австро-Венгрии (Восточная Галиция), хотя, конечно, с меньшими количественными и качественными показателями.

Царская Россия и её генеральный штаб к 1914 г. в отношении дорог и их состояния отстали от своих вероятных противников по крайней мере на полстолетия, если не больше.

Маневрирование, которое мы видим у Людендорфа в Восточной Пруссии перед разгромом самсоновской армии, могло быть произведено лишь благодаря исключительной развитости железнодорожной сети с огромной пропускной способностью поездов в сутки, и многочисленной сетью шоссейных и водных путей.

Кроме этих вышеуказанных данных, перед главковерхом лежала таблица вооруженных сил сторон с предположительной схемой развертывания этих сил. Таблица была составлена работниками генерального штаба в последние месяцы перед мировой войной. Они же теперь в большинстве своем перешли на работу в ставку главковерха (см. таблицу 18, стр. 260).

[1]) Зайончковский. Подготовка России к мировой войне, стр. 135. То же самое автор повторяет в книге «Маневренный период мировой войны», стр. 13.

Таблица 18

Государства	Корпуса	Пехот. дивизии	Кав. дивизии	Батальоны	Эскадроны	Батареи	Штыки	Сабли	Орудия
Россия	37	122½ [1]	28 [2]	1 830	732	792	1 830 000	109 000	ок. 6 720
Франция	21	86	10	1 049	588	1 054	1 050 000	78 200	4 248
Англия	—	6	1	73	44	84	73 000	6 500	492
Сербия	—	11	1	160	42	116	160 000	8 500	558
Итого у Антанты	58	225½	40	3 112	1 406	2 046	3 113 000	202 200	12 018
Германия	25	102	11	1 260	608	1 045	1 260 000	91 200	6 004
Австрия	16	55½	11	820	377	569	820 000	56 550	3 090
Румыния	5	20	2	225	88	192	251 200	13 000	768
Швеция	—	6	1	96	40	78	96 000	4 800	312
Итого у Тройственного союза	46	183½	25	2 401	1 113	1 884	2 427 200	165 550	10 174

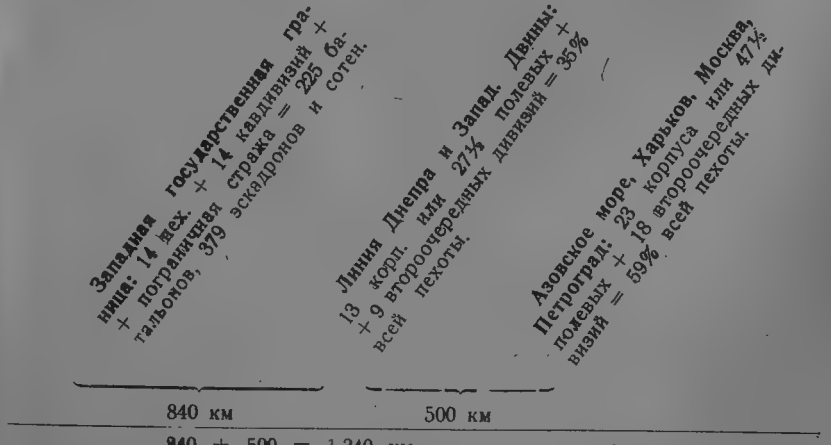
Примечания: 1) Считая за дивизии те 18 стрелковых бригад, которые имелись и беря 2 бригады за 1 дивизию.

2) Имевшихся 8 отдельных бригад равнялись 4 дивизиям. Второочередные в расчет не входили.

Но уже с первых же дней войны главковерху пришлось внести в эту таблицу существенные изменения и тем исправить ошибки в политическом прогнозе своего генерального штаба. Надо было выкинуть Швецию, которая осталась нейтральной, так как было ясно каждому, что, выступив с Германией, она была бы сейчас же блокирована могучим английским флотом. Пришлось выкинуть Румынию и включить Бельгию, а затем и Турцию. Это несколько видоизменило соотношение сил и средств, а новые разведывательные данные еще более уточнили общую картину состава и численности сторон, о чем скажем ниже. Во всяком случае, взглянув на цифры, которые определяли вооруженные силы царской России, становилось ясным, что при целесообразном развертывании этих сил и средств и при правильном их нацеливании можно было бы иметь значительные результаты, так как огромный перевес в силах и средствах был на стороне России как в отношении Германии, так и Австро-Венгрии. Это обстоятельство с особой остротой выдвигает на первый план искусство умелого и твердого управления в современной войне, так как можно сгрудить и огромные живые силы и технические средства и все же не иметь успеха, если оперативно-стратегическая группировка их неудовлетворительна, если высший командный состав не подготовлен к вождению многомиллионных современных масс. А без умения управлять говорить о твердости управления не приходится, так как вечным спутником неумения управлять является хаос и импровизация — так всегда было и будет.

Дислокация армии была составлена таким образом, что 60% вооруженных сил можно было сосредоточить в сроки, которые бы сходились с Германцей и Австро-Венгрией. (См. черт. 12, стр. 262 и черт. 12а, стр. 263, составленные по данным работ Головина, Борисова, Зайончковского, Сухомлинова, Данилова).

Графически дислокация расчленялась таким образом:



Черт. 12. Дислокация корпусов в Европейской России перед войной 1914 г [1]).

В отношении мобилизации царская армия также почти уравнялась с Австро-Венгрией и Германией, у которых мобилизовались:

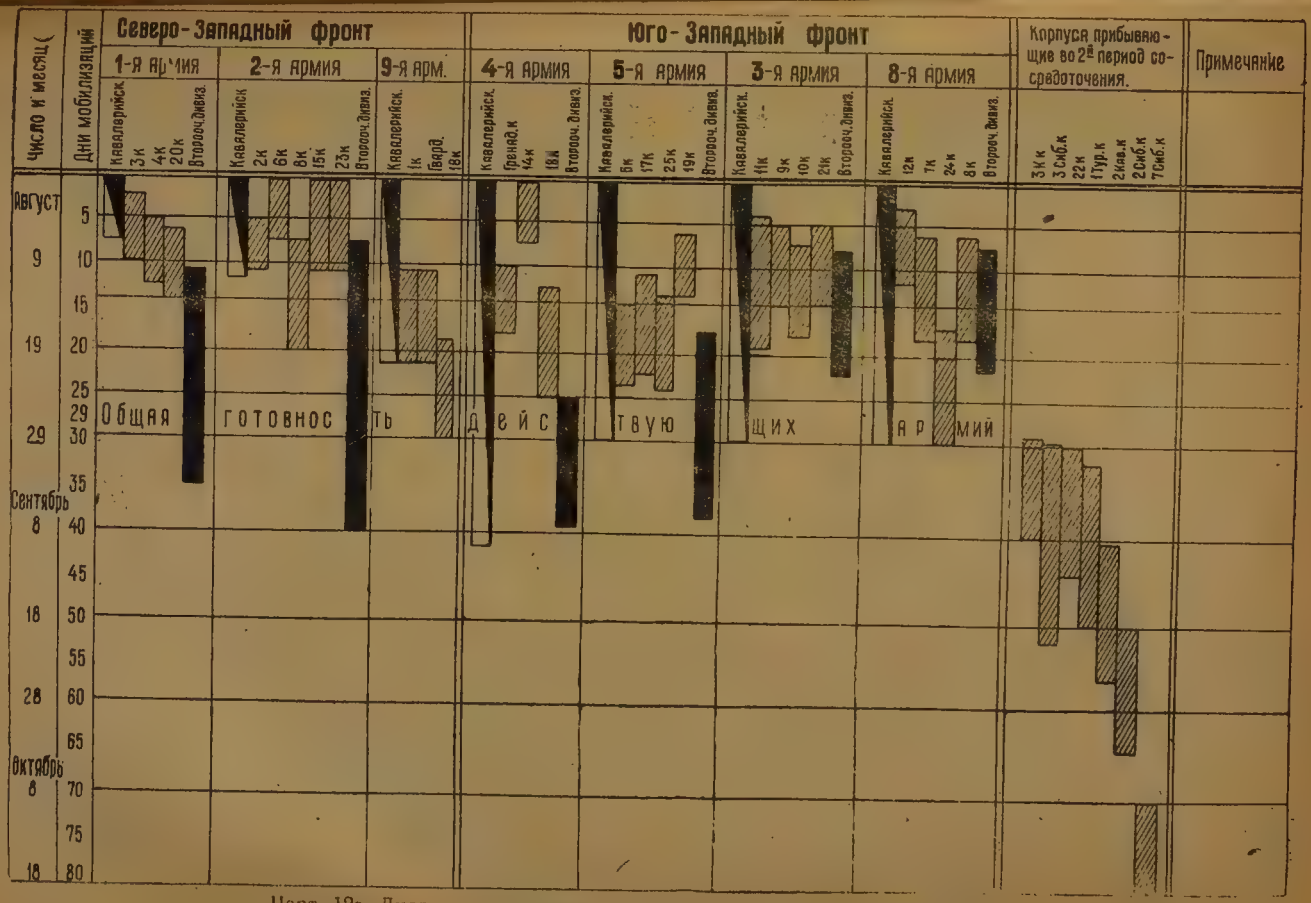
Германия	Полевые резервы плюс обозы	7— 9 дней
	Резервные дивизии	9—11 „
Австро-Венгрия.	Полевые дивизии	6— 8 „
	Ландверные дивизии	9—10 „
	Маршевые бригады	14 „

Россия:

Пограничные округа —	пехота плюс артиллерия	4—6 дней
	парки плюс хлебопекарни	6—10 „
Внутренние округа —	пехота плюс артиллерия	5—8 „
	парки плюс хлебопекарни	8—10 „
Дальние округа —	пехота плюс артиллерия	6—21 „
	парки плюс хлебопекарни	16—36 „
1-я половина второочередных дивизий		до 14 „
2-я половина второочередных дивизий		до 28 „

Если в отношении количества батальонов, как видим из таблицы 18, царская Россия превосходила любую армию Европы и вы-

[1]) Кроме указанных корпусов, в районе Псков—Новгород располагался 1-й корпус.



Черт. 12а Дислокация корпусов и сосредоточение перед войной 1914 г.

ставила их больше, чем какая-либо из воюющих держав, то по вооружению она значительно уступала им и особенно в тяжелой артиллерии, которую в 1914 г. почти совсем не имела.

	Дивизия		Корпус (2-дивизионный)
	Штыки	Орудия	Орудий
Россия	15 тыс.	48 легк.	96 легк. + 12 пол. гауб.
Германия	12—13 тыс.	54 легк. + + 18 гауб.	108 легк. + 52 гауб.
Австрия	11—18 тыс.	54 легк.	108 легк. + 12 гауб.

Огромные силы и средства были предназначены для сосредоточения и развертывания на русском и австро-германском фронтах.

Росссия	1 830 тыс. штыков,	109 тыс. сабель и	6 720 орудий
Австро-Венгрия	820 „	56 „ „	3 096 „
Германия (Вост. Пруссия)	196 „	13 „ „	1 044 „

Но здесь необходимо указать, что материальная обеспеченность в царской армии была хуже, чем в австрийской. Необеспеченность обувью и вещевым довольствием достигала:

в первоочередных войсках	7%
во второочередных	49—65%
для запасных	46—97%

Всего имелось лишь 740 000 винтовок, в то время как людей развертывалось в 2½—3 раза больше. В отношении артиллерийского снабжения, как увидим ниже, дело обстояло прямо катастрофически. И уже в первых приказах и директивах почти каждодневно упоминалось «беречь патроны».

Например, нормы на винтовку — 1 000 патронов, на пулемет — 75 000, на легкое орудие — 1 000 патронов и на гаубицу — 1 200 снарядов — не выдерживались даже и наполовину. Недостающее было решено помесячно давать небольшими порциями (вроде: на легкое орудие 27 патронов, на винтовку 37 патронов, на пулемет — 1 800 патронов), с тем чтобы за год покрыть 50% задолженности. Но это было меньше чем полумера, так как на войне расходы огнеприпасов, как правило, превышают установленные нормы.

К 21-му дню мобилизации имелось	на винтовку	511 патронов
	на орудие	450—600 снарядов
К 78-му дню мобилизации имелось	на винтовку	575 патронов
	на орудие	500—700 снарядов
К концу 1-го года войны имелось	на винтовку	950 патронов
	на орудие	900 снарядов

Голодная ежемесячная норма фактически с первых же боев оставляла войска без огнеприпасов. Так фактически оно и было.

Мы здесь не будем приводить цифры о продовольствии и фураже, его нехватало сотнями тысяч и миллионами пудов.

Если ко всему этому мы прибавим, что высший командный состав, генералитет, на 90% был не подготовлен к вождению и командованию войсками, ибо в большинстве корпусами, дивизиями командовали люди, плохо понимавшие современное военное искусство, занимавшие должности главным образом по протекции и связям, а фронтами и армиями управляли люди случайные, как правило, высокие военные вельможи и сановники, самовлюбленные военные бюрократы, совершенно не интересовавшиеся характером современного военного искусства в последние годы перед мировой войной, то станет понятно, как должны были протекать стратегическое развертывание и первые серьезные операции и бои.

Выше мы говорили о том, как Мольтке-старший и Шлиффен тренировали и совершенствовали свой высший командный состав посредством полевых поездок, военных игр и пр. Мы не ошибемся, если скажем, что в учебно-воспитательной работе Большого германского генерального штаба делалось в отношении подготовки личного состава генералитета больше, чем в какой-либо другой армии Европы перед мировой войной. У русского генерального штаба, включая сюда и период, когда начальником генерального штаба был Палицин (перед Гернгроссом), с его особой любовью к полевым выходам, полевых поездок и военных игр было меньше. Хороший солдатский состав с неплохим младшим и средним командным составом, конечно, не мог заполнить всех тех прорех и прорывов, которые имела армия царизма к августу 1914 г. Лучшим подтверждением сказанного будет анализ оперативно-стратегической военной игры в Киеве, которую руководители русского генерального штаба организовали в апреле 1914 г. и которая явилась как бы оперативно-стратегическим экзаменом для царского генералитета.

ГЛАВА XII

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИГРА В КИЕВЕ В АПРЕЛЕ 1914 г. [1])

За три месяца до начала войны царской России с Германией и Австро-Венгрией в Киеве произошло событие, мимо которого исследователь мировой войны на восточно-европейском театре военных действий пройти не может.

К сожалению, в наших военно-исторических трудах, исследующих подготовительный период к мировой войне, анализ киевской военной игры высших военачальников царской армии, как правило, отсутствует.

Между тем это событие оказалось настолько знаменательным, что достаточно было рассмотреть процесс этой большой оперативно-стратегической игры, чтобы понять всю безотрадную картину подготовки высшего начальствующего состава царской армии в вопросах вождения современных миллионных масс войск и приданных им технических средств борьбы.

Из этой игры, которая являлась фактической проверкой оперативного плана войны, можно было бы сделать ряд практических выводов не только в отношении той или иной персоны высшей военной бюрократии, но также в отношении оперативно-мобилизационных предположений, составленных царским генеральным штабом перед Мировой войной 1914—1918 гг.

Несмотря на свою большую поучительность, эта военная игра была тщательно похоронена в папках русского генерального штаба, а её выводы затушеваны, согласно римской пословице: «manus manum lavat» (рука руку моет). Но боевая обстановка первых месяцев войны не только напомнила о поучительных выводах этой игры, но и подвела итог, дав ряд жестких поражений русскому генералитету в Восточной Пруссии, в районе Передового театра и в Галиции.

Один из лучших учеников Шлиффена, проработавший много лет под его руководством — ген. Куль в своем известном труде о германском генеральном штабе рассказывает, что различного рода проверочные, зачетные оперативные работы, военные игры и

[1]) При чтении этой главы нужно пользоваться картой 40 вер. в дюйме.

полевые поездки под руководством Шлиффена были настолько часты, что являлись как бы совершенно естественным, повседневным занятием для работников германского генерального штаба. Причем в германском официальном руководстве, изданном непосредственно перед Мировой войной «Германские основные принципы высшего командования» (см. главу VI), следующим образом было охарактеризованно значение маневров, оперативно-тактических игр и полевых поездок, как системы подготовки в мирное время: «... Из всех занятий мирного времени маневры и большие тактические упражнения ближе всего подходят к войне и лучше всего позволяют дать начальнику и войскам представление о ней. Военные игры и полевые поездки представляют драгоценный способ обучения».

Шлиффен не только в служебные дни тренировал на картах и в поле высший начсостав своей армии, но он подчас это делал даже и в неслужебное время.

«От своих подчиненных он требовал очень многого, соответственно своей собственной необычайной работоспособности», — пишет ген. Куль.

«В течение нескольких лет под Рождество в моей квартире раздавался звонок. Специальный курьер приносил мне рождественский подарок от фон-Шлиффена — большой набросок военной обстановки с задачей составить проект операции. Он был бы очень удивлен, если бы оконченная работа не была вручена ему вечером в первый день праздника. На второй день праздника присылалось продолжение задачи. Воскресные и праздничные дни, по его мнению, были предназначены для таких работ, которые можно исполнить, не отрываясь текущими делами. Его память была необычайна. Насколько он сам был в курсе всех отраслей работы, настолько же он сам требовал от начальников отделений точной осведомленности во всякое время. Противоречия с предыдущими докладами от него никогда не ускользали. В таких случаях даже через год он возражал: «Вы же мне говорили то-то и то-то». Таким образом, каждый из нас приучился быть весьма и весьма на-чеку».

Так воспитывал Шлиффен командный состав своей армии и то, что у немцев в отношении военных игр и полевых поездок считалось естественным и повседневным, то, как сейчас увидим, в царской армии было явлением экстраординарным, необычайным, а если намечалась большая оперативно-стратегическая игра, то это было целым событием, довольно неприятным, нежелательным. Эти большие военные игры рассматривались высшей военной бюрократией как явление оскорбительное, так как никто не расценивал эти игры с точки зрения учебы, напротив, все это рассматривалось как «недопустимый экзамен высшего генералитета», который, раз дослужился до высших чинов и орденов, значит дело понимает и знает без всяких «затей», вроде «беспредметной письменности и рассуждений» на картах.

Например, когда военный министр Сухомлинов в 1911 г. задумал, как он пишет, «собрать в Петербурге на стратегические за-

нятия всех предполагаемых командующих армиями и в виде военной игры решить ряд задач на западном фронте» и когда он получил полное согласие Николая II, то были нажаты буквально все пружины военной и дворцовой иерархии, вплоть до великого князя Николая Николаевича, с тем чтобы сорвать это дело.

В своем докладе Николаю II Сухомлинов высказывал довольно обстоятельные доводы, что всевозможные данные оперативного, стратегического и политического характера, которые имелись в 1911 г. в главном управлении генерального штаба, давали полную возможность создать интересную оперативную обстановку с большой долей вероятности в отношении характера военных действий со стороны иностранных армий.

«Имея ввиду, — пишет Сухомлинов, — что государь всегда говорил о том, что во главе действующей армии, если бы вспыхнула война, он станет обязательно сам..., то эти занятия для государя имели то значение, что таким способом он мог ознакомиться с теми генералами, которым предстоит стать во главе армий, и тех из них, которые окажутся несоответствующими предстоящим им ролям — заменить заблаговременно другими, более подходящими. Мысль эта очень понравилась государю, а когда с его одобрения были разработаны детали этой игры, то он повелел предоставить запасную часть Зимнего дворца для этих занятий... Командующие войсками с'ехались, все было готово, но за час до начала игры государь прислал мне записку, что занятия отменяются. Затем выяснилось, что Николай Николаевич был против «этой затеи», в которой «военный министр хочет делать экзамен командующим войсками». Всех приехавших командующих из провинций он пригласил к себе на обед, не пригласив меня».

Как видим, обстановка для высших начальников царской армии в 1911 г. была настолько серьезной, что из опасения почти неизбежной оперативно-стратегической игры пришлось прибегнуть к помощи бывш. великого князя Николая Николаевича, который и убедил своего племянника Николая II в никчемности этой «затеи» военного министра, которая, как дамоклов меч, повисла над головами полководцев царской армии. Побежденным оказался инициатор военной игры ген. Сухомлинов, который после этого конфуза убедительно просил Николая II отпустить его в отставку. Эту сцену, исключительную по своей наивности и тупой беспросветности, следующим образом рисует в своих воспоминаниях сам ген. Сухомлинов.

«Подобный исход с'езда командующих войсками являлся чем-то бестолковым и через день я был с докладом у государя с просьбой уволить меня от должности. Это был один из самых тяжелых дней моей службы... Приготовления, самые широкие, делались несколько месяцев и, когда настолько все было готово, что в Зимнем дворце собраны были все чины главного управления генерального штаба со всеми материалами, — не приехали лишь командующие войсками, очевидно, осве-

домленные раньше меня об отмене занятий, — военный министр узнает об этом позже всех.

Государь слушал меня, опустив голову и не произносил ни слова. Несколько минут мы сидели молча. Пришлось мне прервать это молчание—казалось, что государь ждет продолжения моих об'яснений—и я доложил, что всем случившимся мой авторитет, главы ведомства, подорван настолько, что оставаться в этой должности далее мне немыслимо. Какой я могу быть руководитель в таком громадном и сложном деле, раз у моих сотрудников и подчиненных не будет доверия к целесообразности моих начинаний и распоряжений? Невольно получается впечатление, что я подвел своего государя какими-то несуразными фантазиями. Поэтому я прошу об одном—отпустить меня и повелеть сдать должность другому лицу».

Итак, что в германской армии являлось совершенно законным и естественным методом совершенствования высших военачальников, то в царской армии оказалось «несуразной фантазией». В конце концов царь убедил Сухомлинова не уходить с поста военного министра, и это неприятное событие 1911 г. было тихо замято и окончилось организацией больших маневров, которые как и всегда носили характер безобидной, но дорогостоящей бутафории.

Но то, чего удалось избежать в 1911 г., в связи с резко обострившейся военно-политической обстановкой пришлось осуществить в жизни за несколько месяцев до войны в 1914 г. Апрельская военно-стратегическая игра командующих округами, их начальников штабов и начальников центральных и окружных управлений и учреждений состоялась в Киеве. Она продолжалась четыре дня (с 20 по 24 апреля) и дала богатейший поучительный материал во многих отношениях. Как пишет Сухомлинов, столица Петербург была после печального опыта 1911 г. опасной для сбора командующих для игры и с тем, «чтобы избежать опять какой-либо интриги», игра должна была состояться в Киеве.

Военная игра в Киеве под руководством военного министра Сухомлинова явилась прелюдией к августу 1914 г. Инициаторы и составители этой игры и не предполагали, насколько хорошо можно проверить посредством удовлетворительно составленной игры не только вариант оперативного плана войны, но и тех лиц, которые были предназначены осуществлять этот план в жизни. Вероятно уже будучи в отставке, руководители и участники апрельской игры вспоминали факты и фактики киевского экзамена.

Для генеральных штабов европейских армий Мировая война 1914—1918 гг., т. е. её неизбежность, не являлась неожиданной. В неизбежность возникновения в ближайшее же время войны в 1913—1914 гг. верили все, ошиблись лишь в её длительности и масштабах. Генеральные штабы вели усиленную подготовку, особенно в 1913 г и в первой половине 1914 г. Как будто все ждали сигнала; в июле он последовал—это был выстрел юноши Принципа.

На фоне общей усиленной подготовки к войне царского генерального штаба в 1913—1914 гг. (проверка мобилизационной го-

товности, обучение молодых солдат по сокращенным программам, усиленные заказы заграницей на военное имущество, снаряжение и вооружение, имея ввиду, что отечественная промышленность была развита крайне низко и пр.) киевская оперативно-стратегическая игра являлась одной из кардинальнейших работ русского генерального штаба в отношении проверки оперативного плана войны царской армии. Мы не можем здесь целиком воспроизводить все материалы этой игры, ибо для этого потребовалось бы слишком много места. Мы остановимся лишь на самых характерных и поучительных примерах киевской игры, с тем чтобы показать, что в отношении методов и способов стратегического развертывания на этой игре были сделаны буквально все те тяжкие оперативно-стратегические ошибки, что и в действительной жизни в августе 1914 г.

Как будто бы эта военная игра была генеральной репетицией военно-технических промахов и ошибок первого периода начавшейся большой войны! Заоблачная стратегия с её постоянным спутником — беспредметным фантазированием на картах и, конечно, без всякого реального учета «скучных» вопросов материального обеспечения операций, были господствующими в полководческом творчестве собравшихся на экзамен-репетицию высших начальников, из которых 90% заняло в августе 1914 г. именно те должности, которые они исполняли на этой игре. С тем чтобы вообще избегнуть сложных вопросов организации и управления современным войсковым и армейским тылом, руководство игрой использовало самую удобную и гутаперчевую формулировку для играющих, а именно: «перевозки и весь тыл фронтов и армий работают без задержек и перебоев».

На докладные записки отдельных участников игры (Драгомиров, Алексеев) о том, что необходимо сообразовать темп наступления с вопросами работы тыла, что если в русско-японской войне 400 снарядов кое-как хватало на орудие, то нельзя в 1914 г. ограничиваться этим «опытом», что в задании на санитарное оборудование слишком дан малый процент (3%) средней убыли, что современный бой требует повысить этот процент по крайней мере в шесть—семь раз и т. д. — на все это не было обращено никакого внимания. Глава XIV нашего труда наглядно покажет, как боевая обстановка в августе—сентябре 1914 г. отплатила за эту близорукость.

Военный министр Сухомлинов, начальник генерального штаба Янушкевич и начальник оперативного управления Ю. Данилов составили штаб руководства военной игрой.

Достаточно нам уже известный по предыдущему изложению оператор-стратег Ю. Данилов был главной фигурой в штабе руководства, он разрабатывал директивы, различные оперативные указания по ходам игры, вводные данные по фронтам и армиям и пр., давая их на безмолвное утверждение и скрепление Сухомлинову и Янушкевичу.

Военная игра была односторонней с основной задачей проверить оперативные и мобилизационные соображения и расчеты

по плану развертывания армии царизма от 1 мая 1912 г. с теми поправками, которые были разработаны в 1913 г. и утверждены 25 сентября этого же года. На игре составили.

Северо-западный фронт:

Главкомсевзап — Жилинский (командвойск Варшавского военного округа).
Наштасевзап — Орановский (начштаба Варшавского в. округа).
Командарм 1 — Ренненкампф (командвойск Виленского в. округа).
Наштарм 1 — Милеант (начштаба Виленского в. округа).
Командарм 2 — Рауш-фон-Траубенберг (помкомвойск Варш. в. округа).
Наштарм 2 — Леонтьев (ген.-кварт. Варшавского в. округа).
Юго-западный фронт:
Главкомандюгозап — Иванов (командвойск Киевского в. округа).
Наштаюгозап — Алексеев (комкор 8 армейского).
Командарм 4 — бар. Зальца (командвойск Казанск. в. округа).
Наштарм 4 — Гутор (начштаба. Казанск. в. округа).
Командарм 5 — Плеве (командвойск Московск. в. округа).
Наштарм 5 — Миллер (наштаба Московского в. округа).
Командарм 3 — Чурин (комкор 21 армейского).
Наштарм 3 — В. М. Драгомиров (начштаба Киевск. в. округа).
Командарм 8 — Рузский (помкомвойск Киевского в. округа).
Наштарм 8 — Ламновский (ген.-кварт. Киевского в. округа).

Таким образом, на военной игре было представлено командование Варшавского, Виленского, Киевского, Московского и Казанского округов, т. е. тех основных округов, которые с об'явлением подготовительного периода к войне развертывались во фронтовые и армейские организации.

За небольшим исключением персонально этот же генералитет мы находим на тех же должностях в августе 1914 г. (Жилинский, Ренненкампф, Орановский, Иванов, Алексеев, Рузский и т. д.), т. е. роли, выполнявшиеся на игре, большинству пришлось уже выполнять с об'явлением войны.

Кроме того, к игре привлечены были в качестве безмолвных наблюдателей (ибо никаких следов от их работы на игре не осталось) главный интендант ген. Шуваев, нач. управления военных сообщений ген. Добрышин и главный военно-санитарный инспектор ген. Евдокимов, плюс ко всему этому необходимое количество офицеров генерального штаба для исполнения разного рода оперативных работ по ходу военной игры.

Основными противниками, как видно из общей вводной обстановки игры, были Германия, Австро-Венгрия и Румыния, причем главные силы Германия направляет против долголетнего союзника царской России—Франции, а Румыния, хотя и может развернуть на русском фронте более трех армейских корпусов с соответствующим количеством резервных частей, но активно в первое время по имеющимся политическим и разведывательным данным действовать не будет.

Таким образом, руководство игрой основными противниками на западной границе считало Германию с развертыванием её сил в Восточной Пруссии и против варшавского направления, а также Австро Венгрию с развертыванием её сил от Ярослава до Черткова (т. е. по купленному у австрийского полковника Редля австро-вен-

герскому плану стратегического развертывания). На этих главных противниках и было сосредоточено все внимание играющих.

Руководство игрой (Сухомлинов, Янушкевич, Ю. Данилов) хорошо помнило свои обещания, которые оно твердо дало ген. Жоффру, когда он приезжал в 1913 г. в Петербург для обсуждения целого ряда политических и оперативно-стратегических вопросов, связанных с военным союзом между Россией и Францией. Всилу этого уже с проигрыша 1-го хода игры обстановка требовала организации крепкого удара со стороны России. Участники игры старались молниеносно захватить Восточную Пруссию, несмотря на то, что весь комплекс политических и оперативно-стратегических данных заставлял главное внимание, силы и средства как раз сосредоточивать против Австро-Венгрии.

Как в августе 1914 г., так и на игре, русский генеральный штаб совсем не страшило осуществление плана удара по расходящимся направлениям на Восточную Пруссию и Галицию, даже при крайне невыгодных для русской армии сроках готовности к переходу в общее наступление.

Руководство этой игрой считало, что на русском западном фронте противники могут выставить:

	Батал.	Эскадр.	Орудий
Германия			
Восточная Пруссия	194—308	126—159	876—1 464
Австро-Венгрия			
Восточная Галиция	674—714	373—380	2 514—2 652
Румыния			
Средняя и Северная Румыния	132	67	557

Организационно эти силы могли составить:

	Корпусов	Отд. кав. див.	Пехотных дивизий	
			полевых	резервных
Германия	3—6	3	6—12	10—13
Австро-Венгрия	12—13	11	38—41	6
Румыния	3	2	7	20—23

Все эти силы после своего сосредоточения и развертывания могли перейти в решительное наступление: Германия на 13-й, Австро-Венгрия на 16-й и Румыния на 15—18-й день мобилизации. Против этих сил русский генеральный штаб из войск Европейской России и части кавказских мог выставить на западном фронте 1 288 батальонов, 945 эскадронов, 4 712 орудий [1]), т. е. иметь крайне незначительное превосходство сил и артиллерийских средств. Россия могла получить большее превосходство, если бы сняла силы со своих восточных окраин, доведя эти силы и артсредства до 1 566 батальонов, 1 063 эскадронов (сотен), 5 708 орудий. В таком случае,

[1]) Кроме того, для охраны района Петрограда и черноморского побережья оставлялись 68 бат., 74 эск., 582 орудия (А. Суворов. «Военная игра старших начальников в апреле 1914 г.»).

как видим, получается довольно значительный перевес сил.

Но эти силы и средства можно было целесообразно использовать лишь тогда, когда они были бы своевременно сосредоточены в районах стратегического развертывания, но с этим-то основным и важнейшим фактором современной стратегии у русского генерального штаба обстояло как раз очень плохо. Железнодорожные возможности для переброск и сосредоточения сил были крайне ограничены и в высокой степени неблагоприятны для царского генерального штаба в сравнении с теми возможностями, каковые были у Австро-Венгрии и Германии [1]). Например, при всех благоприятных условиях к моменту перехода австро-венгерской армии в наступление, т. е. на 16-й день мобилизации (в то время как Германия в Восточной Пруссии была готова на 13-й день), царские армии могли сосредоточить 50% своих вооруженных сил. Сбор всех сил без корпусов с юго-восточных и восточных окраин Сухомлинов, Янушкевич, Ю. Данилов устанавливали к 26-му дню. В период же с 26-го по 41-й день мобилизации все силы с отдаленных окраин подойдя к линии Смоленск, Брянск, Никитовка, могли быть брошены в любой район сосредоточения по требованию обстановки.

Отсюда ясно, что несмотря на то, что руководство игрой взяло сентябрьские (1913 г.) расчетные поправки к плану развертывания от 1 мая 1912 г., в которых намечалось значительное сокращение сроков сосредоточения армий, действующих против Германии и Австро-Венгрии [2]) — все же нельзя было избежать сильной разницы в готовности к переходу в наступление обеих сторон. Этим самым Сухомлинов, Янушкевич и Ю. Данилов уже в апреле 1914 г. расписались в полной своей неспособности выполнять обещания, которые сам Сухомлинов выражал следующими громкими фразами: «С 1903—1909, а тем более 1912 г. я убедился, что в случае столкновения Германия станет на сторону Габсбургов. Таким обра-

---

[1]) Так же про эту игру писал ген. Лоловин в труде «Из истории кампании 1914 г.», стр. 38—45 (издание Прага 1926 г.) конечно, затушевывая наиболее неприятные для царского генералитета места.

[2]) Отличие стратегического развертывания по мобилизационному плану № 20, утвержденного 25 сентября 1913 г., от мобилизационного расписания 1910 г. и оперативного плана от 1 мая 1912 г. было по существу весьма незначительным. Вопрос, главным образом, касался значительного сокращения сроков сосредоточения армий, но не за счет улучшения техники железных дорог и строительства новых путей для стратегического сосредоточения, а за счет уменьшения количества второочередных дивизий, назначенных в состав армий для действий, главным образом, против Австро-Венгрии. Кроме того, семь второочередных дивизий, которые дольше мобилизовались, исключались из состава армий и передавались в распоряжение верховного командования. Этот фокус со сроками сосредоточения, совершенно ясно, вопроса по существу не решал, но Ю. Данилов мог гордо заявить, что по этому проекту 1-я армия сосредоточивалась вместо 36 дней в 26, вторая вместо 40 дней в 33, третья — ровненская группа в 23 (на 13 дней раньше) и проскуровская в 17 дней (на 6 дней раньше), четвертая армия в 26 дней (на 12 дней раньше) и пятая в 24 дня (на 8 дней раньше). Но, как известно, оперативные соображения 1913 г. (мобилизационное расписание № 20) остались на бумаге, так как вся подготовка к войне велась согласно мобилизационному плану от 1910 г., о котором мы говорили в своем месте.

зом, при полнейшей моей аполитичности (такое фарисейское указание и подчеркивание со стороны генералитета в буржуазных армиях считалось и считается признаком хорошего тона. Вл. М.) передо мною ясно обрисовалась вероятность, с которой надо было считаться поддержанием нашей боевой готовности. Следовательно, масштаб для оборудования наших вооруженных сил должен был отвечать не боевой готовности австро-венгерской армии, — а германской. Поэтому исходным пунктом всех моих мероприятий была цель добиться создания русской армии, равносильной германской.

На практике достижение этой моей цели сводилось к следующим главным задачам:

1) устранить преимущество германской армии в быстроте готовности к выступлению в поход, каковая в нашей армии оставалась еще в 1905 г. в три недели;

2) использовать все успехи техники для армии;

3) восстановить воинский дух армии, потерянный на Манчжурских полях сражения и

4) установить прочные начала довольствия армии и снабжения её затем в походе».

В свете вышеприведенных расчетов эти соображения ген. Сухомлинова со всей наглядностью говорят, что от благих пожеланий до практического их осуществления — большое расстояние. Что касается 2 и 3 пунктов, то в августе 1914 г., действительно, шовинистическая агитация имела значительный успех у царских войск, но уже в сентябре—октябре настроение в войсках страшно упало. Бестолковые марши вконец изматывали части, превращая их из «строевых частей в шествии богомольцев», разгром 2-й самсоновской армии, неудачи Ренненкампфа, поражения в Галиции, под Лодзью и пр., хронический недостаток огнеприпасов, регулярное недоедание войск благодаря хаотическому снабжению, уничтожение в боях половины кадров царской армии и пр. — все это уже в первые месяцы войны было аттестационным материалом военному министру Сухомлинову и ближайшим его помощникам.

В первом ходе игры северо-западный и юго-западный фронты получили обстановку, из которой было видно, что Германия направила главные силы против Франции. Румыния выжидает. К 9-му дню мобилизации в Восточной Пруссии, сосредоточив и развернув 10 полевых и 11 резервных дивизий, германское командование стремится нарушить сосредоточение и развертывание русской армии на среднем Немане. Основная цель — привлечь как можно больше сил царской армии к Восточной Пруссии, с тем чтобы облегчить удар Конраду в общем направлении Седлец—Брест-Литовск—Кобрин. Эти германские силы, демонстрируя к линии Остроленка—Осовец, основной удар наносят в направлении районов сосредоточения русских на фронт Гродна—Олита.

Как мы будем говорить в главе XIII, располагая планом стратегического развертывания австро-венгерской армии и, повидимому,

веря, что он остался у Конрада без изменений, Сухомлинов и Ю. Данилов дали играющим наиболее полную обстановку удара против юго-западного фронта. Заслонившись с киевского направления, австро-венгерское командование наносит свой главный удар в северном направлении, причем к вечеру 17-го дня мобилизации из развернувшихся на фронте от Ярослава до Черткова 40 пех. и 10 кавдивизий Конрад 21 дивизию направляет для энергичного наступления на фронт Седлец—Брест-Литовск—Кобрин, т. е. давая для каждой наступающей дивизии фронт, примерно, 7—8 км.

Таким образом, между готовностью к выступлению германской и австро-венгерской армий разница была в 8 дней в пользу Германии (17 — 9 = 8); всилу этого царское верховное командование уже до 9-го дня мобилизации должно было твердо решить, против кого собирать главную массу русских сил, т. е. южнее Полесья (Австро-Венгрия) или севернее Полесья (Германия). Верховное командование (руководство игрой) дало к 9-му дню мобилизации северо-западному фронту (1-я, 2-я армии) вводную, из которой было видно, что германские силы начали свое наступление на фронт Гродно—Олита. Верховное командование указывает северо-западному фронту на необходимость остановить наступающие германские армии.

Австро-венгерская армия на 8 дней опаздывает с готовностью к переходу в наступление по отношению к германской армии, а поэтому царское верховное командование предложило юго-западному фронту (4-я, 5-я, 3-я, 8-я армии) решить, когда его армии могут перейти в наступление, нанося главный удар со стороны южного фронта Варшавского военного округа и активно наступая со стороны Киева.

Как видим, уже к самому началу игры сложившаяся для северо-западного и юго-западного фронтов оперативно-стратегическая обстановка требовала от командования последних самого деятельного анализа, а главное, четких расчетов и сопоставлений сроков стратегического развертывания для обеих сторон. Нам не известно, знало ли командование фронтами формулировку Мольтке о том, что «ошибка, допущенная в первоначальном развертывании сил, едва ли может быть исправлена за всю кампанию»; в условиях железнодорожной техники и начертания железных дорог к 1914 г. для России этот афоризм Мольтке имел свой особый смысл. Но получилось так, что командование северо-западным фронтом главное внимание сосредоточило на рассмотрении направлений для удара по германским силам, а не на расчетах, когда именно могут собраться в районах развертывания корпуса 1-й и 2-й русских армий с их тылами. Организация эффектного, стремительного (это было самое «модное», самое почетное слово в уставах, наставлениях, инструкциях русской и особенно французской армий) первого контрудара со стороны северо-западного фронта поглотила все внимание командования фронтом, отодвинув сухие «скучные» расчеты по сосредоточению и развертыванию собственных сил фронта на зад-

ний план. Разница между сроками готовности к переходу в наступление Германии и России, с учетом, что руководство игрой с 13 дней [1]) для Германии их уменьшило до 9 дней, не изменяя того же для русской армии, очевидна. Таким образом, к 9-му дню мобилизации на северо-западном фронте обстановка складывалась не для перехода в наступление (так как корпуса и тылы были еще в основном в движении на колесах), а для организации сосредоточения сил, для организации такого целесообразного развертывания их, чтобы они могли нанести действительно сильный сконцентрированный удар. Что же решил ген. Жилинский? В его директиве 1-й и 2-й армиям коротко, но смело говорилось:

«Не ожидая окончания нашего развертывания на среднем Немане, немедленно перейти в наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар 1-й армией в направлении Гумбинен в обход Мазурских озер с севера; 2-й армией в направлении на г. Лык с охватом правого фланга германцев».

Иначе говоря, воспроизвести исторические «Канны» Ганнибала в обстановке апреля 1914 г. в г. Киеве. В этом решении сконденсированно выражено слабое знание основ современной стратегии. К чему вело такое решение? В о-п е р в ы х, 1-я армия ген. Ренненкампфа уже на 12-й день, не окончив своего развертывания на указанном ей фронте Ковна—Друскеники, боролась бы отдельными своими частями с превосходными силами немцев (не менее 3 корпусов) впереди фронта Гродна—Олита, в о-в т о р ы х, 2-я армия к 12-му дню мобилизации также не могла еще собрать свои силы на указанный ей фронт Гродна—Ломжа, а поэтому говорить о нанесении ею главного удара не приходилось. И вместо того, чтобы дать соответствующую в в о д н у ю по игре, которая бы заставила ген. Жилинского произвести соответствующие расчеты по сосредоточению и развертыванию, руководство военной игрой как бы присоединяется к этой беспредметной активности ген. Жилинского и на второй ход дает обстановку к 12-му дню мобилизации.

К этому времени, как и следовало ожидать, обстановка была для северо-западного фронта крайне тяжелой. 1-я армия, развернувшись частью сил на фронте Ковна — Друскеники, вступила в упорный бой, в то время как 2-я армия еще не вышла в район своего развертывания (Гродна—Ломжа), с тем чтобы наступать на г. Лык и в обход правого фланга германцев. 2-я армия это могла сделать не ранее 14—15-го дня мобилизации. По оперативному замыслу ген. Жилинского армии должны были начать решительное наступление о д н о в р е м е н н о, но, как видим, сразу же получилось опоздание со 2-й армией. Тогда в о в т о р о м х о д е ген. Жилинский решает остановить наступление 1-й армии до подхода к г. Лыку 2-й армии, с тем чтобы затем они одновременно начали глубокий охват с двух сторон германских сил, выдвинувшихся к Неману. Командующие 1-й и 2-й армиями к этому опера-

[1]) См. приводимые выше расчеты.

тивному творчеству ген. Жилинского полностью присоединились. Но по ходу игры сразу остановить наступление 1-й армии было не так-то легко, так как германские силы вели ожесточенные встречные бои. Нависла угроза отдельного поражения для 1-й армии, против которой у германцев было превосходство не менее как на дивизию.

Это поражение явилось бы тем более скандальным, что общее-то превосходство против Восточной Пруссии было на стороне северо-западного фронта (147—159 батальонов немцев против 196—204 русских). Но выход был найден: ген. Сухомлинов, Янушкевич и Ю. Данилов, постоянно заботясь о «соответствующем моральном» состоянии высшего генералитета, дают такую вводную, которая сразу же передает победу на сторону русского оружия: английский десант уже на территории Франции, обстановка для Германии усложняется, соотношение сил на французском фронте резко меняется в неблагоприятную для нее сторону. Кроме того, 2-я армия, идущая к т. Лыку, отрежет выдвинувшиеся к Неману германские дивизии. Германское верховное командование в тревоге и бьет отбой. Оно приказывает перебросить не менее 3 корпусов из района Восточной Пруссии на французский фронт, т. е. фактически оголить фронт, а остальным отходить за р. Ангерап. Командование северо-западным фронтом торжествует, русско-французская конзенция выполнена, Франция спасена, ген. Жилинский глубоко уверен, что его смелая активность была основной причиной посыпавшихся на него со всех сторон успехов.

Руководство сразу дает скачок во времени; вечер 21-го дня мобилизации. Ген. Жилинский к этому дню уже может одновременно перейти в общее наступление и осуществить «Канны» для оставшихся германских сил ударом с севера и юго-запада от Мазурских озер. Но имея ввиду, что силы противника ослаблены, эти «Канны» возможно совершить и без двух корпусов, которые выделяются по требованию руководства по одному из 1-й и 2-й армий для юго-западного фронта, где к тому времени назревали серьезные события.

Руководство игрой правильно сделало, что остановило эти «успехи» северо-западного фронта именно на этом третьем ходе и не стало разыгрывать «Канны». Но и без этого достаточно показательна смелая работа за противника, т. е. та знаменитая «кофейная гуща», эта сердцевина оперативно-наступательной «во что бы то ни стало» доктрины царского командования.

Нам остается теперь коротко рассказать, что же происходило на юго-западном фронте в эти дни «решительных» действий на картах ген. Жилинского против германцев.

Командюгозап ген. Иванов оказался более вдумчивым и менее бурно-наступательным, чем ген. Жилинский. Подсчеты и расчеты, проделанные ген. Алексеевым, показали ген. Иванову, что его армии могут начать наступление — 4-я армия на 21-й день мобилизации, 3-я и 5-я армии на 20-й и 8-я армия на 20-й день мобилизации. Но как мы видели выше, австрийцы предупреждали наступление юго-западного фронта на несколько дней, они заканчивали свое

стратегическое развертывание на 16-й день. Документы, купленные русским генеральным штабом у австрийского полковника Редля, говорили, что после развертывания на линии от Ярослава до Чертков главный удар Конрад намерен нанести центром (т. е. 4-й и 3-й армиями), в то время как фланги австрийского фронта обеспечивались 1-й армией у Ярослава и 2-й армией у Трембовля. Этому плану Конрада противопоставлялся весьма замысловатый оперативный план командования юго-западного фронта. Последнее решило с полного одобрения руководства игрой построить план по суворовскому правилу «заманивай» в открытые ворота в более чем 120 км шириной (Ковель—Дубно) для свободного вторжения не менее как 9 дивизий 4-й и 3-й австрийских армий (в то время как это направление прикрывалось лишь одним 17-м русским корпусом). Противник должен будет двинуться в эти почти свободные ворота. К вечеру 21-го дня мобилизации 4-я и 5-я армии, собрав на южном фронте Варшавского военного округа (Люблин—Ковель) 280 батальонов против 283 батальонов австрийцев, наносят главный удар на фронт Тарнов — Львов, а 3-я и 8-я армии, собрав на киевском направлении 296 батальонов против 274 батальонов австрийцев с линии Дубно—Проскуров начнут наступать в львовском направлении.

Проигрыш операций юго-западного фронта на игре был очень скомкан, вял и бесцветен. Фактически руководство игрой было целиком поглощено развитием операций на северо-западном фронте. Поэтому получается впечатление, что несмотря на то, что главным фронтом для царской России в 1914 г. являлся именно юго-западный фронт, который должен был бороться с вооруженными силами Австро-Венгрии, этого-то как раз в игре и не было. Как будто по этому фронту для руководства игрой все уже было понятным и ясным. Мы полагаем, что в этом деле немаловажную роль играл факт покупки у полковника Редля плана стратегического развертывания австро-венгерской армии (см. главу XIII), твердая вера в его незыблемость и действительность. Это обстоятельство настраивало Сухомлинова, Янушкевича и Ю. Данилова на мысль, что, зная и имея план стратегического развертывания Австро-Венгрии, будет не трудно с ней разделаться; к тому же русский генеральный штаб вообще не слишком уж высоко расценивал австро-венгерскую армию, как серьезного противника. Но, как известно, план стратегического развертывания австро-венгерской армии был коренным образом переделан Конрадом, который через свою агентуру узнал, что копия этого плана хранится в стальном сейфе в Петербурге. И в конце августа 1914 г. Ю. Данилов в этом убедился, горько сетуя, что он напрасно слишком уж крепко верил в то, чему долго верить, как учит опыт истории, не полагается.

В первом ходе игры, когда северо-западный фронт принимал решение к переходу в бурное наступление, командование юго-западного фронта дало свои расчеты по готовности его армии к наступлению, о которых мы говорили выше. Во втором ходе ген. Иванов и Алексеев, после запросов от руководства игрой с тре-

бованием ужать сроки готовности, твердо заявили, что командование юго-западного фронта признает возможным ускорить наступление лишь для 4-й армии на один день и не более, оставляя в силе оперативный замысел главного удара со стороны 4-й и 5-й армий на фронте Перемышль—Львов. Тогда руководство игрой дало для юго-западного фронта оперативное время — 19-й день мобилизации. В этот день обозначилось по всему фронту наступление австро-венгерских армий, предупреждающих русских в своем развертывании. Розыгрыша отдельных оперативных эпизодов не было и сразу дан был 22-й день мобилизации. К этому времени главные силы австрийцев, ведя наступление на Ровно, обрушились на 3-ю русскую армию; её положение признается тяжелым, но ей на помощь приходит 8-я русская армия, которая с рассветом 22-го дня мобилизации перешла в решительное наступление из района Проскурова во фланг выдвигавшимся в ровненском направлении австрийским дивизиям. На фронте 4-й и 5-й русских армий наступало 9 австрийских дивизий. Их движение в северном и северо-восточном направлений шло восточнее линии Западный Буг. Командарм 5 ген. Плеве решает против этих сил оставить на правом берегу Западного Буга только три дивизии, остальные же силы армии предназначаются ген. Плеве для совместных действий с 4-й армией на левом берегу Зап. Буга. В общем командармы 4 и 5 решили организовать главный удар с охватом левого фланга стратегического фронта австрийцев. Они только что приступили к расчетам по организации этого маневра, как был дан отбой. Таким образом, на мгновение появившаяся опасность для 3-й русской армии была своевременно локализирована стремительным наступлением 8-й армии во фланг наступающим на Ровно австрийцам, а розыгрыш маневра 4-й и 5-й армий вообще не получил никакого оперативного выражения. Иначе говоря, игра для юго-западного фронта была руководством фактически сорвана.

Так «поучительно» закончилась киевская военная игра, к которой так же, как и в 1911 г. готовились, по словам Сухомлинова, не менее года. Разбора игры решили не производить, обещав округам письменно сообщить обширные выводы по игре. Руководство и участники раз'ехались, первое с глубокой верой, что может поучительно организовать и проводить большие оперативно-стратегические игры, а вторые с большими облегчением, что разбор был отменен и тем самым стирался вопрос, что высший генералитет в 1914 г. не только не понимал элементарных основ современного оперативно-стратегического искусства и вождения масс на войне, но даже не умел как следует составить и отдать письменные оперативные документы по ходам игры. И вместо того, чтобы взять пример с методов обучения посредством тренировочных оперативно-тактических военных игр и полевых поездок, которые особенно применялись в лучшей по тому времени германской армии, вместо того, чтобы осуществлять прекрасный принцип Шлиффена, неуклонно проводившийся им среди работников своего генерального штаба, а именно: «боль-

ше быть, чем казаться» — русский генеральный штаб увлекался плацпарадностью, организацией дорогостоящих бутафорских маневров, которые постепенно, из года в год, вырабатывали из старшего и высшего комсостава классические типы «ловких людей» и различных персонажей для талантливого пера Салтыкова-Щедрина.

В своем майском докладе Сухомлинов и Ю. Данилов писали царю:

«Игра дала весьма богатый материал по проверке правильности намеченного развертывания и плана ближайших наших действий в случае войны на западной границе...».

Как видим, этим самым была твердо установлена линия поведения, которую возьмет руководство русского генерального штаба в первые месяцы мировой войны. Так оно и случилось. В апреле 1914 г. в Киеве верховному командованию (руководство игрой — Сухомлинов, Янушкевич и Ю. Данилов) умышленно подтасованной вводной данной [1]) легко и безболезненно удалось предотвратить катастрофу северо-западного фронта, угрожавшую благодаря тому, что ген. Жилинский, на две трети незакончив статегическое развертывание армий фронта, вводил подходящие войсковые соединения в бой пачками по частям. В августе 1914 г. произошло несколько иначе. Ген. Жилинский повторил буквально те же ошибки, что и на игре, и в этом ему всемерно помогал ген. Ренненкампф. Результат — полный разгром 2-й армии ген. Самсонова, полная потеря руководства со стороны Ренненкампфа — командарма 1 и комфронта Жилинского и целый ряд неудач на правом фланге юго-западного фронта. И тогда верховное командование принуждено было свое ровное киевское настроение переменить на панику и вопли. В августе 1914 г. главковерх Николай Николаевич писал царю:

«... Ген. Жилинский потерял голову и вообще неспособен руководить операциями... Я совершенно сознаю, что не умел настоять на исполнении моих требований, посему слагаю перед вашим величеством повинную голову».

Наштаверх ген. Янушкевич докладывал о работе командования северо-западного фронта в целом:

«Фронт в смысле управления отсутствует, оставлен в этом виде быть не может. Нужны радикальные меры в смысле личного состава. Считаю этот вопрос первостепенной особо государственной важности».

И в тот момент, когда происходила эта переоценка ценностей и замена Жилинского ген. Рузским, в эти дни в Восточной Пруссии гибли окруженные корпуса 2-й армии, а корпуса 5-й армии юго-западного фронта с трудом выходили из того катастрофического положения, в которое их загнало русское высшее командование.

---

[1]) Английский десант во Франции, переброска германцами корпусов на западный фронт, бегство оставшихся в Восточной Пруссии германских дивизий за реку Ангерап и пр.

ГЛАВА XIII

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ [1])

Ленин говорит, что «империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [2]).

Политика австро-венгерской монархии, как и каждого империалистического государства, была направлена к созданию таких условий политико-экономического и социального порядка, которые бы давали повод к возникновению новой войны. Вся же история современного империализма, как новой высшей стадии капитализма, неопровержимо говорит, что без насильственного захвата чужих территорий, без присвоения чужих богатств, без вооруженных интервенций, без угнетения и порабощения слабых и отсталых народов и государств, существование империализма немыслимо.

Таким образом, каждое капиталистическое государство, будь то Германия, Австро-Венгрия, Франция, Англия, царская Россия и пр., считает войну естественным и необходимым условием для своего дальнейшего существования, продолжением политики своего господствующего класса. Такова красная нить до Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. в развитии и образовании Австро-Венгрии, этого классического типа «лоскутной» монархии.

Австро-венгерский империализм из года в год насильственным путем политически и экономически порабощал целый ряд народов различных национальностей, душил их независимость, заставляя русинов, мадьяр, сербов, хорватов, словенов, австрийцев, венгров, чехов, поляков, итальянцев и пр. всецело подчиняться тем условиям и требованиям, которые диктовал им австро-венгерский царистско-помещичий режим и его империалистическая политика.

Но беспощадно подавляя национально-революционные движения внутри страны, беспощадно эксплоатируя все народности, вхо-

---

[1]) Схемы 15 и 16.
[2]) Ленин, т. XIX, стр. 143.

дившие в австро-венгерское государство, буржуазно-помещичья диктатура сама находилась в лапах финансового капитала германского империализма и тем самым еще более усиливала гнет трудящихся масс Австро-Венгрии. Уже в 1900 г. германский империализм поглотил все основные области и отрасли австро-венгерской промышленности и сельского хозяйства.

Австро-германский союз существовал на основе заключенного в октябре 1879 г. договора. Этот договор обязывал в случае нападения России на одну из договаривающихся сторон всемерно помогать друг другу всеми своими вооруженными силами. «Сердечный союз» Германии и Австро-Венгрии (в вопросе союза с Италией и Румынией всегда было много трений, противоречий, окончившихся, как известно, уходом их в лагерь Антанты), в противовес «сердечному согласию» Франции и России, особенно ярко стал демонстрироваться в период с 1906 г. после позорного разгрома царской армии на полях Манчжурии. С этого же времени господство военщины и крупной буржуазии превращает Австро-Венгрию в полного вассала германского империализма. Точно так же наиболее вероятный противник Австро-Венгрии — царская Россия с 1906 г., окончательно расстроив свои государственные финансы в связи с русско-японской войной и последовавшей революцией 1905 г., принуждена была пойти в финансовую кабалу французского капитала, получая от него за высокие проценты ежегодные займы в размере полумиллиарда франков. Но огромные суммы из этих миллионов франков займа французский генеральный штаб обязывал своего вассала — русское верховное командование—расходовать не на хозяйственные и культурные нужды, а на увеличение численности царской армии, на постройку железных дорог, имеющих военное значение и пр.

Австро-венгерская монархия по состоянию промышленности и торговли [1]) к 1912—1914 гг. могла вступить в конкуренцию и вести экономическую борьбу лишь на рынках небольших государств, главным образом Балканского полуострова, Будучи преимущественно страной аграрной, где до 70% рабочих было занято в сельском хозяйстве и лесоводстве, Австро-Венгрия в промышленном отношении всецело зависела от своего могущественного индустриального сюзерена — Германии. Сравнивая, например, выплавку стали в 1913 г. в Германии и Австро-Венгрии, мы видим, что для первой она составляла 16,9 млн. тонн, для второй только 2,6 млн. тонн.

Слабая государственная промышленность имела очень слабую и военную промышленность.

Непрерывная политическая, экономическая и национальная вражда между Австрией и Венгрией с постоянным нежеланием Венгрии делиться вооружением и продовольственным снабжением с Австрией с первых же месяцев войны стала совершенно нетерпимой и очень сильно отражалась на успешности борьбы с царской Россией. Лишь

---

[1]) Например, доля участия в мировой торговле Австро-Венгрии в 1912 г. определялась по отношению Германии и Франции соответственно, как 3½ : 13 : 9.

твердые окрики германского империализма из Берлина заставляли утихать не в меру расходившиеся враждебные силы двуединой монархии, которая этим самым начинала нарушать равновесие на фронте не в пользу германского оружия.

Из вышеизложенных глав на ряде фактических материалов мы убедились в том, что политика — это «сконцентрированная экономика», а все подготовительные мероприятия к войне и сама война в целом есть насквозь политика. Поэтому мы и видим, как политико-экономические сети, которые были раскинуты германским империализмом вокруг своего вассала — «лоскутной монархии» Габсбургов, все туже затягивались, а диктатура финансового капитала Германии начинала властно диктовать своему соседу с юга выгодные для капитала германской империи политические, экономические и военные условия и требования.

Военно-экономические авторитеты Австро-Венгрии, так же как и большинство видных политиков, экономистов, военных стратегов крупных европейских государств, твердо считали, что война будет кратковременной и затронет лишь верхний слой экономической и хозяйственной мощи воюющих государств.

Мобилизационные запасы и продукция военной промышленности вполне обеспечат армии всем необходимым для победоносного завершения молниеносной 4—6-месячной предстоящей войны.

Всилу этого нормы обеспеченности снабжения боевыми припасами исходили в Австро-Венгрии не из тщательного анализа современного сложного длительного бся с его многообразными техническими средствами, а из опыта, главным образом, балканских войн. Например, нормы огнеприпасов, установленные к августу 1914 г. в австро-венгерской армии из расчета, что носимый и возимый запас огнеприпасов в войсках и в дивизионных муниционных парках равняется: на винтовку 340, на пулемет 10 850 патронов, на полевую пушку 492, на полевую гаубицу 366 и на тяжелую гаубицу 360 снарядов, с первыми же выстрелами в пограничных боях показали, что эти расчеты устарели. Еще в более трагическом положении, чем Австро-Венгрия, оказалась царская Россия, не имевшая такого промышленного соседа, как Германия[1]); русское командование установило несколько большие нормы, чем это мы видим в австрийской армии, но, во-первых, эти нормы в большинстве случаев оказались теоретическими, а во-вторых, благодаря хаотическому сосредоточению и развертыванию сил и средств в августе 1914 г. без учета тылов (например, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я армии) уже в сентябре командование было вынуждено посылать самые тревожные запросы и телеграммы с просьбой о скорейшей высылке огнеприпасов. Известные исследователи боевого снабжения царской армии Маниковский и Барсуков говорят, что обеспеченность огнеприпасами выражалась на похотную винтовку — 1 000 патронов, на пуле-

[1]) Уже в первый месяц мобилизации Германия принуждена была поставить австро-венгерской армии 60 тыс. ружей и 8 млн. патронов.

мет — 75 000, на 76-мм легкое орудие — 1 000 выстрелов, на 122-мм полевую легкую гаубицу — 1 000 выстрелов, на 107-мм тяжелую пушку и 152-мм тяжелую гаубицу — 610 выстрелов. Приэтом из указанного количества носимый и возимый войсковой запас был просто мизерным, так как эта норма целиком исходила из опыта русско-японской войны (о чем очень метко было указано на апрельской оперативно-стратегической военной игре в Киеве, см. главу XII); она выражалась в следующих цифрах: на винтовку — 200, на пулемет 25 000, на легкое орудие — 370, на легкую гаубицу — 125 патронов. Первые же бои в Восточной Пруссии и Галиции заставили войска быстро израсходовать эти голодные нормы и был остро поставлен вопрос о коренной реорганизации дела артиллерийского снабжения действующей армии. Но, как известно, пока происходила эта длительная реорганизация, царская армия докатилась в 1915 и частично в 1916 г. до катастрофического положения с огнеприпасами. То же самое было и в австро-венгерской армии.

Уже к началу 1915 г. еще острее встал вопрос с наличием винтовок, пулеметов, легких и тяжелых орудий у обоих противников. Но опять же, если время от времени в австро-венгерской армии тяжелые прорывы в деле боевого снабжения ликвидировались при помощи её могучего индустриального соседа — Германии, то у царской армии положение было иное, так как реальная помощь со стороны Франции началась значительно позднее, чем разразился острый кризис с боевым снабжением на русском фронте.

Армии обеих сторон уже в августе—сентябре 1914 г. встали перед дилеммой или совсем остаться без огнеприпасов, или же сократить ежедневные расходы до несколько выстрелов на винтовку (до 20—25) и на орудие (до 5), т. е. до таких норм, которые совершенно не соответствовали огневой потребности современного боя с его автоматическим оружием.

Все это наглядно говорит, что государства, входившие в две враждовавшие коалиции (Антанта и Центральный союз), к началу мировой войны совершенно не разработали экономической мобилизации сил и средств данного государства и быстрого перевода всех и всяких составных его частей в нужный момент на военные рельсы. В настоящее время этот огромный промах первого периода мировой войны хорошо учтен всеми современными государствами, которые строят оборону своей страны совершенно иначе, в основном, конечно, опираясь на богатейший опыт мировой и нашей гражданской войны.

Уже к 1914 г. могущественный германский империализм забрал в свои руки всю политическую, экономическую и военно-стратегическую жизнь Австро-Венгрии. Но не только до мировой войны Австро-Венгрия была полуколонией германского империализма, она оставалась таковой на протяжении всей войны 1914—1918 гг.

С поражением Германии в мировую войну, с гибелью её империалистических сетей, которыми она держала своих союзников, рассыпалось на части искусственно сшитое австро-венгерское государство.

Это явление замечательно еще тем, что и сейчас на территории Европы имеется прототип бывшей Австро-Венгрии — это современное лоскутное королевство Румыния, которая в своей экономической и национальной политике бережно хранит основные крепостнические традиции монархии Габсбургов. Судьба Румынии будет та же, сколько ни свирепствовала бы в ней стихия разнузданного фашистского террора. XX век замечателен тем, что капиталистическая буржуазия окончательно потеряла способность к творческо-организационной работе.

Если в планах Шлиффена и Виктор-Мишеля видна основная твердая стержневая, оперативно-стратегическая идея — главный удар против Франции, главная масса сил в обход крепостного пояса Серре-де-Ривьера через Бельгию на Париж и т. д. (Шлиффен), или другой главный удар против Германии, главная масса сил для захвата линии Антверпен — Брюссель (Виктор-Мишель) с четким положением «я знаю, что хочу», — то этого никак нельзя сказать про австро-венгерские планы войны.

Отсутствие четкости в отношении оперативно-стратегической идеи естественно влекло за собой крайне сложное построение организационно-численного развертывания сил и средств.

Простота же плана войны и его отдельных вариантов с доведенной до предела ясностью в отношении организационно-численного распределения сил и средств по отдельным оперативным направлениям, как диктует поучительный опыт недавнего прошлого, в современной войне дело совершенно обязательное.

Этой простоты и ясности в первую голову властно требуют новые разнообразные технические средства и массовый характер современных армий.

План войны, как говорит опыт последних войн, должен быть составлен так, чтобы он был совершенно ясен и понятен в первую очередь тем, кто будет его осуществлять и проводить в жизнь. Предельная четкость и ясность оперативно-стратегической мысли и расчета сил и средств — первые условия для плана войны, ибо тот (те), кто допускает (-ют) схематизм в плане войны и его вариантах, тот жестоко расплатится уже в период стратегического развертывания своих сил. Так было и так будет. О последней фразе могут привести довольно распространенное мнение, что как в 1914 г., так особенно теперь «вообще нельзя добиться р е ш е н и я в о й н ы на основе оперативных планов, разработанных в мирное время». Эта мысль верна лишь в одном, что нельзя составить такого плана войны, который бы предусматривал все детали, все ходы на протяжении, скажем, одного—полутора лет войны. Такой план, как говорит богатейший опыт последних войн, составить нельзя. Замечательный план Шлиффена был рассчитан для тех условий (1905—1912 гг.) максимум на 4—6 месяцев операций и боев, включая в этот срок операции сперва против Франции — 2½—3 мес. и остальное время против России. Но совершенно необходимо иметь план войны, который бы был настолько гибок, подвижен, продуман материально,

чтобы конкретно обеспечивал наиболее тяжелый, наиболее важный период мобилизации, сосредоточения и развертывания сил, а также маневрирование этими силами и средствами.

Мы не намерены здесь разбирать историю планов войны австро-венгерского генерального штаба в период 1907—1914 гг., когда его начальником был Конрад [1]). Мы остановимся лишь на последнем этапе работ австро-венгерского генерального штаба по плану войны, с тем чтобы показать, что отсутствие четкости и твердой стратегической линии поведения в планах Конрада повлекло сразу же целый ряд резких неполадок в стратегическом развертывании австро-венгерских вооруженных сил.

Коллектив австро-венгерского генерального штаба не сумел поставить дело с обработкой нужных материалов, которые в виде отдельных элементов входят в варианты плана войны и под искусной рукой данного начальника генерального штаба создают естественное осмысленное целое.

Осмысленного целого не видно в вариантах планов войны австро-венгерского генерального штаба, нет в нем твердого стратегического пути, а это обстоятельство естественно повлекло за собой организационно-численное напластывание с перемешиванием частей, а отсюда неизбежную расплату в начальный период войны, когда, например, целая 2-я армия была брошена Конрадом против Сербии, а затем с об'явлением войны России её сейчас же было приказано перебрасывать обратно против России в Галицию.

При нашем анализе мы постоянно имеем ввиду исключительно трудные условия работы для Конрада, этого верного слуги престола габсбургской монархии.

Во всей Европе Австро-Венгрия являлась по своему национальному составу наиболее пестрой. В этом отношении царская Россия с её национальной политикой мрачного средневековья мало чем отличалась от «лоскутной» монархии Габсбургов. Во всяком случае, Австро-Венгрия и царская Россия являлись государствами, где конгломерат различных народностей был наиболее ярко представлен.

Конечно, ни о каком политико-экономическом самоопределении той или иной национальности в условиях её жизни в системе империалистического государства речи быть не может. Но разношерстность национального состава габсбургской монархии не могла в сильной степени не отразиться и на армии Австро-Венгрии.

Если мы, кроме Боснии и Герцоговины (которые были оккупированы в 1878 г. и еще более разнообразили национальный состав Австро-Венгрии, так как из 1 737 000 жителей оккупированной территории было 630 тыс. сербов, 350 тыс. кроатов, 8 200 евреев и

---

[1]) Из этого периода надо исключить 1913 г., его годовую отставку, но, как подтверждает сам Конрад, за этот год в планы войны изменений внесено не было.

689 тыс. магометан), сведем в таблицу национальности населения Австро-Венгрии, то получим следующую картину [1]).

Таблица 19

Национальности	В Австрии		В Венгрии	
	абсолютное число	%	абсолютное число	%
Немцев	9 171 000	36	2 135 181	11,1
Венгров	—	—	8 742 301	45,4
Чехов	5 955 000	23	—	—
Поляков	4 259 000	16	—	—
Русин	3 376 000	15	429 447	2,2
Словаков	1 193 000	3	2 019 641	10,5
Итальянцев	727 000	3	—	—
Сербов и кроатов	711 000	3	2 720 749	14.2
Румын	231 000	1	2 799 479	14.5
Прочих	519 000	—	387 761	2,1
Всего	26 151 000	100	19 254 559	100

Разношерстный состав австро-венгерской армии с непрерывными внутренними национальными антагонизмами, ссорами в офицерском корпусе, случаями прямого неповиновения, скрытым саботажем и пр. постоянно требовал быть начеку и уметь в нужный момент принять соответствующее решение с новым комбинированием сил и средств. Например, необходимо было постоянно учитывать национальный состав полков и настроение в них. Командный язык в отдельных войсковых частях был неодинаковым, как не было одинаковым боевое настроение отдельных национальностей; чехи, например, не особенно-то хотели драться с сербами и всилу этого надо было участок 8-го и 9-го чешских корпусов усилить и дополнить 3-м корпусом, который состоял из немцев и т. д.

Поскольку австрийское командование исходило из положения, что 50% данной национальности дает право на командный язык в данной части, уже в мирное время получилось следующее характерное соотношение в пехотных полках австро-венгерской армии: 19 венгерских, 16 немецких, 15 чешских, 9 польских, 9 русских, 9 сербо-кроатских, 7 румынских, 4 словацких, 2 словенских, всего 90 полков. «Остальные 12 полков имели несколько совершенно различных национальностей. При мобилизации эта особенность частей осталась без внимания» [2]).

---

[1]) Эту таблицу мы берем из работы Б. Шапошникова «Мозг армии», кн. 1, стр. 23.

[2]) А. Белой. Галицийская битва, стр. 50.

Или например, если мы возьмем 4-ю австро-венгерскую армию, то она имела: 100 000 чехов и словаков, 50 000 немцев, 40 000 венгров, 20 000 поляков, сербо-хорватов, итальянцев.

Все это будет нами учитываться при анализе и критике вариантов австро-венгерского плана войны.

То, что произошло с австро-венгерским планом стратегического развертывания в августе 1914 г., говорит о тяжелой ошибке, допущенной Конрадом и его ближайшими соратниками по генеральному штабу. Конрад любил при каждом удобном и неудобном случае указать, что он очень высоко ценит учение Клаузевица, что он его ученик в вопросах стратегии и пр., но вот, он (Конрад) никак не может согласиться с тем, что война — насквозь политика, что политика продолжается во время войны. Он не отрицает, что политика играет огромную роль в деле войны, но на войне решающее слово остается за вооруженной силой. Конрад делал вид, что он не пытается дальше вникать в эти вопросы и тем более спорить по ним, так как он солдат прежде всего, а армия должна быть вне политики. Таковы с л о в а, при помощи которых Конрад пытался затушевать свою политическую борьбу с Эренталем и др. Д е л а ж е Конрада совершенно иные. Его многотомные воспоминания со всей наглядностью говорят как раз об этом. Они четко поясняют устами самого же Конрада, что он постоянно воевал со всеми политиками австро-венгерской монархии, что он из всей своей деятельнсти начальника генерального штаба постоянно уделял огромное время и внимание, огромные силы и энергию политической борьбе. Достаточно проследить тонкую политическую игру [1]), которую вел Конрад против всесильного и могущественного министра иностранных дел Габсбургов—Эренталя, чтобы притти к заключению, что всяческие фразы об аполитичности Конрада не имеют под собой почвы. «Аполитичный солдат» сломал бы себе карьеру (даже несмотря на всемерную поддержку Франца-Фердинанда) и поставил бы себя в смешное положение при первом же шахматном ходе против высокоопытного и талантливого политика Эренталя, очень не любившего Конрада. Между тем постоянная борьба по всем вопросам обороны монархии и в строительстве вооруженных сил продолжалась с переменным успехом очень долгое время вплоть до смерти Эренталя. Таким образом, слова были одни, а дела другие. В этом случае Конрад заставляет нас вспомнить о Мольтке-старшем, на словах отрицавшем взаимозависимость политики и войны, а на деле принимавшем огромное участие в политической жизни, хотя бы на совместной работе с Бисмарком.

Как известно, в августе 1914 г. Конрад допустил большой политический просчет с Россией и тем самым сделал и огромную стратегическую ошибку с развертыванием вооруженных сил, загнав целую армию вместо Галиции на Балканы. Э т о т о л ь к о е щ е и

[1]) Об этом см. подробнее в работе т. Ш а п о ш н и к о в а «Мозг армии», кн. 2-я.

еще раз подчеркивает, что армия вне политики существовать не может, а её военные стратеги и операторы должны быть и вдумчивыми политиками. Итак Конрад очень много политически боролся, одновременно подчеркивая постоянно, что он абсолютно аполитичен и что он только «чистый» стратег, «чистый солдат». Но просчет с Россией говорит, что в политической борьбе он мало чему научился, отнюдь, конечно, не потому, что не мог постигнуть процесса политической борьбы и обстановки в Европе, а благодаря тому, что постоянно пытался отрывать строительство вооруженных сил от международной и внутренней политики габсбургской монархии.

За эту формальную близорукую линию политического поведения жестоко отплатил август 1914 г. Ибо нельзя было рассчитывать, что царская Россия своевременно не окажет поддержки Сербии.

После войны Конрад в воспоминаниях, желая свалить вину своего просчета со 2-й армией на кого-либо другого, жалуется, что он не был в достаточной мере политически информирован министерством иностранных дел Бертхольда и что вообще у Австро-Вентрии «при начале войны дипломатическая подготовка была недостаточной». Мы считаем, что Конрад здесь напрасно в обиде на преемника Эренталя на посту министра иностранных дел Берхтольда, который почти ежедневно давал Конраду самую широкую политическую информацию и особенно в последние недели перед войной.

В воспоминаниях Конрада по этому вопросу приведено так много политического материала, который он имел в июне—июле 1914 г., то этим самым Конрад сам себя ставит прямо-таки в фальшивое положение.

Мы несколько заглянем вперед, с тем чтобы лучше комментировать вышеизложенное.

После убийства Франца-Фердинанда в Сараеве «11 июля в министерстве иностранных дел приступили к составлению ноты к Сербии, которая должна была обсуждаться на совете министров, на который Берхтольд пригласил и начальника генерального штаба. Последний тем временем почти ежедневно обсуждал с начальником оперативного бюро план войны с Сербией, а также и другие варианты, особенно на случай выступления России. Конрад был серьезен и задумчив. Обстановка была тяжелой для монархии. «В 1908—1909 гг. была игра с открытыми картами, — говорил своему другу Конрад, — в 1912—1913 тг. еще игра с шансами на выигрыш, а теперь предстоит игра ва-банк» [1]).

Как видим, Конрад ожидал эту игру ва-банк не благодаря отсутствию материалов политической информации, которая, повторяем, была у него обильной, разносторонней и ежедневной, в этом отношении Берхтольд вне всяких упреков, а благодаря тому, что Конраду приходилось работать в габсбургской монархии. Послед-

[1]) Б. Шапошников. Мозг армии, кн. 3, стр. 63.

няя продолжала от своего внутреннего разложения разваливаться на части, несмотря на настоящее сшивание её при помощи финансовой и экономической поддержки могучего германского империализма, который стремился заставить в начале войны австро-венгерскую монархию притянуть на себя как можно больше вооруженных сил России, чтобы быть еще более освобожденным в борьбе со своим главным противником — Францией и Бельгией и вероятным их союзником — Англией. И если Конрад был не в меру пессимистически настроен в кризисные дни июля 1914 г., то в эти дни в Петербурге со стороны его русского коллеги военного министра Сухомлинова, который до этого, как мы уже знаем, был начальником русского генерального штаба [1]), проявлялся безудержный и мало на чем основанный оптимизм. Если Конрад жалуется на недостаточную политическую информацию, то Сухомлинов вообще не желает (конечно, для видимости) иметь что-либо общего с политикой.

25 июля на заседании совета министров в Красном Селе в присутствии царя, после доклада министра иностранных дел Сазонова об австро-сербском конфликте и отношении к нему России, было решено с 26 июля об'явить начало подготовительного к войне периода, а затем, если обстановка начнет ухудшаться, об'явить и частичную мобилизацию.

«Моя роль при этом постановлении, — пишет Сухомлинов, — была... весьма скромная. Как военный министр, против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большого политика, я не имел права протестовать, хотя бы он и угрожал войной, и б о п о л и т и к а м е н я н е к а с а л а с ь. Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели бы право обвинить меня в трусости, если бы я после того, как в роли военного министра в мирное время, пользовался всеми преимуществами моего высокого положения, предостерегал от войны и при том в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение были за то, чтобы русская дипломатия не отступала перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 г... Было бы другое дело, повторяю, если бы я в 1914 г. оказался в положении Редигера (тоже военного министра. Вл. М.) в 1909 г. В 1914 г. а р м и я б ы л а н а с т о л ь к о п о д г о т о в л е н а, ч т о, к а з а л о с ь, Р о с с и я и м е е т п р а в о с п о к о й н о п р и н я т ь в ы з о в. Н и к о г д а Р о с с и я н е б ы л а т а к х о р о ш о п о д г о т о в л е н а к в о й н е, к а к в 1914 г.».

Насколько «хорошо» была царская Россия подготовлена, мы еще будем говорить ниже, но что касается постановки вопроса о взаимозависимости политики и военной стратегии, то Сухомлинов, как

---

[1]) В этот период пост начальника генерального штаба только что занял ген. Янушкевич, который на протяжении своей службы мало соприкасался с оперативно-стратегическими вопросами и тогда фактически только еще входил в курс дела.

мы видим, побил рекорд в умении затушевывать свою политическую заинтересованность и причастность ко всем решениям по вопросам войны 1914—18 гг. Конечно, ни Конрад, ни Сухомлинов, когда писали свои мемуары-воспоминания, не были настолько наивными, чтобы могли думать, что будут верить их громкой фразеологии о «солдатской аполитичности».

Долго беспокоившее Конрада неудовлетворительное политическое положение с Италией и Румынией наконец разрешилось в пользу Австро-Венгрии, которая к 1914 г. заключила соглашение с обоими этими государствами. Это обстоятельство давало возможность Конраду заняться вопросами исключительно распределения вооруженных сил на случай войны против России и Сербии.

Главным врагом была Россия. Казалось бы, раз так, то сюда и следовало бы направить всю энергию, все оперативно-стратегические помыслы, все расчеты.

С 1905 по 1912 г. русский генеральный штаб сделал значительные успехи в области расчетов по фактическому осуществлению мобилизации и быстроты сосредоточения вооруженных сил. Поэтому германский генеральный штаб в лице Мольтке-младшего в начале 1914 г. поставил в известность своего союзника Конрада о необходимости иметь ввиду при расчетах мобилизационной готовности и возможностей сосредоточения, что на 18-й день мобилизации Россия может сосредоточить на своей западной границе внушительные силы в виде 63 полевых и резервных дивизий и 22 кавдивизий.

Кроме того, Мольтке предупредил Конрада, что план основного и главного удара немецких армий заключается в первоначальном разгроме французской армии, а поэтому против Франции будут направлены германским генеральным штабом все основные силы и средства. В течение 1½ месяцев с 1-го дня мобилизации, указывал Мольтке, Австро-Венгрия должна будет самостоятельно вести активные операции против России. Имея ввиду, что «через шесть недель после начала операции германский генеральный штаб твердо рассчитывал разгромить основные вооруженные силы Франции», активная помощь Австро-Венгрии могла быть оказана Германией только на 60-й день мобилизации.

Казалось бы, эти данные и должны были быть твердо положены в основу австро-венгерского плана войны с его вариантами против России и балканских государств (Сербия, Черногория).

До 1913 г. Конрадом был разработан вариант против России, по которому сосредоточение и развертывание австро-венгерских армий должно было произойти почти непосредственно вблизи галицийской границы. Само же разделение и распределение всех вооруженных сил Австро-Венгрии при учете, что последней придется воевать не только против России, но и против Сербии и Черногории, носило по плану войны крайне сложный характер.

В этом плане развертывания отсутствует четкость и ясность оперативно-стратегической идеи, отсутствует стержневой замысел и твердый стратегический путь, которому должно подчиняться все и вся и согласно которому намечается четкое, ясное и до предела простое организационно-численное построение, а не такое сложное и запутанное, как в этом плане.

Все вооруженные силы Австро-Венгрии при мобилизации разделялись на 3 группы [1]):

1. «Группа А» — из 9 корпусов со всеми их резервными формированиями и 10 кавдивизий.

2. «Минимальная группа Б» — из 3 корпусов, 2 пехотных дивизий, одной маршевой бригады, 4 ландштурменных бригад и 4 конведных маршевых полков.

3. «Группа Б» — из 4 корпусов, 4 пехотных дивизий, 1 кавдивизии и одной ландштурменной бригады.

Сосредоточение этих мобилизованных сил должно было происходить так:

1. «Сосредоточение Р» (война против России) — главные силы сосредоточиваются и развертываются в Галиции.

а) «Группа А» — 9 корпусов (1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 6-й, 10-й, 11-й, 12-й, 14-й со всеми ландверными, ландштурменными и маршевыми формированиями соответствующих корпусных округов) плюс 1-я, 9-я и 11-я кавдивизии.

б) «Минимальная группа Б» (война на Балканах с Сербией, Черногорией) — 3 корпуса (15-й, 16-й, 13-й с 42-й пех. дивизией и 13-й маршевой бригадой) плюс 20 пех. дивизий, 36-я, 104-я, 107-я, 109-я ландштурменные бригады и четыре конведных маршевых полка.

в) «Группа просто Б» из 4 корпусов (6-й, 7-й, 8-й 9-й и 21-я, 26-я, 23-я и 40-я пех. дивизии) плюс 10-я кавдивизия и 102-я ландштурменная бригада.

При проведении в жизнь «сосредоточения Р» эта «группа Б» должна была развернуться также в Галиции и порядок её сосредоточения должен был производиться вслед за войсками «группы А».

2. «Сосредоточение Б» (война на Балканах против Сербии и Черногории).

а) «Максимальная группа Б». Эта группа должна была сложиться из вышеуказанных нами двух групп: «минимальной группы Б» и «группы просто Б».

Мы не будем перечислять организационно-численный состав этих групп, так как он уже указан выше, но здесь напоминаем читателю, что хотя больше всего внимания в работах австро-венгерского генерального штаба всегда уделялось именно варианту «сосредоточения Р», но в действительности 25 июля 1914 г. Конрад после выстрела в Сараеве неожиданно приказал осуществить ва-

---

[1]) Конрад. Из моей службы, т. 4, стр. 281, а также А. Белой. Галицийская битва, стр. 29.

риант «сосредоточения Б». Эшелоны побежали на юг к сербской границе. Но как только последовала мобилизация в России и затем 5 августа об'явление Австро-Венгрией войны России, то опять надо было тянуть эшелоны 4-го, 7-го, 9-го корпусов, 10-й кавдивизии и др. в Галицию. Однако это не так-то легко было сделать, ибо построение и система графика стратегического сосредоточения кое-чем отличается от обыкновенных счетов бухгалтера.

Это, как видим, крайне сложное организационно-численное развертывание австро-венгерских вооруженных сил со всеми его «минимальными», «максимальными» «группами», «группками, «подгруппками», исходило из следующей оперативно-стратегической идеи.

Все эти группы должны были влиться в шесть армейских соединений, причем на русском фронте было предположено выставить четыре армии в составе 13 арм. корпусов. Эти силы должны были развернуться на фронте Синява—Немиров—Каменка—Козова—Бучач—Езержаны, имея впереди себя 9 кавдивизий с задачей действовать к востоку от полосы стратегического развертывания.

На сербском фронте предполагалось развернуть две армии (5-ю и 6-ю в составе 13-го, 15-го, 16-го корпусов) в районе северо-западного угла сербской границы с намерением вторгнуться в Сербию со стороны рр. Савы и Дрины.

Оперативно-стратегические задачи после развертывания для австро-венгерских армий были поставлены в Галиции следующие:

а) 1-й и 4-й армиям стремительным ударом между Вислой и Зап. Бугом опрокинуть встречающиеся русские войска и, действуя в направлении Люблин—Холм—Ковель, овладеть последним районом (как первоначальная задача).

На левом фланге этих двух армий развернет свои действия группа, сформированная в районе Кракова, которая совместно с германскими ландверными войсками из прусской Силезии ударом в направлении Ивангорода будет обеспечивать наступление 1-й австро-венгерской армии.

б) На правом фланге стратегического фронта должны были активно действовать 2-я и 3-я армии, в задачу которых входило овладеть железнодорожным сектором Дубно—Розно—Луцк, ведя активные действия в проскуровском направлении.

в) То обстоятельство, что развернувшиеся германские войска в составе 7—11 дивизий будут вести наступательную операцию из Восточной Пруссии в направлении Седлец, должно было в полной мере обеспечить успех общего концентрического удара и тем самым отрезать Передовой театр от России.

Таков оперативно-стратегический замысел, который был вложен в австро-венгерский план войны.

Полоса стратегического развертывания по этому плану проходит в непосредственной близости от государственной границы, которую на всем ее протяжении в Галиции должны были сразу же

перейти австро-венгерские войска после своего сосредоточения в указанных выше районах развертывания.

План войны доотказа насыщен активными наступательными действиями, причем по сосредоточении и развертывании на сербской границе 5-й и 6-й армий, последние также должны были захватить Белград и концентрическим ударом со стороны рр. Савы и Дрины разгромить сербские войска, собравшиеся на границе.

В организационно-численном отношении австро-венгерский план войны базировался на такие силы и технические средства, которые ни в какой мере не давали ему данных для столь широкой оперативно-стратегической концепции вроде наступления сразу на русском и сербском фронте, даже при оставлении против Сербии двух армий. Ген. Куль в своем труде «Германский генеральный штаб» очень невысоко расценивает свою союзницу Австро-Венгрию, которая должна была при войне Германии на два фронта (Франция и Россия) сыграть выдающуюся роль. Она должна была бы быть активным щитом, который бы развязал целиком руки германской армии против основного противника — Франции. Во всяком случае, Австро-Венгрия ранее, чем через 1½—2 месяца, активной помощи со стороны Германии ожидать не могла. «Судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене», — говорил Шлиффен.

Поэтому Куль и пишет, что оперативно-стратегические замыслы Конрада должны были бы быть весьма умеренными, так как «если бы австро-венгерская армия была одновременно занята борьбой на два фронта (на восточной и южной границах), то она не могла бы освободить германские силы, собранные на русской границе, что являлось настоятельно необходимым» [1]).

В 1914 г. численность армии мирного времени достигла 27 000 офицеров и 442 000 солдат. В военное время Австро-Венгрия выставляла 2 300 000 человек [2]), причем эта цифра расчленялась на 1 400 000 полевых войск, 350 000 резервных и 550 000 ландштурма. В качественном отношении германский генеральный штаб оценивал эти войска следующим образом:

«Принципы, положенные в основание уставов, вполне отвечают времени. Но обучение хромало и в особенности в пехоте в течение целого ряда лет. Незначительное количество маневров (добавим, полевых поездок и военных игр. В л. М.) из всех родов оружия по той же причине не давали войсковым начальникам достаточно опыта в управлении войсками».

Если после 1912 г. ландверные (гонведные) части и получили кое-какую артиллерию, то все равно следовало считать это дело совершенно необеспеченным. Один лишь факт, что новобранцы разделялись по языкам на 10 различных народностей, говорили, что дело с обучением находилось в невероятно-сложных условиях.

---

[1]) Куль. Германский генеральный штаб, стр. 100.

[2]) Запас обученных и малообученных в 1913 г. ген. Редигер определил цифрой 2 200—2 800 тыс. человек. См. «Комплектование и устройство вооруженной силы», ч. 1, стр. 98.

«Численный состав, — констатировал германский генеральный штаб, — степень обучения, организация и отчасти вооружение австро-венгерской армии оставляет желать многого».

Посмотрим, насколько верны эти выводы лучшего генерального штаба из европейских армий, каковым всегда считался германский. Австро-Венгрия имела целых три военных министерства, каждое из которых управляло самостоятельно одной из трех следующих армий: а) обще-имперская армия, б) австрийский ландвер и в) венгерский гонвед. Финансовые ассигнования на войска всегда находились в самом запутанном состоянии. И Австрия и Венгрия с огромной неохотой и под постоянным нажимом выделяли средства на общеимперскую армию, зато каждое из этих государств двуединой монархии охотно отпускало средства на содержание своей армии, особенно Венгрия на венгерский гонвед (гонвед это то же самое, что и ландвер). В организационно-численном отношении австро-венгерская армия имела следующий вид:

Таблица 20

	Корпуса	Пех. дивизии			Кавдивизии	Кав. бригады			Примечание
		имперские	ландверные	гонведные		отдельные	ландверные	гонведные	
В мирное время	16	32	8	8	8	2	3	4	Кроме того, по окончании мобилизации развертывалось 12 марш. бригад, 15 марш. полков венг. гонведа, 20 ландштурменных (ополченских) бригад.
В военное время	16	48			11	3 отдельн.			

В организационно-численном отношении армейский корпус состоял из двух общеармейских и одной ландверной (гонведной) дивизии. Кроме того, каждый корпус в своем ближайшем тылу имел для быстрого пополнения в бою одну маршевую бригаду в составе до 11 батальонов, 1 эскадрона и 1 батареи. Артиллерийскими средствами усиления в армейском корпусе являлся тяжелый гаубичный дивизион в составе 2 батарей — 15-см гаубиц, кроме того, придавались саперный батальон, корпусное телеграфное отделение, колонна с шанцевым инструментом, полковой госпиталь, корпусная хлебопекарня, корпусной обозный транспорт и обозный эскадрон [1]).

[1]) А. Белой. Галицийская битва, стр. 47.

Состав пехотных и кавалерийских дивизий был следующим (см. таблицу 21):

Таблица 21

	Пех. полки	Батальоны	Пулем. отделения	Эскадроны	Артполк	Гаубич. дивизион	Бойцов	Пулеметов	Сабель	Орудий	Человек
Пехотная дивизия.	4	12—14	1	2—3	Один из 5 батар.	Один из 2 батар.	12—16 тысяч	24—28	300—450	42	18 200

	Кавалер. бригад	Кавалер. полков	Пулемет. отделен.	Конный артдив.	Эскадронов	Саперный взвод	Телефон. отделен.	Сабель	Пулеметов	Орудий
Кавдивизия . . .	2	4	1	1	24	1	1	3 600	4—8	12

Вся мобилизованная австро-венгерская армия по данным Конрада состояла в 1914 г. из 1 568 000 человек или 989 батальонов, 415 эскадронов, 470 батарей (2 712 орудий).

Авиация, тяжелая артиллерия и автотранспорт, столь быстро развившиеся в грандиозных размерах в период 1914—18 гг., были самым слабым местом в организации как австро-венгерской, так и русской армий. К 1914 г. и авиация и тяжелая артиллерия только что начинали развертываться и увеличиваться количественно. В августе 1914 г. австро-венгерская армия имела несколько более 100 самолетов и 2 дирижабля. Имевшиеся 132 батареи 10-см полевых гаубиц были приданы дивизиям, а 42 батареи 15-см тяжелых гаубиц (и 10,4-см тяжелых пушек) были приданы в качестве артиллерийских средств усиления корпусам. Автомобильный транспорт для более чем 1½ млн. мобилизованной австро-венгерской армии насчитывал до 6 000 машин, т. е. почти в 6 раз больше чем у численно более сильной царской армии, имевшей только около 1 000 легковых и грузовых машин.

Как видим, сложный конгломерат оперативных групп и группок в не менее сложном организационно-численном развертывании спокойно уживался a priori с бурно наступательным планом войны.

Слабость обучения и общей боевой подготовки армии, исключительная пестрота национального состава, непрерывные политико-экономические конфликты между Австрией и Венгрией, борьба мно-

гочисленного чиновничества [1]) с регулярной армией и т. д. — все это мало тревожило творцов австро-венгерского плана войны, которые мечтали сразу иметь успех и на русском и на сербском фронте, ведя активные операции одновременно и на обоих фронтах. Этот план с одновременным ударом на север, восток и юг требовал несколько иной армии, чем австро-венгерская и несколько иной материально-технической базы, чем это было в Австро-Венгрии. В противном случае такое развертывание сил приводило к веерообразному кордону на всех направлениях; для того, чтобы наступать, надо иметь превосходство в силах, этого же превосходства одновременно по отношению России и Сербии Австро-Венгрия не имела.

Рассчитывать же на медленность мобилизации и запаздывание России с развертыванием вследствие огромных пространств и слабой сети железных дорог к 1912—1914 гг. было крайне неблагоразумно, так как все данные говорили о том, что в этом деле в последующие годы после позорного разгрома в Манчжурии царская Россия сделала ряд значительных шагов вперед.

В период до 1910 г. царская Россия фактически была небоеспособна. Это целиком подтверждает нач. оперативного управления русского генерального штаба Ю. Данилов, который пишет:

«Я не могу охарактеризовать иначе период времени с 1905 по 1910 г. включительно, может быть даже и более продолжительный, как назвав его периодом полной военной беспомощности. В эти годы Россия была вполне бессильна оказать какое-либо противодействие натиску германцев на Балканах; равным образом она должна была бы проявить сверхчеловеческие усилия, если бы потребовалось оказание военной помощи её союзнице — Франции» [2]).

Но в последние 2—3 года перед августом 1914 г. боевая подготовка царской армии двинулась резко вперед, о чем предупреждал не раз Конрад германский генеральный штаб. Таким образом, все говорило за то, что надо было сосредоточить все силы против России, оставив активный заслон против Сербии, т. е. сделать то же, что Германия по отношению к Франции и России.

Похищение австро-германского плана развертывания. Случилось так, что вышеочерченный план войны Австро-Венгрии хранился не только в стальных шкафах австро-венгерского генерального штаба, но вскоре перекочевал в сейфы русского генерального штаба. Имея ввиду, что ряд исследователей по мировой войне и её подготовке (Зайончковский, Белой, Свечин, Новиц-

---

[1]) «На содержание колоссального чиновничьего аппарата тратятся громадные суммы; достаточно указать, что численность чиновников в обеих половинах монархии достигает 536 000, превосходя, таким образом, армию мирного времени 415 300 человек; обе половины монархии с большой охотой шли на развитие ландверов, нежели общеимперской армии, видя в ней оплот режима Габсбургов» (Б. Шапошников. «Мозг армии», т. I, стр. 226).

[2]) Ю. Н. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1915 гг.

кий, Головин и ряд других) или обходят этот факт, говоря, что были «кое-какие документы», или же совершенно не касаются этого важного момента, имевшего в августе 1914 г. весьма серьезные последствия именно для тех, кто купил этот план стратегического развертывания австро-венгерских армий, мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе. Все исследователи австро-венгерского плана войны изменения в плане развертывания к августу 1914 г. (а именно отнесение линии развертывания на запад от границы) об'ясняют тем, что австрийцы не сумели так организовать сосредоточение, чтобы оно обеспечивало план стратегического развертывания в районах непосредственной близости к государственной границе. Кроме того, упомянутые исследователи видят отступление от этого плана в факте переброски целой 2-й армии вместо Галиции на сербский фронт. Фактически же обстановка складывалась следующим образом.

В 1912 г. австро-венгерского генерального штаба австрийский полковник Редль [1]), войдя в сеть агентурной разведки русского генерального штаба, передал последнему за 50 000 крон план стратегического развертывания австро-венгерской армии. Это случилось как раз в тот период времени, когда Конрад находился в годовой отставке.

Стратегическое развертывание австро-венгерских армий, проданное Редлем русскому генеральному штабу, видно из схемы 15.

Мы здесь не будем описывать все подробности этого дела; интересующихся этим мы отсылаем к книге Эгона Киша «Падение полковника австрийского генерального штаба Редля», но считаем необходимым указать, что эта продажа плана стратегического развертывания была вскоре обнаружена австро-венгерской контрразведкой. В 1913 г. полковник Редль, перейдя на новую службу, работал в Праге на должности начальника штаба армейского корпуса. В одну из почтовых контор на его имя поступали значительные денежные суммы. Это обстоятельство оказалось роковым для полковника Редля, который еще до того был взят под подозрение. Он был арестован и вскоре сознался в своем шпионаже в пользу России. Полковнику Редлю предложено было застрелиться, что он и сделал.

Ясно, что все это заставило Конрада и его сотрудников внести ряд изменений в план стратегического развертывания. Шума с историей полковника Редля было приказано не создавать, с тем чтобы окончательно спутать карты русского генерального штаба, чтобы заставить последний верить в незыблемость старого плана стратегического развертывания австро-венгерских армий. Это было сделано по совету германского генерального штаба, начальник которого Мольтке-младший писал Конраду: «Мои думы часто направлялись к вам и я остро почувствовал всю тяжесть того несчастного случая, который произошел у вас». Совет и сочувствие были приняты к

[1]) Полковник Редль сперва занимал должность начальника разведывательного отдела австро-венгерского генерального штаба, затем был назначен начальником штаба корпуса в Праге.

сведению и исполнению и дело было замято в надежде как можно лучше наказать покупателей плана стратегического развертывания австро-венгерских вооруженных сил. Так оно и было. Русский генеральный штаб хранил купленный у полковника Редля план как зеницу ока, как верный путь к победе над Австро-Венгрией и вплоть до конца августа 1914 г. продолжал твердо верить, что с будущим его юго-западным фронтом дело обстоит не так уж плохо, так как он обладает действительным планом стратегического развертывания австро-венгерской армии. Но действительность зло посмеялась над этой беспримерной и схоластической предвзятостью работников русского генерального штаба, полагавших, что план стратегического развертывания (не в пример самому русскому генеральному штабу, у которого каждый год коренным образом переделывался план), будучи в Австро-Венгрии раз составлен, уже изменен быть не может. В 1913 г. Конрад составил новый вариант и отнес полосу стратегического развертывания от государственной границы на 100—200 км к западу, перегруппировав и удлинив левый фланг своего стратегического фронта. Таким образом, беспримерная по своей наивности уверенность русского генерального штаба в том, что царской армии, знающей план Конрада, удастся вести операции против Австро-Венгрии с открытыми картами, с треском провалилась. В августе 1914 г., как и на оперативно-стратегической игре в апреле 1914 г. в Киеве, царские армии юго-западного фронта двигались в пограничной полосе буквально сломя голову, без тылов, которые еще только подходили, и ударили со всего размаху по пустому месту, вызвав у начальника оперативного управления царской ставки ген. Данилова следующее горькое признание.

«Однако, к этому времени (23 августа 1914 г.) выяснилось, что наши сведения мирного времени, касавшиеся формы стратегического плана австро-венгерских армий, оказались неточными и что развертывание австрийцев в действительности произошло значительно западнее, чем мы ожидали» [1]).

---

[1]) Ю. Н. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1918 гг.

Мы считаем не бесполезным привести еще один факт не менее курьезного положения, в котором оказались работники царского генерального штаба, когда за значительные деньги они приобрели не настоящий план развертывания, как это был с полк. Редлем, а фальшивку, умышленно сфабрикованную для них разведывательными органами германского генерального штаба. Эту фальшивку, с тем чтобы ей поверили, лично подписали Вильгельм II и его начальник генерального штаба Мольтке-младший. Документ назывался «Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны № 269 1908 г.»; по сличению подписей в русском министерстве иностранных дел оказалось, что они оригинальны, но вот стиль этого документа очень многим показался странным и не похожим на стиль, которым пишутся официальные государственные документы. Вводная часть этого документа была написана в высоких тонах с агитационным содержанием. Но целый ряд фактических данных заставил поверить работников русского генерального штаба в серьезность этой «записки». Особенно душой болел за это дело небезызвестный ген. Борисов (тогда 2-й обер-генерал квартирмейстер генштаба). Он писал ген. Палицину, что «документ

Царская армия уже в августе, надо думать, потерпела бы сильное поражение на своем юго-западном фронте, если бы на помощь ей не пришли тяжелые ошибки в стратегическом развертывании, допущенные Конрадом со 2-й армией благодаря излишней поспешности в принятии нового решения. При наличии нескольких лишних дивизий на левом фланге у австрийцев мог бы завершиться разгром частей 4-й и 5-й русских армий, но эти австрийские дивизии, войдя во 2-ю армию, направленную на Сербию, бесцельно катались по стране с севера на юг и затем с юга на северо-восток. Стратегическое развертывание австро-венгерской армии происходило в довольно хаотическом виде. Не малую роль здесь сыграло то обстоятельство, что две армии, входившие в одну военно-политическую коалицию, все же действовали на самостоятельных началах в оперативно-стратегическом отношении, имея вместо единого общего командования лишь договоренность по вопросам общего политико-

---

очень интересен для нас. За подлинность его, по моему мнению, можно ручаться. Составлен он очень серьезно и с истинным воинским взглядом и воодушевлением, к сожалению, не принятом в наших сухих, формальных, официальных распоряжениях». Этот план развертывания представлял все действительное шиворот навыворот. По этому плану против России Германия направляла вместо одной целых три армии (Одерскую, Виленскую и Мемельскую). Против Франции четыре армии вместо семи (с 1-й по 7-ю) по действительному плану, причем все эти четыре армии (Рейнская, Мозельская, Саарская, Рурская) равномерно распределялись на фронте Мюльгаузен — Аахен. Рейнская армия занимала район Мюльгаузен — Страсбург; Мозельская армия — Саарбург — Мец — Диденгофен; Саарская армия — Мерциг — С.-Вит (исключительно) и, наконец, Рурская армия — С.-Вит — Аахен — Берггейм. Главная квартира с началом войны показана не в Кобленце, а в Страсбурге, как бы желая намекнуть, что главный удар будет левым флангом стратегического фронта. Но особенно германский генеральный штаб стремился спутать карты русскому генеральному штабу, а отсюда и французскому (так как немцы были уверены, что русские после соответствующих проверок покажут этот план своим союзникам французам), в отношении цифрового материала. Он дал в записке почти правильную общую цифру сил, выставляемых Германией против России и Франции. Подлинные подписи этого документа, а также эти цифры окончательно перепутали карты и русским и французам (см. главу VIII). «Согласно ложному плану на правом фланге развертывается две армии (43%), в действительности было четыре (57%). На французской границе по ложному плану развертывали две армии (53%), фактически было три (43%). При этом общая численность развертываемых Германией по ложному плану войск была увеличена на 285 тысяч. Таким образом «Записка» хотела убедить и русский и французский генеральный штабы, что германская армия главное свое наступление поведет к французской границе, а в случае, если нейтралитет Бельгии будет нарушен Англией или Францией, то она двинет свои силы и через Бельгию. Мы не имеем данных для того, чтобы твердо сказать, что эта «Записка» значительно повлияла на планы развертывания французского и русского генеральных штабов, но что она удачно внесла некоторую долю тревоги и путаницы в их повседневную работу — это несомненно. Кроме того, эти два случая (шпионаж полковника Редля и данная «Записка») в полной мере говорят о крайне примитивной организации разведывательной службы в русском генеральном штабе, о чем имеется очень содержательная и интересная научно-исследовательская работа т. Звонарева, анализирующая русскую и германскую агентурную разведку до и во время Мировой войны 1914—1918 гг. (см. список источников в конце книги).

стратегического характера. В настоящее время этот опыт и эти недостатки в организации командования и управления особенно тщательно учитываются современными генеральными штабами буржуазных армий.

В своих воспоминаниях бывший премьер-министр Австро-Венгрии граф Чернин пишет: «Огонь выстрелов в Сараеве, точно молния в темную ночь, на мгновение осветил грядущий путь. Стало ясно, что дан сигнал к распадению монархии». Конечно, трудно поверить, что именно так «ясно» думал в те дни граф Чернин: правильнее сказать, что эту потерю веры в победу Германии, а отсюда и Австро-Венгрии, как её союзницы, он приписал себе, находясь в состоянии того безвыходного пессимизма, в который он впал уже после войны. Но вот эти выстрелы юноши Принципа не только внесли замешательство в политику графа Чернина, но они перевернули вверх дном план стратегического развертывания, составленный начальником австро-венгерского генерального штаба Конрадом. Конрад потерял сразу же волю полководца, он мгновенно забыл все встречи и беседы со своим коллегой — начальником германского генерального штаба Мольтке-младшим. Выстрелы Принципа разрушили твердый стратегический путь Конрада в вопросе развертывания австро-венгерских вооруженных сил.

Конрад мгновенно забыл, что главный его противник — Россия, он забыл указания Мольтке-младшего, что лишь после разгрома Франции австро-венгерская армия может ожидать помощи войскам от Германии, он забыл слова Мольтке о разгроме России и об основных направлениях главного удара. Конрад приказал начать выполнение сосредоточения по плану «Б» (война против Сербии—Черногории), т. е. развертывание основных австро-венгерских сил на Балканах.

Конрад в своих воспоминаниях пишет, что свою ошибку он резко почувствовал уже к 1 августа, когда узнал о начале всеобщей мобилизации в России. Австро-венгерский начальник генерального штаба заметался.

«... Возникли крупные технические затруднения, так как эшелоны в данное время бегут уже на юг (т. е. к границам Сербии. В л. М.), два дня раньше это еще можно было исправить» [1]), — замечает с горькой досадой Конрад. Железнодорожный подвижной состав необходимо было перераспределить, проблема транспорта стала безжалостно пред'являть свои твердые условия проблеме стратегической. Только 4 августа мог быть об'явлен 1-й день мобилизации против России.

Переброска по варианту «Б» началась вечером 29 августа; эшелоны с четырьмя корпусами покатились на юг, к сербской границе. Об этом II том рейхсархива пишет следующее:

«Конрад решил задержать хотя бы катящийся по железной дороге «эшелон Б» и перебросить его до начала остальных перевозок

[1]) Конрад. Из моей жизни, т. IV, стр. 192.

в Галицию. Дело дошло до крупного разговора с начальником военных сообщений, который твердо заявил, что такая попытка приведет к полному хаосу. Не оставалось ничего другого как дать планомерно завершиться уже начатым железнодорожным перевозкам, за исключением немногих соединений, которые еще не успели погрузиться. «Эшелон Б» должен был сначала перевозиться к сербской границе, откуда он мог, примерно с 18 августа, вновь катиться на север, став в хвост производящимся уже перевозкам войск в Галицию.

Такое оперативно-стратегическое мотание войск из стороны в сторону не говорит о наличии твердой линии в стратегическом руководстве.

Процесс стратегического развертывания австро-венгерской армии в августе 1914 г. мы рассмотрим несколько ниже, одновременно с анализом стратегического развертывания царской армии перед вступлением той и другой армий в первое большое пограничное сражение.

ГЛАВА XIV

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ РУССКИХ И АВСТРО-ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ В АВГУСТЕ 1914 г. [1])

Стратегическое сосредоточение армий к государственной границе и развертывание их в заранее намеченной планом войны приграничной полосе и районах, как говорит опыт войны, есть самый ответственный период в работе высшего командования и его генерального штаба. Эти дни являются лучшей проверкой той подготовки вооруженных сил к войне, которую проделал и осуществил в период мирного времени командный состав всех степеней и рангов.

Это есть первый решительный шаг, после которого армии противников вступают в огневое кровавое соревнование большого пограничного сражения.

Вот почему стратегическое сосредоточение, развертывание и пограничное сражение являются теми кардинальными проблемами современного стратегического и оперативного искусства, которые накладывали свой отпечаток на весь ход войны в период 1866, 1870, 1877, 1904—1905, 1912 гг.

К началу Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. все эти войны оставили богатейший поучительный материал, и тот генеральный штаб, который внимательно и вдумчиво его проработал, оказывался в неизмеримо более выгодных условиях.

В 1918 г., когда железнодорожный и автомобильный транспорт, развившись до огромных размеров, мог перебрасывать в одни сутки с одного оперативного направления на другое сразу десятки дивизий, естественно несостоятельной, нежизненной оказывалась известная формула Мольтке-старшего, выведенная им из опыта войн 1864, 1866 и 1870 гг., что «о д н а о ш и б к а, сделанная при первоначальном сосредоточении, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании» [2]).

Но в августе 1914 г. эта формула еще в определенной степени оставалась верной, так как развитие технических средств еще не давало в руки командованию возможность посредством маневра

[1]) Схема 16.

[2]) М о л ь т к е. Военные поучения, стр. 77.

из глубины свободно исправить проблему стратегическую проблемой транспортной.

Еще за много лет до войны 1914—1918 гг. ответственные представители генеральных штабов имели полную возможность знакомиться с не раз высказывавшимися мыслями Мольтке-старшего по вопросам составления оперативного плана войны. Все свои стратегические и оперативные поучения Мольтке-старший строил и высказывал в печати и устно на основе тщательного изучения опыта войны и той конкретной обстановки, в которой он жил. Мольтке писал:

«Нельзя приступать к стратегическому развертыванию армии — подготовлять средства для ведения войны, — не выяснив себе предварительно плана операции, хотя бы в самых общих чертах. Прежде всего необходимо обдумать, что оборонять, что атаковать, ибо первоначальное стратегическое развертывание армии нераздельно связано с самими операциями. При этом принимаются во внимание многосторонние географические и политические соображения. Крепости, выгодные участки местности, железнодорожные сообщения, средства, находящиеся в распоряжении, время для сосредоточения войск — все эти величины даны, но в это вычисление с некоторой долей вероятности вводится политика в качестве изменяемого множителя [1]), чрезвычайно важного для окончательного результата и поэтому не поддающегося устранению.

Если соображения, принятые за основание, оказываются неверными, то вся работа пропала: одна ошибка, сделанная при первоначальном сосредоточении, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании. Но все эти соображения могут быть сделаны задолго до войны и основанные на их распоряжения — при правильно организованной мобилизации и перевозке войск — должны привести к желательному результату» [2]).

Но будет совершенно неверно считать, что Мольтке-старший выдвигает мысль создания такого совершенного, всеобъемлющего, на долгие времена действующего плана войны, который бы от мобилизации и стратегического сосредоточения через развертывание вооруженных сил и пограничное сражение вел бы дальше к детальному указанию путей к полному разгрому неприятельской армии и выигрышу войны.

Создание такого плана войны до войны — дело немыслимое и совершенно метафизическое.

Подчеркивая необходимость наличия плана и строгого планирования процесса стратегического развертывания с ударением на то, что нельзя допустить даже одной ошибки в этом сложном и большом деле, Мольтке великолепно понимал военно-техническую

---

[1]) Ограничение влияния политики на ход военных операций проходит через все теоретические и исторические работы Мольтке-старшего, который, как мы уже говорили выше, никогда не желал считать, что война есть насквозь политика и что последняя пронизывает собой все дело войны. Вл. М.

[2]) Мольтке. Военные поучения, стр. 77.

сущность вопроса. Он по опыту проведенных им же операций с успешным окончанием трех войн (1864, 1866, 1870 гг.) видел, что такого совершенного и на все случаи и времена подходящего плана войны создать нельзя. В своих военных поучениях он писал:

«Только профан может думать, что весь поход ведется по предначертанному плану без отступления и что этот первоначальный план может быть выдержан до конца во всех его подробностях».

В каждом этом слове прежде всего чувствуется человек большого опыта, который лично сам в действительной жизни, на практике видел, что ни плана войны, ни плана операции нельзя создать настолько совершенно и заблаговременно обдуманно, чтобы в процессе его осуществления лишь спокойно сидеть и ждать, когда он придет к своему последнему этапу. История таких полководцев знает не мало. И Мак под Ульмом, и Вейройтер под Аустерлицем, и Куропаткин в Манчжурии, и Жилинский — Ренненкампф в Восточной Пруссии, и Жоффр в августе 1914 г., и Колчак в походе к Волге, и Деникин в походе на Москву, и Пилсудский в походе к Киеву, и многие другие действовали именно так, как не советовал умудренный опытом Мольтке-старший, видевший на примере своих противников, к чему приводит предвзятость на войне.

Можно составить самые смелые и могущественные по своему оперативно-стратегическому замыслу планы, можно развить невероятно быстрые темпы в подготовке к войне, но необходимо постоянно иметь ввиду, что если уровень подготовки к войне во всех отношениях стоит ниже уровня твоих вероятных противников, то необходимо в первую очередь догонять врагов, ликвидировать отсталость и перегнать их в отношении общего уровня состояния вооруженных сил. Начальник оперативного управления (генерал-квартирмейстер) русского генерального штаба Ю. Данилов писал, что «царская армия в период с 1905 по 1910 г. и даже более представляла собой полную военную беспомощность, она была бессильной по сравнению с Германией» [1]). Как мы видели выше, уровень подготовки германской армии был неизмеримо выше русской, австро-венгерской и французской армий. А поэтому, если Сухомлинов высокомерно и хвастливо заявляет в своих «Воспоминаниях», что в период с 1912 по 1914 г. он развил огромные темпы, с тем чтобы добиться создания такой русской армии, которая стала бы равносильна германской, то такое хвастовство может только вызвать жалость к автору. Ибо, если германская армия и добилась высокого уровня в подготовке своих вооруженных сил, то она достигла этого напряженной работой не в период с 1912 по 1914 г., а в период с 1866 по 1914 г., вырастив и выработав за это время целый ряд выдающихся стратегов, операторов, тактиков и техников для своей армии. Всего этого Германия добилась на основе, на базе высокого технико-экономического уровня своей страны, т. е.

---

[1]) Ю. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1918 гг.

на той основе, которая у царской России по сравнению с Англией, Германией, Францией была слабой и отсталой.

«Эта отсталость (т. е. технико-экономическая. В л. М.) есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в п е р и о д д о р е в о л ю ц и о н н ы й (подчеркнуто нами. В л. М.) и после, в период пореволюционный» [1]). Ведь благодаря именно этой общей технико-экономической отсталости царская Россия и её армия вышли на войну с примитивной военной промышленностью, с малыми запасами вооружения с неспособностью быстро перестроиться в технико-боевом отношении с мирных на военные рельсы.

Можно гладко и своевременно провести сосредоточение и развертывание вооруженных сил, но если этим силам нечем будет стрелять и подавлять огневое-техническое сопротивление противника в пограничном сражении, то развернувшиеся части окажутся в ловушке у врага. Что получилось с царской армией? Когда ее железнодорожные эшелоны тронулись в районы стратегического сосредоточения и развертывания, оказалось, что ни винтовками, ни пулеметами, ни орудиями, ни достаточным для современного боя количеством огнеприпасов царская армия не была обеспечена. А если к этому прибавить поспешность сосредоточения и развертывания корпусов и дивизий с их тылами, которые остались где-то позади, то картина будет полной [2]). Поэтому, прежде чем приступить к анализу фактического развертывания, мы не можем не рассмотреть состояния вооружения царской армии к началу войны. Не будучи в августе 1914 г. снабженной достаточным количеством винтовок, царская армия, по данным А. Маниковского и Е. Барсукова [3]), в отношении винтовок уже к августу 1915 г. была просто в катастрофическом положении.

Для того чтобы понять причину крайнего недостатка винтовок в 1914—1915 гг., когда получилось так, что полки имели к осени 1915 г. всего лишь 25% положенного им по штату оружия и когда в прифронтовой полосе были запасные батальоны, число безоружных в которых было по 30 тысяч человек, для этого необходимо

---

[1]) С т а л и н. Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 359.

[2]) К началу Крымской кампании царская армия считалась самой отставшей армией в Европе. В этой кампании у противника были уже нарезные ружья-штуцера, дававшие при общей дальности 1200 м хороший меткий огонь с 800 м. Царская армия была на 95% вооружена гладкоствольным ружьем, которое могло дать меткий огонь с 300 м. Таким образом еще до подхода к неприятелю царские войска несли огромные потери. Русско-японская война полна эпизодами, когда недостаток пулеметов и горной артиллерии, помимо бездарного оперативно-тактического руководства войсками, ставил последние часто просто в безвыходное положение. Первый период мировой войны наполнен одним общим лейтмотивом, несшимся с фронта: — «Нет винтовок, пулеметов, снарядов». — Это обстоятельство не могло не создать обстановки для полного истребления обученного кадрового состава царской армии, каковое получилось к концу 1915 г.

[3]) Боевое снабжение русской армии в мировую войну, т. I, стр. 119—168.

помнить следующие факты в вопросе снабжения винтовками. Ко 2 августа 1914 г. в войсках и в запасах было 4 652 тысячи винтовок и 424 тысячи штук револьверов. С окончанием мобилизации в августе 1914 г. состав действующей армии был около 5 млн. человек, на вооружение которых и пошло это оружие. После окончания мобилизации были новые наборы по призывам, давшие в течение первого же года войны около 5,5 млн. человек. Для пополнения убыли этого оружия, считая 200 тысяч ежемесячно, в течение трех лет войны нужно было около 7,2 млн. винтовок. Мобилизационное задание 1910 г. перед войной требовало наличия к началу войны в войсках и запасах 4 600 000 винтовок. Отсюда ошибка, сделанная генеральным штабом в определении скоротечности войны (максимум 4—6 месяцев), не могла не повлечь за собой ряд ошибок и в мобилизационных расчетах, ибо запасы винтовок и револьверов надо было иметь неизмеримо большие, чем то оказалось в первый год войны. Оружейные заводы в первый год войны дали 480 тысяч новых винтовок, 230 тысяч капитально отремонтированных, т. е. всего лишь 710 тысяч винтовок, что ни в какой степени не восполняло потребности боевого фронта.

Доставка из-за границы при отдаленности союзных государств и закрытии портов Черного и Балтийского морей была для первого года войны весьма затруднительной, но затем царская армия получила 1 800 тысяч винтовок из Франции, Италии, Англии, Японии и 650 тысяч винтовок было в 1917 г. получено из Америки. Это внесло большое разнообразие в образцы винтовок, которых в русской армии оказалось целых 10 (два русских: 3-лин. и Бердана; шесть союзных: Арисака, Винчестера, Веттерли, Лебеля, Гра и Гра-Кропачека; два — германских и австрийских, поступавших из трофейного имущества). Но, несмотря на все эти подачки из-за границы, при крайне слабо развитой отечественной промышленности царская армия терпела почти все время винтовочный голод, так как потери этого оружия были огромными; например, за 2½ года войны (1914—1916 гг.) потери в винтовках выразились в цифре около 7 млн. штук.

Эта колоссальная цифра получилась в результате следующих подсчетов:

В августе 1914 г. было — 4 620 тыс. винтовок.

К январю 1917 г. поступило (из заграницы, со своих заводов и взято как трофеи) — около 5 000 тыс. винтовок.

Итого — 9 620 тысяч винтовок.

По сведениям же ставки (Упарта) к 1 января 1917 г. в царской армии было 2 715 тысяч винтовок. Таким образом к этому времени убыло около 6 905 тысяч винтовок.

С пулеметами обстояло еще хуже, так как царская промышленность перед войной давала лишь 48 пулеметов в месяц (326 пулеметов в 7 месяцев), а ежемесячная полуголодная потребность в первый год войны оказалась в 2 100 пулеметов.

Что касается автоматических винтовок и ружей-пулеметов, то

этот вопрос просто до войны никого не интересовал и никто не считал нужным, чтобы армия была вооружена этим оружием. В 1914 — 1915 гг. многомиллионная царская армия имела всего лишь 5 308 пулеметов, что было явно недостаточно. Мобилизационные предположения ГУГШ до мировой войны считали цифру в 5 000 вполне достаточной, в действительности же война потребовала около 76 000, т. е. в 15 раз больше. Убыль пулеметов была огромной и исчислялась за 2½ года войны в 15 тысяч пулеметов.

Царская армия в отношении артиллерии перед войной не имела особых успехов ни качественных, ни количественных. Она вышла на войну, имея четыре основных калибра орудий:

пушек:

3-дм (76-мм) с наибольшей дальностью гранатой 8 км, шрапнелью 5,2—8 км.

42-лин. (107-мм) обр. 1910 г. с наибольшей дальностью бомбой 11 км, шрапнелью 10 км.

гаубиц:

48-лин. (122-мм) легких гаубиц 1909—1910 гг. с наибольшей дальностью бомбой 7,2 км, шрапнелью 7,2 км.

6-дм (152-мм) обр. 1912 г. (Шнейдер) с наибольшей дальностью бомбой 11,6 км, шрапнелью 10,5 км

и шесть разных систем: полевая 3-дм. пушка обр. 1902 г., горная 3-дм. пушка обр. 1909 г., полевая тяжелая 42-лин. пушка обр. 1910 г., полевая 48-лин. гаубица обр. 1909 и 1910 гг., полевая тяжелая 6-дм. гаубица обр. 1910 г.

Война внесла еще большее разнообразие в вооружение артиллерии полевых армий, появились новые заграничные марки с включением захваченных в плен у армий Четвертого союза, а все это внесло самые разнообразные и многочисленные калибры и системы орудий.

В августе 1914 г. царская армия была недостаточно обеспечена полевой артиллерией по сравнению с артиллерией Германии. В то время как Германия располагала 1 432 батареями при 8 392 орудиях, царская Россия имела только — 959 батарей при 7 088 орудиях, т. е. меньше на 473 батарей и 1 304 орудия; во время войны в германской и австро-венгерской армиях шли усиленные новые формирования артиллерийских частей. Уже к маю 1915 г в австро-венгерской армии было вновь сформировано 173 батареи с 970 орудиями; общая численность артиллерии с этими формированиями (которые были рассчитаны при составлении боевого расписания на 1914 г.) в австро-венгерской армии составляла: 958 батарей при 5 058 орудиях. Если мы сопоставим число батарей и орудий, которое приходилось в 1914 г. на пехотную дивизию (при 2-дивизионном корпусе) в царской армии и армиях её противников на Западе, то получим следующее соотношение:

царская армия — 1 артиллерийская бригада — 6 легких батарей, 48 орудий, 1 мортирная батарея, 6 легких гаубиц — $\frac{7 \text{ батарей}}{54 \text{ орудия}}$;

германская армия — 1 артиллерийская бригада — 12 легких батарей (из них 1½ легких гаубичных батареи), 72 орудия, 2 полевых тяжелых гаубичных батареи, 8 орудий — $\frac{14 \text{ батарей}}{80 \text{ орудий}}$;

австро-венгерская — 6 пушечных батарей, 36 орудий, 2 гаубичных батареи, 12 орудий, 1 батарея из 4 тяжелых гаубиц и ½ горной батареи при 2 орудиях — $\frac{9\frac{1}{2} \text{ батарей}}{54 \text{ орудия}}$;

Как видим, разница заключалась в том, что германская пехотная дивизия превосходила царскую на 26 орудий [1]), а в австро-венгерской дивизии были тяжелые гаубицы, которых не было в царской пехотной дивизии; кроме того, большое количество батарей при одинаковом количестве орудий при хорошем применении артиллерии в бою усиливало огневую мощь австро-венгерской артиллерии. Отсутствие в царской дивизии полевой тяжелой артиллерии, в то время как в германской было 8 тяжелых гаубиц, а в австро-венгерской — 4, ставило царскую пехотную дивизию в более невыгодные условия в бою. Если же мы возьмем число батарей и орудий в августе 1914 г. у обоих союзников, которые могли оказывать помощь друг другу, то получим:

Франция и Россия — 2 034 батареи при 11 388 орудиях.

Германия и Австро-Венгрия — 2 498 батарей при 13 476 орудиях [2]). Как видим, налицо разница в пользу Германии и Австро-Венгрии.

Кроме того, германская орудийная промышленность по своей гибкости и мощности была лучшей в Европе и всилу этого мы видим, что Германия, приступив к новым формированиям артиллерийских частей, уже в 1915 г. поставила себя в отношении количества и качества артиллерии в лучшие условия, чем то было у Англии, Франции и России, к тому же всемерно помогая своим союзникам — Австро-Венгрии и затем Турции и Болгарии.

Итак, в той или иной мере все генеральные штабы европейских армий не предвидели «огромного масштаба технического характера и значительной длительности войны» и «глубоко ошибочно» считали, что «большую современную войну можно вести только на запасы мирного времени» (Е. Барсуков).

---

[1]) Накануне войны ГУГШ была разработана большая программа усиления армии вооружением; согласно этой программе к 1 апреля 1917 г. пехотная дивизия царской армии должна была иметь одну артиллерийскую бригаду в составе 9 батарей полевых легких по 6 орудий в батарее (54 пушки), 2 мортирных батареи по 6 орудий в батарее (12 легких гаубиц) и 1½ батареи полевой тяжелой артиллерии при 6 орудиях, всего 12½ батарей при 72 орудиях. Эта реорганизация, главным образом основывалась на желании сравняться с артсредствами германской пехотной дивизии, которая с 1909 г. уже перевооружилась. Но, как видим, и к апрелю 1917 г. пех. дивизия царской армии имела бы на 8 орудий меньше, чем германская дивизия.

[2]) Е. Барсуков. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 114—115.

Но надо иметь ввиду, что Германия быстро исправила эту ошибку, главным образом благодаря мощности своей артиллерийской промышленности и наличию огромного количества механических и металлургических заводов, которые еще до 1914 г. снабжали орудиями войны весь мир. В царской России таких заводов почти совсем не было, а Франция в их количестве сильно уступала Германии.

Из всех стран мира Германия к августу 1914 г. имела самую лучшую и мощную военную промышленность с огромным готовым кадром инженеров, техников, мастеров и рабочих, которые, работая целый ряд лет на военных заводах и фабриках, высоко специализировались на военно-промышленной работе.

Плохо учтенный и продуманный опыт русско-японской войны 1904—1905 гг. имел свои вредные последствия в том отношении, что русский генеральный штаб замерз на ошибках этой войны и очень мало учел те организационно-боевые изменения, которые произошли за десятилетний период после окончания последней войны.

Будет правильно сказать, что детальное изучение германским генеральным штабом опыта русско-японской войны 1904—1905 гг. принесло Германии и строительству её вооруженных сил во всех отношениях неизмеримо больше пользы, чем царской России. Между прочим, в истории вооруженных сил царской России за период XVIII — начало XX столетия красной нитью проходит небрежное, вялое и примитивное отношение к анализу тех многочисленных войн, которые Россия вела за это время. Таким образом мы и видим, что из каждой войны в другую закономерно переходят одни и те же ошибки, но с определенным отягчением вследствие продолжавшегося роста и развития технических средств борьбы, увеличившейся силы государственной обороны соседей и все большей трудности и сложности управления армиями на войне.

В отношении своего вооружения царская Россия, имевшая огромные ресурсы и армию, не сумела даже опередить австро-венгерскую «лоскутную» монархию и её армию, которая, начиная с Максимилиана I и до конца империалистической войны, не имела фактически ни одной значительной победы.

При анализе оперативно-стратегической военной игры, происходившей в апреле 1914 г. в Киеве, мы говорили, что генералы Алексеев и Драгомиров совершенно резонно указывали, что расчет норм огнеприпасов, основанный на опыте русско-японской войны, к 1914 г. бесконечно устарел, что современный длительный, сложный бой автоматического оружия требует огромного расхода огнеприпасов и что без достаточного количества огнеприпасов в войсках никакие даже самые талантливые планы осуществлены быть не могут.

Но маниловское отношение к ошибкам своего прошлого являлось наиболее характерной чертой в работе русского генерального штаба. Всилу этого обстоятельства царская армия вышла на вой-

ну с большим некомплектом снарядов и совершенно без должного учета расхода ружейно-пулеметных патронов в современном бою.

Если бы на апрельской военной игре кто-либо попытался заявить руководству игрой (Сухомлинов—Янушкевич—Ю. Данилов), что в предстоящей войне только за два года войны царская армия может израсходовать 5 млрд. патронов, то эти расчеты могли бы очень резко сказаться на военной карьере данного «провидца». А ведь в действительности так и случилось. К началу войны царская армия в войсках, запасах и из поступлений от отечественных заводов имела около 3 млрд. патронов; к 1917 г. с дальнейшим поступлением с заводов и из-за границы эта цифра увеличилась до 6 483 млн. ружейных и пулеметных патронов, а если мы учтем, что к 1 января 1917 г. количество патронов исчислялось в царской армии в 1 136 млн., то и получится, что за период 1914—1916 гг. было израсходовано 5 млрд. патронов.

Царская армия вышла на войну в 1914 г. с некомплектом в 300 млн. ружейно-пулеметных патронов от общей, совершенно недостаточной для современной многомиллионной армии нормы — 2 746 млн., которую установило мобилизационное задание 1907—1908 гг., т. е. имея всего лишь в войсках и запасах 2 446 млн. патронов. Такой просчет был вполне естественным для русского генерального штаба, так как последний совершенно не учитывал масштаба предстоящей войны. Достаточно указать, что норму в 550 млн. патронов в год ГУГШ считал предельной, а когда живая действительность современной войны потребовала от заводов 300 млн. патронов ежемесячно, то заводы с этой работой ясно справиться не могли. Поэтому 1915 г. был годом, когда войска забрасывали командование постоянными жалобами на недостаток патронов, особенно для пулеметов.

Со снарядами дело обстояло еще сложнее. Царская армия фактически вышла на мировую войну с нормами расхода снарядов по опыту русско-японской войны [1]). Поэтому 1914—1915 гг., т. е. весь маневренный период мировой войны, на восточно-европейском театре военных действий явился периодом катастрофического положения в отношении снабжения артиллерийскими снарядами. Случилось так, что в месяц-полтора войны расход снарядов пожрал нор-

---

[1]) В этой войне было израсходовано по 720 снарядов на орудие; наибольший расход был в боях под Ляояном—190 снарядов и Мукденом—390 снарядов. По имевшимся в русском генеральном штабе сведениям, главнейшие западно-европейские армии не имели большого запаса артиллерийских патронов. Ввиду этого было решено для будущей мировой войны увеличить нормы русско-японской войны вдвое. И действительно, во всех крупных армиях запас выстрелов на орудие в среднем хватил лишь на два первых месяца войны; но разница между царской промышленностью и западно-европейской была огромной, поэтому царская армия, выйдя на войну с 1 000 выстрелами на полевое орудие, вскоре осталась без снарядов; французская и германская армии, выйдя на войну соответственно с 1 000 и 1 200 выстрелами, благодаря своей высоко развитой индустрии, вскоре восполнили прорывы, которые образовались вследствие неучета огромной прожорливости современного боя.

му запаса, заготовленную для ведения всей войны, причем совершенно катастрофическим оказался вопрос со снарядами для тяжелой артиллерии, которая только перед войной вводилась на вооружение.

Полный неучет размаха предстоящей мировой войны, главным образом благодаря примитивному анализу развития современных технических средств истребления, привел к тому, что кризисное положение со снарядами обнаружилось с первых же недель войны.

Необходимо к тому же постоянно иметь ввиду, что крайне неудовлетворительное, а подчас и просто хаотическое осуществление процесса стратегического сосредоточения и развертывания царских армий не могло еще более не отягчать вопрос с огнеприпасами, без достаточного количества которых современный бой совершенно немыслим.

«Едва начались боевые действия, — пишут А. Маниковский и Е. Барсуков, — как с обоих фронтов и из ставки верховного главнокомандующего буквально градом посыпались на ГАУ требования, одно другого настойчивее и тревожнее на пушечные патроны».

На военной игре в апреле 1914 г. Сухомлинов, Янушкевич, Данилов просто отмахнулись от рассмотрения выдвинутого участниками игры предложения о пересмотре норм снабжения огнеприпасами. За эту близорукость боевая действительность жестоко отплатила, и тот, кто в апреле 1914 г. считал этот вопрос, а тем более вопрос переоценки уже установленных норм запаса патронов-снарядов, не заслуживающим большого внимания, тот в августе—сентябре 1914 г. в панике просил найти выход из создающегося положения. 28 августа 1914 г. Янушкевич писал военному министру Сухомлинову: «Расход патронов, особенно пушечных, чрезвычайно громадный, необходима экстренная подача юго-западному фронту местных легких винтовочных, мортирных, горных парков, не стесняясь номерами. Во избежание роковых последствий прошу решительного содействия. № 577».

На другой день Янушкевич, имевший уже перед собой груду телеграмм с фронтов, еще обширнее, высоким стилем писал Сухомлинову:

«Положение снабжения пушечными патронами положительно критическое. Вся тяжесть современных боев — на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией, однако, последняя достигает этого чрезмерным расходом патронов. Непрерывные пятидневные и более бои нарушают все теоретические расчеты. Питание юго-западного фронта уже идет за счет Северного и Одесского округов. Безотлагательная помощь необходима... № 652».

Наштаверху Янушкевичу вторили главкомюгозап Иванов и начальники снабжения фронтов. Первый писал: «Отпуская последние легкие полевые патроны местных парков, убедительно прошу выслать экстренно хотя бы 150 тыс. легких пушечных и 25 тыс. поле-

вых гаубичных патронов, в противном случае придется остановить операции по недостатку боевых припасов артиллерии. № 1041».

10 августа 1914 г. начальник снабжения северо-западного фронта сообщал Сухомлинову:

«Крайне упорные бои 1-й армии потребовали огромного расхода 3-линейных патронов. Ген. Ренненкампф требует подачи 108 тыс. шрапнелей, 17 тыс. гранат и 56 млн. винтовочных патронов. Могу дать ему и даю последний запас: 2 тыс. гранат, 9 тыс. шрапнелей и 7 млн. винтовочных патронов... № 409. Данилов».

28 августа начальник снабжения юго-западного фронта писал военному министру:

«Бой напряженный идет по всему фронту — расход патронов чрезвычайный, резерв патронов совершенно истощается. Безотлагательное пополнение необходимо, положение критическое. Прошу экстренной высылки пушечных отправкой хотя бы и не целыми парками, а отдельными вагонами, направляя их в Брест—Здолбуново. Необходимо отправление их ускоренными поездами. № 272. Забелин».

Такое положение с огнеприпасами было на русском фронте уже в первый месяц мировой войны. Русский генералитет глубоко ошибся, выдвигая господствовавшую до войны формулу «Война ведется за счет тех запасов, которые заготовлены в мирное время». Внутренние производительные силы царской России были настолько низко и примитивно развиты по сравнению с Францией, Германией и Англией, что эта ошибка дорого оплачивалась на полях Восточной Пруссии, под Лодзью, в Галиции и на Кавказском фронте.

После того, что мы теперь уже знаем о качестве работы «мозга» царской армии — её генерального штаба по составлению планов войны, включая и апрельскую стратегическую игру в Киеве, и о состоянии вооружения и снабжения царского воинства, становится особо показательным вывод, который сделал бывший военный министр генерал Сухомлинов в своих воспоминаниях, а именно: «В 1914 г. армия была настолько подготовлена, что казалось Россия имеет право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.».

На примере анализа стратегического развертывания царской армии в августе 1914 года мы увидим, насколько верен этот «смелый» вывод генерала Сухомлинова в отношении осуществления оперативно-стратегичеких планов войны, составленных в долгие годы мирного времени. Кроме того, на этом же примере мы увидим, что ошибка Конрада с расчетами по стратегическому сосредоточению и развертыванию своих армий опять вызвала к жизни вышеприводимую нами формулу Мольтке об «одной ошибке в сосредоточении».

На восточно-европейском фронте так же, как и на французском, еще до официального об'явления войны шла самая интенсивная подготовка к боевым действиям. Дни, которые предшествовали

об'явлению войны Австро-Венгрией Сербии и Германией России, были наполнены следующим содержанием.

Убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда произошло 28 июня 1914 г. Фактически уже с этого момента все генеральные штабы главнейших европейских стран принялись за всестороннюю проверку оперативно-мобилизационного материала, составленного в долгие месяцы мирного времени. Эта проверка почти ежедневно подхлестывалась развертывавшимися политическими событиями, которые с каждым часом в Европе становились напряженней и катастрофичней. И будет весьма наивным думать, что политика и дипломатия империалистических стран стремилась к урегулированию возникавших каждый день новых конфликтов мирным путем; напротив, каждый их шаг, каждое их действие было направлено к еще большему обострению положения в Европе, с тем чтобы война стала неизбежной.

Это так же естественно, как естественно, что в эпоху империализма и пролетарских революций политика, дипломатия, экономика буржуазии — это та же война, но только другими средствами. В июле 1914 г. эти средства, дойдя до своего предела, трансформировались в пулеметный и артиллерийский огонь первых боевых столкновений давно во всех отношениях в основном оформившихся враждебных политико-военных коалиций. В 1914 г. уже мало кто думал, что война произойдет лишь между Сербией и Австро-Венгрией, что история запишет её как очередную Балканскую войну и тем дело закончится до нового конфликта, который было бы выгодно приурочить к окончанию работ по осуществлению программ больших военных строительств (большая военная программа» в России к 1917 г., то же самое в Германии к 1919 г. и пр.). Но едва ли выгодно ждать, когда сосед закончит программу своих вооружений, с тем чтобы посредством их нанести сокрушительный удар отстающему. В 1914 г. каждый генеральный штаб больших европейских государств считал себя в достаточной мере подготовленным, чтобы спокойно принять вызов. Даже царский военный министр Сухомлинов и тот считал, что в 1914 г. Россия была так хорошо подготовлена к войне, как никогда. То же самое думали, каждый по своему, другие военные министры и начальники генеральных штабов других европейских стран, тщательно следя посредством агентурной разведки, как развивались события в июне и июле 1914 г. А события развивались с огромным напряжением. Во всех армиях, как мы уже говорили, шла проверка мобилизационной готовности, обучение молодых солдат по сокращенным программам, усиленные занятия с командным составом и пр.

25 и ю л я была об'явлена всеобщая мобилизация в Сербии, и в этот же день Конрадом было приказано начать частичную мобилизацию армии и флота Австро-Венгрии и приведение в боевую готовность пограничных войск против Сербии и Черногории.

26 и ю л я, в связи с частичной мобилизацией Австро-Венгрии, начальник русского генерального штаба ген. Янушкевич об'явил

о начале подготовительного к войне периода. С этого же дня во всех военных округах начались еще более деятельные работы и приготовления к войне. К 27—28 июля войска из лагерей были собраны на зимних квартирах, усилена охрана железных дорог, мостов и важнейших государственных и оперативно-стратегических пунктов, было затребовано войсками все недостающее по табели.

28 июля Австро-Венгрия об'явила мобилизацию (1-й день) и в тот же день — войну Сербии.

29 июля была об'явлена частичная мобилизация в России и приведены в боевую готовность пограничные части, стоявшие против Австро-Венгрии.

31 июля в России был об'явлен 1-й день мобилизации.

1 августа Германия об'явила войну России, а Франция — 1-й день мобилизации.

2 августа главковерхом был назначен бывш. великий князь Николай Николаевич, начальником штаба к нему ген. Янушкевич. Последний уже получил уведомление из Парижа начать осуществление военной конвенции, причем царский посол в Париже Извольский писал Янушкевичу, что Миссими и Жоффр выражают желание:

1) чтобы царская Россия повлияла на Сербию в отношении скорейшего перехода последней в наступление,

2) чтобы главный удар царская армия наносила в направлении Варшава — Познань.

3 августа Германия об'явила войну Франции, а 5 августа пред'явила Бельгии ультиматум о пропуске германских войск через бельгийскую территорию.

6 августа, когда уже гремела германская тяжелая артиллерия под Льежем и шел общий его штурм, совершив промах с посылкой 2-й австро-венгерской армии к сербской границе, Австро-Венгрия об'являет войну России. Этой оттяжкой об'явления войны Конрад думал выиграть время, но в то время, когда были дороги минуты и часы, Конрадом были утеряны целые дни.

С об'явлением 31 июля в России 1-го дня мобилизации, которая проходила по мобилизационному расписанию 1910 г., с начала стратегических перевозок по плану развертывания 1912 г. до отдачи главковерхом двух основных директив от 10 и 12 августа, на северо-западном и юго-западном фронтах происходили события, которые имеют большое принципиальное значение для современной стратегии.

Нас интересуют два вопроса:

Во-первых, является ли период от 1-го дня мобилизации до начала большого пограничного сражения наиболее кризисным периодом для плана войны, составленного в мирное время.

Во-вторых, какими основными факторами должен определяться момент отдачи 1-й директивы главного командования о выполнении того или иного варианта в плане войны, учитывая, что противник упреждает нас с развертыванием.

Мы говорили, что провести водоразделы между мобилизацией, стратегическим сосредоточением, стратегическим развертыванием и началом большого пограничного сражения — дело невозможное. Здесь одно дополняет другое, одно является зародышем другого, одно тесно переплетается с другим. По крайней мере, как твердо подсказывает опыт Мировой войны 1914—1918 гг. и на восточном, и на западном фронтах уже с первых дней мобилизации начались на государственной границе пограничные столкновения и бои с основным желанием прикрыть мобилизацию и стратегическое сосредоточение и проверить развертывательные, агентурные данные о противнике, которые имелись за последний п е р и о д мирного времени.

Период первых пограничных столкновений является очень важным для главного командования, которое строго следит за ними и регулирует стратегическое сосредоточение и развертывание фронтов и отдельных армий. В телеграмме царского военного агента в Париже от 1 августа указывалось, что «по сведениям из Дании против нас будут назначены шесть германских корпусов (1-й, 12-й, 20-й, 6-й, гвардейский и 2-й)». Надо было разведкой, агентурой, боем проверить как данные мирного времени, так и эти данные и особенно тщательно сделать эту проверку еще до отдачи первой директивы царской ставки. Примитивно-школьническое решение такой большой стратегической задачи, как развертывание армий на театре войны, вылилось в две первые директивы царской ставки; о них мы будем говорить несколько ниже. Период пограничных столкновений оказался для Янушкевича — Ю. Данилова мало показательным. И несмотря на то, что германское командование, зная о сосредоточении огромных сил конницы, ждало большого кавалерийского набега, русская конница ответила нерешительными, робкими, плохо организованными поисками, которые со всей ясностью говорили о крайнем неумении использовать так как следует конные массы. И здесь хочется попутно остановиться на использовании русской конницы в первые недели мировой войны. Несмотря на то, что во всех учебных инструкциях, уставах и наставлениях и научно-исследовательских работах можно было найти очень верные мысли по вопросу использования конницы, все это безмятежно было забыто с первым же выстрелом на границе.

Во всех этих работах перед 1914 г. мы могли прочитать, что конница, «пользуясь своим исключительным свойством—п о д в и ж н о с т ь ю и искусно применяя все имеющиеся у нее средства поражения (конь, холодное оружие, огонь), ...содействует другим родам войск в бою в достижении общей цели. Прочими видами деятельности являются: разведка, устройство завесы, набеги и другие предприятия малой войны. Находясь в мирное время почти в полной боевой мобилизационной готовности, конница с об'явлением войны должна прикрывать мобилизацию своего государства, а вторжением в неприятельскую страну мешать мобилизации противника. Во время развития военных действий конница прикрывает развер-

тывание армии, ведет разведку, препятствует разведке противника, прикрывает передвижения; во время боя содействует общему успеху широкой боевой работой; после боя преследует противника, а при отступлении принимает на себя прикрытие армии. Усложнившаяся с усовершенствованием огнестрельного оружия и увеличением культурности полей обстановка не исключает работы конницы, а лишь видоизменяет формы ее боевого употребления».

И будет неправильным думать, что эти мысли не были известны; с ними знакомились, их изучали, а как только началась война — все их забыли и вместо правильного использования конницы началась импровизация.

О массировании конницы с целью решительного удара говорилось накануне войны 1914—1918 гг. очень много, но как только началась война все воюющие государства распылили свою конницу по различным направлениям не для массированного удара, а для затыкания дыр по огромному фронту, на котором развертывались бои первого большого пограничного сражения. Огромные конные массы, которые имелись с началом войны у воюющих стран, как-то: в царской России — 1 500, Франции — 587, Германии — 528, Австро-Венгрии — 395 кав. эскадронов и сотен были использованы нецелесообразно, разбросанно и без сколько-нибудь значительного оперативно-стратегического успеха. Достаточно изучить действия конницы, которая была вручена Хану-Нахичеванскому, Раухе, Леонтовичу, Казнакову, Марвицу, Сорде, Канно и др., чтобы притти к твердому убеждению, что как русская, так германская и французская конница была скверно использована, не дав нужных результатов, которые она вполне могла бы дать. В чем же основная причина этой закономерности в неумении применить на практике войны то, что делали в мирное время? Ответ может быть лишь один: в мирное время надо учить именно так и тому, что нужно делать на войне. А в первый период войны твердо проследить и заставить делать именно то, что диктует обстановка. Всего этого не было сделано ни до 1914 г., ни в августе 1914 г. Плацпарадность, ненужная на войне, искусственная виртуозность езды, мертвые шаблонные боевые порядки вырабатывали из кавалерийских начальников жалких ремесленников, ловких людей, умевших блеснуть перед начальством на параде, а не мастеров своего дела. Увлечение эффектными зрелищами на плацу не является средством, которое вырабатывает конкретно знающих дело кавалерийских начальников. А раз так, то последние и не могли научить конницу тому, с чем с первого же выстрела придется на границе столкнуться. Потому во всех почти армиях мы видим, что конница жмется к пехоте, спешивается при всяком удобном и неудобном случае, путается на пересеченной местности, боится ходить в конные атаки (например, в большинстве казацких атак было больше шума и хаоса, чем реальной пользы и сплошь да рядом эти атаки больше носили характер театральности, чем давали существенный боевой результат) и редко принимает их.

И не случайно, что многотысячная конница вместе с её начальниками на боевом экзамене мировой войны провалилась с треском [1]).

Огромные силы русской конницы ставка, а за ней и фронты, в период перед стратегическим развертыванием использовали совершенно неудовлетворительно. Но стратеги и операторы царской ставки не особенно беспокоились об этом деле, они стремились лишь к одному — как можно скорее собрать хотя бы и разрозненные корпуса и дивизии и перейти в решительное наступление, которого так ждут в Париже. Особенно в этом отношении старался ген. Жилинский, подпись которого стояла под военной конвенцией. Например, он, после столь «удачных» и стремительных операций на киевской военной игре (в апреле 1914 г.), 10 августа 1914 г. решил предложить ставке выбросить 15 августа в Восточную Пруссию лишь один 3-й корпус, который был готов к этой операции. В своем предложении ген. Жилинский глубокомысленно писал, что, выкидывая целый армейский корпус на территорию Восточной Пруссии, «мы хоть отчасти выполняем наши обязательства по отношению Франции, потому что одновременный переход всех корпусов не может быть произведен скоро». Ставка все же не рискнула санкционировать эту бесподобную инициативу Жилинского и не разрешила 3-му армейскому корпусу действовать одному в Восточной Пруссии, так как верно понимала, что разгром ему был бы там обеспечен еще до подхода других в это время сосредоточивавшихся корпусов.

То обстоятельство, что противник и на северо-западном и юго-западном фронте упреждал царскую армию с развертыванием, накладывало особо важные задачи на войска, прикрывающие мобилизацию, сосредоточение и развертывание.

В августе 1914 г. развитие авиаразведки было крайне незначительным всилу слабости и малочисленности авиации у всех воюющих государств.

За четырехлетнюю войну, начав с десятков аппаратов, авиация и в качественном, и в количественном отношении к 1918 г. по сравнению с 1914 г. сделала гигантский скачок, о чем речь будет ниже. Но все армии к августу 1914 г. имели достаточное количество конницы. Наличие этого значительного количества конницы, особенно у царской и австро-венгерской армий, давало командованию возможность при правильном и искусном ее применении и использовании получить ценные данные о противнике, а также его хорошо потрепать.

На северо-западном фронте во главе фронта и армий стояли лица, которые по роду оружия были кавалеристами. Бо́льшая половина русской конницы сосредоточивалась именно на северо-западном фронте, во главе которого стояли старые кавалеристы генералы Жилинский (комфронт), Ренненкампф (командарм 1-й), Сам-

---

[1]) Как на единственное отрадное исключение за всю войну можно указать лишь на действия германской конницы под командованием Гарнье в свенцянском прорыве в 1915 г. на русском фронте.

сонов (командарм 2-й) и, наконец, Орановский (наштафронт) — конный артиллерист. Но, верно, в царской армии можно было быть специалистом данного рода оружия и в то же время не знать его и не уметь его целесообразно использовать. Так оно и случилось.

Исходя из оперативного плана войны от 1912 г., к 10-му дню мобилизации главковерх должен был получить от политики, агентуры и прикрывающих частей ряд данных, которые бы давали ему право приступить к осуществлению варианта «А» или «Г». Уже к 7-му дню мобилизации в царской ставке было известно, что главные силы Германия бросила против Франции; казалось бы, этот момент сразу же давал право главковерху принять вариант «А» и сосредоточить все свое стратегическое целеустремление в сторону разгрома Австро-Венгрии, учитывая, что сам Конрад как бы облегчал обстановку для царского командования, направив на юг целую 2-ю армию и тем самым значительно ослабив галицийский театр военных действий.

Огромное превосходство конницы, которое имел северо-западный фронт (9 кавдивизий и около 12 полков войсковой конницы против 1 кавдивизии немцев), давало в руки русскому командованию большие возможности для широкой стратегической разведки. Но эти десятки тысяч бойцов кавалерии были так примитивно, боязливо и вяло использованы, что дали только к 5-му дню мобилизация сведения о том, что три германских корпуса (1-й, 20-й, 17-й) находятся соответственно в районах Эйдкунена, Лык, Нейденбург. Далее были даны неверные данные о передвижении с фронта Калиш—Венден 5-го и 6-го германских корпусов в неизвестном направлении, в то время как оба эти корпуса были сразу направлены на французский фронт и, кроме того, были получены достаточно верные данные об укреплениях в районе Мазурских озер.

Но весьма слабые данные были получены от прикрывающих частей юго-западного фронта; они зафиксировали до 15 августа (16-й день мобилизации) два армейских корпуса (10-й и 11-й), затем ряд кавдивизий (1-ю, 9-ю, 8-ю, 4-ю, 7-ю и еще 2—3 кавдивизии) непосредственно у государственной границы, тем самым совершенно не раскрыв царскому командованию глаза на то, что стратегическое развертывание отнесено Конрадом глубоко назад. Мало того, эти данные убедили ставку и командование юго-западным фронтом, что австро-венгерский генеральный штаб развертывает свои армии по купленному у полковника Редля варианту. Мы делаем ударение на этом потому, что в наших военно-исторических трудах по мировой войне нет ни слова об этом.

Когда тщательно проанализируешь все распоряжения русской ставки в начальный период войны, то со всей ясностью видишь, что она совершенно не учитывала колоссальное значение, которое имеет период прикрытия мобилизации и сосредоточения. Ее очень мало интересовали эти данные, полученные от прикрывающих частей. Её очень мало интересовал вопрос, принимать ли вариант «А» или «Г», а значительно больше тревожил вопрос, как можно скорее

и как можно больше собрать войсковых частей, даже без обозов и тылов, и двинуть их в бой, чтобы выиграть первое большое пограничное сражение и тем самым выполнить обязательства по военной конвенции и просьбу французского генерального штаба от 1 августа о наступлении в направлении Варшава—Познань.

Если мы сравним оперативный план стратегического развертывания 1912 г. с содержанием первых двух директив ставки от 10 и 12 августа, которые даем ниже, то увидим, что ставка решила осуществить и вариант «А», и в значительной степени вариант «Г», и, наконец, просьбу французов наступать в направлении Варшава — Познань, а далее и на Берлин, для чего начинала формироваться новая 9-я армия, а в дальнейшем и 10-я армия из выделенных корпусов 1-й армии Ренненкампфа.

Но такой широкий стратегический размах творчества с развертыванием требовал основного, т. е. наличия собранных в район развертывания корпусов и дивизий с их тылами.

Но если мы посмотрим на график перевозки корпусов и дивизий, то увидим, что для такого широкого оперативно-стратегического замысла не было никаких благоприятных и выгодных по отношению к противнику военно-технических данных.

А если мы в этот график добавим те изменения, которые внесены в майский план развертывания 1912 г. о сформировании новой 9-й армии в районе Варшавы, то этим самым общая полоса стратегического развертывания еще более растянется, вытянувшись в тонкую линию по государственной границе.

Желание везде наступать и все прикрыть привело к тому, что получился кордон, завеса, без всякой идеи где-либо собрать оперативную группировку в виде кулака из нескольких армий.

Итак, в каком же отношении важен для главного командования период от 1-го дня мобилизации до момента отдачи первой директивы, которая определяет собой идею операции для пограничного сражения?

Опыт мировой войны на это отвечает следующим образом. В этот период, как известно, идут пограничные столкновения частей, находящихся в приграничной полосе еще в мирное время, а также действия конницы с широкими разведывательными целями. Этот период очень важен в том отношении, что он является как бы поверкой плана стратегического развертывания. И чем больше работал начальник генерального штаба вместе со своими помощниками над планом стратегического развертывания в долгий период мирного времени, чем тщательнее был анализ данных, которые складываются из разнообразных материалов о вероятных противниках и своей армии, тем меньше может быть импровизаций и изменений, вносимых в план стратегического развертывания.

Особенно поучительна та систематическая и вдумчивая работа над вариантами плана стратегического развертывания, которую вел германский генеральный штаб, когда во главе его стояли Мольтке-старший и Шлиффен.

Самый страшный враг для плана стратегического развертывания в процессе его фактического осуществления — это импровизация. Но как раз импровизация, как результат отсутствия твердой веры в свою работу мирного времени, и имела место во всех главнейших европейских армиях и у их начальников генеральных штабов. Мольтке-младший, Жоффр, Конрад, Янушкевич, Ю. Данилов являются живыми и яркими примерами в этом отношении.

План стратегического развертывания современных многомиллионных армий с особой силой требует наличия твердой линии стратегического поведения. В противном случае, как это было в Австро-Венгрии и России, целые корпуса будут двигаться не в том направлении, в каком это нужно, и начнется спешное формирование новых армейских организмов на тех направлениях, где они в первые дни не так уже необходимы. Импровизация с планом стратегического развертывания у Жоффра, благодаря недоучету им бельгийского театра военных действий, или Мольтке-младшего, не менее показательна, чем у Конрада и Янушкевича.

Огромная ошибка в период первых пограничных столкновений (т. е. когда шло выдвижение войск от мест выгрузки до сближения на границе) во всех европейских армиях в 1914 г. заключалась в неучете ими того величайшего факта, что в эти немногие дни и часы окончательно созревал стратегический замысел для соответствующего ввода армий в большое пограничное сражение. Именно в эти дни и часы, когда происходило состязание передовых частей враждовавших сторон, их боевое ознакомление друг с другом, и можно было внести те или иные поправки в план стратегического развертывания на основании конкретных данных, которые получаются в этот момент о силах и намерениях противника. Главное командование сторон считало, что раз машина стратегического сосредоточения и развертывания пошла в ход, то пусть будет так, как все намечено и расставлено в последнем по счету варианте плана развертывания. Так думал Мольтке-младший; у его союзника Конрада начиналась поспешная импровизация с внесением конкретных изменений в план стратегического развертывания. То же самое было у Янушкевича — Ю. Данилова совместно с главковерхом Николаем Николаевичем.

Разве уже с первых дней пограничных столкновений и боев для царской ставки не было ясно, что Германия бросила главные силы против Франции, а потому надо было выполнить твердо план развертывания и главного удара против Австро-Венгрии? Разве Жоффр не видел, что основной удар германцев направлен через Бельгию, а поэтому следовало не терять драгоценное время на размышления, куда именно бросить 4-ю армию — к северной границе Франции, или же оставить её на месте, или же направить её в Эльзас-Лотарингию (ведь и такая мысль была)? Разве Конрад имел мало данных [1]) о том, что царская Россия не будет сидеть сложа руки, поскольку в

[1]) Из его воспоминаний вполне видно, что данных у него было более, чем достаточно. Но вот не хватало твердости воли в расчете со 2-й армией.

её руках военная конвенция, а бросится на Австро-Венгрию в тот момент, когда Германия бросится на Францию, а поэтому едва ли удастся сперва разгромить Сербию, а затем перебросить все силы против России? Отсутствие должного внимания к периоду пограничных столкновений, которые происходили от 1-го дня мобилизации до отдачи первой общей директивы для больших военных действий для большего пограничного сражения, красной нитью проходит сквозь решения главного командования Франции, царской России и Австро-Венгрии.

Выше мы видели, что плодовитость русского генерального штаба по составлению различных планов стратегического развертывания не способствовала тому, чтобы с разработкой каждого нового плана-варианта они улучшались или же устоялись настолько, чтобы можно было думать, что последний по счету 20-й действительно твердо осуществится в жизни.

Перед мировой войной в руках царской ставки было два утвержденных плана: от 1 мая 1912 г. (см. главу XI) и он же, несколько видоизмененный, отнюдь не в лучшую сторону, датированный утверждением от 25 сентября 1913 г., где авторы (начальник генерального штаба Янушкевич и его помощник по оперативным вопросам Ю. Данилов) с полной санкции Сухомлинова пытались п о с т е п е н н о восстановить провалившийся план 1910 г. Например, план от 25 сентября 1913 г. имел только две поправки, но крайне характерные: в о-п е р в ы х, войска, предназначенные для развертывания в Передовом театре, были уменьшены на 144 батальона по сравнению с планом 1 мая 1912 г. и, в о-в т о р ы х, командованию фронтов разрешалось, если только появится опасность, не дожидаясь указания сверху, самостоятельно оттянуть развертывание на восток, на линию развертывания по плану 1910 г., который мы разобрали в главе X. Но случилось так, что фактически развертывание армий царизма в августе протекало не по плану 1912 г. и не по плану 1913 г. Действительная жизнь внесла свою решающую поправку во все казуистические проекты и замыслы русского генерального штаба; он не имел устойчивого оперативно-стратегического замысла для плана развертывания, не имел твердого стратегического пути и беспомощно шатался, как маятник у полуиспорченных часов, между Берлином, Будапештом и Веной. Все это привело к тому, что стратегическое развертывание в августе не получило определенной группировки, которая бы говорила о главном ударе на данном направлении, а представляло собой растянутые кордоном вдоль границы войска, собранные сюда с немалой долей импровизации.

Две нижеприводимые директивы ставки являются фактическим подтверждением сказанного.

Эти две директивы главковерха от 10 и 12 августа [1]) (11-й и 13-й дни мобилизации) за № 345 и № 3321, адресованные командующим северо-западным и юго-западным фронтами, были основанием для стратегического развертывания. Так как эти директивы являются

важнейшими оперативно-стратегическими документами, по которым произошло стратегическое развертывание царских армий в августе 1914 г., мы приведем их полностью.

10 августа, т. е. на 11-й день мобилизации, ставка отдает свою первую директиву северо-западному фронту.

«Главкосевзапу (штаб фронта Лида) 10 августа № 345.

По имеющимся вполне достоверным данным Германия направила свои главные силы на западную свою границу против Франции, оставив против нас меньшую часть своих сил. Хотя эти силы с полной достоверностью еще не выяснены, но можно предполагать, что в Восточной Пруссии немцами оставлены четыре корпуса (1-й, 20-й, 17-й и 5-й) с несколькими резервными дивизиями и ландверными бригадами; сверх того, гарнизон Кенигсберга из частей неполевых войск.

С нашей стороны к вечеру 12-го дня мобилизации (т. е. 11 августа; даты везде приводим по новому стилю. Вл. М.) в 1-й армии будут собраны полностью вся кавалерия (5½ кавдивизий), 3-й и 4-й корпуса, 5-я стрелковая бригада, 28-я пехотная дивизия (20-й корпус), к которой можно было бы еще притянуть два полка 29-й пехотной дивизии. Всего 96 батальонов, 132 эскадрона. С 12-го же дня мобилизации начинают прибывать в Ковно второочередные дивизии, которые, следовательно, освобождают из Ковно части 28-й пехотной дивизии.

Имея ввиду, что из состава 1-й армии исключены гвардейский и 1-й армейский корпуса [2]), следует признать, что войска 1-й армии к вечеру 12-го дня мобилизации закончат свое сосредоточение, так как большая часть второочередных дивизий, включенных в состав 1-й армии, направляется в Риго-Шавельский район, потерявший при нынешней обстановке свое значение.

Что касается 2-й армии, то за исключением 13-го корпуса, она заканчивает свое сосредоточение еще ранее срока, указанного для 1-й армии; в составе её к вечеру 12-го дня мобилизации (т. е. 11 августа. Вл. М.) будут находиться 4-я кавдивизия, 2-й, 15-й, 6-й, 23-й корпуса, а равно 1-я стрелковая бригада. Всего 136 батальонов, 96 эскадронов.

Если даже исключить из этого числа 2-ю пехотную дивизию, которую, быть может, придется оставить в Новогеоргиевске, а также 1-ю стрелковую бригаду, отходящую к Варшаве (мосты в Варшаве должны строго охраняться), то все-таки численность 2-й армии будет определяться в 112 батальонов, 96 эскадронов и сотен.

---

[1]) Как видим, сроки здесь выдержаны, ибо в эти дни главковерху представлялось возможным по варианту 1912 г. направить войска в ранее выбранном направлении.

[2]) Эти корпуса были направлены в район Варшавы, где формировалась новая 9-я армия для наступления в сердце Германии — Познань — Берлин (Вл. М.).

В общей сложности армии северо-западного фронта к вечеру 12-го дня мобилизации будут иметь готовыми к наступлению 208 батальонов, 228 эскадронов и сотен полевых только войск, в то время как немцы, повидимому, будут в состоянии противопоставить нам 4 полевых корпуса (100 батальонов) с резервными и ландверными частями.

Принимая во внимание, что война в Германии была об'явлена сначала нам и что Франция, как союзница наша, считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам всилу тех же союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев.

Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем нашем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил.

На основании изложенной обстановки верховный главкомандующий полагает, что армиям северо-западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление, положив в основу плана наступления нижеследующие общие руководящие соображения.

Наступление могла бы начать 1-я армия, которая должна притянуть на себя возможно большие силы немцев; наступление должно вестись севернее Мазурских озер с охватом левого фланга противника.

2-я армия могла бы наступать в обход Мазурских озер с запада, имея задачей разбить немецкие корпуса, развернувшиеся между Вислой и Мазурскими озерами и тем воспрепятствовать отходу немцев за Вислу. Между 1-й и 2-й армиями должна быть установлена тесная связь путем выставления против фронта Мазурских озер достаточно прочного заслона.

Таким образом, общая идея операции могла бы заключаться в охвате противника с обоих его флангов.

Обеспечение операции с его левого фланга достигается рекой Вислой с крепостью Новогеоргиевск и перевозимыми к Варшаве частями гвардейского и 1-го армейского корпусов, первые эшелоны коих начнут прибывать в Варшаву с 12-го дня мобилизации.

По мнению верховного главнокомандующего наступление армий северо-западного фронта могло бы уже начаться с 14-го дня мобилизации (т. е. 13 августа. Вл. М.).

Выражая глубокую уверенность в том, что войска армий северо-западного фронта исполнят свой долг, памятуя как необходима России первая же победа, верховный главнокомандующий ожидает представления вами соображений о времени и порядке выполнения предуказаний его императорского высочества».

Как видим, с точки зрения оперативно-стратегической идеи содержание этой директивы требует от северо-западного фронта скорейшего перехода в наступление, с тем чтобы осуществить «Канны» с германскими войсками, развертывавшимися в Восточной Пруссии.

Как и на киевской военной игре, расчеты по сосредоточению корпусов и дивизий были сделаны без малейшего учета сосредоточения их тылов и с уверенностью, что они все полностью сосредоточатся и развернутся именно так, как пишут Янушкевич и Ю. Данилов в этой директиве. Точно так же они писали на военной игре в Киеве тремя месяцами раньше.

Должно быть совершенно ясным, что и для командующего северо-западным фронтом Жилинского и для командарма 1-й Ренненкампфа содержание этой директивы было после Киева не чем то новым, а скорее повторением уже пройденного, а поэтому, получив её, они сейчас же приступили к текстуальному, дословному её выполнению с глубокой и твердой уверенностью, что «Канны» будут осуществлены так же просто и легко, как это почти уже получилось в апреле в Киеве, если бы только руководство игрой (Сухомлинов, Янушкевич и Ю. Данилов) разрешило оперативно-тактический розыгрыш двойного охвата германских сил в районе Мазурских озер.

В этой директиве господствующая мысль заключается в том, что авторы её, будучи осведомлены, что главные германские силы далеко на французском фронте, были уверены, что посредством численного превосходства они добьются полного разгрома четырех германских корпусов, развернувшихся в Восточной Пруссии. Янушкевича и Данилова очень мало беспокоил тот факт, что при подсчете соотношения сил сторон из директивы механически выпали для германцев численный состав резервных и ландверных частей, гарнизоны крепостей и их артиллерия, укрепленные позиции в районе Мазурских озер и исключительно развитая железнодорожная сеть восточно-прусского плацдарма, благодаря которой германское командование могло блестяще осуществлять борьбу по внутреннием операционным линиям.

Ставка, ослабив на два корпуса 1-ю армию, получила в директиве двойное превосходство над противником для производства «Канн» посредством простого арифметического расчета. К 11 августа, т. е. к 12-му дню мобилизации, у противника всего лишь 100 батальонов, а в 1-й и 2-й армиях — 208 батальонов и 228 эскадронов, т. е. двойное число батальонов и огромное превосходство в коннице. Отсюда ясно — победа обеспечена. Но оперативно-стратегическое искусство не только простая арифметика, это что-то большее, где одного знания сложения и вычитания еще далеко недостаточно.

Директива рассчитывала, что 13 августа северо-западный фронт уже может перейти в решительное наступление, но авторы директивы не подсчитали «мелочь», а именно успеют ли сосредоточиться

обозы и тылы наступающих войск, это во-первых, и, во-вторых, правилен ли расчет, что части 2-й армии тоже сосредоточатся во-время и одновременно с 1-й армией перейдут в наступление. Все эти соображения и расчеты были совершенно необходимы, прежде чем начинать сложную операцию двойного охвата, да еще с таким противником, доктрина которого была пропитана многолетней знаменитой теорией «стратегии уничтожения (Vernichtungs-Strategie), стремящейся к цели посредством или мощного флангового удара, или «двойного охвата» (Doppelte Umfassung).

И как увидим ниже, двойной охват действительно был осуществлен и именно по отношению к тем, кто вместо тщательного анализа общей стратегической обстановки, расчета и подсчета сил и средств обеих сторон, «осенив себя крестным знамением», перешел в «спокойное и планомерное наступление».

Директива главковерха для армий юго-западного фронта была также составлена ген. Ю. Даниловым; ее текст был целиком рассчитан на то, что австро-венгерские армии развернутся именно по тому плану, который был куплен царским генеральным штабом у австрийских шпионов в 1912 г. Кроме того, первые пограничные бои не раскрыли для царского командования, где именно развертываются основные силы австро-венгерских корпусов. Всилу этого автору директивы, как и всей ставке, готовился со стороны противника никем из них не ожидавшийся сюрприз.

Директива главковерха гласила следующее:

«Главкоюзу (штаб фронта Бердичев) 12 августа. № 3321.

Генерал Алексеев (начальник штаба юго-западного фронта. Вл. М.) уже поставлен генерал-квартирмейстером (т. е. ген. Ю. Даниловым. Вл. М.) в известность о стратегических предположениях на северо-западном фронте. Верховный главнокомандующий признал необходимым, чтобы и армии юго-западного фронта деятельно заканчивали подготовку к исполнению поставленных им высочайшими указаниями 1912 г. наступательных задач (см. главу XI).

3-я и 8-я армии должны перейти в наступление, не дожидаясь 3-го кавалерийского и 24-го корпусов, дабы в связи с намеченным наступлением наших 1-й и 2-й армий приковать к себе вторжением в Галицию возможно бо́льшие силы австрийцев и тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу Вислы и против запаздывающих в своем развертывании 4-й и 5-й армий.

Надлежит теперь же подготовить возможность вынесения при благоприятном ходе наступления пунктов высадки 3-го кавалерийского и 24-го корпусов ближе к границе.

Повидимому, общее наступление 3-й и 8-й армий могло бы начаться с 19-го дня мобилизации (т. е. 18 августа. Вл. М.).

Ввиду изложенного августейший верховный главнокомандующий повелел вам заканчивать вашу подготовку, дабы, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное, но решительное наступление. Великий князь выражает полную уверенность, что славные войска наши исполнят свой долг, чего бы это им ни стоило» [1]).

Бывают документы, после анализа и ознакомления с которыми сразу же открывается полная картина того или другого явления, состояния, положения. К такого сорта документам целиком и полностью относятся эти две первые директивы русского верховного главнокомандования, отданные в начале войны. В них, как в зеркале, отразился весь уровень подготовки высшего генералитета царской армии. И в отношении оперативного замысла наступления, и в отношении стиля (терминологии) оба эти документа крайне характерны. Попробуем коротко подвести итоги:

1. Определение, что Германия направила главные силы против Франции — правильно.

2. Фактически главное командование, направляя 1-ю и 2-ю армии, стремилось к полному окружению противника в Восточной Пруссии («Канны»), но только непонятно, как можно проделать «Канны», когда наступление будет вестись «спокойно и планомерно», при такой формулировке задачи в действительной обстановке противник уйдет. Ибо окружение производится лишь благодаря особой быстроте, внезапности и энергии в действиях.

Методом «спокойно и планомерно» нельзя было думать об окружении 8-й германской армии.

3. Обе директивы требуют организации и достижения «первой победы», но не собрав войск в районы развертывания и действуя пачками, такой победы достигнуть не представляется возможным.

4. «Тревожная обстановка» на французском фронте оказалась после того, как германская армия, быстрым маневром опрокинув бельгийцев, маршировала к северным департаментам Франции. Французы стали требовать выполнения военной конвенции. Вот здесь-то и сказалось, что Жилинский подписал условия, которые фактически армия царизма выполнить не могла. 800 тыс. человек на 15-й день против Германии требовала конвенция. Целых 8 корпусов на 14-й день мобилизации требовала собрать первая директива главковерха (т. е. в два раза больше, чем у немцев). Но пришлось оттянуть начало наступления, благодаря неготовности северо-западного фронта, на 5—6 дней. Однако, и по истечении этих дней не было много готово, между тем как надо было активно действовать.

Прошло немного более недели, как фразы директив «спокойное и планомерное наступление» и ряд новых оперативных указаний ставки трансформировались в нечто иное.

[1]) Кроме того, главковерх 13 августа послал в Сербию телеграмму, в которой просил, чтобы сербская армия теперь же перешла в решительное наступление, на что был получен ответ, что сербская армия будет продолжать активно начатое наступление против австрийской армии.

Процесс развертывания сторон на северо-западном и юго-западном фронтах.

Во всех армиях Антанты и Тройственного союза в первые два месяца войны стремление к бурно-активным операциям было господствующим. Каждое главное командование в своих оперативно-стратегических распоряжениях стремилось разгромить противников по-своему. Мольтке-младший смело бросил корпуса 1-й, 2-й и 3-й германских армий через Бельгию и Люксембург к северной границе Франции, наивно думая, что вследствие этого история оценит его, как наиболее последовательного ученика Шлиффена[1]), Жоффр приказал стремительным ударом захватить обратно Эльзас-Лотарингию, потерянную в 1870—1871 гг. и контрударом с линии Монмеди—Мец в направлении Льеж—Люксембург отрезать германские армии, которые начали обходить левый фланг развертывающихся французских армий. Конрад одновременно наступал и на Сербию и на царскую Россию. Царская ставка, как видно из только что приведенных двух её директив, решила почти одновременно обрушиться и на Германию и на Австро-Венгрию. Таким образом, в стремительных, активных по содержанию распоряжениях у главного командования основных воюющих европейских армий недостатка не было. Вопрос иной, что никому не удалось осуществить те планы, которые вынашивались генеральными штабами Антанты и Центрального союза в долгие годы мирного времени.

Во всяком случае, все штабы очень торопились выиграть первое большое пограничное сражение, разбить живые силы противника, захватить его технические средства и в ближайшие месяцы до «осеннего листопада» эффектно, победоносно закончить войну. Но характер и условия войны XX столетия оказались иные, и воюющим армиям пришлось «осенний листопад» пережить не один, а три—четыре раза.

Перебросив свои главные силы против Франции, германское командование оставило для развертывания в Восточной Пруссии и Познани незначительные силы с основной задачей не допустить русские войска вторгнуться в район Восточной Пруссии, население которой соответствующей агитацией мирного времени было подготовлено к тому, что германские войска не допустят ни одного неприятельского солдата на территорию священного фатерлянда. Этот агитационный аванс политики германского империализма имел свои неприятные последствия для Мольтке-младшего. Царское воинство, вступив на территорию Восточной Пруссии с далеко отстоящими базами питания и не успевшими подтянуться обозами, сей

[1]) Как мы видели в своем месте, Мольтке, развертывая армии по плану 1913 г., осуществлял новый план стратегического развертывания, который с шлиффеновским вариантом 1905 г. и дополнительными соображениями Шлиффена 1912 г. ничего общего (кроме лишь факта движения через Бельгию) не имел, так как оперативное нацеливание армий (особенно боевого фланга) и численное распределение в этих армиях были совсем другие, чем у Шлиффена.

час же приступило к насилиям и грабежу имущества восточно-прусского юнкерства и помещиков. Последние твердо потребовали от германского командования поддержки. Мольтке-младший приказал снять с главного направления (правый фланг германских армий, двигавшихся к Парижу) два корпуса и перебросить их на восточный фронт. Эта слабость в стратегической целеустремленности имела свои тяжелые последствия для германских армий, так как этих корпусов, столь нужных в сражении на Марне, там уже не оказалось [1]), они добрались до центра Германии тогда, когда опасность для германского оружия в Восточной Пруссии Гинденбургом—Людендорфом была уже ликвидирована.

Стратегическое развертывание германской армии в Восточной Пруссии по последнему варианту плана войны 1913 г., как мы уже знаем из вышеизложенного, имело основной задачей прочно оборонять Восточную Пруссию до тех пор, пока германские армии на бельгийско-французском фронте не достигнут решительной победы. С достижением последней германские армии предполагалось перебросить против царской России.

Территория Восточной Пруссии еще в мирное время была тщательно подготовлена для этой оперативной задачи, в основу которой была положена активная оборона всего района к востоку от Вислы. Сильно развитая железнодорожная сеть, которая давала полную и широкую возможность действовать по внутренним операционным линиям, при сочетании её с укрепленными районами — крепостями Торн, Грауденец, Данциг, Кенигсберг и фортификационными укреплениями в районе Мазурских озер, давала в руки германского командования возможность при наличии небольших сил крепко удержать восточно-прусскую провинцию от неприятельского вторжения до 40-го дня мобилизации, т. е. когда участь Франции по плану Мольтке-младшего должна была бы быть решена. В эти дни на восточном фронте Австро-Венгрия должна была обрушиться на царскую Россию главной массой своих сил и тем самым не дать возможность России связывать широту операций германской армии против Франции. Связующим звеном между активной о б о р о н о й в Восточной Пруссии и австро-венгерской армией должна была быть группа германских дивизий, расположенная в Силезии для наступления на фронт Ивангород—Сандомир. Сперва Мольтке-младший выделил для этой задачи до 5 дивизий, но затем ввиду нейтралитета Италии сократил их до двух, из которых образовался корпус ген. Войерша.

Широко развитая железнодорожная сеть Восточной Пруссии позволяла держать корпуса на железнодорожных узлах, с тем чтобы по обстановке перегруппировать их в нужном направлении. Германское командование не исключало того момента, что царский генеральный штаб поведет концентрическое наступление от Немана (с фронта Ковна—Гродна) и Нарева (с фронта Ломжа—Остроленка).

---

[1]) Об этом подробно см. наш труд «Марна—Висла—Смирна».

В случае огромного превосходства царских сил по германскому плану войны было решено даже оставить с упорными боями территории к востоку от Вислы, но лишь бы выиграть время для решения основной задачи разгрома французской армии. Мы видим, что здесь лозунг многолетней политической агитации «ни одного неприятельского солдата на территории Восточной Пруссии» приносился в жертву основной цели — скорейшему разгрому главного врага — Франции.

Во всяком случае, уже 6 августа командующий 8-й армией ген. Притвиц получил директиву Мольтке-младшего прочно удерживать Вислу как базу, поддержать корпусом Войерша австрийское наступление, а все это с основной задачей до 40-го дня мобилизации рассчитывать только на те силы, которые выделены в 8-ю армию к 1-му дню мобилизации. Притвиц располагал без корпуса Войерша [1]) 13 пехотными и 1 кавалерийской дивизиями при 1 044 орудиях, из них 39 тяжелых. Организационно эти силы образовали четыре армейских корпуса (1-й, 17-й, 20-й и 1-й резервный) с одной кавдивизией, 3-й резервный с тремя ландверными дивизиями и двумя ландверными бригадами; кроме того, были оставлены силы резерва и ландвера в крепостных районах Торна, Кенигсберга, Грауденца, Кульма, Мариенбурга.

В отношении стратегической разведки в период стратегического сосредоточения и развертывания германских вооруженных сил в Восточной Пруссии дело обстояло весьма примитивно. Фактически до первого крупного пограничного столкновения сторон командование германской армии ничего существенного о развертывании русских корпусов не знало. Притвицу буквально не повезло до и в период первых пограничных столкновений. Насколько в дальнейшем Гинденбург был счастлив, почти ежедневно получая перехваченные по радио приказы Ренненкампфа, Самсонова, Жилинского (Гинденбург бывал даже очень недовольным, если к его утреннему завтраку не докладывались очередные перехваченные приказы) [2]), настолько Притвиц оказался неудачником в отношении действий с открытыми картами.

Незначительное количество конницы, конечно, играло свою роль, но и та разведывательная боевая рекогносцировка, которую в млавском направлении произвел командир 17-го корпуса Макензен, фактически ничего не установила, кроме русской конницы, которая боязливо прогуливалась в приграничной полосе. Командир 1-го корпуса Франсуа, действовавший архиинициативно и совершенно не признававший авторитет командования 8-й армии [3]), просто не счи-

[1]) В оперативном отношении ген. Войерш был подчинен 8-й армии.

[2]) Об этом совершенно откровенно пишет рейхсархив — см. II том, в котором приводится ряд случаев перехвата важнейших оперативных приказов царского командования, наступавшего на Восточную Пруссию.

[3]) Действия Франсуа очень показательны с отрицательной точки зрения. Рейхсархив дает богатый фактический материал, но избегает критики самостийных действий этого чрезмерно инициативного генерала, который при серьезном противнике мог бы принести огромный вред делу.

тал нужным заниматься боевой рекогносцировкой, он жаждал сразу большого боя, вероятно полагая, что его одного корпуса достаточно, чтобы обеспечить победу германскому оружию в Восточной Пруссии.

В общем вяло и бесцветно прошла боевая разведывательная деятельность 8-й германской армии. Ответственнейший период от момента выгрузки войск до сближения их на границе с противником оказался холостым для командования 8-й германской армии. Как будто забыли очень ценные поучения по этому вопросу Мольтке-старшего (по указанию последнего ген. Кардиналь-фон-Виддерн произвел тщательный анализ этого периода во время стратегического развертывания по опыту кампании 1870 г.) и Шлиффена, с особой силой подчеркивавших в своих работах огромное значение глубокой боевой разведки до момента первого большого пограничного сражения.

Таким образом, не зная как в действительности развертывается противник, Притвиц принужден был ждать, когда произойдет первое крупное столкновение в пограничной полосе. 14 августа, окрыленный успехами против слабой бельгийской армии, Мольтке-младший приказывает систему активной обороны Восточной Пруссии организовать так, чтобы при вторжении русских последние получили мощный контрудар, который заключить переходом в наступление.

И надо было иметь именно такого противника, как царское командование, чтобы совершаемые германской стороной промахи проходили почти безнаказанно.

Северо-западный фронт против 8-й германской армии имел полуторное превосходство и только вследствие бесталанного управления, близорукого и разнобойного введения сил в бой пачками по частям это превосходство не дало никакого положительного разультата.

Мало того, получилось так, что менее сильный противник в нужный момент оказывался на нужных направлениях сильнее армий северо-западного фронта.

Не получив разрешения о выброске в Восточную Пруссию, если так можно выразиться, «в рейд» одного 3-го армейского корпуса до тех пор, пока другие части 1-й армии будут сосредоточиваться и развертываться, Жилинский 13 августа приказал в развитие директивы главковерха:

1. 1-й армии 17 августа начать наступление с линии Вержболово—Сувалки на фронт Инстербург—Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера.

2. 2-й армии 19 августа наступать с линии Августово—Харжеле на фронт Летцен—Арие—Ортельсбург, направляя главные силы на фронт Растенбург—Зеербург во фланг и тыл озер.

Такова была директива Жилинского, требовавшая выполнения и осуществления армиями северо-западного фронта «Канн» для 8-й германской армии в районе Мазурских озер. Если сравнить эту

директиву с оперативным замыслом ген. Жилинского, который он осуществлял на киевской военной игре, то разницы нет никакой, кроме того лишь, что там все прошло тихо и безнаказанно, даже с похвалой со стороны главного руководства игрой (Сухомлинов,— Янушкевич — Ю. Данилов), а здесь эта «затея» окончилась полной катастрофой.

Если мы сравним сроки перехода в наступление, которые требовались по первой директиве ставки, со сроками сосредоточения 1-й и 2-й армий, то получим следующие просчеты Янушкевича — Ю. Данилова.

Как помнить читатель, директива считала, что северо-западный фронт может перейти в общее наступление 13 августа, полагая, что к 11 августа будут собраны для 1-й армии 96 батальонов, 132 эскадрона; но эти цифры были основаны на теоретических расчетах и подсчетах, так как по данным управления военных сообщений к вечеру 10 августа 1-я армия имела лишь 67 батальонов, 129 эскадронов и 288 орудий, из которых только 12 гаубиц; как видим, разница существенная. Жилинский готов был текстуально выполнить 1-ю директиву, несмотря на то, что его войска были еще в процессе сосредоточения. Раз ставка говорит, полагал Жилинский, что противник слабее нас и имеет только 100 батальонов (см. 1-ю директиву), значит так оно и есть; ставке виднее. Но в действительности оказалось несколько более, а именно 196 батальонов и 89 эскадронов. Таким образом, ставка огульно форсировала переход в наступление армий северо-западного фронта.

По директиве Жилинского выходило так, что от пунктов сосредоточения (линия Неман) до исходной линии наступления (Вержболово—Сувалки) надо было корпусам 1-й армии пройти 60—70—80 км. Если конница уже к моменту отдачи ставкой директивы сосредоточилась в пограничной полосе, то к Неману корпуса 1-й армии со своими тылами сосредоточивались лишь к 17 августа, а второочередные части к 19—20 августа; но от Немана до Вержболова—Сувалки 80 км; отсюда ясно, что лишь посредством форсированных маршей можно было выполнить последнюю директиву Жилинского, в то время как сроки перехода в общее наступление 13 августа, установленные ставкой, были совершенно невыполнимы, так как нормы суточного перехода оставались для 1914 г. в силе; они (и нормальные и усиленные) исходили из физических свойств и возможностей бойца. Жилинский с этими нормами не посчитался, назначая наступление 17 августа с линии Вержболово—Сувалки. Действительная жизнь оказалась более мудрой; уже после первых переходов она превратила войска из организованных частей в беспорядочные «толпы богомольцев», которые также скопом вступили в первые бои пограничного сражения. Всилу отсталости тылов уже после первых боев войска остались без огнеприпасов. Командование начало бить тревогу. Иначе говоря, к общей неподготовленности в отношении вооружения и огнеприпасов, о которой мы гово-

рили выше, прибавилась полная неорганизованность в отношении использования работы тыловых учреждений наступающих войск.

В еще более тяжелом положении оказывалась 2-я армия, не имевшая достаточной сети железных дорог, как это хотя бы было в 1-й армии, и принужденная выдвигаться к линии наступления — Августов—Хоржеле по местности крайне пересеченной с песчаными и болотистыми дорогами. По директиве Жилинского она должна была развернуться на фронте в 120—140 км. К этому фронту шли только две железнодорожные колеи Белосток—Граево и затем Новогеоргиевск—Млава, отстоящие друг от друга на 160 км; этим самым весьма затруднялся вопрос с подвозом. Корпуса 2-й армии, опираясь на мощную железнодорожную магистраль Гродна—Варшава, уже к 11 августа сосредоточивались (без 2-го корпуса) на линии Белосток — Малкин.

Для того, чтобы выдвинуться на исходную линию Августов—Хоржеле, наиболее удаленным частям нужно было проделать марш до 90 км по району, где расчет на довольствие местными средствами был ограничен.

Итак, 1-я армия в составе 3-го, 4-го, 20-го армейских корпусов и 5-стр. бригады и 5½ кавдивизий со своими 104 батальонами, 124 эскадронами при 492 орудиях должна была развернуться на фронте 60 км.

2-я армия в составе 2-го, 6-го, 13-го, 15-го, 23-го, 1-го армейских корпусов со своими 200 батальонами 72 эскадронами, 702 орудиями — на фронте 160 км.

Таким образом, вытянутые кордоном корпуса северо-западного фронта на 220 км фронта выставляли 304 батальона 196 эскадронов, 1 040 орудий легких, 108 орудий легких гаубиц и только 12 орудий тяжелых [1]).

Но этот кордон не мог быть равномерным на 220-км фронте, так как «войска, и в особенности 2-я армия, направлялись для выполнения первой и весьма сложной операции не успевшими еще сосредоточиться, с неподтянутыми тылами и без учета времени. Погоня за скоростью шла за счет форсирования сил войск и расстройства их тылов, что не могло не отразиться печально и на их боевых качествах; это особенно касалось 2-й армии, которой к тому же предстояло наступать по району, бедному местными средствами» [2]). Но Жилинский думал иначе, а Ренненкампф и Самсонов вообще мало думали, причем первый из них (Ренненкамф) стремился текстуально выполнить директиву Жилинского, а другой (Самсонов) просто построил в отличие от директивы Жилинского свою операцию для корпусов 2-й армии.

[1]) И. Вацетис пишет, что «русские войска совершенно не были ознакомлены с огневым эффектом тяжелой артиллерии, пехота и артиллерия не слышали даже выстрела из тяжелой пушки и впервые ознакомились с ним в Восточной Пруссии» — См. Вацетис. «Операции на восточной границе Германии в 1914 г.», стр. 53.

[2]) Зайончковский. Мировая война (маневренный период 1914—1915 гг.), стр. 55.

Если Жилинский приказывал наступать с линии Августов—Хоржеле на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее в северном направлении во фланг и тыл Мазурских озер, группируя главный удар к своему левому флангу, с тем чтобы он пошел на Растенбург—Зеербург, то совсем другое в развитие этой директивы приказывал Самсонов.

Во-первых, корпуса, собиравшиеся по директиве главковерха в районе Варшавы (I и гвардейский), он об'единил с теми корпусами, которые входили в его армию.

Во-вторых, он дал задачу наступать на Летцен—Пассенгейм, с тем чтобы отрезать противника от Вислы, т. е. 2-я армия развертывалась на линии Августов—Новогеоргиевск (240 км), с тем чтобы наступать на фронт Летцен—Пассенгейм (60 км). А вследствие трудных дорог, по которым наступали войска, а также разновременности их выхода без тылов на исходную линию, получилось, что корпуса 2-й армии, действуя на огромном фронте, должны были вводиться в бой пачками по частям.

Так как 1-я армия «начала свой марш-маневр в Восточную Пруссию как по тревоге, войска подводились к границе усиленными переходами и прямо с похода 17 августа вступили в бой» [1]) при полной неподготовленности тыла, а 2-я армия вторгалась в Восточную Пруссию тремя-четырьмя днями позднее без малейшей оперативной увязки со своим соседом, то немудрено, что линия стратегического развертывания армий северо-западного фронта представляла собой к началу первого большого пограничного сражения крайне причудливый вид кордона с частыми разрывами, причем одни части выдвинулись вперед, другие остались позади и без намека сосредоточения сил на каком-либо из направлений. Вследствие этого полуторное превосходство сил армий северо-западного фронта дало очень мало пользы, а разновременно вторгнувшиеся по частям 13-й, 15-й и часть 23-го корпуса 2-й армии в районе Нейденбург—Гогенштейн—Ортельбург—Вилленберг были пленены 8-й германской армией Гинденбурга, который после разгрома 2-й армии, опираясь на прекрасно развитую сеть дорог и действуя по принципу борьбы по внутренним операционным направлениям, набросился на 1-ю армию, успевшую с большими потерями отступить от Гумбинена обратно к Неману.

Так печально закончился наступательный русский план с охватом 8-й германской армии в Восточной Пруссии.

Развертывание юго-западного фронта

Таким образом, в действиях на северо-западном фронте красной нитью проходит полное неумение со стороны командования фронтом организовать стратегическое развертывание. В каждом мероприятии командования фронтом был заложен зародыш для раз-

---

[1]) Вацетис. «Операции на восточной границе Германии в 1914 году», стр. 64.

розненных действий со стороны армий. Несколько иначе обстояло дело на юго-западном фронте; конечно, это вовсе не значит, что развертывание армий юго-западного фронта было на высоте. Положительным было лишь одно — это не слепое стремление текстуально выполнить первую директиву ставки, а желание прежде ее выполнения сделать расчеты и подсчеты в вопросах стратегического сосредоточения и развертывания. В этом отношении командование юго-западного фронта осталось верно линии своего поведения, которую мы видели на апрельской военной игре в Киеве. Но от желания до умения все же есть определенная доля расстояния, которое так и не сумело преодолеть с пользой для себя командование юго-западного фронта, чтобы твердой поступью вступить в первые бои большого пограничного сражения.

Основной ошибкой царского командования в первые дни мобилизации было то, что оно не сумело распознать, что тот план стратегического развертывания австрийских армий, который имелся в стальном шкафу в Петрограде и который был известен командованию Киевского военного округа [1]), был уже резко изменен. Четко продуманная и деятельная работа стратегической конницы и авиации (даже несмотря на малочисленность последней) в первой половине августа до первой директивы ставки (12 августа) должна была раскрыть, что полоса стратегического развертывания австро-венгерских армий теперь уже иная, чем по данным полковника Редля, что она от государственной границы отнесена глубоко назад, на 120 и более км к западу. Надо иметь ввиду, что импровизированные отряды ландштурмистов численностью 100—200 человек, разбросанные группами по линии Сандомир—Стоянов—Тарнополь—р Збруч до р. Днестра в этом деле сыграли огромную роль. К сожалению, военные историки империалистической войны или совсем упускают этот момент, или же только фиксируют, что такие ландштурмисты действительно были, не говоря ни слова о той действительной роли, которую они в первые дни мобилизации сыграли. Эти ландштурмисты из местных приграничных деревушек уже к 1-му дню мобилизации заняли все важнейшие направления и пункты на границе и все речные и железнодорожные мосты оказались в руках этих вооруженных групп, которые прикрывали мобилизацию и стратегическое сосредоточение. Они служили чрезвычайно ценным дополнением к жандармским постам и к кавдивизиям, выдвинутым к границе [2]). Эти австро-венгерские ландштурмисты сыграли для царской ставки и командования юго-западным фронтом роковую роль, так как, когда русская конница пыталась проникнуть в глубь австро-венгерской территории, она встретила огонь

---

[1]) Командование Киевского военного округа с 1-го дня мобилизации превратилось в командование юго-западным фронтом.

[2]) Как указывалось выше, в оперативном плане ген. Виктор-Мишеля, эта идея широкого использования местного населения пограничной полосы для целей обеспечения и прикрытия мобилизации и стратегического сосредоточения также служила одним из очень важных и серьезных факторов.

этих ландштурмистов и жандармских постов, дополненный огнем кавдивизий, выдвинутых кордоном к границе с основной задачей прикрывать и охранять районы стратегического сосредоточения армий. Из разведывательных донесений конницы юго-западного фронта во второй половине августа видно, что по приближении ее к пограничным пунктам для их занятия со стороны противника наблюдался усиленный ружейный, а в некоторых направлениях пулеметный и даже артиллерийский огонь (последние два вида относились уже к огню австро-венгерских кавдивизий). Этот ландштурмистский забор, построенный на государственной границе, в царской ставке и у командования юго-западным фронтом трансформировался в твердое убеждение, что австрийцы осуществляют свое стратегическое развертывание по плану 1912 г., т. е. по тому плану, который царский генеральный штаб купил у австрийского полковника Редля. И если бы Конрад не допустил огромной ошибки с переброской 2-й армии на сербскую границу, а имел бы эти лишние корпуса в первом большом пограничном сражении, то, по всей вероятности, полуокруженная 5-я русская армия в районе Красностав—Замостье разделила бы судьбу с армией Самсонова.

Если мы зададим себе вопрос, какие же сведения получили царская ставка и командование юго-западным фронтом от действия передовых частей во время мобилизации и сосредоточения, то получится крайне интересная картина. После суммирования всех сведений от разведывательных частей к 15 августа получилось впечатление, что 1-я австрийская кавдивизия действует восточнее Чертков а, 9-я кавдивизия — в районе Збараж, большая часть 8-й кавдивизии в районе Тарнополь, 4-я кавдивизия юго-западнее Броды, две-три кавдивизии на фронте Сокаль—Нароль—р. Сан, 7-я кавдивизия — на левом берегу Вислы, части 1-го корпуса — в районе Красник, 11-й корпус от устья Збруча до Сокаль, а на участке Рава Русская до устья Сана — 10-й корпус противника; вот те данные, которые имело царское командование в начальный период войны и перед переходом в решительное наступление по 1-й директиве ставки, которую мы приводили выше. Царское командование полагало, что за этой кавзавесой собираются корпуса противника по плану 1912 г.

То обстоятельство, что стратегическая разведка юго-западного фронта с активными действиями конницы от момента выгрузки частей развертывавшихся армий до сближения и вступления их в большое пограничное сражение проходила, как и на северо-западном фронте, крайне вяло и примитивно, способствовало еще большему укреплению веры русского генерального штаба в купленный план развертывания армий Конрада.

Итак, царское командование, после развертывания своих армий, в первое пограничное сражение вступило с крайне скудными данными, вернее с данными, которые делали его просто слепым. Авиация, ввиду её крайней малочисленности и общей технической слабости, никаких существенных сведений не собрала, хотя при умелом ее использовании она могла бы дать больше.

Форма сосредоточения четырех русских армий юго-западного фронта имеет в основном тот же замысел концентрического удара с двух направлений, что и на северо-западном фронте.

В первом случае удары в Восточную Пруссию направлялись с линии Ковна—Гродна на фронт Инстербург—Ангенбург (1-я армия) и с линии Осовец—Хоржеле на фронт Зеебург—Растенбург (2-я армия); во втором случае удары в Галицию направлялись с линии Люблин—Холм на фронт Тарнов—Перемышль (4-я и 5-я армии) и с линии Ровно—Проскуров на фронт Львов—Станиславов (3-я и 8-я армии). А поскольку царская ставка рассчитывала встретить развернувшегося в Галиции противника непосредственно в приграничной полосе, этот замысел концентрического удара двумя группами северной и восточной имел ввиду, не доходя Карпатских гор, ликвидировать живую силу австро-венгерских армий.

Военная история на своих страницах зафиксировала очень много различных оперативно-стратегических замыслов и планов, стремившихся посредством концентрических ударов с двух основных направлений ликвидировать живую силу противника. Но одновременно с этим военная история очень мало насчитывает случаев, когда эти смелые и широкие по своим масштабам замыслы и планы удачно осуществились в реальной действительности. По всей вероятности творческий процесс составления этих планов на схемах и картах неизмеримо легче, чем претворение творческого замысла в действительную жизнь. Большим мастерам, у которых оперативно-стратегический замысел и исключительная сила целеустремленности со строгим конкретным расчетом соотношения сил и средств работают плечом к плечу, хотя и очень редко, но такие замыслы удавались.

Действительная жизнь с её реальной боевой обстановкой также прошла мимо этих смелых оперативно-стратегических замыслов царской ставки и командования юго-западного фронта, как это она сделала с командованием северо-западного фронта.

Сосредоточение и развертывание армий юго-западного фронта происходило под прикрытием четырех пограничных корпусов (14-го 19-го, 11-го, 12-го) и шести кавалерийских дивизий (14-й, 1-й Донской, 7-й, 11-й, 12-й и 2-й сводной казачьей), раскинувшихся в приграничной полосе от Радома до Каменец-Подольска.

Выше мы уже говорили о тех мизерных результатах, которые были получены в период пограничных столкновений царским командованием, не сумевшим так организовать эти столкновения, чтобы они в основном раскрыли первоначальную стратегическую группировку противника.

Армии юго-западного фронта, производя стратегическое сосредоточение, выполняли директиву ставки от 12 августа (её полное содержание см. выше), в которой было указано 3-й и 8-й армиям, не дожидаясь 3-го кавалерийского и 24-го корпусов, перейти в общее наступление с 19-го дня мобилизации (т. е. 18 августа), так как 4-я и 5-я армии запаздывают с развертыванием. Опе-

Таблица 22

Армии	Корпуса	Дивизии		Фронт	Численность					Примечание
		Пех.	Кав.		Км	Батальонов	Эскадронов	Орудий	Штыков и сабель	
4-я [1] ген. Зальца	14-й, 16-й гренад.	6½	3,5	Люблин — Холм	60	104	84	426	196 000	[1] К этой армии должны были прибыть 3 й кав. корпус, три пехотных дивизии и одна кав. дивизия — 85 тыс. бойцов
5-я [2] ген. Плеве	25-й, 19-й, 5 й, 17-й	8	3	Холм — Ковель — Влад.-Волынск	100	144	100	516	147 000	[2] Прибывали еще две пех. и две кавдивизии + тяж. арт. — 45 тыс. бойцов
3-я [3] ген. Рузского	21-й, 11-й, 9-й, 10-й	12	3	Луцк — Дубно — Кременец	80	192	84	685	215 000	[3] Прибывали 1 кавдивизия + тяж. арт. — 6 тыс. бойцов
8-я [4] ген. Брусилова	7-й, 16-й, 8-й	8	3	Проскуровский район	60	136	56	472	139 000	[4] Ожидался 24-й корпус, одна пех. и две кав. дивизии — 62 тыс. бойцов. Тяжелой артиллерии в царской армии к началу войны было очень мало. На юго-западный фронт к концу августа 1914 г. прибывала тяжелая и гаубичная: в 4-ю и 5-ю армию — 36 орудий, в 3-ю армию — 24 орудия, в 8-ю армию — 12 орудий.

Таблица составлена по данным: 1. Боевое расписание войск юго-западного фронта в августе — сентябре 1914 г.

2. Белой. Галицийская битва.

3. Зайончковский. Мировая война.

4. Головин. Из истории кампании 1914 г..

ративные задачи армиям были поставлены в плане 1912 г. (см. таблицу 17).

К 18 августа, т. е. спустя шесть дней после отдачи юго-западному фронту ставкой первой директивы, армии развернулись на фронте Люблин—Холм—Ковель—Кременец—Проскуров протяжением в 400 км с неравномерной глубиной полосы стратегического развертывания, доходившей до 80—100 км.

4-я, 5-я, 3-я, 8-я армии в свой состав включили 33 пехотных дивизии, 3 стр. бригады и 12½ кавдивизий. Кроме того в ближайшие 20 дней, т. е. к 30-му дню мобилизации, юго-западный фронт должен был получить 10 пехотных и 6 кавалерийских дивизий.

Организационно-численный состав армий фронта к 18 августа выражался в следующем виде (таблица 22, стр. 338).

К этому времени австро-венгерские армии развернулись под прикрытием трех корпусов (1, 10, 11) и пяти кавдивизий, которые раскинулись впереди линии Краков—Ярослав—Львов—Станиславов—Черновицы. Действуя вместе с ландштурмистскими отрядами и постами жандармерии, они, как мы уже указывали выше, очень удачно сохранили у русского командования веру в то, что Конрад развертывает свои силы непосредственно у государственной границы. А потому концентрические удары со стороны 4-й и 5-й армий с севера и 3-й и 8-й русских армий с востока по замыслу Янушкевича—Ю. Данилова—Иванова—Алексеева должны были охватить с флангов полосу стратегического развертывания армий Австро-Венгрии. Но в действительности эти армии ударили не по флангам, а по изготовившемуся принять атаку огневому фронту, так как линия стратегического развертывания была Конрадом отнесена на 100—150 км назад.

Организационно-численный состав австро-венгерских армий и занимаемый ими фронт развертывания выражался в следующем виде (таблица 23, стр. 340).

Таким образом, если мы сопоставим две развернувшиеся стороны, то можно притти к следующим основным выводам, говорящим нам, с какими плюсами и минусами вступали обе стороны в большое пограничное сражение.

Основные и наиболее численно сильные группировки обоих противников были на противоположных флангах стратегического фронта (см. таблицы 22 и 23).

Так например, холмо-люблинская группа состояла из 13 пехотных и 6½ кавдивизий, разместившихся на фронте в 160 км, в то время как образовавшая главную группировку ровно-проскуровская состояла из 20 пехотных и 6 кавдивизий на фронте в 120 км.

Против этих групп соответственно собрались две группы австро-венгерских армий.

Первая группа в составе войск Куммера, 1-й, 4-й, 3-й армий из 25 пехотных и 8 кавдивизий — на фронте в 180 км и вторая группа в составе армейской группы Кевеса с постепенно прибывавшими обратно с сербской границы частями 2-й армии Бем-Ермоли в со-

Таблица 23

Армии	Корпуса	Дивизии: пех.	Дивизии: кав.	Фронт	Км	Батальонов	Эскадронов	Батарей / Орудий	Бойцов (в тыс.)	Примечание
1-я армия ген. Данкля	1-й, 5-й, 10-й	9	2	От устья Сана до Синявы	80	180	77	72 / 468	228	1) К Львову были выдвинуты части 11-го корпуса.
4-я армия ген. Ауффенберга	2-й, 6-й, 9-й, 17-й	8	2	От Ярослава до Перемышля	40	147	71	76 / 438	208	2) Кроме этих развернувшихся к 20 августа армий прибывали новые части в 1-ю арм.—14 бат. и 12 ор.—15 тыс. чел., 4-ю арм.—39 бат., 25 эск., 60 ор.—51 тыс. чел., 3-ю арм.—57 бат., 8 эск., 48 ор.—68 тыс. чел.
3-я армия ген. Брудермана	11-й, 14-й	6	3	Перемышль—Самбор	40	102	92	56 / 336	139	
Арм. группа Кевеса; в эту группу прибывали части 2-й армии с Сербск. границы.	3 й, 12-й, 7-й, 4 й, ландштурм. части	8	3	Самбор — Станиславов — Черновицы [1]	200	143	94	81 / 486	158	Армейская группа Кевеса, части из 2-й армии с сербской границы, (7-й, 4-й корпуса, марш. и ландштурм. бригады и т. д.)—130 тыс. чел.
		—	—		—	92	14	34 / 204	130	
Арм. группа ген. Куммера и герм. корпус Войерша	—	2½	1	Район Кракова	20	45	27	23 / 138	60	Таблица составлена по данным: 1. Боевое расписание австро-венгерской армии на русском фронте в августе 1914 г. 2. Белой. Галицийская битва. 3. Зайончковский. Мировая война. 4. Головин. Из истории кампании 1914 г.
	—	2	—	Калиш — Бендин	160	34	12	12 / 72	38	

ставе 8 пехотных и 3 кавалерийских дивизий — на фронте в 200 км. Такая оперативная группировка сил сторон давала возможность австрийцам иметь успех между Бугом и Вислой в люблинском направлении, а русским вторгнуться в Галицию в общем направлении Самбор—Станиславов. Оперативно-стратегические задачи после развертывания для австро-венгерских и русских армий нами уже были рассмотрены выше, а потому повторяться здесь не будем.

Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что хотя 3-я и 8-я русские армии несколько ближе сосредоточивались к государственной границе, чем 4-я и 5-я армии, однако эта разница не могла иметь большого значения, так как в связи с отнесением австрийцами своего развертывания на запад от границы, 3-я и 8-я армии, не зная этого отнесения, в первые дни принуждены были ударить по пустому месту. Печальный результат этого удара и вызвал горькое признание Ю. Данилова, что «23 августа выяснилось, что наши сведения мирного времени, касавшиеся формы стратегического развертывания плана австро-венгерских армий оказались неточными и что развертывание австрийцев произошло в действительности значительно западнее, чем мы ожидали». Все это верно, но Ю. Данилов ни слова не говорит о том, что эту «неточность» можно было бы компенсировать за счет хорошо организованного периода первоначальных пограничных разведывательных боев и тогда бы эта «неточность» и «неясность» с развертыванием армий противника была бы в значительной степени устранена.

Положение 4-й и 5-й русских армий было с первого же дня вступления в бои пограничного сражения крайне невыгодным, так как будучи слабее австрийцев, они попадали в охватывающее положение со стороны армейской группы Куммера при взаимодействии её с корпусом Войерша, 1-й и 4-й армиями.

Но эта главная операция австрийцев не была обеспечена справа, так как 3-я армия должна была неизбежно втянуться в бой к северо-востоку от Львова, а армейская группа Кевеса была очень малочисленной. 2-я же армия, которая по плану стратегического развертывания 1913 г. должна была действовать вместе с 3-й армией, была, как мы уже знаем, загнана к сербской границе и её возвращения целиком можно было ожидать лишь во второй половине сентября.

И пока происходила расстановка сил в стратегическом развертывании, обе стороны окончательно решили действовать самым активным образом. Мало того, царская ставка требовала от юго-западного фронта, несмотря на неполное сосредоточение 4-й и 5-й армий, как можно скорее переходить и не только в «стремительное наступление», но даже в «непреклонное ураганное наступление». Конрад, выполняя требования германского командования о скорейшем вторжении в Польшу, решает, не ожидая сосредоточения 2-й армии, перейти в наступление (26-го) 1-й и 4-й армиями при деятельной поддержке со стороны Войерша и Куммера в люблинском направлении и для лучшего обеспечения этой

операции передает корпуса Кевеса в 3-ю армию. Но, конечно, от факта этой передачи на правом фланге австрийского стратегического фронта корпусов не прибавилось и отсутствие в Галиции корпусов 2-й армии этим не могло быть восполнено.

Таким образом, первое большое пограничное сражение должно было после первых серьезных встречных боев дать свои результаты в двух оперативных группировках сторон. Совершенно естественно, всилу даже численного соотношения сторон на отдельных направлениях, уже в первых боях у Красника и Томашева русские войска, собранные в 4-й и 5-й армиях, не могли рассчитывать на успех, так как им, как и австрийцам с их плохо обеспеченным львовско-станиславовским фронтом, трудно было устоять перед противником, который имел более чем двойное превосходство сил.

Большое пограничное сражение, начавшись 23 августа на левом фланге австро-венгерского стратегического фронта, через три дня перекинулось и к правому флангу. После нескольких переходов по фактически пустому от войск пространству к западу от государственной границы 3-я и 8-я армии наконец также столкнулись на фронте р. Золотая Липа с австрийскими корпусами 3-й армии, усиленной армейской группой Кевеса.

И, наконец, встает основной вопрос, насколько пограничное сражение для обеих сторон вытекало из плана стратегического развертывания, составленного задолго до этого сражения? Могло ли при такой оперативно-стратегической группировке и численном соотношении быть достигнуто для русских концентрическое наступление в Галиции, а для австрийцев — разгром 4-й и 5-й русских армий и захват Передового театра совместно с 8-й германской армией?

На эти два вопроса приходится ответить отрицательно. Анализ вышеизложенного определенно говорит, что характер такого стратегического развертывания сторон должен был привести к простому фронтальному столкновению как в Восточной Пруссии, так и в Галиции. Конечно, это не исключало того обстоятельства, что на отдельных направлениях, в зависимости от искусства той или другой стороны, могли иметь место такие факты, как оперативный успех гинденбурговских клещей в отношении 2-й армии Самсонова (который вместе с Жилинским оказались лучшими помощниками Гинденбургу, своей безыскусностью всемерно помогая последнему охватить часть корпусов 2-й русской армии), или значительный успех русских 3-й и 8-й армий на львовско-станиславовском направлении всилу подавляющего их численного превосходства. Но все же ни Конраду, ни Янушкевичу—Ю. Данилову не удалось осуществить те стратегические замыслы, которые были вложены в план стратегического развертывания. Первое большое пограничное сражение как на французском, так особенно на русском фронте, со всей ясностью говорило, что кончить начавшуюся мировую войну до осеннего листопада ни одной из воюющих группировок не удастся, несмотря на исключительную торопливость в действиях каждой из сторон.

В свете событий августа и сентября 1914 г. спешка и торопливость в наступательных планах и действиях на восточно-европейском театре войны особенно показательна именно в том отношении, что фактически никто не понял изменившегося характера современной войны с её крайне сложной политической и социально-экономической обстановкой, с её крайне усложнившейся техникой, которая стала не только более удобной, но и невиданно стала диктаторствовать над средствами наступления, придав и передав огромную силу энергии средствам обороны.

Если проанализировать хорошенько те распоряжения, которыми наполнен первый месяц войны, то мы увидим, что в отношении поспешности в наступательных действиях царское высшее командование, как наиболее отсталое и наименее культурное, буквально побило рекорд.

Мы видели, что и до 17—18 августа, т. е. до момента стратегического развертывания северо-западного и юго-западного фронтов, со стороны ставки шло непрерывное подхлестывание фронтов к усилению активных действий.

22 августа последовал опять ряд телеграмм, в которых ставка требовала от северо-западного фронта «энергичного и безостановочного наступления», с тем чтобы «покончить поскорее с Восточной Пруссией»; также и юго-западному фронту указывалось о «скорейшем вторжении 3-й и 8-й армий в Галицию». Такого характера напоминания повторялись фронтам несколько раз. Эта торопливость с наступлением пачками, по частям, ввиду незаконченного сосредоточения корпусов, исходила не только из твердого требования и нажима со стороны Франции, не только из боязни, что немцы в помощь австрийцам перебросят на русский фронт свои силы, но главным образом из простого непонимания характера современной войны. И, как мы видели, это подхлестывание и импровизация в развертывании армий даром не прошли. Неготовые, несобранные войска были двинуты отдельными частями в форсированные марши. Тылы этих армий находились на несколько переходов от войск и вскоре последовали соответствующие результаты. 2-я армия была разгромлена, и $^2/_3$ сил её были захвачены 8-й германской армией в плен; 4-я и 5-я армии, брошенные неготовыми в район Красника, также потерпели поражение. Успех со взятием Львова также не был развит, так как уже в конце августа и начале сентября стал ощущаться резкий недостаток огнеприпасов. Например, 21 сентября юго-западный фронт просто приостановил наступление на Перемышль и все боевые действия по фронту, прося ставку «местные парки довести до 100 патронов на орудие», так как с 15 сентября их имелось «всего лишь 25».

Как и всегда бывает в таких случаях, все эти неудачи повели к организационным мероприятиям и перегруппировкам в личном составе. Главковерх телеграфировал царю, что «склоняет перед ним повинную голову» за поражение армии Самсонова и неудачи у Ренненкампфа. Он писал, что «ген. Жилинский потерял голову и во-

обще не способен руководить операциями», а поэтому просил поскорее его убрать с должности главкосевзапфронта. Ренненкампф уехал от армии в Вильковишки, он также «потерял голову», как писал главковерх. То же самое в конце августа происходило и у французов. После большого пограничного сражения армии стремительно отступали к Марне, а главное командование приказывало расстреливать бегущих солдат, снимало десятки генералов с корпусов и дивизий, отстраняло командармов, т. е. своеобразно стремилось исправить вопросы подготовки мирного времени и ошибки своей стратегии и развертывания своих армий. Также поступило сейчас же после Марнского сражения и главное немецкое командование, уволив в отставку не только Мольтке-младшего, но и произведя целый ряд перестановок в личном составе.

Зловещие телеграммы, которые уже в августе и сентябре 1914 г. потекли обильным потоком изо всех без исключения армий воюющих коалиций с категорическим требованием о скорейшей присылке на фронт огнеприпасов и нового вооружения, особенно тяжелой артиллерии, ясно говорили о том, что война затянется на долгие месяцы, а более прозорливые люди уже в сентябре говорили, что дело войны растянется не на год и не на два. Поучительный опыт августа 1914 г. показал, что характер современной войны с её сложной техникой, с её миллионными армиями и качественно и количественно во всех буквально отношениях отличается от войн наполеоновско-мольтковской эпохи. Живучесть современных армий и увеличившаяся обороноспособность государств уже в августе—сентябре 1914 г. со всей ясностью подтвердили, что как бы ни были хорошо подготовлены войска и обороноспособность государства, современную большую коалиционную войну в несколько первых месяцев окончить нельзя, так как силы и средства в той или иной степени имеются и у твоих противников. И вступив в войну, которая вызывает на арену борьбы десятки миллионов людей с огромными техническими средствами истребления, из нее выйти можно лишь после огромного напряжения всех сил страны, входящей в ту или иную коалицию.

Эффективные стремительные удары в наполеоновском или мольтковском стиле в современных условиях, если они всесторонне продуманы и хорошо организованы, могут дать лишь оперативный успех на том или другом направлении. Но один или два таких больших успеха с разгромом одной, другой армии, действующей в составе фронта, в современной войне еще не дают такого результата, который бы привел к быстрому окончанию войны в целом.

Здесь читатель в праве спросить, а тогда как же обстоит дело с декабрьским вариантом плана войны 1905 г. Шлиффена, а также его стратегической концепцией, которая была заложена в это замечательное по своей творческой силе оперативно-стратегическое произведение?

Трудно говорить о том, что лишь было создано, но не проводилось в действительной боевой жизни, ибо еще

раз повторяем, что тот план, который осуществлялся германскими армиями в августе—сентябре 1914 г., был произведением Мольтке-младшего, но никак не Шлиффена.

Во всяком случае, если форма и напоминает собой декабрьский вариант стратегического развертывания Шлиффена, то содержание этого развертывания было совершенно другим, как и сам руководитель этого развертывания при осуществлении его в боевой жизни был во всех отношениях совершенно иной. Для нас несомненным остается то положение, что если бы Шлиффен был бы в августе 1914 г. на месте Мольтке-младшего, то, во-первых, его декабрьский вариант был бы дополнен целым рядом новых конкретных данных, вытекающих из той совершенно новой политико-экономической обстановки, которая сложилась к 1914 г., из новых военно-технических факторов, появившихся за период с 1905 по 1913 г. (некоторым отражением которых может служить статья Шлиффена «Будущая война» в 1909 г., а также его набросок варианта 1912 г., о чем мы говорили в своем месте). И, во-вторых, мы очень сильно сомневаемся, удалось ли бы французам во главе с Жоффром при Шлиффене сохранить Париж, как это они сумели сделать при Мольтке-младшем. Но если значение личности одаренного полководца остается очень существенным фактором в исторических событиях, в руководстве современной большой войной, то это еще не значило, что после падения Парижа Франция в 1914 г. сложила бы оружие. Несомненно одно, война продолжалась бы на новом этапе, в новых политических и стратегических условиях.

ГЛАВА XV

РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЖИВЫХ СИЛ ЗА ПЕРИОД С 1914 ПО 1918 г.

Если хорошенько проанализировать структуру государственного аппарата в целом и в его отдельных частях у всех воюющих государств, то мы наглядно увидим резкое, коренное изменение, подчас полную перестройку того, что было к началу войны 1914 г., в конце этого года и к началу решительного финального периода мировой войны — к 1918 г. (включая сюда и Россию до ее выхода из войны).

Все без исключения воюющие государства на опыте 1914 и 1915 гг. убедились, что их предположения о сроках длительности мировой войны и расчет вести войну в основном на запасах, заготовленных в мирное время, были ошибочны. Чрезвычайно быстрое, примерно к ноябрю 1914 г., израсходование всех этих мобилизационных запасов потребовало коренного переустройства и изменения всей системы народного хозяйства и промышленности, подчинив их целиком интересам и нуждам войны с её разнохарактерным снабжением.

И уже к началу 1915 г. почти все генеральные штабы заговорили, что надо было строить все государство в мирное время так, чтобы не подвергать всю его многообразную структуру такой спешной коренной переделке и переустройству для целей войны. Конечно, эти «плановые» мысли мало трогали многочисленных капиталистических биржевых маклеров и спекулянтов [1]). В поставках для войны они попрежнему спешили нажить и наживали невиданные барыши и прибыли. Они спешили это сделать еще и потому, что многие ученые экономисты уже в начале войны предсказывали, что война прекратится скоро сама собой в результате народнохозяйственной разрухи. Но это «скоро» продолжалось 4 года.

[1]) Уже с ноября 1914 г. во всех воюющих государствах правительства принуждены были беспрерывно подхлестывать работу для нужд войны, давая огромные заказы как казенным, так и мобилизованным частновладельческим фабрикам и заводам. Наиболее организованно это происходило в Германии и Франции, наименее организованно и хаотичнее в царской России и лоскутной монархии Австро-Венгрии, несмотря даже на то, что германские капиталисты фактически диктаторствовали в промышленности и сельскохозяйственной жизни последней.

Исключительно быстрое расходование мобилизационных запасов в первые же два месяца войны без какого-либо решительного стратегического успеха на театре военных действий естественно сразу же вызвало у более дальновидных деятелей буржуазии скептицизм и сомнение в возможности быстрого окончания начавшейся мировой войны. Отсюда не случайным был ответ в марте 1915 г. английского военного министра Китчинера. На вопрос ему: «Когда окончится война?» он спокойно ответил: «Я не знаю, когда она окончится, но начнется она летом 1916 г.», иными словами, тогда, когда непрерывно увеличивающийся рост количества дивизий будет военной промышленностью обеспечен необходимым вооружением и снаряжением.

Грандиозный масштаб войны потребовал колоссальных, невиданных до этого, цифр в подачах на фронты военного оружия и снаряжения, которые в процессе самой войны резко видоизменились; возник целый ряд совершенно новых видов оружия и вооружения.

Военная промышленность оказалась решающим фактором: от качества и количества её работы и продукции в полной мере зависели оперативно-стратегические замыслы и варианты военного командования.

Жизнь с презрительной усмешкой проходила мимо тех генеральных штабов, у которых полет оперативно-стратегической фантазии с её вариантами, красиво разрисованными на картах и схемах, не был твердо согласован с решающим фактором военной промышленности, впитавшей в себя все соки народного хозяйства в целом. А таких генеральных штабов было большинство. Это обстоятельство замечательно метко охарактеризовал т. Сталин, который сказал: «К сожалению, хорошие военные специалисты не всегда хорошие экономисты, и не всегда они различают между силой оружия и силой законов экономики» [1]). Уже в 1915—1916 гг. каждому стало ясно, что система деления на «фронт» и «тыл» метафизична, искусственна, нереальна, что театр военных действий это не только там, где стреляют. Так могли думать лишь старушки из слишком удаленных от железной дороги деревушек в глубине большой страны. Но большинству было ясно, что вся страна в целом (вне зависимости от того, хотят или не хотят этого биржевые спекулянты) является театром военных действий. Иными словами, каждая страна, входившая в ту или иную воюющую коалицию, оказалась целиком в кровавых лапах империалистической войны.

Гинденбурговский лозунг, брошенный на рубеже 1915 и 1916 гг. «Победит лишь тот, у кого выдержат дух и нервы» — оказался однобоким, немощным, пустой фразой, ибо победить мог лишь тот, кто и материально и морально оказался более сильным. И если бы Соединенные штаты Америки в решительный 1918 г. выступили бы на стороне Четверного союза, а не Антанты, то совершенно еще

[1]) См. Беседа т. Сталина с Дюранти. «Правда», 4 января 1934 г. (разрядка наша. Вл. М.).

неизвестно, кончилась ли бы война в 1918 г. Также никто не может уверенно сказать, что победила бы все равно именно Антанта. Ясно одно, что вне зависимости от того, кто победил бы, на свете не мог не существовать капиталистический кабальный Версальский или ему подобный мир, как пролог, как база для новой империалистической войны.

На полях сражений в 1914—1917 гг., а тем более в 1918 г., каждому солдату стало ясно, что лишь одним крепким духом и нервами, но при отсутствии противогазов во время газовой атаки, без противотанкового ружья и орудий при танковой атаке, без самолетов при воздушном нападении, без достаточного количества огнеприпасов во время современного прожорливого механизированного боя и бесперебойной работы в подвозе всего необходимого для войск и боя будут неисчислимые жертвы и поражения.

Если бы мы взяли только две цифры [1]) для царской России, а именно 65 000 пострадавших за 1914—1916 гг. от ядовитых газов и 3 млн. получивших увечья и ранения в бою, то увидели бы, что в этих цифрах процент потерь от недоброкачественности противогазов и их количественного недостатка, а также от недостатка огнеприпасов был очень значителен.

55 лет тому назад в своем бессмертном произведении «Анти-Дюринг» Энгельс писал:

«Мы уже видели влияние технического прогресса в его применении к военному делу и проследили, как введение технических усовершенствований каждый раз почти насильно вело за собою изменения и даже целые перевороты в способе ведения войны, часто к тому же против воли военного начальства. А в какой сильной зависимости находятся военные действия, сверх того, от производительных сил и средств сообщения тыла армии, равно как и театра военных действий, это теперь может об'яснить г. Дюрингу каждый старательный унтер-офицер. Одним словом, «сила» всегда и везде одерживала победы не иначе, как при помощи экономических условий и средств, без которых она перестает быть силой, и тот, кто вздумает, следуя Дюрингу, преобразовывать военное дело с противоположного конца, не пожнет ничего, кроме тумаков» [2]).

На многообразном и богатейшем примере Мировой войны 1914—1918 гг. эти мысли великого Энгельса целиком и полностью оправдались.

Мировая империалистическая война выдвинула на арену борьбы четыре новых технических фактора: авиацию, химию, автобронетанковые силы и автотранспорт, развив количественно и качественно артиллерийские средства подавления до невиданных до этого размеров. Эти новые технические факторы, всецело зависящие от производительных сил воюющих коалиций, буквально изменили общий

[1]) Данные по сведениям главного военно-санитарного инспектора и Народного комиссариата здравоохранения.

[2]) Ф. Энгельс Анти-Дюринг. ГИЗ. 1928 г., стр. 158—159.

вид современных полей сражения, естественно потребовав совершенно новых способов и приемов в управлении миллионными армиями, насыщенными техническими средствами истребления.

История никогда еще на своих страницах не фиксировала такой невиданной плотности фронтов с колоссальным насыщением их живыми силами и техническими средствами как это имело место в последний год мировой войны на Западном фронте.

Чтобы иллюстрировать эти мысли, мы возьмем три основных наступательных операции германской армии в 1918 г. в марте в Пикардии, в мае на Шмен-де-Дам и к Шато-Тьерри и, наконец, так называемую вторую Марну в июле.

Во всех этих трех наступлениях мы видим неслыханную насыщенность фронтов бойцами и техникой. Так например, во время 1-го мартовского наступления на 70-км фронте прорыва против укрепленного фронта союзников германцами было сосредоточено на каждый 1 км фронта 1 пехотная дивизия, 100 орудий и 15 самолетов [1]). Во 2-м майском наступлении на 38-км фронте прорыва на каждые 1½ км приходилось 1 пех. дивизия, 120 орудий и 20 самолетов. В 3-м июльском наступлении на 80-км (два направления 46 км плюс 34 км) фронте прорыва на каждые 1½ км было сосредоточено по 1 пех. дивизии, 100 орудий и 15 самолетов.

Такое массирование техники не могло не выдвинуть на первое место вопрос планирования взаимодействия родов войск и впервые ребром не поставить вопрос, чтобы план земной операции разрабатывался при теснейшем и активнейшем сотрудничестве с действиями воздушных сил. А поскольку вышеуказанным силам и техническим средствам одной стороны почти с момента их удара начиналась активная организация противодействия с другой стороны, операция принимала длительный, упорный, затяжной характер.

В свете этих фактов и цифр должно быть каждому ясно, что стратегические и оперативно-тактические формы действий и управление этими действиями должны были получить совершенно иные приемы и способы.

Наполеоновские методы действий, которыми были насыщены планы полководцев, прошедших через школу многочисленных войн за столетний период с 1814 по 1914 г., с основной мыслью посредством одного решительного удара сокрушить врага и закончить целую войну, оказались в период 1914—1918 гг. неприемлемыми, невозможными. Опыт мировой войны наглядно показал, что прорывы с колоссальным насыщением бойцами и техникой продавливали лишь стратегический фронт на одном из его участков, отнюдь не потрясая и не ломая его целиком, что в лучшем случае посред-

---

[1]) На этом фронте, где действовали 2-я, 17-я и 18-я германские армии, были впервые сосредоточены огромные силы авиации. Эти массированные авиасилы включали в себя 300 самолетов разведчиков, 400 истребителей, 245 штурмовиков и 72 бомбардировщика, для которых было подготовлено 120 аэродромов. Но уже на 6-й день развития операции эти силы встретили не менее мощный контрудар с воздуха со стороны контратакующих союзных армий.

ством одного решительного и хорошо организованного удара можно разгромить отдельную армию, участвующую в составе фронта и не больше. Но и это не приносило должного эффекта, так как на месте этих разгромленных корпусов и дивизий появлялись новые силы и средства и борьба опять продолжалась с огромной энергией и упорством. Это кровавое и техническое соревнование продолжалось вплоть до того момента, когда одна из коалиций в решительный момент получила нового богатейшего союзника в лице Америки с её армией. Лишь только тогда чаша весов оказалась перетянутой на сторону Антанты, ибо на другой стороне, где находилась коалиция держав Четверного союза, живые силы и технические средства в 1918 г. были уже на пределе, на исходе и без особых перспектив получить новые.

До мировой войны опыт использования авиации в боевых операциях был крайне ограниченным и случайным. Малочисленная и еще слабая по своим летно-конструкторским и техническим возможностям, с крайне малочисленным кадром летного состава во всех армиях Европы, авиация была далеко не на переднем плане и если все же состояла на вооружении европейских армий, то не как решающее средство борьбы, а как потенциальная сила с колоссальными перспективами в будущем.

Лучшим показателем прямого неучета этого нового величайшего фактора в современных операциях может служить тот факт, что в 1914 г. основные европейские державы располагали лишь двумятремя сотнями самолетов. Франция имела — 156, Германия — 232, Россия — 263 и Англия, которая сейчас имеет лучшую по качеству авиацию, в 1914 г. имела всего лишь 30 самолетов.

В ответственнейший период мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания в 1914 г., как мы видели выше, авиация не сыграла сколько-нибудь заметной роли. Она вылетала по отдельным направлениям с разведывательной целью, но эти воздушные прогулки мало кого интересовали. И даже тогда, когда в августе 1914 г. русская авиация под Танненбергом определила группировку противника, то ей просто не поверили, или когда французские летчики донесли, что армия Клука скользнула на юг от Парижа, то эти важнейшие оперативно-стратегические данные не произвели должного впечатления во французской главной квартире ген. Жоффра. Лишь военный губернатор Парижа ген. Галлиени понял, что это дает возможность сосредоточить кулак на левом фланге стратегического фронта союзников. Ген. Галлиени до самой смерти (1916 г.) так и не мог уяснить себе [1]), что он являлся одним из первых генералов мировой войны, который поверил в разведывательную силу авиации, поверил в те сведения, которые она принесла о Клуке. И что замечательно, ведь благодаря этой вере впервые был вызван на сцену первый автомобильный марш-маневр в мировой

---

[1]) О чем в полной мере подтверждают написанные им в 1915 г. мемуары «Оборона Парижа».

войне в виде переброски на парижских такси и грузовиках пехотных полков на левый фланг к р. Урку. Так, постепенно отвоевывая себе место под солнцем, авиация дала толчок и потянула за собой на сцену вооруженной борьбы новый могущественный фактор в лице использования автотранспорта для оперативно-стратегических целей. В дальнейшем использование автотранспорта развилось до огромных размеров.

В общем судьба авиации имеет много общего с судьбой конницы, но с той лишь разницей, что в маневренный период 1914—1915 гг. многочисленная конница была бесталанно и примитивно использована командованием воюющих коалиций и к 1917—1918 гг. совершенно бессмысленно сошла с полей сражения, не сумев использовать на себя новую технику, в то время как малочисленная авиация 1914—1915 гг., несмотря на далеко неправильное использование ее командованием, все же к 1917—1918 гг. нашла свое место на поле сражения и превратилась в решительный и величайший фактор войны.

И в то время как конница, постепенно теряя свою подвижность, обращалась при прямой помощи и содействии своего же командования в ездящую пехоту, в 1915 г. авиация, постепенно завоевывая свое место на современных полях сражения, развилась уже в три основных вида — разведывательную, истребительную и бомбардировочную. Но это, конечно, вовсе еще не значило, что уже в 1915 г. все эти три рода авиации давали полноценную работу. Будет правильно сказать, что за всю мировую войну лишь разведывательная и истребительная авиация развилась должным образом, указав широкую дорогу и блестящие возможности (Верден, Сомма) для развития бомбардировочной и штурмовой авиации.

Созданная на основе опыта последнего периода мировой войны, бомбардировочная и штурмовая авиация за 15-летний промежуток времени превратилась в мощное средство борьбы, имеющее постоянную тенденцию к своему дальнейшему развитию и качественному и количественному росту.

Уже за период мировой войны темп количественного роста авиации был довольно значителен и удельный вес её в боевом вооружении воюющих армий постоянно возрастал. 500—700 новых боевых самолетов для работы на фронте — вот та годовая норма, которую мы наблюдаем в армиях Франции, Германии и Англии [1]).

В этих нормах была уже заложена тенденция к дальнейшему количественному и качественному росту авиации, давшая на сегодняшний день Франции и её промышленности возможность за год

---

[1]) Продукция же авиапромышленности в период 1914—1918 гг. росла с огромной быстротой, делая следующие скачки в производстве самолетов и моторов. В 1914 г. во Франции, Англии, Италии, США, Германии было произведено 2 134 самолета и 2 012 моторов, в 1916 г. уже 21 880 самолетов и 29 970 моторов: в 1918 г. эти цифры поднялись до 84 100 самолетов и 124 407 моторов. За весь же период мировой войны продукция авиапромышленности выразилась в весьма внушительных цифрах 180 800 самолетов и 240 000 моторов.

выставить около 10 000 самолетов, т. е. количество, равное общей численности самолетов у всех воюющих армий к концу мировой войны [1]).

Темп роста боевых самолетов в войсковых частях в период 1914—1918 гг. был следующий:

Таблица 24

Годы	Франция	Германия	Англия	Россия	Австро-Венгрия
1914	156 (в запасе 400)	232	30	263 (по другим данным 190)	55
1915	300	476	53 (январь)	Свед. нет	Свед. нет
1916	783	1 604	522	360	240
1917	1 446	2 000	Свед. нет	700	437
1918	2 446 (январь) 3 321 (ноябрь)	2 730 (август)	1 758 (ноябрь)	Вышла из мировой войны	622

Таким образом, несмотря на огромные тысячные потери в летном составе [2]), пополнение которым представляло особые трудности во всех армиях, рост боевых самолетов для операций с воздуха из года в год непрерывно увеличивался.

Непрерывно улучшались и летно-тактические свойства самолетов: каждый год войны приносил все новые и новые достижения. Боевая действительность заставляла непрерывно совершенствовать полетные качества самолетов. И если мы сопоставим качества самолетов, с которыми они вступили в мировую войну, с теми данными, которые были достигнуты к её концу, то картина будет весьма показательной. Горизонтальная скорость полета исчислялась к 1914 г. в среднем 80 км/час.; скороподъемность на 2 000 м от 30 мин. до 1 часа; потолок 2 500—3 000 м; продолжительность полета 2—3 часа; полная нагрузка — 300 кг; боевая нагрузка — 0; мощность мотора 60—80 лошадиных сил. Эти летно-тактические свойства, пройдя горнило мировой войны, в ее последний заключительный 1918 г., дали следующие качественные показатели для различных видов самолетов (см. таблицу 25, стр. 353).

---

[1]) По данным английской печати современная Германия Гитлера ежемесячно выпускает по 450—500 самолетов.

[2]) Например, потери убитыми и ранеными в Англии за 1914—1918 гг. выразились в цифре 7 589, во Франции — 6 158, в Германии — 11 373.

Таблица 25

Боевое назначение	Гориз. скорость (максим. в км/ч.)	Под'ем на 300 м в минуту	Потолок в метрах	Продолжительность полета в час	Полная нагрузка в кг	Боевая нагрузка бомбы в кг	Мощность мотора в лошадиных силах
Разведчики	180	25	5 500	4	500	100	260—300
Истребители	220	12	7 000	2	350	—	200
Легкие бомбардировщики (штурмовики)	180	30	5 500	4	750	300	260—300
Тяжелые бомбардировщики	130	45	4 500	7	3 000	1 000	1 040

Вот те огромные достижения в летно-тактических свойствах самолетов, которые были достигнуты за четырехлетний период мировой империалистической войны. А эти качественные показатели, улучшаясь и совершенствуясь под огнем боевого фронта, давали уже в период «второй Марны» в июле 1918 г. [1]) возможность вести воздушный бой в трех этажах. 400 [2]) французских самолетов, выполняя приказ Манжена «очистить небо от противника», повели борьбу в трех этажах атмосферы.

1-й этаж — борьба с немецкими истребителями (выше 2 тыс. м);

2-й этаж — борьба с разведчиками (2 тыс. м);

3-й этаж — обстрел земных целей и противодействие этому обстрелу с воздуха (ниже 1000 м).

Как увидим ниже при анализе стратегического развертывания сторон в 1918 г., массирование авиации к началу решительного наступательного удара с придачей ударным армиям, участвующим в прорыве сотен авиаединиц (до 400 и более самолетов на армию), создание воздушной завесы из истребителей от проникновения неприятельских разведчиков перед организацией внезапного наступления-прорыва, бомбардировочная деятельность против войск и глубоких тылов — все это нашло свое значительное выражение, особенно в финальном 1918 г. мировой войны.

---

[1]) Вл. Меликов. «Вторая Марна 1918 г.», «Война и Революция», кн. 5 1931 г., стр. 1—33.

[2]) Качественное и количественное развитие авиации вызывало свои организационные формы; так например, в мае 1918 г., наряду с существованием отрядов эскадр, бригад, французское главное командование сформировало воздушную дивизию в составе 2 авиабригад почти из всех видов самолетов, общей численностью в 600 боевых самолетов.

Все это мы говорим для того, чтобы была ясной картина закономерного развития авиации, чтобы было нагляднее видно, как явление возникло, какие этапы оно проходило и чем данная вещь стала на современном этапе своего развития, о котором мы будем говорить в последних главах нашей работы.

Химическое оружие, как средство нападения, было применено впервые в мировой войне. И надо считать, что в ней оно получило лишь свое начальное развитие. Будущее химических средств нападения — в новой предстоящей войне. Сейчас можно лишь приблизительно наметить дальнейшее развитие этого могущественного средства истребления. В химических лабораториях империалистических государств, в строжайшей тайне, с тем чтобы достигнуть наибольшего эффекта внезапности, капиталистическая буржуазия и её химики-профессора сейчас усиленно работают над изобретением новых боевых газов. Успех первых газобалонных атак в апреле (Ипр) и мае (Болимов) в 1915 г. дал немцам большой моральный эффект, так как эти две первые газовые атаки на англо-французском и русском фронте обрушились на войска, которые совершенно не имели средств противохимической обороны.

Первая атака велась на 6-км участке фронта и быстро вывела 15 000 человек французской колониальной дивизии, вторая на участке в 12 км и вывела из строя 9 000 человек Сибирской дивизии. После этих газобалонных хлорных атак немецкие войска не переходили в наступление, очевидно сами используя эти атаки как эксперимент. И надо сказать, этот эксперимент немцам вполне удался, так как произвел на противника буквально потрясающее, паническое воздействие.

В своей работе «Химическое оружие в современной войне» тов. Жигур пишет: «С осени 1915 г. немцы для газобалонных атак стали применять уже смесь хлора с фосгеном [1]), значительно более ядовитую, чем чистый хлор».

Но на войне каждое действие быстро вызывает противодействие, и мы видим, что уже в конце сентября 1915 г. англичане, в феврале 1916 г. французы, а в июле 1916 г. русские также начинают производить газобаллонные атаки. Англичанам и французам они удаются, но без должного эффекта, так как германские войска были в противогазах; у царского командования эта газовая атака была сорвана ураганным артиллерийским огнем, заставившим русские войска отойти с занимаемых позиций и разрушившим все их баллоны с газами. Одновременно с примитивным способом применения боевых газов на небольших участках фронта до 8—12 км посредством

---

[1]) Фосген действует как яд и как вещество, сильно раздражающее легкие, вызывает быстрое повреждение слизистой оболочки дыхательных путей. Даже в минимальном количестве он вызывает чувство невыносимого жжения в носу, глотке и легких. При передвижении у поражаемого этим газом отек легких возрастает с большей быстротой и дает смертельное удушье. В большинстве случаев люди со слабым сердцем умирают скоропостижно, так как действие газов ослабляет работу легких и сердечную деятельность.

газобаллонов, которые требуют попутного ветра и большой по времени подготовки (несколько суток), шло испробование артиллерийской стрельбы химическими снарядами. Последние очень скоро завоевали первенство и стали широко применяться воюющими странами.

«Один из первых крупных обстрелов артиллерийскими химическими снарядами с нестойкими ОВ был осуществлен немцами в ночь на 23 июля 1916 г. на р. Маас; 40 батарей легких полевых гаубиц и 16 батарей 70-мм в течение 8 часов выпустили 110 000 снарядов. Была заполнена газом площадь по фронту 1 км и в глубину 5 км. Потери французов — 1 600 газоотравленных (около 30% общего количества войск, находившихся на этой площади), из которых смертельно отравленных только 90 чел.» [1]). Пониженный процент смертельных поражений по сравнению с первыми атаками (когда из 15 000 умерло 5 000, а из 9 000 умерло 6 000) об'ясняется в первую очередь широким развитием противохимических средств, которыми были к этому времени обеспечены войска.

Применение боевых газов хлора, фосгена, иприта [2]) было широко развито в период 1915—1918 гг. на всех фронтах мировой войны. Отравляющие вещества по далеко неполным данным вызвали потери во всех армиях около 1 млн. человек.

Непрерывно увеличивающийся размах применения химического оружия потребовал увеличения химической промышленной продукции до десятков тысяч тонн боевых газов, которыми снаряжались миллионы снарядов. Для того чтобы представить себе современное состояние химической промышленности в капиталистических странах, достаточно сказать, что сейчас одно крупное капиталистическое государство в состоянии в один год дать в несколько раз большее количество боевых газов, чем те 13 тысяч тонн иприта, 40 тысяч тонн фосгена и 20 тысяч тонн дифосгена, которые были приготовлены за три года войны. Лишь наивные люди могут верить в различные женевские договора о запрещении применения боевых газов на войне. До мировой войны в Женеве хранилось очень много различных договоров по вопросам химического оружия, разрывных пуль, бомбометания с воздуха и прочих средств истребления, но боевая действительность в 1914—1918 гг. целиком и полностью ликвидировала все эти гуманные договоры. Если полиция капиталистических стран сейчас в мирное

---

[1]) Я. Жигур. Химическое оружие в современной войне, стр. 8.

[2]) Иприт (горчичный газ) был впервые применен германцами в сражении при Ипре 12 июля 1917 г. и вывел в течение 6 недель более 20 000 англичан из строя. Этот газ обладает высокой точкой кипения и большой устойчивостью. Обжигая кожу, он вызывает нарывное действие. Люди, на которых он падает в виде мелких брызг, получают тяжелые ожоги, залечиваемые очень трудно и медленно. Рана, полученная от иприта, похожа на рану, полученную от действия соляной кислоты. Обыкновенная одежда не предохраняет от иприта. К концу войны был найден новый боевой газ «люизит», который, попадая на кожу, покрывает последнюю болезненными нарывами и вызывает серьезные заболевания гортани и легких.

время широко применяет различные газовые атаки против рабочих демонстраций, а в фашистских застенках боевыми газами травят коммунистов, то надо быть безнадежным фантастом, чтобы хоть на секунду верить, что будущая война будет проходить без химического оружия.

Мы могли бы привести сотни высказываний крупных профессоров-химиков и военных деятелей капиталистических стран, которые говорят не о том, что боевые газы не будут применены в новой войне, а которые говорят, что сейчас во всех крупных капиталистических государствах имеются несравненно более сильные боевые газы и что выработаны несравненно лучшие и более совершенные способы применения химического оружия в невиданных, грандиозных размерах.

Авиация и артиллерийские средства нападения при сочетании их с химическим оружием и электронными бомбами будут основными и решающими факторами в предстоящей войне. И если, как увидим ниже, при стратегическом развертывании сторон в 1918 г. химическое оружие постепенно завоевывало себе «место под солнцем», то в новой империалистической войне это средство борьбы будет распространено и расширено на всю страну в целом.

Третьим могущественным фактором современных полей сражения мировая война выдвинула б р о н е т а н к о в о е о р у ж и е. Это оружие молодо так же, как и его собратья — авиация и химическое оружие, его дальнейший рост и действительное применение и использование еще впереди.

Когда правофланговые германские армии в августе 1914 г. двигались в Парижу, делая 40—50 км в сутки, то, скажем, т а н к «Марка-1», весивший 27 и 28 тонн, вооруженный 2 орудиями в бортовых спонсонах и 3 пулеметами (танки «самцы») или 5 пулеметами (танки «самки») и обладавший скоростью движения в 6—8 км в час, едва ли принес бы хоть минимальную пользу этому германскому марш-маневру к столице Франции. Этот танк плелся бы в тылу наступающих войск, безнадежно затерявшись в глубоких тыловых учреждениях марширующих армий. Или же, если бы эти танки «Марка-1» участвовали на стороне англо-французов в большом пограничном сражении на линии Монс—Шарлеруа—Динан—Лонгви—р. Самуа, то после проигрыша последнего союзниками, которые затем начали свое стремительное отступление к Марне, эти танки «Марка-1», оказавшись в арьергарде, остались бы в руках противника.

Таким образом, эта сильная махина, неуклюжая и малоподвижная, могла быть подвезена по железной дороге к моменту пограничного сражения на французском фронте лишь для того, чтобы вызвать удивление и насмешку бойцов. Но что было бы смешным и нелепым в августе 1914 г., то в условиях борьбы второй половины 1916 г. оказалось приемлемым, целесообразным и даже эффективным, несмотря на свою примитивную и несуразную техническую конструкцию.

Как видим, броня, окаймленная гусеницей, с мотором внутреннего сгорания должна была сделать ряд скачков, пройти ряд качественных и количественных изменений в своем закономерном развитии, с тем чтобы найти свое место для соответствующего использования как в позиционный (1916—1917 гг.), так и затем в полуманевренный (1918 г.) периоды империалистической войны.

Совершенно ясно, что если бы современные быстроходные с большой маневренной способностью высококачественные танки появились уже в августе 1914 г., то они приняли бы самое действительное, самое решительное участие в марш-маневре немцев к Парижу. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; этому новому оружию необходимо было пройти в своем развитии ряд этапов и отнюдь не случайных, а вполне закономерных.

Когда маневренный период мировой войны уступил место периоду позиционному, то поля сражения резко изменили свой вид: окопы с проволокой, сложные фортификационные постройки и железобетонные сооружения тянулись у обеих враждовавших коалиций на десятки сотен километров в длину, имея от переднего края этой оборонительной линии развитые укрепления в глубину, с хорошо организованной системой огневого взаимодействия пулеметов и артиллерии.

Позиционная война с ее минимальным успехом продвижения пехоты в глубь обороны противника, с «успехом» атаки, дававшей за сутки продвижение в сотню, другую метров при огромных потерях в живой силе, потребовала новой техники. Оперативно-тактическая действительность потребовала нового технического оружия прорыва, которое бы обеспечило более эффективные действия для живой силы. Вот в этой-то обстановке позиционной действительности в конце 1916 г. английский генеральный штаб дал своей армии первый танк мировой войны, танк типа «Марка-1»; впервые 15 сентября 1916 г. в сражении на р. Сомме 49 этих сухопутных броненосцев с ограниченным запасом горючего англичане подвезли к месту действия по железной дороге и двинули в бой; до 17 танков испортилось и вышло из строя, 32 танка доползли до проволоки и оборонительной полосы противника и захватили в плен 2½—3 сотни перепуганных немцев, увидевших впервые это новое оружие. Эти танки уничтожили 1 неприятельское орудие и сами в этом бою потеряли от артиллерии 14 единиц. Таким образом, первое боевое крещение обошлось английским танкам в 21 единицу из 49.

К моменту стратегического развертывания сторон на французском фронте в 1918 г. воюющие армии располагали следующими типами танков с их технико-боевыми свойствами (табл. 26, стр. 358).

Несмотря на свою исключительную уязвимость при сближении с противником, который мог эти огромные слеповатые стальные коробки расстреливать огнем артиллерии, все же танк явился тем новым оружием, которое могло, как никто до этого, итти «напролом» на окопы укрепленной позиции, сокрушать на своем пути

Таблица 26

	Преодолевание окопа в метрах	Вес в тоннах	Мощность мотора в лошадиных силах	Скорость км/ч.		Вооружение	
				максимальная	средняя	пушек	пулеметов
Лёгкий танк							
3-тон. Форд	1,5	3,5	22	12,5	6	1 или	1
6-тон. амер. А	1,85	6,6	40	10,6	6	1 или	1
Средний танк							
Марка-В (анг.)	2,5	18	100	9,6	5,5	1	2
Тяжелый танк							
Франц. С 2	4,5	68,5	500	9,6	5,5	2	4
Герм. А-7 V	3,5	30	200	12	6,5	1	6
Марка-1 (анг.)	4	27 и 28	180	8	5	2	3

всякого рода препятствия (деревья, проволочные сети, брустверы и пр.) и прокладывать путь наступающей за ним пехоте. Неудовлетворительная техническая конструкция танков периода мировой войны, при незначительной помощи танков наступающей пехоте, влекла за собой огромные потери в танковых частях. Артиллерийский огонь противника и вновь изобретенные специальные противотанковые орудия и пулеметы в боях 1917 и 1918 гг. выводили сотни танков из строя.

Но эта гибель, повторяем, приносила и огромную пользу, она экономила живую силу наступающему. Так например, в сражениях в районе Виллер-Коттере в июле, когда участвовало 250 танков и затем 8 августа 1918 г. — 500 танков, союзники воочию убедились, что без массы этих танков они не достигли бы тех решительных успехов, которые им удалось получить, одновременно введя в бой по нескольку сотен единиц этого нового оружия. И уже к концу мировой войны появились один-два типа новых танков более быстроходных, с большим радиусом действия, правда с меньшей пробивной способностью, но с гусеничным ходом, дававшим возможность таким танкам (в отличие от броневых машин, движение которых зависит от состояния грунта) двигаться без дорог.

Как видим, танк родился в позиционный период мировой войны, в ней он получил свое первое боевое крещение; несмотря на свою техническую немощь, он прилагал все усилия, чтобы помочь пехоте выйти на маневренное поле, он толкал своей тяжелой броней

совместно с авиацией, химическим оружием и артиллерией позиционную войну к тому, чтобы она скорее переросла в маневренную; после первого же боевого опыта он непрерывно стал технически развиваться и совершенствоваться и на этом пути добился огромных успехов. Современные типы танков 1933—1935 гг. во всех отношениях отличаются от своих собратьев по мировой войне, так же как наполеоновская пушка — от современной скорострельной гаубицы, а раз так, то и методы использования и боевого применения этого нового могущественного средства истребления в будущей войне будет другим, чем это мы видели в период 1916—1918 гг.

Итак, в эпоху империалистической войны танк появился на полях боя как оружие прорыва, как ударная сила пехоты против инженерной и огневой силы обороны, имея в себе уже зерно, для того чтобы перерасти посредством своей подвижности, вооружения и брони в оружие наступления.

В период с 1914 по 1918 г. включительно развитие автомобильного транспорта, т. е. оперативных перевозок войск и грузов посредством автомобиля, происходило в невиданных до мировой войны размерах. Первый опыт тен. Галлиени с переброской на автомобилях дивизий в сентябре 1914 г. из района Парижа к р. Урку, с тем чтобы обеспечить выполнение флангового маневра союзников на Марне, как известно, удался блестяще. И с этого момента развитие применения автотранспорта для целей войны пошло вперед гигантскими шагами. Любители афоризмов говорили, что «победа союзников в 1918 г. была достигнута на волнах бензина-нефти». Если этот афоризм и страдает своей угловатостью и односторонностью, то нельзя упускать из вида, что, обладая неизмеримо большими ресурсами для питания моторов внутреннего сгорания, союзные армии оказывались в несравненно лучших условиях, чем армии держав Четверного союза. Кроме того, сильно развитая американская автомобильная промышленность с выступлением Соединенных Штатов Америки на стороне держав Антанты не могла не сыграть большой роли; при этом надо учитывать еще и тот факт, что на протяжении 1916—1918 гг. американская машиностроительная промышленность поставляла армиям союзников моторы, шасси, кузова, запасные части, инструмент для ремонта, резину, шины и пр. в сотнях тысяч и миллионах единиц.

Мировая война 1914—1918 гг. имеет богатейший опыт в области осуществления оперативно-стратегического маневра посредством автотранспорта, она же может дать сотни случаев тактических перевозок небольших частей (полк и бригада с артиллерией) пехоты для выигрыша времени и сохранения сил бойцов в предстоящем бою. Обладая свойством быстрой переброски войск и грузов на расстояния в 100—150—200 км, автотранспорт являлся и является наиболее продуктивным средством для сообщения войск с конечными железнодорожными станциями. Помимо этого, не будучи связан с рельсовой колеей, он дает больше гибкости для движения, он во всех отношениях неизмеримо производительнее конного транс-

порта, который совместно с железными дорогами был основным видом перевозок в войнах XIX и первого десятилетия XX века.

Если мы сравним производительность конного и автомобильного транспорта, то получим следующие показательные цифры: производительность работы 1½-тонного автомобиля в 6, а 3-тонного в 12 раз больше парной повозки. Автоколонна из 3-тонных грузовиков в 2½ раза короче колонны конного обоза той же грузоподъемности.

Таким образом, автотранспорт в мировую войну не мог не явиться решительным и могущественным дополнением к железнодорожному транспорту[1]). И на примере империалистической войны мы видим, как эти оба вида транспорта, работая в полном взаимодействии, в невиданных до того масштабах выполняли задания командования для переброски войск с фронта на фронт, по осуществлению ликвидации различных оперативно-тактических прорывов противника, по переброске массы артиллерийских, химических, инженерных, авиационных и продовольственных грузов, тем самым совершенно видоизменяя методы и приемы управления войсками на театре военных действий.

Уже во время операций под Верденом в 1916 г. автотранспорт, выполняя директивы командования, посредством автомобилей доставил десятки тысяч французских войск из резерва и с других операционных направлений, дав рекордные цифры в отношении времени прохождения автомобилей. Во время боев под Верденом через каждые 14 секунд, а в некоторые дни и через 5 секунд, приходил автомобиль с войсками, артиллерией, огнеприпасами и другими боевыми грузами. Всё это оставило большой конкретный материал исследователям для анализа организации массовых переброс посредством автотранспорта в современной войне.

Замечателен опыт организации стокилометровой переброски трех полных дивизий из района Шато-Тьерри в район Перонн 20 ноября 1917 г.

В 1917 г. терпевшая серьезные неудачи итальянская армия получила существенную поддержку от Франции, главным образом, посредством автотранспорта.

1918 г. является апогеем в применении в массовых масштабах автотранспорта для оперативно-стратегических целей войны. К этому времени у обеих воюющих коалиций работало более 300 000 автомобилей, причем все фронтовые и армейские резервы были оснащены автотранспортом, готовым каждый час подать десятки дивизий на атакованные участки фронта.

---

[1]) Для того чтобы наглядно представить ту существенную помощь, которую принес автомобильный безрельсовый транспорт своему могущественному собрату — железнодорожному транспорту, достаточно сказать, что за период с августа 1914 по ноябрь 1918 г. автотранспорт далеко не неполным данным перевез 23 млн. войск, 10 млн. раненых, 26 млн. пуд. различного груза, 1½ млн. пудов мяса, что при переводе на тонны даст 30 млн. тонн и 3 млн. вагонов.

Итак, уже многообразный и разнохарактерный опыт мировой войны, всемерно использовавшей автомашины, привел к общему выводу, что посредством только автотранспорта или при комбинации его с железнодорожным транспортом можно широко осуществлять различного рода оперативно-стратегический маневр. Этот новый вид перевозки войсковых частей, технических средств и грузов дает возможность быстро парировать удары противника, создавать для него оперативные группировки на различных направлениях с целью удара и контрудара; при преследовании противника обходными путями перехватить в его тылу выгодные рубежи и переправы, с тем чтобы заставить его сражаться с перевернутым фронтом и зажать врага в тиски с фронта и тыла; создать такую оперативную группировку, которая после её перехода в наступление будет внезапной для противника и по мощности и по количеству появившихся новых частей, которые до этого противник посредством разведки фиксировал на других оперативных направлениях или в армейских и фронтовых резервах и пр. И если все это уже можно было осуществлять в той или иной степени, когда главные державы воюющих коалиций располагали к 1918 г. по 80—100—150—180 тыс. автомашин, то в настоящих условиях, в связи с широкой моторизацией современных армий, когда автопромышленность дает более технически современные типы машин (вездеходные, более мощные по быстроте и грузоподъемности), мы будем наблюдать неизмеримо больший и количественный и качественный размах в применении автотранспорта.

Выше мы уже говорили о тех просчетах, которые были допущены большинством генеральных штабов европейских армий в отношении боевого использования современной артиллерии. Все те просчеты, которые были допущены с вопросом насыщения дивизий и корпусов артсредствами, а также просчеты с нормами насыщения современной артиллерии огнеприпасами, с недооценкой большинством армий (кроме германской, см. ниже таблицу 27), тяжелой артиллерии, — приходилось исправлять уже в процессе самой войны.

Таблица 27

Страна	Дивизионная			Корпусная		Количество тяжелых орудий в процентном отношении к количеству легких орудий	
	75—77-мм пушка	100—122-мм гаубица	Всего орудий	75-мм пушка	155-мм гаубица в России 122-мм	в войск. артиллерии	во всей полевой артиллерии
Франция	36	—	36	48	—	0	7,4
Германия	54	18	72	—	16	10	33,3
Австро-Венгрия	36	12	48	—	8	7,7	5,5
Россия	48	—	48	—	12	0	3,5

Почти все армии вышли на войну, опираясь на чрезвычайно недостаточный опыт русско-японской войны в отношении боевого использования артиллерийских средств подавления. Но если можно было предвидеть, что мировая война не окончится в 2—3 месяца после ее начала, а отсюда сделать соответствующие выводы в области насыщения современных армий тяжелой артиллерией, соответствующим количеством огнеприпасов и не рассчитывать вести войну лишь с одними мобзапасами, то, конечно, было трудно предвидеть, что уже через год война совершенно изменит свой общий вид, коренным образом изменятся боевые порядки войсковых частей, а отсюда и методы и способы управления войсками.

Если бы мы в августе 1914 г., после того как уже определился характер боев и огневой атаки в операциях под Льежем, Мезьером, Намюром, после большого пограничного сражения в районах Монса, Шарлеруа, Динана, Лонгви и на реке Самуа, спросили знаменитого германского артиллериста Брухмюллера о возможности такого развития артиллерийских средств, что через год, другой войны ему придется группировать их совершенно иначе, мы более чем уверены, что Брухмюллер не согласился бы с возможностью того развития и использования артсредств, автором которого он сам явился уже в 1916 г. Он не согласился бы с тем, что для преодоления обороны противника нужны будут на участках дивизий специальные артгруппы разрушения и поддержки пехоты (ИКА), на участках корпусов — артгруппы для борьбы с артиллерией противника (АКА), кроме того, на участках корпусов специальные дальнобойные артгруппы для дальнего боя и фланкирующие группы (ФЭКА) или тяжелые группы большой дальнобойности на фронте армии (ШВЭФЛА). Брухмюллер был верным учеником Шлиффена и он твердо верил, что английский военный министр Китчинер глубоко ошибается, говоря, что возникшая в августе 1914 г. мировая война по-настоящему разовьется лишь летом 1916 г. Не для того германский империализм 40 лет готовился к войне, чтобы растянуть ее на годы. Брухмюллер твердо верил, что германская империя через год будет уже подписывать в одной из столиц Европы победный для себя мирный договор, а поэтому такое нагромождение артиллерийских средств может быть лишь фантазией досужих людей, еще плохо разобравшихся в сущности современной войны.

Или кто мог даже в 1915 г. предвидеть, что перед атакой пехоты артиллерийская подготовка потребует неслыханно большого количества времени? Ни одно командование европейских армий, ни один специалист в вопросах артиллерии не предвидели перед войной и в начале её, что артиллерийская подготовка будет продолжаться несколько дней.

Ни в 1914 ни в 1915 гг. никто не мог поверить, что, например, артиллерийская подготовка на Сомме в июле 1916 г. у французов перед атакой пехоты будет продолжаться 7 дней. Но уже после результатов этой артиллерийской подготовки и атаки стало для многих ясно, что тенденция к дальнейшей еще большей длительности

будет еще более развиваться. И если бы мы после этой атаки спросили французское командование, возможно ли, что через год в апреле 1917 г. на р. Эн артиллерийская подготовка будет продолжаться не 7, а целых 10 дней, то, как это явствует из многочисленной литературы по артиллерийским вопросам, — последовал бы вполне утвердительный ответ.

Большинство артиллеристов в апреле 1917 г., исходя из всестороннего изучения опыта боев на Эне, считало, что 10 дней это еще не предел. И действительно, через три месяца, в июле 1917 г. во Фландрии артиллерийская подготовка продолжалась уже 15 дней. И когда подсчитали, что за эти дни артподготовки на фландрские поля сражения на каждый погонный метр фронта уложили 1 000 снарядов, а за 15 дней было израсходовано 14 млн. снарядов при наличии чрезвычайно незначительного общего оперативного успеха атаки-наступления, то всем стало ясно, что позиционная война зашла в тупик.

Атакующие войска оказались в безвыходном, тяжелом положении, а сама артиллерия начинала терять веру в свое могущество, в свои технические свойства. И действительно, стали поступать катастрофические данные о порче материальной части артиллерии. Во французскую ставку главного командования в начале 1917 г. поступали тревожные цифры, что от длительной ураганной стрельбы 2 100 орудий разорвались, 2 300 орудий испортились настолько, что стрельба из них уже стала невозможной и бесцельной, что около 3 000 орудий требуют полной своей замены, так как они пришли в негодность и пр. Не лучше были сведения о состоянии материальной части у других армий.

Таким образом люди гибли тысячами, артиллерия расходовала в огромных цифрах огнеприпасы, сотни орудий выбывали из строя, и все это давало мизерные оперативно-тактические результаты в бою. Все в один голос стали говорить о необходимости форсирования производства новой техники — танков, химического оружия, тяжелой авиации, с тем чтобы посредством комбинированного использования этих средств истребления достигнуть более конкретных перспектив в преодолении оборонительных полос противника, с тем чтобы выйти на маневренное поле. И вот когда появились сотни танков, сотни самолетов, когда использование химического оружия стало более эффективным (посредством не газобаллонных атак, а посредством артиллерии и авиации), у артиллерии открылись новые возможности. При наличии этих средств во время организации прорыва открылась возможность 10—15-дневную артподготовку свести буквально к минутам, а то и совсем не производить, а этим самым достигалась внезапность атаки на том или другом участке фронта.

Опыт длительной многодневной артподготовки воочию всех убедил, что артподготовка является самым верным сигналом для противника о начале контрнаступления. Всилу этого он принимал различные контрмероприятия. И за те дни, когда сотни тысяч снаря-

дов громили оборонительную полосу противника, в это время в его тылу шла деятельная подготовка, с тем чтобы во всеоружии встретить атакующие пехотные части. И когда после многодневной артподготовки поднимались в атаку пехотные дивизии, то они встречали самое жестокое сопротивление. В большинстве случаев атака терпела неудачу, захлебывалась в своей крови, или давала мизерное продвижение от исходной линии наступления.

Введение в дело массового количества танков (100—180—250—450) принесло огромное облегчение артиллерии; последняя уже в боях 1918 г. сосредоточивала свои усилия, главным образом, на подавлении артиллерии противника и на уничтожении его различных противотанковых огневых средств. Бои на французском фронте в 1918 г. дают богатый материал эффективной работы артиллерии, когда она, по-новому используя все виды и типы орудий, свое огневое содействие оказывала танкам и пехоте, боровшимся в глубине неприятельской оборонительной полосы. Скачки в количественном и качественном состоянии вооружения у воюющих государств с каждым новым месяцем войны увеличивались. Если бы мы взяли цифры за 1916 и 1917 гг., то получили бы следующие артиллерийские нормы на 1 000 штыков в главнейших армиях (см. таблицу 28).

Таблица 28

	Легких пушек	Тяжелых орудий	Пулеметов	Ружей-пулеметов
Германия	3	3,9	6,5	1
				8
Франция	4	2,9	8,7	20
	4,5	3,5	9,3	62
Англия	3,8	2,4	4,7	11
	4,2	2,7	5,1	16
Италия	3,7	3,7	5,3	—
	3,9	5,2	6,3	
Россия	3	1,0	6,2	4,5 (в 1917 г.)
	3,1	1,1		
Австро-Венгрия	4,2	1,9	5,1	—

Примечание. Числитель относится к 1 ноября 1916 года, знаменатель — к 1 апреля 1917 г.

Такое насыщение техникой воюющих армий дало возможность значительно насытить вооруженные фронты орудиями и пулеме-

тами. Если бы мы взяли данные к началу 1917 г. на главнейших фронтах мировой войны, то получили бы следующую плотность орудий и пулеметов на 1 км фронта (см. табл. 29).

Таблица 29

Фронт	Протяж. в км	Легкие орудия	Тяжелые орудия	Пулеметы
Западный (англо-французский и германский)	650	14,1	9,8	26
Итальянский	250	5,1	5,3	7,5
Русский (восточный)	1 800	3,0	1,1	6

Как увидим ниже, огневая насыщенность еще более увеличилась в финальный 1918 г. на Западном фронте, достигнув своей предельной величины, когда на 1 км фронта прорыва сосредоточивалось 120 орудий, 500 и более пулеметов [1]).

Всилу этого обстоятельства 1918 г. по праву является родоначальником современной тактики и современной операции.

До массового применения танков никто бы не решился пророчествовать и утверждать, скажем в апреле 1917 г., что многодневная артиллерийская подготовка в мае—июле 1918 г. сведется или к минутам, или к короткому огневому валу, под прикрытием которого сейчас же пойдет в атаку пехота. Таким образом, всякое научное предвидение имеет свою закономерность.

Настоящая же наука без опыта и без конкретных живых фактов существовать не может. И если мы в богатейшем опыте сражений 1918 г. уже видим зерно, зародыш современного боя и операции, то это также было предвидено Энгельсом задолго, за 37 лет до мировой войны, когда он писал о значении техники в армиях будущего. Уже из опыта империалистической войны каждому среднему уму было ясно, что «победа насилия зиждется на производстве оружия, а последнее, в свою очередь, на производстве вообще», т. е. на экономической мощи, что «победа и поражение зависят от материальных, т. е. экономических условий, от человеческого и ру-

---

[1]) Насыщенность армий пулеметами к концу империалистической войны приняла огромные размеры. Если взять три армии, то эта насыщенность выражалась в следующих цифрах: германская армия имела около 27 тыс. станковых пулеметов и 45 тыс. ручных и легких пулеметов; французская армия — около 16 тыс. станковых и 44 тыс. ручных и легких пулеметов; английская армия — 4½ тыс. станковых и 20 тыс. ручных и легких пулеметов; американская — 5½ тыс. станковых и 16 тыс. ручных и легких пулеметов.

жейного материала, т. е. от количества и качества населения и от уровня развития техники» (Энгельс «Анти-Дюринг»). И если у читателя явится мысль, почему же то, что было Энгельсу ясно за 37 лет, не было ясно в период империалистической войны за год — за два до 1917—1918 гг., на это можно коротко сказать, что большинство и буржуазных политиков и высшего командования в империалистическую войну очень поздно уяснили себе, что развитие производительных сил страны и общее состояние народного хозяйства будут решающими факторами в мировой войне.

До мировой войны вопросами военной экономики интересовались буквально единицы, в большинстве своем имевшие очень мало отношения к конкретному руководству подготовкой государства к войне. Считалось просто вульгарным касаться, а тем более производить перспективные расчеты и подсчеты того, сколько может будущая европейская, а отсюда и мировая война вовлечь в сферу своего влияния и действий рабочей силы, сколько ей нужно будет сырья и промышленных изделий, транспортных средств и пр. хотя бы в первый период больших боев. Этими элементами военной экономики генеральные штабы почти не интересовались, они были заняты большими вопросами чисто оперативно-стратегического порядка (т. е. военно-технической стороной), мало задумываясь о всестороннем материальном обеспечении своих оперативно-стратегических замыслов, без чего никакой победы достигнуть нельзя.

Командование и штабы мировой войны, особенно в период 1914—1915—1916 гг. были заражены наполеоновской формулой, что победа на войне зависит на ¾ от морального и лишь на ¼ от материального и упорно рассчитывали на победу, строя на этих ¾ свои оперативно-стратегические замыслы, т .е. занимаясь «чудесным пророчеством», а не «научным предвидением», которое ни в какой степени не согласовывалось с этой безнадежно устаревшей пропорцией. Как мы видели выше, конкретная обстановка боев в 1917 и 1918 гг. и особенно на французском фронте воочию всех убедила, что этой наполеоновской формулой преодолеть укрепленные полосы противника невозможно и что нужно срочно создавать в массовых размерах новую технику, новые средства боя, которые бы соответствовали новым особенностям позиционного периода войны.

И надо отдать должное конструкторским изысканиям союзников, которые первые создали новое танковое оружие. Германское командование почти до второй половины августа 1918 г. очень спокойно, а подчас и скептически относилось к этому оружию. Но когда за 4 часа боя 8 августа 1918 г., в районе Амьен оно потеряло сразу около семи дивизий от внезапной массовой танковой атаки англичан, то был, во-первых, об'явлен черный день, день национального траура, во-вторых, были выкинуты лозунги о скорейшем массовом создании танковых и противотанковых средств. Но было уже поздно, так как война шла к своему благоприятному концу для могущественной коалиции держав Антанты, к которой прибавились

новые огромные технические ресурсы Соединенных Штатов Америки и новые сотни тысяч молодых американских солдат.

Гигантский размах технического насыщения огневыми средствами воюющих коалиций произвел целый переворот в вопросе соотношения численности важнейших родов войск. «Царица полей сражения» — пехота, а за ней и конница (которая совершенно не сумела использовать с пользой для себя новую технику[1]) в процентном отношении к последнему году войны значительно сократили свой численный состав по сравнению с августом 1914 г.

Следующая таблица процентного соотношения численности важнейших родов войск к 1914—1918 гг. дает наглядную картину, во-первых, появления новых технических средств борьбы (авиация, танки), во-вторых, огромного увеличения удельного веса артиллерии, как рода войск (см. таблицу 30)[2]).

Таблица 30

Род войск	Германия		Франция		Англия	
	1914	1918	1914	1918	1914	1918
Пехота	60,6	39,3	71,8	50,4	53,9	31,9
Кавалерия	4,7	1,6	4,8	4,0	7,7	1,0
Артиллерия	17,0	23,0 (с минометами)	18,1	35,7	16,3	27,6
Авиация	0,3	2,3	0,4	3,0	0,5	2,0
Танковые части	0,0	—	0,0	1,0	0,0	1,0

Если бы мы попытались проследить численный состав воюющих коалиций по годам войны, то увидели бы, что, несмотря на огромные потери в личном составе, которые несли обе стороны в больших операциях и сражениях[3]), все же численность армии (в отношении количества дивизий) в 1916—17 гг. продолжала расти.

На примере французской и германской армий мы видим следующий показательный рост количества дивизий по годам войны (см. таблицу 31, стр. 368).

---

[1]) Так например, если во французской армии в 1914—1915 гг. было 10 кавдивизий, то в 1917 г. лишь 6, а в 1918 г. конница почти сошла со сцены, превратившись в ездящую пехоту. В германской армии кавдивизии в 1917—1918 гг. были совсем сняты с французского фронта и переведены на русский фронт и в колонии.

[2]) Кирилов-Губецкий. Современная артиллерия, стр. 22.

[3]) См. приложение 2.

Таблица 31

Государства	Август 1914 г.		Декабрь 1915 г.		Декабрь 1916 г.		Декабрь 1917 г.		Июнь 1918 г.	
Франция (количество дивизий) . . .	93		119		124		119		119	
	Зап.	Вост.	Зап.	Вост.	Зап.	Вост.	Зап	Вост.	Зап.	Вост.
Германия (количество дивизий) . . .	76	19	105	54	124	76	172	62	149	36
	95		159		200		234		135	

Но за эти годы, если не особенно сильно изменилась общая численность живой силы дивизии, то вооружение дивизии стало иным.

Следующая таблица дает общее представление о степени изменения численного состава и вооружения пехотной дивизии в первом и последнем годах мировой войны (см. таблицу 32).

Таблица 32

Страны	Общая численность людей	Лошадей	Пулеметов		Минометов		Орудий			Повозок	Пехотн. пушек 37-мм
			легких	станковых	тяж. и средних	легких	пушек легких	гаубиц	тяжелых		
Германия											
1914 г. . . .	17 300	2 800	нет	24	нет	нет	54 (77)	18 — (16,5)	нет	670	нет
1918 г. . . .	15 750	4 300	216	108	9	18	24 (77)	12 (10,5)	12 — 16 + 2 зен.	1 355	1 бат. и 38 див.
Франция											
1914 г. . . .	15 870	2 600	нет	24	нет	нет	36 (75)	нет	нет	520	нет
1918 г. . . .	12 880	4 200	576	108	3	—	36 (75)	12	—	1 000	3

Если бы мы попробовали подсчитать к началу решительных операций в 1918 г. соотношение обеих воюющих коалиций, то получили бы весьма показательную картину, говорящую о грандиозном размахе мировой империалистической войны с ее огромным количеством втянутых в дело дивизий, с её миллионами бойцов, с колоссальным невиданным до этого количеством легкой и тяжелой артиллерии и количеством танков, перевалившим за цифру в 1½ тысячи, с 10 000 боевых самолетов и пр.

При этом, если мы всмотримся в количественный процент тяжелой артиллерии по отношению к легкой и другим средствам современного сложного боя, то этот процент исчисляется у союзников и центральных держав в подавляющих цифрах.

Следующая общая сводная таблица наглядно показывает соотношение сил обеих коалиций к середине 1918 г.

Таблица 33

	Пехотные и смешанные дивизии	Кавалерийские дивизии	Орудий полевой легкой артиллерии	Орудий тяжелой артиллерии	Общая численность
Союзники					
Западный фронт	200	10	11 481	8 323	3 592 242
Итальянский фронт	57	—	3 876	3 112	1 449 000
Балканский фронт	26	1	1 052	429	430 000
Азиатский фронт	10	3	?	?	125 000
Итого	293	14	16 409	11 864	5 596 242
Центральные державы					
Западный фронт	209	—	10 800	7 300	3 273 000
Итальянский фронт	63	—	4 400	1 600	1 198 000
Балканский фронт	17	—	1 052	189	400 000
Азиатский фронт	17	—	—	—	100 000
Итого	306	2	16 252	8 089	4 971 000
Русско-румынский фронт	54	8	—	—	—

О чем в основном могут говорить все эти вышеприведенные цифры и факты? Они твердо показывают, что при таком огромном развитии технических средств истребления (авиация, танки, артиллерия, химическое оружие с его боевыми газами, дымовыми заве-

сами, огнеметами, фосфорными бомбами, дававшими всепожирающее пламя, маскирующий дым и пр.) и многомиллионной численности армий в методах и способах управления современной войной не могли не произойти серьезные изменения. И не случайно, а вполне закономерно в связи с дальнейшим развитием политико-социальных и военно-технических факторов высшее командование обеих воюющих коалиций приходило к той или другой перемене, к тому или другому изменению приемов и способов управления операциями как в стратегическом, так и оперативно-тактическом отношении.

Уже в конце 1914 г. и в 1915 г. на всех европейских фронтах мировой войны оборонительные линии обеих сторон потянулись от моря до моря или до нейтральной границы того или другого государства (Швейцария, до 1916 г. Румыния и пр.).

Обе воюющие коалиции стремились опередить друг друга в количественном и качественном развитии технических средств истребления, доведя до огромных размеров производство тяжелых орудий, пулеметов, огнеприпасов с основным желанием опрокинуть обороняющиеся войска и выгнать их из окопов и крепких убежищ на маневренное поле. В этот период стрелковая цепь, поддержанная артиллерией и контратакующими резервами, из чего в основном строилась линия обороны в маневренный период последних месяцев 1914 г., под влиянием новых технических средств стала расти в глубину. Одна первая линия обороны, которая уже не могла обеспечить удержание занимаемого расположения, получила в глубине еще вторую и третью на расстоянии друг от друга в 4—6 км. Таким образом, первые попытки прорваться по всему фронту сейчас же встречали со стороны обороняющегося новые преграды, новые «заборы», обеспеченные проволокой и фортификационными сооружениями.

Появление в широких размерах авиации, вооруженной фотоаппаратами, заставило срочно развить контрмероприятия, с тем чтобы посредством маскировки и применения зенитной артиллерии затруднить противнику воздушные наблюдения. Длительная по времени артиллерийская подготовка заставила прибегнуть к новой хитрости, сперва к созданию так называемого передового поля, а затем умышленному оставлению перед атакой первой линии, с тем чтобы на заранее подготовленной второй линии встретить мощным контрударом атакующего.

Появление химического оружия после первых значительных потерь, о которых говорилось выше, заставило обороняющегося, во-первых, срочно создать противогазы, а во-вторых, возвести в огромном количестве в глубине оборонительных полос газонепроницаемые убежища.

Массовое применение танков вызвало к жизни артстрельбу прямой наводкой, противотанковые орудия и противотанковые пулеметы и применение различного рода завалов, ловушек, устройство минных полей. Огромное развитие пулеметного оружия разного

вида (легкие, тяжелые, ручные) и обильное снабжение им пехоты расчленило длинные наступающие цепи 1914—1918 гг., которые легко косились пулеметным огнем противника, в небольшие группы. Эти группы, вооруженные пулеметами, легче маскировались, несли меньше потерь, а по силе огня и в наступлении и в обороне были весьма эффективны. Широкое применение автотранспорта дало в руки командования сильнейшее средство в виде быстрого маневрирования пехотными, бронетанковыми и артиллерийскими резервами для контрудара.

Получив в свое распоряжение мощные средства подавления (артиллерию усиления, авиацию, танки, химическое оружие), атакующие войска тем самым получили ударную силу для прорыва оборонительных полос противника. Эти средства подавления и характер обороны противника совершенно изменили способы осуществления атаки, как самого решительного этапа боя. Удар в штыки со стремительной скоротечной схваткой теперь уступил место более длительной борьбе. Пехота, расчлененная на боевые группы, при поддержке пулеметного и артиллерийского огня и танков пробивала себе дорогу гранатой. Она боролась не только на переднем крае обороны противника, но и в её глубине, рукопашные скоротечные схватки стали редки, так как борьба значительно растянулась во времени и пространстве. Боевые группы бойцов, вооруженных в основном тяжелым и легким пулеметом, а также ружейной и ручной гранатой, применяясь к местности, маскируясь в тысячах воронок, густо разбросанных по полю боя от артстрельбы, обтекая огневые точки противника или беря их во фланг, довольно медленно, шаг за шагом преодолевая упорное сопротивление обороняющегося, продвигались вперед.

Уже в 1917—1918 гг. во весь рост встали перед наступающим два основных вопроса: 1) четкое взаимодействие всех родов войск с одновременным ударом всех средств нападения по огневым точкам, богато разбросанным противником и на переднем крае обороны и в глубине оборонительных полос, удар по артиллерии и резервам обороняющегося и 2) четкая боевая и политическая подготовка одиночного бойца, который должен быть прекрасным стрелком (винтовка, ружье-граната, метание гранаты, легкий и тяжелый пулемет); исключительно поднялась роль младшего командира, политическая и тактическая подготовка которого должна была быть безукоризненной.

Эти требования к отдельному бойцу и младшему командиру и к вопросу взаимодействия родов войск в новых условиях боя и с новыми техническими средствами в 1918 г. получили лишь свое п е р в о н а ч а л ь н о е развитие. Но характер боев 1914—1918 гг. безусловно показал пути, по которым в дальнейшем пойдет развитие вопросов наступления и обороны в современной войне. Как видим, уже к началу решительных операций 1918 г. каждое новое действие одной стороны вызывало быстрое противодействие с другой. И опыт боев под Верденом, на Сомме и ряд наступательных и обо-

ронительных операций в 1918 г. со всей твердостью показали чрезвычайную трудность преодолеть современную оборону противника и заставить последнего сражаться, как это было в августе, сентябре и октябре 1914 г., в условиях широкой маневренной войны. Сперва командование обеих сторон думало, что оно допускает грубую ошибку, атакуя в 1915 г. на узком фронте (Шампань, Артуа, прорывы на фронте 4—8—10 км), но затем, со значительным увеличением в 1916—1917 гг. артиллерийских средств подавления, атаки на более широком фронте до 20—25—30 км, также всилу хорошо организованной обороны, давали крайне мизерные результаты в продвижении вперед от исходной линии атаки.

Появление нового танкового оружия внесло некоторое разнообразие в успех атакующего, но еще далеко не решало основной задачи — настолько сломать фронт широкой и глубокой обороны, чтобы противник уже не мог к ней быстро вернуться. Первые большие наступательные операции 1918 г. с их прорывами на 70—80-км фронте, с их массовым применением авиации, танков и артиллерии, кроме неглубокого продавливания оборонительной полосы на том или другом оперативном направлении, ничего большего не дали.

Военное искусство позиционного периода, зайдя в тупик, страстно желало посредством внезапных артподготовок, массового применения авиации и танков, невиданного оснащения пехоты пулеметами и пр. разрушить этот тупик, но эти все усилия фактически оказались тщетными. Тогда оборона противника в 1917—1918 гг. не была настолько оперативно-тактически успешно потрясена, чтобы этот успех наступающего перерос в широкую стратегическую победу. Оперативно-тактические прорывы создавали мешки на том или другом направлении в оборонительной линии противника. Но эти мешки посредством широкого применения фронтовых резервов из глубины и других участков б р а л и с ь в о ф л а н г о в ы е к л е щ и у с в о е г о о с н о в а н и я и через месяц другой ликвидировались, сводя на-нет недавний призрачный успех наступающего.

Борьба двух воюющих коалиций в 1917—1918 гг. похожа на соревнование двух богатырей, равных по своей общей силе, но стремящихся посредством разного рода хитростей нанести смертельный удар друг другу. Борьба продолжалась безуспешно, нужна была новая могущественная реальная сила одному из этих богатырей. Вот почему не военное искусство командования, а политико-экономическое и военно-техническое истощение одной коалиции и усиление в решающий момент за счет Америки другой привели империалистическую войну к версальской развязке, которая, туго стянув петлю на шее побежденного, открыла страницу новых войн и революций.

Для того чтобы яснее воспринять методы и приемы стратегического развертывания сил в 1918 г., главным образом, на западном (французском) фронте, необходимо не только помнить вышеприведенные цифры и факты тех изменений, которые произошли в технической реконструкции армий и численности живой силы, но

совершенно необходимо знать и те изменения, которые произошли в политическом бытии массовых армий мировой империалистической войны. Война есть насквозь политика, а политика есть сконцентрированная экономика; всилу этого обстоятельства нельзя правильно понять основного смысла в изменениях роста численности и силы вооружения и развития техники, упуская из вида эти решающие политические, социальные и национальные факторы.

Война неотделима от капитализма, империализм же, как высшая стадия капитализма, есть насквозь реакционная война. Благодаря этой войне, если она для него удачна, капиталистический строй получает возможность еще дальше продлить свое временное пребывание у власти. Вот почему капиталистический «мир» всегда являлся и является лишь передышкой для новых войн.

Капиталистические классы в августе 1914 г. посредством шовинистического угара сумели поднять и двинуть в об'ятия империалистической войны миллионные массы; одна лишь царская Россия за войну мобилизовала свыше 18 миллионов чел., а в армиях союзников в 1918 г. находилось 25 миллионов чел., включая в эту цифру военнослужащих в тылах [1]).

Но было бы примитивным думать, что политическое состояние империалистических армий на протяжении 1914—1918 гг. осталось одинаковым. Вернее, каждый новый день, неделя, месяц войны под влиянием целого ряда политико-экономических, классовых и военно-технических причин резко отличались круг от друга.

И несмотря на то, что политическая пропаганда в империалистических армиях в процессе мировой войны доходила в своих методах и способах «уговаривания» народных масс до виртуозности, несмотря на то, что капиталистическая буржуазия, борясь за власть, беспощадно и жестоко расправлялась и на фронте, и в тылу с теми, кто пытался помешать ей вести войну до победного конца, несмотря на все это, боевая дисциплина в армиях воюющих коалиций с каждым новым месяцем войны становилась все слабее.

[1]) «Массовые армии являются неизбежными, несмотря на рост техники, на разряжение боевых порядков, несмотря на то, что в сфере действия пехотного огня противника в современной операции и бою находится значительно меньше бойцов, чем раньше, так как одновременно глубина боевого порядка сильно возросла. Кроме того, требуется большое количество обслуживающего личного состава в тылу части, соединения, армии и фронта. Так, по данным ген. Дебеней, с сокращением численности французского стр. бат-на от 1 000 до 700 чел., в период с 1914 до 1918 гг., 300 чел., вооруженных винтовками, сокращенных в связи с введением 40 ручных пулеметов, обслуживают боевое питание и тыл части. Каждый ручной пулемет требует 7—8 человек для этой работы, что в итоге дает 300 человек, снятых с первых линий. Танк, имея в бою двух бойцов, требует 16 человек для своего обслуживания и перевозок. Самолет, имея в воздухе одного летчика и одного пулеметчика, требует работы 60 человек для своего ремонта, снабжения, аэродромного обслуживания и воспроизводства материальной части; кроме обслуживающего личного состава в тылу каждая действующая армия требует мощных резервов для новых операций, для нанесения окончательного поражения противнику, для занятия завоеванной территории». Статья Венцова «Армия» (Советская военная энциклопедия, том I, стр. 639).

Царская армия после непрерывных поражений, понесенных ею на всех боевых фронтах, в 1917 г. совершенно развалилась.

Прогнозы Энгельса и Ленина, что современные массовые армии империализма полны глубокими внутренними противоречиями, что классовая борьба, несмотря на жестокие политические репрессии, постоянно раздирала и будет раздирать массовые армии капитализма, вполне оправдались.

Армии Антанты и Центрального союза после выхода царской армии из войны еще продолжали свое кровавое соревнование. Но в конце 1917 г. политики буржуазии и высшее командование обеих империалистических коалиций на примере царской армии ясно поняли, что неудачи вроде германского наступления под Верденом в 1916 г., после которого во многих десятках германских войсковых частей началось брожение, случаи невыполнения боевых приказов, отказ итти в наступление, факты убийств офицеров, которые жестоко расправлялись с «бунтовщиками и мятежниками» — скрыть от широких масс уже нельзя.

Но у союзников был свой «Вёрден»; например, после провала весеннего наступления ген. Нивелля [1]) в 1917 г. во французской армии более чем в 150 войсковых частях началось брожение и эти войска оказались в состоянии полной небоеспособности.

Многочисленные факты арестов солдатами офицеров и их избиение в бунтующих частях стали повседневными и лишь беспощадные расстрелы сотен и тысяч неповинующихся генералом Петэном, а также агитация за скорое окончание войны, введение целого ряда «льгот» и подброска ряда материальных подачек солдатской массе сделали свое дело и мировая война вступила в свой финальный 1918 г.

Октябрьская революция в России, установление советской власти, которая с первого же часа своего существования приступила к реальному осуществлению выхода из империалистической войны, передала буржуазно-помещичью землю, заводы, фабрики, банки, рудники и пр. в руки рабочих и беднейших крестьян — все это, как подтверждают в своих мемуарах Пуанкаре, Клемансо, Жоффр, Фош, Людендорф, Черчилль и др., имело горячий отклик и сочувствие в широкой солдатской массе, боровшейся на западно-европейском фронте империалистической войны.

Людендорф и Черчилль заявляют, что войсковые части, которые в 1917 и 1918 гг. были посланы в период начинавшейся интервенции на русский фронт, были уже сняты со счетов, так как те из

---

[1]) Ген. Нивелль прославился в 1916 г. как лучший организатор обороны Вердена, в декабре 1916 г. он заменил Жоффра в качестве главкома армий «севера и северо-востока». Наступление Нивелля, к которому очень долго готовились англо-французы, провалилось, так как германцы внезапно отошли на линию Гинденбурга. Но ген. Нивелль все же начал наступление в Артуа и Шампани. Прорыв не удался, англо-французы понесли большие потери. 17 мая 1917 г. Нивелля отстранили от должности главкома, вместо него был назначен ген. Петэн.

них, которые возвращались на Западный фронт, были настолько «большевизированы», что вносили лишь смуту и разложение в дивизии, продолжавшие борьбу на французских и других фронтах империалистической войны.

Таким образом, не только организационно-численный состав и техника изменились в 1918 г., коренным образом изменилось по сравнению с 1914 г. все политическое и классовое бытие империалистических армий. А бытие определяет сознание, всилу этого мы и видим, что в 1918 г. обе воюющие коалиции напрягали все усилия к тому, чтобы скорее победно закончить войну. И опять же решающим фактором в победе Антанты, повторяем, было не военное искусство её командования, а фактор политико-экономический — в виде выступления на стороне Антанты богатейшей и могущественной империалистической державы — США, которые в соединении с державами Антанты настолько экономически и военно-технически оказались сильнее, что не прошло и года, как германский империализм и его соратники (Австро-Венгрия, Турция и Болгария) были окончательно сломлены и поставлены на колени перед Парижем, Лондоном, Римом и Нью-Йорком. А все вышеизложенное еще раз целиком и полностью подтвердило то, что писал Энгельс еще в 1876 г.:

«Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия находятся в прямой зависимости от данной степени развития производства и средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев совершало перевороты в этой области, а изобретение лучшего оружия и изменение в составе армий; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось лишь приспособлением способа войны к новому оружию и новым бойцам» [1]).

Развивая и обобщая эти мысли Энгельса, Ленин писал в период Мировой войны 1914—1918 гг.:

«Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики, с записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие» [2]). И в другом месте: «Для марксиста важно из-за чего ведется данная война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска. Из-за чего ведется данная война? Это указано в нашей резолюции [3]) (основывающейся на политике воюющих держав, которую они вели десятилетия до

---

[1]) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. ГИЗ. 1928 г., стр. 154.

[2]) Ленин. т. XIX, стр. 50, статья «О программе мира».

[3]) Резолюция конференции заграничных секций РСДРП (большевиков), происходившей 27 февраля — 4 марта 1915 г. в Берне (Швейцария) по вопросу о том «из-за чего ведется данная война», гласит: «Действительная сущность

войны). Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний и за грабеж Турции и пр. Германия за то, чтобы отнять себе колонии и самой ограбить Турцию и пр. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Изменится от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев — и это еще важнее — осуществимой политикой при победе немцев — будет тогда отнятие колоний, господство в Турции, отнятие чуженациональных областей, например Польши и т. п., но вовсе не установление чуженационального гнета над французами или русскими. Действительная сущность данной войны не национальная, а империалистская (подчеркнуто нами. Вл. М.). Другими словами: война идет не из-за того, что одна сторона свергает национальный гнет, другая защищает его. Война идет между двумя группами угнетателей, между двумя разбойниками из-за того, как поделить добычу, кому грабить Турцию и колонии. Коротко: война между империалистскими (т. е. угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями зависимости от финансового капитала и пр.) великими державами или в союзе с ними есть империалистская война. Такова война 1914—1916 гг. «Защита отечества» есть обман в этой войне, есть оправдание ее»[1]). Финальный 1918 г. империалистической войны и версальский договор, как увидим ниже, целиком и полностью подтвердили этот анализ и выводы великого Ленина, сделанные им в 1916 г., т. е. за два года до разгрома одной из империалистических коалиций — капиталистических держав Центрального союза.

современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран, и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д.». Вл. М.

[1]) Ленин„ т. XIX, стр. 199—200, статья «О карикатуре на марксизм».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА XVI

ПЛАН КАМПАНИЙ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ СТОРОН НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1918 г.

«Марксизм, — говорит В. И. Ленин, — требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма... Пытаться ответить да или нет на вопрос об определеном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития, — значит — покидать совершенно почву марксизма» [1]).

Если в 1914 г., имея огромный многообразный опыт предшествующих войн различного масштаба и опыт длительной подготовки мирного времени (после войны 1870 г. прошло 44 года) в вопросах стратегического развертывания, обе воюющие коалиции, наряду с целым рядом новых положительных фактов, как мы видели выше, все же допустили и ряд существенных ошибок, то в 1918 г. оперативно-стратегическое развертывание сторон носило совершенно иной характер и имело иное политическое и военно-техническое содержание.

Стратегическое развертывание сил и технических средств как сконденсированное выражение и реальное претворение идейного содержания данного плана войны или данной кампании в 1918 г. для обеих воюющих коалиций явилось закономерным развитием накопленного за период 1914—1917 гг. опыта. Иначе говоря, 1918 г., особенно на Западном театре военных действий, был гигантским собирателем опыта, в котором можно видеть не только большие политико-стратегические проблемы в новом свете, но где ясно видны различные детали этой сложной войны с её новыми методами управления и организацией командования, с её новой живой силой, с её новыми техническими средствами. Поскольку мы не имеем

[1]) Ленин. Сочинения, изд. 1-е, т. VII, часть 2-я, стр. 78.

к настоящему времени синтетического анализа по этому крайне поучительному и интересному вопросу, в данной главе попытаемся проделать эту работу.

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг., вобрав в себя многообразный опыт предшествующих войн, развив этот опыт дальше, с особой силой выразила в 1918 г. все это многообразие и все, что накопилось за все годы самой мировой войны. Стратегическое развертывание многомиллионных сил и гигантских технических средств воюющими сторонами в 1918 г. является подлинным диалектическим синтезом всего предшествующего этому году в развитии военного искусства в целом. Например, отдельные вспомогательные рода оружия и элементы военной техники, бывшие еще в зародышевом состоянии к началу 1914 г. (авиация, танки, боевое химическое оружие, автотранспорт и пр.), в процессе самой войны 1914—1918 гг. или развились до полной самостоятельности, или же начали своеобразно развиваться, имея в перспективе свое большое будущее (например, мото-мехсоединения), другие, уступив место новым средствам истребления, отпали.

И на примере мировой войны, её политики, экономики, оперативно-тактического и стратегического искусства, её многообразной военной техники мы видим яркое подтверждение диалектического характера её развития, как общественного явления, и диалектического, противоречивого характера развития военной стратегии. В. И. Ленин учил, что в «л ю б о м предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки в с е х элементов диалектики, показав таким образом, ч т о в с е м у п о з н а н и ю ч е л о в е к а в о о б щ е — с в о й с т в е н н а д и а л е к т и к а»[1]).

Но мы знаем, что познание человека не есть прямая, не есть «круг», а бесконечно приближается к ряду кругов, к спирали; точно так же и все происшедшие изменения в способах управления, организации командования, в развитии технических средств борьбы отнюдь не протекали просто, схематично, эволюционно-прямолинейно, а напротив, развитие шло скачкообразно, динамично, революционно.

Ибо всякая прямолинейность, односторонность, однобокое отождествление, деревянность, схематизм, окостенелость, любовь к аналогиям, к тому, что уже бесконечно изменилось во всех своих стадиях и отношениях, все это совершенно не вяжется с таким насквозь диалектичным, действенным, живым делом, каким является война и военное дело в целом и, в частности, кардинальные вопросы управления многомиллионными массами живых сил и массовой боевой техникой в современной сложной войне.

В операциях 1918 г. мы на конкретных примерах видим, как т р и н а с т у п л е н и я-п р о р ы в а немцев, так же как и контрнаступление союзников, начавшись в июле действиями 10-й армии ген. Манжена, затем массовой танковой атакой англичан в районе

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 303 (последние две строки подчеркнуты нами. Вл. М.).

Камбре 8 августа и пр., оказались внезапными для обороняющегося. А это явление более чем замечательное.

Если хорошенько вникнуть в динамику событий и перенестись в конкретную обстановку операций 1918 года с их многомиллионными массами, которые приняли участие с обеих сторон, казалось бы, что группировка и перегруппировка этих масс должна была бы быть вскрыта без особых трудностей, учитывая наличие к тому времени сотен и тысяч самолетов; и все же, повторяем, эта идея внезапности перед каждым большим наступлением той или другой стороны была в основном выполнимой.

Основные условия для оперативно-стратегического развертывания, как-то 1) безопасность, 2) превосходство в силах, быстрота сосредоточения и целесообразное расположение перед наступлением, 3) угроза сообщениям противника и тщательно продуманное обеспечение своих сообщений и, наконец, 4) захват инициативы в действиях, все это приняло свои своеобразные формы и получило новое содержание. Но опять же все это, несмотря на огромную сумму различных противодействий со стороны противника, в основном оказалось достижимым и закономерным.

Необходимо также здесь подчеркнуть, что хотя все эти основные элементы оперативно-стратегического развертывания сил и технических средств достигались, однако, процесс их осуществления не давал того качественного и количественного эффекта, как это было в войнах до мировой войны и как это было в августе 1914 г. и в наступательных операциях 1914—1918 гг. Не случайно, как это думают некоторые военные исследователи, а вполне закономерно и в полном соответствии с конкретной действительностью, шлиффеновские идеи мощных фланговых ударов трансформировались у ученика Шлиффена Людендорфа в 1918 г. в тяжеловесные мощные тараны для прорыва, в «стратегию буйвола».

Если в августе 1914 г. в Восточной Пруссии Гинденбургу—Людендорфу удалось слепо шедшую в кольцо окружения армию Самсонова уничтожить, то в последующие месяцы мировой войны попытки окружить 5-ю и 10-ю русские армии не удались. «Канны» не удавались в армейском и фронтовом масштабе театра войны, они везде встречали прямо непреодолимые трудности.

Скорость движения ударных фланговых группировок была таковой, что с началом наступления для противника становилось ясным, что с ним хотят сделать. И если наступающий перед атакой сохранял идею внезапности, то затем, после первых же шагов движения вперед, сразу же терял внезапность, а противник, оставляя заслоны, теряя пространство, ускользал задолго до того времени, когда ударные фланговые группировки в каком-то районе—пункте должны были сомкнуться. Так было в операциях 1914—1916 гг., и тем более «Канны» оказались невозможными в конкретных условиях операций 1917—1918 гг., хотя отдельные элементы «Канн» и их осуществление мы находим во многих операциях и боях как в первых двух, так и в последних двух годах миро-

вой войны. Читатель, тщательно изучив операции 1917—1918 гг., должен задуматься над вопросом, всилу каких основных причин хорошо и всесторонне подготовленные наступательные операции Людендорфа, а затем контрнаступление Фоша, не приносили желательных результатов. Ибо в первом случае их результатом было лишь незначительное по фронту и в глубину продвижение, во втором случае 160-километровое пространство преодолевалось в целых 90 дней, т. е. наступление давало союзным армиям менее 2 км в сутки. Играла ли здесь основную роль разновременность ударов-прорывов Людендорфа? Да и мог ли он организовать одновременный удар по всему фронту или на большем участке (как этот сделал в сентябре 1918 г. Фош и также не добился желаемых результатов), чем то было в мартовском, майском, июньском наступлении, не рискуя получить контрудар в том направлении, которое оказалось наименее защищенным благодаря тому, что было оголено по отношению к фронту главного удара? Или, возможно, главную роль играло здесь то обстоятельство, что действия одной стороны с началом наступления сейчас же встречали сумму мощных противодействий с другой? Или были иные причины, всилу которых военное искусство периода позиционной войны, зайдя в тупик, так и не сумело выйти из него на маневренный простор?

В этой главе мы не можем во всех подробностях разбирать оперативно-стратегические операции и бои 1918 г. В нашу задачу не входит исследование 235-дневной кампании (119 дней наступления германцев и 116 дней контрнаступления союзников) 1918 г. Мы хотим лишь показать те основные и характерные черты, которые имеются в вопросе составления планов оперативно-стратегического развертывания грандиозных сил и технических средств, методы и способы управления этой многомиллионной массой в последний год империалистической войны 1914—1918 гг.

Для этого мы считаем полезным анализировать стратегическое развертывание сил и средств в марте (германцы) и сентябре (союзники) 1918 г. на западном фронте, не упуская из виду событий и на других фронтах мировой войны, которые не могли не влиять на характер планов стратегического развертывания обеих коалиций на западном (англо-французском) театре военных действий.

Как известно, на западно-европейском театре военных действий центр тяжести боев в 1916 г. переместился в район Вердена. Защитив Верден, англо-французское командование в 1917 г. усиленно готовилось к большому весеннему наступлению ген. Нивелля.

На восточно-европейском театре военных действий боевые события в мае 1916 г. развернулись, главным образом, на фронте южнее Полесья. Удачный майский прорыв царскими армиями юго-западного фронта (520 тыс. против 440 тыс. австрийцев) под управлением Брусилова очень скоро за недостатком сил и технических средств приостановился, а к осени 1916 г. совершенно выдохся и прекратился. Несмотря на двойное превосходство сил, которое имело царское командование севернее Полесья (1 220 тысяч против 620 тысяч гер-

манцев), в июньском наступлении 1916 г. это превосходство не дало царской ставке никакого оперативно-стратегического преимущества. Одновременно с наступлением Брусилова на Луцк, западный фронт под управлением ген. Эверта должен был нанести главный удар на Вильну. Но когда обозначился первоначальный успех у Брусилова, Эверт долго не решался перейти в наступление, четыре раза его откладывал и, наконец, только в июне, когда юго-западный фронт уже захлебнулся в своей крови и начинал выдыхаться, Эверт повел наступление не на Вильну, а на Барановичи, совершенно не выполнив тем самым задачи по содействию брусиловскому прорыву. Этим воспользовалось австро-германское командование; оно сосредоточило против юго-западного фронта необходимые силы, совершенно остановив русское наступление в Галиции и Буковине.

Вступив в период февральской революции и керенщины, царский генералитет, как это видно из документов ставки и ряда совещаний командующих фронтами и армиями в 1917 г., крепко надеялся поднять старую армию при помощи кадетско-меньшевистско-эсеровских лозунгов в новое наступление. Но февральская революция явилась началом конца для царской армии, как боевой силы.

Если хорошенько проанализировать всю мемуарно-политическую и военную литературу, вышедшую из под пера ответственных политических и военных деятелей держав Антанты и Четверного союза, то станет совершенно ясным, что последние с каждым днем развертывания революционных событий в России воочию убеждались, что основной лозунг, выброшенный кадетско-меньшевистско-эсеровскими лидерами «война до победного конца» не найдет нужного отклика в голодной, измученной и терпевшей непрерывные поражения в период 1914—1916 гг. царской армии.

И действительно, все потуги буржуазно-помещичьего класса России в 1917 г. организовать вооруженные силы и двинуть их в большие наступательные операции на восточно-европейском театре военных действий с треском провалились. Особенно жестоко посмеялась история над капиталистической буржуазией в период так называемого июньского наступления, печальный финал которого был тяжелым ударом для союзных армий, только что потерпевших сильное поражение в грандиозном весеннем наступлении ген. Нивелля.

5 апреля 1917 г. Соединенные Штаты Америки об'явили войну державам Четверного союза, для которых этот факт был крайне тревожным [1]). Но пока довольно медленно развертывалась американская армия, пока она начала переплывать через океан во Фран-

---

[1]) Вступление США в войну на стороне Антанты было осуществлено по прямому требованию американских капиталистических кругов и биржи. В этом деле немалую роль сыграла беспощадная подводная война, которую об'явила Германия 1 февраля 1917 г. Германские подводные лодки стали сотнями топить американские суда с продовольствием и боевыми грузами, шедшие из Америки в Европу. Это был сильный удар по торгово-коммерческим сделкам американ-

цию, старая русская армия уже окончательно развалилась, а большевистская Октябрьская революция с первого же дня своей победы заявила всему миру, что Советская Россия в империалистической войне не будет участвовать ни одной минуты. С точки зрения военно-стратегической развал восточно-европейского фронта был значительным ударом по империалистической коалиции Антанты, хотя бы всилу того, что освобождал австро-германские корпуса и дивизии с этого фронта для переброски их на западно-европейский театр военных действий; в то же время и турки с кавказского фронта перебросили часть своих дивизий против англичан в Палестину и Месопотамию. Развалом восточноевропейского фронта энергично воспользовалось австро-германское командование. Оно приказывает 14-й армии ген. Белова в составе 8 ударных дивизий перейти в решительное наступление на р. Изонцо у Каппоретто. Этот внезапный удар 24 октября 1917 г. был настолько хорошо организован, что заставил итальянцев не только бросить свои укрепленные линии, но повлек за собой почти полное крушение итальянского фронта. Итальянцы за эту операцию потеряли около ½ миллиона человек. Англо-французское командование срочно принимает контрмеры, оно, главным образом посредством автотранспорта, перебрасывает шесть французских дивизий под руководством ген. Фоша и еще пять английских дивизий к р. Пиаве и тем самым к 9 ноября спасает итальянцев от полного разгрома. Но уход 11 дивизий 10-й армии ген. Файоля в Ломбардию был тяжелой жертвой для англо-французского фронта. Поступавшие сведения о том, что германские армии двинулись на Украину, откуда они могли выкачать хлебофуражные и другие продовольственные ресурсы и тем самым облегчить свое тяжелое хозяйственное положение, не на шутку встревожили союзное командование [1]).

ских капиталистов, терпевших огромные убытки от потопления торговых судов. Достаточно указать, что германские подводные лодки за первые 3 месяца «неограниченной блокады» потопили 1½ тысячи судов с водоизмещением 2 800 000 тонн. Но, как известно, эта подводная война не дала тех результатов, которых от нее ожидало германское правительство и главное командование. Могущественные флоты Англии, Франции, Японии и Америки приняли решительные меры защиты и контрмероприятия, и очень скоро разрушительная деятельность германских подводных лодок была сведена почти к нулю. Во всяком случае, к моменту массовых переброс американцев в Европу германские подводные лодки почти прекратили свою боевую деятельность.

[1]) Германские и австрийские корпуса и дивизии, двинувшиеся за продовольствием и трофеями в Румынию и Украину, принесли весьма незначительное облегчение истощенной экономике держав Четверного союза. Так например, 250-тысячная (29 пех. и 4½ кавдивизий) масса, брошенная на оккупацию советской Украины, фактически только прокормила самое себя. Таким образом, здесь игра не стоила свеч, если не считать, что эта масса все же была временно исключена из продовольственного бюджета центральных держав. Ленин оказался абсолютно прав, когда он предсказывал, что германские империалисты получат от Украины меньше материальных благ, чем думают. От соприкосно-

Итак, разгром Румынии, Италии, развал русского фронта усиленное развитие подводной войны и ее первоначальный успех — все это, как и полный провал англо-французского наступления ген. Нивелля, вселяло в империалистическую коалицию держав Центрального союза уверенность, что 1918 г. явится годом решительных побед на западном фронте, куда германское командование спешно сосредоточивало все свободные силы. Людендорф рассчитывал, что американская армия не ранее, как через год-полтора, сумеет перебросить и сосредоточить такие силы во Франции, которые составят реальную угрозу для Германии, а поэтому он решает еще до этого момента нанести сокрушительный удар вооруженным силам Антанты на западно-европейском театре военных действий.

Как видим, несмотря на то, что в августе 1914 г. все попытки воюющих коалиций одним решительным ударом покончить с противником не удались, а обе враждующие стороны увязли в операциях длительной войны, германское командование все же решает повторить тот же «тяжеловесный удар», но в новой его организации, в новой боевой обстановке и с новыми средствами и силами, чем это было в августе 1914 г. И действительно, боевая обстановка для обеих сторон была крайне сложной, противоречивой и дающей очень мало надежды на быстрый успех. Командование и войска обеих воюющих коалиций уже имели в своем кровавом бюджете большое количество безрезультатных и безуспешных наступлений.

Коротко мы их напомним читателю. Верденская «мельница» без существенных оперативно-тактических результатов, по далеко неполным подсчетам самих же немцев, перемолола 400 тысяч германских солдат. Июльские бои на Сомме в 1916 г., когда 39 англо-французских дивизий при 1 450 орудиях атаковали 40-километровый участок германского фронта, за 4 месяца операции потребовали полмиллиона убитых и раненых англичан и 250 тысяч французов и опять же не дали решающего успеха. Весеннее наступление ген. Нивелля в 1917 г. в районе Арраса при атаке на 44-км фронте унесло 200 тысяч англичан, а атака французов после 9-дневной артиллерийской подготовки на 40-км фронте в районе Артуа и на р. Эн, где было сосредоточено 140 орудий на 1 км фронта, при потерях в 120 тысяч человек, также захлебнулась, не дав никакого результата. Так обстояло дело с большими оперативными усилиями; не менее катастрофично кончались атаки в армейском масштабе. Например, атака 2-й английской армии ген. Плюмера в июне и июле 1916 г. на

вения германской армии с Советской Россией первая безусловно потеряет свою боеспособность и её трудящиеся массы скорее осознают свои классовые интересы. Эти мысли Ленина в полной мере подтвердились дальнейшими фактами, а Людендорф в своих воспоминаниях с горечью констатирует, что все дивизии, брошенные на Украину, очень скоро «заразились большевизмом и его пропагандой» и оказались совершенно негодными для боевых операций на западном — англо-французском фронте.

16-км фронте при поддержке 2 400 орудий (т. е. 150 орудий на 1 км фронта) совместно с 1-й французской армией, также выставившей 153 орудия на 1 км фронта, дала всего лишь (Ипр и направление на Остенде) три километра продвижения во Фландрии, вскоре опять потерянных. 10-я французская армия в составе 12 дивизий, после шестидневной артподготовки 1 860 орудиями (150 орудий на 1 км фронта атаки) в операции по овладению выступом у Мальмезона не достигла успеха; она продвинулась лишь на 2—3 км и атака захлебнулась. Такими примерами полны 1916 и 1917 гг., но несмотря на это, весь последующий 1918 г. был наполнен боевым напряжением с обеих сторон.

Итак, во всех оперативно-стратегических планах Людендорфа в 1918 г. проходит основная мысль: на главном англо-французском фронте разгромить союзные армии Антанты, положение которых после провала всех наступательных операций 1917 г., выхода России и Румынии из войны и огромного поражения Италии было в оперативно-стратегическом отношении крайне тяжелым и напряженным.

Германский план кампании 1918 г.

В основу германского плана кампании 1918 г., как мы уже говорили, была положена мысль разгромить живую силу англо-французов до подхода американской армии, так как прибытие последней с ее техническими средствами создало бы Антанте общее превосходство сил, непреодолимое для Германии.

Таким образом, Людендорф решает основной удар нанести на главном театре военных действий, каковым для Германии был именно англо-французский фронт общим протяжением до 625 км с наиболее решающим жизненным участком в 400 км (от моря до района С.-Михель—Туль).

Людендорф в апреле 1917 г. считал, что американская армия раньше лета 1918 г. во Францию прибыть не сможет, так как переброска массовой армии на расстояние в 5 000 км дело сложное и длительное. Кроме того, германскому главному командованию было известно, что американские дивизии по высадке на территории Франции, с тем чтобы получить необходимый минимум боевой готовности, должны были пройти в тылу фронта еще соответствующий курс обучения, прежде чем занять боевые позиции на фронте. Во всяком случае, германское командование к началу 1918 г. не столько беспокоил вопрос о живой силе американской армии, которая, по его мнению, была в боевом отношении еще достаточно сырой, сколько то технико-боевое насыщение, которое имели американские войска и которое посредством своей богато развитой промышленности могла изготовить и перебросить Америка союзным армиям. По данным начальника штаба американской армии к июлю 1918 г. англо-французский фронт мог получить лишь 5 готовых к бою американских дивизий, затем еще 4 не ранее октября и,

наконец, до 20 дивизий, включая и упомянутые, только к апрелю 1919 г.

Таким образом, расчеты Людендорфа, что реальная боевая сила американской армии появится на западном фронте лишь через год, оказались правильными. Но Людендорф рассчитывал в первой половине 1918 г. иметь такой решительный успех, который бы ускорил момент подписания почетного мирного договора. С огромной уверенностью в большой оперативно-стратегической победе вступил Людендорф в финальный год империалистической войны. И действительно, решительная победа была Германии в 1918 г. необходима как никогда, так как весь государственный и армейский организм её работал уже на пределе. Германское главное командование и правительство ясно понимали, что 1918 г. должен принести или победу или тяжелое поражение. Но насколько сильна была уверенность в победном окончании мировой войны, настолько мало кто думал, что после столь огромных трехлетних успехов на всех фронтах дело может окончиться катастрофой и капитуляцией.

Приступая к детализации плана кампании на 1918 г., Людендорф считал, что общее «соотношение сил было благоприятно как никогда» [1]). Румыния и Россия скинуты со счетов войны, Австро-Венгрия окрепла после разгрома итальянской армии на р. Изонцо, Болгария крепко держит салоникский фронт, Турция с освобождением сил на Кавказе теперь могла более упрочить свое положение в Месопотамии и Палестине. Все эти факты были выгодны для автора германского плана кампании 1918 г. на англо-французском фронте.

Возникал основной вопрос, могла ли германская армия о д н и м у д а р о м покончить с союзниками, или необходим был ряд последовательных ударов на разных участках, с тем чтобы весь неприятельский фронт сперва дрогнул, затем закачался и, наконец, рухнул, похоронив под своими обломками англо-французские армии. Людендорф твердо считал, что германское наступление в 1918 г. по своему характеру будет резко отличаться от наступления на галицийском и итальянском фронтах. В своем плане он прямо указывал, что на западном фронте «будет страшная борьба, которая начнется на одном участке, продолжится на других, потребует много времени и будет очень тяжелой, но закончится победоносно» [2]).

Основываясь на опыте боев 1916—1917 гг., Людендорф хорошо понимал, что легко повалить англо-французов не удастся, а нужно огромное напряжение всех и всяческих сил.

«Нанесение решительного удара на западе, — говорит он в своем плане 1918 г., — представляется самой огромной военной задачей, которая когда-либо была поставлена какой-нибудь армии...), И, как увидим ниже, он был в этом прав. Людендорф требовал полной политической и стратегической свободы действий, указы-

---

[1]) Людендорф. Воспоминания, т. II, стр. 114.
[2]) Там же, стр. 90.

вая, что «эта задача будет разрешена успешно лишь в том случае, если военное руководство будет освобождено от всех невыносимо связывающих его оков[1]), если к решительному моменту на запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать, и если войска будут воодушевлены». Людендорф говорил, что боевая техника будет сосредоточена в невиданных до того размерах, но что одна боевая техника еще далеко не решает вопроса, так как «значение духовных факторов не следует недооценивать, ибо они являются основанием величия всех подвигов».

Но здесь же Людендорф сделал большую ошибку, и в этом ему помогало министерство иностранных дел фон-Кюльмана, так как они оба полагали, что «толчком к под'ему духовных факторов должна быть энергия действий на востоке». Иными словами, и тот и другой считали, что Курляндия, Литва, Польша, Украина, их прочная оккупация германскими войсками будут моральным толчком с материальными выгодами, которые послужат основанием для постройки здания побед на англо-французском фронте. Ошибка заключалась в том, что «энергия действий на востоке» не могла не требовать соответствующего количества конкретных сил, а это обстоятельство противоречило основному положению плана Людендорфа, что «к решительному моменту на запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать».

За этим первым противоречием следовало второе: Людендорф считал необходимым, чтобы «борьба, начавшись на одном участке, продолжалась на других»: иными словами, за прорывом на Амьен, последует прорыв на Газебрук—Кале, а затем на Шмен-де-Дам и Шато-Тьерри. Но, как мы видели выше, организация и проведение каждого прорыва в условиях борьбы на англо-французском фронте требовали огромных сил и жертв; является вопрос, мог ли Людендорф твердо рассчитывать на то, что сил хватит и победа будет обеспеченной? Читатель в праве сказать, что раз он так писал в своем плане кампании, значит полагал, что сил и средств хватит. Но это правильно лишь a priori (до опыта); как показали события, для такого размаха операций и на востоке и на западе (с серией разновременных ударов-прорывов) у Германии и германской армии сил и средств не хватило, так как эти силы и средства оказались распыленными, а стратегическая целеустремленность расщепленной. И когда прорывы на англо-французском фронте не достигли намеченных целей, а силы были истощены, наступило военное поражение.

---

[1]) Этими словами Людендорф иносказательно имел ввиду некоторых германских политиков, которые в рейхстаге в 1917 г. под давлением общего политико-экономического положения страны высказывались за принятие условий мира Вудро Вильсона. Людендорф же требовал открытой военной диктатуры, еще большего размаха в вооружениях, новых людских пополнений и сильной прямой агрессии против западных окраин царской России (Польша, Украина, Прибалтика и пр.).

Каким образом получилось, что в идейном основании плана уже с самого начала была заложена петарда для его взрыва и провала? Где причина этого замечательного явления, творцом которого был опытный полководец-стратег мировой империалистической войны, каковым безусловно является Эрих Людендорф?

Если бы мы попытались анализировать экономику и хозяйственную жизнь Германии в 1917 г., то увидели бы, что в них с особой силой выступают на передний план два основных фактора: в о п е р в ы х, гигантское развитие в о е н н о й промышленности и, в о в т о р ы х, крайне тяжелое положение сельского хозяйства и промышленности, обслуживавших армию и население Германии. Военная промышленность буквально поглощала все соки страны, а продукция сельского хозяйства почти целиком шла на нужды воюющих армий, оставляя в тылу жалкие крохи. Резкий продовольственный кризис из года в год стал безраздельно диктаторствовать не только в тылу, но и во многих войсковых частях фронта.

Если буржуазно-капиталистические круги продолжали выдвигать лозунги с основным лейтмотивом «война до победного конца», то широкие пролетарские массы были настолько истощены голодом (смертность в тылу увеличилась на 87% по сравнению с 1913 г.) и нуждой, настолько озлоблены тяжело давящим прессом беспощадной многолетней капиталистической эксплоатации, что многотысячные забастовки, массовые стачки с каждым новым месяцем готовы были вылиться в открытое революционное восстание (120-тысячная берлинская забастовка снарядных мастерских, 18-тысячная лейпцигская летом 1917 г.). Огромный и все продолжавшийся рост дезертирства с фронта стал явлением совершенно обыденным, восстания в войсковых частях и во флоте (в Киле и Вильгельмсгафене летом 1917 г.) с частыми случаями избиения офицерского состава также были явлением, которое уже никого не удивляло. И если военная промышленность с ее месячной продукцией 15 легких орудий в 1914 году — к 1918 году свободно давала 3 000 орудий в месяц, если суточное производство для этой артиллерии снарядов за 3 года войны увеличилось в 15 раз (26 тысяч и 400 тысяч); если за 3 года войны эта промышленность дала фронту 40 тысяч легких и 12 тысяч тяжелых орудий с сотнями миллионов снарядов, 47 700 самолетов, сотни тысяч пулеметов (максимальная ежемесячная продукция доходила до 14½ тысяч пулеметов) с сотнями и тысячами миллиардов патронов, то совершенно иначе обстояло дело с вопросом хлебофуражной и пищевой промышленности. Минимальные дозы маргарина и хлебо-картофельного суррогата с примесью репы и древесины были основными и единственными видами питания многомиллионного трудящегося населения Германии. Оккупация Румынии и Украины дала самые мизерные результаты, совершенно не оправдав чаяния германских империалистических кругов.

Во всяком случае, внутреннее политико-экономическое положение Германии перед кампанией 1918 г. было таково, что каждому было ясно, что повторение на фронте неудачи, подоб-

ной «верденовской мельнице», неизбежно приведет страну к революции.

Невероятно тяжелое экономическое, а отсюда и напряженное политическое положение страны весьма бедно отразилось в плане кампании 1918 г., составленном Людендорфом. Но если разрыв между политикой и экономикой, с одной стороны, и военной стратегией — с другой, может временно существовать на бумаге, где отображен план кампании, на военных картах, то такого разрыва и отрыва никогда не может быть в действительной жизни. Действительная жизнь, как подсказывает многообразный опыт войн особенно XIX и XX столетий, с исключительной жестокостью платит за этот разрыв и отрыв, творцами которых в большинстве своем бывают односторонние военные специалисты, полагающие, что военная диктатура и однобокая милитаризация страны есть единственное спасение для всего и вся. Германская армия по своей военно-технической подготовленности к началу 1918 г. была самой сильной армией в мире. Но организм этой армии также начинал подтачиваться непрерывными лишениями, недоеданием [1]), колоссальными людскими жертвами и элементами недовольства чрезмерно затянувшейся войной.

Таким образом мысль Людендорфа — победно закончить войну именно до подхода американской армии на европейский континент была вполне целесообразна и логична. Этот план целиком и полностью отвечал общему положению армии и государства, но вот способы выполнения этого плана вызывают сомнения в их целесообразности. При таком положении тыла мечтать, что разброска сил на запад и восток с разновременностью в серии ударов-прорывов на франко-британском фронте пройдет безнаказанно, было нельзя. Слишком уж силен был противник, слишком уж была у него прочна и эластична оборона (учитывая исключительную подвижность маневрирования резервами посредством железнодорожного и автомобильного транспорта), чтобы можно было полагать, что германские прорывы не призовут к жизни быстрые энергичные контрмероприятия со стороны англо-французского командования. Хотя операции в условиях западно-европейского театра военных действий и были несравненно более тягучими и длительными по времени, но все же от работы железнодорожного транспорта требовалась исключительно большая эффективность и быстрота оперативных перебросок. Но к 1918 г. изношенность автомобильного и железнодорожного транспорта в Германии была уже весьма значительной; например, если в 1914 г. на переброску с восточного (русского) фронта одного эшелона с войсками и техническими средствами нужно было всего

---

[1]) Если в лучшие дни калорийность пайка в германской армии всеми правдами и неправдами доходила до 2½ тысяч калорий, то в англо-французской армии паек обычно был около 4 тыс. и более калорий, американский же был еще более сытным и питательным, доходя до 5 тыс. калорий.

2—3 дня, то эта переброска в конце 1917 г. продолжалась 10—12 и более дней.

Поэтому слишком уже односторонне-оптимистически думал Людендорф, считая, что в нужный момент восточные корпуса и дивизии окажутся на французском (западном) фронте. Кроме того, Людендорф недоучел той революционно-классовой обстановки, в которой должны были действовать германские дивизии в 1917 г. и первых месяцах 1918 г. на Украине, где эти дивизии увязли и потеряли вследствие их «обольшевизирования» свою боеспособность. Этот недоучет, как известно, вызвал затем горькое признание со стороны германского командования во главе с Гинденбургом и Людендорфом.

Таким образом грандиозный по своей наступательной оперативно-стратегической концепции план кампании 1918 г. страдал у Людендорфа целым рядом внутренних недостатков и противоречий. Слишком уж беспредельная уверенность в победе и в успешности предстоящего наступления в 1918 г. затушевала очень важный политический и стратегический фактор в виде учета реального соотношения сил. Отсутствие чувства реальной действительности и чрезмерная переоценка военных и экономических ресурсов Германии в 1918 г., а также её трех слабых союзников, которые фактически ничем не могли ей помочь, ставили боевую работу германского командования и его армии перед началом гигантской наступательной операции в условия далеко ненормальные.

Оперативно-стратегический план Людендорфа, несмотря на его конкретное боевое, техническое и материальное насыщение, таил в себе очень много элементов неприкрытой авантюристичности. Составляя свой план, Людендорф забыл простую вещь, а именно — реальную, конкретную, боевую и политическую обстановку, в которой он творил. Ибо то, что могло более или менее счастливо сойти для плана Мольтке-младшего в 1914 г. с его финалом — Марной или для плана Фалькенгайна, который считал, что уже в 1916 г. Франция в военном и хозяйственном отношении дошла до предела своего напряжения и что достаточно устроить ей длительную верденскую мельницу, чтобы она пошла на мир, то было уже совершенно иным в условиях борьбы 1918 г. Многомесячная (с 21 февраля по осень 1916 г.) работа верденовского «насоса по выкачиванию французской крови» по методам фалькенгайновской стратегии с ограниченными целями (Strategie mit beschränkter Zielen), как известно, не только истощила французов, но и выкачала около полумиллиона жизней германских солдат. Крылья верденовской мельницы не только впух и прах разметали план Фалькенгайна, но и сбросили этого крупнейшего полководца-стратега Германии с поста главнокомандующего. Примерно то же сделала реальная боевая действительность с планом войны 1918 г. Людендорфа с той лишь разницей, что за провалом этого плана последовал окончательный разгром германской армии, бегство из войны её союзников, революция и падение гогенцоллерновского царствовавшего

дома. Кроме того, Людендорф недоучел еще одного величайшего политического фактора, что события на боевом фронте в 1918 г. будут проходить в период «триумфального шествия» Октябрьской революции по $^1/_6$ земного шара, в период начинавшейся ожесточенной революционно-классовой войны, победные отзвуки которых, хотя и медленно, но будут просачиваться в окопы империалистического фронта, заражая новыми мыслями и чаяниями измученную душу солдата капиталистических армий. Вот этой-то особенности обстановки, в которой он создавал свой план, недоучел Людендорф— этот верный слуга гогенцоллерновского трона. Лучший друг своего буржуазно-юнкерского класса, Людендорф превратился в его злейшего врага.

На примере кампании 1918 г. во Франции, как пролога к гибели германской империи еще и еще раз оправдались вещие слова гениального Маркса, что «великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды... первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [1]). Ничем иным, как фарсом, оказался грандиозный германский план кампании 1918 г. с его в н е ш н е й наполеоновско-шлиффеновской наступательной концепцией.

Прежде чем перейти к анализу деталей наступательного плана Людендорфа, мы считаем необходимым подчеркнуть, что если уж его творец, верный ученик Наполеона — Шлиффена, хотел добиться реальных результатов на французском фронте в 1918 г., то он должен был принять иное решение. Этого требовала вся обстановка. Решение должно было быть целеустремленным до предела; для главного удара на наиболее жизненном для противника направлении надо было собрать отовсюду действительно все, до последнего солдата, орудия, пулемета, и так организовать «тяжеловесный удар», чтобы он в своем поступательном движении вперед преодолевал бы все контрмероприятия союзного командования.

Очень распространено мнение, что Людендорф был совершенно аполитичен, что он только прекрасный оператор-стратег и не более. Это неверно. Людендорф был не только высококвалифицированным военным деятелем, но и был активным политиком. Об этом мы будем говорить в следующей главе. Он был выразителем интересов немецкого империализма и политиком своего буржуазно-помещичьего класса, думы и чаяния которого крепко защищал силою оружия. И, конечно, не вина Людендорфа в том, что ходом исторических событий этот класс, который его выдвинул, сходит с жизненной сцены, уступая господство над миром новому восходящему классу, имя которому пролетариат.

Встает кардинальный вопрос, во-первых, могло ли германское главное командование к началу решительного наступления на западном (англо-французском) фронте сосредоточить большее количество дивизий, чем это было у союзников к марту 1918 г. и, во-вторых, каковы были планы союзного командования до влития американской армии в боевую линию фронта?

[1]) К. Маркс. Избранные произведения. т. 2, стр. 246, изд. ИМЭЛ 1933 г.

На первый вопрос мы отвечаем вполне утвердительно: да, германское главное командование могло иметь не только большее количество дивизий на фронте прорыва, но и создать сильные свежие резервы.

На второй вопрос мы можем ответить, что общего главного командования у союзных армий к 1 января 1918 г. еще создано не было [1]), а после больших неудач в 1917 г. (провал наступления ген. Нивелля) до подхода американских сил англо-французское командование вопроса об организации нового наступления совершенно не поднимало. Прочное удержание занимаемой линии обороны являлось в оперативно-стратегическом решении союзников господствующим. На весь период первой половины 1918 г. англо-французское командование в основном решило ждать новых людских ресурсов в виде свежих полнокровных американских дивизий; оно сильно рассчитывало на боевое техническое оснащение своих армий со стороны Америки и страстно стремилось всемерно использовать и выкачать силы и технические средства из гигантски разбогатевших на трехлетней империалистической войне Соединенных Штатов Америки.

Отвечая на первый вопрос о наличии сил, которые Людендорф мог собрать для осуществления своего наступательного плана кампании 1918 г., мы должны указать следующее. В конце 1917 г. на французском фронте германская армия имела 147 пехотных дивизий. К этим силам германское главное командование свободно могло присоединить 40 пехотных дивизий с восточного (русского) фронта и еще 8 дивизий с итальянского фронта. Таким образом, общее количество дивизий без всякого напряжения могло быть Людендорфом доведено к началу наступления на западном фронте до 195. Что касается артиллерийского обеспечения этих дивизий, то из общего количества, имевшихся в германской армии 18 200 орудий, Людендорф мог иметь на французском фронте не менее 16 000 орудий.

---

[1]) Вопрос об организации общего союзного командования — это целая большая тема. Надо постоянно иметь ввиду, что отсутствие единого командования было огромным недостатком у союзников на протяжении всех 3 лет войны. Вечные трения, ссоры, местничество, отсутствие должного чувства доверия друг к другу, сепаратизм отдельных главкомов и премьер-министров держав Антанты постоянно создавали невероятно трудные условия для боевой работы войск и управления ими.

Например, французский премьер-министр Клемансо в январе 1918 г. на конференции военных и политических деятелей в Париже открыто заявил, что «после того, что пережили союзники в 1917 г., о новых наступлениях речи быть не может. Надо весь 1918 г. употребить на основательную подготовку к дальнейшим испытаниям, в конце этого года прибудут американские дивизии, им также надо время, чтобы приготовиться к большой операции, а все это говорит за то, что победа может быть достигнута не ранее осени 1919 г.». Как видим, Клемансо, игравший исключительно выдающуюся роль в последний период мировой войны, отсрочивал активные операции со стороны союзников на целый год.

Итак, 195 пехотных дивизий, 16 000 (из которых 6—6½ тыс. тяжелых) орудий и 3 тысячи боевых самолетов плюс несколько кавалерийских дивизий — вот та гигантская сила, которой свободно мог располагать Людендорф к 21 марта 1918 г., т. е. к первому дню своего наступления.

Против этих сил и технических средств к началу 1918 г. союзные армии на западном фронте имели 99 французских плюс 58 английских плюс 12 бельгийских плюс 2 португальских плюс 1 американскую дивизию [1]), т. е. всего 172 союзных дивизии при 15 751 орудии (9 378 легких и 6 373 тяжелых), 3 784 боевых самолетах, 9 кавдивизиях (входивших в общее число 172) и 500 танках.

Иными словами, Людендорф мог достигнуть значительного превосходства в числе дивизий, иметь небольшое превосходство в числе орудий, и не мог быть сильнее союзников в отношении боевой авиации. Танками германская армия только начинала оснащаться, она их имела не более сотни. Несовершенная техническая конструкция танков и их большие потери от артиллерийского огня за время боев в 1917—1918 гг. не вызывали особой любви к этому новому боевому оружию со стороны германского командования. Если союзное командование имело 9 кавдивизий, но превратило их в «ездящую пехоту», то германцы на французском фронте в 1917 г. не имели ни одной кавалерийской дивизии, так как они были в 1915—1916 гг. переброшены на русский фронт.

Решение Людендорфа не иметь ни одной кавалерийской дивизии к моменту своего нового большого наступления на западном фронте нельзя считать правильным. Надо было иметь не менее 10 кавдивизий, но не превращать их по французскому образцу в «ездящую пехоту», а, оснастив их новыми техническими средствами, постараться использовать по-новому. Такое решение было бы более целесообразным, а наличие в первом мартовском прорыве на Амьен подвижного рода войск в виде конницы, соответственно оснащенной технически, как подтверждают исследователи мировой войны (Куль [2]), Сект [3]), Брандт [4]) и др.), имело бы огромное значение для германцев. Брошенная в прорыв, преследуя отходящего противника, конница захватила бы железнодорожный узел Амьена, в 15 км от которого залегла выдохшаяся германская пехота. Повторяем, эта операция могла быть осуществлена лишь в том случае, если бы германская конница была правильно, по-новому, организована и технически оснащена соответственно условиям борьбы в 1918 г. на французском фронте.

---

[1]) На итальянском фронте, как мы говорили выше, оставались переброшенные туда на автотранспорте к моменту боев на р. Изонцо 6 французских и 5 английских дивизий. Сильная моральная депрессия разгромленной итальянской армии без риска нового наступления австро-германцев не позволяла эти 11 дивизий в марте—апреле 1918 г. вернуть из Италии.

[2]) Куль. Мировая война в решениях наших противников.

[3]) Сект. Мысли солдата.

[4]) Брандт. Современная конница.

Итак, союзные армии имели: 172 дивизии, 15 751 орудие, 3 784 самолета и 500 танков, германские армии могли сосредоточить 195 дивизий, 16 000 орудий, 3 000 самолетов и 100 танков. Эти союзные армии были размещены на 625-км фронте, из которых фронт в 400 км был наиболее важным, так как удар на этом фронте выводил наступающие армии к столице Франции — Парижу и затем к побережью, т. е. к портам Кале—Дюнкирхен—Брест—Нант, через которые шли различные пополнения для союзников во Францию.

Таким образом, если бы Людендорф сосредоточил указанные силы, то он имел бы возможность, выбрав решающее направление для главного удара, собрать сюда такую массу живой силы и техники, что получил бы подавляющее превосходство для глубокого вторжения в территорию противника. Начиная выполнение своего плана, Людендорф обладал не только прекрасно обученными и опытными войсками, но имел и огромную массу высококвалифицированного командного состава, который в горниле трехлетней войны научился хорошо управлять войсками в бою.

Во всяком случае, германская армия в боевом отношении, как и в вопросах вождения, была несравненно выше разношерстных союзных армий, из которых лишь французы и англичане представляли собой серьезную реальную силу.

В то время как германская армия была однородна и по своему национальному составу и по единству высшего командования, союзные армии не имели ни того ни другого. В жесточайших муках рождалось у союзного командования решение об'единения руководства всеми армиями (английской, французской, итальянской, португальской, американской) [1]) в одних руках. Каждое правительство Антанты не хотело выпустить из своих рук возможность самостоятельно распоряжаться своей армией. И будет правильно сказать, что если бы не было крайне тревожного положения на западном театре военных действий в связи с разгромом итальянской армии и тяжелым поражением англо-французской армии в 1917 г., если бы союзники не встали перед фактом, что после заключения бухарестского и брест-литовского мира десятки германских дивизий уже двинулись на западный фронт — вопрос с об'единением в одних руках командования армиями Антанты к началу 1918 г. оставался бы попрежнему неразрешенным.

Два фактора сдвинули с места это дело: во-первых, союзному командованию к началу 1918 г. стало совершенно ясно, что германцы готовят большое наступление на Францию, во-вторых, надо было во всеоружии встретить это наступление, чтобы не повторить огромных оперативно-стратегических ошибок 1917 г. За

---

[1]) В отношении бельгийской армии вопрос снимался по династическим причинам, так как фактически ее главком был бельгийский король Альберт, но в мае месяце бельгийская армия тоже стала подчиняться Фошу, как союзному главковерху, о чем будет речь ниже.

об'единение командования с особой силой ратовала Франция, которая на пост главковерха выдвигала кандидатуру Фоша.

Поводом к скорейшему осуществлению этого вопроса был случай с образованием общесоюзного резерва, инициатором которого был Фош. Последний считал, что встретить новое наступление Людендорфа без наличия резерва для парирования прорыва германцев это значит поставить себя на путь к катастрофе. Фош требовал создания общесоюзного резерва численностью не менее как в 26 дивизий (12 французских, 8 английских и 6 итальянских). Он думал расположить их на трех направлениях: Амьен (стык между англичанами и французами), Париж (столица Франции), Дофине (центр стратегического фронта союзников). Фош предполагал иметь 10 дивизий в районе Парижа и примерно по 8 в районе Амьена и Дофине.

Английский главком ген. Хэг был категорически против этой «затеи» Фоша. Началась длительная тяжба, во время которой продолжали поступать разведывательные данные о том, что германское командование осуществляет интенсивную переброску дивизий на французский фронт.

И лишь с назначением Фоша в апреле 1918 г. верховным главнокомандующим всех армий Антанты разрешился затянувшийся вопрос с общесоюзным резервом. Это назначение положило начало более согласованному и целеустремленному управлению союзными войсками и установлению более однородной системы и организации вооружения и снабжения союзных армий.

Таким образом, Людендорф, начиная осуществление своего плана кампании 1918 г., нашел в лице Фоша наиболее сильного волей и наиболее подготовленного к вождению многомиллионных масс противника. Получив в свои руки управление всеми армиями, Фош со свойственным ему спокойствием и твердостью всесторонне готовился принять сокрушающий удар Людендорфа. Он, как и прежде, считал, что активная оборона до полной реорганизации дела управления армиями Антанты и подхода американцев единственно правильная линия поведения. В этом случае, как видим, он целиком сходился в мнении с премьером Клемансо [1]).

Развитие наступательного плана Людендорфа

Получив в ноябре 1917 г. согласие верховного командования на организацию решительного наступления на западном фронте на

---

[1]) Из мемуаров Клемансо видно, что он согласился на кандидатуру Фоша исключительно потому, что Фош обладал значительными способностями вести дипломатическую игру. Клемансо несравненно более ценил ген. Петэна, в то время главкома французскими армиями севера и северо-востока. Но Петэн был слишком прямолинеен и не справился бы с координированием действий по отношению к отдельным главкомам союзных армий. Кроме крупного боевого авторитета, Фош пользовался огромной популярностью, как самый образованный, выдающийся военно-научный деятель среди высшего командования держав Антанты.

весну 1918 г., Людендорф сейчас же приступил к тщательному изучению накопившегося опыта, фактов, цифр, различных данных и материалов, с тем чтобы во всех деталях разработать наступательный план кампании.

Одновременно с этим была составлена для войск и командования обширная инструкция «Наступательное сражение в позиционной войне». И пока постепенно вырисовывались контуры и детали оперативно-стратегического плана кампании, войска и командование деятельно готовились к наступлению, проходя курс обучения по вышеуказанной инструкции.

Людендорф об этом подготовительном периоде пишет следующее:

«Обучение войск для наступления также требовало огромной работы. Для этого была использована зима 1917—1918 гг., как предыдущая — для подготовки войск к обороне. Как тогда все тактическое поучение было об'единено в инструкции «Оборонительное сражение», так теперь было издано «Наступательное сражение в позиционной войне».

«Мы должны были вновь воскресить в мышлении армии все те прекрасные начала наступательных действий, которыми были проникнуты наши уставы перед войной; их надлежало дополнить в соответствии с новейшим боевым опытом. Не создавая тормозов для наступательного порыва, нужно было озаботиться сокращением потерь до минимума. Все мышление армии надо было перестроить с окопной войны на наступление»[1]).

В свете той грандиозной задачи, которую поставило себе германское главное командование на 1918 г., мы в полной мере считаем правильным откровенное признание самого Людендорфа, что «нелегко было решить, где начать наступление, но это решение приходилось принимать заблаговременно»[2]).

Составляя инструкцию «Наступательное сражение в позиционной войне», Людендорф прекрасно понимал, как видно из её содержания, ту новизну в способах действий, на которую надо было решиться.

Характеризуя трудности стратегического развертывания в условиях кампании 1918 г., он пишет:

«Содержание войск на тесном пространстве, подвоз по железной дороге огромного количества боевых припасов и всевозможного другого снаряжения; работы самих войск по казематированию позиций для батарей, маскировке дорог, изготовлению укрытий от аэропланов и приспособлений для перехода через системы окопов и, наконец, само развертывание для сражения требовали несколько недель времени; требовалось предусмотреть все — до деталей подготовительных работ включительно. Естественно, это обусловливало опасность преждевременного раскрытия наших намерений против-

---

[1]) Людендорф. Воспоминания, т. II, стр. 144.
[2]) Там же, стр. 159.

нику. Ввиду этого на тех участках, где мы предполагали наступать, также производились демонстративные работы, которые одновременно являлись основой подготовки последующих атак. Но большая часть имевшихся в нашем распоряжении рабочих отрядов была заблаговременно передана на ударный участок. Подготовительные работы в других районах не могли получить обширного развития, но все-таки они допускали известную возможность введения противника в заблуждение; осмотрительно руководимая контрразведка содействовала этому развлечением внимания противника. По вопросу о выборе ударного участка я беседовал с начальниками штабов фронтов и с сотрудниками моего штаба и выслушал их мнения. Выбор приходилось делать между тремя участками: во Фландрии, от Ипра до Ленса, между Аррасом и Сен-Кантеном или Ля-Фером и по обе стороны Вердена, за исключением самой крепости. Как всегда бывает в таких случаях, все три направления имели много данных и за и против» [1]).

О чем говорят эти соображения Людендорфа? В основном о том, что он решает из трех возможных направлений наносить удар на одном, демонстрируя на других. Это очень важный момент, так как в новых условиях борьбы необходимо было сосредоточить к намеченному участку прорыва такую массу сил и средств, чтобы они после перехода в наступление, наконец, добились решительного результата по разгрому живой силы противника и, прорвав укрепленные полосы на большом участке фронта, глубоко вторгнулись бы в его территорию. Необходимо было вести этот удар с максимальной целеустремленностью, не допуская ни в коем случае, чтобы этот удар захлебнулся в своей крови и выдохся ранее захвата намеченной цели. Ибо в условиях борьбы, когда противник весьма силен и деятелен, рассчитывать на то, что неуспех на одном направлении можно вернуть и восполнить наступлением-прорывом на другом участке, как подсказывал опыт позиционной войны за 1916—1917 гг., было безнадежным делом.

Людендорф наметил три участка и, как увидим ниже, полагал, что разновременными ударами-прорывами на каждом из этих трех, не доводя их до логического конца, т. е. до выхода к побережью на участке Булонь—Кале—Дюнкирхен (глубина 100 км), до захвата Амьена с перерезанием железной дороги Булонь—Париж (глубина 80 км), до прорыва центра стратегического фронта союзников и выхода к Труа—Парижу (глубина 160—200 км), он сумеет потрясти всю оборону стратегического фронта англо-французов.

Такой метод ведения операции обрекал весь план кампании с первого же не доведенного до конца прорыва на полный провал и неудачу. Наступать на всех трех участках сразу (т. е. на 400 км) у Людендорфа нехватило бы сил; поэтому оставался единственный выход: выбрать наиболее жизненное для противника направление и,

---

[1]) Людендорф. Воспоминания, т. II, стр. 159.

сосредоточив сюда подавляющее количество сил, средств и резервов, вести операцию глубокого вторжения включительно до цели. Таким направлением было направление парижское, а поэтому сосредоточение сил надо было организовать на одном основном участке между Камбре—Реймс (130 км) с глубиною вторжения на 110 км, т. е. до столицы Франции — Парижа включительно.

При совместном обсуждении деталей плана кампании такой вариант фигурировал и у Людендорфа и у его командующих фронтами. Но этот вариант отпал и восторжествовало первоначальное основное построение оперативно-стратегического плана, а именно: «Борьба начнется на одном участке англо-французского фронта, продолжится на других, потребует много времени», не оставлялась мысль об энергичных действиях и на восточном фронте (Украина, Польша, Прибалтика).

Участок, на котором начнется первый наступательный прорыв, был предложен начальником штаба фронта Рупрехта ген. Кулем. Этот участок Аррас—Ля-Фер с выходом в район Амьена, т. е. по стыку англичан и французов. За этот вариант и ухватился Людендорф, всецело поддержавший расчеты ген. Куля.

Конечно, и Людендорф и Куль были более чем уверены, что германские войска захватят Амьен, для этого они делали все возможное. Но отсутствие в плане кампании верховного главного командования твердого стратегического пути оказалось роковым для Людендорфа. Получилось в действительности так, что, прорвав оборону противника на 70-км фронте, германские войска стали распространяться в глубину и, не доходя 15 км до Амьена, выдохлись и остановились обескровленные. Людендорфа это не смутило, и он прерывает амьенскую операцию и соответственно с построением общей идеи своего стратегического плана кампании начинает организацию прорыва-наступления на других участках, подчас с промежутками во времени в ½ месяца один прорыв от другого. Что в конечном итоге было достигнуто главным германским командованием от такого своеобразного метода проведения стратегического плана наступления, мы увидим ниже.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, нам хочется упомянуть здесь об одном психологическом моменте в творческой деятельности германского полководца-стратега.

11 ноября 1917 г. в штабе фронта кронпринца Рупрехта Людендорф совершенно ясно выразил идею своего наступательного плана. Он сказал:

«Решительный удар на западном фронте может быть произведен лишь в одном месте, так как западный фронт можно усилить лишь 35 дивизиями и 1 000 орудиями, перебрасываемыми с других театров. Таким участком для удара является район Аррас—С.-Кантен».

Но затем 4 месяца продолжалось у Людендорфа вынашивание деталей плана кампании, он очень много раз выезжал в штабы фронтов, подолгу беседовал с их командующими и начальниками

штабов и затем принял такое решение, которое погубило все дело.

Как будто 11 ноября 1917 г. было кульминационным пунктом в развитии оперативно-стратегического творчества Людендорфа с ясной установкой на то, что удар будет организован лишь в одном месте. После этого последовал долгий период сомнений, размышлений, бесед, согласований и пр. И конечно, когда Людендорф приезжал в штаб фронта к Рупрехту, или кронпринцу германскому, или Гальвицу, то каждый из них доказывал, что именно на его фронте наиболее целесообразно произвести главный удар.

Стратегическая целеустремленность полководца, запутавшись в цифрах, фактах, доказательствах, выгодах и невыгодах, затерялась, стала бесформенной, расщепилась на несколько направлений. В конце концов Людендорф обещал всем угодить и все фронты осчастливить поровну решительными ударами. И, как увидим ниже, уже первый удар на Амьен был расщеплен на два фронта — кронпринца Рупрехта и кронпринца германского.

Угодить командующим фронтами и не портить с этими большими царственными вельможами личных отношений для Людендорфа имело огромное значение. Этого не скрывает в своих воспоминаниях Людендорф, и, как верный слуга коронованных особ, он откровенно пишет:

«Генерал-фельдмаршалу Гинденбургу и мне, разумеется, было приятно, в связи с требованием стратегической обстановки, чтобы кронпринц германский также принял участие в первом большом наступательном сражении на западе» [2]).

Уже с конца ноября 1917 г., чтобы успокоить честолюбие наследных принцев, стоявших во главе фронтов, было указано последним начать предварительные подготовительные мероприятия для прорыва-наступления. Мало того, к началу операции 18-я армия с фронта кронпринца Рупрехта была передана кронпринцу германскому, в то время как главный удар должен был наноситься 17-й и 2-й армиями фронта кронпринца Рупрехта. Иначе говоря, на амьенском направлении должны были наступать левый фланг Рупрехта (17-я и 2-я армии) и правый фланг кронпринца германского (18-я армия). Так и случилось на погибель наступательному плану кампании 1918 г.

Как видим, коллегиальный способ в принятии основного стратегического решения не всегда на войне бывает полезным для дела. Гофкригсрат был гибелью для австрийской армии, почти во всех войнах терпевшей поражения. Коллективный метод в принятии той или иной решительной операции у союзников (до назначения общесоюзного главковерха в лице Фоша) мало приносил им пользы, а больше принес вреда. В русской царской армии фронты постоянно

---

[2]) Людендорф. Воспоминания, т. II, стр. 162.

диктаторствовали над стратегией ставки главковерха; результаты от такого диктаторства всем известны.

Такая линия поведения, когда в порученном деле у полководца отсутствует крепкая, непреклонная воля и твердое знание того, что он хочет и что действительно может в конкретных условиях борьбы, вкорне противоречит принципу единоначалия; все это, как увидим сейчас, и погубило Людендорфа.

В своих мемуарах Людендорф очень много уделяет места вопросу выбора участка для главного удара. Он говорит, что прорыв на северном участке во Фландрии против бельгийцев и англичан от Ньюпора до Ленса представлял огромные трудности, вследствие топографических условий (высокий уровень подпочвенных вод, непроходимость ранней весной долины р. Лис, сильные укрепления противника при владении им почти всеми фландрскими возвышенностями, затопление района севернее Ипра и пр.) и невозможности развернуть здесь большие массы для наступления. Это направление выводило наступающего к побережью и портам, но в то же время Англия могла нанести фланговый удар со стороны Остенде. Наступление в районе Вердена и Эльзас-Лотарингии было крайне невыгодным вследствие наличия больших сил, которые были сосредоточены французами на этом участке и в резервах, а также прочной обороны, опирающейся на целую серию крепостей и фортов железного пояса Серре-де-Ривьера, значительно усиленных и развитых в боевом и техническом отношении за период 1914—1917 гг.

Оставался участок фронта от Арраса до Реймса. Вести наступательную операцию против главных сил англичан и французов одновременно на всем 150-км фронте не хватило бы сил. Нужно было разделить этот фронт на два участка. Правый участок — Аррас—С.-Кантен приходился по стыку англичан и французов и выводил атакующие армии к важному железнодорожному узлу Амьена, левый участок от С.-Кантена до Реймса выводил наступающего прямо к Парижу. В оперативно-стратегическом и политическом отношении этот участок фронта был наиболее выгодным. Но если амьенское направление шло по линии наименьшего сопротивления, то это парижское — как раз наоборот. Париж был удален от исходной линии наступления на 110 км, т. е. почти на 35 км больше, чем Амьен. Кроме того, укрепления железнодорожного узла Амьена и большой крепости-лагеря Парижа сравнивать нельзя, так как эти два об'екта в отношении инженерной и боевой обороны были совершенно различны.

Людендорф говорит, что, наступая прямо на Париж, германские армии встретили бы наиболее ожесточенное сопротивление, которое с каждым часом все усиливалось бы, так как французы могли широко маневрировать своими резервами посредством автомобильного и железнодорожного транспорта. Людендорф страшился финала Марны 1914 г. и судьбы Мольтке-младшего Он очень опасался, что первый же грандиозный удар на Париж, правда, неизмеримо более тщательно подготовленный во всех отношениях, чем в

1914 г., захлебнется в своей крови и не достигнет цели. Удар же по линии наименьшего сопротивления на Амьен ему значительно более импонировал. И вот с тем, чтобы оправдаться перед будущим, а тем самым уйти от трудностей парижского направления, он начинает выдвигать несуразную гипотезу о том, что тактика в условиях борьбы 1918 г. была куда важнее и что она больше обещает успеха, чем большое стратегическое наступление прямо на Париж.

Вот что пишет Людендорф: «Я остановился на среднем направлении наступления (т. е. на Амьен. В л. М.). Главнейшими основаниями для меня являлись условия времени и тактические соображения, причем первое место среди них занимала слабость сил неприятеля на этом участке. Но останется ли противник здесь в слабых силах и в дальнейшем, я, конечно, не мог знать. Тактические требования надо ставить в ы ш е чисто стратегических, так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится. Стратегия, которая не задумывается над тактическими условиями, заранее обречена на безуспешность. Наступление Антанты в первые три года войны представляет к тому многочисленные примеры» [1]).

Это повествование-доказательство Людендорфа полно элементарными противоречиями.

Возникает основной вопрос, мог ли успешный тактический прорыв на Амьен остаться изолированным от перерастания его в оперативно-стратегическую победу? Ясно не мог, так как сколько бы мы ни пытались строить заборов и коридоров между тактикой и оперативно-стратегическим искусством, все равно действительная жизнь всегда говорит, что они тесно переплетены и связаны друг с другом.

Поэтому узко-формальная, однобокая постановка вопроса Людендорфом, что «тактические требования надо ставить выше чисто стратегических», не выдерживает никакой критики уже всилу того, что тут же Людендорф приводит азбучную истину, «так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится». Естественно, является вопрос к Людендорфу как к творцу стратегического плана кампании 1918 г. мировой войны, для чего же нужен был ему тактический успех на Амьен? Только во имя голого успеха, или же для реального разгрома живой силы армий Антанты? И можно ли было посредством одного тактического, даже архиуспешного прорыва поставить на колени Англию и Францию и заставить их подписать победный для Германии мир? Каждому ясно, а Людендорфу в первую голову, что такие задачи и цели можно лишь разрешить посредством блестяще организованной и осуществленной тактики и стратегии. Было бы смешно думать, что этого не понимал Людендорф, один из воспитанников и учеников Шлиффена. Еще более странной является постановка вопроса Людендорфом, когда он говорит: «Но останется ли здесь противник в слабых силах и в дальнейшем я, конечно, не мог знать». Кого же думает обмануть Людендорф такой постановкой вопроса? Разве

[1]) Людендорф. Воспоминания, т. II, стр. 161.

опыт 1916—1917 гг. не полон примерами того, что противник не мог оставаться спокойным и не усиливать направления прорыва с целью его локализации?

Свои «философские» рассуждения о тактике и стратегии, о «незнании» методов борьбы своего противника Людендорф искусственно приклеил исключительно для того, чтобы завуалировать основной смысл фразы, которая выдает его с головой, а именно: «*слабость сил неприятеля на этом участке*» (т. е. на фронте Аррас—С.-Кантен—Ля-Фер. Вл. М.). Вот в чем соль всей «философии» автора грандиозного плана наступательной кампании 1918 г.!

Линия наименьшего сопротивления более по сердцу пришлась Людендорфу, так как он страшился парижского направления с его огромной силой сопротивления. Но выиграть кампанию в конкретных условиях борьбы на англо-французском фронте в 1918 г. Людендорф мог лишь на парижском направлении. Известно, что провал наступления на Амьен вызвал по инерции организацию нового прорыва на другом участке фронта (Лис). Кроме того, после мартовского прорыва на Амьен и апрельского на Газебрук и далее в мае и июне Людендорф все же пришел к организации нового прорыва на парижском направлении. Так зачем же это было делать в *июне*, когда это же самое в неизмеримо более выгодных условиях можно было сделать в *марте*? Правда, перед германским главным командованием вставал сложный вопрос снабжения и питания от исходной линии в глубину на 120 км для этого мощного удара на Париж [1]). Таким образом, германское главное командование, начиная генеральное наступление в последний год мировой войны, должно было не распылять свои силы и средства на четыре удара, а максимально сосредоточить их в кулак для одного или *двух одновременных* ударов. Например, два одновременных удара на Париж и Амьен дали бы огромный эффект, так как противник не знал бы, куда ему в большем количестве бросать свои резервы. Эти удары запутали бы союзников, а результаты генерального наступления были бы иными, чем те, которые получил Людендорф после прорывов сперва в марте, затем в апреле, потом в мае и наконец в июне.

В основе стратегического плана Людендорфа, как мы видели выше, была заложена основная мысль разгромить союзников до подхода живой силы и технических средств армии Соединенных Штатов Америки. Так вот, если в марте еще американской армии не было, то в июне она уже появилась. Особая любовь к линии наименьшего сопротивления (без учета того, что она не всегда может быть выгодной), которая появилась у Людендорфа перед мартовским наступлением, оказалась для него в полном смысле роковой.

---

[1]) Надо иметь ввиду, что при мартовском наступлении на Амьен на 75 км вопрос с питанием в глубине всем необходимым наступающих корпусов и дивизий был напряженным.

Эта тяга к малому и желание через это малое осуществить большое (разгром англо-французов) привели Людендорфа в конкретных условиях кампании 1918 г. к весьма большим затруднениям и неудачам, и, наконец, к судьбе Мольтке-младшего. Но линия наименьшего сопротивления была у Людендорфа, а отсюда и Гинденбурга, не только в выборе участка прорыва, она была и в организации командования и управления этим прорывом.

Окончательно запутавшийся в советах, пожеланиях и просьбах фронтов, Людендорф, стремясь оправдать себя перед историей, в своих «Воспоминаниях» пишет наивные вещи: «Я решил, — говорит он, — сохранить в своих руках централизованное руководство сражением. Если бы оно велось одним фронтом, то это было бы затруднительно, так как в таком случае всякое мое вмешательство легко вылилось бы в форму подсказывания высшей инстанцией. Нужно было в наивысшей степени привлечь вспомогательные средства фронта кронпринца германского, что также облегчалось таким распределением командования». Совершенно ясно, Людендорф пишет то, чему, как опытнейший оператор-стратег, сам не верит.

До начала наступления фронт кронпринца Рупрехта, начиная с правого фланга, имел 4-ю, 6-ю, 17-ю, 2-ю и 18-ю армии. Фронт кронпринца германского — 7-ю, 1-ю, 3-ю армии. 18-ю армию Людендорф передает кронпринцу германскому, а прорыв организует тремя армиями: 17-й, 2-й, 18-й, т. е. основными армиями кронпринца Рупрехта, но для того, чтобы «не обидеть» кронпринца германского, ему передается (прирезывается) 18-я армия. Разве это не искусственно-примитивная организация командования? И что оно может иметь общего с принципом централизованного руководства большим сражением? Получилась ведь не организация ударной мощной группировки, огневого кулака, а наступление внутренними флангами двух фронтов.

Вместо единой воли — две воли фронтов и совершенно непонятная роль воли главного командования, которое, как высшая инстанция, не хотело ничего «подсказывать фронтовой инстанции»! А ведь вопрос мог решаться куда проще. Людендорф наметил 17-ю, 2-ю, 18-ю армии для первого прорыва. Он хотел руководить сражением централизованно. По его мнению, тактика примат и р у е т в прорыве над стратегией, а централизованно руководить — это значит крепко-на-крепко держать возжи управления в своих руках. Отсюда ясно, что надо было бы создать оперативную группу из 17-й, 2-й, 18-й армий с одной волей во главе и с непосредственным подчинением этой воли воле германского верховного командования, т. е. автору плана наступательной кампании 1918 г. Но для этой простой вещи необходимо было, чтобы Людендорф вместе с Гинденбургом были полководцами, а не ц а р е д в о р ц а м и в специфическом смысле этого слова. Но, как видим, этого быть не могло, а отсюда не могло и быть желаемого централизованного руководства сражением. Опыт войны имеет богатый конкретный

материал, он ясно говорит, что если существовали и могут существовать различные махинации с организацией командования и управления вроде вышесказанной, то действительная боевая жизнь, не терпя этих сложных махинаций платит за искусственное нагромождение командных инстанций путаницей, неразберихой, поражением и бесцельно пролитой кровью.

Так случилось и с немцами в их первом наступлении-прорыве, когда простота организации, как видим, была заменена сложной искусственностью.

В феврале 1918 г. Людендорф окончательно остановился на варианте первого удара с фронта Аррас—Ля-Фер в направлении на Амьен по стыку англичан и французов. Начало наступления было намечено на вторую половину марта; к этому времени Людендорф рассчитывал собрать необходимые силы и средства с других фронтов.

К моменту решения создать наступательный план кампании, т. е. в ноябре 1917 г., на западном фронте Людендорф располагал 147 дивизиями. На восточном фронте тогда было 85 германских дивизий. Вопрос о переброске, по крайней мере, 95% этих дивизий с русского фронта, где шла стихийная демобилизация старой царской армии, отпадал, так как Людендорф распорядился энергично действовать в Польше, Прибалтике и Украине. Всилу указанного обстоятельства из этих 85 дивизий к началу первого наступления германцев на западном фронте (т. е. к 21 марта 1918 г.) было взято лишь 35 дивизий. Прочие 50 оставались на русском фронте. Подавляющая часть этих 50 дивизий совместно с австрийцами, как известно, не встречая должного отпора, свободно наступала до заключения Брест-Литовского мира в Прибалтике, Польше, Украине, громя тылы старой царской армии и беспрепятственно захватывая различное военное имущество. При решении наносить главный удар на западе, оставление на востоке такой массы дивизий перед развалившимся русским фронтом, который уже вышел из мировой войны, было огромной стратегической ошибкой алчного, но близорукого германского империализма. Об этой ошибке ныне говорят все серьезные немецкие исследователи. Да и сам Людендорф теперь не считает это свое решение правильным. Итак, из 85 дивизий Людендорф взял с восточного фронта только 35 дивизий. Когда мартовское наступление стало выдыхаться, в апреле и мае 1918 г. Людендорф с восточного фронта взял еще 10 дивизий, но к его великому ужасу теперь в мае 1918 г. все эти дивизии оказались зараженными «большевистской пропагандой» и не годились для серьезных операций на западно-европейском театре военных действий.

Таким образом 147 плюс 35 дивизий составляли цифру в 182 дивизии. К этим 182 дивизиям Людендорф приказал перебросить с итальянского фронта 8 дивизий и македонского 1 дивизию, говоря иначе, к 21 марта он сосредоточил новых 44 дивизии, тем самым получив 191 дивизию. К началу же мартовского наступления главное германское командование имело всего 193 дивизии (108 на

фронте и 85 дивизий во второй линии в резерве, 15 700 орудий и 2 800 самолетов). Железные дороги работали еще вполне удовлетворительно, фактически они каждый месяц подбрасывали на западный фронт не менее 7 дивизий и огромное количество боевого имущества: артиллерию, боеприпасы, продовольствие и пр., а также перевезли единовременно 46 тяжелых австрийских батарей, так как Австро-Венгрия отказала в связи с исключительным обескровлением своей армии в посылке живой силы на англо-французский фронт.

Накопление дивизий на западный фронт шло таким образом:

1 ноября	1917 г.	было всего	147	дивизий
1 декабря	1917 г.	» »	154	»
1 января	1918 г.	» »	170	»
1 февраля	1918 г.	» »	177	»
1 марта	1918 г.	» »	189	»
20 марта	1918 г.	» »	193	»

Конечно, германские железные дороги имели полную возможность значительно увеличить эти темпы. Но главное германское командование в основу своего наступательного плана кампании клало принцип внезапности удара, огромный же темп и значительные потоки эшелонов легче бы нарушали сохранение тайны сосредоточения сил и средств к фронту намеченного главного удара.

В начале главы мы писали, что в мартовском прорыве в Пикардии германцами было сосредоточено на 1 км фронта наступления 1 дивизия, 100 орудий и 15 самолетов.

Эти цифры и плотность насыщения техническими средствами расшифровываются следующим образом.

Фронт наступления Аррас—Ля-Фер равнялся 70 км. Людендорф сосредоточил на этот фронт несколько более $^1/_3$ всех дивизий из имевшихся на западном фронте 193 дивизий, т. е. 62 дивизии. Таким образом, включая резервы, на 1 км фронта прорыва приходилась, в среднем, 1 дивизия.

На этот 70-км фронт Людендорф сосредоточил 950 легких плюс 701 тяжелых плюс 55 большой мощности артиллерийских батарей, а всего 7 000 орудий и 1 000 самолетов, что составляет 100 орудий и 15 самолетов на 1 км фронта прорыва.

С точки зрения организации оперативно-тактического прорыва, конечно, эта гигантская работа по сосредоточению сил к месту наступления является весьма показательной. Но с точки зрения проблемы стратегического развертывания и тех задач, которые преследовал германский наступательный план кампании 1918 г. это сосредоточение было явно неудовлетворительным.

Оставлять целых 50 дивизий на совершенно второстепенном русском фронте в то время, когда Людендорф приступал к решению кардинального вопроса разгрома живой силы армий англо-французов, прямо-таки чудовищная стратегическая ошибка! Иметь целых 193 дивизии, 15 700 орудий (не считая траншейных) и 2 800 самолетов на западном фронте к 21 марта 1918 г. и наносить удар

лишь по линии наименьшего сопротивления и опять же на второстепенном амьенском направлении, которое меньше всего обещало возможность перерастания оперативно-тактического успеха в большую победу на всем стратегическом фронте, это опять же нисколько не говорит в пользу автора германского плана кампании 1918 г.

Как мы уже знаем, союзники решили до подхода американских сил вести лишь жесткую оборону. Между прочим, в ответ на сведения о продолжавшемся из месяца в месяц усилении германского фронта лишь одни французы верили в возможность скорого наступления со стороны германцев, англичане же до 21 марта включительно считали, что французы преувеличивают опасность, а сосредоточение новых германских дивизий на западном фронте расценивали, как естественное явление в связи с выходом России и Румынии из мировой войны.

Было ли такое настроение в стане врага выгодным для Людендорфа? Безусловно. Оно было выгодным уже потому, что до 21 марта союзники, в о-п е р в ы х, так и не могли определить, откуда именно последует удар, в о-в т о р ы х, вместо 193 дивизий считали, что германцы на западном фронте располагают лишь 167 дивизиями. Было ли выгодно для Людендорфа, что противник преуменьшил его силы на целых 26 дивизий? В этом сомнений быть не может.

Какие силы союзники могли противопоставить к 21 марта на всем стратегическом фронте 193 германским дивизиям, 15 700 легким и тяжелым орудиям, 2 800 самолетам? Эти силы были: 172 дивизии союзников, 15 750 легких и тяжелых орудий, 3 784 самолета, 893 танка и 9 кавдивизий. Как видим, соотношение сил было далеко не в пользу союзников. А если учесть, что германское командование держало в своих руках инициативу действий, имело одну армию, а не разнонациональную, как союзники, единое командование, а не несколько независимых главкомов, как англо-французы, наконец, что германцы имели армию, которая была во всех отношениях более сильно подготовлена к большим операциям и маневру, — то картина общего соотношения сил будет еще более наглядной.

Является вопрос, мог ли Людендорф при этом соотношении сил и средств организовать первый удар сразу же на парижском направлении, а не распылять свои силы в дальнейшем на несколько разновременных ударов-прорывов. Нам думается, что вполне мог, причем эта возможность несла бы с собой более реальную перспективу успеха, если бы на восточном русском фронте было бы оставлено не 50, а максимум 10 дивизий, если бы со всех фронтов главное германское командование во имя основного успеха на франко-британском фронте действительно собрало бы все возможное в отношении живой силы, технических средств, и других материалов по снабжению армии.

В свете этих событий и характера операций первой половины 1918 г., которые провели германцы на западном фронте, все говорит за то, что Людендорф мог бы к началу первого мартовского

наступления иметь грандиозный успех на западном фронте. Но для этого необходимы были два основных условия:

1) иметь твердый целеустремленный стратегический путь в плане кампании с действительно твердым централизованным руководством сражением и

2) сконденсировать в один или два одновременных мощных удара (на Амьен и Париж) все те мартовские, апрельские, майские и июньские удары, которые вело последовательно, но без решительного успеха, германское главное командование в первой половине 1918 г. на западном фронте.

Но что можно было сделать в марте—апреле, то безвозвратно было потеряно в последующие месяцы борьбы. И если первый удар Людендорфа вызвал жестокое сопротивление союзников, то последующие его удары все более и более усиливали энергию сопротивления со стороны противника вплоть до того момента, когда сосредоточилась американская армия и в общем соотношении сил сторон Антанта получила явное преимущество.

Чем более тщательно изучаешь характер оперативно-стратегического творчества германского главного командования до первого мартовского наступления в Пикардии, тем более ясным становится, что Людендорф и весь его антураж не поняли основного. Они не поняли сущности того положения, в котором находились. Они не поняли, что, находясь в крайне тяжелом политическом и экономическом положении по сравнению с Антантой, они не могли ни на один лишний месяц затягивать войны.

Отсутствие надлежащего понимания реального соотношения сил пронизывает весь грандиозный план наступательной кампании 1918 г., делая его в основной фундаментальной части насквозь гнилым и зависимым от различного рода случайностей, предвидеть которые было вполне возможно.

Отсутствие реального политико-стратегического прогноза является характерной особенностью германского плана кампании 1918 г. И только лишь безнадежные фантазеры могли полагать, что такой политической и военной линией поведения Германия могла добиться в 1918 г. более или менее выгодного для себя мира.

Директива Людендорфа о начале прорыва-наступления

Перед отдачей первой директивы для наступления-прорыва расположение 13 германских армий и армейских групп на всем западном фронте было следующее (таблица 34, стр. 408 и 409).

Эти грандиозные силы и технические средства должны были посредством кровавого соревнования не только вырвать инициативу действий из рук союзнических армий, но и дать Германии «почетный мир».

Германским командованием перед отдачей первой директивы была проделана большая подготовительная работа. Весь январь и и февраль войска и начальствующий состав не только изучали инструкцию «Наступательное сражение в позиционной войне», о ко-

торой мы говорили выше, но они целыми войсковыми соединениями тренировались по ней в тылу боевого фронта. Для этого ряд дивизий поочередно отводился в тыл для прохождения курса обучения. Всей армией от самого высшего начальника и до последнего солдата с исключительной методичностью, упорством и пунктуальностью изучалась основная мысль инструкции, составленной Людендорфом, в которой он говорил:

«Мы должны вновь воскресить в мышлении армии все те прекрасные начала наступательных действий, которыми были проникнуты наши уставы перед войной, но их надлежит дополнить в соответствии с новейшим боевым опытом».

И надо отдать справедливость войскам и командованию, за трехмесячную подготовку к наступлению они проделали действительно гигантскую работу, причем каждая войсковая единица (главным образом были дивизионные учения) упражнялась в атаках укрепленных полос, возведенных в тылу фронта, не менее 3 недель.

Вопрос **внезапности** удара ставился во главу угла всего обучения; для этой цели тщательно изучались методы маскировки, демонстрации и снабжения многомиллионной массы всем необходимым для боя и пр. Вопросу тесного боевого взаимодействия всех родов войск при прорыве-наступлении уделялось особое внимание, для чего авиация, артиллерия, химическое оружие и пехота на учении упражнялись совместно, причем в последние 2 дня учения артиллерии разрешалось пускать в ход боевые патроны, тем самым создавая более реальную обстановку, приближавшуюся к той, в которой придется действовать при прорыве.

В общем все войска, включая сюда резервы и дивизии, прибывшие с других фронтов, к первым числам марта уже прошли основной курс обучения и подготовки и ждали, когда последует приказ главного командования с оперативно-тактическими задачами для армий, предназначенных нанести первый удар противнику.

10 марта 1918 г. командующие фронтами и армиями получили следующую директиву главного германского командования:

«Его величество соизволил приказать:

1. Атака «Михаэль» [1]) (иными словами, атака 17-й, 2-й и 18-й армий между Круазель—Ля-Фер. В л. М.) состоится 21 марта. Нападение на первую неприятельскую позицию в 9 час. 40 мин. утра.

2. Первым стратегическим заданием группы кронпринца Рупрехта является охватывание англичан в секторе Камбре и занятие района севернее р. Оминьон, впадающей в Сомму, до линии Круазель, Бапом, устье Оминьон. При удачном ходе атаки на правом крыле (17-я армия. В л. М.) её следует продолжить за Круазель. Даль-

---

[1]) Поскольку, директива отдавалась заблаговременно, за 11 дней до начала прорыва-наступления, эти условные обозначения «Михаэль», «Эрценгель» имели целью зашифровать оперативно-тактические намерения германского командования, о которых знал узкий круг высшего командования германской армии (фронт и армия).

Таблица 34

Фронт и его протяжение	Армии	Протяжение	Км	Штаб армии и удаление от переднего края обороны	Дивизий[1] на фронте	Дивизий[1] в резерве	Орудий[2] легких	Орудий[2] тяжелых	Орудий[2] траншейн	Боевых самолетов	Танков	Бойцов
Фронт кронпринца баварского Рупрехта	4-я—ген. Армии	От моря до Вервик	50	Тильт — 25 км								
Штаб фронта Монс. Удаление от линии фронта 85 км	6-я—ген. Кваст	От р. Лис до Лиса	60	Турне — 50 км								
Протяжение от Остенде до Гельмон (искл.) — 160 км	17-я—ген. Отто Белов	От Ленса (искл.) до Шельды	40	С.-Аманд — 55 км								
	2-я—ген. Марвиц	От Шельды до Гельмон	25	Ле-Като — 30 км								
Фронт кронпринца германского	18-я—ген. Гутьер	От Гельмон до Ля-Фер	40	Лешель — 45 км								
Штаб фронта — Шарлевиль	7-я—ген. Боен	От Ля-Фер (искл.) до р. Эн	50	Марль — 30 км								
Удаление от линии фронта — 80 км	1-я—ген. Фриц Белов	От р. Эн до р. Эр	45	Ретель — 35 км								
Протяжение от Гельмон до р. Эр — 190 км	3-я—ген. Эйнем		60	Вузье — 25 км								
					108	85	9 700	6 000	16 000	2 890	100	Свыше 2 миллионов
Фронт Гальвица												
Штаб — Монмеди.												
Удаление от линии фронта — 30 км	5-я—ген. Гальвиц арм. группа	От р. Эн до Этен (искл.)	40	Монмеди — 30 км								
Протяжение от р. Эр (искл.) до Паньи — 100 км	арм. группа С ген. Фукс	От Этен до Паньи	70	—								
Фронт герцога вюртембергского Альбрехта												
Штаб фронта — Страсбург	19-я—ген. Ботмер	От Паньи до ж. д. Люневиль — Сазербург.	80	С.-Абольд — 30 км								
Удаление от линии фронта — 60 км	Арм. группа А	и далее до швейцарской гран.	150	—								
Протяжение от Паньи до швейцарской границы — 200 км	Арм. группа Б	(см. схему)										

Примечания: 1) В правофланговых армиях от моря до Вердена в каждой в среднем находилось по 20—30 дивизий.
2) В правофланговых армиях от моря до Вердена в каждой в среднем находилось по 1500—2000 орудий.
За исключением фронта Альбрехта, где каждая дивизия в среднем занимала участок в 13 км, на остальных фронтах плотность колебалась от 2 до 6 км.

нейшей задачей группы является атака в направлении Аррас — Альбер, опираясь при этом левым крылом на Сомму у Перрона. Имея центр тяжести на правом крыле, надлежит поколебать английский фронт и перед 6-й армией, освобождая расположенные здесь на позиции германские силы для подвижной войны. В этом случае должны быть немедленно подтянуты все дивизии, стоящие за 4-й и 6-й армиями.

3. Группа германского кронпринца сперва продвигается до Соммы и канала Кроза, южнее Соммы. При быстром продвижении 18-й армии надлежит захватить переправы через Сомму и канал. Вместе с тем 18-я армия должна быть готова распространить свое правое крыло до Перонна. Группа заботится об усилении левого крыла 18-й армии дивизиями 7-й, 1-й и 3-й армий.

4. 2-я гвардейская, 26-я и 12-я пехотные дивизии составляют резерв главного командования (они были сосредоточены в районе Дуэ. В л. М.).

5. Окончательные решения об атаках «Марс» (т. е. атака 17-й армии по обе стороны р. Скарпы. В л. М.) и «Эрценгель» (атака 7-й армии южнее Ля-Фер. В л. М.) главное командование оставляет за собой в зависимости от хода операций. Подготовку производить без перерыва.

6. Остальные армии действуют согласно приказу начальника штаба от 4 марта 1918 г. за № 6925 (в этом приказе было указано артиллерийскую подготовку и демонстративные атаки вести на других участках фронта в период с 20 по 24 марта. В л. М.).

7. Группа Рупрехта, прикрывает правое крыло операции «Марс—Михаэль» против английской контратаки. Группа германского кронпринца предварительно и планомерно уклоняется от большой французской атаки против 7-й (исключая фронт атаки «Эрценгель»), 1-й и 3-й армий.

8. Главное командование оставляет за собой решение в отношении групп Гальвица и герцога Альбрехта об оперативных мерах при крупной атаке французов или дальнейшей переброске дивизий на поле боя».

Подавляющее большинство военных исследователей мировой войны в восхищении от содержания этой директивы Людендорфа. По их словам, она в полной мере выявляет стратегическое и оперативное искусство германского главного командования на высшей точке его развития перед открытием последней кампании Мировой войны 1914—1918 гг.

Мы же, оставляя этим исследователям право восхищаться данным произведением Гинденбурга и Людендорфа, можем лишь сказать, что оно весьма далеко от совершенства во всех отношениях.

Эта директива лишний раз говорит о начале заката оперативно-стратегического творчества германского главного командования, так как она в сконденсированном виде показывает, что наступательный план кампании 1918 г. с первого же дня своего существования будет обречен на малые тактические дела, которые не имеют никаких

шансов перерасти в масштаб оперативно-стратегический. В этой директиве, как в зеркале, отразилась сущность и самого плана кампании 1918 г., о котором мы говорили выше.

Как в самом плане не оказалось твердого стратегического пути, твердого выражения, «что я хочу», так и в этой директиве нет ни того ни другого. Куда должна перерастать тактическая победа прорыва, если она будет достигнута, оставалось совершенно неизвестным.

Читатель может несколько раз прочитать с картой эту директиву и он не найдет ответа, как же предполагало германское командование разрешить основной вопрос разгрома хотя бы английской армии, на участке которой оно намеревалось наносить свой первый главный удар, который должен был разделить англичан и французов.

Скорее эта директива преследует цель быть сильным во всех местах от моря до Вердена. А для чего же именно быть сильным, так и остается непонятным. Ведь нельзя же было думать, что посредством фронтального продвижения (согласно содержанию этой директивы) на 20—25 км в расположение обороны противника можно было решить вопрос полного разгрома английской армии. Нам кажется, так никто не мог думать из лиц, получивших 10 марта эту директиву.

Так что же думало германское главное командование, чего оно пыталось добиться постановкой таких задач фронтам и армиям? Неужели усиленная трехмесячная подготовка германской армии была направлена только к осуществлению этой ограниченной задачи? Конечно, нет!

Как мы видели выше, Людендорф преследовал цель посредством первого прорыва-наступления захватить район Амьена. Но Амьен отстоял на 75 км от переднего края обороны германцев. Мы более чем уверены, что Людендорф не мог предполагать, что с преодолением первых 25 км сразу же перед германскими войсками раскроется простор для широких маневренных действий. Слишком уж хорошо был учтен всеми опыт борьбы 1916—1917 гг., чтобы так упрощенно думать.

Ведь только по окончании мировой войны, когда Людендорф засел за составление своих воспоминаний, он мог выдумать фразу, что «останется ли противник перед районом прорыва в слабых силах и в дальнейшем, я, конечно, не мог знать». Но так он не мог думать, отдавая свою первую директиву в марте 1918 г., так как совершенно ясно предусматривал, что англо-французы не будут спокойно ждать, когда их окончательно разгромят и добьют, а будут самым энергичным образом сопротивляться и непрерывно усиливаться посредством маневрирования резервами из глубины. Если бы Людендорф был уверен в пассивности противника, то зачем же тогда нацеливаться на Амьен, когда был прямой расчет сразу же двинуться на Париж? Боязнь, что противник окажет неизмеримо большее сопротивление на парижском направлении и было одной из причин того, что первый удар направлялся на англичан и по стыку, который их разделял от французов. Мало того, в этой ди-

ративе определенно чувствуется опасение Людендорфа, как бы противник не сумел определить основное направление прорыва и как бы французы посредством быстрой переброски резервов к полю сражения не замедлили темпа продвижения вперед германских дивизий.

Итак, основная задача, которую преследовала эта директива, заключалась в захвате 20—25-км пространства в западу от переднего края обороны трех германских армий (17-й, 2-й, 18-й) с демонстративными атаками вправо и влево от участка Круазель—Ля-Фер. 20 марта в беседе с начальником штаба фронта Рупрехта ген. Кулем, который выдвинул мысль наносить первый удар именно против англичан, на вопрос Куля «что же будут делать дальше армии, когда они достигнут той линии, которая намечена директивой» — Людендорф ответил, что будут продолжать наступление дальше на запад. Он говорил, что «по всей вероятности, 17-я армия должна будет наступать на С.-Поль, 2-я армия на Дулен и Амьен, а 18-я армия, встретив сильное контрнаступление со стороны французов, едва ли сумеет развить наступление дальше Нуайона».

Содержание директивы от 10 марта и это высказывание Людендорфа в полной мере говорит о том, что Людендорф, организуя первый удар против англичан, очень мало верил в возможность посредством одного удара-прорыва добиться большого стратегического успеха. Призрак французской силы все время стоит перед Людендорфом, сковывая размах его наступательной энергии. Но за этим французским призраком стоял еще другой, более грозный — Соединенные Штаты Америки, американская армия и её техника; все это, взятое вместе, настраивало Людендорфа на длительный способ борьбы при осуществлении его плана кампании.

Мысль, высказанная Людендорфом в конце 1917 г., когда он еще только приступал к составлению плана кампании, что «борьба, начавшись на одном участке, продолжится на других», к 21 марта окончательно укрепилась и восторжествовала. Но, как мы уже говорили, эта мысль не являлась спасением. Она ни в какой степени не была единственно правильной для того конкретного политико-экономического и военного положения Германии, в котором последняя находилась к 1918 г.

50 дивизий продолжали находиться далеко на восточном (русском) фронте, 193 дивизии предназначались к серии прорывов то на одном, то на другом направлении. Нельзя было растягивать борьбу во времени, пространстве и усилиях тогда, когда был дорог каждый день, когда силы и средства страны и армии были на исходе и когда и без того сильный противник имел прямые возможности к дальнейшему своему усилению. Это понял автор германского плана кампании лишь в августе 1918 г., когда мартовский, апрельский, майский, июньский прорывы не достигли того, что от них ожидало германское главное командование и когда на окончательно обескровленную страну и армию обрушилось мощное полнокровное наступление союзников.

Итак, из содержания первой директивы от 10 марта ясно видно,

что 17-я армия и правый фланг 2-й армии наносят главный удар, в то время как левый фланг 2-й армии и 18-я армия обеспечивают операцию прорыва. На правом фланге ударных дивизий в районе Дуэ Людендорф сосредоточил свой резерв из трех дивизий, предполагая, что к этим трем он из глубины всегда может подбросить новые силы. Выделяя в резерв только три дивизии из имевшихся в резерве 80, Людендорф, очевидно, считал, что сил, намеченных для прорыва и выполнения первоначальной задачи, будет достаточно.

Кроме того, слишком уж большое скопление сил и технических средств к участку прорыва не только крайне стесняло бы те войска, которые предназначались к атаке, но также могло скорее быть обнаружено противником, который в последние дни перед наступлением проявил большую настороженность и нервозность (особенно французы). И надо сказать, что искусная работа германского командования окончательно запутала и англичан и французов, которые до самого последнего часа так и не могли точно сказать, откуда же последует главный германский удар. В этом отношении немцы в полной степени добились осуществления внезапности, а умелое распространение слухов, что главная атака последует в районе Реймса, имело полный успех. Но эта внезапность очень мало принесла пользы германским войскам и населению Германии, которое с нетерпением ждало результатов первого наступления. Все верили в победу, для достижения которой было отдано очень много сил, средств и времени, но далеко не все знали, что для наступления предназначалась лишь часть сил, собранных на англо-французском фронте. А если бы узнали, что к 21 марта на амьенском направлении будет брошено только 30% дивизий, 40% орудий и 35% боевых самолетов из наличия всех тех сил, которые к этому времени имелись на западном (французском) фронте, то в вероятность успеха так крепко не стали бы верить. Когда Людендорф пишет, что он 21 марта очень волновался за будущее первого прорыва-наступления, то для этого волнения у него были достаточно веские основания. Нельзя не волноваться, когда в плане кампании отсутствует твердый стратегический путь и твердая уверенность, что сделано все, чтобы движение по этому пути было целеустремленным. А может ли быть реально обеспечена целеустремленность, когда для питания её дается всего лишь $^1/_3$ сил и технических средств? Может ли быть спокойным полководец, когда он оставляет $^2/_3$ сил и средств в состоянии наблюдения за той решительной борьбой, которую будет вести другая $^1/_3$?

Почему же это так случилось? Ответ может быть лишь один: германское главное командование совместно с автором плана наступательной кампании 1918 г. плохо уяснили себе, как именно добиться того, что они задумали. А ведь задумали они немалое — разгром армий Англии и Франции.

Изучая распоряжения командующих фронтами и армиями, которые они отдали в развитие директивы от 10 марта, становится совершенно ясным, что все стремились лишь к выполнению ближай-

шей задачи, которая была указана в директиве. Создается впечатление, что фронты и армии полагали, что, вклинившись на 20—25 км в глубь обороны противника, они этим самым решали вопрос разгрома живой силы англичан.

Ни в одном приказе атакующих армий нет и намека на то, что эта первоначальная, ближайшая задача отнюдь не может являться конечной и что самая настоящая борьба последует именно после преодоления этих 20—25 км.

Если учесть характер борьбы на западно-европейском фронте, то командующих армиями, конечно, нельзя обвинять в том, что они так поняли свои задачи. Хотя они и хорошо изучили содержание инструкции Людендорфа «Наступательное сражение в позиционной войне», которая, в основном, рисовала им перспективы перерастания позиционной войны в войну маневренную, но опыт всех боев в период 1916—1917 гг. на западном фронте им напоминал, что слишком глубоких вторжений в территорию противника, несмотря на все усилия воюющих коалиций, не было. А поэтому ближайшая первоначальная задача вторжения в глубину обороны противника на 20—25 км являлась уже значительным шагом вперед по отношению к тем ординарным продвижениям в 2—3 км в сутки, которыми была наполнена борьба обеих сторон за последние 2 года войны на англо-французском фронте.

Армии, предназначенные для наступления, хорошо знали, что борьба в районе Камбре, который 7-я и 2-я армии должны были захватить в клещи, борьба по овладению укреплениями у Бапома и Арраса (17-я армия) и Арматьера (6-я армия) потребует много усилий и крови. Отсутствие единого руководства тремя наступающими армиями (17-й, 2-й, 18-й) также не могло не вызвать у командующих армиями тревожной перспективы, что при вторжении в оборону вместо удара кулаком, направляемым одной волей, может получиться удар растопыренными пальцами.

При директиве от 10 марта 17-й, 2-й и 18-й армиями должны были управлять два фронта, в то время как поставленные им задачи настоятельно требовали самого тесного боевого взаимодействия, которое не всегда удается, когда искусственно создаются лишние командные инстанции. Всем было известно, что основная и наиболее трудная задача ложится на 17-ю армию; она должна была решительным ударом захватить Ипр, а затем совместно со 2-й армией отрезать англичан в выступе у Камбре, с тем чтобы иметь успех у Бапома и Арраса. Но всем было также понятно, что кронпринц германский Вильгельм, которому Людендорф искусственно прирезал 18-ю армию, больше чем кто-либо хочет прославиться. Задачу же по директиве от 10 марта 18-я армия получила весьма скромную и вспомогательную; всилу этого все ожидали, что за это кронпринц совместно с победителем под Ригой в 1917 г., командармом 18 — ген. Гутьером отплатят по-своему. Так оно и случилось. Как известно, из вспомогательной армии уже в первые 2 дня наступления 18-я армия превратилась в р е ш а ю щ у ю, хотя

этому и помогали французы, которые начали усиленную переброску своих дивизий к участку германского прорыва, но во всем этом основную роль играло стремление кронпринца Вильгельма и ген. Гутьера отличиться больше всех и прослыть первыми победителями в первом большом наступлении.

В нашу задачу не входит детальный разбор самой операции прорыва, но мы считаем нужным подчеркнуть, что неумение (а в данном случае, вернее, нежелание) правильно организовать командование всегда несло огромные бедствия в боевой жизни. То же случилось и с Людендорфом: вместо одного главного удара получилось два (т. е. севернее и южнее линии Соммы), а силы и средства были рассчитаны лишь на один, а не на два удара по расходящимся направлениям. И, конечно, инициатор плана наступления на англичан ген. Куль (начальник штаба фронта Рупрехта) оказался совершенно прав, когда он после провала наступления на Амьен писал:

«Под влиянием тактических успехов 18-й армии все отклонились от намеченного ранее плана разбить англичан. Бой с англичанами обратился в сражение с англичанами и французами; из операции, первоначально преследовавшей реальную достижимую цель — побережье севернее устья Соммы — создалось две операции, для выполнения которых не хватило наличных сил».

На этом примере особенно наглядно видно диалектическое единство между стратегией и тактикой. Но, как мы видели, Людендорф и после войны не желает понимать этого, говоря в своих «Воспоминаниях»:

«Тактические требования надо ставить выше чисто стратегических, так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится. Стратегия, которая не задумывается над тактическими условиями, заранее обречена на безуспешность».

Благодаря такой эклектической постановке вопроса, вместо взаимозависимости, взаимопроникновения, взаимодействия стратегии с тактикой и получилось, что вторая половина вышеприведенного абзаца из Людендорфа разрушила первую. Стратегия Людендорфа не задумывалась должным образом над тактическими условиями, ставила тактические требования выше стратегических, вместо того, чтобы, исходя из реальных условий борьбы, добиваться, чтобы одно разумно дополняло другое. Эта стратегия и пожала такой урожай, когда из направления вспомогательного получилось решающее, а вместо сконцентрированного удара — удар растопыренными пальцами по расходящимся направлениям.

Мероприятия англо-французского командования по локализации германского прорыва на Амьен

В тот момент, когда германские армии изготовились выполнить директиву Людендорфа от 10 марта, когда 30% от 193 дивизий, 40% от 16 000 орудий (без траншейных) и 35% от 2 890 боевых

	Армии	Протяжение
Французы (ген. Петэн)	7-я — ген. Буасуди	От швейцарской границы до Бен-ле-Сант
Восточ. группа армий (ген. Кастельно)	8 я — ген. Жерар	От Бен-ле-Сант до Номени
Штаб группы Мирекур. Удаление от линии фронта — 60 км	1-я — ген. Дебеней	От Номени — Верден до ле-Шалад
Протяжение от швейцарской границы до р. Эн — 340 км	2-я — ген. Хиршауер	
Северная группа армий (ген. Франше д'Эспере)	4-я — ген. Гуро	От ле-Шалад до 10 км к вост. от Реймса (Прон)
Штаб группы — Авизе. Удаление от линии фронта — 65 км	5-я — ген. Мишле	От Реймса до Уазы
Протяжение от р. Эн до Уазы — 140 км	6-я — ген. Дюшен	
	3-я — ген. Умбер	В резерве Клемор
Англичане (ген. Хэг)		
Штаб Монтрейль в 80 км от линии фронта. Участок от Уазы до Лангемарка — 140 км	5-я — ген. Гафа	От Барисиздо до Гузакур
	3-я — ген. Бинга	Гузакур — Аррас
	1-я — ген. Хорна	Аррас — Арматьер
	2-я — ген. Плюмера	до Лангемарка
Бельгийцы (король Альберт)	—	от Лангемарка до моря
Американцы	—	—
Португальцы (на фронте англичан)	—	—
Итого союзников . .	13	—

Примечание. Каждая английская дивизия в среднем занимала 6 км, французская — 4 км.

Таблица 35

Км	Штабы армий и удаление от переднего края обороны	Дивизий: на фронте	Дивизий: в резерве	Дивизий: кавалерии	Орудий: легких	Орудий: тяжелых и траншейных	Боевых самолетов	Танков	Бойцов и штыков (в тыс.)
100	Люре — 35 км								
85	Флавиньи — 40 км								
120	Туль — 40 км								
	Суйи — 30 км								
		99	39	6	4 795	4 000	3 500	2 700	523	1 100
60	Шалон — 20 км								
80	Мерю — 45 км								
	более—35 км								
	—								
67	Нель — 40 км								
43	Альбер — 45 км								
50	Раншикур — 35 км	58	18	3	3 961	2 093	2 867	1 034	370	958
40	Касселе — 40 км								
35	Утеди — 30 км	9	3	—	430	160	200	—	—	80
—	—	1	—	—	192	120	70	-	—	20
—	—	2	—	—	—	—	—	—		
	—	169	60	9	9 378	6 373	6 637	3 734	893	2 158

ская -4 — 5 км, кроме Вогезов, где фронт дивизии доходил до 14 км, бельгий-

самолетов, имевшихся на западном фронте, уже были нацелены на Аррас—Крузевиль, Бапом, Перонн, устье р. Оминьон, в это время на англо-французском стратегическом фронте от Ньюпора до швейцарской границы союзные армии развернулись следующим образом (таблица 35, стр. 416 и 417).

Сопоставляя силы и средства обеих коалиций на западном фронте, мы видим, что они не так уж резко отличаются в количественном отношении друг от друга.

Германцы имели больше дивизий, они могли бы иметь их еще больше, если бы вопреки стратегической целеустремленности не оставили бы на второстепенном для них восточном фронте к моменту решительного удара на западе целых 50 дивизий. Самолетами, танками, кавдивизиями на всем фронте союзники были богаче, но в районе намеченного Людендорфом прорыва Круазель — Ля-Фер немцы были сильнее союзников (вернее, англичан, на участке фронта которых последовал первый удар). Здесь соотношение сил было такое:

германцы — 62 дивизии (без глубоких резервов), 6 800 орудий, 1 000 самолетов, 50 танков;

англичане — 29 дивизий (без глубоких резервов), 2 600 орудий, 500 самолетов, 200 танков.

Как видим, за исключением танков, у Людендорфа на участке прорыва было огромное превосходство сил и средств, совершенно неразгаданное союзным командованием, и если принять во внимание, что боевая подготовка германцев была несравненно выше англичан, то первоначальный успех несомненно переходил в руки атакующего. Но надо иметь постоянно ввиду, что голое превосходство сил и средств еще не является для прорыва решающим фактором. Здесь решающую роль играет искусство распределения сил и средств. Нельзя похвалить Людендорфа за то, что, намечая главный удар на фронте Круазель—Ля-Фер правым флангом (17-я и 2-я армии), он допустил, что вспомогательная 18-я левофланговая армия (24 дивизии) оказалась сильнее 2-й армии (21 дивизия) и только на четыре дивизии слабее 17-й армии. Получилось так, что 18-я армия, которая должна была по директиве от 10 марта играть роль обеспечивающей прорыв, оказалась в три раза сильнее противостоящих ей англичан (24 немецких и 7 английских дивизий, кроме того у англичан еще здесь было 2 кавдивизии). Как видим, кронпринц германский мог заранее радоваться (из его мемуаров так и следует), так как Людендорф дал ему по директиве от 10 марта задачу вспомогательную, а по силам решающую. И он действительно этому радовался, очень мало заботясь об общей задаче прорыва, так как всецело был увлечен мыслью прославиться в первом большом наступлении. Но получилось так, что слава и успех прошли и мимо Людендорфа, и мимо самовлюбленного и ограниченного кронпринца германского.

К марту 1918 г. политико-экономическое, финансовое, продовольственное положение у Англии и Франции было несравненно

более выгодным, чем у Германии. Подводная война и оккупация западных окраин России принесли очень мало пользы Германии; весной 1918 г. английский флот опять оказался хозяином на морях и океанах, а красногвардейские отряды неплохо сражались на Украине с австро-германскими оккупантами. Антанта с нетерпением ждала скорейшей высадки в Европе американцев, с тем чтобы окончательно получить подавляющее превосходство над державами Центрального союза. Прекрасная организация противовоздушной обороны столиц и торгово-промышленных центров в Англии и Франции весьма ограничивала успех воздушных налетов со стороны немцев. Военная промышленность союзников в своих качественных и количественных показателях ни на шаг не отставала от германской. Наличные технико-огневые средства на фронте и в тылу так же, как и у германцев, исчислялись десятками тысяч. Достаточно сказать, что месячная продукция в отношении пулеметов поднялась до 10—12 тысяч, винтовок до 130—150 тысяч, ежемесячное производство орудий доходило до 1 000 легких и 400 тяжелых, самолетов более 1 500, танков 120—150 штук, запас снарядов исчислялся до 30 миллионов, из которых во Франции было более половины.

Миллионные суммы, брошенные союзниками на пропаганду за победоносное окончание мировой войны, достаточно успешная агитационно-шовинистическая деятельность известных буржуазных пропагандистских организаций, лорда Нортклифа и других, обильно обеспеченная как в тылу, так и на фронте гигантски развернувшейся продовольственно-пищевой промышленностью — все это создавало для союзных армий, твердо решивших принять удар германцев, несравненно более выгодные условия по отношению к противнику. Тыл и боевая линия союзников были наводнены миллионами листовок с описанием кабальных условий Бухарестского мира (Румыния) и Брест-Литовского договора с соответствующими комментариями, утрировками и запугиванием.

Неслыханный до того времени кровавый террор буржуазии загнал в глубокое подполье революционно-классовое противодействие со стороны широких рабочих масс Англии и Франции. Рабочие массы этих стран, как и других, посредством тяжелого пресса диктатуры военно-полевых судов были терроризированы и придавлены. Широкая буржуазная пропаганда о том, что больше уже не повторится «таких несчастий, вроде наступления ген. Нивелля», что как бы «ни бесился в предсмертных судорогах издыхающий германский зверь, гибель ему обеспечена», «могила ему уже уготована» — имела свой успех. Но особенно союзники старались убедить население и армию в том, что победа твердо обеспечена фактом вступления в войну Соединенных Штатов Америки на стороне Антанты. Листовки с лозунгами «мы сильнее, чем когда-либо, победа за нами, вопрос только времени» можно было найти везде и всюду. Такие же листовки и лозунги, конечно, имелись в огромном количестве и в Германии, но, как мы видели выше, политическое и материальное

обеспечение этих лозунгов было неизмеримо слабее, чем у союзников, а перспектив для их усиления также не было, так как мощный гигант — Соединенные Штаты Америки в решительный момент оказались на стороне Антанты, а не Германии.

Последняя надежда оставалась на осуществление победоносного наступления по плану кампании 1918 г. Но эта надежда была для Германии более чем проблематичной, да и само-то содержание плана кампании Людендорфа было весьма далеко до совершенства. Слишком уж много прорех и промахов было заложено в это последнее оперативно-стратегическое творчество германского главного командования.

Если английский главком Хэг скептически относился к возможности нового наступления со стороны Германии весной 1918 г., то французское командование во главе с ген. Петэном не только убеждало Хэга, но и конкретно готовило ряд контрмероприятий против германцев. Для Петэна было ясно, что не спроста изо-дня в день прибывают на западный фронт все новые силы и средства германцев. И если англичанам (французы в лице Петэна, как увидим ниже, были более прозорливы) так и не удалось определить участок первого германского прорыва и его конкретную силу, то французы все же кое-что узнали.

Союзническая разведка доносила, что подготовка идет на всем протяжении стратегического фронта, но где была бо́льшая подготовка, данных она не имела. В феврале и затем в марте Петэн созывает всех командующих группами армий, он убеждает своих сотоварищей, что надо быть готовыми к отражению германского наступления, которое последует, по всей вероятности, сразу на двух направлениях с двух участков. В марте он твердо заявил: «Главный удар последует на английском фронте между рр. Скарпой и Уазой, а вспомогательный между рр. Эн и Сюипп». Англичане, искренно не желая быть атакованными первыми, всемерно стремились разубедить Петэна и отказаться от этой для них неприятной гипотезы. Они говорили, что Людендорф поведет наступление по линии наибольшего сопротивления, а поэтому главная атака немцев последует в Шампани, а вспомогательная между рр. Скарпой и Уазой. Но, как видим, Петэн оказался более правым и прозорливым. Петэн указал командующим группами, что от искусного и быстрого маневрирования резервами, от обеспечения их 100% силой железнодорожного и автомобильного транспорта будет зависеть успех прочной обороны и локализации наступления противника. Резервы должны быть свежи и хорошо укрыты перед вводом их в дело.

Он приказал французские резервы разместить вблизи железнодорожных узлов и районов сосредоточения автотранспорта. Это сосредоточение резервов оказалось следующим:

1) За восточной группой армий (между Вогезами и Аргоннами) — 18 дивизий, 18 полков тяжелой и 4 полка легкой артиллерии.

2) За северной группой армий между Аргоннами и

р. Уазой) — 19 дивизий, 17 полков тяжелой и 6 полков легкой артиллерии.

3) 36-й арм. корпус (две дивизии) за линией обороны бельгийской армии (район Дюнкирхена).

4) 24 истребительных и 15 бомбардировочных эскадрилий (около 600 боевых самолетов) в районе Суассон и Шалон. Кроме того, позади линии резервов было расположено 18 эскадрилий между Аргоннами и р. Уазой и 12 эскадрилий за линией Нанси — Бельфор.

К 15 марта английский главком Хэг сообщил Петэну, что расположение его дивизий на фронте и резервов будет следующим:

1) 42 дивизии он оставляет на фронте в боевой линии обороны.

2) 18 дивизий будут находиться в резерве, причем из этих 18 дивизий 8 дивизий между Аррасом и Ипром и 10 дивизий между рр. Скарпой и Уазой.

Как видим, союзное командование приняло настолько радикальные меры в отношении прочного удержания своей оборонительной линии, что противнику не так-то легко было ее прорвать, а главное получить успех в глубине.

Конечно, для союзников было бы куда выгоднее иметь договоренность в отношении германского главного удара и, исходя из этой договоренности, создать общесоюзный резерв, но слишком уж была сильна у них разноголосица в вопросах организации общесоюзного командования. Каждый считал себя главным, каждый хотел быть в первых ролях и действовать на переднем плане. Каждый стремился наиболее прочно сохранить свои жизненные районы и обеспечить свои наиболее ценные для него направления. Англичане — побережье с портами своих высадок и связью с метрополией, французы, главным образом, парижское направление. Достаточно посмотреть, как англичане и французы распределили местоположение своих резервов, чтобы заключить, что каждого из них интересовал, главным образом, свой участок фронта. Разграничительная линия между английской и французской армиями (р. Уаза) оказалась не органически связывающей единство действий и удобоуправляемость обоими фронтами (английским и французским), а настоящим водоразделом, крепким забором, на который каждый из союзников время от времени с опаской оглядывался. Вместо взаимодействия и взаимоподдержки решающий лозунг был «не подведи».

И если французские резервы в момент успешного первоначального удара Людендорфа на Амьен были брошены к правому флангу английского фронта, то отнюдь не для того, чтобы помочь англичанам, а потому, что стала реальной угроза парижскому направлению. Последнее обстоятельство англичане великолепно учитывали и по вековой своей традиции брать горячие каштаны чужими руками стали везде и всюду обвинять французов и Петэна, что они их «подводят».

И мы более чем уверены в том, что если бы Людендорф, имевший огромное количество фактов постоянной разноголосицы у внутрисоюзного командования, учел бы все это и повел свой пер-

вый удар против французов на парижском направлении, то было бы другое положение с вводом в дело английских резервов, чем вводом французских. Английские резервы, конечно, не остались бы в состоянии окаменения, напротив, ген. Хэг их стал бы для видимости продвигать с места на место, он бы ими маневрировал «по-своему», с таким расчетом, чтобы они ходили бы близко и около, без реальной помощи французам.

Кроме того, сейчас же последовала отовсюду серия версий, слухов, непроверенных фактов, донесений, что немцы сосредоточили огромные силы против левого фланга англичан, с тем чтобы ударить в направлении портов Кале — Дюнкирхен. Всилу этого ген. Хэг решает срочно перебросить резервы на левый фланг и настоятельно советует Петэну французские резервы из восточной группы армий поскорее присоединить к резервам парижского направления. Этим самым по старой традиционной английской политике и стратегии была бы формально оказана «помощь» (советом) союзнику и конкретно устранена всякая возможность оказать реальную помощь своему соседу. Например, ген. Хэг не мог себе простить то, что бросил 5 английских дивизий на помощь итальянскому фронту в 1917 г. и что эти дивизии там застряли.

В момент развития мартовского наступления немцев на Амьен он громогласно проклинал все и вся за эту роковую ошибку англичан, он открыто говорил и писал, что «англичан подвели», оставили обессиленными, тогда как эти 5 дивизий до крайности нужны на участке английского фронта. Вот этого-то и не хотел понять Людендорф, который своими действиями делал об'ективно все, чтобы скорее наступил ответственный политический момент твердого об'единения союзного командования. Именно политический момент, так как военно-стратегический кризис у союзников во время мартовско-апрельских наступлений немцев против англичан был настолько тревожен для политиков Антанты, а прорехи настолько ясны, что теперь Ллойд-Джордж требовал от Клемансо скорейшего разрешения вопроса об организации общесоюзного верховного командования. В случае же первого мартовского удара немцев не на Амьен, а на Париж, Клемансо также стал бы категорически требовать скорейшего назначения союзного глазковерха, но в этом случае Ллойд-Джордж и Хэг наверное бы привели тысячу и одну причину несвоевременности этого шага, всей его рискованности и малой политико-стратегической целесообразности. Кроме того, зная, что американский главком Першинг всецело разделял точку зрения по этому вопросу английского главкома Хэга, Ллойд-Джордж нашел бы пути или оттянуть этот вопрос или же потребовать, чтобы общесоюзный главковерх был бы англичанин. А такое решение вопроса опять же играло бы на руку. Людендорфу, так как Хэг и Фош, как наиболее вероятные кандидаты от французов и англичан, были в отношении подготовленности к управлению многомиллионными массами величинами трудно соизмеримыми. Конечно все сказанное еще больше усложнилось бы

для союзников, если бы Людендорф в марте 1918 года повел два одновременных удара на Амьен (англичане) и Париж (французы), как об этом мы писали на стр. 401.

Случилось так, что все эти немаловажные факты не были учтены автором германского плана кампании 1918 г., лейтмотивом которого было заключение «почетного мира», ибо Людендорф был больше военный оператор-стратег, чем политик; но в действительной жизни примат всегда был и будет за политикой, а не за военной стратегией. Военная стратегия и политика имеют полное взаимопроникновение и взаимодействие, но руководящая роль была и остается за политикой. Всилу этого полноценным военным вождем может быть лишь политик-стратег. Но если 4-летняя мировая война не дает нам ни одной такой фигуры, то все же французская империалистическая буржуазия нашла более подходящего кандидата на эту роль политика-стратега в лице знаменитого полководца Франции Фоша, который в этом отношении оказался более разносторонним и полноценным, чем Людендорф.

Во всяком случае, мы не представляем себе Людендорфа, с его отличительными качествами, о которых мы будем подробно говорить ниже (см. главу «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа») в роли главковерха разнонациональной многомиллионной армии союзников. Слишком уж прямолинеен и однобок по своему образованию и по своему характеру для этой роли искусного дипломата-координатора был Людендорф; с другой стороны, для этой роли Фош оказался наиболее подходящим из всех генералов двух коалиций Мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

Провал германского наступательного плана кампании 1918 г.

Наступательный план Людендорфа осуществлялся с небольшими перерывами во времени, которое шло на подготовку к новым прорывам, с 21 марта по 4 августа, т. е. почти 4½ месяца продолжалось наступление. За это время германские армии последовательно сделали несколько оперативно-тактических вдавливаний в оборонительную полосу стратегического фронта союзников, сравнительно очень неглубоких и без какого-либо стратегического результата. Хронологически вся наступательная энергия главного германского командования представляется в следующем виде:

1) Наступление в Пикардии (по обе стороны р. Соммы) на Амьен с 21 марта по 4 апреля; в нем приняли участие 17-я, 2-я и 18-я германские армии. В этой операции немцы в первый раз за 1918 г. атаковали англичан.

2) Наступление во Фландрии на р. Лис в период с 9 по 30 апреля; здесь 4-я и 6-я германские армии во второй раз атаковали англичан.

3) Наступление на р. Эн в направлении Шмен-де-Дам — Шато-Тьерри продолжалось с 27 мая по 4 июня; в этот период времени 7-я и часть 1-й германских армий атаковали французов на парижском направлении.

4) В коротком пятидневном ударе на Компьен с 9 по 14 июня приняла участие лишь одна 18-я германская армия.

5) Наступление на р. Марне в период с 15 июля по 4 августа; в эту «вторую Марну» добивались выигрыша победы 7-я, 1-я и 3-я германские армии.

Все эти наступательные операции-прорывы велись по одному шаблону, однообразным порядком и, несмотря на тщательную подготовку к каждой операции, несмотря на громадное количество живой силы и технических средств, все эти прорывы, кроме незначительного захвата территории союзников, значительных потерь с обеих сторон, ни к чему стратегически большому не привели. Материальные показатели всех этих наступательных операций Людендорфа видны из таблицы 36 (стр. 426).

Мало того, ни один из этих прорывов не выполнил ни разу тех конечных задач, которые ставил им Людендорф.

Для первого наступления-прорыва на 70-км фронте на Амьен Людендорф собрал 65 дивизий, 6 800 орудий, 1 000 самолетов, 10 танков против 36 дивизий, 3 000 орудий, 500 самолетов, 216 танков англичан и в конце концов Амьен так и не был взят, германские дивизии продвинулись в центре прорыва на 65 км и на флангах только на 4—5 км, застыв в обороне в 15 км к востоку от железнодорожного узла Амьен, который связывал Париж с портом высадок английских войск — Кале.

Эта операция замечательна не только с точки зрения длительного кровавого соревнования обеих сторон за захват укрепленных линий и за их удержание, но также как превосходный пример маневрирования резервами из глубины. За 18 дней упорных боев французы подтянули к месту прорыва 25 дивизий, а затем в процессе борьбы бросили сюда еще 15 дивизий. Уже к 8 апреля германское командование, видя, что прорыв не достигнул цели, сосредоточило на этот фронт 25 новых дивизий, которые пачками по нескольку дивизий в процессе операции бросались в бой. 180 000 англичан и 1 000 орудий было выведено из строя за эту операцию, 160 000 чел. потеряли немцы и все же, несмотря на это огромное боевое усилие, наступление провалилось.

Для второго наступления-прорыва с участка Кеммель—Ипр в направлении Кале — Дюнкирхен Людендорф собрал 39 дивизий против 25 английских. В процессе сражения к полю боя было подброшено на автотранспорте и по железным дорогам 10 французских дивизий. В результате потеря 140 000 чел. со стороны германской армии и продвижение только на 18 км в глубь английской обороны.

В третьем наступлении на Париж Людендорф стянул 14 германских ударных дивизий против 6 французских и английских. И все же это наступление на фронте Аббекур — Бримон, в котором приняли участие всего 31 германская дивизия против 20 франко-английских, не достигло цели. 40-км фронт наступления имел 4 400 орудий против 1 130 орудий союзников, на каждый километр фронта приходилось 20 германских боевых самолетов и в результате прорыв

так же захлебнулся в своей крови, как и предыдущие. При этом потери немцев составили 126 000 чел. Фош к месту прорыва бросил 40 дивизий, они-то и остановили движение германских армий на Париж, даже не дав последним захватить переправы через Марну.

Примерно то же самое случилось и с последними двумя германскими наступлениями на Компьен и на р. Марне (так называемая «вторая Марна» [1]). Несмотря на огромное применение химических снарядов, оба эти наступления дали лишь 10—12 км продвижения в центре прорыва и втрое меньше на его флангах. Начавшееся контрнаступление Фоша (10-я армия ген. Манжена) к 4 августа срезало мешок — Реймс—Шато-Тьерри—Суассон, тем самым сведя на-нет эту последнюю наступательную операцию Людендорфа и отбросив германские войска за р. Вель. На этом трагедия германского плана кампании 1918 г. закончилась, инициатива действий перешла в руки союзного командования, во главе которого с апреля 1918 г. стоял ген. Фош.

Германские войска и их командование оказались лучшими учителями для союзников. С каждым прорывом они давали в руки последних все больше и больше уверенности, что наступательная энергия противника выдыхается. Они же научили союзников тому, как в новых условиях производить прорывы и им противодействовать. Специальные научно-исследовательские комиссии, организованные Фошем при группах армий, тщательно собирали свежий материал, его обрабатывали и обобщали, передавая свои конкретные выводы командованию и войскам союзников.

Эти несколько неудачных наступательных операций Людендорфа не только явились лучшей аттестацией разработанного им плана кампании 1918 г., но также они окончательно похоронили для Германии возможность заключить более или менее выгодный для нее мир. С каждым новым неудачным прорывом удалялась надежда на благополучное для германского главного командования окончание войны. Это ясно чувствовалось в Германии всеми и в первую голову Людендорфом.

Провал наступления на Украине, которое отняло огромное количество дивизий, не дав желательных результатов, провал за провалом на западном театре военных действий ясно говорили Людендорфу, что надо было бы в марте наносить лишь один мощный удар на Париж, а не несколько разновременных по всему стратегическому фронту союзников. И в случае, если бы этот удар на Париж не привел бы к цели, то надо было бы, исходя из конкретного анализа соотношения сил сторон, просить мира у союзников, а не бесцельно тратить последние живые силы в серии наступлений-прорывов.

Если «стратегия буйвола», «стратегия мешков» с ее тяжеловесными ударами была еще возможна в условиях борьбы 1916—1917 гг.,

---

[1]) См. наше исследование «Вторая Марна — 1918 г.». Журнал «Война и революция», кн. 5, 1931 г.

Таблица 36

Наступательные операции-прорывы	Армии	Ширина фронта наступления (км)	Силы и их эшелонирование (дивизии)				На одну дивизию 1-го эшелона приходилось (км)	На 1 км фронта атаки приходилось			Глубина размаха операции (км)	Темп операции (средне-суточное продвижение) (км)
			1-й эшелон	2-й эшелон	3-й эшелон	Всего		орудий	самолетов	танков		
Наступление в Пикардии (21 марта)	17-я	16	9	6	2	17	1,8	100	19	—	31	2,2
	2-я	21	9	5	4	18	2,3	80	12	—	75	5,3
	18-я	33	12	8	4	24	2,75	86	9	0,5	84	6
Наступление во Фландрии на р. Лис (9 апреля)	4-я и 6-я	16	9	5	3	17	1,8	112	20	1	18	2
Наступление в Шампани на р. Эн (27 мая)	7-я и часть 1-й	44	14	5	6	25	3,14	90	15,6	0,3	60	8
„Вторая Марна" (15 июля)	7-я	34	12	4	4	20	2,8	100	12	—	10	3,3
	3-я	23	8	3	2	13	2,9	110	13	—	6	2
	1-я	23	7	3	2	12	3,3	90	16	—	5	1,7
Контрнаступление французов (Виллер - Коттере 18 июля)	10-я — ген. Манжена	24	10	2	4+3 кав.	16+3 кав.	2,4	65	22,5	14	25	2

Таблица составлена по данным: Людендорфа, Штенгера, Бозе, Иохима, Куля, Манжена, Палата, Базаревского, Варфоломеева и др.

то эта стратегия для 1918 г. была для Германии и ее армий гибельной. Она уносила последние соки и силы, не давая никаких реальных результатов в борьбе. За эти 4½ месяца немцы потеряли около 800 тыс. человек, получив за это лишь три небольших мешка в оборонительной линии союзников. Эти мешки погубили не только мир для Германии, но они вызвали к жизни огромную энергию противодействия со стороны союзников и ускорение приезда американской армии с ее обильной техникой и снабжением.

Изучая во всех деталях все эти наступательные операции-прорывы Людендорфа, приходится просто удивляться, с какой педантичностью и однообразием с каждым новым прорывом он писал себе и своей армии смертный приговор. Однообразие методов и приемов, которые применял Людендорф в своих прорывах, уже после майского прорыва к Марне позволило союзникам расшифровать их во всех подробностях. Этот опыт союзники хорошо учли и испробовали в первый раз на практике 18 июля 1918 г. (операция 10-й армии ген. Манжена).

И если в тактическом отношении прорывы Людендорфа удавались, то они ни разу не переросли в оперативно-стратегический успех. Игра была весьма примитивной и однообразной с обеих сторон. Как только германские ударные дивизии, получив успех в центре прорыва, начинали продвигаться в глубь обороны союзников, командование последних быстро сосредоточивало на флангах прорыва резервы из глубины, брало в огневые клещи эти прорвавшиеся дивизии и очень скоро после начала наступления заставляло немцев опять зарываться в землю. Этим и об'ясняется, почему во всех прорывах Людендорфа на флангах был крайне мизерный успех в несколько (4—6) километров продвижения.

После первых прорывов союзное командование уже не рассчитывало на то, что посредством наблюдения за артиллерийской подготовкой противника оно определит место и время начала германского прорыва. Оно теперь уже хорошо знало, что за ночь атакующие дивизии подходят к исходной линии и на рассвете при поддержке короткой артподготовки (2—3 часа) или огневого артиллерийского вала переходят в наступление. То же самое проделал Фош с армией Манжена, атака оказалась для германцев такой же внезапной, как 9 апреля германская атака для англичан и французов.

Несмотря на то, что химическое оружие, авиация и артиллерия применялись немцами в значительных размерах, все это не давало желательного результата, так как противник был силен, верил в свою победу, непрерывно усиливал свои ряды и постоянно активно противодействовал замыслам Людендорфа. Повторяем, плачевные результаты наступательной кампании 1918 г. Людендорфа явились прямым следствием огромных политических и оперативно-стратегических ошибок и промахов, которые были допущены к марту 1918 г. германским главным командованием. Людендорф на конкретном примере этой своей работы мог ясно понять, что подни-

маться куда трудней, чем падать, и он упал вместе со своей армией так, что их уже никто не в силах был поднять.

Учитывая конкретную обстановку борьбы, мы считаем, что правильной организацией одного удара на Париж или одновременно двух ударов на Париж и на Амьен с переброской 40 дивизий с восточного (русского) фронта Людендорф более бы выиграл, чем производя бесцельные четыре удара, под которыми он похоронил не только 800 тысяч бойцов, но и значительно скомпрометировал свою славу крупного оператора-организатора германских побед в империалистической войне 1914—1918 гг.

ГЛАВА XVII

НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН КАМПАНИИ, СОСТАВЛЕННЫЙ ГЕН. ФОШЕМ ДЛЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1918 г.

Ген. Вейган говорит, что «твердо брать на себя ответственность — наиболее отличительная черта в характере Фоша и чем больше, труднее, тягостнее ответственность, тем лучше Фошу».

Путь к главковерху многомиллионными армиями Антанты для Фоша был не легок и весьма извилист. Ряд его биографов подчеркивает, что далеко негладкой и счастливой была карьера этого полководца буржуазной Франции, прежде чем ему занять пост союзного главковерха.

До империалистической войны 1914—1918 гг. начальник французской военной академии, автор крупных научно-исследовательских трудов по стратегии и военной истории, которые приучили его к последовательному глубокому продумыванию военных явлений, Фош резко выделялся из ряда других генералов-полководцев армий Антанты.

Когда Фош узнал, что 50 дивизий Людендорф оставил в начале 1918 г. на второстепенном восточном (русском) фронте, в то время как главный и решающий удар он решил наносить на западе — Фош спокойно сказал:

«Такие решения никогда не были целесообразны, не будут они и спасением для главного германского командования».

Критикуя своего противника, Фош не мог согласиться, что в момент решения важнейшей стратегической задачи можно так беспечно ослаблять свое положение на главном фронте.

Второй раз, когда в мае 1918 г. научно-исследовательские комиссии при группах французских армий, которые организовал сам Фош, представили ему отчет, откуда было видно, что Людендорф из имевшихся у него на западном фронте 193 дивизий наносил свой главный удар на Амьен лишь 65 дивизиями, Фош воскликнул:

«Теперь мне понятно, почему германская волна разбилась о берег!».

Фош очень высоко ценил выучку германской армии, он старательно и постоянно изучал ее боевой опыт. Фош постоянно внушал

своим командующим армейскими группами, своим командующим армиями, корпусами и дивизиями самым внимательным образом изучать методы боевой работы противника. Он беспощадно карал и отстранял от должностей тех командиров, у которых замечал пренебрежительное, поверхностное отношение к противнику. Он говорил: «Не такой германцы враг, чтобы безмятежно надеяться вырвать из его рук победу».

Назначение Фоша главковерхом произошло буквально под огнем неприятельской артиллерии. Германские армии в конце марта 1918 г. приближались к Амьену. Между Петэном и Хэгом продолжались крупные разногласия о методах противодействия этому германскому прорыву. Несогласованность и неразбериха в организации союзного командования не давали возможности командованию Антанты более или менее правильно анализировать оперативные намерения германского главного командования. В эти дни Фош находился на вторых ролях (он числился начальником штаба у Петэна).

Жоффр, Нивелль, Петэн, Хэг всегда видели в Фоше своего наиболее сильного соперника, а поэтому каждый по своему поочередно делали все, чтобы держать этого «стремительного, энергичного генерала» в служебной тени. Но блестящая боевая работа во главе 20-го корпуса и 9-й армии в период 1914 г., а также удачная работа в 1917 г. в Италии, когда разразилась катастрофа при Каппоретто, создали Фошу большую славу крупного военачальника. Советы Фоша итальянскому командованию были настолько целесообразны, что итальянское правительство сочло нужным открыто и широко заявить об этом.

Итак, когда германские войска подходили к Амьену, перед союзниками встал вплотную вопрос о защите или оставлении этого важного стратегического железнодорожного узла. Главком французской армии Петэн приказал построить западнее Амьена новую железную дорогу параллельно побережью и новый железнодорожный узел. Петэн склонялся к мысли оставить Амьен. Эту точку зрения Петэна поддерживали Хэг и Клемансо. На этом совещании в Дулане председательствовал Пуанкаре. Фошу было разрешено высказать его точку зрения на этот вопрос. Спокойным тоном, с твердой верой в правоту своей оперативно-стратегической гипотезы Фош указал на поспешность и ошибочность решения английского и французского главкомов, которых поддерживал французский премьер-министр Клемансо.

Фош говорил, что искусное маневрирование резервами и сосредоточение их на флангах прорыва с целью энергичного контрнаступления заставит германцев остановить их наступление. Фош предостерегал союзных главкомов от решения итти по линии наименьшего сопротивления, так как считал, что оставление Амьена будет огромной ошибкой.

«Амьен надо защищать до последнего солдата. Нельзя допустить, чтобы первый удар германцев закончился такой большой потерей. Темп продвижения противника в центре прорыва уже заметно

стал замедляться, а на флангах прорыва он вообще не имеет сколько-нибудь заметного успеха. Амьен должен остаться в руках союзников, несмотря ни на какие жертвы», — такова была точка зрения Фоша в довольно критический период жизни и боевой деятельности союзного командования.

Петэн, который боялся, что не хватит резервов, так как 18-я германская армия также продолжает развивать действия к югу от линии р. Соммы, был не согласен с Фошем и выступил против его предложения. Но Хэг, который в последний период времени находился особенно в неладах с Петэном, склонился на сторону решения Фоша. Кроме того, в этом решении Хэг видел для английских армий своего фронта много преимуществ, а поэтому он просил Клемансо присоединить свой голос и утвердить предложение Фоша.

Присутствовавший на этом заседании английский военный министр Майлнер открыто заявил, что мало еще принять план Фоша, надо поручить именно ему осуществить этот план в жизнь. Вопреки мнению французского главкома Петэна, так и было решено. На этом же заседании, 26 марта 1918 г., Фош был утвержден в оригинальной должности координатора союзных армий. Дословно в протоколе значилось: «Возложить на Фоша координацию действий союзных армий на французском фронте». Начальником его штаба был утвержден его старый соратник по боевой работе ген. Вейган.

И в тот момент, когда писался и скреплялся этот протокол, Фош уже стоял у телефона и отдавал распоряжения войскам о плане прочной обороны амьенского железнодорожного узла. В апреле, после второго удара немцев на р. Лис, французское, английское, американское, а затем в мае итальянское и бельгийское правительства официально назначили Фоша своим верховным главнокомандующим.

Сосредоточение всей полноты власти по руководству стратегическими операциями на всех фронтах мировой империалистической войны в руках Фоша и Вейгана было решением безусловно правильным. Это решение вносило больше согласованности в оперативно-тактическую деятельность разнонациональных армий. Антанты, устраняло местнические тенденции по руководству операциями со стороны отдельных союзных главкомов. Конечно, исключительный такт, выдержка, твердая стратегическая целеустремленность и крепкая воля в проведении необходимых решений требовались со стороны Фоша и Вейгана. Своими же первыми распоряжениями Фош должен был показать, что он стремится к осуществлению общих задач и что у него абсолютно нет тенденций ставить одну из союзных армий в более тяжелые условия работы за счет других. И надо отдать справедливость Фошу, с этой большой тяжелой обязанностью он справился блестяще. С каждым его новым распоряжением поднимался его авторитет. Глубокое и всестороннее продумывание общей стратегической обстановки на многочисленных фронтах с центром тяжести усилий на главном решающем западном фронте очень скоро убедило союз-

ных главкомов, что Фош стоит в своей подготовке и знаниях головою выше каждого из них.

В своих воспоминаниях Вейган и другие пишут, что в эти дни боевой работы Фош, несмотря на свои 67 лет, поражал всех юношеской энергией и гигантской трудоспособностью. Он спал 3—4 часа в сутки, быстрота его передвижений с одного участка фронта на другой, из одной группы армий в другую, главным образом автомобилем, была чрезмерной. Быстрая езда в прифронтовой полосе всилу частой порчи дорог от движения войск и от артиллерийских снарядов была далеко не безопасной. Но средняя скорость автомобиля Фоша была 100—110 км в час.

Вейган говорит, что без особой охоты садились в автомобиль Фоша, когда он предлагал следовать за ним тому или другому высшему начальнику. Постоянное стремление быть ближе к войскам и твердо держать в руках вожжи управления — отличительная черта оперативно-стратегического руководства Фоша.

Его появление в штабах низших инстанций вносило дух бодрости, уверенности в успехе и деловое конкретное руководство. Хмурый, вечно чем-то озабоченный, молчаливый, скупой на слова, спокойным, но твердым тоном он отдавал нужные распоряжения.

Линия поведения Фоша в первой половине 1918 г., после назначения его союзным главковерхом, в основном сводилась к активному отражению наступающих то там, то здесь немцев. Он стремился заставить немцев как можно больше терять живой силы на атаках укрепленных позиций союзников. «Необходимо, чтобы они истекли кровью в проволоке и железобетонных сооружениях нашей обороны до подхода американцев», — говорил Фош. Во время германских прорывов то Хэг, то Петэн настаивали перед Фошем на скорейшей переброске подкреплений с одного направления на другое. Например, Хэг во время наступления Людендорфа на р. Лис просил сменить его английские дивизии и дать новые французские дивизии на северный участок стратегического фронта союзников. Хэг говорил, что английские войска несут невероятно большие потери: за март и апрель выбыло из строя 300 тысяч англичан. На это Фош спокойно возражал, что знает тяжесть положения английской армии, «на которую сейчас смотрит, как и на ее вождя Хэга с надеждой все общественное мнение Антанты», но он не может итти на риск распыления сил, так как контрудар резервами из глубины должен носить характер мощного сконцентрированного удара. Что же касается огромных многочисленных потерь английской армии, то «это неизбежный удел столь ожесточенной борьбы», — закончил Фош.

Исходя из мысли, что необходимо на западном фронте в первую голову ликвидировать кризис с людскими запасами, которых становилось все меньше, Фош приказывает в конце мая вернуть шесть французских дивизий с итальянского фронта, приказав итальянскому главкому ген. Диецу с имеющимися силами и вновь набранными из новых призывных возрастов подготовить удар на итальян-

ском фронте, с тем чтобы привлечь туда силы и внимание германского главного командования.

Фош категорически требовал от Соединенных Штатов Америки скорейшей переброски максимума дивизий в Европу. Он говорил, что американское правительство и командование должны твердо уяснить себе сущность конкретной обстановки борьбы, сложившейся на западном фронте. Эта сущность выражена была Фошем американскому главкому ген. Першингу следующим образом: «Кризис,— сказал Фош Першингу, — который переживают все воюющие, есть прежде всего кризис личного состава армии. Нам нужны люди и люди. Если мы будем их иметь — мы победим, потому что Германия скоро их иметь не будет. Американскую артиллерию, материальные средства, генеральный штаб, управления и учреждения можно иметь позже. Пусть прибывают пехотинцы и пулеметчики. 21 апреля 1918 г. во Франции было 335 000 американцев. В апреле высажено 65 000 бойцов. Необходимо их прибытие впредь по 250 000 в месяц. Вы должны понять, генерал, что если мы проиграем сражение, если англичане будут отброшены к морю, а французы к Луаре, где же, когда и как расположится тогда американская армия?» Эти требования ген. Фош просил Першинга незамедлительно передать американскому правительству. Уже после майского прорыва на Шато-Тьерри Фошу стало ясно, что немцы имеют превосходство сил и средств лишь на участке данного прорыва, а потому искусное и быстрое сосредоточение союзных резервов к месту прорыва является решающим фактором. И надо сказать, что при Фоше маневрирование резервами из глубины получило наиболее яркое и поучительное выражение. Это целая новая тема для исследования, имеющая сейчас, в современных условиях, наиактуальнейшее значение. Внезапность майского прорыва немцев к Марне имела большой успех, но Фош своими 40 дивизиями, брошенными к району прорыва, несмотря на активную атаку их германскими бомбовозами и штурмовиками с воздуха, не только остановил немцев, но и не дал им захватить переправы через Марну, а затем собрал кулак для своего первого контрнаступления из района Виллер-Коттере (10-я армия ген. Манжена) .

В одной из своих работ «Вторая Марна 1918 г.» мы уже достаточно подробно разбирали план и выполнение первого удара Фоша, его 10-й армии ген. Манжена; здесь мы останавливаться на этом не будем, а отсылаем читателя к указанной работе. Отметим лишь, что организация и проведение этого первого удара были проделаны на основании тщательного учета всех материалов по германским прорывам, которые были изучены Фошем и союзным командованием к июлю 1918 г. И надо сказать, что методы и приемы этого наступления Фоша очень мало чем разнятся от германских прорывов в марте, апреле, мае. Удачный срез мешка Реймс — Шато-Тьерри — Суассон французскими войсками был первым взносом Фоша германскому главному командованию за 4—5-месячную учебу.

После того, как был отражен последний прорыв Людендорфа и быстро и удачно завершилась операция 10-й армии Манжена, Фош вплотную подходит к разработке стратегического плана кампании на вторую половину 1918 г. Уже после последнего июньского прорыва Фошу стало ясно, что германская наступательная энергия иссякла и выдохлась.

Положение германской армии и страны было крайне тревожным и тяжелым. Надежда на заключение сносного мира безнадежно уплыла из поля зрения как германской армии, так и населения страны в целом. В Германии доедали последнюю картофельную шелуху, а армия перешла на довольствие одной из разновидностей чечевичной похлебки. Мир был у всех на устах, только пока не знали, где, когда и как он будет заключен. Германское главное командование после первого удачного наступления Фоша ждало развития дальнейшего англо-французского реванша. Как его будет осуществлять Фош, Людендорф весьма смутно себе представлял. Он находился в состоянии сильной подавленности перед обломками своего наступательного плана кампании 1918 г.

Но в штабе Фоша шла самая энергичная деятельность по выработке плана операций с целью полного разгрома германской армии и пред'явления Германии таких условий мира, которые бы свели этого первоклассного империалистического хищника буквально нанет, отняв от него всякую возможность для возрождения в ближайшем будущем.

Прежде всего Фош и Вейган решили по примеру среза мешка Реймс — Суассон — Шато-Тьерри срезать таковые же на амьенском, мервильском и сан-михельском направлениях, после чего приступить к новому большому контрнаступению на всем статегическом фронте.

Соотношение сил и средств обеих воюющих коалиций на западно-европейском театре войны к августу 1918 г. показано на таблице 34 (стр. 636 и 637).

Как видим, если к 1 августа Германия на франко-британском фронте имела превосходство в числе дивизий, то она значительно уступала союзникам в числе батальонов и в численности бойцов вообще. Также в отношении количества орудий, пулеметов, танков, боевых самолетов и кавалерии [1]) союзники значительно превосходили германскую армию. В свете всего вышеизложенного это явление вполне естественное и особых комментариев не требует.

Инициатива действия перешла в руки Фоша, который имел к началу решительных операций общее материально-огневое превосходство над противником.

При таком соотношении сил и средств, при значительном моральном упадке в германской армии, которая потеряла за первую поло-

[1]) Конница оставалась бездеятельной на протяжении всей этой кампании, выполняя роль ездящей пехоты или неся жандармскую службу в тылу. Она совершенно не сумела приспособиться к новым условиям боя и соответственно оснастить себя техникой.

вину 1918 г. свои лучшие боевые кадры, ей оставалось лишь вести операции оборонительного характера. Так и решило главное германское командование, не рассчитывавшее уже больше на приток новых сил, так как их было взять неоткуда.

Совершенно иная обстановка была у Фоша: прибывшие 26 американских полнокровных и прекрасно снабженных дивизий внесли новую живую струю в артерии союзнических армий. В основу своего стратегического плана кампании Фош ставил два основных условия:

Во-первых, в ближайшие же недели освободить все территории Бельгии и Франции, которые занял противник в период с 1915 по 1918 г.; во-вторых, постараться до осени окончательно сломить сопротивление противника и в случае, если это не удастся и потребуется новая оттяжка во времени, то в первой половине 1919 г. закончить войну и заставить Германию подписать самый тяжелый для нее мир.

Было ли такое решение Фоша в основном правильно? Мы считаем, что такое решение в конкретных условиях борьбы второй половины 1918 г. было наиболее целесообразным. Возникает вопрос, почему же Фош, неплохо ориентированный в состоянии германской армии, а также самой Германии и ее союзников — Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, все же считал, что возможна будет борьба даже в 1919 г.?

По характеру своего оперативно-стратегического творчества Фош был полководцем довольно осторожным и не любившим заниматься точным определением того, что слишком еще далеко по времени от своего конкретного осуществления [1]). Германская армия

---

[1]) В западно-европейской военной литературе услужливыми «доброжелателями» Фоша распространена версия, что будто бы Фош настолько хорошо математически рассчитал, когда германская армия будет разбитой, что в этом расчете ошибся всего лишь на шесть дней. Эти не в меру усердные доброжелатели-метафизики пишут: «В штабе Вейгана (начальник штаба Фоша. Вл. М.) велся самый внимательный учет сил своих и противника». Это совершенно правильно, без этой элементарной работы управлять вообще нельзя, и дальше: «Тремя кривыми обозначались движения боевого состава немцев, количество свободных резервов с указанием числа пополнений дивизий и состав запасных частей. Все эти кривые медленно, но верно склонялись». Это также дело вполне естественное, т. е. дело разведывательных органов, без постоянной помощи которых всякая оперативная работа получает вид и содержание односторонней, однобокой работы. Учет численности и состояния противника с графическим изображением всего этого на бумаге, все это безусловно не могло не быть в штабе Вейгана—Фоша. Но вот дальше следует мистика: «Однажды в сентябре, долго смотря на эту диаграмму, Фош поставил на ней черную точку, предопределив теоретически момент, когда германское сопротивление будет окончательно сломлено, и он ошибся всего на шесть дней». Все это, конечно, фантазия от начала до конца, так как не мог Фош в сентябре ставить черную точку, которая бы определяла, что 5 ноября 1918 г. будет подписано перемирие (на самом-то деле телеграмма Фоша о прекращении военных действий на всем фронте, как известно, последовала в 11 час. 11 ноября). Этого он делать не мог, так как и Ллойд-Джордж, и Петэн, и Клемансо, и сам Фош твердо считали, что война, несмотря на продолжавшийся развал в стане держав Четверного союза,

Государства	Пехота		Кавалерия			Артиллерия			Пулеметы		Танки	Боевые самолеты	Людей		Лошадей
	Дивизий и отдельных кавалерийских	Действ. батальонов	Дивизий	Эскадронов в кавалерийских	Эскадронов в див. кавалерии	Количество орудий	Траншейной артиллерии	Тяж. и артил. большой мощности	Ружье-пулемет и легк. пулемет.	Тяжелых пулеметов			Бойцов (в том числе офицеров и пр.)	Едоков (в том числе офицеров и пр.)	
Франко-британский фронт															
Франция	103	1 135	6	144	160	6 807	2 891	5 782	55 536	24 277	833	3 379	1 790 854	2 683 329	666 798
Англия	56	539	3	81	24	4 200	2 350	2 175	19 597	4 590	739	1 722	1 237 454	1 780 896	347 510
США	26 3/4	321	—	—	—	1 224	555	176	13 681	5 434	—	440	786 489	1 115 345	130 861
Бельгия	12	110	1	24	12	419	269	360	1 004	2 970	—	105	134 143	167 709	38 300
Португалия	2	24	—	—		—	—	—	—	—	—	—	29 500	48 000	—
Италия	2	27	—	—		80	—	20	582	270	—	—	23 664	36 831	5 118
Всего у союзников	201 3/4	2 156	10	249	196	12 730	6 065	8 513	90 400	37 541	1 572	5 646	4 002 104	5 832 110	1 188 587
Германия	205	1 898	—	—	—	10 762	11 000	7 250	37 500	20 000	—	2 991	3 576 900	—	—
Итальянский фронт															
Франция	2	20	—	—	4	132	24	80	864	373	—	37	35 719	44 082	15 533
Италия	52	671	4	96	43	3 318	—	3 328	4 773	12 608	—	617	1 310 816	1 966 816	—
США	1/4	3	—	—	—	—	—	—	192	16	—	—	3 674	5 451	200
Англия	3	36	—	—	—	145	115	105	665	200	—	84	56 662	77 185	16 391
Всего у союзников	57 1/4	730	4	96	52	3 595	139	3 513	6 494	13 197	—	738	1 406 871	2 093 534	32 124
Австрия	65 1/2	863	—	—	—	3 134	—	4 068	—	6 920	—	450	1 320 000	—	—
Итого у союзников	259	2 886	14	345	248	16 325	6 204	12 026	96 899	50 738	—	6 384	5 408 975	7 925 644	—
Итого у противника	270 1/2	2 761	—	—	—	13 896	—	11 318	—	26 920	—	3 441	4 896 900	—	—

была хотя и сильно истощенной, но к 1 августа далеко не сломленной настолько, чтобы ставить задачей на ближайший месяц—другой после удачной операции 10-й армии Манжена ее окончательно снять со счетов. Достаточно посмотреть на цифры боевой численности германской армии (см. таблицу 37), занимавшей прочные оборонительные линии, о которых был хорошо осведомлен Фош, чтобы притти к выводу, что упорная борьба еще впереди. Возможно, на месте Фоша другой бы главковерх, чувствуя свое численное и общее превосходство над противником к 1 августа 1918 г., хвастливо бы установил твердую дату конца германской армии и капитуляции Германии с ее союзниками. Но это не стиль Фоша; он был слишком серьезен и опытен, чтобы компрометировать себя такого рода низкосортными прогнозами. Фош был не плохой знаток военной и общей истории, которая дает очень много поучительного материала, для того чтобы быть на больших постах более осторожным с прогнозами и их высказыванием во всеуслышание.

Для Фоша не был чужд и такой вариант, когда на развалинах гогенцоллерновской армии могла возникнуть по примеру императорской Франции 1870—1871 гг. и царской России 1917 г. новая революционная германская армия, с которой надо было бы продолжать борьбу. Кроме того, и Фош и Вейган хорошо учитывали то исключительно революционизирующее влияние на обе воюющие империалистические коалиции, которое имело место вслед за победы Октябрьской революции в России. Все эти факты заставляли и Фоша и Вейгана быть более осторожными в определении точного срока окончания войны и перехода к миру.

Решение Фоша сперва срезать выступы, которые в первой половине 1918 г. ему настроил Людендорф, а затем уже развернуть силы для дальнейшего наступления в глубь германских оборонительных линий, надо признать решением также правильным. Эта операция не только выравнивала и сокращала фронт для стратегического развертывания армий союзников, давая тем самым больше удобства для сосредоточения и размещения (уничтожала продолжающийся обстрел германцами районов Амьена, Бетюна — каменноугольные копи), восстанавливала важную для союзников рокадную линию Париж — Нанси (которая также обстреливалась из района Сен-Михэль), но также постепенно втягивала союзнические армии в ак-

---

будет окончена не ранее первой половины 1919 г. Фош считал, что и с очень небольшими силами и средствами германская армия будет иметь возможность оказывать сильное сопротивление на таких мощных и прекрасно оборудованных укрепленных линиях, как позиции: Вотана, Зигфрида, Лис, Гент-Германа, Германа, Гундинг, Брунгильда, Антверпен—Маас и Михэля, которые были возведены германцами в 1916—1917 и 1918 гг. на занятых территориях Бельгии и Северной Франции. Кроме того, были еще стратегические тыловые пограничные позиции. Так что мистификация с «черной точкой» есть плод досужей фантазии отнюдь не Фоша—Вейгана, а тех, кто не в меру силился им услужить. Ибо большей компрометации полководческого творчества Фоша—Вейгана, чем эта «черная точка» и не придумаешь.

тивную борьбу, приучая их побеждать опытного и искусного противника.

Первая часть плана действий на западно-европейском театре войны очень сжато и ясно была изложена Фошем подчиненным ему союзным главкомам.

После удачной операции 10-й армии в районе Виллер-Коттере 24 июля Фош заявил Петэну, Хэгу, Першингу и Диацу следующее:

«В первую очередь необходимо м е т о д и ч е с к и, повторными ударами и отдельными атаками, различными во времени и пространстве, неожиданно и быстро следующими одна за другой, потрясти германские резервы, не дать немцам времени для восстановления сил и уничтожить все выступы германцев: между Верденом и Нанси, между Компьеном и Реймсом, между Аррасом и Уазой и на р. Лис. Если эти атаки будут успешны и не будет слишком поздно по времени года, то после этого перейти в общее и решительное наступление и таким образом сокрушить весь германский фронт, не давая при этом противнику передышки и не позволяя ему безнаказанно, как то было в 1917 г. (Фош здесь имеет ввиду наступление Нивелля. Вл. М.), отойти на более короткие позиции. Итальянский фронт также должен принять активное участие в операциях союзных армий и атаковать австрийцев на р. Пиаве».

В нашу задачу не входит разбор операций по ликвидации союзниками людендорфовских прорывов; укажем лишь, что все эти мешки, созданные Людендорфом в стратегическом фронте союзников, к 25 сентября Фошем были благополучно срезаны. Эти операции потребовали от союзнических армий огромных усилий и жертв, так как германская армия с упорными боями шаг за шагом сдавала недавно приобретенное ею у союзников. Особенно тяжелыми для обеих сторон были операции по срезанию амьенского и с.-михэльского выступов.

В своих «Воспоминаниях» Людендорф амьенскую операцию Фоша считает началом конца для германской армии. Он пишет:

«8 августа представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны... С этого дня началось великое наступление Антанты, финал мировой войны, причем противник развивал все больше энергии по мере того, как наш развал становился для него очевиднее. Надо было кончать войну» [1]).

И действительно, за шесть дней боев германская армия потеряла более 30 тысяч бойцов и 600 орудий; правда, и потери союзников были значительными, но они касались главным образом танков. 8 августа англичане бросили в атаку около 690 танков, из которых погибло 480, главным образом благодаря их громоздкости, неповоротливости и значительной уязвимости. Но эти танки громили не только укрепленные позиции немцев, но и уходили глубоко в оборону противника, уничтожая его штабы и линии связи и тем самым

---

[1]) Л ю д е н д о р ф. Воспоминания, т. II, стр. 237—241. По этому вопросу вышла очень обстоятельная работа Б о з е «Катастрофа 8 августа 1918 г.».

нарушая управление. Эта операция танков является родоначальницей для применения этого могучего современного оружия в глубине обороны противника.

В с.-михэльской операции приняли участие, главным образом, американцы. Они справились со своей первой большой боевой работой неплохо. Американцы буквально залили свинцовым огнем снарядов оборонительные линии немцев, израсходовав за четыре дня боя более миллиона снарядов. Немцы приняли американскую атаку и вывели из строя семь тысяч человек, но огромное превосходство и свежесть противника сломили их сопротивление.

Потеряв 15 тыс. пленными и около 450 орудий, они очистили к 15 сентября с.-михэльский выступ.

Когда в сентябре 1918 г. Людендорф узнал, что к июлю 1919 г. американское командование решило имевшиеся 28 американских дивизий увеличить еще на 52 дивизии, то он безнадежно сказал окружающим его сотрудникам: «Напрасны эти усилия, война кончится ранее, чем даже прибудут новые 10 американских дивизий».

Людендорф был прав, так как война была Германией к середине сентября уже окончательно проиграна. Но об этом твердо знал Людендорф, но пока не Фош. Августовско-сентябрьская операция Фоша по срезыванию выступов была очень успешной, она вывела из строя около 200 тыс. германских бойцов и передала в руки союзников более 2 000 орудий. Германская армия разваливалась, она находилась в своем большинстве в состоянии полной моральной депрессии, ее непрерывно потрясали революционные вспышки и восстания. Сама Германия находилась накануне Ноябрьской революции. Таким образом и фронт и тыл гогенцоллерновской Германии трещали по всем швам. Союзники Германии также находились в состоянии полного разложения, причем Болгария уже с 15 сентября была сброшена со счетов. Австро-Венгрия и Турция были накануне полной капитуляции.

Вот в этих-то конкретных условиях борьбы, успешно выполнив первую часть своего плана наступательной кампании, Фош решает перейти к осуществлению второй части плана — наступлению по всему стратегическому фронту.

Большинство исследователей Мировой войны 1914—1918 гг. расценивают стратегическое развертывание армий союзников к 25 сентября перед так называемым решительным наступлением как блестящую, гениальную операцию Фоша. Мы не склонны после всего изложенного так высоко расценивать все то, что случилось на западном фронте после 25 сентября.

Вторая часть плана кампании Фоша уже не представляла особых трудностей в успешном ее выполнении, вот это основное и упускается всеми исследователями мировой войны. Если план наступательной кампании в марте—июне 1918 г. Людендорфом, в сущности, велся по всем правилам «стратегии ва-банк», по всем правилам «огульного наступления», то совершенно иначе обстоит дело со

стратегической линией поведения Фоша после 25 сентября 1918 г. Фош вел игру в победу наверняка, эта победа была конкретно после 25 сентября обеспечена абсолютно всем необходимым. Фактически нет ни одного момента и случая, которые бы говорили, что реальное соотношение сил к концу сентября 1918 г. не на стороне союзнических армий. Гогенцоллерновская Германия лежала как безнадежно больной, ее армия с каждым днем все более и более разваливалась, сражались после 25 сентября лишь отдельные еще сохранившие боеспособность дивизии и полки, численность которых сильно пала. И если бы они не опирались на серию хорошо укрепленных полос, далеко развитых в глубине, то это сопротивление перед всюду превосходными силами союзников имело бы другой вид.

Еще более странным является мнение, что после 25 сентября позиционная война переросла в маневренную. Конечно, это не так. Разве можно считать войну маневренной, когда продвижение союзных армий не превосходило в октябре — ноябре в среднем 2—3 км в сутки?

Как определить характер этого «наступления»? Это было не что иное, как медленная, тягучая оккупация оборонительных полос противника с длительным по времени и тщательным очищением занятой противником территории. Чтобы не быть голословными, покажем стратегическое развертывание сил и средств обеих сторон к 25 сентября 1919 г. и оккупационную деятельность союзнических армий до 11 часов 11 ноября 1918 г.

Стратегическое развертывание армий Антанты 25 сентября 1918 г. на франко-британском фронте.

В основу плана стратегического развертывания на франко-британском фронте от 25 сентября Фошем была положена очень интересная и смелая оперативно-стратегическая идея. В основном она исходила из крайне выгодного соотношения сил, а также очень выгодной конфигурации линии фронта, занятой союзными армиями к этому времени.

1) Удар должен быть концентрическим, идущим с запада на восток с фронта группы Альберта и ген. Хэга в общем направлении на Брюссель и с фронта американской армии ген. Першинга и 4-й французской армии ген. Гуро, т. е. с юга прямо на север на Мезьер — Седан — Живэ.

2) Северная группа, французская армия ген. Файоля и центральная группа армий ген. Мэстра, действуя в центре стратегического фронта союзнических армий, всемерно активно обеспечивают эту операцию Альберта — Хэга и Першинга — Гуро на флангах. Таков в основном грандиозный стратегический замысел Фоша. Идея «Канн» Ганнибала была призвана в сентябре 1918 г. к жизни, к действию, на огромном франко-британском стратегическом фронте.

Сотни полнокровных дивизий, тысячи орудий и самолетов, сотни танков и тысячи автомобилей должны были всемерно содействовать

осуществлению этой грандиозной стратегической идеи удара обоими флангами с востока на запад и с юга на север. Эти огневые фланговые кулаки, до предела насыщенные живой силой и техническими средствами, должны были потрясти до основания все те живые силы и технику германской армии, которые, вцепившись в мощные укрепленные позиции Вотана и Зигфрида, не теряли еще энергии сопротивления.

Людендорф дал сигнал к готовности и второй линии позиций Лис — Гент — Герман — Гундинг — Брунгильда и Михэль, отстоявших от первой на расстоянии 25—40 км.

И в тот момент, когда Людендорф, которому было отказано в просимой им отставке, надеялся со своей морально-потрясенной и материально-ослабевшей, но еще по инерции сохранившей какую-то долю боевой дисциплины армией, с помощью мощных железобетонных укреплений сохранить занятые территории Бельгии и Франции, в это время Фош задумал другое.

Нанося главный удар американской армией и 4-й армией ген. Гуро с юга на север, Фош стремился посредством маневра с юга обойти эти укрепленные линии и с помощью прорыва Альберта — Хэга на севере заключить в свои огневые клещи германскую армию и уничтожить ее в открытом поле, т. е. вне германских укреплений.

В момент отдачи Людендорфом приказания привести в боевую готовность вторую укрепленную линию германская дипломатия и политика напрягали все силы, чтобы склонить союзников на перемирие и мир. Главное германское командование думало, что факт крепкого удержания полосы занимаемых оборонительных линий будет той последней надеждой, благодаря которой можно вымолить у союзников более или менее сносные условия мира. В этом направлении шла агитация и пропаганда как внутри Германии, так и среди боевых частей германского фронта.

Если читатель вспомнит первые страницы шестнадцатой главы нашего труда, когда мы анализировали план наступательной кампании Людендорфа, его думы и мысли перед 21 марта 1918 г., то он найдет ряд данных для сопоставления наступательного плана Людендорфа с вышеуказанной концепцией наступательного плана Фоша.

Как у Людендорфа, так и у Фоша перед принятием решения оперативно-стратегическая идея была скована условиями железобетонных позиционных полос, которые, однако, при соответствующей организации и наличии мощных сил и средств, как подсказывал опыт борьбы, можно преодолеть. Успешное и довольно быстрое срезывание людендорфовских мешков в районах Мервиль, Амьена, Шато-Тьерри, С.-Михэль — не есть ли все это конкретное введение к переходу к большой маневренной войне? Так думал Людендорф перед 21 марта 1918 г., так думал и Фош перед 25 сентября того же года.

Каков лейтмотив этих дум у того и другого? Надо уметь сильно желать, надо хорошо подготовиться во всех отношениях, чтобы

преодолеть эти сложные фортификационные сооружения, сплошные по фронту и еще более сильные в глубину. Надо всеми силами и средствами опять и опять стремиться к освобождению от этих тяжелых оков железа и бетона с тысячами пулеметных гнезд и траншейных орудий, с массой артиллерии и прилипнувшей ко всему этому живой силой дивизий, которые как бы вросли в землю и очень плотно стоят по фронту.

Необходимо, наконец, посредством огромного накопления сил и технических средств, посредством внезапности, стремительного натиска и использования этого удара в глубину раздробить эти ненавистные оковы и превратить войну позиционную в войну широких творческих замыслов и свободы действий — в войну маневренную.

Так в основном мечтали и Людендорф и Фош, развертывая миллионные массы и гигантскую технику, один перед 21 марта, другой перед 25 сентября 1918 г.

Тогда инициатива действий была в руках у Людендорфа, теперь она была у Фоша.

Тогда у Людендорфа было превосходство сил и средств и он располагал идеей внезапности удара, теперь все это было у Фоша.

Как тогда, так и теперь, и Людендорф, и Фош великолепно понимали основное положение полководческого искусства. «Если я делаю к решительному моменту лишь одной ошибкой менее моего противника, то и тогда уже победа моя». Но, как мы видели выше, к решительному моменту, к моменту последней кампании, к моменту борьбы, осуществлявшейся на исходе всех сил и средств армии и страны, увы, Людендорф допустил не только ошибку, он допустил их ряд, а поэтому и выпустил из своих рук много серьезных преимуществ, которыми располагал к марту 1918 г. А это повлекло за собой сейчас же после мартовской операции на Амьен переход Людендорфа и его армии на рельсы стратегии ва-банк, которая и похоронила под её безумными решениями и действиями все перспективы благополучного выхода из войны и сносные условия мирного договора. На этом примере лучше, чем где-либо, видно теснейшее взаимодействие политики и военной стратегии, их диалектическое единство, их взаимопроникновение. Людендорф был безусловно крупный оператор-стратег в военно-техническом отношении, но никуда негодный политик. А поскольку Людендорф не был полноценным полководцем, нельзя было ему вручать ту огромную власть над стратегическими и оперативными решениями, которую он имел в 1918 г.

Если хорошенько проанализировать всю имеющуюся литературу по этому вопросу, мы наглядно увидим, что в 1918 г. и Вильгельм II, и Гинденбург, и ряд других ответственнейших руководителей германской ставки, фактически передав всю военную, а отсюда и политическую власть над оперативно-стратегическими решениями кампании 1918 г. Людендорфу, сами отошли в сторону, умыли руки и ждали сообщений о больших решающих судьбу кампании

победах, но этих сообщений не последовало ни в марте, ни в апреле — мае, ни в июне — июле. Глубоко потрясенный и вконец морально разбитый Людендорф, склонив голову над обломками своего грандиозного плана наступления, просил в августе отставку. «Умывшие руки» ему отказали, пусть несет ответственность до конца, пусть «допьет чашу», пусть войдет в историю полководцем, который погубил не только вооруженные силы, но и погубил надежды на хороший мирный договор и самый мир. Пусть!

Так оно и случилось.

Конечно, будет исторически несправедливым возлагать всю вину за кампанию 1918 г. на одного Людендорфа, но вина все же его большая, ошибки его очень тяжелы и весьма поучительны в свете той огромной власти над решениями, которую он имел в последний, решительный финальный год мировой империалистической войны.

Но каково же было положение Фоша перед началом операций 25 сентября? Получил ли он полную моральную поддержку со стороны политиков и стратегов Антанты? Кто был до конца против наступательного плана Фоша? Кто тем самым умывал руки, перекладывая все бремя ответственности за исход борьбы и наступления на плечи Фоша? В первую голову против этого плана был старая, хитрая, умная, опытная лиса Ллойд-Джордж, этот прожженый, рафинированный интриган-политик империалистической Англии. Ему негласно, но очень твердо сочувствовали Клемансо и американский главком Першинг, на долю которого, как мы видели, выпала по плану Фоша весьма ответственная и решающая оперативно-стратегическая задача. Но ведь не каждый главком, тем более молодой американский (не по возрасту, так как Першингу было 58 лет, а по опыту в руководстве большими операциями), любит взять на себя рискованную задачу, прямые последствия от провала которой — позорная отставка и потеря высокого положения.

Какова же была точка зрения Ллойд-Джорджа и тех, кто его гласно и негласно поддерживал? «Надо отложить большое наступление союзных армий, — говорил Ллойд-Джордж, — на весну 1919 г.». К этому времени союзники Германии окончательно капитулируют, американская армия подучится, англо-французские армии еще более окрепнут. Сейчас к сентябрю германская армия еще сильна, а, главное, располагает неприступными оборонительными позициями, атака которых унесет тысячи новых жертв. С капитуляцией Турции, Болгарии и Австро-Венгрии дышащая на ладан германская экономика потеряет к весне 1919 г. последнюю каплю своей жизненной энергии. Она развалится, её развал будет концом для Германии, и победа будет достигнута без нового наступления, без новых потерь, которые неизбежны — вот фактически соль доводов Ллойд-Джорджа.

Но Фоша поддержал английский главком ген. Хэг, который после августовского успеха танковой атаки под Камбре стремился к новым успехам и очень желал новой славы. Роль Петэна в этом

вопросе была двойственной и выжидательной, он старательно составлял план стратегического развертывания союзнических армий на весну 1919 года (см. главу XIX) Пуанкаре всецело разделял точку зрения Фоша, его ревностно поддерживал и сыграл в этом деле решающую роль. Искусный дипломат, Фош, как характеризует его большинство политических и военных деятелей Антанты, очень скоро сумел убедить американского главкома ген. Першинга, что задача, выпадающая на свежую и технически сильную американскую армию, настолько верна в своем успехе, что остается лишь детализировать план совместного удара 4-й французской армии с 1-й и 2-й американскими на Мезьер, в чем ему поможет лично сам Фош. Особенно сильно подействовал на Першинга убедительный и ловкий довод Фоша, что американские армии совершенно обеспечены с флангов, так как слева их наступает ген. Гуро, а справа обеспечивает могучая водная преграда р. Мааса и восточная группа французской армии ген. Кастельно. На этом Першинг сдал свои позиции сопротивления и присоединился к плану Фоша. Но не успел Фош окончить эту операцию с ген. Першингом, как под давлением бельгийского короля Альберта ген. Хэг стал волноваться за реальную обеспеченность своего левого фланга. Хэга очень интриговала мысль о блестящем положении с флангами у ген. Першинга. В этом он усмотрел «подвох» со стороны Фоша, а поэтому категорически отказался принять участие в наступлении до тех пор, пока не будет реально обеспечен его левый фланг. Но здесь на помощь Фошу пришла исключительно развитая система переброск посредством железнодорожного и автомобильного транспорта. С тем, чтобы удовлетворить просьбу ген. Хэга и не затягивать возникшего конфликта, Фош приказал перебросить 6-ю французскую армию с линии р. Эн на крайний левый фланг стратегического фронта союзников, передав эту армию в распоряжение группы Альберта. К 25 сентября это приказание Фоша было выполнено, ген. Хэг был удовлетворен и взял свой протест обратно. Кроме того, Фош посоветовал Хэгу передать Альберту также и 2-ю английскую армию.

Итак, наступательный план Фоша нашел поддержку у подавляющего большинства ответственных деятелей Антанты. Теперь возникает вопрос, был ли реален этот план двойного охвата германской армии в конкретных условиях борьбы на франко-британском фронте в 1918 г.?

Мы считаем возможным ответить на этот вопрос лишь после анализа тех ближайших задач, которые ставились этим флангам.

Для ген. Першинга Фош поставил задачей выход на фронт Стенэ—Ле-Шен-Аттиньи, а для Хэга выход на линию Вассиньи — Ле-Като — Солен — Валансьен, причем группа Альберта должна была выйти на фронт Гент — Брюгге. Другими словами, начав атаку, с тем чтобы выполнить ближайшую задачу по плану Фоша, союзные войска должны были преодолеть сопротивление немцев и продвинуться в глубину их обороны на фронте армий: ген. Першинга — на 35 км, ген. Хэга — на 60—65 км, Альберта — на 45 км.

	Армии	Протяжение	Км	Кол. дивизий	Орудий: Всего дивизий	Орудий: легких	Орудий: тяжелых	Боевых самолетов	Танков	Бойцов и штыков (в тыс.)
Восточная группа французской армии (ген. Кастельно)	7-я — ген. Буасуди	От швейцарской границы до Бен-Ле-Сант	100	10						
Протяжение от швейцарской границы до Нанси — 200 км	8-я — ген. Жерар	От Бен-Ле-Сант до Нанси	100	9						
Группа американских армий (ген. Першинг)	2-я	От Нанси до Вердена (искл.)	80	11						
Протяжение от Нанси до железной дороги Мантуа — С.-Менегульд — 120 км	1-я	От Вердена до Аргонн	40	17		Союзники				
Центральная группа французской армии (ген. Мэстр)	4-я — ген. Гуро	От Аргонн до Реймса (искл.)	50	26	202, из них 9 кавдивизий	11 340	8 900	5 500	1 900	2 800
Протяжение от Вьен — Ле-Шато — Шазон — 90 км	5-я — ген. Бертело	От Реймса до Шазон	40	16						
Северная группа французских армий (ген. Файоль) —	10-я — ген. Манжен	От Шазон до С.-Кантен	70	19		Германцы				
Протяжение от Шазон до С.-Кантена — 70 км	1-я — ген. Дебеней			18						
					190	9 500	7 300	2 200	—	1 900
Группа английских армий (ген. Хэг)	4-я — ген. Раулисон	От С.-Кантена до Камбре	40	13						
Протяжение от С.-Кантена до Арматьера — 100 км	3-я — ген. Гоинг	От Камбре до Арматьера	69	15						
	1-я — ген. Хорн			13						
	5-я — ген. Госруд			8						
Группа бельгийского короля Альберта	6-я франц. — ген. Дегут	От Арматьера до моря (Ньюпор)	70	16						
Протяжение от Арматьера до моря (Ньюпор) — 70 км	Бельг. дивизии 2-я английская			11						

Как видим, эти нормы очень приближаются к опыту продвижения германцев в глубь обороны союзников во время их прорывов за период март—июль.

Существенная разница лишь в том, что Фош эти три удара наносил не разновременно, как Людендорф, а одновременно. Общее численное превосходство было на стороне армий Антанты, на их же стороне было и морально-боевое превосходство по сравнению с германской армией.

Таким образом, стоял вопрос о темпе наступления флангов и силе сопротивления германских дивизий. Если германские войска, опираясь на оборонительные линии, будут с упорными боями отходить, а темп продвижения вперед союзных армий не будет резко превосходить темпа отхода германцев, то план Фоша будет сорван и вместо «Канн» получится простое тягучее по времени вытеснение противника, медленная оккупация занимаемых им районов. Так и случилось с планом Фоша, несмотря на огромное сосредоточение сил и технических средств для осуществления задуманных им новых «Канн» мировой империалистической войны. И прежде чем ответить, почему случилось так, а не иначе, коротко рассмотрим план стратегического развертывания обеих сторон к 25 сентября 1918 г.; оно в основном видно из таблицы 38 (см. стр. 446 и 447).

Как видим, по всем боевым показателям союзные армии превосходили немцев, противостоявших им на позициях Вотана—Зигфрида—Михэля (глубина позиций до 10—16 км). Соотношение же сил на флангах ударных групп союзников было следующим:

Таблица 39

Правый фланг	Союзники:	Германцы:
	Американская армия . . 28 див. 4-я армия Гуро . . . 26 „	Группа Фукса . . . . . 11 див. 5-я армия Марвица . . . 7 „ 3-я армия Эйнем . . . . 9 „
	54 див.	27 див.
Левый фланг	Группа ген. Хэга 50 пех. див.+ 6 кав. див. Группа Альберта 16 пех. див.	18-я армия из 17 див. . . 9 див. 2-я армия . . . . . 24 „ 17-я армия . . . . . 28 „ 6-я армия . . . . . 11 „ 4-я армия . . . . . 15 „
	66 пех. див.+6 кавдив.	87 див.

Таким образом, если на правом фланге, где Фош предполагал наносить главный удар с юга на север, было значительное превос-

ходство, то такового не было на левом. Мало того, оперативную группировку Хэга и Альберта германцы явно превосходили числом дивизий. Почему же случилось, что Фош не позаботился иметь на левом фланге бо́льшее количество сил, чтобы не сорвать идею концентрического удара? Мы считаем, что основная причина неудавшихся «Канн» Фоша кроется в общей группировке его сил. Фош пошел в этом отношении по линии наименьшего сопротивления, он фактически не произвел никакой серьезной перегруппировки на своем стратегическом фронте, если не считать рокировку 6-й французской армии с р. Эн на крайний левый фланг фронта в состав группы Альберта. Остальное расположение армий оставалось таким же, как после июльско-августовских операций по срезыванию людендорфовских мешков.

В самом же плане Фоша кро́ется очень много противоречий. Мы попытаемся вскрыть эти противоречия. Является основной вопрос, почему Фош возлагал наиболее ответственную задачу именно на американскую армию, которая, если и была сильна в своей свежести и численности, то по своему боевому опыту неизмеримо уступала и французам и англичанам. Кроме этого концентрический удар организуется Фошем с оставлением значительного пустого пространства в виде ворот в 100 км (черт. 13).

Черт. 13.

В эти «ворота» германские войска могли свободно уйти. Казалось, куда было бы целесообразнее при желании и стремлении окружить германскую армию, произвести для этого коренную перегруппировку союзнических армий, поставив на главное направление наиболее опытные в боевом отношении армии. Правда, эта оперативно-стратегическая перегруппировка требовала большого времени, и тогда бы Фошу не удалось перейти в наступление именно с 26—27 сентября, а несколько позднее. Но без этой перегруппировки весь смелый замысел плана окружения ставился под большой вопрос. Уже после войны Фош считал, что пунктом для обоих отходящих фланговых ударов должен был бы быть район Намюр, т. е.

так же как когда-то в период 2-й Марны был пункт Фер-ан-Тарденуа. Это правильно, так как тогда бы не было вышеуказанных ворот в 100 км. Но еще целесообразнее было бы на юге поставить не американскую армию, а сильную оперативную группировку из армий ген. Файоля и ген. Мэстра, что и предлагали последние, но на что не согласился тогда Фош, говоря, что для этой оперативной перегруппировки нет свободного времени.

В данное время иностранные исследователи наступательного плана Фоша считают, что этот план имел бы более конкретное выражение, если бы Фош наносил главный удар одним правым флангом между Мецем и аргонским лесным массивом в обход германских укрепленных полос. Левый же фланг от моря до С.-Кантена в этом случае должен был бы выполнить роль сковывающего и притягивающего на себя германские резервы участка фронта. Они считают, что в условиях борьбы на франко-британском фронте рассчитывать на быстрое выдвижение обеих фланговых групп к Намюру было невозможно, так как Намюр отстоял от фронта Хэга на 145 км, а от фронта Першинга на 150 км.

Поскольку немцы при отходе всегда производили очень сильные разрушения всех дорог, искусственные нагромождения на путях отхода, различного рода препятствия и заграждения, то быстро преодолеть эти 145 и 150 км союзным армиям было крайне трудно, а без быстроты в движении войск, обходящих фланги, окружения германской армии быть не могло.

Еще больше эти трудности возросли, когда на главном направлении была поставлена молодая и малоопытная, во всех отношениях, американская армия, а на фронте Хэга — Альберта не было создано должного превосходства сил. Как видим, несмотря на то, что Фош внимательно изучал опыт людендорфовского наступления в первой половине 1918 г., он в своем плане повторил фактически те же ошибки с сосредоточением сил и их группировкой, которые допустил Людендорф. Правый фланг Фоша должен был наступать на участке в 170 км, на таком же, примерно, фронте должны были наступать Хэг и Альберт. Таким образом, 340-км фронт наступления не мог не требовать соответствующей серьезной организации в отношении оперативно-стратегической группировки сил. Рассчитывать, что на таком огромном фронте возникавшие то там, то здесь прорехи и прорывы можно будет ликвидировать посредством искусного и быстрого маневрирования резервами из глубины (Фош их имел до 90 дивизий из 202), дело крайне проблематичное. Эти резервы могли и не поспеть в нужный момент туда, где они были необходимы, так как для массовой переброски дивизий на далекие расстояния на таком огромном фронте наступления необходимо было время.

Где же искать причину ошибки Фоша с группировкой союзных армий в период стратегического развертывания сторон к 25 сентября? Нам думается, во-первых, в форсировке времени перехода в общее наступление. Немцы перешли к длительной обороне, наступать они больше не думали, не могли. Об этом хорошо знал Фош.

Встает вопрос, почему же надо было именно наступать 25 сентября, когда это же самое можно было в более благоприятных условиях сделать в середине или конце октября.

Есть данные, что Фоша крайне нервировала политика Ллойд-Джорджа, Клемансо и других, которые были против наступления во второй половине 1918 г., перенося этот акт на весну 1919 г. Как увидим из главы XIX, ген. Петэн уже составил и продолжал работать дальше под планом стратегического развертывания союзнических армий на весну 1919 года. Эта политика сильно интриговала Фоша и он заторопился за счет стратегической целесообразности.

И, во-вторых, причина заключается в значительной недооценке энергии сопротивления германской армии. Достаточно хорошенько проанализировать полностью полосы стратегического развертывания и соотношение сил обеих сторон по отдельным оперативным направлениям к 25 сентября, чтобы притти к общему выводу, что при упорной обороне со стороны германцев план двойного охвата должен был бы трансформироваться в простое, длительное по времени, вытеснение германской армии с территории Бельгии и Франции. Так оно и получилось.

26 сентября американцы и 4 французских армии ген. Гуро перешли в наступление; они встретили упорное сопротивление немецких дивизий. Такое же сопротивление встретили 27 и 28 сентября армии Хэга и Альберта. Началось длительное соревнование. Немцы, оказав жестокое сопротивление на позициях Вотана и Зигфрида, стали медленно отходить от рубежа к рубежу, с упорными боями отдавая каждый километр занимаемой ими территории. Они производили грандиозные разрушения на путях отхода, тем самым чрезмерно замедляя темп продвижения союзнических армий. Например, в период с 26 сентября по 4 октября американцы и 4-я французская армия продвинулись всего лишь на 10 км, в некоторых направлениях максимально до 12 км, т. е. за 10 дней наступления темп продвижения не превосходил в среднем 1—1,5 км в сутки.

Повторилась старая картина боев в условиях позиционной войны на западном фронте в период 1916—1917 гг. Когда Фош узнал такие результаты, он сразу же почувствовал, что если на главном направлении его удара при двойном превосходстве сил план охвата не удался, то ожидать быстрого успеха на фронте Хэга—Альберта тем более не приходилось. Фош обрушился на Петэна, Першинга и Гуро, он упрекал их в медлительности действий, в отсутствии твердого руководства частями.

«Отмечаются корпуса, — говорил он, — не проявляющие деятельности, корпуса, не маневрирующие тогда, когда другие изматывают свои силы». Но в ответ на это Фош получал донесения, что сопротивление германских войск превосходит все ожидания, отходя, они наносят большие потери еще малоопытной американской армии. Каждый рубеж, каждый участок трудно доступной лесисто-горной местности Аргонн всемерно используются медленно

отходящим противником. Обстановка на фронте армий Хэга и Альберта, которые перешли в наступление на позиции Зигфрида и во Фландрии, первая 27-го, а вторая 28 сентября, была для союзных армий также далеко не легкой. И здесь германские армии, опираясь на серию укрепленных полос, оказывали самое энергичное сопротивление, и если германская пехота подчас и сдавала под натиском союзников, так как она была наиболее истощенной и революционная пропаганда союза «Спартак» за скорейшее окончание войны в пехотных полках находила больше чем где-либо сочувствия, то тысячи германских пулеметчиков и артиллеристов еще продолжали вести ожесточенную борьбу. Эти «штрейкбрехеры», как их называла германская пехота, с твердой настойчивостью очень часто переходили в контратаки, отбивая обратно занятые агличанами и французами Камбре, Сен-Кантен, Ле-Кателе и другие пункты.

К 9 октября дивизии 2-й и 18-й германских армий окончательно сдали и стали поспешно отходить на укрепленные линии Германа—Гундинга. Но Ля-Фер еще оставался в руках немцев. Наступление союзников и ввод в дело новых резервов продолжались беспрерывно. Германский стратегический фронт под новыми последовательными ударами трещал и рушился на всем своем протяжении от моря до Нанси. Не отставали от армий левого фланга фронта союзников армии Файоля и Мэстра, они также теснили противостоящие 9-ю, 7-ю и 1-ю германские армии.

Германское главное командование уже перестало маневрировать резервами из глубины, так как эти резервы фактически нужны были всюду, а поэтому оно лишь приказывало не сдавать занимаемых рубежей без боя и производить самые тяжелые разрушения на путях отхода, с тем чтобы всемерно замедлять темп дальнейшего продвижения союзных армий. Оно выпускало воззвания войскам, в которых говорилось, что чем будет тверже и прочнее защита оборонительных линий, тем лучше для Германии будут условия мира. Находились люди, которые еще верили этим воззваниям. В тылу шла самая энергичная эвакуация ценного имущества, с тем чтобы не оставить его противнику. К 15 октября во Фландрии союзники продвинулись также не более как на 20—25 км, т. е. за все дни наступления темп продвижения союзнических армий не превосходил в среднем 1,5—2,5 км в сутки на всем протяжении от моря до Нанси.

Совершенно ясно, что с таким темпом наступления думать об осуществлении «Канн» было нельзя и о них уже к 5 октября все забыли. На полях северных департаментов Франции и Бельгии повторились не «Канны» Ганнибала, а старая, хорошо знакомая для обеих сторон по опыту боев 1916—1917 гг., обстановка наступления в условиях позиционной войны.

Разница была лишь в том, что теперь союзники, имея сильное превосходство сил и средств, вели непрерывное наступление, а германская армия, лишенная этого превосходства, постепенно, шаг за шагом, производя беспощадные разрушения, отходила на восток.

К 20 октября германские дивизии отошли на позиции второй линии Германа—Гундинга—Брунгильда. Темп преследования союзников не увеличивался, а уменьшался, так как отходившие германские войска не оставляли буквально ни одного исправного шоссейного и железнодорожного моста, ни одной не разрушенной станции, ни одного не испорченного участка железных дорог и шоссе.

Несмотря на все усилия по восстановлению разрушений, подвоз всего необходимого для войск посредством железнодорожного и автомобильного транспорта у союзников с каждым днем все более и более затруднялся. Дивизии союзников стали терпеть нужду и с огнеприпасами и с продовольствием.

Некоторые исследователи мировой войны пытаются это наступление Фоша изобразить как переход от позиционной войны к условиям войны маневренной. Но эти исследователи забывают весьма простые вещи — карту, циркуль и время. Если бы они попытались вспомнить, что с 26 сентября и по 20 октября от исходной линии наступления армии Фоша продвинулись всего лишь на 25—40 км, то всем станет ясно, что говорить о перерастании войны позиционной в войну маневренную, когда наступающие дивизии продвигаются менее чем 3 км в сутки, не приходится. А если к этому прибавить характер самого наступления, т. е. вскрыть сущность его своеобразной динамики, когда союзническим полкам и батальонам приходилось буквально выколупывать то там, то здесь горсточки германских бойцов с пулеметами из щелей и углов различных фортификационных сооружений, когда каждый незначительный бугорок, перелесок и т. д. являлись предметами, за которые приходилось с упорными боями бороться, то в этом случае можно говорить лишь о медленной и тягучей оккупации, а не о маневренной, или полуманевренной войне в общепринятом понимании этого слова.

Мы не будем дальше останавливаться на процессе наступления армий союзников на позиции Германа—Гундинга—Брунгильда и на отступлении с этих позиций германцев, так как особого интереса эти операции не представляют, да к тому же они по своему характеру ровно ничем не разнятся от описанных выше действий союзников. Дальнейший отход немцев на позиции Антверпен—Маас производился теми же способами, как и отход с вышеперечисленных позиций. Можем лишь упомянуть, что за 90 дней наступления Фоша союзные армии прошли всего лишь 160 км, т. е. меньше, чем 2 км в сутки. Громкая фраза «наступление с маневром» была заменена более соответствующей действительности «постепенное, медленное, фронтальное вытеснение противника с занимаемых им позиций», которое и продолжалось с 25 сентября по 11 ноября, т. е. до момента прекращения враждебных действий по всему фронту.

Читатель может остаться неудовлетворенным, если не получит ответа на вопрос, мог ли Фош, располагая такими грандиозными силами и техническими средствами, в конце сентября, или в первой половине октября нанести более решительное поражение герман-

ской армии? Мог ли он с помощью маневра, если не окружить, то посредством организации соответствующего удара выйти во фланг и тыл укрепленных позиций противника? Мог ли он даже при наличии крепкого сопротивления со стороны противника добиться более быстрых темпов продвижения вперед, чем те 1,5—2 км в сутки, о которых мы говорили выше?

Наконец, мог ли Фош достигнуть такого положения, когда во вторую половину 1918 г. позиционная война переросла бы в войну маневренную?

Имея ввиду, что первая часть (срезывание людендорфовских мешков) наступательного плана кампании 1918 г., составленного Фошем, нами уже в достаточной степени подытожена выше, мы коснемся здесь лишь второй его части, а именно плана стратегического развертывания армий Антанты к 25 сентября 1918 г.

Наши замечания будут ограничены следующими положениями.

В о-п е р в ы х, мы считаем, что Фош, приступая к составлению стратегического развертывания союзнических армий на западном фронте, все же не проникся д о к о н ц а основной мыслью, что для него этот театр военных действий является главным и решающим. Ведь Фош к середине сентября довольно точно знал, что германская армия располагает против него 190 дивизиями, в то время как он сам имел всего лишь 200. Превосходство не такое уж значительное. Но могло ли оно быть большим? Полагаем, что да. Как помнит читатель, Фош требовал от итальянского главкома ген. Диаца перехода в наступление на итальянском фронте одновременно с началом наступления союзников на западном фронте. Но, как известно, итальянцы перешли в наступление не 25 сентября, а 25 октября, т. е. этот вопрос затянулся на целый месяц [1]). Сила итальянского фронта к 25 сентября исчислялась в 57 дивизий, из которых было 3 английских и 2 французских, при 4 750 орудиях. Против этих сил союзников австрийская армия располагала слабыми, истомленными 63 дивизиями, в каждой из которых было максимально 5 батальонов. Австрийцы перешли на рельсы длительной обороны, выжидая результатов борьбы на главном западном фронте. Об активном наступлении австрийцы не мечтали, так как если к сентябрю мощная германская армия развалилась, то разношерстная и вообще малобоеспособная австрийская армия давно уже дышала на ладан. Моральное и боевое состояние её дивизий было крайне тяжелым, дезертирство с каждым днем все более опустошало боевые ряды, причем из кратковременных отпусков, как правило, не возвращались обратно в строй и офицеры, ни солдаты. Раздетая и голодная, австрийская армия жаждала, как и царская русская армия год тому назад (1917 г.), лишь скорейшего мира.

---

[1]) Нужно отметить, что после перехода 25 октября в наступление итальянской армии, через восемь дней австрийская армия, терпя непрерывные неудачи, совершенно развалилась и капитулировала.

В этих конкретных условиях борьбы на итальянском фронте к сентябрю 1918 г. был ли смысл оставлять там целых 57 дивизий и настоятельно требовать от них перехода в наступление? Не было ли более целесообразным союзникам перейти на итальянском фронте к активной обороне, оставить там минимальное количество сил, а все лучшие силы в составе не менее 30—35 дивизий перебросить на франко-британский фронт?

Мы считаем такое решение, о котором, как правило, забывают упомянуть, или даже просто поставить вопрос все без исключения исследователи мировой войны, более рациональным и целесообразным, так как оно значительно увеличило бы численное превосходство союзников к моменту их генерального наступления в конце сентября 1918 г.

В этом отношении и Фош повторил ту же крупную ошибку, что и Людендорф, когда перед решительным наступлением на западном фронте к марту 1918 г. последний оставил на второстепенном восточном (русском) фронте целых 50 дивизий. Причем общая политико-стратегическая обстановка, в которой Фош повторил эту ошибку, очень напомнила собой ту конъюнктуру, которая складывалась у Людендорфа в период создания наступательного плана кампании 1918 г.

Как тогда положение Германии было лучше, чем у союзников, вследствие выхода из войны России и Румынии, вследствие провала наступления ген. Нивелля и разгрома итальянской армии на р. Изонцо, так теперь у Фоша положение было более благоприятным благодаря прибытию американской армии в Европу, провалу всех наступлений-прорывов германской армии в период март — июль, вследствие разгрома Болгарии и крайне тяжелого положения Австро-Венгрии и Турции, вследствие полного израсходования экономических ресурсов Германии, население которой буквально голодало, а армия находилась на грани полного развала.

Можно сказать, что Фош повторил ошибку Людендорфа со стратегическим сосредоточением нужных сил для последнего сокрушительного удара в более благоприятной обстановке, чем Людендорф, или, во всяком случае, в очень похожей на ту обстановку, которая была в германской армии и у её командования перед генеральным наступлением в марте 1918 г. Эта основная ошибка с выполнением решающего требования — в нужный момент сосредоточивать все и вся для успеха, потянула за собой, как это очень часто бывает, ряд второстепенных, но также очень важных промахов и ошибок оперативно-стратегического характера.

Но замечательно еще то, что в своих научно-исследовательских трудах Фош очень часто и много говорил о том, какие необходимо принимать меры перед решением большой стратегической задачи. Он всегда подчеркивал в своих «Принципах войны» необходимость скрытно сосредоточивать максимум сил и средств к району главного удара.

Как помнит читатель, когда Фош узнал, что Людендорф оставляет огромную силу в 40—50 дивизий на восточном (русском) фронте, а главный удар наносит на западном, он обронил фразу, которая целиком вытекала из его ценных оперативно-стратегических поучений до и во время мировой войны, что «такие решения никогда не были целесообразны, не будут они и спасением для главного германского командования». Когда же он в мае 1918 г. узнал, что в главном ударе на фронте Аррас — Ля-Фер из 193 дивизий, имевшихся у Людендорфа, последний бросил в атаку всего лишь 65 дивизий, он, как помнит читатель, воскликнул: «Теперь мне понятно, почему германская волна разбилась о берег». А через несколько месяцев Фош буквально повторяет те же ошибки с сосредоточением и развертыванием (итальянский фронт плюс американская армия) перед генеральным наступлением союзных армий. В чем же дело? Почему же так случилось с крупнейшим военным теоретиком французской буржуазии? Ответ может быть лишь один: благодаря разрыву между теорией и практикой.

Буржуазия никогда не понимала и не поймет сущности диалектического единства между теорией и практикой. Для буржуазии и даже для её выдающихся представителей были и остаются чуждыми основные положения философии диалектического материализма по этому вопросу, потому что теории буржуазии в период загнивания капитализма консервативны, схематичны, беспредметны, однобоки. Капиталистическая буржуазия враждебна основным материалистическим принципам марксизма-ленинизма, которые говорят:

«Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем — претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно, будто бы, беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчет теории и особенно философии. Известно также, что многие нынешние практики ленинцы не очень милуют теорию, особенно ввиду той бездны практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно неправильно и ни в какой мере не соответствует действительности, что стремление практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела.

Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией» [1]). Этого не понимает и не может понять капиталистическая буржуазия, этого не понимают и не могут понять её крупнейшие ученые-теоретики. Тем лучше для пролетариата, который твердо знает и по опыту самой буржуазии и по своему соб-

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 12—13.

ственному опыту, что теория и практика в своем диалектическом единстве, как это понимали и Маркс и Ленин, могут дать «движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий» (Сталин). Рабочий класс твердо помнит заветы своих гениальных учителей и вождей, что «без революционной теории не может быть и революционного движения», что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (Ленин).

Во-вторых, безусловно армии Фоша нанесли бы более решительное поражение и имели бы несравненно более реальные результаты, если бы они перед наступлением 25 сентября были более целесообразно оперативно сгруппированы и поделены.

Незачем было задаваться мыслью о воспроизведении «Канн» Ганнибала, когда живая, действительная обстановка настоятельно подсказывала организовать крепкий и хорошо организованный ударный кулак с плотной полосой оперативно-стратегического развертывания на одном из флангов. Таким флангом был именно правый фланг на участке между Нанси и Аргонским лесом. Здесь стояли наиболее слабые силы германских армий: армейская группа ген. Фукса (11 дивизий), 5-я армия ген. Марвица (7 дивизий) и 3-я армия ген. Эйнем (9 дивизий). Нацеливание отсюда мощной ударной группировки, главным образом, из французских армий: 1-й — ген. Дебеней (18 дивизий), 10-й — ген. Манжена (19 дивизий), 5-й — ген. Бертелло (16 дивизий) и 4-й — ген. Гуро (26 дивизий), с соответствующим количеством огневых артиллерийских средств в общем направлении на Намюр, дало бы куда более решительные результаты. Остается совершенно непонятным решение Фоша оставить здесь для нанесения главного удара малоопытную в управлении и далеко еще по-настоящему не обстрелянную американскую армию. И если американцы не сумели выполнить своей задачи, главным образом, благодаря своей оперативной и боевой малоопытности, то они могли бы принести куда больше пользы на второстепенном направлении, скажем, в центре стратегического фронта союзников, или на их левом фланге.

80 же французских дивизий из армейской группы ген. Файоля и ген. Мэстра против 27 германских могли бы более удачно выполнить удар с юга на север, в направлении Намюра, во фланг и обход укрепленных позиций германцев.

Все это, конечно, не исключает, а, напротив, еще более подчеркивает необходимость вспомогательного удара со стороны армий Хэга и Альберта.

Перегруппировка этих армий на новое направление, при наличии 170 тысяч автомобилей и прекрасно работающего железнодорожного транспорта, для союзников не представляла большого труда; кроме того, лишь 1-я армия Дебенея была несколько более удалена от района сосредоточения; но если Фош имел возможность за двое суток рокировать 6-ю французскую армию с р. Эн на крайний левый фланг к побережью, если союзники в 1917 г. в 2—3 дня могли пере-

бросить автомобилями с западного фронта 11 дивизий на итальянский фронт, тоже самое, с неменьшим успехом, можно было сделать и с 1-й французской армией, рокировка которой была почти вдвое меньшей по расстоянию, чем для 6-й армии Дегута, также и с 30—35 итальянскими дивизиями.

В-третьих, Фош очень хорошо учел ошибку Людендорфа в отношении разновременности его «тяжеловесных ударов», а поэтому эффект от одновременных ударов Фоша с фронта американцев (26 сентября) и Хэга—Альберта (27 и 28 сентября) был бы более значительным и решительным. Противник растерялся бы, он не знал бы куда направить свои резервы, так как весь стратегический фронт трещал бы и лопался то там, то здесь. Но этот эффект был бы еще более реальным и конкретным, если бы за прорывом последовал глубокий мощный удар превосходных сил и средств. 80 дивизий против 27 имели полную возможность эту задачу глубокого удара осуществить, а при наличии новых 30 дивизий, своевременно переброшенных с итальянского фронта, давали бы в руки Фоша большую свободу вести стремительное наступление с широким маневрированием резервами из глубины.

Наконец, в-четвертых, — при таком методе стратегического развертывания представлялись большие возможности вести более энергичное и быстрое по темпу продвижение в глубь расположения противника, представлялись большие возможности к перерастанию войны позиционной в войну маневренную.

Армии Фоша имели и превосходство сил и средств, и внезапность удара к 26 сентября, но ни то, ни другое не принесло всего того, чего так страстно желал автор плана генерального наступления союзнических армий.

Ряд ошибок, допущенных в сентябре 1918 г. с сосредоточением и развертыванием сил и средств, уже было трудно исправить в процессе наступления на протяжении октября—ноября. Всилу этого и получилось не стремительное наступление, а тягучая, длительная оккупация занятой противником территории, в среднем по 1—1,5 км в сутки.

И здесь нам хотелось бы особо подчеркнуть, что сопротивление германцев было упорное не только потому, что они страстно желали сражаться, но главным образом потому, что они ни разу, начиная с 25 сентября, не получили мощного и всепотрясающего, смертельного удара. Они медленно отходили еще потому, что союзники были недостаточно сильны на основных направлениях, чтобы быстрее их гнать перед собой.

Наконец, германцы производили основательные разрушения потому, что у них было для этого достаточно времени. А все это повело за собой провал широкой и смелой стратегической идеи Фоша, красная нить которой, как мы видели выше, заключалась в том, чтобы покончить с германской армией посредством её окружения.

Фош в основных и важнейших вопросах стратегического развертывания последовал по пути Людендорфа.

Если первого погубило полное игнорирование и непонимание политического стержня в его стратегических решениях и односторонний упор на военно-техническую сторону, которая, по его мнению, на войне решает все, то второго, более дипломатичного, несравненно более разбирающегося в вопросах политики своего класса, в решительный момент спутала, заторопила политическая интрига опытных, прожженых политиканов империалистической буржуазии — всех этих Ллойд-Джорджей и Клемансо. Фош не допускал мысли без решительного удара притти к мирному договору с Германией.

Отсрочка наступления союзнических армий до весны 1919 г., которую выдвигал Ллойд-Джордж при всемерной поддержке Клемансо, становилась в резкое противоречие со стратегической линией поведения Фоша, он сорвался, заторопился в политике и допустил ряд кардинальных стратегических ошибок, которые бесславно похоронили его энергичный план охвата германской армии.

Грандиозный стратегический план наступления, составленный лично Фошем, в первой своей части (июль—август) удался Фошу целиком и блестяще. Во второй же части этот план вылился на практике в довольно ординарное произведение. И сколько бы ни старались военные и политические писатели и ученые Антанты пост-фактум изобразить сентябрьско-октябрьское наступление Фоша, как «величайшее наступление при гениальном стратегическом искусстве Фоша», этому, конечно, никто не поверит. Верят больше тому французскому генералу, который говорил следующую правду о характере этого последнего оперативно-стратегического творчества Фоша в сентябре—октябре 1918 г.

«Я не даю никаких инструкций. Моя роль только административная. Ведение операций принадлежит командирам батальонов. Я намечаю им цели, а они заботятся о том, чтобы достичь их».

Французский генерал был прав, так как при продвижении вперед по 2 км в сутки и без перспектив к какому-либо его увеличению заниматься большими оперативно-стратегическими проблемами и их решениями явно неуместно.

Тактический кругозор командира батальона и роты оказался полным хозяином театра военных действий. Это оказалось так же верно, как верна народная мудрость, что когда «большой не правит, малый сбивается с пути». И если бы мы во всех деталях анализировали и проследили процесс длительной оккупации территории от позиций Вотана—Зигфрида до позиций Антверпен—Маас, то воочию убедились бы, что высший генералитет союзного командования за весь октябрь больше занимался фиксацией новых километров, чем твердо управлял. Всилу этого дивизии расползлись на отдельные батальоны, а командиры последних были предоставлены самим себе, полету своего свободного творчества. Все это благополучно сошло, потому что к началу ноября германская армия окончательно развалилась, а сама Германия была в огне ноябрьской революции.

9 ноября 1918 г. Фош потребовал от Германии немедленного очищения Эльзас-Лотарингии и всех смежных с ней областей и отхода германских войск за Рейн, кроме того, выдачи 5 000 тяжелых и легких орудий, 25 000 пулеметов, 1 700 аэропланов, 5 000 автомобилей, 5 000 паровозов и 150 000 вагонов, всех имеющихся подводных лодок, 8 легких крейсеров, 10 дредноутов, 6 крейсеров, 50 истребителей, возвращения всех пленных (в то время как немецкие военнопленные должны были пока оставаться в плену), а также выдачи золота, полученного от России и захваченного в Бельгии. Далее он указал, что блокада будет продолжаться до момента составления детального мирного договора. 11 ноября Германия подписала эти условия, выработанные лично Фошем. Об этих условиях и характере их конкретного выполнения со стороны современной фашистской Германии мы будем говорить в XX—XXII главах настоящего первого тома [1]).

---

[1]) Вышедшие недавно в свет на русском языке две работы, разбирающие политические и оперативно-стратегические вопросы кампании на франко-британском театре военный действий в 1918 г., а именно: 1) Лиддель-Гарт «Правда о войне 1914—1918 гг.» и 2) Куль и Дельбрюк «Крушение германских наступательных операций в 1918 году», — заслуживают внимания. Если Лиддель-Гарт поставил себе целью не серьезное исследование рассматриваемых им событий мировой империалистической войны, а поверхностное, но «хлесткое» описание крупнейших военно-исторических явлений, то несколько иной характер носит работа Куля и Дельбрюка.

Лиддель-Гарт не хочет понять простой вещи, что, не желая глубоко и всесторонне анализировать исторические события и деятелей, связанных с этими событиями, но зато огулом опорачивая там, где надо и не надо, всю работу таких крупных военных деятелей, как Жоффр, Фош, Конрад, Людендорф и др., он глубоко ошибается, если думает, что серьезный читатель будет ему верить. Для того, чтобы пытаться дать новое о войне 1914—1918 гг., прежде всего надо хорошенько изучить эту войну во всех политико-стратегических и военно-технических деталях. Все содержание книги Лиддель-Гарта говорит об обратном.

Мы не имели возможности ранее ознакомиться с политической и военно-научной полемикой между крупным военным деятелем мировой империалистической войны ген. Кулем и известным германским историком Дельбрюком. Сейчас, тщательно ознакомившись с материалом интересной и полезной книги «Крушение германских наступательных операций в 1918 году», мы вполне удовлетворены тем, что фактическое содержание этой полемики между двумя хорошо осведомленными в событиях германскими авторами еще раз подтверждает правоту наших основных выводов, которые мы делаем в настоящей работе по кампании 1918 г., а также подтверждает нашу характеристику, данную Людендорфу и его сопернику Фошу.

ГЛАВА XVIII

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ФОША И ЛЮДЕНДОРФА

Фош и Людендорф являются теми полководцами Мировой войны 1914—1918 гг., которым пришлось управлять величайшими по численности армиями с гигантской техникой истребления, впервые наблюдаемой в военной истории. Кроме того, Фош показал свое мастерство полководца коалиционной стратегии, когда ему нужно было управлять огромными разнохарактерными и разнонациональными армиями на высшей ступени развития военного дела в эпоху Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. 19 союзническими армиями управлял Фош, 13 их было у Людендорфа. Это обстоятельство заставляет нас с особым вниманием присмотреться к работе этих личностей, которые выдвинул капитализм и класс империалистической буржуазии.

В предыдущей главе нами на конкретных военно-исторических примерах показано оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа. Здесь же нам остается еще подчеркнуть ряд основных моментов, вытекающих как из их полководческой практики, так и из тех теоретических поучений, которые дают эти два военных вождя империалистической буржуазии.

Если Фош, как крупный военный деятель и писатель французской армии, был известен задолго до августа 1914 г., то Людендорф стал известен широким кругам современного общества лишь в годы мировой империалистической войны.

Если Фош являлся не только крупным полководцем, но и военным теоретиком и ученым Франции, то Людендорф до мировой войны был лишь ординарным офицером германского генерального штаба, сотрудником Шлиффена по оперативной работе.

Если через руки Фоша уже до войны прошли сотни и сотни офицеров французского генерального штаба, слушавших его лекции по стратегии и военной истории в высшей военной школе (военная академия), то Людендорф был в это время лишь талантливым практиком-оператором германского генерального штаба, который с огромным вниманием, как и известный генерал Куль, прислушивался к мыслям своего учителя Шлиффена, вдумчиво анали-

зируя его поучения и ту практическую работу, которую вел Шлиффен в качестве начальника германского генерального штаба.

Как видим, Фош и Людендорф, пройдя до 1914 г. довольно различный характер подготовки, ходом исторических событий в финальный год мировой войны встретились лицом к лицу для того, чтобы с помощью кровавого соревнования гигантских армий Европы решить вопрос, какой из империалистических коалиций быть победительницей.

Из предыдущей главы мы видели, что победителями оказались армии Антанты под руководством Фердинанда Фоша, побежденными — армии Четверного союза, фактическим руководителем и вдохновителем которых был сравнительно молодой [1]), энергичный, оператор-стратег Эрих Людендорф.

И Фош и Людендорф до 1918 г. принимали активное участие в самых ответственных кампаниях мировой войны. Фош показал себя сперва опытным командиром 20-го армейского корпуса в августовские дни большого пограничного сражения во Франции, а затем искусным полководцем в сражении на Марне, командуя 9-й французской армией. После сравнительных неудач в конце 1915 г. в районе Аррас и в 1916 г. на Сомме, он был спасителем итальянской армии от полного разгрома в 1917 г. Людендорф также не отставал от своего опытного соперника. Уже в августе 1914 г. он за активную деятельность в операции под Льежем был увенчан славой первого победителя над бельгийской армией; в этом же году он разделил вместе с Гинденбургом победы в Восточной Пруссии, оставшись с этого момента его ближайшим сотрудником и заместителем до конца мировой войны.

В 1918 г. Людендорф был не только создателем плана наступательной кампании против армий Антанты, но и фактическим руководителем при проведении этого плана в жизнь.

В этот год Гинденбург, окончательно подпав под влияние своего талантливого заместителя, был в роли пассивного наблюдателя тех исторических событий, которые развернулись на всех фронтах мировой войны в 1918 г. И на этот раз никогда не блиставший особыми полководческими талантами, Гинденбург выиграл очень многое. Он прочно сохранил за собой не в меру раздутую дворянско-юнкерскими кругами славу победителя в Восточной Пруссии, а Людендорфу предоставил право уйти в историю с фактом полного провала его наступательного плана кампании 1918 г.

70-летний старец [2]) в данном случае сманеврировал с ловкостью юноши, сохранив до конца искусственно созданный ему авторитет крупного полководца мировой войны. Остальное необходимое было доработано соответствующими кругами германской буржуазии, которая в 1925 г. выдвинула его на пост президента германской республики.

---

[1]) Фош родился в 1851 г., Людендорф в 1865 г., т. е. был на 14 лет моложе первого.

[2]) Гинденбург родился в 1847 г.

Фош говорил, что на протяжении всей своей жизни и военной карьеры он руководствовался тремя основными принципами: во-первых, горячей любовью к отечеству (иными словами, полной преданностью тому буржуазно-капиталистическому классу, из которого он вышел), во-вторых, принципом «я знаю, что я хочу»; но это «хочу» требовало всегда не только выработки большой воли, но и наличия конкретных знаний, для овладения которыми была потрачена вся жизнь. В-третьих, когда расходилась его точка зрения по какому-либо вопросу с мнением его начальника, он все же добивался, чтобы её приняли. Но как только он узнавал, что она была отвергнута, беспрекословно прилагал все свои усилия и знания, чтобы целесообразнее выполнить распоряжения своего начальника.

Сущность управления войсками будет понятна тем, кто осознал, что для того, чтобы хорошо командовать, нужно прежде всего уметь повиноваться.

Мы тщательно проверили эти три положения Фоша на опыте его жизненной и творческой работы и убедились в том, что эти три условия он действительно ревностно осуществлял, так как они проходят красной нитью через всю его военно-политическую деятельность, если не считать особого упорства, которое проявил Фош по отношению к политикам Антанты во время выработки условий Версальского договора.

Как Мольтке-старший и Шлиффен, Фош за свою жизнь написал сравнительно небольшое количество военно-научных работ. До мировой войны он издал два довольно больших по об'ему труда: 1) «О принципах войны», 343 страницы, с 25 схемами и 2) «О ведении войны. Маневр для боя», 495 страниц, с 18 схемами. Эти два труда потребовали от Фоша нескольких лет напряженной военно-научной работы. Кроме того, им был составлен небольшой военно-исторический этюд «Сражение под Лаоном в марте 1814 г.», 35 стр., с 1 схемой.

Мы считаем необходимым коротко рассмотреть оперативно-стратегические поучения, которые сложились у Фоша перед мировой войной и которые он через свои лекции в военной академии передавал широким кругам командного состава французской армии.

Мольтке-старший, Шлиффен и Фош всегда широко использовали в своих научно-теоретических работах, в своих стратегических и оперативно-тактических поучениях факты, цифры и события из военной истории, они делали это в первую очередь потому, что считали невозможным конкретно говорить и писать о военных проблемах без соответствующего анализа обширных сведений из войн и кампаний прошлого и без учета того развития военного дела, которое было при их жизни.

Без наличия этих сведений все изложенное обратилось бы в бессодержательную, беспредметную болтовню, в поверхностные общие места.

Фош к концу мировой войны 8 месяцев управлял, если взять только западно-европейский театр военных действий, армиями пяти основных государств Антанты (французской, британской, американской, бельгийской и итальянской), которые включали в себя: 272 дивизии [1]), 27 000 легких и тяжелых орудий, 8 000 боевых самолетов, 2 500 танков при 200 000 автомобилях с общим количеством более 5 000 000 бойцов.

Умение управлять такими огромными живыми силами и гигантской боевой техникой могло быть лишь у того, кто овладел соответствующим запасом разнообразных знаний и постепенно приобрел опыт в командовании от небольших войсковых единиц до многомиллионной армии.

Совершенно естественно и закономерно, что командир 20-го армейского корпуса — Фош не сумел бы в августе 1914 г. справиться с указанной выше многомиллионной массой бойцов и огромной боевой техникой, так как у него не оказалось бы для этого достаточного опыта в управлении и командовании этими силами и средствами [2]).

Ибо для искусства управления одних теоретических знаний еще далеко недостаточно, так как необходимо еще наличие практического опыта, который получается от непосредственного командования войсками. В этом отношении особенно верна прекрасная мысль, высказанная К. Е. Ворошиловым:

«Мы имеем большевистский обученный своей специальности личный состав. Я не скажу, что он обучен уже так, как мы этого хотим, как нам нужно, — это было бы хвастовством. Все мы еще мало обучены. Но и самые архиученые из нас должны непрерывно и упорно работать над собой, иначе завтра они отстанут. И не только теоретически работать в кабинете над книгой, но не терять связи с живой практикой, живым делом. Наша работа, работа военных людей — вещь своеобразная. Меньше, чем какой бы то ни было другой специалист, мы можем быть отвлеченными от жизни людьми. Мы должны непрерывно сочетать нашу науку с прямым живым делом» [3]).

В своих научно-теоретических работах Фош главное внимание уделил разбору кампаний и операций Наполеона и Мольтке-старшего, причем и того и другого он весьма резко-критически разбирал. Свою научно-исследовательскую деятельность он начал с анализа неудачной операции Наполеона в районе Лаона в 1814 г. Он очень резко критикует «бога войны», свой идеал — Наполеона, которому поклонялся всю жизнь и рядом с кем французская буржуазия похоронила его после смерти [4]).

Но если в критике Наполеона чувствуется горечь и сожаление,

---

[1]) Из этого общего числа дивизий кавалерийских было всего лишь 14.

[2]) В августе 1914 г., хотя и развернулись огромные массовые армии, но они не имели еще той гигантской боевой техники, которая получила (см. главу XV) свое развитие в 1918 г.

[3]) К. Ворошилов. 15 лет Красной армии.

[4]) Фош похоронен в Доме инвалидов, где находится прах Наполеона (см. „Illustration" № 4492 от 6 апреля 1929 г.).

то в критике Мольтке-старшего — злоба и неприкрытое желание осуществить реванш, с тем чтобы восстановить тот политический и военный престиж, который был временно потерян капиталистической Францией вместе с Эльзас-Лотарингией.

Мы считаем, что последнее обстоятельство сыграло прямо-таки роковую роль для Фоша. Он с исключительным вниманием изучил всю документальную и литературную сторону вопроса, касающегося кампаний, проведенных Мольтке в 1866 и 1870 гг. и особенно в части войны 1870—1871 гг. Никто из военных деятелей Франции не знал так глубоко и во всех подробностях эту последнюю войну, в которой потерпела поражение французская армия, как это знал Фош. И несмотря на все это, вывод на будущее он сделал совершенно неправильный.

Эльзас-лотарингская провинция настолько сильно приковала к себе творческое внимание Фоша, что в своем основном труде «Ведение войны» (где он с исключительной детальностью шаг за шагом, день за днем разбирает эту кампанию, безжалостно критикуя как немецкое командование, так и французское) в выводах на будущее он совершенно забыл о всем театре военных действий.

Фош привлекает все внимание читателя именно к этой, правда очень богатой и важной, но небольшой, провинции и негласно требует от французского генерального штаба в случае войны сосредоточить сюда как можно больше сил, чтобы обратно вернуть ее Франции.

Чрезмерное сосредоточение внимания Фоша на одно направление ослабило другие и не менее, а скорее в оперативно-стратегическом отношении более важные. Бельгийская территория и северная граница Франции как бы исчезают из поля зрения Фоша. Он считает, что если уже говорить о желании немцев обойти с фланга укрепленный пояс де-Ривьера (Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор), то это может случиться лишь с юга через Швейцарию, а никак не через Бельгию. Статья Шлиффена «Будущая война», о содержании которой мы говорили выше (см. главу VI), а также целый ряд высказываний по этому вопросу политических и военных деятелей до августа 1914 г. прошли мимо Фоша. В этом отношении его ошибка была очень значительной, так как она была довольно тесно связана с планом войны № 17 (см. главы VIII и IX).

Итог полководческой деятельности Наполеона Фошем был подведен в его первом труде «Сражение под Лаоном в 1814 г.». В нем Фош писал.

«Как бы то ни было, Наполеон потерпел решительное поражение. И вовсе не потому, что он выказал менее гениальности, чем это ему свойственно... Ему не хватило всего: оружия, людей, генералов. В своем ненасытном честолюбии он растратил средства страны в гигантских авантюрах. Своим колоссальным эгоизмом и абсолютизмом он истощил источники народные, удушая всякую активность и порыв. В нем завоеватель убил правителя. Развив свои исключительные способности, откуда появились образцы военного

искусства, он свел на-нет свои административные способности и совершенно не сумел подготовить могущества государства для того дня, когда фортуна покинет его оружие».

Так смело критиковал и рассуждал один из самых ревностных и последовательных бонапартистов. Фош не получил соответствующего «указания» от начальства «за смелость» выводов, так как каждый понимал, что это говорилось не для подрыва престижа Наполеона, а для еще большего укрепления положения того господствующего класса буржуазии, верным представителем и сыном которого был дипломированный французским генеральным штабом подполковник артиллерии Фош.

Красная нить двух основных военно-научных работ Фоша «О принципах войны», и «Ведение войны» — это на основе опыта кампаний Наполеона и Мольтке-старшего доказать, что «победа принадлежит армиям маневренным», что «маневренные наступательные операции в конце концов преодолеют всяческое сопротивление», что «пассивная оборона не может избежать поражения».

Будет неправильным думать, что Фош в своем труде «О принципах войны» пытается установить «вечные и неизменные принципы», благодаря усвоению и пониманию которых можно свободно достигнуть победы на современных полях сражений.

На самом деле Фош против схемы, рецептуры и «вечных неизменных» правил. Но подчас он сбивается с этого пути, впадает в эклектизм, идеализирует ряд принципов, особенно те, которые, выдвинул Наполеон, готов их признать, если не вечными, то очень и очень длительными во времени. Все же в основном он приветствует постановку вопроса знаменитым германским историком-стратегом Верди-дю-Вернуа, когда последний, прибыв на поле сражения у Находа в войну 1866 г., воскликнул:

«К чорту историю и принципы! Прежде всего в чем тут дело?».

Фош говорит, что в этой фразе чувствуется у человека твердая привычка изучать вопрос, а затем уже действовать по обстановке, в связи с конкретным развитием событий.

«Верди-дю-Вернуа, — говорит Фош, — послал к чорту историю и принципы, но использовал свои познания, ибо, если бы он не владел предметом и не имел бы твердо усвоенной привычки мыслить, обсуждать и решать, он не нашел бы выхода из трудного положения».

Самое жалкое впечатление будет производить на окружающих тот военачальник, который воспитал себя на схемах, рецептах и «вечных» принципах, он будет хвататься за голову, искать в памяти примеры или указания, могущие подсказать, как поступить в данном случае, но, увы, ничто его не вдохновит, он останется бездеятельным и бесплодным, заключает Фош. «Ибо военное искусство не забава, война не дело диллентантизма, спорта. Войну не ведут без причины и цели, что возможно на охоте или теннисе, где можно по желанию прекратить или продолжать игру, посвятить ей много или мало времени. На войне все между собой

сцепляется, взаимно проникает, повелевает, там не то, что каждому хотелось бы. Каждая операция имеет свой внутренний смысл, т. е. об'ект. Раз избранный, он определяет качество и количество необходимых средств, требует применения известных сил. В каждом случае об'ект дает ответ на знаменательный вопрос, который поставил себе Верди-дю-Вернуа, прибыв на поле сражения у Находа» [1]).

Как видим, Фош не плохо ставит вопрос о сущности военного искусства, он против «вечных и неизменных принципов», но это не значит, что он за беспринципность. Далее он говорит:

«Военному искусству, как и всякому другому искусству, присуща своя теория, свои принципы, иначе оно не было бы искусством. Но изучение принципов не ставит себе целью платоническое достижение учености, загромождающей ум новыми, незыблемыми истинами. «Война прежде всего, — говорил Наполеон, — искусство простое и все дело заключается в выполнении. Ни к чему не ведет знание принципов без уменья их прилагать на войне».

Этот, казалось бы, трезвый взгляд на значение теории и на преимущества фактов и практики перед теорией является вполне научным и принципиально новым для буржуазного военного теоретика. Однако, на деле Фош просто пересказывает здесь мысли Клаузевица и вкладывает в понимание практики целиком идеалистическое содержание. Поэтому правильного, научного разрешения вопроса об отношении теории и практики Фош не дает, да и не может, естественно, дать. Пересказывая мысли идеалистов Гегеля — Клаузевица по этому вопросу, он, как всякий добропорядочный буржуа, в своей практической деятельности отрывает теорию от практики, слово от дела. Ведь так и получилось с Фошем в ряде проведенных им операций и особенно в сентябре 1918 г.

Буржуазным ученым не дано понять, что «теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией» (Сталин).

Как видим, марксизм и ленинизм разрешают этот вопрос не формально-логически, а с точки зрения материалистической диалектики.

В то время как Фош и прочие буржуазные ученые ставят практику на первом месте или же теорию обязательно на первом месте, т. е. разрешают так вопрос, что практика и теория отрываются друг от друга, в это время марксизм говорит о взаимопроникновении теории и практики. Человек, который убедил себя в том, что «факт имеет преимущество перед идеей, действие перед словом, выполнение — перед теорией», тем самым открыл себе широкий путь к такому творчеству, где в действительной жизни слово — одно, дело — другое.

На протяжении очень долгих лет Фош проповедывал о том, что для хорошего управления операцией необходим «синтез: подготовка,

---

[1]) Фош. О принципах войны, стр. 17.

масса, импульс», иными словами, во время подготовки нужно иметь гибкий план действий, из которого бы было видно, что цель и задачи войскам с приданной им техникой тщательно продуманы, что этот план так сосредоточивает массы, что главные силы находятся на важнейшем направлении к цели, что эти массы увеличены импульсом, т. е. они будут брошены компактным ударом на важнейший об'ект действий и пр.

Такова была теория у Фоша в его основных трудах. А что у него получилось на практике, когда он, стоя во главе союзных армий, подготавливал сокрушительный удар германской армии 25 сентября 1918 г.? Подготовка, масса, импульс имели место, но они так были «синтезированы» Фошем, что получился полный отрыв от той теории, которую он так страстно защищал и пропагандировал в своих научных трудах и с кафедры в высшей военной школе (академии).

Предыдущие главы настоящей работы говорят, как это случилось и будет весьма примитивным думать, что теоретизировать, говорить и писать легче, чем действовать на практике, т. е. на поле боя, в сражении, на войне. Конечно, неправильно думать, что у Фоша слова и дела всегда расходились в искусстве его командования. Если бы это было так, то по всей вероятности он не был бы в конце концов верховным военным вождем армий Антанты, ибо в тех конкретных условиях на эту роль претендовали многие, а жребий пал лишь на одного, и им оказался Фош.

В полководческой практике Фоша есть немало операций, где он действовал целесообразно и более или менее удачно сочетая военно-теоретические обобщения с практическим действием. Но к моменту самой решительной и последней схватки обеих воюющих коалиций 25 сентября 1918 г. у Фоша получился не только полный разнобой между его теорией и его практикой, но он повторил буквально все ошибки Людендорфа в первой половине 1918 г., которые Фош так тщательно изучил и так жестоко перед своим генеральным контрнаступлением критиковал. Это случилось прежде всего потому, что Фош был буржуазным военным идеологом и политиком, целиком связанным с положением своего класса, утратившего истинное и всестороннее понимание законов развития действительности и, во-вторых, потому, что к решению задачи у Фоша не оказалось тщательной и всесторонней подготовки. Там же, где она была, были и другие результаты.

И то обстоятельство, что все благоприятные данные были к 25 сентября именно на стороне Антанты, только и об'ясняет успех союзных армий, во главе которых стоял Фош.

Существует версия, что «в январе 1915 г. Фош обратился к офицерам своего штаба с просьбой забыть все, чему он учил и чему у него учились» (см. «Стратегия в трудах военных классиков», под редакцией А. Свечина, стр. 274).

Из какого источника почерпнута эта весьма интересная версия и соответствует ли она действительности — нам неизвестно. Мы счи-

таем, что Фош, конечно, не мог сказать, чтобы «забыли все», не мог заявить подобной вещи, во-первых, потому, что он строил все свои труды на конкретных исторических материалах и с учетом той действительности, которая в то время его окружала, во-вторых, его военно-научная концепция в целом вовсе не опрокинута во всех её звеньях, как это думает редакция «Стратегии в трудах военных классиков». В-третьих, когда 1 сентября 1918 г. Фош, будучи союзным главкомом, писал новое предисловие к своему труду «О принципах войны», из содержания этого предисловия не видно, чтобы он предлагал читателям «забыть все», что им было написано до 1914 г.

Конечно, надо иметь ввиду, что труды Фоша, как и доктрина французской армии, нашедшая свое прямое отражение в уставах, наставлениях, инструкциях до 1914 г., в определенной степени разошлись с опытом первых месяцев войны, но это опять же не значит, что угловатая постановка вопроса «все никуда не годится» восторжествовала. Не так все это просто делается, как подчас кажется.

И если бы Фош открыто сделал подобное заявление в январе 1915 г. в части отдельных, проверенных опытом ошибок, допущенных до 1914 г., то это только показывало бы, что он обладал живым творческим умом, а не был замерзшим на заранее заученных теориях ученым.

Первая крупная теоретическая ошибка Фоша, заключавшаяся в полном игнорировании им бельгийского театра военных действий, конечно, исходила не из предположения, как это пытаются об'яснить некоторые французские военные исследователи мировой войны во главе с французским историком генералом Пала, что бельгийский нейтралитет Германия не нарушит, что она не решится на этот шаг.

Так отвлеченно-платонически до мировой войны не думал ни один более или менее серьезный политический и военный деятель. Сами бельгийцы устами своих министров еще в 1906—1908 гг. и позже открыто заявляли, что нейтралитет Бельгии для Германии «не более как клочок бумаги», который она не задумываясь порвет, когда ей будет это нужно сделать.

Стратегическая ошибка Фоша относительно Бельгии и его твердое указание в труде «Ведение войны», что для Франции главным театром военных действий будет Эльзас-Лотарингия, были тесно переплетены и связаны с той политической атмосферой, в которой работал Фош. На этом мы считаем необходимым коротко остановиться.

Победа национал-шовинистической буржуазии под руководством Бисмарка и Мольтке-старшего над Францией в 1870—1871 гг., захват Эльзас-Лотарингии, беспощадная расправа Тьера, Галифе, Буланже с Парижской коммуной, об'единение «железом и кровью» германской империи, начинавшийся бурный расцвет германской капиталистической промышленности — все это раскрыло германскому империализму широкие пути к мировому могуществу.

Мы видели, что все это не могло пройти мимо начальника ге-

манского генерального штаба Шлиффена. Все его научно-теоретические труды и оперативно-стратегические варианты по планам войны брали жизненные соки именно из высоко поднявшего голову германского империализма, заставляя Шлиффена во всей своей работе фактического руководителя вооруженных сил Германии итти нога в ногу с германским империализмом.

Но после поражения в войне 1870—1871 гг. буржуазно-капиталистическая Франция нашла в себе новые силы для залечивания тех ран, которые нанес ей тяжелый франкфуртский мирный договор, согласно которому французская республика отдала свою богатейшую провинцию — Эльзас-Лотарингию и в три года выплатила пять миллиардов франков золотом.

Период 1880—1890 гг. является как бы переломным не только в строительстве французских вооруженных сил (переход от пятилетнего срока действительной службы к трехлетнему, перевооружение армии винтовкой Лебеля, оснащение пулеметами и пр., крупнейшие укрепления на восточной границе), но и во всей политико-экономической жизни Франции, уже вошедшей в тесный военно-политический союз с царской Россией. И в тот момент, когда Мольтке-старший, защищая новый военный бюджет (см. главу VI), говорил в рейхстаге, что «война, которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами, как дамоклов меч, если эта война вспыхнет, то никто не сможет предугадать её продолжительность и её конец; в борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда» — в то время во всей Франции господствовала политика буланжизма.

Поступательное германского империализма движение вперед за мировое владычество, несмотря на недавно окончившуюся франко-германскую войну 1870 г., уже в 80—90 гг. опять нашло в лице буланжистской Франции ярого врага и реальное серьезное препятствие. Мы уже не говорим, что английский империализм, с опаской поглядывая на могущественного германского конкурента, со своей стороны всемерно усиливал это препятствие. И если у быв. военного министра Франции генерала Буланже, известного душителя Парижской коммуны, не хватило воли и энергии стать военным диктатором Франции, чего открыто требовали бонапартистские буржуазные партии, и он неожиданно для всех своих ставленников выстрелом прикончил свою бурную авантюристическую жизнь, то это вовсе не значило, что с его смертью в 1891 г. сразу же исчез буланжизм. Напротив, последний нашел в последующие годы свое дальнейшее развитие во французских милитаристических кругах и в первую очередь во французском генеральном штабе.

«Генерал-реванш» Буланже, как его величали национал-шовинистические и промышленные партии Франции, и после своей физической смерти продолжал делать политику Франции вплоть до августа 1914 г. Буланжистская партия выдвинула не только Фоша на пост начальника высшей военной школы (военная академия) и провела Жоффра в начальники французского генерального штаба,

но одновременно скомпрометировала план войны ген. Виктор-Мишеля и убрала его в отставку.

Буланжистский генеральный штаб Франции был до конца верен своему учителю и вдохновителю «генерал-реваншу» Буланже, красной нитью деятельности которого была проповедь самой активной внешней политики Франции, обратного отторжения Эльзас-Лотарингии и создания такой армии, которая бы могла быстро и энергично осуществить этот наступательный план.

Буланжистская партия не только вдохновила Фоша, автора труда «Ведение войны», центр тяжести своего анализа в этой книге перенести в Эльзас-Лотарингию, как на главный театр военных действий для французской армии (см. главы VIII и IX), но она же требовала, в противовес плану политики Жореса и стратегическому плану ген. Виктор-Мишеля (ратовавшего за широкое развитие резервных формирований), создания могущественной перволинейной армии, которая и должна была осуществить победоносный реванш над Германией.

Фош, Кастельно, Жоффр, Бюат—эти вожди французского генерального штаба просто не хотели верить в возможность германского наступления через Бельгию. Купленный французским генеральным штабом (о чем откровенно говорит ген. Дюпон) [1]) огромной военной ценности материал полевой поездки лета 1905 г., проведенной под руководством Шлиффена (см. главу I), не принес Франции фактически никакой пользы. Вышеуказанные деятели французского генерального штаба считали, что тех перволинейных 20 корпусов, которые выставит с началом войны Германия, ей едва только хватит для активной борьбы на восточной границе Франции (о резервных формированиях по реформе 1888 г., всилу которой германская армия делалась массовой и могла выставить неизмеримо большие силы, чем то предполагали Жоффр, Фош, Бюат и другие, мало кто думал во Франции, кроме убранного в отставку ген. Виктор-Мишеля).

Они очень мало обращали внимания на открытые высказывания как в Германии, так в Бельгии и во Франции, что германцы пойдут на Париж именно через бельгийскую территорию, так как итти прямо на укрепленный пояс де-Ривьера не решатся.

Мало того, и Фош, и Жоффр, открыв дверь для широкой пропаганды в армии ультранаступательных теорий полковника Гранмезона, считали, что прежде чем германские войска доберутся до меридиана Брюсселя, судьба Эльзас-Лотарингии будет уже решена, а последнее обстоятельство заставит германцев бросить бесцельную прогулку по бельгийской территории и перебросить отсюда силы на левый фланг, т. е. на эльзас-лотарингский театр военных действий.

Но когда германцы будут это делать, они столкнутся с фактом наступления французской армии не только в Эльзас-Лотарингии, но

[1]) Дюпон. Высшее германское командование, стр. 18.

и севернее Меца. И тогда вконец задерганная германская армия должна будет серьезно задуматься над вопросом возможности и смысла дальнейшей борьбы.

Как видим, этот план «реванша» был полным антиподом плану ген. Виктор-Мишеля, ратовавшего в противовес Жоффру за массовое создание резервных и территориальных частей, которые были французским генеральным штабом в период 1912—1914 гг. доведены до минимальных размеров.

И не случайно, а вполне закономерно, исходя из политической линии поведения буланжистской партии, что в августе 1914 г. 14 призывных возрастов французским генеральным штабом были использованы не полностью; да и мудрено их было использовать, поскольку резервные и территориальные формирования находились в примитивном состоянии. Но, как известно, этот недостаток у союзников в живой силе на французском фронте был восполнен за счет восточно-прусской и лодзинской катастроф царской армии, которая своим многотысячным «пушечным мясом» выплачивала займы, выданные в свое время французскими капиталистами-биржевиками, и те обязательства, которые вытекали из франко-русской военно-политической конвенции, о которой мы говорили в главе X.

Таким образом, ошибка с Бельгией у Фоша, Кастельно, Жоффра, Бюата и других имеет более глубокие политические корни, а не является чисто военно-техническим промахом, как это думают до сих пор военные специалисты буржуазии.

Если Фош в своих «Принципах войны» говорил, что «пассивная оборона не может избежать поражения», то этого было уже достаточно, чтобы Гранмезон в своих военно-теоретических откровениях возвестил всей французской армии, что «дух наступления неделим», что «наступление является единственным способом действий для французов», что «пусть будет проклята та бездарность, которая будет рекомендовать оборонительный способ действий».

И мы видим, что все уставные руководства французской армии были пропитаны бурно-наступательными тенденциями, в то время как вопросам обороны уделялись самые поверхностные и общие места без всякого желания детализировать этот не менее важный чем наступление раздел в уставном законодательстве.

Французские уставы и наставления 1913 г. пропитаны основной мыслью: «Оборона ведет к верному поражению; ее нужно совершенно отбросить», ибо «только наступление ведет к положительным результатам: беря в свои руки инициативу, оно создает обстановку, вместо того, чтобы ей пассивно подчиняться».

Эта однобокая постановка вопроса привела к тому, что во всех оборонительных операциях и боях августа и сентября 1914 г. французской армии пришлось переучиваться ценою огромных потерь.

Хотя Гранмезон, всемерно до войны поддерживаемый Жоффром, и погиб в одном из хаотических наступлений в 1914 г., но его идеи еще долго оставались во французской армии.

Гранмезон со своей бурно-наступательной теорией принес неоценимые услуги германской армии, идейно обезоружив французскую армию, которая воспитывалась на этой однобокой, односторонней наступательной доктрине.

Мы видели, что и германские уставы и наставления 1913 г. так же были пропитаны, главным образом, наступательными тенденциями, исходившими, как и у французов, из мысли быстротечности (максимум — тод) войны.

Но германцы все же уделяли значительное место и вопросам обороны; во всяком случае, в германской армии, воспитанной на основных военно-теоретических поучениях Мольтке-старшего и Шлиффена не могло быть такого положения, о котором пишет французский военный писатель Люка, следующим образом характеризующий подготовку французской армии в период 1912—1914 гг.

«Во всякого рода управлениях, — пишет он, — в маневрах и занятиях на карте, рассматривались только вопросы наступления и атаки, рассматривались случаи остановок лишь только потому, что нельзя двигаться непрерывно днем и ночью; но и в таком случае изучали лишь вопросы сторожевого охранения. Иногда касались столь деликатных вопросов, которые связаны с отступлением, но нужно признаться откровенно, слово «оборона» звучало в наших ушах столь дурно, что не смели её сделать предметом упражнения на планах, а еще менее на местности...

Теория наступательных действий дошла в корпусе наших офицеров до состояния болезненности: наступление всегда и всюду до последней крайности, оно должно быть нашим спасением во всех случаях».

К чему же могла привести такая постановка обучения армии в мирное время? Дадим слово опять тому же Люка, которому пришлось лично наблюдать результаты такой учебы на полях сражений.

«Вследствие этого, — говорит Люка, — не обращали должного внимания на действительность современного огня, применяли слишком густые построения, пренебрегали связью и все для того, чтобы иметь возможность быстро двигаться».

Верным герольдом французского генерального штаба был полковник Гранмензон, который в своих литературных упражнениях бросал армии следующие лаконические тирады:

«Чтобы подавить дух обороняющегося и прекратить его сопротивление, необходимо атаковать его всеми силами».

«Такое ускоренное решение, когда нет еще определенных и достоверных сведений о противнике, содержит в себе значительный риск. Мы должны допустить этот риск».

«Мы должны допустить этот риск и учитывать те последствия, которые из него вытекают».

«В нашей работе мы дали права гражданства риску, мы признали его. Чтобы быть готовым произвести быструю и сильную атаку, необходимо войти в соприкосновение с противником на большом фронте, т. е. на фронте, приблизительно равном боевому фронту войск, уже завязавших бой».

«Вы чувствуете, как легко под защиту этого нового взгляда укрыться всякой бездарности. Риск не есть случайность. Недостающие звенья в цепи предусматриваемых событий, в сущности, дополняются тем, что можно было назвать «моральным расчетом» начальника. Это такие расчеты, куда входят элементы, незнакомые рассудку. Это, в сущности, те стороны военного искусства, которым научиться нельзя, по крайней мере, по книгам и по карте. Вообще в бою приходится все время делать вещи, невозможные для людей, находящихся в нормальном состоянии (например, двигаться под огнем)» и т. д. и в таком же роде.

Как видим, Гранмезон в основном проповедывал хотя и простой, но весьма редко оканчивающийся успехом способ боевых действий. Это: «не ожидая выяснения обстановки, стремиться атаковать всюду».

Конечно, будет несправедливым думать, что и Фош думал так же как Гранмезон; этого не могло с ним случиться уже всилу того, что он был более глубоко, чем Гранмезон, осведомлен в опыте военной истории и состоянии современного огнестрельного оружия. А потому Фош никогда не мог бы написать такой вещи: «Опыт всех веков показывает, что наступление тогда только будет иметь успех, когда наступающему удастся подавить дух обороняющегося и сделать его таким путем неспособным к дальнейшему сопротивлению. Для этого существует одно только средство: немедленная атака всеми силами. Малейшее колебание даже в частности грозит лишить атаку всего её значения» (Гранмезон).

Какой опыт и опыт каких именно веков показывает, что можно добиться по этому рецепту успеха, верно, одному лишь полковнику Гранмезону было известно. Ибо именно опыт войн и особенно последних до мировой войны со всей твердостью показывал и диктовал необходимость никогда не держаться «только одного средства», никогда бессмысленно не рисковать в бою, а, напротив, стараться всеми мерами выяснить обстановку и реальное соотношение сил, никогда не бросаться в атаку да еще всеми силами, когда боевая обстановка еще совершенно неясна.

Это так же понятно, как и ясно, что тот, кто будет ожидать полных и всеобъемлющих сведений о противнике, упустит для себя благоприятный момент. Искусство командования и заключается в том, чтобы правильно определить момент для решительных действий, но отнюдь не по рецептам Гранмезона.

Мольтке-старший когда-то говорил, что «большие успехи не достигаются без большого риска», но несмотря на это все операции Мольтке имеют самый тщательный расчет.

По Гранмезону же получается, что только «бездарность не рискует»; надо обязательно рисковать, но риск это такое явление на войне и в бою, «куда входят элементы, незнакомые рассудку». Иными словами, вместо тщательного расчета и подсчета реального соотношения сил в данной боевой обстановке, пусть господствует безрассудная авантюра, которая, как известно из опыта истории, не только никогда не жила в ладах с конкретным расчетом, но и редко не оканчивалась катастрофой.

Но если Жоффр, с прямого благословения которого полковник Гранмезон завоевал себе высокий авторитет во французской армии, был далеко неискушенным человеком в военной науке, то другое дело было с Фошем. Последний не мог не видеть, что идеи Гранмезона завоевывали видное место в боевой подготовке французской армии. И, несмотря на это, со стороны Фоша, который в достаточной мере здраво смотрел на значение обороны, мы не видим соответствующего отпора.

Кроме того, необходимо иметь ввиду, что большинство уставных положений, изданных в 1913 г., еще не успело проникнуть глубоко во французскую армию; поэтому те параграфы полевого и пехотного уставов, которые имели мысли об оборонительном способе действий (правда, далеко не развитые и не детализированные), так остались на бумаге.

Эти параграфы, хотя и общими фразами, но все же ориентировали командный состав в важности обороны. В конечном счете уставы предлагали при обороне организовывать последовательные линии в глубину с тем, чтобы в глубине обороны иметь возможность перейти в контратаку, проявить в обороне самое твердое упорство, причем «пехотная часть, которая получила задачу обороны участка, не должна его покидать без приказа. Она сопротивляется до конца: каждый может быть скорее убит на месте, нежели уступить свой участок» [1]) (французский пехотный устав).

Но и эти даже общие указания о важности обороны, как пишет Люка, «к сожалению еще не успели внедриться в толщу армии, особенно, если принять во внимание общую тенденцию исключительно к наступательным действиям».

Иными словами, победа опять же осталась за однобокой, односторонней ультра-наступательной доктриной Гранмезона, о которой хорошо была осведомлена французская армия.

До мировой войны у Фоша было две основных линии в работе: или он командовал войсковыми частями, или же преподавал и писал научные труды в академии. Фошу не пришлось, как Мольтке-старшему и Шлиффену, работать над вариантами планов войны, он лишь анализировал оперативные планы и действия в кампаниях Наполеона и Мольтке, делая соответствующие конкретные выводы на ближайшее будущее в связи с изменявшимися условиями.

---

[1]) Между прочим, перед сражением на Марне в сентябре 1914 г. в директиве Жоффра от 6 сентября дословно повторена эта мысль пехотного устава (см. нашу работу «Марна—Висла—Смирна», стр. 108).

В его научных работах мы не найдем защиту той или иной оперативно-стратегической проблемы, как это было у Шлиффена с идеей организации сильного фланга или флангов, с тем чтобы посредством их выйти на тылы противника, охватить его, загнать в петлю и уничтожить.

Фош, как и Шлиффен, стремился к созданию морального и материального превосходства над противником. Причем и тот и другой считали, что предстоящая война выдвинет массовые миллионные армии с многочисленными технико-огневыми средствами, которым необходимо соответствующее пространство для развертывания.

Но последнее, как мы увидим ниже, было плохо понято Фошем в его другом труде «Ведение войны».

Исходя из развития современного ружейно-пулеметного огня, Фош полагал, что германская доктрина флангового удара вполне соответствует конкретной действительности.

«Фланговая атака, — говорил Фош, — позволяет добиться большего превосходства огня против пункта атаки, избранного в качестве об'екта действий. Ведение флангового или тылового огня производит неотразимое моральное впечатление и, благодаря выигрышу неограниченного пространства, всегда даст возможность маневрирования массами». Это относится, полагал Фош, не только к масштабу дивизий и корпусов, но и выше. В отношении удара центром Фош считал, что этот так часто применявшийся Наполеоном способ в современных условиях невыгоден. «Атакующий в центре в наши дни охватывается огнем противника и не может развить всю силу собственного огня».

Опыт боев в 1916, 1917, 1918 гг. мировой войны показал, что фронтальные удары приносили очень мало пользы наступающему, который быстро захлебывался в своей крови, несмотря на грандиозное использование им разнообразных огневых средств. Делая прорыв и выдвигаясь на несколько километров от исходной линии атаки вперед, наступающий охватывался не только огневыми тисками неприятельской артиллерии, но и резервами, которые очень быстро с помощью автотранспорта и железных дорог сосредоточивались на флангах выдвинувшегося вперед противника. Продвижение замирало, и атакующий, продвинувшись на 4—10 км, останавливался, зарывался в землю, строил бетонные укрытия и фортификационные сооружения по новой линии фронта, которая получилась от вдавливания в оборону противника.

В своих военно-литературных произведениях Фош с особой силой подчеркивает необходимость создания такой армии, для которой маневр являлся бы основным способом действий. Он не раз повторяет в своих трудах, что «победа принадлежит армиям маневренным, т. е. наиболее обученным» и что «с каждым днем маневр увеличивает требование знаний от всех».

Из всех ошибок, говорил Фош, наиболее позорная — это бездействие, но когда мы стремимся к сосредоточению своих сил, мы

должны это делать так, чтобы противник разбросал свои силы. Что значит разгромить массы неприятеля? — это значит использовать до конца свою организованную силу.

Кроме искусства маневрирования, Фош выдвигал принцип экономии сил. Он говорил:

«Мы не можем одержать победу всюду, достаточно иметь решительный успех на одном пункте. Надо уметь экономить всюду, чтобы расходовать очень много сил там, где ищем боевого решения. Там придется пустить в дело массу, а значит необходимо её создать, уметь сохранить, так как под артиллерийским огнем неприятеля нельзя сосредоточиваться, совершать марш-маневр и развертываться».

Эти мысли в значительной степени (кроме сентября—октября 1918 г.) были осуществлены Фошем в ряде проведенных им операций и кампаний в период мировой войны; особенно большое искусство Фош проявил в оборонительной операции 9-й армии в сражении на Марне, в маневрировании резервами из глубины при парировании ударов Людендорфа в первой половине 1918 г., в Италии в 1917 г. и в августовских боях по ликвидации людендорфовских мешков.

В этих операциях Фош показал, что его поучения до мировой войны о том, что нужно «последовательно висеть тяжестью сил над каждым встречаемым сопротивлением, в то же время располагая свои силы систематически», не остались пустой фразой.

Искусству маневрирования резервами, составленными подчас из нескольких десятков дивизий, у Фоша следует поучиться, ибо это искусство в конце концов и свело на-нет все разновременные удары Людендорфа в марте—апреле, в мае и июле 1918 г.

Таким образом, если Фош в своем труде «О принципах войны» не выдвинул какой-либо новой теории, то он весьма тщательно систематизировал обширный материал по войнам Наполеона и Мольтке-старшего. В отношении ведения наступательных и оборонительных операций в связи с развитием железных дорог и нового огнестрельного оружия Фош теоретически в основном не расходился с тем учением, которое мы видели в работах Мольтке-старшего и Шлиффена.

И если Фош подчас весьма критически относился к операциям, проведенным под руководством Мольтке-старшего, то это получалось у него не столько потому, что он не сумел оценить высокое искусство в организации операций, которые были проведены Мольтке, сколько благодаря желанию задним числом убедить офицерский корпус французской армии, что не так уже страшен противник на самом деле, как он представляется до момента его детального изучения, что Мольтке победил потому, что французская армия и её командный состав оказались неизмеримо хуже подготовленными в кампанию 1870—1871 гг., чем германцы. А всилу этого необходимо добиться в новых условиях, чтобы высокое искусство, показанное когда-то Наполеоном, вновь вернулось во французскую армию.

Но это искусство уже принимает новый вид и новое содержание, так как в отдельных частях этого искусства, что было хорошо при Наполеоне, может оказаться совершенно негодным к началу XX столетия. Поэтому Фош призывал своих слушателей академии к постоянному совершенствованию и пополнению знаний, к интеллектуальной дисциплине, говоря им в своих лекциях, что:

«Дисциплина равносильна деятельности ума, в связи с проявлением характера. Умственная лень ведет к отсутствию дисциплины, как и к неповиновению. В обоих случаях действующий ошибочно в этом одинаково повинен. Неспособность и невежество тем более неизвинительны, что знание доступно каждому, кто его ищет» («О принципах войны», стр. 92).

В другом своем труде «Ведение войны. Маневр для боя» Фош все свое изложение построил на исследовании франко-германской войны 1870 г. В этой работе Фош показал себя очень кропотливым, вдумчивым историком-стратегом.

Он постепенно разбирает те основные цели, которые преследовались в этой войне обеими сторонами, рассматривает планы войны, затем вопросы сосредоточения и развертывания сил и, наконец, переходит к исследованию боевых операций. Имевшаяся литература по этому вопросу Фошем использована и анализирована с большой тщательностью.

Но будет неправильно думать, что это об'ективно-исторический труд, написанный ученым историком, который лишь фиксирует прошедшее.

Эта работа Фоша скорее острое оружие для будущего, где прошлое призвано Фошем лишь для того, чтобы доказать ряд своих мыслей, как надо будет поступить в предстоящей войне. Этот труд имеет основной целью посредством разбора только что ушедшей в историческую глубь веков войны мобилизовать командный состав французской армии и крепко заложить в его сознании идею реванша.

Труд носит определенно прикладной характер, и здесь Фош оказался верным и последовательным учеником выдающегося военного писателя профессора германской военной академии ген. Верди-дю-Вернуа.

Последний, как известно, требовал не только учиться на положительных образцах, но также и брать в основу преподавания те операции, которые окончились неудачей, с тем чтобы не стеснять критика авторитетом победы. Фош не только не щадит французское главное командование, оказавшееся совершенно неподготовленным к войне 1870 г., но всемерно стремится умалить значение победы германской армии во главе с Мольтке-старшим. В этой работе Фош дает конкретный оперативно-стратегический материал для буланжистской партии с ее политическими целеустремлениями, красная нить которых «реванш во что бы то ни стало».

Отсюда исходит у Фоша вкорне ошибочная пропаганда того, что главный театр военных действий для Франции — это Эльзас-

Лотарингия. А раз так, то вполне естественно, что его требования об усиленной подготовке и оборудовании во всех отношениях (укрепления, железные дороги с необходимой густотой высадочных платформ и пр.) были направлены именно в сторону Эльзас-Лотарингии и за счет северо-восточной границы Франции, где она соприкасалась с Бельгией и Люксембургом. Отсюда не случайно, а вполне закономерно получалось нагромождение между Мецем и швейцарской границей, т. е. на небольшом пятачке, огромных сил и средств по всем правилам «гнусной крайности сосредоточения», против которых так в свое время восставал Мольтке-старший.

Эта стратегическая теория Фоша естественно входила в непримиримое противоречие с тем учением, которое он выдвигал в «Принципах войны» о маневре.

Просто удивительно, как этого не заметил Фош, говоря одно и другое с одной и той же кафедры высшей военной школы. Достаточно посмотреть на карту, чтобы увидеть, что сосредоточение и развертывание главных сил более чем миллионной французской армии на участке в 200 км (Мец—швейцарская граница) не создавало того необходимого пространства для маневра, о котором говорил в своих «Принципах войны» Фош.

Глубина же полосы стратегического развертывания, примерно в 80—100 км, была настолько густо спрессована войсками и техникой, что также не давала благоприятных шансов для маневра. При таком стратегическом сосредоточении и развертывании получалась ловушка, в которую загонялась посредством железных дорог французская армия; иными словами, создавалась весьма благоприятная оперативно-стратегическая ситуация для производства широкого маневра по декабрьскому варианту Шлиффена (см. схему 2).

За политикой буланжистов и трудами Фоша в свое время очень тщательно следил Шлиффен и он мог только радоваться тому, что все они своей работой всемерно помогали его оперативно-стратегической концепции, которую он не только закладывал в свои варианты плана войны, но и проводил в корпусе офицеров германского генерального штаба.

В этом же труде Фош допускает ошибку с проблемой продолжительности предстоящей войны, целиком разделяя ошибочную точку зрения Шлиффена и других генеральных штабов по этому вопросу.

В отношении резервных формирований Фош — непримиримый противник ген. Виктор-Мишеля, он стоит целиком на точке зрения Кастельно, Жоффра, Бюата, Гранмезона и др., он так же, как и они, за крепкую перволинейную армию, которая должна быстро закончить войну. Он против последовательных операций, о которых говорил в 1890 г. в рейхстаге Мольтке-старший, скорее Фош за один поход, который и должен был, начавшись, скажем, ранней весной, победно закончиться к осеннему листопаду.

В этом отношении наполеоновский опыт еще очень сильно владел Фошем, но здесь Фош не оказался оригинальным, а разделил полностью господствовавшую в то время установку о быстротеч-

ной войне, с которой и вышли все генеральные штабы европейских армий на войну в 1914 г.

Он также думал, что с мобилизационными запасами мирного времени можно будет победоносно закончить предстоящую войну: опыт войны 1870 г., который неплохо изучил Фош, ничему его не научил в этом вопросе.

А ведь этот опыт был в отношении подготовки Франции к войне весьма показателен. Возьмем хотя бы случай с французским военным министром Лебефом. В июле 1870 г. Лебеф громко заявил во французской палате: «Франция готова к войне так, что если война продлится даже два года, то не придется купить и пуговицы к гетрам». Как известно, эта «пуговица» обошлась очень дорого Франции. Она стоила ей по франкфуртскому миру 5 млрд. золотых франков контрибуции с потерей Эльзас-Лотарингии.

Но и Лебеф оказался не одинок, он нашел в лице Сухомлинова верного последователя. Последний за несколько месяцев до мировой войны 27 февраля 1914 г. в «Биржевых ведомостях» писал:

«В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов. Артиллерия снабжена и большим комплектом и обеспечена правильным подвозом снарядов... Русская армия является не только громадной, но и хорошо обученной, хорошо вооруженной и снабженной всем, что дала новая техника военного дела. Русская армия является первой в мире по количественному составу кавалерии с полной материальной частью. Россия готова». Насколько оказался прав Сухомлинов, мы видели из главы XIV.

Методы управления Мольтке-старшего, когда он предоставлял широкий простор для частной инициативы старших начальников, пришлись весьма не по нутру Фошу.

В своем труде «Ведение войны» он резко критикует этот способ высшего вождения войск, он за твердое централизованное управление в стиле Наполеона.

Он считает, что и в стратегии, и в оперативном искусстве его основная идея: «боем противника опрокидываем, преследованием его уничтожаем», осуществляется путем жесткого, твердого централизованного руководства современным сражением.

Частные начальники во многих случаях могут быть недостаточно осведомленными в боевой обстановке в целом, а поэтому могут принимать решения, которые окажутся импровизацией, в то время как за план и его осуществление в жизни отвечает в первую голову главнокомандующий [1]).

[1]) Здесь уместно вспомнить мысль Жоффра, высказанную им после Марнского сражения в сентябре 1914 г. Жоффр, видя, что очень многие после победы стали претендовать на роль главного победителя, сказал: «Я знаю, что сейчас, после победы на Марне, очень многие претендуют на главную роль в этом сражении. (Жоффр имел ввиду Галлиени, Манури, Френча, Фоша, Сарайля и др.). Но я также определенно знаю, что в случае нашего поражения на Марне ответил бы за это только я один»: мысль, которая в полной мере подтверждается многообразным опытом войны.

Всилу этого последний должен не только наблюдать и соглашаться, а твердо, целеустремленно и централизованно управлять. Отсюда организация боя авангардов, как и все встречные столкновения, по системе Фоша должна руководиться твердой направляющей рукой общих начальников, выполняющих идею операции главнокомандующего, а не предоставляется на усмотрение частных начальников.

В дальнейшем изложении Фош не раз зло иронизирует, говоря, что не всегда ведь германская армия будет иметь такого противника с таким командованием, как французское в период 1870—1871 гг. И в противовес мольтковской, тщательной, заблаговременной разработке плана войны и плана стратегического сосредоточения армий Фош выдвигает следующую мысль о двух линиях стратегического поведения в начальный период войны.

«1. Одна высаживает армии по заранее предусмотренному и более или менее известному плану и затем направляет их прямо вперед.

2. Другая высаживает войска в соответствии с решением, принятым в последний момент, и только тогда определяет направление перевозок, лишь в этот момент группируя маневренную армию, предназначенную для решительного наступления или контратаки».

Фошу больше импонирует вторая постановка вопроса, открывающая большой простор для стратегических решений. Эта мысль, конечно, не плоха, но если её будут выполнять так же, как это было в августе 1914 г. с Конрадом (2-я армия) или Жоффром (4-я армия), то кроме вреда она ничего принести не сумеет.

Бонналь и Фош до войны 1914—1918 гг. являлись наиболее яркими фигурами в области военно-научной мысли. Генеральные штабы (особенно германский) их тщательно изучали, так как и тот и другой сконденсированно выражали собой общее направление мысли в подготовке к войне французской армии. Лишь генералитет царской армии был очень поверхностно знаком с трудами Бонналя и Фоша, так же, как он был очень слабо знаком с учением Шлиффена.

В противовес Жоффру, Фош не особенно рассчитывал на реальную помощь, которую с началом войны может оказать Франции её союзница — царская Россия. Особенно удручающее впечатление он вынес о подготовке царской армии в целом, когда в октябре 1911 г. побывал в России, куда он был командирован французским генеральным штабом для присутствия на маневрах. Общее впечатление Фоша о царской армии было, примерно, таким же как и у германского генерального штаба (о чем мы говорили в главах X, XI, XII и XIV).

Методы управления войсками Фоша в мировую войну в значительной степени отличаются от методов Жоффра, Нивелля, Петэна. Хэга.

Фош в своей оперативно-стратегической работе опирался на очень небольшой штаб, организованный его ближайшим соратником Вейганом.

В то время как Жоффр, Нивелль, Петэн и Хэг имели громоздкие штабы с огромным штатом сотрудников и очень редко выезжали к войскам, будучи прикованы к своему оперативно-стратегическому мозгу — штабу, Фош большую часть времени находился в разъездах и в непосредственном личном общении со своими частными начальниками.

И даже тогда, когда он был назначен главкомом союзных армий, он продолжал не изменять тем способам управления, которые сложились у него в бытность командармом 9 и командующим северо-восточным фронтом.

Фош всегда лично сам создавал и разрабатывал план операции, в то время как Жоффр, Петэн, Нивелль, Хэг проделывали эту работу совместо со своими начальниками штабов, выбирая из ряда вариантов, которые им предлагали последние, наиболее по их мнению приемлемые.

Наполеоновская система управления и командования армиями со строгой и жесткой централизацией была воспроизведена Фошем в новых условиях с новыми силами и средствами.

Автор известного труда о Фоше «Опыт военной психологии», скрывшийся под инициалами «И. Р.» пишет, что:

«Фош командует и управляет лично, как бы ни были авторитетны советы, хотя он их и слушает, но больше сам размышляет и сам вынашивает свою идею операции, передавая ее затем через Вейгана к исполнению».

Фош остается верен тем мыслям о жесткой централизации управления, которые изложил в своем труде «Ведение войны». Он сторонник больших стратегических резервов, которые подчиняются лишь ему и которые, как он часто говорил, «не позволят противнику захватить его врасплох.

«Мое непрерывное наблюдение за выполнением моей идеи данной операции, мои вечные заботы, чтобы частные начальники находились в постоянном бодрствовании, дают мне возможность возродить позабытые было идеи наполеоновской стратегии, а именно развитие операции из глубины с маневрированием стратегическими резервами. Развитие железнодорожного и автомобильного транспортов в значительной степени облегчает мне это дело», — говорил Фош.

Полевой штаб Фоша в постоянном движении, он очень быстро переезжает из штаба одной группы армии в другую. Ставка союзного главковерха крайне малочисленна в отношении личного состава сотрудников, она насчитывает максимум 20 человек.

Оперативно-стратегические функции, которые выполнял штаб Фоша, заставили последнего коренным образом реорганизовать то штабное наследство, которое ему осталось от предыдущих главкомов.

Фактически он создает заново для себя штаб главковерха; этот штаб состоит из оперативного отдела, который обслуживается только семью офицерами, ведавшими французским, английским, американским и итальянским отделениями, затем разведывательного отдела из 3 офицеров и еще двух отделений связи и личного состава.

Ген. Вейгану Фош поручил наблюдение за франко-британским фронтом, а полковнику Жоржу за балканским, итальянским и всеми прочими участками, на которых расположены союзнические войска.

Малочисленный и гибкий штаб главковерха давал полную возможность Фошу широко развить оперативно-стратегическую деятельность. Будет неверно думать, что штаб Вейгана лишь занимался вопросами оперативно-стратегического порядка, оставляя в стороне вопросы организации тыла; напротив, эти вопросы также требовали очень много внимания и времени от штаба союзного главковерха.

Но заслуга Вейгана в том, что он так искусно сумел организовать это дело, что не получилось той исключительно громоздкой бюрократической организации, тонувшей в тысячах бумаг и служебных требований и отношений, как это было при Жоффре, Нивелле, Петэне и особенно в царской ставке [1]).

Жоффру, Нивеллю, Петэну также приходилось координировать действия англичан и французов, но при их командовании возникали постоянные трения между союзническими главкомами, в то время как роль «стратега-координатора» всех армий Антанты Фошем была разрешена вполне удовлетворительно.

Если верховному политическому совету Антанты (Пуанкаре, Ллойд-Джордж, Клемансо, Альберт, Вильсон) приходилось очень часто разбирать требования, которые сплошь и рядом возникали у союзных главкомов Жоффра, Петэна, Нивелля на франко-британском театре военных действий, то Фошу удалось очень искусно скоординировать управление разнонациональными армиями Антанты и их командующими.

Дипломатический талант, а также высокий авторитет, которым обладал Фош, в значительной степени помогли ему успешно справиться со сложными вопросами коалиционной стратегии.

Группировка и маневрирование резервами союзнических армий были препятствиями, которые не могли в достаточной мере удовлетворительно разрешать до Фоша.

При Жоффре, Петэне и Нивелле англичане вечно вопили, что их кровь должна смывать грубые ошибки в стратегии, которые допускают французы. До Фоша фронты французский и английский никогда не жили мирно, а находились в постоянной склоке. Фош положил этому конец, но ему не сразу удалось это сделать. После первых прорывов Людендорфа Фош главным образом маневриро-

[1]) Мы считаем полезным посвятить отдельное исследование системе полевого управления армиями Антанты, которое было организовано при Фоше—Вейгане; но это мы сделаем в другом труде.

вал французскими дивизиями [1]), он с исключительным старанием стремился облегчить положение англичан, бросая десятки французских дивизий на фланги немецких прорывов.

Хэг на опыте убедился, что Фош не только пускает английскую кровь, но не жалеет, как его предшественники, и французскую.

Кроме того, Фош обладал исключительным тактом в обращении с частными начальниками; это подтверждают те, кто с ним когда-либо сталкивался. Даже английский генерал Френч, который вообще не желал думать о каком-либо подчинении директивам Жоффра, всегда очень внимательно выполнял распоряжения Фоша даже и тогда, когда Фош не оказывался точным в своих обещаниях. Но здесь Фош находил такие приемы, которые успокаивали таких своеобразных полководцев как Френч.

В период «бега к морю» в 1914 г. Фош командовал армиями, в которые входили бельгийцы, англичане и французы. Однажды Френч категорически потребовал от Фоша подкреплений. Фош вежливо обещал через 24 часа передать их в распоряжение Френча. Подкрепления действительно прибыли, но Фош медлил с их передачей Френчу. Последнее обстоятельство очень сильно встревожило Френча, он вторично потребовал подкреплений. Фош в своем ответе, во-первых, очень высоко расценил образ действий англичан во главе с Френчем, во-вторых, он сказал: «Вы, генерал, доказали на деле, что можете продержаться целых 24 часа в тяжелой обстановке. Я, признаться, сперва не верил, что вам это удастся, так держитесь же еще 24 часа, и я даю вам слово, что вы получите требуемое». Френч не получил подкреплений, но общая обстановка так изменилась в благоприятную сторону для союзников, что острота в этом деле на данный момент отпала. Фош и Френч остались каждый по-своему довольны.

Подобных примеров умелого обращения со своими частными начальниками, основные качества которых Фошем тщательно изучались, можно привести немало.

О Фоше известный французский исследователь генерал Палат, который был его сотрудником по боевой работе, пишет:

«Фош всегда активен, как молодой полковник. Он обладает даром слушать и вдумываться в то, что ему говорят его подчиненные. Сам он говорит преимущественно короткими ясными фразами, умеет убеждать собеседника. Когда разговаривает, то почти всегда чему-то улыбается, жуя свою вечную сигару. Фош всегда оптимист».

Фош, будучи главковерхом союзников, добился того, что все союзные главкомы убедились, что он «справедлив в распределении

---

[1]) К слову сказать, роль командиров корпусов в 1918 г., как у немцев, так и у союзников, была крайне оригинальной: фактически комкоры превратились в заведующих гостиницами, которые каждодневно принимали и провожали то те, то другие дивизии, поступавшие в их распоряжение. Командир корпуса превратился в передаточную инстанцию, в оперативный этап, который имел очень незначительное воздействие на ход боевых событий.

усилий между разнонациональными армиями». Это была большая победа Фоша, которая свела на-нет постоянные требования и саботаж отдельных главкомов Антанты по вопросам кому надо занять именно такой-то участок фронта и именно с таким-то протяжением, а не другим, кому необходимо иметь столько-то дивизий в армейских группах, а не другое их количество и пр.

Фошу удалось заставить всех стремиться к одной раз поставленной им оперативно-стратегической цели. И мы видим, что первая часть плана Фоша от 24 июля по срезыванию людендорфовских мешков была осуществлена в достаточной степени методически и целеустремленно; вторая часть плана генерального наступления от 25 сентября была осуществлена на много хуже; почему это случилось мы писали в предыдущей главе.

Фош принимал во всех трех походах Антанты против Советской республики самое деятельное участие, помогая советом и материально (деньги, оружие, снаряжение, вещевое довольствие) армиям Деникина, Врангеля, Пилсудского и прочим; задушить диктатуру пролетариата было заветной мечтой Фоша и он немало вложил сил и энергии в интервенционные планы Антанты.

Но история зло посмеялась как над организатором так называемого похода 14 государств — Черчиллем, так и над союзным главковерхом Фошем.

Ни Людендорфу, ни Фошу, ни Черчиллю, ни кому другому, несмотря на все их страстное желание, так и не удалось иметь решительный успех и победить Красную армию Страны советов.

Победитель германской армии на франко-британском фронте, Фош оказался подлинным неудачником в борьбе против диктатуры пролетариата и его Красной армии на необ'ятных просторах Советской страны.

Фош имел генеральный план наступления против СССР. Когда его спросили в начале 1919 г. политические организаторы интервенции (Ллойд-Джордж, Пуанкаре, Клемансо, Вильсон), какие необходимы оперативно-стратегические мероприятия, чтобы быстро задушить Советскую республику, он гордо ответил:

«В этом нет большой трудности и нет надобности в серьезных боях. Несколько сот тысяч американских войск, которые стремятся сыграть свою роль в событиях, вместе с добровольческими частями из состава британских и французских армий могут легко при современных железных дорогах установить контроль над Москвой. Как бы то ни было, мы уже держимся в трех частях России. Если вы желаете охватить своим авторитетом бывшую Российскую империю с целью обеспечить свободное выражение желаний русских, дайте мне только приказ. Как легко будет выполнить эту задачу мне, Хэгу и Першингу сравнительно со сражением 21 марта или прорывом линии Гинденбурга!» (Черчилль, «Таймс» от 12 февраля 1929 г.).

Так говорил Фош в 1919 г. Но когда три похода Антанты против Советской республики с невиданным позором провалились, когда

политики и стратеги Антанты с их ставленниками Колчаком, Деникиным, Юденичем, Миллером, Пилсудским, Врангелем были молодой Красной армией разбиты, Фошу не оставалось ничего больше, как в сентябре 1927 г. в журнале «Рефери» заявить:

«Если бы мне дали свободу в 1919 г., я бы немедленно расправился с русской революцией, я бы вооружил народы, соседние с Россией, у меня был вполне разработанный план. Я разбил бы их одним ударом. К сожалению, мне не дали действовать».

Фош говорит явную неправду, он бессовестно передергивает исторические факты.

Во втором томе нашего труда, где мы анализируем три похода Антанты, читатель воочию убедится на основании конкретных исторических документов, подписанных самим же Фошем, что он целых три года активно действовал на полях сражений нашей гражданской войны 1918—1920 гг., целых три года он вооружал народы, соседние с Советской Россией, тысячи союзнических солдат и матросов по директиве Фоша участвовали вместе с отечественными белогвардейцами в трех походах Антанты, миллионы золотых долларов были затрачены правительством Антанты на интервенцию, тысячи орудий, сотни тысяч ружей и пулеметов, сотни миллионов патронов и снарядов были брошены Фошем, чтобы удушить советскую власть на $^1/_6$ земного шара, но все это кончилось более чем позорным крахом.

Всемирно-исторические победы большевистской партии и Красной армии налицо.

Стратегический план интервенции Фоша под конец его полководческой карьеры также бесславно провалился, как и наступательный план Людендорфа на полях Прибалтики, Польши и Украины в 1918 г.

По буржуазной пословице от великого до смешного один лишь шаг, и этот шаг был сделан полководцем империалистической буржуазии Фошем, полным непримиримой классовой злобы к трудящимся СССР. Полководческая карьера крупного деятеля буржуазии и на этот раз закончилась фарсом; с этой «славой» он и лег рядом со своим «богом» Наполеоном, которому всю жизнь стремился подражать.

Теперь обратимся к главному сопернику Фоша в операциях 1918 г. — Эриху Людендорфу.

До мировой войны Людендорф работал в Большом германском генеральном штабе, в отделе мобилизации и стратегического развертывания германских вооруженных сил. В 1913 г. и до августа 1914 г. он работал в строю, командуя полком и бригадой.

Никаких научно-теоретических работ он не писал, будучи целиком занят очередной практической деятельностью. Но после войны он оказался одним из первых, кто серьезно занялся вопросами современной стратегии и дал ряд больших трудов, освещающих работу германского главного командования за период 1914—1918 гг.

Людендорф написал три основных труда: «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.», «Ведение войны и политика» и «Документы главного командования».

В этих трудах и документах он обрисовывает и характеризует политическую и оперативно-стратегическую работу главного германского командования во время империалистической войны, всемерно стремясь показать, что германская армия, если и потерпела поражение, то не благодаря искусству верховного управления Антанты, а вследствие неравенства в силах обеих воюющих коалиций и Ноябрьской революции в Германии.

Если Шлиффен более или менее правильно воспринял учение Клаузевица о взаимопроникновении политических целей и целей военно-стратегических, то его ученик Людендорф в своем труде «Ведение войны и политика», очень старательно выписывая цитаты из Клаузевица, коренным образом разошелся по этому вопросу с последним. Людендорф захотел быть оригинальным.

Он целиком разделяет буржуазно-идеалистическую и эклектическую постановку вопроса Мольтке-старшим, что политика должна вмешиваться только в начале и конце данной войны, оставляя право военной стратегии самостоятельно вести операции. Для Людендорфа мольтковская формула, что «политика не должна вмешиваться в военные операции» не подлежит никакому обсуждению, тем более оспариванию. Это, де, само собой совершенно ясно.

Раз во главе военного командования стоят хорошо и всесторонне проверенные люди, которые целиком и полностью отдали всю свою творческую жизнь на службу короне Гогенцоллернов, то эта корона и ее политические деятели должны полностью доверять оперативно-стратегическому и военно-техническому руководству. Другое дело в стане Антанты, там, возможно, какой-либо из главнокомандующих в тайниках своей души и замыслил посредством удачно проведенных военных операций пробить себе дорогу в Бонапарты. Что касается германской армии, то здесь этот вопрос совершенно отпадает. Здесь — совершенно другое дело.

Так дико, убого, как самый последний ограниченный солдафон, рассуждает выдающийся стратег и техник-оператор мировой войны Эрих Людендорф, готовый на каждой странице своей книги лишний раз подчеркнуть, что он самый последовательный ученик Клаузевица.

Но делает это все Людендорф неспроста. Да, он за невмешательство политики в дела военной стратегии, но вопрос, какой именно политики? Если политика Бетман-Гольвега, то он абсолютно против её вмешательства, но если политику целиком передать в руки германского главного командования, то он тогда «за».

В основном Людендорф ставит вопрос практически, а поэтому если он и выдвинул, как сейчас увидим, примитивную, гутаперчевую формулировку, то это с ним случилось всилу того, что Люден-

дорф хотел еще более ударить по линии поведения германской политики за период империалистической войны, а тем самым оправдать себя перед будущим.

Чтобы ясно понять, чего именно добивался Людендорф своим трудом «Ведение войны и политика», необходимо проделать соответствующий анализ его творческих работ и его практической деятельности.

Красная нить всего труда «Ведение войны и политика» заключается в основном тезисе Людендорфа: «Война это продолжение внешней политики другими средствами — вся прочая политика должна подчиняться требованиям войны».

Написав эту беспримерно эклектическую путаницу, Людендорф вообразил, что он сделал новый шаг в развитии учения Клаузевица по этому вопросу. Да это, по мнению Людендорфа, и немудрено, так как после Клаузевица ведь все претерпело коренное изменение. И если Клаузевиц в своем труде «О войне» говорит лишь о внешней политике, то это должно быть совершенно понятно, так как, видите ли, во времена Клаузевица вопросы внутренней и хозяйственной политики далеко отстояли от способов ведения войны.

Людендорф смело заявляет, что он проработал огромный исторический материал, который целиком подтверждает его вывод, что во времена Фридриха и в войнах великой французской революции и Наполеона внешняя политика была все, всилу этого «война—это продолжение внешней политики другими средствами», а внутренняя и хозяйственная политика была крайне примитивной, слабой. нежизненной, а поэтому её и не принимали в расчет. Людендорф допускает явную передержку, приписывая Клаузевицу определение войны, как продолжения внешней политики. Клаузевиц такого узкого определения не давал. Клаузевиц в своей классической работе «О войне» писал: «20-летие победы революции (французской. Вл. М.) является по преимуществу последствием ошибочной политики противостоявших ей правительств» и что новая политика, которая «вышла из недр французской революции, принимала другие средства и другие силы и поэтому открыла возможность проявления такой энергии в ведении войны, которая вне этих условий была бы немыслимой» [1]). Как видим, разрыва между внешней и внутренней политикой у Клаузевица нет.

Является вопрос — как же расценивает Людендорф современность, когда внутренняя и хозяйственная политика очень «стала важной для ведения войны». Он говорит, что эта политика целиком «должна подчиняться требованиям войны».

Но эта путаная теоретическая стряпня у Людендорфа получилась не случайно, он посредством её желает просто сказать, что во время войны верховное главное командование осуществляет военную диктатуру, которой должны быть подчинены все и вся

---

[1]) Клаузевиц. О войне, стр. 555—556.

(капиталистическая биржа и ее руководители, рейхстаг, Бетман-Гольвеги и т. д.); политика же господствующего класса является служанкой на кухне военной стратегии, во главе которой стоят такие специалисты, как Людендорф, Гинденбург, т. е. верные сыны гогенцоллерновской монархии, которые и должны сконцентрировать в своих руках всю политическую и оперативно-стратегическую власть. Вот и все.

Незачем было Людендорфу утруждать себя экскурсиями в область истории, а надо было бы просто сказать, что «политика должна подчиняться требованиям войны». А то получилось нагромождение лишних и ненужных слов о внешней, внутренней, хозяйственной политике и их связи с войной и стратегией, что лишь обременило и без того утомленный от войны мозг Людендорфа.

Но будет не совсем точно думать, что Людендорф все это написал только потому, что совершенно не понимает теснейшей связи вопросов внешней и внутренней политики как в войнах XVIII—XIX столетий, так и XX века. Ему важно одно: оправдать свою политику и свое постоянное стремление установить всеобъемлющую военную диктатуру германского командования, во главе которого фактически стоял Людендорф.

Он откровенно и открыто заявляет в своем труде «Ведение войны и политика», что сделал очень грубую и крупную ошибку, которую не может себе простить, что не настоял на своевременном увольнении в отставку имперского канцлера и прусского министра-президента Бетман-Гольвега.

Последний был уволен за свою нерешительную и колеблющуюся политику по твердому требованию Людендорфа и Гинденбурга лишь в июле 1917 г., а это, де, надо было сделать в самом начале войны. Хотя Бетман-Гольвег и был представителем интересов прусского юнкерства, хотя он и был ревностным сторонником магнатов тяжелой промышленности и финансовой буржуазии, но все же он был не тем по своим качествам руководителем политики, которые были необходимы германскому главному командованию.

Во-первых, он перед началом войны оказался сторонником соглашения с Англией, т. е. с самым свирепым конкурентом германского империализма, во-вторых, он вел себя постоянно крайне двухсмысленно в вопросах морских вооружений Германии и не встал на твердую позицию в вопросе неограниченной подводной войны. В-третьих, он не сумел своей власти германского имперского канцлера подчинить до конца представителей финансового капитала, он подчас был слишком мягок в вопросах выкачивания из ресурсов страны всего того, что требовало германское главное командование.

Правда, Бетман-Гольвег был старым другом кайзера Вильгельма, но если последний согласился уволить его в июле 1917 г., то при соответствующем нажиме на кайзера это можно и нужно было бы сделать на два года раньше. Бетман-Гольвег должен был бы быть тем же, чем в свое время Бисмарк, но он оказался слишком ничтож-

ным по сравнению с «великим канцлером». «Германская главная квартира не взяла своевременно диктатуру в свои руки для спасения страны с согласия кайзера, в этом её непростительная ошибка», — так заключает Людендорф.

Как видим, Людендорф очень хорошо разбирается в вопросе и внешней и внутренней политики, так как предъявляет свои требования именно к тому, на ком лежала обязанность об'единять и координировать политику внешнюю с политикой внутренней, т. е. к германскому имперскому канцлеру Бетман-Гольвегу, которого так презирает за его нерешительность Людендорф.

По Людендорфу выходит, что и война не может быть целесообразным продолжением внешней политики другими средствами, т. е. с оружием в руках, если во главе внешней политики будут стоять такие типы, как Бетман-Гольвег.

Людендорф обрушивается в своей книге на внешнюю политику германского империализма как перед войной, так и во время войны. Он беспощадно клеймит германскую дипломатию, которая не сумела воспрепятствовать должным образом политике Англии по окружению Германии и во-время опрокинуть эту политику. Но раз это случилось, «то надо было не думать о сохранении мира, а надо было всемерно быть готовым к ожесточенной борьбе за существование, за победу Германии над Антантой».

Политика Бетман-Гольвега не прониклась теми целями, которые ставил себе германский империализм — т. е. мировое господство.

«Политика не поставила, как это нужно было, цели и не сделала из вооруженных сил средства для её проведения, предоставив военным властям создавать средства войны даже без единства в военном управлении» (здесь Людендорф имеет ввиду независимое от военного министерства существование генерального штаба).

Всилу этого и получилось, говорит Людендорф, что Германия с первого же дня войны не сумела сразу же влить в ряды армии те 600 тысяч подготовленных военнообязанных, которые были влиты позже, в то время как Франция даже подготавливала к использованию на франко-британском театре свои колониальные войска.

Кроме того, у Германии и Австро-Венгрии не было единого плана войны; до последнего дня германский генеральный штаб продолжал побаиваться, что Вена может проболтаться и раскрыть то, что находилось в стальных сейфах германского генерального штаба в Берлине. Внешняя политика Германии не сумела до конца подчинить себе внешнюю политику Австро-Венгрии; поэтому, хотя Мольтке-младший и Конрад и были осведомлены о характере действий в начальный период войны германской и австро-венгерской армий, но полного единства командования не было и оно лишь осуществилось в процессе самой войны и т. д. и пр.

В дальнейшем Людендорф последовательно разбирает линию поведения германского главного командования во главе с Мольтке-младшим, Фалькенгайном и затем подробно останавливается на том

периоде, когда он вместе с Гинденбургом принял руководство всеми операциями вооруженных сил держав Четверного союза.

Людендорф очень резко обвиняет Фалькенгайна за его «стратегию ограниченных целей», за его безрезультатную Верденскую операцию.

Он говорит, что какова была политика Бетман-Гольвега, такова была стратегия и Фалькенгайна, т. е. «политика и стратегия выдержки». «Политика и стратегия ограниченных целей» привела к тому, что германская армия к 1 сентября 1916 г. понесла потери в 4 270 000 чел., а когда проводилась стратегия уничтожения, т. е. с 1 сентября и до конца войны, выбыло из строя всего лишь 2 170 000 человек.

Людендорф в своей работе «Ведение войны и политика» заявляет, что никакого политического кабинета в штабе главного германского командования не было и все вопросы политики разрешались через канцлера Бетман-Гольвега [1]).

Но последний не сумел заставить Соединенные Штаты Америки продолжать свой нейтралитет, не сумел воспользоваться первым успехом мартовского наступления на Амьен и т. д., чтобы начать зондировать почву о хорошем мире.

В общем, все грехи, какие можно найти в период военных операций, Людендорф беззастенчиво приписывает политике германского правительства Бетман-Гольвега.

Людендорф поучает последнего, что «политические намерения— цель; война — средство и никогда нельзя мыслить о средствах без цели».

Иными словами, он несколько перефразирует положение Клаузевица, что «война является не только политическим актом, но и важным политическим инструментом, продолжением сношений, проведением их другими средствами, т. е. военными операциями — боем».

Но Людендорф, поучая своего политического противника Бетман-Гольвега, забывает указать на «мелочь», что сам он в период 1916—1918 гг. был негласным диктатором Германии и что хотя в ставке германского главного командования и не было «политического кабинета», но все нити военной, внутренней и международной политики были сконцентрированы именно там. Ставка, как пишет сам Людендорф во II томе «Мои воспоминания», осенью 1917 г. хотела произвести государственный переворот и установить военную диктатуру во главе с Людендорфом.

Итак, Людендорф написал, что «война—это продолжение внешней политики другими средствами; вся прочая политика должна подчиняться требованиям войны» исключительно для того, чтобы

---

[1]) Но на 19 и 21 стр. I тома «Мои воспоминания» Людендорф пишет иное, а именно, что в ставке был политотдел, решались вопросы международной политики, приезжали представители тяжелой и легкой индустрии, профсоюзов, торговли и пр.

вконец скомпрометировать политику германского канцлера Бетман-Гольвега.

Но этим самым Людендорф неожиданно для себя впал в жесточайшее противоречие, так как германский канцлер осуществлял не только внешнюю, но и внутреннюю политику германского империализма. Ибо каждому ясно, что характер внутренней политики данного государства не может соответственно не отражаться на внешней политике и наоборот. Так было в XVII—XIX столетиях, так есть и в XX веке, историю которых так старательно «изучал» Людендорф.

Дальше Людендорф проговаривается как школьник. Видите ли, Ганнибала, пишет Людендорф, погубила политика Карфагена (иными словами, политика германского имперского канцлера Бетман-Гольвега погубила Людендорфа), но зато Александр Македонский и Наполеон об'единяли политику и ведение войны в одном лице (иными словами, если бы политика и стратегия были целиком в руках германского главного командования, а значит и Людендорфа — Гинденбурга, то результаты мировой войны были бы для Германии совершенно другие).

Как видим, Людендорф, как Мольтке-старший, Шлиффен, Конрад, каждый по своему варьируя вопрос взаимосвязи политики и стратегии, в основном требовали сосредоточения и того и другого в одном лице, и это они называли идеалом.

Таким идеалом для них в первую голову был Наполеон, концентрировавший в своих руках и политику и ведение войны французской империи.

Но если внимательно проследить борьбу между Мольтке-старшим и Бисмарком, Конрадом — Эренталем, Жоффром — Мильераном, Людендорфом — Бетман-Гольвегом, Фошем — Клемансо и т. д., то мы наглядно увидим, что если эти военные стратеги и понимали необходимость связи политики со стратегией, если они и страстно желали, подобно Наполеону, сконцентрировать в своих руках и политическую и военно-стратегическую власть, то до настоящих политических вождей каждому из них было очень и очень далеко.

Это были в лучшем случае хорошие военные специалисты буржуазно-капиталистического класса, но отнюдь не полноценные политические вожди. Однако это не исключает того, что каждый из них вел и делал свою политику.

А поэтому только слепое честолюбие могло Людендорфу продиктовать мысль, что с установлением военной диктатуры Людендорфа — Гинденбурга Германия могла оказаться победительницей.

С конца 1917 и в 1918 г. политика Бетман-Гольвега фактически была полностью терроризирована германским главным командованием, а если разобрать в политическом разрезе план наступательной кампании 1918 г., составленный Людендорфом, то мы воочию убедимся (главы XVI и XVII дают для этого достаточно материала), что этот план строился на примитивной политике.

Разве с точки зрения этого плана не было огромной ошибкой Людендорфа — вести активную борьбу на восточном фронте, оставляя там 50 дивизий, в то время как он решил наносить главный удар на западно-европейском театре военных действий?

Это была не только стратегическая ошибка, но и политическая.

Людендорф совершенно не сумел разобраться в той сложной политической ситуации, которая была в России после Октябрьской революции. В этом отношении он оказался таким же примитивным, слепым политиком, как и Фош.

Мало еще желать быть и политическим и военным вождем, для этого необходимо иметь соответствующие качественные данные. А их-то в должной для этого степени и не было ни у Людендорфа, ни у Фоша. Если Людендорф задним числом, когда события уже ушли в историю, когда они стали во всех подробностях известны, пытается дать бой на политической арене, то это у него выходит так же слабо, односторонне, как это было с ним в действительной конкретной жизни, когда он стоял не только во главе германской армии, но и управлял и координировал оперативно-стратегические действия держав Четверного союза.

Действительная жизнь говорит, что Людендорф был только односторонним «военспецом», прекрасно знающим технику военно-стратегических операций и умеющим их подготовить и организовать. В конце концов таковыми же были в мировой войне и Фош, и Конрад, и Фалькенгайн, и Жоффр, и Петэн и др.

Разбираемая работа Людендорфа «Ведение войны и политика», как и «Мои воспоминания» со всей ясностью говорят о том, что автор их, если формально и понимал взаимосвязь между политикой внутренней и политикой внешней данного государства и отношение этой политики к войне, то он очень смутно разбирался в основном, в расстановке и соотношении классовых сил, он крайне плохо уяснил себе значение решающих факторов политического, социального, экономического и хозяйственного порядка.

Во всяком случае, управлять всем ходом политических событий Людендорф явно не мог. Ибо он не был совершенно подготовлен к этой деятельности, да и не имел к этому соответствующих способностей.

«Политика» Людендорфа заключалась в том, что он требовал, чтобы державами Четверного союза с их различными и разнохарактерными политическими, экономическими, классовыми, национальными интересами можно было управлять, как батальонами на поле боя. Поэтому Людендорф и требовал концентрации в руках германского главного командования всей политической власти. Ему казалось, что если он «скомандует», то все сейчас же беспрекословно будет исполнено и вся хозяйственная и политическая жизнь Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии будет перестраиваться так же просто, стройно и гладко, как на плацпарадах в Потсдаме.

По этому плану в 1916 г. строил и проводил Людендорф так называемую «большую гинденбурговскую хозяйственную программу».

Людендорф хотя и писал, но весьма отвлеченно представлял себе, что «политические намерения — цель, война — средство, и никогда нельзя мыслить о средствах без цели», так как он очень смутно понимал, как это на самом деле происходит в политико-экономической жизни классов современного капиталистического общества.

Бетман-Гольвег виноват во всем, искренне думал Людендорф, потому что он, во-первых, не Бисмарк, а во-вторых, он не давал того, что требовало от него германское главное командование. А почему Бетман-Гольвег не мог дать все то, что требовал Людендорф, это очень мало интересует последнего. Людендорфу кажется только одно, если бы он был на месте Бетман-Гольвега, то результаты оказались бы другими, так как тогда в руках Людендорфа была бы сконцентрированная политическая и стратегическая власть, которой в свое время обладал Наполеон.

В голове Людендорфа никак не укладывается, что мало еще обладать огромной политической и военной властью, которую несомненно в последние три года войны имел Людендорф, а надо этой властью еще уметь целесообразно пользоваться.

А как же можно правильно управлять политической жизнью государства, если жизнь классов держав Четверного союза была для Людендорфа непроницаемой тайной?

Это, конечно, не значит, что для Бетман-Гольвега все было совершенно ясно. Но если германский имперский канцлер Бетман-Гольвег хоть кое-как разбирался в вопросах политики своего господствующего класса и его отношениях к другим классам, то Людендорф всего этого просто не понимал, да и не желал понять.

Раз приказывает Людендорф, этот верный сын короны Гогенцоллернов, значит все классы держав Четверного союза должны беспрекословно подчиняться, т. е. умирать на поле боя, или работать в тылу на фабриках и заводах для поля боя.

Для Людендорфа ясно одно, что Ганнибала погубила политика Карфагена, об этом писал, де, и его учитель Шлиффен, любимым учеником которого в свое время был Людендорф. Наполеон же выиграл много кампаний потому, что он имел полную и политическую и военно-стратегическую власть.

С этой одной стороной вопроса, с его дубоватой постановкой Людендорф не расстается на протяжении всей своей работы «Ведение войны и политика».

А если бы Людендорф сумел посмотреть и на другую сторону вопроса, то увидел бы кое-что и иное, так как он в свете истории нашел бы свои крупнейшие политические ошибки: неучет экономического положения Антанты, которая была в 1918 г. неизмеримо сильнее Четверного союза, недооценка тяжелого хозяйственного положения в Германии и её армии, ошибки с восточным, русским

фронтом, непонимание развертывавшихся революционных событий как внутри страны, так и вне её — Октябрьской революции в России и пр.

И тогда бы он понял, что Ганнибал погиб не только потому, что политика Карфагена была плоха, но и потому, что политика самого Ганнибала никуда не годилась.

Также и Наполеона погубила не только его военная стратегия, но в первую голову его политика. Если бы Наполеон выиграл сражение под Ватерлоо в 1915 г., то это еще не значит, что он был бы победителем; возможно он лишь бы на несколько месяцев дальше продлил свою власть, но острова Елены или какого-либо другого острова, тюрьмы, ссылки, казни, все равно бы ему не миновать. Его неизбежная гибель была заложена в той внутренней и внешней политике, которую он, как политик и полководец, вел.

Таким образом, факт об'единения в одном лице, как это было у Наполеона, политики и ведения войны, отнюдь еще не гарантирует наилучший конечный результат.

Но Людендорф оказался не одинок. Его «новую» теорию о войне и политике целиком поддержал и развил беспримерный политический пройдоха, прожженный политический интриган, опытнейший предатель интересов рабочего класса социал-интервент и социал-фашист Карл Каутский.

Каутский в своих работах последних четырех десятилетий не только вкорне извращает марксизм и ленинизм, но ему доставляет огромное удовольствие зло издеваться над всемирно-историческим учением Маркса и Ленина, над этими гениальнейшими основоположниками диалектического материализма.

Маркс еще при жизни назвал молодого Каутского «беспримерным филистером», Каутский же за всю свою долгую авантюристическую жизнь политического деятеля сделал все возможное, чтобы целиком и полностью оправдать эту аттестацию, данную ему Марксом.

Карл Каутский самый последовательный враг марксизма-ленинизма, а поэтому как враг он и пишет всегда по-вражески.

Для Каутского проблема гражданской войны, которую ведет пролетариат за реальное осуществление своих классовых интересов и за осуществление своей диктатуры, являлась и является «исчадием ада», самым «тяжелым грехом», который только имеется в политике пролетариата. И естественно, что в одной из своих последних работ под громким названием «Материалистическое понимание истории» Каутский пишет следующее:

«Строго говоря, нельзя, как это делает Клаузевиц в своей книге «О войне», определяет войну, как «продолжение политики лишь другими средствами», война есть продолжение лишь внешней политики, иначе тогда пришлось бы причислить к войне и гражданскую войну, хотя последняя представляет из себя особое явление с особыми законами, целями и вызывается специфическими причинами. Это уже проявляется с самого начала.

Гражданская война разражается стихийно, о ней не выносится решение, её не об'являют»[1]).

Поистине только «специфический» мозг старого социал-предателя мог вложить в столь небольшое количество строк, такое огромное количество беспредметной путаницы и мусора.

Останавливаться долго на беззубом лепете квазиученого Каутского, где он отрывает внешнюю политику от внутренней, не приходится, так как каждому мало-мальски грамотному ясно, что внутренняя политика имеет свое диалектическое единство с внешней.

В отношении же вопроса о гражданской войне мы приведем единственно научное определение, которое дает в своих работах Ленин; это и будет самым лучшим ответом Каутскому и К°.

«Гражданская война, — говорит Ленин, — есть наиболее острая форма классовой борьбы».

«Всемирная история всех революций показывает не на случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну». «В конце концов решает, как известно, вопросы общественной жизни — классовая борьба в её самой резкой, самой острой форме, именно, в форме гражданской войны. А в этой войне, как и во всякой войне, решает это тоже известный и никем (кроме Каутского и К°. Вл. М.) в принципе неоспоримый факт — экономика».

«Политика же есть сконцентрированная экономика».

«Во время гражданской войны всякая победившая власть, может быть только диктатурой. «Диктатура, слово большое, жестокое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох».

Такими четкими и неоспоримыми, сокрушительными ударами отвечает марксизм-ленинизм на вылазку своего старого политического врага в лице Карла Каутского и его разнообразных последователей до Троцкого включительно.

Итак, в основном труде «Ведение войны и политика» Людендорф пытается оправдать политику главного германского командования во время мировой войны. Но эта попытка получилась у Людендорфа однобокой и малоубедительной. И сколько бы с этой задней мыслью он ни подбирал «новых» формулировок по вопросу взаимосвязи войны и политики, вся его, как и германского главного командования, политическая деятельность с неопровержимой полнотой еще раз подтверждает единственно правильное, единственно научное определение, данное Лениным, что всякая война есть насквозь политика, ибо «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой

---

[1]) Каутский. Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 262.

державы вел в течение долгого времени перед войной, ту самую политику неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия. Война есть продолжение политики иными средствами» [1]).

В предыдущей главе мы достаточно много говорили о фактическом материале двух других работ Людендорфа «Мои воспоминания» и «Документы главного командования». Нам теперь остается, во-первых, дать общую характеристику этих работ, а во-вторых, показать то новое в военном искусстве управления и командования, которое вытекает из тактической и оперативно-стратегической деятельности германской армии, руководимой Людендорфом и главным образом из опыта финального года мировой империалистической войны, который сконденсировал опыт предыдущих лет этой войны.

Мы считаем полезным подчеркнуть, что «Воспоминания» Людендорфа, как и Фалькенгайна, должны язляться одной из настольных книг старшего и высшего командного состава. Эти работы следует не только читать, но и тщательно критически изучать, так как в них открывается грандиозная панорама величайшей вооруженной борьбы двух империалистических коалиций.

Из этих работ наглядно видны трудности организации современных больших операций с миллионными армиями и грандиозной техникой. Крупнейшие и наиболее талантливые стратеги-операторы мировой войны достаточно откровенно в своих воспоминаниях делятся своим многообразным боевым опытом.

В этих книгах читатель найдет конкретный исторический материал, характеризующий развитие полководческого искусства в первой части XX века.

Из воспоминаний Людендорфа видно, насколько он был высоко квалифицированным военным специалистом и одновременно с этим крайне ограниченным и слепым политиком. Политические выводы, которые он делает из мировой войны, ясно говорят о том, что консервативно-юнкерский ум Людендорфа, как политика, нисколько не прояснился и ничего полезного для себя не воспринял.

Однотонно и до крайности утомительно он и в своих двух томах «Воспоминаний» тянет старую песню о том, что политика германского правительства Бетман-Гольвега помешала осуществить ему военную диктатуру и посредством последней выиграть войну. Он продолжает твердить и тогда, когда война была окончена, свою старую эклектическую формулу:

«Война вообще не может быть решена только военным путем, т. е. силой оружия. Безусловно, совместная работа военных вождей с правительством необходима, чтобы углубить последствия военных успехов. Но последнее слово остается за оружием. В этом нет никакого сомнения» [2]).

[1]) Ленин. Новые статьи и письма, статья «Война и революция», стр. 35—36.

[2]) Людендорф. Воспоминания, том I, стр. 297.

Как известно, последнее слово всегда оставалось и будет оставаться за политикой, которая пронизывает собой все дело войны от ее начала, через весь её процесс и до самого конца. Вот в этом, как показывает опыт, действительно нет никакого сомнения. И вот этого никак не хочет понять Людендорф.

В «Воспоминаниях» красной нитью проходят следующие два тезиса Людендорфа:

а) «Во время войны моею целью были: крайняя энергия в ведении войны и обеспечение военных интересов и столь же важных экономических возможностей также и на период после войны» и

б) «Правительство приветствовало наше вступление в высшее командование. Мы с полным доверием пошли ему навстречу. Но вскоре два мировоззрения, представляющие взгляды правительства и наши, начали вести борьбу друг против друга. Это противоречие было для нас тяжелым разочарованием и невероятным бременем».

Мы считаем, что второй тезис нами в достаточной мере охарактеризован выше, о первом же мы можем сказать следующее. За период первых двух с половиной лет мировой войны Людендорф работал и провел ряд блестящих операций на восточно-европейском театре военных действий. На полях Восточной Пруссии в осенней кампании 1914 г. в Польше и в операциях против Сербии и Румынии Людендорфом даны классические образцы организации больших стратегических операций, на которых можно и должно учиться.

Изучая характер этих операций, мы считаем, что Людендорф мог не рисуясь сказать, что он действительно явился наиболее последовательным учеником Шлиффена, под непосредственным руководством которого в свое время работал.

Оперативно-стратегический успех был почти постоянным спутником Людендорфа, но этот успех всегда вытекал из исключительно детальной и всесторонней подготовки к операциям. Большой мастер наглядно показывает, с какой тщательностью он готовился к нанесению того или другого решительного удара, какую поистине гигантскую кропотливую работу по расчетам и подсчетам соотношения сил он проделывал, прежде чем приступить к сосредоточению сил и выработке деталей плана операции.

В этом отношении он мог с полным правом повторить известную фразу Наполеона, когда его спросили, чем об'ясняется то обстоятельство, что его трудно захватить врасплох. Он ответил: «Не гений меня осеняет внезапно, подсказывая, что мне делать или говорить при обстановке «внезапной», с точки зрения других; это результат заблаговременного большого размышления и обдумывания».

Людендорф говорит, что после операций в Восточной Пруссии, Прибалтике, Польше, Румынии, Сербии «мысль его вознеслась к Шлиффену и он благодарил своего учителя». Людендорф является выдающимся организотором германской ставки, как аппарата упра-

вления, а также фронтовых и армейских штабов. В своих работах он в достаточной мере откровенно обрисовывает это искусство.

Во всей своей оперативно-стратегической работе Людендорф следовал учению Шлиффена — всегда поддерживать самый тесный контакт с войсками, никогда не разрабатывать плана операции, не будучи достаточно подробно осведомленным о состоянии своих войск и войск противника.

Людендорф в своих книгах дает ряд примеров, из которых видна не только система управления войсками, но также и борьба с бумажным бюрократизмом посредством установления тесного общения с войсками и командованием фронта. Помимо очень частых личных поездок к войскам, Людендорф высылал значительное количество своих офицеров-порученцев, как делегатов боевой связи.

«Больше всего, — пишет Людендорф, — я ценил устные сообщения и сбор непосредственных впечатлений. Я охотно ездил на фронт... Служба во время поездки не прерывалась. На определенных станциях я принимал обычные срочные донесения, как и в главной квартире, и, в случае необходимости, можно было вступить посредством специально организованной при этих поездках телеграфной связи в сношения со всем миром».

Людендорф говорит, что его отношения с войсками постоянно были отличные и проникнуты взаимным доверием.

«Когда я находился в штабах на фронте, начальники штабов делали мне доклады об обстановке. На докладе присутствовали и командующие армиями. Начальники штабов высказывались столь же откровенно, как и мои сотрудники в ставке. Им было известно, что я интересовался их личным мнением и что мне нужно ясное освещение, а не декорация потемкинской деревни. Иногда армиям приходилось напоминать, что надлежит доносить об'ективную истину, неблагоприятные данные передавать так же точно, как благоприятные».

Далее он пишет, что в этих совещаниях командующие армиями принимали самое активное участие, высказывали свое мнение, вносили поправки, давая тем самым возможность более всесторонне совместно обсудить необходимые вопросы.

«Мои сношения с армиями не ограничивались еженедельными поездками. Каждое утро я разговаривал по телефону с начальниками штабов армий и выслушивал их опасения и надежды».

Как видим, методы управления по системе Людендорфа в значительной мере отличаются от Мольтке-младшего в период первых трех месяцев войны, когда в момент самых напряженных операций Мольтке-младший ни разу не выехал на фронт и не имел во время решительного сражения на Марне технической связи с правофланговыми армиями (Клук, Бюлов, Гаузен).

Вместо личного общения Мольтке посылал за себя в кризисные дни операции полковника Хенча. Результаты от такого управления известны — провал стратегической операции и увольнение в отставку её примитивного организатора-стратега.

Людендорф является блестящим организатором в маневренный период мировой войны оперативно-стратегических фланговых ударов. В своих воспоминаниях он откровенно говорит, каким путем он достигал посредством этого образа действий больших успехов на многообразных фронтах Мировой войны 1914—1918 гг.

Во второй половине 1916 г. он переносит главное свое внимание на западно-европейский театр военных действий. Прежде чем приступить к большим оперативно-стратегическим решениям, Людендорф создает новую тактику, которая вытекала из новых условий позиционной войны и применения новой техники.

Неудачные операции на Сомме во второй половине 1916 г. явились переломными для германской армии. Людендорф воочию убедился, что тактика германской армии отстала от французской и он приступает к коренным реформам в этой области, которые явились родоначальником его будущих знаменитых «тяжеловесных ударов», его так называемой «стратегии буйвола» в операциях 1918 г. на франко-британском фронте.

В области обороны и наступления Людендорф лично разрабатывает обширную инструкцию-наставление, согласно которой линия главного сопротивления переносится в глубину оборонительной полосы. Передний край обороны занимается незначительным количеством войск. В глубине обороны пулеметные гнезда, тщательно замаскированные, располагаются в шахматном порядке, создаются специальные ударные дивизии, которые контратакуют противника, прорвавшегося в глубину обороны. Инструкция рекомендует: при атаке противника избегать применения сомкнутых масс войск, а разряжать боевой порядок, обильно оснащая его легкими и тяжелыми пулеметами; перейти от многодневной артиллерийской подготовки к короткой внезапной; установить самую тесную связь между пехотой и артиллерией, которая переносит свой огонь, свой вал в глубь обороны противника (примерно, через час вглубь на 1 км) точно по часам, о чем хорошо должна быть осведомлена атакующая пехота; количественная норма на участке удара устанавливается одна дивизия и 100 орудий на 1 км фронта. Внезапность атаки есть то основное, к чему должны быть направлены все подготовительные мероприятия перед наступлением.

Эта реформа потребовала соответствующего количества времени для соответствующего её усвоения войсками и командованием. Но в 1917 г. эта реформа, испытанная в ряде боев, была еще более детализирована двумя инструкциями: «Оборонительное сражение» и «Наступательное сражение в позиционной войне», а также рядом дополнительных директивных указаний.

Всю зиму 1917—1918 гг. германские войска обучались по этим оперативно-тактическим документам, в составлении которых Людендорф принял самое активное участие.

Имея ввиду, что методы и способы наступления в условиях борьбы на франко-британском фронте были детально разработаны именно в германской армии во главе с Людендорфом, а затем почти

буквально восприняты союзниками во главе с Фошем, постараемся коротко обрисовать это искусство германской армии, которое внесло немало нового в современное военное дело.

Французские исследователи операций на франко-британском фронте в 1918 г. откровенно заявляют, что если в первую половину 1918 г. (до июля) командование армиями Антанты тщательно изучало организацию германских прорывов, то во второй половине финального года империалистической войны Фош, Петэн, Хэг, Першинг пытались в организации наступательных операций подражать Людендорфу. Так оно фактически и было.

Людендорф к началу решительных действий на франко-британском фронте, изучив опыт 1917 г., пришел к твердому убеждению, что фронт решительной атаки должен быть возможно шире, с тем чтобы помешать союзникам организовать концентрический встречный удар. Людендорф считал, что необходимо заставить союзников преждевременно использовать и ввести в дело их оперативные резервы, но не на флангах прорыва, а лобовым контрударом, с тем чтобы эти резервы не имели крупного успеха. И мы видели по сравнению с 1917 г., что ширина фронта атаки-наступления на западном фронте в марте и мае 1918 г. была значительно больше, чем в операциях 1916—1917 гг.

Правда, не всегда удавалось Людендорфу вызвать резервные дивизии союзников для лобового удара-соревнования на поле боя, так как Фош постоянно стремился сосредоточить свои резервы как раз именно на флангах людендорфовских прорывов.

Вопрос об организации главного удара играл в работе Людендорфа также исключительно важное значение.

После длительного изучения многообразного опыта боев 1916—1917 гг. Людендорф пришел к выводу, что для успеха атаки необходимо, во-первых, значительное превосходство в живых и технических силах, которые бы непрерывно до достижения цели питали наступательную энергию в глубине обороны противника и, во-вторых, чтобы командование располагало достаточно сильными резервами.

Поэтому Людендорф считал, что современный боевой порядок должен быть эшелонирован в глубину с таким расчетом, чтобы дивизии 1-го эшелона (ударные) собственными силами за первый же день наступления, несмотря ни на какое сопротивление, вклинившись в оборону противника, захватили бы его артиллерийские позиции; дивизии 2-го эшелона (тактические резервы) вводятся в дело с тем, чтобы не было перерыва в боях до момента достижения поставленной цели, дивизии 3-го эшелона (специальные оперативные резервы, преимущественно на автомашинах) не только еще более и глубже развивают получившийся успех, но если того требует боевая обстановка, даже изменяют направление главного удара.

Людендорф считал, что наиболее выгодно выбирать участок обороны противника для атаки именно тот, глубина которого по всем

разведывательным данным возможно меньше. Сосредоточенное превосходство огневых средств должно не только деморализовать пехоту противника, но и заставить замолчать на возможно долгий промежуток времени его огневые силы.

Занятие исходного положения для атаки дивизиями 1-го и 2-го эшелонов необходимо производить с исключительной тщательностью, а сама подготовка этой операции должна быть продумана во всех деталях (сохранение внезапности, занятие исходного положения до начала артиллерийской подготовки, имея ввиду, что дивизиям 1-го эшелона надо не менее 4—5 часов, 2-го эшелона — 2—3 часа, занятие исходного положения в ночь перед штурмом). В своей инструкции для наступательной операции на 1918 г. Людендорф категорически указывал, что «минимальной задачей первого дня атаки является захват артиллерийской зоны противника во всю ее глубину». Почти все немецкие исследователи считают, что отсутствие на германской стороне конницы при глубоком прорыве на Амьен лишило германское командование лишнего шанса на успех. А например, ген. Куль в своей работе «Мировая война в решениях наших противников» (стр. 73 и 74), анализируя мнение союзного командования по этому вопросу, говорит, что наличие в амьенском направлении крупных кавалерийских соединений у немцев могло бы создать в вопросе захвата Амьена решающую роль.

«Если бы конница прорвалась в широкий промежуток, образовавшийся против правого фланга 18-й армии (между Фукекур и южнее Рой) на стыке английской и французской армий, то она задержала бы перебрасываемые на автомобилях и по железной дороге французские дивизии, застигнув их врасплох, опрокинула бы подходившую без всякого прикрытия неприятельскую артиллерию и навела бы панику и ужас в тылу у французов и англичан, которые в то время вели еще бой с левым флангом 2-й армии и с 18-й армией».

Этот вывод весьма важен и поучителен, так как мы уже знаем, что немцы, снявшие еще в 1917 г. всю конницу с западного фронта, теперь после опыта боев 1918 г. пришли к определенному выводу, что после удачного прорыва кавалерийские корпуса, оснащенные современной техникой, могут сыграть выдающуюся роль. К этому выводу постепенно приходят и французы, которые в 1917—1918 гг. свели свою конницу на роль «ездящей пехоты».

В директиве Людендорфа от 22 февраля 1918 г. твердо указывалось:

«Если противник подтянет достаточные пехотные и артиллерийские резервы раньше, чем удастся завершить прорыв и в открытом поле разгромить его резервы, то надеяться на успех уже невозможно. Следует уметь во-время прекращать затянувшееся наступление».

Этот вывод явился для Людендорфа как бы прогнозом, он ведь так и поступил во время своих неудачных прорывов на Амьен и Шато-Тьерри в апреле и мае 1918 г.

Организуя кампанию на 1918 г., Людендорф в своих директивах и инструкциях делал особое ударение на необходимость стремиться достигнуть внезапности прорыва. Но здесь же предупреждал, что достижение внезапности не должно итти за счет общей, тщательной и целесообразной подготовки к прорыву.

«Это тем более важно, говорил он, так как нельзя никогда быть уверенным, что противнику ничего не будет известно о наших наступательных планах».

Если оборонительная полоса противника значительна по глубине, то артиллерийская подготовка в ночь накануне штурма должна быть продолжительностью от 2 до 4 часов, так как часовая артиллерийская подготовка в этом случае не сумеет выполнить необходимые задачи по фронту и в глубину.

Этим самым Людендорф не давал рецепта на все случаи, но лишь подчеркивал, что основательное разрушение укреплений противника требует тщательного анализа, расчета и времени.

Различные демонстративные, ложные предприятия и действия на других участках фронта, с тем чтобы отвлечь внимание противника от главного направления, ставились Людендорфом как необходимое и обязательное условие для успеха задуманной атаки-прорыва.

Чем больше будет спутан и растерян противник, чем больше он проявит суетливости и нервозности, тем лучше, так как в этом случае есть большой шанс захватить его врасплох.

Иохим, который построил весь свой весьма ценный труд «Подготовка германской армии к большому наступлению во Франции весной 1918 г.» главным образом на изучении официальных распоряжений германской ставки, её фронтов и армий, уделяет большое количество страниц вопросу четкой организации германских операций прорыва.

Он говорит, что Людендорф требовал от германского командования напрячь все усилия, с тем чтобы не получилось беспредметного нагромождения живых сил и техники и чтобы наступление не пошло стихийным порядком. Войска должны знать конечную цель, но стремиться к ней через достижение ряда последовательных задач. Всилу этого достижение ближайшей задачи, после прорыва переднего края обороны противника — обязательно; ближайшая задача включает в себя захват артиллерийской зоны противника, с тем чтобы заставить его искать и менять артиллерийские позиции.

Но наступление в глубину, идя скачками, должно быть непрерывным, а поэтому «нельзя связывать войска, ставя им только дневные задачи, наоборот, они должны быть проникнуты сознанием, что только безостановочный натиск в течение всего дня и ночи может привести к прорыву, после чего начнется маневренная война, которую все так ждали. Ставка решительно требует от всех, до последнего солдата включительно, проявления максимума инициативы».

Эти требования ставки (т. е. Людендорфа) во главу угла первым долгом выдвигали крайне сложный и новый вопрос о правильном

использовании дивизий 1-го и 2-го, а затем и 3-го эшелона атаки. И здесь Людендорф требовал, чтобы дивизии 1-го эшелона целиком и полностью использовали всю свою наступательную энергию; во всяком случае, они должны выполнить ближайшую задачу (захват артиллерийских позиций противника) и если остается еще наступательная энергия, могут быть использованы для выполнения и задачи 2-го дня, а не обязательно должны быть сменены дивизиями 2-го эшелона.

Они должны продолжать наступать в глубь обороны, и командиры корпусов покажут свое искусство, когда сумеют целесообразно приказать ввести в дело дивизии 2-го эшелона.

Людендорф по этому поводу 20 января 1918 г. на совещании начальников штабов 2-й армии сказал:

«Надо постоянно не забывать, что успех в предстоящем наступлении будет обеспечен, если командование учтет важность экономного расходования резервов и энергичного выдвижения вперед артиллерийских средств борьбы».

Уже перед мартовским наступлением в Пикардии было условлено, что «если удастся в первый день атаки глубоко вклиниться в укрепленную полосу противника, то нужно развивать успех и вклиняться еще глубже. Дивизии 2-го эшелона должны быть подтянуты вперед уже к вечеру первого дня атаки или в крайности в ночь с первого на второй день. Они должны быть готовы поддержать, если потребуется, дивизии 1-го эшелона своими свежими силами и достаточно обеспеченной боевыми припасами артиллерией».

И опираясь на опыт боев 1917 г., ставка указывала, что «противнику до сих пор это не удавалось, так как ему ни разу не суждено было преодолеть критический момент от первого дня атаки ко второму». Это оказалось верным и для первой половины 1918 г., т. е. все прорывы Людендорфа по времени растягивались на несколько дней, и вторжение в глубину обороны союзников было несравненно значительно более глубокое, чем в операциях 1917 г. (60—50—40 км по сравнению с 4—10 км в среднем в 1916—1917 гг.).

Вставал вопрос, в каком же удалении от дивизий 1-го эшелона должны были находиться дивизии 2-го эшелона, для того чтобы не было запаздывания ввода в дело дивизий 2-го эшелона и чтобы наступление шло действительно безостановочно.

Было установлено, что 2—3—4 км — вот нормальные дистанции между 1-м и 2-м эшелонами, чтобы командование могло постоянно держать вожжи управления, в то время как 3-й эшелон можно располагать в расстоянии 15 и более километров.

И уже 2 февраля 1918 г. ставка (Людендорф) указала, что в безостановочном наступлении должно быть и *непрерывное управление*.

«Командные пункты командиров дивизий и корпусов не должны располагаться глубже резервов, их следует выдвигать возможно дальше вперед, чтобы не приходилось слишком часто менять их расположение. Войска должны хорошо знать, где находятся команд-

ные пункты комдивов и комкоров и если их не находят в нужную минуту, это говорит об отсутствии управления и должной связи. Как правило, командир дивизии 2-го эшелона должен находиться на командном пункте командира 1-го эшелона, чтобы быть постоянно в курсе боевой обстановки и, как исключение, этот командир 2-го эшелона может заменять себя своим офицером связи (генерального штаба) с требованием постоянной информации.

Людендорф указывал, что хотя «самое смелое решение и является наилучшим, но это вовсе не значит, чтобы отсутствовало твердое постоянное управление, которое должно быть жестко и централизованно».

Вмешательство в распоряжения своих частных начальников, когда того требует обстановка, необходимо, а подчиненные обязаны «при малейшем сомнении немедленно запрашивать старшего, а не откладывать на последнюю минуту». Так требовал Людендорф, организуя сложную операцию прорыва.

Известно, что Мольтке-старший и Шлиффен ввели в практику германской армии систему отдачи коротких, четких и ясных приказаний. Как правило, германские войска не получали длинных «аршинных» приказов и директив, как это было в других армиях и особенно царской.

Каждому письменному приказу обычно всегда предшествовало устное предварительное распоряжение по телефону или короткая записка через ординарца-офицера с тщательным учетом времени [1]) и пространства.

Мало того, еще Мольтке-старший и Шлиффен в своих военных поучениях не раз подчеркивали необходимость постоянно иметь ввиду индивидуальные особенности своих частных начальников, которые никогда не могут быть одинаковы. Одного необходимо сдерживать, другого подталкивать, третьему коротко указать, зная, что он быстро и правильно схватит основное и нужное.

Но они указывали, что эти величины не могут быть постоянны, боевая обстановка и её тяжелое бремя подчас переделывает и резко изменяет людей; искусство управления и заключается в том, чтобы иметь дар предвидения, постоянно чувствовать пульс боевой жизни и хорошо знать тех, кто её творит.

Отсутствие постоянной связи с войсками и соседями, чрезмерно обильная отдача распоряжений (письменных и устных) — все это лучшие показатели того, что настоящее конкретное управление отсутствует.

В своих распоряжениях, директивах, инструкциях перед мартовским наступлением Людендорф указывал, что полное боевое взаимодействие между пехотой и огневыми артиллерийскими силами только и может дать соответствующий успех в наступлении, причем

---

[1]) Людендорф приказывал обильно снабжать войска часами с требованием устанавливать постоянную поверку времени в войсках.

«артиллерия также должна быть проникнута наступательным духом. Вслед за пехотой, которая победоносно прорывается через первую позицию противника, выдвигается поэшелонно вперед сильная тяжелая и легкая артиллерия. Командиры дивизий и корпусов обязаны четко ставить задачи артиллерии и принимать свои решения совместно с артиллерийскими начальниками, которые обязаны хорошо тактически мыслить. Наступление должно постоянно питаться из глубины не только живой силой и материальной частью, но и особенно боевыми припасами».

Людендорф любил повторять известный афоризм, что почти в каждом большом деле трудно лишь начало. Весь 1918 г. для германской армии был годом, когда вопрос бережного расходования живых сил, особенно пехоты, являлся кардинальной насущной проблемой. Но германской пехоте противостояла пехота противника, насыщенная огромным количеством пулеметов, гранатометов, пехотных пушек, минометов и пр., представлявших огромную опасность для наступающего. Для того чтобы дойти до противника, иметь успех в овладении его первой линией обороны, с тем чтобы затем вклиниться в её глубину, нужно сохранить наступательную энергию. Заставить противника допустить атакующую пехоту подойти к первой линии обороны — это значит загнать его глубоко в траншеи, окопы, убежища, подавить, ослепить, задушить химическими снарядами и пр. Но как это сделать?

Атака танков в тесном взаимодействии с артиллерийским огнем приносила известную пользу, но танки, благодаря своей громоздкости и неповоротливости, очень быстро выходили из строя, оставляя двигавшуюся за ними пехоту открытой.

Людендорф предположил организовать огневой, подвижной щит для пехоты, перешедшей в атаку, причем этот щит организовать в виде внезапного, подвижного огневого вала со стороны артиллерийских средств.

При этом огневой вал надо было организовать так, чтобы он, подавив волю к первоначальному сопротивлению со стороны противника, загнал бы его поглубже в траншеи, чтобы он дал возможность атакующей пехоте под защитой огневого вала быстрее добраться до первой линии обороны, с тем чтобы вклиниться в глубину. Затем огневой вал перекатывается дальше в глубину обороны противника, и так включительно до его главной артмассы. Людендорф писал 16 февраля 1918 г.:

«Невзирая на артиллерийскую поддержку в целом, пехота должна быть проникнута сознанием, что за огневым валом артиллерии ей самой остается еще много работы».

Он как бы хотел сказать, что организация огневого вала не является для пехоты самоцелью и есть лишь временное средство, с помощью которого пехота должна развернуть всю силу своей наступательной энергии и воли к победе.

«Успех, — подчеркивал Людендорф, — будет обеспечен лишь при условии тесного взаимодействия винтовки, пулемета, легкого

миномета и орудий сопровождения, и если бойцы пехоты будут воспитаны в духе отваги, выдержки и самопожертвования».

Но вот пехота овладела первой линией обороны противника; не теряя ни минуты, нужно выдвигать вперед сильную тяжелую и легкую артиллерию, обязательно с достаточным количеством огнеприпасов, с тем чтобы всемерно облегчить атакующей пехоте дальнейшее проникновение в глубину обороны противника.

Огневой вал требует четкого централизованного управления артиллерией, он крайне прожорлив в отношении огнеприпасов, он требует искусного осуществления взаимодействия между артиллерийским и общевойсковым командованием, так как не должен ни задерживать, ни слишком опережать атакующую пехоту.

Исключительная прожорливость огневого вала, его прямолинейность и негибкость и трудность управления им исключает применение его в подвижной маневренной войне; он может дать тот или иной успех лишь на стабильных участках войны позиционной. Так говорит опыт войны.

Опираясь на опыт боев 1916—1917 гг., ставка пришла к твердому решению, что современный бой с его исключительной прожорливостью уничтожает в массовом количестве командный состав, без наличия которого говорить о беспрерывном наступлении и управлении боем не приходится.

А поэтому Людендорф уже в начале 1918 г. выдвинул вопрос о создании резерва начальствующего состава. Иохим в своей работе о весеннем наступлении в Пикардии говорит, что «этот вопрос очень широко практиковался в германской армии и принес большую пользу, причем выделяемые в резерв командиры рот, батальонов и т. д. принимали активное участие во всех работах подготовительного периода и были постоянно в курсе дела, происходящего на фронте» [1]).

Наряду с этими тактическими указаниями Людендорфом была проделана значительная итоговая работа в области вопросов оперативно-стратегических. В них он себя опять же показал опытнейшим мастером-оператором, умевшим в сложных условиях борьбы блестяще организовать во всех деталях фронтовую и армейскую операции.

Но наряду с этим Людендорф допустил огромную стратегическую ошибку, заключавшуюся в отожествлении последовательности армейских операций с последовательностью разновременных ударов-прорывов на разных направлениях.

Людендорф очень хорошо учел, что надо было наносить удар и прорывать на более широких участках, чем то было в 1916—1917 гг., но он переоценил силы своей армии к 1918 г. Последовательные взломы оборонительной полосы союзников, кроме отдельных вдавливаний, хотя бы и на 60 и 40 км в глубину, ничего

---

[1]) Людендорф. Воспоминания, т. I, стр. 32—33.

большего не дали, если не считать, что они еще более увеличили фронт германской армии.

Блестяще и детально организованные операции на Амьен, Дюнкирхен, Шато-Тьерри в стратегическом отношении провалились потому, что они велись, во-первых, разновременно (т. е. не были об'единены целеустремленностью к одной большой стратегической задаче) и, во-вторых, по одному и тому же способу (шаблону), как будто Людендорф решил постепенно обучить союзников, как организовать прорывы на отдельных операционных направлениях.

И мы видели, что Фош, Хэг, Петэн, Першинг и другие очень старательно с марта по июнь учились у Людендорфа; они переняли не только систему тактической подготовки прорывов-наступлений, но сделали из них ряд оперативно-стратегических выводов.

Во всяком случае, Фош очень умело использовал для себя «поучения Людендорфа» и это умение блестяще до 25 сентября осуществил на франко-британском фронте, искусно ликвидировав все результаты мешков-прорывов Людендорфа.

Конечно, у Фоша оказалось неизмеримо более выгодное положение в соотношении сил и средств, ибо он начал бить германскую армию тогда, когда она израсходовала свою последнюю наступательную энергию, перейдя к обороне по всему стратегическому фронту.

Оставление огромных сил на восточном (русском) фронте (см. главы XVI и XVII) и нежелание нанести сразу действительно мощный удар в наиболее жизненном для союзников направлении (парижское направление) было той стратегической ошибкой, которая окончательно выбила из рук Германии последний шанс иметь сносные условия мирного договора. Это была ошибка, которая очень и очень ускорила реальную помощь союзникам со стороны Соединенных Штатов Америки.

К этому основному выводу по плану кампании 1918 г. Людендорфа пришли почти все военные исследователи как Антанты, так и держав Четверного союза.

Людендорф в своих инструкциях, директивах в 1917—1918 гг. указывал, что последовательные армейские и фронтовые операции есть совершенно нормальное явление, так как полководец в наступлении ищет не только первоначального успеха, но и также успешного достижения поставленной конечной цели. А раз так, то пространственность современной операции и питание боя с организацией подвоза всех необходимых средств из глубины стала решающей для оперативно-стратегической победы. Людендорф считал, что 120—150 км непрерывного наступления в глубине при современных (1918 г.) технических средствах есть предел для армейского организма.

Для западного фронта он снижал эту цифру до 80—100 км. И мы видели в амьенской операции в марте—апреле 1918 г., что собранная огромная масса живой силы и техники требует в первую го-

лову регулярного питания всем необходимым из глубины, так как рассчитывать пропитать местными средствами эту огромную массу — это значит обрекать ее на полное истощение.

Уже на 60-м километре продвижения на Амьен Людендорф воочию убедился, что наступил момент, когда надо было приостановить наступление, так как германские войска истощались, кавалерии под руками не было, а подвоз из глубины встречал все большие и большие затруднения.

Противник же посредством маневрирования свежими резервами, опираясь еще на неразрушенный транспорт, оказывал все большее и большее сопротивление.

И действительно, оперативная и тактическая подвижность посредством железнодорожного и автомобильного транспорта в 1918 г. дали рекордные по тому времени показатели.

Железнодорожный транспорт увеличил подвижность войск с 20—25 км в сутки до 400 км в сутки. Как бы отвечая на известную формулу Мольтке-старшего, что «ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении и развертывании, не может быть исправлена в течение всей кампании», железнодорожная техника уже в период с 21 марта по 9 апреля 1918 г. сумела к месту прорыва сосредоточить целых 44 союзных дивизии с 20 полками тяжелой артиллерии.

Иными словами, железнодорожная и автомобильная техника переброс войск не только реально противодействовала прорыву Людендорфа на Амьен, но и резко в несколько дней видоизменила всю оперативную группировку на франко-британском фронте.

Французские железные дороги без особых затруднений по приказанию Фоша в один день 26 марта 1918 г. перебросили к району прорыва 5 полных французских дивизий, а в период с 28 мая по 2 июня (прорыв на Шато-Тьерри) — целых 19 дивизий.

Но если к этим цифровым показателям мы прибавим работу автомобильного транспорта, который являлся хотя и более слабым, но все же весьма активным помощником железным дорогам, то оперативная подвижность современной армии станет еще более наглядной.

Автомобильный транспорт в составе 100 000 активных грузовиков не только подавал с конечно-выгрузочных станций боевые грузы для 50 французских дивизий на расстоянии до 100 км, но и принимал активное участие в массовой переброске войск с одного оперативного направления на другое. Так, он за 7 дней (с 22 по 30 марта 1918 г.) перевез 11 пехотных дивизий, а с 28 по 2 июня—18 дивизий.

Все эти цифровые показатели не только были осуществлены во французской армии, но они имели соответственное место и в английской и германской армиях, развитие железнодорожного и автомобильного транспорта в которых очень мало уступало французскому.

Эти факты для полководческого искусства играют новую значительную роль, они говорят, что времена Наполеона и Мольтке-

старшего ушла в область далекой истории. Тогда армии ходили пешком (Наполеон) или только что начинали, как при Мольтке-старшем, применять железнодорожный транспорт, в то время малый и далеко технически несовершенный. Тогда у полководца времени было достаточно, так как он в течение похода до боя мог принять целый ряд решений.

Теперь стало иначе. Обстановка стала более быстротечной, а отсюда и оперативно-стратегические решения стали более быстрыми. Современная техника заставляет полководца мыслить более интенсивно, принимать решения более энергично, стараться лучше заглядывать в будущее (прогноз), быть более подвижным и активным, в противном случае он упустит целый ряд благоприятных шансов по пути к победе.

С точки зрения производства первоначального стратегического сосредоточения и развертывания к новому факту интенсивного развития техники передвижения необходимо подойти не односторонне, а диалектически: с одной стороны, современный железнодорожный и автомобильный транспорт дает возможность исправить допущенные ошибки в развертывании армий, а с другой строны эти ошибки стали еще более опасными, благодаря быстротечности в решениях, которые имеет возможность принять противная сторона. Таким образом, совершенно необходимо иметь план своего твердого решения, не гадать за противника, не ждать всеобъемлющих о нем данных, рискуя потерять время, а действовать, исходя из своего детально продуманного плана.

Другого выхода, как подсказывает многообразный опыт военной истории, нет и быть не может.

Итак, в этой главе мы остановились лишь на отдельных моментах оперативно-тактического и стратегического искусства Фоша и Людендорфа, этих наиболее талантливых представителей современного империализма.

Под конец их полководческой деятельности судьба их политики по отношению к Стране советов, хотя и была несколько отличной по времени (один начал, другой продолжил), но по существу одинаковой по результатам.

Иными словами, и победитель и побежденный в мировой империалистической войне оказались одинаково потерпевшими полный крах в нашей гражданской войне 1917—1922 гг.

На вопрос, всилу каких именно исторических причин так получилось, что неизмеримо сильнейшие, богатейшие, опытнейшие организаторы интервенции, все эти Людендорфы, Фоши, Черчилли, Клемансо, Ллойд-Джорджи, Вильсоны и пр. потерпели позорнейшее фиаско своих стратегических планов, мы найдем краткий и ясный ответ у товарища Сталина, который сказал:

«Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо. В чем её

сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что её защищает могучая рука Красной армии и Красного флота.

Сила нашей страны, её крепость, её прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира.

Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику советов, как стрелу, пущенную верной рукой Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплоатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят её сохранить и не дадут её разрушить помещикам и капиталистам. В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран, в этом слабость буржуазии всего мира»[1]).

Многолетний опыт вооруженной интервенции в период гражданской войны 1917—1922 гг. и те события, которые развернулись и развертываются в период 1922—1935 гг. в полной мере подтверждают эти исторические слова товарища Сталина.

---

[1]) Второй с'езд советов СССР. Бюллетень № 1, речь т. Сталина (подчеркнуто нами. В л. М.).

ГЛАВА XIX

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В ПЛАНАХ ГЕН. ПЕТЭНА И ФУЛЛЕРА НА 1919 г.

Если бы мы задали себе вопрос, каким образом и всилу каких основных причин появились в наши дни новые оперативно-стратегические теории по проблеме стратегического развертывания современных армий, то ответить могли бы лишь так: эти теории не могли оставаться старыми (скажем, в состоянии до 1914 г.), так как вкорне изменилась вся обстановка, их порождающая; они появились потому, что новая политико-экономическая обстановка, новая военная техника, новые методы и приемы управления войсками властно требуют и новых обобщений и новых оперативно-тактических поучений и решений.

В этом отношении марксистское положение, что «диалектическое понимание развития коренным образом отлично от вульгарной идеи эволюции», ничем неопровержимо и исторически доказано.

Анализируя и сопоставляя оперативно-тактические и стратегические теории, существовавшие до Мировой войны, во время войны и после нее (т. е. в данное время), мы воочию убеждаемся, как прав марксизм-ленинизм, когда он утверждает, что «развитие как бы повторяет уже пройденные ступени, но повторяет их на более высокой базе» («отрицание отрицания»), оно идет через «перерывы» «постепенности», превращение количества в качество, развитие путем противоречивым, скачкообразным, революционным.

Материалистическая диалектика — «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели; каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1]).

Военно-технические средства борьбы, развиваясь и расширяясь в отношении своего качества и количества, не могли пройти и никогда не проходили мимо системы боевых порядков, построений, а отсюда и соответствующих способов управления ими.

[1]) Маркс. Капитал, том I, стр. 23.

Напротив, военная техника в целом развивалась и развивается противоречиво, скачкообразно и революционно. Она вносит не случайно, а вполне закономерно новое в боевые порядки современной войны и коренным образом меняет способы, приемы и методы управления ими на войне.

Порох создается тогда, когда подготовлена для него соответствующая производственная обстановка. Например, селитра, сера, уголь, как составные части пороха, существовали и в эпоху каменного века, но история нигде не фиксирует, что в эту эпоху порох уже был изобретен. Как известно, порох был изобретен арабами и в начале XIV века вошел в употребление западно-европейских стран.

Маркс и Энгельс в своих трудах на множестве примеров показывали, как техника в результате применения изобретений к производственному процессу влияла на развитие науки.

Энгельс писал Штакенбергу 25 января 1894 г.:

«Если, как вы утверждаете, «техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки», то обратно — наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торичелли и пр.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его» [1]).

И действительно, те предметы, которые тяжелее воздуха (камни, плоды, яблоки и пр.), ведь падали на землю с незапамятных времен, но «закон всемирного тяготения» был научно определен и открыт лишь в XVII веке величайшим физиком Ньютоном [2]).

То же самое можно сказать о легенде с монахом Бертольдом Шварцем, который, работая над изобретением пороха, не случайно отнесся с соответствующим вниманием к факту, когда в его ступе при производстве им опытов взорвалась смесь, имевшая правильное процентное соотношение: селитры (75%), серы (10%) и угля (15%). Возможно, если бы этот факт (взрыв пороха) произошел

---

[1]) Маркс и Энгельс. Письма, стр. 406—407.

[2]) В литературе о научных работах Ньютона очень часто можно встретить, что толчком к открытию «закона всемирного или всеобщего тяготения» для Ньютона послужил факт падения яблока с дерева, когда он однажды сидел в саду. Сам Ньютон иначе об'ясняет это; он говорит, что, когда его занимал какой-либо научный вопрос, он все свои мысли сосредоточивал лишь на нем. Так и в данном случае, преддверием к открытию и обоснованию этого закона была колоссальная физико-математическая и астрономическая проработка вопроса, наполненная многочисленными, специальными исчислениями и проверка опыта работ Коперника, Кеплера и других. «В продолжении многих лет непрестанно думая и изучая большой опыт моих предшественников, проверяя и вычисляя дальше, я, наконец, пришел к закону всемирного тяготения», — говорил Ньютон.

случайно с каким-либо обыденным человеком в те времена (средние века), то он вообразил бы, что это его попутал дьявол и, перекрестившись, отошел бы от этой смеси и не стал бы её производить и составлять.

И если такому человеку не пришлось бы выдумать пороха, то это не значит, что всякая возможность к изобретению пороха пропала и отпала.

То же самое мы видим сейчас с вопросом применения в современном бою и операции таких новых технических факторов, как мотомехсоединения, мотосоединения, авиадесанты и пр. Конечно, самое легкое это, «перекрестившись», отойти в сторону от этих новых сложных вопросов, чем пойти по пути к их разрешению и попытаться найти более целесообразные методы и способы управления новой боевой техникой, которой была еще беременна Мировая война 1914—1918 гг., и которая (техника), родившись и развившись в послевоенный период, в данное время создает новые оперативно-тактические и стратегические теории для современной войны и ее ближайшего будущего.

Достаточно хорошенько вникнуть в сущность и конкретное содержание тех оперативно-технических планов, которые предложили Петэн и Фуллер союзному командованию в 1918 г. для операций на 1919 г., чтобы понять, в каком направлении и куда перерастало развитие боевой техники в мировой войне и как эта боевая техника заставляла менять и находить новые методы, приемы и способы для ведения операций по-новому.

Мы считаем полезным для дальнейшего нашего изложения коротко остановиться на содержании этих весьма показательных оперативно-тактических планов.

Этим самым мы хотим еще раз подчеркнуть, что современные оперативно-тактические и стратегические теории, как и современная военная техника, имели «зерно», «клеточку», «ячейку» для дальнейшего своего развития еще в последние годы мировой империалистической войны и в многообразном гигантском опыте нашей трехлетней гражданской войны 1918—1920 гг.

И сейчас мы воочию убедимся, что опять, как и всегда, торжествуют свою победу замечательные мысли, высказанные Энгельсом в его «Анти-Дюринге», что армия и флот в первую голову зависят от экономических и политических условий, что и вооружение, и состав, и организация, и тактика, и стратегия в первую голову зависят от достигнутой в данный момент ступени производства и от степени развития путей сообщения.

Исторический анализ всей деятельности Шлиффена, Жоффра, Мольтке-старшего и младшего, как и Людендорфа, Фоша, Петэна, Фуллера и др. еще и еще раз говорит и подтверждает, что они не были свободны в своих теориях, а что дальнейшее изобретение лучшего и более могущественного оружия, как и изменение живого солдатского материала, играло здесь основную и главную роль.

Если говорить о заслугах этих деятелей мировой войны, опять

же мы видим, что «в лучшем случае их влияние ограничивается тем, что они приспособляли характер борьбы к этому новому оружию и новому человеческому материалу», которые в конечном итоге зависят от уровня развития экономических отношений, причем у некоторых из них это происходило удачно, талантливо, а у других неудачно и заканчивалось в действительности катастрофой и крахом их оперативных и стратегических замыслов.

И все это относится не только к области военного искусства, но и к другим наукам и искусствам. Например, в области философии мы находим следующие замечательные мысли Ленина, содержание и внутренний смысл которых было бы не вредно хорошенько продумать некоторым авторам уже изобретенных изобретений.

«Гениальность Маркса и Энгельса, — пишет Ленин, — состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, почти полустолетия, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических (теоретико-познавательных. В л. М.) вопросов, а проводили последовательно, — показывали, как надо проводить тот же материализм в области общественных наук, беспощадно отметая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности» [1]) (подчеркнуто нами. В л. М.).

Есть немало авторов за-границей с Фуллером во главе, которые, тщательно (но не искусно) обходя опыт нашей гражданской войны 1918—1920 гг., претенциозно заявляют, что они «открыли» «новую», так называемую пространственную, стратегию и операцию.

Но если мы внимательно изучим весь опыт нашей вооруженной трехлетней борьбы на $^1/_6$ земного шара, мы увидим, что она не только является прообразом будущей революционно-классовой войны, но и дает блестящие образцы широких и глубоких маневренных операций, которые по своей пространственности в глубину превосходят самые смелые оперативно-стратегические замыслы и операции, наблюдаемые в военной истории.

Например, что могут нам возразить эти «изобретатели», когда мы им напомним лишь один из примеров истории нашей гражданской войны, а именно, план оперативно-стратегического удара по линии Курск—Харьков—Донбасс—Ростов, предложенный тов. Ста-

---

[1]) Ленин. О партийности в философии.

линым и осуществленный под его непосредственным руководством в конце 1919 г. на деникинском фронте?

Пространственность этой операции, 800-километровая глубина её одновременного удара (и с фронта и с тыла, и в военно-техническом и в политико-классовом отношении) равна не больше не меньше, как территории современных Польши и Франции.

А поэтому вывод может быть лишь один: чтобы не ставить себя в неловкое положение с «прогнозами» и «новыми «измами», надо изучать историю, надо изучать, как явление возникло, какие этапы оно проходило, чтобы правильно понять, чем данная вещь стала теперь и какие тенденции в своем закономерном развитии она имеет на будущее.

Ибо без всестороннего и тщательного анализа и без постоянной работы над прошлым нельзя работать над будущим.

«Мы знаем, — говорили Маркс и Энгельс, — только одну единственную науку, науку истории» [1]). В эту фразу Маркс и Энгельс, как видим, включают не только прошлое, но и современность, так как совершенно ясно, что вчерашний день по отношению к сегодняшнему уже принадлежит истории.

В оперативных вариантах Петэна и Фуллера, которые они проектировали на 1919 г., если бы империалистическая война затянулась, мы видим основную мысль: с помощью огромного сосредоточения боевых технических средств и живых сил на широком фронте прорыва таким образом организовать удар, чтобы потрясти всю глубину боевого расположения противника в районе и направлении главного удара. Иными словами, опыт боев 1918 г. на франко-британском фронте мировой войны явился родоначальником новой современной тактики и операции на новом этапе развития боевых и технических сил и средств [2]).

И это вполне закономерное явление возникло в основном благодаря появлению новых боевых технических средств и благодаря твердому желанию и стремлению командования как можно более успешно прорвать поглубже оборонительную полосу и, быстро вклинившись в нее, разгромить живую и техническую силу противника на широком фронте, не рав ему времени для сосредоточения к широкому фронту прорыва резервов для парирования этого мощного удара.

Эта мысль исходила, главным образом, из опыта малоуспешных прорывов Людендорфа в первой половине 1918 г., а также того опыта, который был в результате операции Фоша во вторую половину 1918 г., о чем мы говорили в предыдущих главах.

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 214. 1924 г.

[2]) Эти силы и эти военно-технические средства, ясно, отличны от сегодняшних (1933—1935 гг.), а поэтому, естественно, «глубина удара» на сегодняшний день качественно отличается, да и не может не отличаться, от тех планов, которые могли зародиться в полководческом искусстве в 1918—1919 гг., но «клеточка», «ячейка» для современной тактики и операции уже существовали в период 1918—1920 гг. на фронтах империалистической и нашей гражданской войны. Вл. М.

Таким образом, страстное желание более целесообразно использовать накопившийся оперативно-технический опыт и с помощью новых боевых технических средств как можно быстрее преодолеть оборонительные полосы и выйти на маневренный простор, энергично действовать вне этих полос и тем самым не давать противнику возможность вновь возводить эти полосы, громить и истреблять его живую силу и технику в глубине его расположения — вот в чем основная соль оперативно-стратегической концепции тех планов, которые явились у командования Антанты в последний год мировой империалистической войны.

Но говоря об этой концепции, военные исследователи, как правило, «забывают» упомянуть «мелочь», что эта концепция была не только оперативно-стратегической, но и насквозь политической.

Надо иметь ввиду, что империалисты, и особенно Антанта, фактом победы Октябрьской революции в России были смертельно перепуганы за свою дальнейшую судьбу и за осуществление в жизни своих оперативно-стратегических планов.

Для Петэна, Фуллера и генеральных штабов Антанты те восстания в союзнических войсках весной 1917 г., о которых мы говорили выше (главы XVI и XVII), были грозным предостережением.

В конце 1917 г. весть о великом Октябре донеслась на Запад к линиям империалистических фронтов. Вербовщики пушечного мяса не на шутку заволновались, так как лозунг Октябрьской революции о превращении войны империалистической в войну гражданскую быстро преодолел все препятствия из железа, бетона и колючей проволоки, добрался до траншей и крепко засел в сердцах и головах солдат империалистических армий.

Империалисты спешили закончить войну и тем самым отобрать оружие из рук миллионов рабочих и крестьян, чтобы это оружие не было обращено против самой же буржуазии.

Генеральные штабы империалистических армий получили срочный заказ разработать план, который бы более эффективно и победоносно разрешал вопросы победы одной империалистической коалиции над другой.

И не случайно, что первыми авторами этого плана оказались, с одной стороны, ген. Петэн, который являлся одним из активнейших руководителей зверского подавления широких солдатских восстаний в союзнических армиях в 1917 г., с другой, — один из выдающихся военных теоретиков и практиков империалистической буржуазии — Фуллер.

Империалистическая коалиция Антанты оказалась победительницей над капиталистическими державами Четверного союза еще до проведения в жизнь оперативных планов ген. Петэна и Фуллера. В тот момент, когда вспыхнула Ноябрьская революция в Германии, «победители» в стане Антанты также очутились под непосредственной угрозой пролетарской революции. Но им в 1918—1919 гг. удалось предотвратить свою гибель. Буржуазией очень искусно был

использован весь капиталистический аппарат с его мощными орудиями подавления и пропаганды. Как и всегда ему всемерно помогала опытная растлительница отсталых рядов в рабочем классе — современная социалдемократия.

Капиталистической буржуазии «повезло» еще и потому, что штурм не был возглавлен тогда, 17 лет тому назад, организованным революционным пролетарским авангардом.

Еще не были тогда в необходимых размерах выкованы братские коммунистические партии, еще не окреп и не сорганизовался в мощную силу III Коммунистический интернационал и еще в ожесточенных боях с мировым империализмом и внутренней контрреволюцией отстаивал свое существование Советский союз — ныне могущественная крепость мировой пролетарской революции.

В те дни конца 1918 г. Советская республика сама была в огненном кольце фронтов гражданской войны, её территория сузилась до размера нескольких губерний, классовый враг, вооруженный до зубов, напирал на нее со всех сторон.

Но буржуазия, организуя и проводя вооруженную интервенцию, на опыте нашей гражданской войны ясно видела, как все её планы рушатся, ибо переброшенный с запада Европы солдат империалистической армии при соприкосновении с Красной армией не в силах был выполнить данные ему буржуазией директивы, он очень быстро разлагался, терял силу боевого сопротивления.

В свете опыта нашей гражданской войны 1917—1922 гг. совершенно ясно, что интервенционистские отряды западно-европейской буржуазии не оправдали тех надежд, которые она на них возлагала.

Не сказать всего этого — это значит не понять основной политической сущности конца Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и тех оперативно-стратегических планов, которые вытекали из этой сущности в этот период.

Петэн и Фуллер, исходя главным образом из опыта боев последних трех лет (1916—1917—1918 гг.) мировой войны, а также из окружавшей их общей политической и военно-технической обстановки, выдвинули свою оперативно-стратегическую концепцию на 1919 г., которая должна была быть осуществлена, если бы война не закончилась в конце 1918 г. Эта концепция со всей ясностью говорит о том, что совокупность боевого опыта и боевых технических средств требовала, во-первых, новых оперативно-стратегических решений, новых методов в использовании мотора и брони (авиация, танки, артиллерия, боевой автомобиль и т. д.), и, во-вторых, более осторожного метода решений, с основным желанием за счет моторизованных войск решать главную задачу в операции (концепция Петэна); как увидим, и в период 1919—1930 гг. эта концепция продолжала быть господствующей во французской литературе.

Эта концепция Петэна отличается от проекта Фуллера и его школы, которая выдвигала иной план действий, где вопросы ме-

ханизации являлись главными и массовое применение танков различных видов играло решающую роль.

Остановимся коротко на этих планах.

Вариант оперативного плана ген. Петэна

За 17 дней до генерального наступления союзнических армий, т. е. 8 сентября 1918 г., ген. Петэн (глазком французских армий на франко-британском фронте) передал главковерху армий Антанты Фошу свои соображения по плану действий на весенние месяцы 1919 года [1]).

Сердцевина этого оперативного плана заключалась в следующем:

«Необходимо, — пишет Петэн, — добиться скорейшего прорыва и захвата дальних целей. Это обязательно даже в период предварительного наступления, ибо противник тем скорее втянет свои резервы и использует их с меньшей методичностью, чем скорее его система обороны будет расшатана нашими глубокими и быстрыми действиями».

Из содержания предыдущих глав нашего труда видно, что прорывы Людендорфа в первую половину 1918 г. не были ни глубокими, ни быстрыми, они не расшатали в целом систему обороны союзников, а, напротив, союзники своевременным вводом резервов из глубины к району неприятельского прорыва сравнительно быстро получали возможность снова организовать сплошной боевой фронт, перед которым обескровленные германские дивизии останавливались и замирали в новых траншеях, не достигнув цели. Таковы были прорывы на Амьен, Газебрук, Париж, из которых ни один не был занят германскими армиями.

Вот этот опыт противника, в данном случае устами ген. Петэна, и предупреждал союзное командование не повторить пройденный Людендорфом путь.

Опыт подсказывал, что самый страшный враг для атакующего— это резервы противника, быстрое и искусное маневрирование которыми сводит на-нет все усилия наступающего.

Отсюда появляется у Петэна идея посредством новых решений и новыми силами, средствами, способами «проглотить» эти резервы, заставить противника их израсходовать до момента главного решающего удара.

Мы видели, что ширина германских прорывов в марте—июне 1918 г. не превышала 60—70 км; это был дальнейший шаг по отношению к ширине прорывов в 1916—1917 гг. Но Петэн считал, что для успеха нужна не только внезапность удара, но необходим более широкий фронт наступления с обязательными демонстративными действиями на протяжении всего стратегического фронта.

---

[1]) Les armées françaises dans la grande guerre t. VII, Annéxes, p. 354.

Это необходимо главным образом для того, чтобы дезориентировать противника и не дать ему возможности определить действительный фронт, где именно будут наноситься вспомогательный и главный удары.

Петэн считает, что вся ширина фронта наступления должна быть не менее 160 км, причем главный решающий удар должен быть нанесен на участке в 30 км.

Иными словами, на фронте в 130 км осуществляется вспомогательное, предварительное наступление, а на 30-км главное, решающее.

Но весь стратегический фронт по расчетам ген. Петэна к весне 1919 г. на франко-британском фронте будет не менее 450 км; таким образом, на фронте в 290 км также необходимо вести демонстративные действия.

Графически эта наступательная концепция, примерно, может быть выражена таким образом:

Черт. 14.

Петэн считал, что к весне 1919 г. у германской армии будет 200 дивизий, у союзников 232 дивизии, причем материальное и моральное положение союзнических армий, учитывая непрерывную активную помощь со стороны США, будет неизмеримо более выгодным, чем у Германии.

Расположение этих сил Петэну рисовалось так: по 100 дивизий с каждой стороны находятся на фронте, остальные силы в резерве (иначе говоря, в резерве союзников 132 дивизии и 100 дивизий у немцев).

Но как же «проглотить» эти 100 дивизий резерва противника?

Петэн считает, что в этом деле должен главную скрипку играть именно тот 130-км фронт, на котором будет происходить вспомога-

тельный удар и куда потянутся из резерва остальные 100 дивизий противника.

Но когда же это может случиться?

Петэн смело заявляет — через 10—15 дней, так как «число дивизий, втянутых для обороны в первые 10—15 дней атаки, приблизительно, равно числу километров фронта атаки». В доказательство, что эта формула верна, он приводит опыт боев в 1917 г. на р. Эн (апрель), между рр. Эн и Уазой (июль) и в районе Камбре (ноябрь) [1]).

Как мы видели выше, Петэн считал необходимым вспомогательный удар наносить на 130-км фронте; этот фронт и начинал п е р в ы м не только игру, но и являлся тем оперативным пластырем, к которому потянутся резервы противника.

«На фронте в первой линии обороняющийся будет иметь 30 дивизий и в течение первых двух недель будут втянуты все 100 дивизий резервов, что соответствует норме — 1 дивизия на 1 км фронта в продолжение 10—15 дней сражения.

Наступающий также должен будет втянуть в сражение при выполнении предварительной операции такие же силы, т. е. союзникам придется втянуть из резервов в дополнение к тем силам, которые будут уже на фронте, 100 дивизий. Тогда у союзников останется еще в резерве 30—35 дивизий или всего, вместе с силами I линии, 37—38 дивизий. Эти силы и должны быть предназначены для нанесения главного решительного удара» [2]).

Таким образом Петэн считает, что 1 дивизия на километр фронта — вот та норма, которая будет естественной для обеих сторон. К 10-му или 15-му дню операции все резервы будут втянуты на вспомогательном фронте. После этого начинается генеральное сражение и удар 30—38 дивизиями на том 30-км фронте, который до этого находился в выжидательном положении и на котором шли бои предварительного характера.

Вся эта концепция пропитана доотказа схематизмом и механическим перенесением опыта прошлого (в данном случае боев 1917 г. и первой половины 1918 г.) на весну 1919 г. Казалось бы, трудно себе представить более странное положение, когда крупный военачальник, имеющий многообразный боевой опыт, так легко пришел к выводу, что на войне всегда $2 \times 2 = 4$ и что тому, кто хорошо знает арифметику, победа обеспечена.

История, с опытом которой так бесцеремонно, по-бухгалтерски обошелся ген. Петэн, может привести десятки примеров, когда полководцы хорошо знали не только арифметику, но и алгебру и даже дифференциальное и интегральное исчисление и все же были биты.

Из биографии ген. Мольтке-младшего, ген. Нивелля, Людендорфа видно, что они прекрасно знали не только элементарную, но и выс-

---

[1]) Les armées françaises dans la grande guerre, t. VII, p. 361.

[2]) См. В о л ь п е. «Фронтальный удар», стр. 205, а также официальное издание французского генерального штаба «Французские армии в мировую войну», том VII, стр. 358—362.

шую математику, но первый закончил свою карьеру Марной, третий — полным провалом своего плана наступательной кампании 1918 г., а второй — вообще еще заслуживает, как и ген. Фалькенгайн в период верденской операции, дальнейшего изучения.

Трудно себе представить более технически тщательную подготовку к наступлению между Суассоном и Аррасом 16 апреля 1917 г., которую проделал штаб французского главного командования под непосредственным руководством ген. Нивелля. Казалось, все было подсчитано, подведено, обдумано, перерассчитано и т. д. Задача была поставлена смелая, решительная, «одним стремительным ударом прорвать немецкий фронт, отбросить германские армии за Рейн и открыть дорогу в Германию». Но на другой день депутат французской палаты депутатов Ибарнегарэ, который являлся участником этого наступления ген. Нивелля, в секретном заседании коротко докладывал:

«В 6 часов утра битва началась. В 7 часов она была проиграна».

В этом афоризме есть своя правда, которая говорит, что уже после результата первой атаки стало ясно, что столь долго готовившееся наступление ген. Нивелля окончится провалом; так оно и случилось [1]).

Война и искусство ведения операций — дело весьма сложное, многогранное и противоречивое, оно требует самого тщательного расчета и подсчета сил и средств обеих сторон, но все это надо делать исходя из конкретного всестороннего анализа окружающей обстановки.

На войне, как и в политике, 2 × 2 может быть равным 5, а последняя цифра может превратиться в 4, т. е. так же, например, как неожиданно для современной империалистической буржуазии случилось, что в Советском союзе пятилетка оказалась разрешенной в 4 года, в то время как весь капиталистический мир твердо считал, что это вообще неразрешимая задача для большевиков, или же разрешение её затянется на десятилетия.

Хотя в своем плане Петэн подчеркивает, что надо тщательно изучать противника, его политическое, материальное и моральное положение, его силы на фронте и состояние и расположение его резервов, но все это осталось лишь пожеланиями.

Петэн не знал о действительном положении Германии в 1918 г. И если бы 8 сентября сказали Петэну, что через 3 месяца Германия капитулирует, что она согласится по требованию Верховного совета Антанты отвести свои войска за Рейн и что его план останется лишь бумажным произведением, то этому он отказался бы верить.

Попробуем коротко оценить оперативную концепцию Петэна.

---

[1]) По этому периоду см. чрезвычайно интересный и с большим фактическим материалом сборник «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», изд. Гос. соц.-экон. издательства. М. 1934 г.

В оперативном разрезе эта концепция если и не носит печати особой оригинальности, то она все же интересна в том отношении, что на вспомогательный фронт возлагает весьма большую и исключительно ответственную задачу.

Получается так: наступление развивается на всем фронте, этот наступательный удар не только притягивает к себе все резервы противника, но и должен стремиться глубоко вклиниться в расположение противника.

Из этих 160 км фронта участок в 30 км до начала главного удара (который Петэн считает возможным начать на 16-й день, т. е. тогда, когда все резервы противника будут втянуты на всем этом 160-км фронте), в период 10—15 дней, также будет находиться в состоянии боевого напряжения.

Но вот наступает 16-й день сражения; это именно тот день, когда по расчету Петэна «все резервы противника будут втянуты на фронте предварительных атак». К этому моменту на участке 30 км уже подброшены свежие дивизии в числе 30—38 из резерва, которые, все сокрушая на своем пути, поведут глубокий удар для достижения дальней цели.

Как помнит читатель, Петэн свой план передал Фошу 8 сентября, а 25 сентября под руководством Фоша армии союзников перешли в генеральное наступление.

В военной литературе нет материала, который бы говорил, как Фош расценил этот план Петэна. Но мы видели, что этот план не нашел своего отражения в наступательном плане Фоша от 25 сентября.

Мы считаем, что Фош невысоко расценил этот план Петэна, и это не случайно. Совершенно ясно одно, что основной недостаток этой оперативной концепции в том, что она в своем замысле слишком уж много не только думает (что не плохо), но главным образом твердо решает за противника.

Неизбежно является вопрос, а что будет с этим планом, если свои 100 дивизий резерва противник не притянет к 160-км фронту петэновского наступления?

Почему Петэн так уверен, что эти 100 дивизий не могут иметь никакого успеха, дадут себя «проглотить»?

А разве при исключительно сложной и многообразной боевой обстановке не может быть такого положения, когда противник не рискнет себя окончательно разоружить и оставит десятка два—три дивизий про запас, на «черный день».

Что тогда будет с теми 30—38 дивизиями Петэна, которые бросятся к дальней цели, но будут контратакованы этими двумя—тремя десятками дивизий?

Когда мы так ставим вопрос, мы не упускаем, конечно, из виду все те старательные цифровые расчеты по усилению всего наступательного 160-км фронта, которые делает в своем плане Петэн. Но ведь и противник в 1919 г. имел бы и танки, и артиллерию, и авиацию, и прочую боевую технику.

Основной недостаток плана Петэна в том, что он берет опыт боев 1917 и 1918 гг. (первая половина) и из этого опыта механически делает вывод для действий на будущее.

Такое прямолинейное, деревянное использование опыта прошлого слишком уже схоластично. Из этой докладной записки-плана Петэна совершенно ясно видно, что он готов был и до 1 апреля 1919 г. весьма высоко расценивать германскую армию и её боеспособность, а также и дарование её военных вождей. И несмотря на это и одновременно с тем, Петэн думал, что германская армия и её вожди будут делать именно так, как это хочется ему.

История войн сотнями примеров может подтвердить, что противник может обмануть и сделать как раз наоборот, поставив такого самоуверенного создателя плана в крайне тяжелое положение. Опытом истории надо пользоваться крайне продуманно, осторожно и умело, так как в противном случае вместо пользы он может дать лишь вред.

Что касается технико-материального обеспечения плана наступления на 160-км фронте, то у Петэна мы видим ряд цифр, которые говорят о дальнейшем значительном количественном увеличении танков, авиации, артиллерии и пр., которые потребовались бы в операциях на 1919 г.

Из предыдущих глав мы видели, что соотношение сил в августе 1918 г. у обеих сторон на франко-британском (западном) фронте было таковым:

Союзники — 202 дивизии, 11 340 легких плюс 8 900 тяжелых орудий, 5 500 боевых самолетов, 1 900 танков.

Германцы — 190 дивизий, 9 500 легких плюс 7 300 тяжелых орудий, 2 200 боевых самолетов, ноль танков.

В плане эти цифры представлены на 1 апреля 1919 г. в значительном увеличении.

Огромные массы танков, авиации, артиллерии при полном взаимодействии с пехотой, которую, к слову сказать, Петэн предлагал хорошенько натренировать и переобучить для маневренной войны (т. е. то же самое, что делал Людендорф, см. главы XVI и XVIII), — вот кто будет решать, говорит Петэн, судьбу сражения в 1919 г.

Как выше указывалось, численную и техническую плотность наступательного фронта Людендорф давал в первой половине 1918 г. таким образом, что на 1 км фронта приходилось — 1 пехотная дивизия, 100 орудий и 15 самолетов.

Норма — 1 пехотная дивизия и 100 орудий на 1 км фронта у Петэна также остается в силе и на 1919 г.

В отношении количественного увеличения танков Петэн дает неизмеримо большую заявку, чем то было у союзников не только в августе—сентябре 1918 г., но и к моменту окончания войны.

Например, в ноябре 1918 г. к моменту перемирия у союзников насчитывалось 2 000 танков; Петэн же в своей докладной записке-плане от 8 сентября 1918 г. выдвигал мысль, чтобы наступательный 150-км фронт имел бы не менее 6 700 легких и 1 800 тяжелых тан-

ков, т. е. 8 500 танков, что равнялось более 11 танков на 1 км фронта. Если учесть, что у немцев танков было в период войны очень мало, такое количество танков у союзников давало бы им огромное преимущество.

В отношении авиации нормы, приводимые Петэном, — 1 самолет на 300 метров фронта — меньше тех норм, которые мы видели у немцев в период их прорывов в первой половине 1918 г. Но Петэн продолжал уделять большое внимание бомбардировщикам.

Для того чтобы наступление было непрерывным и глубоким, необходимо, как мы видели из рассуждений Людендорфа (глава XVIII), это наступление непрерывно питать всем нужным для боя и соответственно быстро перемещать артиллерийские средства вперед. То же самое предлагал и Петэн. Он пишет:

«Перемещение артиллерии вперед упирается в трудность прохождения зоны воронок. Необходимо использовать новые способы и приемы, чтобы иметь возможность непрерывно наступать». Для этой цели Петэн выдвигает предложение о создании пушечных танков, повозок для снабжения, установленных на гусеницу (так называемые катерпиллеры), а также артиллерии, поставленной на гусеницы.

Как видим, опыт войны помогал Петэну найти правильное разрешение вопроса организации мощных технических средств подавления таким образом, чтобы они давали больший эффект, чем то было в операциях на французском фронте в 1918 г. И если уже в сентябре 1918 г. Петэн предлагал значительно увеличить танковое оружие для операций в 1919 г., то его боевой соратник из английской армии в этом же году выдвигал мысль об организации такой танковой операции, которая бы решала участь генерального сражения и через это сражение всей войны. Это был Фуллер.

Вариант оперативного плана Фуллера

Наступательный план, предложенный Фуллером, в политическом и военно-техническом отношении исходил из опыта массового применения танков, которое мы наблюдали в операциях 1917—1918 гг. Уже в те годы Фуллер ясно видел, что «царица полей сражений» п е х о т а, набранная из рабочих и крестьян, — малонадежное оружие для буржуазно-империалистической бойни. Многомиллионная пехота стала разлагаться гигантскими темпами, пение рабочего гимна «Интернационал», лозунги «довольно войны!», «долой войну!», «требуем отпусков!» в траншеях и войсках в тылу становились явлением обычным.

Главная квартира союзников в своих делах и папках имела уже много донесений от командования частей о сотнях случаев восстаний и бунтов в войсках; пехота стала частенько арестовывать своих офицеров, а подчас и физически их истреблять. В инженерно-технических частях революционное настроение было ниже, эти части комплектовались из более отборных в классовом отношении элементов буржуазно-кулацких слоев. Эти более тщательно классово

отобранные войска, посаженные в железостальные коробки, вооруженные пулеметами и пушками, снабженные стальной гусеницей, для Фуллера были наиболее подходящими; он полагал извлечь из них бо́льшую пользу и больший эффект в наступлении.

«Надо оставить пехотному стаду более легкую долю — закрепления, оккупации всего захваченного танковым оружием», — пропагандировал уже в те годы империалист Фуллер.

Как мы уже знаем, свою боевую работу танки начали с малого, но затем с каждым новым этапом они все более увеличивались в числе.

В сентябре 1916 г. в боях на Сомме приняло участие сперва 18 танков, а затем 13. В апреле 1917 г. в боях у Арраса — 60 танков. В 1916 г. и в первой половине 1917 г. танки участвовали в боях большей частью мелкими подразделениями с основной задачей содействия пехоте.

Но одновременно с этим боевым опытом шли организационные мероприятия в отношении танкового оружия, и мы видим, что в июле 1917 г. англичане уже сформировали так называемый «танковый корпус», т. е. танки превратились в самостоятельный род войск.

В ноябрьских боях 1917 г. под Камбре этот новый самостоятельный корпус получает первое боевое крещение, он самостоятельно ведет наступление на 10-км фронте в составе 300 танков.

Под подвижной огневой завесой - валом 1 000 орудий в течение одного дня эти танки сумели вклиниться на 12 км в глубину немецкой обороны. Хотя потери были большие (около 150 танков), но и результаты по тому времени значительные. Танки проложили свободную дорогу для пехоты, которая в этих боях имела незначительные потери.

Французское командование решило не отставать в этом деле от своих союзников — англичан, и в боях под Виллер-Коттере в июле 1918 г. приняло участие более 200 танков, а на всем фронте 10-й французской армии за период с 20 августа по 17 сентября в боях участвовало 480 танков.

Неприятельская артиллерия очень активно боролась с этими медленно двигающимися по полю боя стальными чудовищами, она сотнями их выводила из строя, но конечные результаты в виде глубокого пролома германской обороны при минимальных потерях в пехоте заставляли все более и более увеличивать производство танкового оружия.

Работала и конструкторская мысль, желая дать такой танк, который бы был более быстроходным и менее уязвимым для противотанковых орудий неприятеля.

8 августа 1918 г. под Амьеном англичане делают новый шаг; они бросают в бой 324 тяжелых (марки V) и 96 легких (Уйпет) танков, затем 42 резервных танка, 96 танков для снабжения и 22 бронемашины; в общем 580 бронемашин принимают участие в бою. В этой амьенской операции совместно с танками приняли участие 3 корпуса пехоты и 1 корпус конницы. В первый день боя 415 тан-

ков прорвались на 12 км вглубину, а через два дня глубина прорыва была доведена до 30 км, после чего танки выдохлись.

Во всех боях под Амьеном в эти дни приняло участие с выдвинутыми из резерва всего 688 танков, из которых осталось лишь 200 танков. Но и немецкая армия понесла огромные потери; было выведено из строя несколько дивизий, что заставило Людендорфа охарактеризовать эту операцию, как «траурный день для германской армии».

Как видим, несмотря на свою примитивную техническую конструкцию (тихий ход, громоздкость и пр.) в последние месяцы мировой войны танкам все же удалось делать большие дела и не только в тактическом, но и оперативном разрезе.

Союзное командование уже в 1918 г. не жалело средств на постройку танкового оружия и танки начали производить не только сотнями, а тысячами.

Удачное массовое применение танков в бою и операции и массовое их производство заставляет Фуллера, одного из опытных начальников империалистической армии, предложить на 1919 г. новый план использования танкового оружия.

В этом плане массовое применение танков при боевом взаимодействии с авиацией, по мысли Фуллера, должно было играть решающую роль. Если в плане Петэна мы видим, что он еще возлагает значительные задачи на пехоту, которая участвует в 1-м и 2-м эшелоне, причем во 2-м эшелоне она посажена на автомобиль (моторизованная пехота), то Фуллер отводит в своем плане для пехоты скорее подсобную, вспомогательную роль с основной задачей после прорыва оккупировать уже захваченную танковым оружием территорию противника.

Из предыдущей главы мы видели, что Людендорф определял возможный размах и глубину наступательного маневра, примерно, в 120—150 км; после достижения этой глубины, он считал, надо было перестраиваться, так как чрезмерная растяжка тыла в целом могла оставить наступающего без огнеприпасов, людских пополнений и снабжения всем необходимым для боя.

В первую половину 1918 г. Людендорфу лишь один раз удалось, да и то только на половину этой глубины (60—65 км) продвинуть свои дивизии (мартовское наступление на Амьен), остальные прорывы выдыхались уже на 40 км и менее.

Петэн строил свой план на операцию 1919 г. исходя из расчета, что после прорыва и продвижения 1-го эшелона (танки плюс пехота) на 20 км — 2-й эшелон в виде моторизованной пехоты развивает преследование; но в этот 2-й эшелон у Петэна нет большой веры, местность будет страшно изрыта воронками и наполнена фортификационными препятствиями; поэтому 2-му эшелону не так-то легко будет развить быстрые темпы наступления, даже несмотря на то, что машины будут обильно снабжены гусеницей, а подвоз будет происходить с помощью катерпиллеров (гусеничные повозки для снабжения).

В общем при размахе наступления в глубину на 30-километровом фронте главного удара, когда на остальном фронте (130 км) будут втянуты все резервы противника, Петэн допускал возможность продвижения вперед в первые же дни на 50—75 км. Эти цифровые предположения Петэна для непрерывного маневра основаны в первую очередь на тех реальных территориальных захватах, которые наблюдались в прорывах Людендорфа в первую половину 1918 г. Правда, эти прорывы пожирали не только огромное количество живых сил и технических средств, но и затягивались во времени (например, прорыв на Амьен продолжался с 24 марта по 4 апреля, вклинившись за это время лишь на 65 км в глубь обороны союзников).

Переходя к краткому рассмотрению плана Фуллера на 1919 г., необходимо и здесь подчеркнуть, что в иностранной и нашей печати не совсем точно излагается этот план-проект.

Цифровые подсчеты Фуллера на 1919 г. смешиваются с его цифровыми расчетами по новому проекту, написанному уже в 1927 г.

Так например, в очень интересной и ценной работе тов. Калиновского «Проблема моторизации и механизации современных армий» (Записки военной секции Коммунистической академии, т. III, стр. 33) получается, что 30 000 танков будут наступать по этому плану на 80 км фронта.

В работе т. Тау «Моторизация и механизация армий» план Фуллера от 1927 г. представлен как план весеннего наступления на 1919 г. (стр. 36), причем схема 25 есть личное произведение т. Тау, а не Фуллера, что т. Тау к сожалению не оговорил; примерно то же в некоторых других источниках.

Такая неувязка произошла главным образом благодаря отрывочности материала, которой имелся по этому вопросу, когда это писали указанные авторы; в данное время есть более точный материал.

В операции 1919 г. Фуллер считал возможным иметь ширину фронта наступления 80 км. В работе «О будущей войне» (написанной в 1927 г.) ширина фронта наступления удвоена им и доведена до 160 км.

В плане-проекте на 1919 г. средства определены так:

а) Для удара по штабам и тылам противника будут действовать 300 быстроходных средних танков новой конструкции, весом не более 20 тонн, защищенных броней от бронебойных пуль, со скоростью не менее 32 км в час (иными словами, должны были быть переконструированы танки системы «Уйпеты», которые давали в 1918 г. максимально 12—14 км в час, или созданы новые со скоростью в 32 км в час). Эти новые танки должны были иметь запас горючего с таким расчетом, чтобы получился кругооборот в 320 км.

б) Одновременно с прорывом в глубину вышеуказанных 300 танков, ведут фронтальную атаку 3 000 танков марки VIII и

средних танков марки «С» (в одинаковом количестве каждой из этих марок).

в) 10 000 американских тракторов обеспечивают бесперебойное снабжение боеприпасами и продовольствием при прорыве и преследовании.

В 1927 г. Фуллер пошел несколько дальше в своих расчетах и оперативных предположениях.

Фронт атаки он берет шириной в 160 км. Он предполагает, что на таком фронте будет пять армий противника, т. е. фронт каждой будет равняться 32 км. Атака этого 160-км фронта Фуллером мыслится таким образом:

а) Первым долгом наносится удар не по артиллерии противника, как прежде, а по его штабам армий, т. е. по «мозгу», как выражается Фуллер.

Это будет 1-я зона между передним краем оборонительной полосы и штабами армий.

В этой первой зоне боевая работа быстроходных танков должна сосредоточиться, главным образом, на разгроме штабов армий, причем, если прорыв этих танков будет происходить днем, то потребуется дымовая завеса; этот прорыв, как полагает Фуллер, может быть осуществлен и ночью.

Самолеты днем посредством цветных дымов, а ночью посредством цветных ракет помогают танкам определить районы расположения штабов армий.

От переднего края оборонительной полосы до штаба армии, по мнению Фуллера, будет расстояние не более 32 км. Таким образом примерно через 2 часа эти быстроходные танки будут уже громить штабы армий противника.

Одновременно с этим все наличные бомбардировщики атакуют центры снабжения и пути сообщения прифронтовой полосы, причем (весьма оригинальное замечание Фуллера) эти бомбардировщики должны избегать разгрома сети технической связи.

Это необходимо для того, пишет Фуллер, чтобы противник передавал тревожные сведения об атаке танками и авиацией и тем самым еще более увеличивал бы у себя панику. Таковы действия в первой зоне.

б) 2-я зона — это местность от переднего края обороны противника до артиллерийских позиций. Фуллер считает глубину этой зоны в 9 км.

Действия в этой зоне начинаются почти одновременно с прорывом быстроходных танков, ушедших атаковывать «мозги» — штабы неприятельских армий.

Во 2-й зоне будут действовать, иными словами, осуществлять заранее организованный прорыв, танки, пехота и артиллерия, основная задача которых — разгром артиллерии неприятеля. И как только этот прорыв осуществлен, сейчас же начинается преследование всеми наличными танками и пехотой на грузовиках.

Впереди опять двигаются эскадры танковых крейсеров, которые вместе с пехотой рассеивают встречающиеся войсковые части противника, захватывают центры путей сообщения и пр.

Фуллер считает, что для того, чтобы нейтрализовать главную квартиру фронта противника, достаточно сбросить несколько сот тонн фугасных бомб.

Таким образом, у Фуллера танки и авиация—основные и главные элементы в сражении.

На авиацию Фуллер возлагает большие надежды, он считает, что она должна: «а) выступать в танковых операциях в качестве авангарда; б) содействовать танкам в дезорганизации штабов противника; в) вести танки к об'ектам действия; г) снабжать специальные передовые эскадры танковой флотилии горючим, боеприпасами и пр.; д) прикрывать танки от пушечного огня противника; е) поддерживать связь между танками и их базой действия; ж) поднимать командиров танковых бригад во время боя над их боевыми секторами, чтобы они видели, что делают их танки и соответственно с этим могли направлять свои резервы».

Как видим, и план 1919 г. и теоретические рассуждения Фуллера в 1927 г. покоятся на двух основных оперативных положениях:

1) Разгром штабов армий и армейских групп посредством прорыва в глубину быстроходных танков и

2) Прорыв танками и авиацией на широком фронте неприятельской обороны, ведя пехоту через оборонительную полосу.

При этом Фуллер фактически не разделяет два указанных этапа, а об'единяет их в одновременное действие.

Как известно, ни план Петэна, ни проект плана танковой атаки-наступления Фуллера на 1919 г. не были приняты союзным командованием, несмотря на то, что первый передал свой план в сентябре, а второй предложил его в середине 1918 г.

В жизни был осуществлен план наступления, разработанный Фошем, о котором мы говорили в главе XVIII.

Мы не будем здесь детально рассматривать эти проекты Фуллера с точки зрения целесообразности и возможности их осуществления в конкретных условиях последнего года мировой войны. Нас больше интересует вопрос, как непрерывное и всестороннее развитие боевой техники заставляло менять приемы и способы управления войсками.

Вот на этом мы очень коротко здесь и остановимся.

Мы видим, что уже в 1918 г. стремление командования нанести сразу глубокий удар, с тем чтобы скорее преодолеть укрепленную полосу противника и выйти на маневренный простор, становится реальной задачей для очередного решения, причем танки и авиация должны были играть наиглавнейшую роль; к этому, между прочим, склонялся и Петэн, говоря в своем плане, что «сражение 1919 г. будет сражением танков и авиации».

Желание Фуллера использовать танки не в сотнях, как это было в районе Камбре и Амьена, а в тысячах исходило из того факта, что б о л ь ш а я п р о г р а м м а строительства танков н а м е ч а л а

иметь в 1919 г. во всех союзных армиях на франко-британском фронте около 30 000 танков. Отсюда, раз удался опыт в применении танковых групп по 400—500—600 штук, вполне реальным становилось дальнейшее увеличение этих групп для самостоятельных действий.

Фуллер предлагает вспомнить тактику Наполеона, который, как он пишет, «не стремился к тому, чтобы сперва прорвать фронт противника, а затем рисковать подвергнуться удару резервов противника, когда войска наступающего уже дезорганизованы. Наполеон втягивал резервы противника в огневой бой и только тогда, когда они были скованы, прорывался или охватывал их».

Здесь Фуллер действует, как и Шлиффен в своих «Каннах»: он берет из полководческого опыта Наполеона одну деталь, одну сторону и возводит её в принцип, чтобы доказать, подтвердить опытом большого полководца свою теорию.

Искусство Наполеона было очень разнообразно, он действовал всегда в зависимости от конкретных условий обстановки; скажем, при Ваграме и Бородино он действовал примерно так, как это пишет Фуллер, а в других своих операциях и кампаниях совершенно иначе.

Но Фуллера это мало трогает, он с военной историей во всех теоретических работах оперирует примерно так же, как приказчик в бакалейной лавке с предметами своего ассортимента.

Так и в данном случае, ему важно доказать правильность своего положения о необходимости: а) принудить противника массировать свои резервы в нужном для атакующего районе; б) дезорганизовать эти резервы авиацией и механизированными войсками, а не прорываться через них.

Идея, конечно, не плохая, но опытный противник едва ли будет дремать, он будет также стремиться разгадать, что с ним хотят сделать, а поэтому и стараться как раз сделать наоборот, чтобы самому поймать в ловушку того, кто хочет поймать его.

Все это основное, чем наполнена всякая серьезная война, сплошь и рядом забывают военные теоретики, рисуя свои архисмелые схемы.

Основное искусство исследователя военных явлений должно заключаться в очень простом правиле: никогда в изложении своих теоретических рассуждений не забывать о тщательном и всестороннем анализе противника, его сил и средств, это, во-первых, а во-вторых, никогда из противника не делать простачка, с которым можно обращаться так, как это мне заблагорассудится.

Тот, кто не хочет понять этой простой вещи, на войне неизбежно встретится со многими неожиданностями, а подчас и серьезными неприятностями, которые могут резко отозваться на его военной карьере.

И если у Фуллера мы можем найти немало интересных, ярких и весьма ценных положений, как использовать в современной войне механизированные войска, как более целесообразно установить между ними и боевой авиацией конкретное взаимодействие, как добиться одновременного поражения противника на всю глубину его обороны и пр., то в трудах Фуллера достаточно и теоретической шелухи, искаженных и подтасованных фактов, фантазерских положений.

Фуллер очень талантливый военный писатель, но труды его эклектичны и так обильно наполнены парадоксами, что неискушенный читатель может поверить тому, чему как раз не надо верить. ¾ своих теоретических исследований Фуллер строит на следующем лейтмотиве:

«Чем больше резервов, — пишет Фуллер, — мы заставим противника массировать и чем больше мы сможем их дезорганизовать, тем выше будет тактический процент на наш капитал. С танковыми крейсерами и самолетами нет причин, чтобы мы не могли получить 100% на наши вложения. А это означает выигрыш войны в одном сражении».

Как видим, многомиллионная современная армия у Фуллера заменена, главным образом, крепко сколоченной в классовом отношении небольшой механизированной армией, которая совместно с воздушной армией, также соответственно классово подобранной, будет быстро через одно генеральное сражение решать судьбу всей войны.

Что же касается боевого использования танкового оружия по-новому, то сущность оперативной концепции, заложенной в проекты планов Фуллера, лучше всего видна из того, что он сам пишет по этому поводу.

«Если мы, — пишет он, — внезапно устраним мозги армии, т. е. её штабы армий, корпусов и дивизий на значительном участке (в данном случае на фронте в 80 или 160 км и в глубину на 35 км. Вл. М.) неприятельского фронта, то полный развал его боевого личного состава, которым эти мозги управляют, сделается вопросом времени. Если мы вовсе не окажем ему противодействия, но вдобавок к удару, проникающему через мозг, нанесем ему еще другой удар по желудку, т. е. расстроим систему снабжения позади фронта, его бойцы будут обречены на голодную смерть».

В другом месте Фуллер говорит:

«Чтобы проникнуть через современную полосу сопротивления, защищенную всевозможным огнестрельным оружием и проволочными препятствиями, или чтобы вовсе миновать её, могут быть применены: а) самолеты, чтобы через нее перелететь и б) танки, чтобы её пересечь».

Но и то и другое, по мысли Фуллера, должно быть в грандиозных массовых размерах, с тем чтобы подавить техникой и огнем волю к сопротивлению противника, чтобы сбить и уничтожить все те противодействия, которые он будет неизбежно применять.

И если план-проект Фуллера не был принят в 1918 г., то это не значит, что он бросил эту идею использовать танковое оружие по-новому. Напротив, все последующие теоретические работы Фуллера в послевоенный период еще более углубляли и уточняли эту теорию.

Фуллер тщательно изучает военную историю и особенно идейную сторону наполеоновских маневров.

Он хочет, чтобы эти маневры Наполеона, насыщенные другим конкретным содержанием, работали на современность. Одновременно с этим уже в 1918 г. Фуллер требует от конструкторов скорейшего создания таких танков, которые бы отвечали 3 основным условиям: а) движение с максимальной скоростью — 20 миль (32 км) в час; б) радиус действия в 200—300 миль (320—480 км); в) достаточная легкость, чтобы двигаться через обыкновенные мосты.

В противовес ряду французских военных писателей, Фуллер выдвигает мысль посредством массового применения механизированных войск закончить войну одним уничтожающим сражением, избегнув войны на истощение.

Широкое маневрирование резервами, когда десятки дивизий с помощью железнодорожного и автомобильного транспорта перебрасывались в очень короткие сроки с одного оперативного направления на другое, было обычным явлением в 1917 и 1918 гг. мировой войны. Эти резервы являлись главным препятствием для наступающего, с помощью их он быстро строил новый огневой фронт обороны, о который и разбивались наступающие силы противника, до этого уже достаточно обескровленные после прогрызания первых линий обороны неприятеля.

Мы еще не раз вернемся к теориям Фуллера, этого военного идеолога современного фашизма, но здесь попутно заметим, что теория небольших классово-подобранных (фашистских) и прекрасно вооруженных армий не нова.

Во всяком случае, это изобретение не английского генерала Фуллера. В 1873 г., т. е. когда Фуллеру было всего лишь 5 лет от роду, т. е. когда он еще ничего не писал по военным вопросам, в своей известной работе «Вооруженный народ» фон-дер-Гольц, после анализа современных миллионных армий, появившихся на его глазах уже во франко-прусскую войну 1870 г. и после нее, говорил следующее:

«Некогда настанет день, в который господствующие теперь на войне явления исчезнут; формы, способы управления и взгляды опять переменятся; предчувствуется то время, когда миллионные армии настоящего времени также сыграют свою роль. Явится новый Александр, который с маленькой горстью превосходно вооруженных и обученных людей прогонит эти бессильные массы, если они в своем стремлении постоянно увеличиваться, перейдут границы, потеряют внутреннюю способность и, как китайские воины зеленого знамени, обра-

тятся в многочисленную, но миролюбивую толпу мещан».

Так писал ген. Гольц в период быстрого бега германского империализма к зениту своего развития. Эти слова написаны за 30 лет до Мировой империалистической войны 1914—1918 гг., в которой, как мы видели, были выставлены многомиллионные массы и которая не дала ни в одной враждовавшей коалиции своего «Александра».

Примерно о том же говорит в своих работах Фуллер, но уже после опыта четырехлетней империалистической войны.

Фуллеру принадлежит идея небольшую армию, «маленькую горсть превосходно вооруженных и обученных людей», посадить в танки и самолеты, построить соответствующие новые боевые порядки и искать победу на современных полях боя посредством одного генерального сражения.

Но современная победа не так-то легко дается, как это кажется Фуллеру, Мартелю, Лиддель-Гарту, экстремисту Дуэ и другим сверхмеханизаторам и алхимикам империалистской буржуазии, выискивающим пути и тропы легкой победы для нее.

Но сколько бы ни мистифицировали все эти талантливые и неталантливые теоретики современных империалистических армий, процесс современного исторического развития человечества со всей ясностью говорит, что победа в новой войне будет принадлежать в конечном итоге не маленьким армиям бронированных рыцарей современной империалистической буржуазии, а многомиллионным рабоче-крестьянским массам, с каждым днем все более твердо осознающим свое историческое право на власть и господство.

ГЛАВА XX

ОПЫТ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА ФРАНКО-ГЕРМАНСКОМ (ЗАПАДНОМ) ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

24 января 1934 г. на XVII с'езде большевистской партии в своем отчетном докладе о работе ЦК ВКП(б) тов. Сталин, анализируя общий кризис современного капитализма, в обстановке которого продолжается мировой экономический кризис в капиталистических странах, анализируя захватническую войну на Дальнем Востоке японского империализма против китайского народа, борьбу за господство на Тихом океане, борьбу вокруг версальской системы в современной Европе с общей империалистической гонкой военных и морских вооружений — подчеркнул, что «неудивительно, что буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении. Опять, как и в 1914 г., на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша. Дело явным образом идет к новой войне»[1]).

И действительно, не успел умолкнуть в ноябре 1918 г. последний выстрел на полях мировой империалистической войны, как, во-первых, началась подготовка к новой империалистической войне во всех капиталистических странах, во-вторых, начал расширяться первый интервенционистский поход Антанты совместно с российской контрреволюцией против Страны советов.

После первого похода против страны диктатуры пролетариата последовали второй и третий, которые ввергнули Советскую Россию в трехлетнюю ожесточенную гражданскую войну на территории $^1/_6$ земного шара.

Последовавшие после окончания мировой империалистической войны так называемые «мирные» договора — Версальский, Трианонский, Севрский и пр. не только в каждом своем параграфе заложили взрывчатый материал для новой войны, но также вызвали в Европе и Азии ряд революций, гражданских и национально-

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 10, стр. 544 (подчеркнуто нами. Вл. М.).

освободительных войн, которыми было наполнено первое десятилетие после утверждения и вступления в силу так называемого Версальского мирного договора и которые продолжают развязываться и существовать в данное время.

Если за период 1914—1918 гг. развитие военной техники, как мы видели из главы XV, сделало огромный скачок вперед, то с окончанием мировой войны и до сегодняшнего дня это развитие продолжается, принимая все более грандиозные размеры.

Качественные и количественные показатели в развитии военной техники истребления к данному времени превзошли даже самые смелые предположения, но и это скорее говорит лишь о начале нового этапа в качественном развитии вооружений современных империалистических государств.

И что это лишь начало, ясно видно из опубликованных материалов XII и XIII пленумов ИККИ, которые в сентябре 1932 г. и в декабре 1933 г. подводили итоги всемирно-исторической борьбы двух миров — фашизма [1]) и коммунизма.

XII пленум ИККИ в сентябре 1932 г. констатировал, что и обострение общего кризиса капитализма совершается сдвигами, ведущими этот кризис на новую ступень, что «наступил конец относительной стабилизации капитализма», что «нет еще непосредственной революционной ситуации в важнейших и решающих капиталистических странах», но что «в определенных чрезвычайно важных узловых пунктах антагонистические силы уже развязываются для столкновений».

«В настоящее время совершается именно переход к новому туру столкновений между классами и между государствами, к новому туру революций и войн».

Этот прогноз оказался и оказывается совершенно верным. Создавшаяся и создающаяся мировая международная обстановка целиком и полностью подтверждает правильность этого прогноза. Мировой экономический кризис во всех капиталистических странах, происходящий на базе всеобщего кризиса капитализма, продолжает быть фактом. Лишь одна страна, занимающая территорию в $^1/_6$ земного шара, не имеет кризиса, это СССР — страна социализма.

Безостановочная гонка морских и сухопутных вооружений во всех капиталистических странах и крах конференций по «разоружению», уход Германии Гитлера и Японии из Лиги Наций, особо резкие противоречия между Японией и США и между фашистской Германией и Францией с требованием со стороны фашистов не

---

[1]) XIII пленум ИККИ так характеризует сущность фашизма: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов финансового капитала, фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и, в частности, к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс».

только пересмотреть, но и ликвидировать невыгодные им статьи Версальского договора, итало-абиссинский конфликт, как преддверие к новой мировой войне и пр. и пр. — все это ясно говорит, что во всех капиталистических странах и особенно в ущемленной Версалем фашистской Германии идет открытая подготовка к новой империалистической войне.

В день XVI годовщины Октябрьской революции и затем 1 мая 1935 г. ИККИ еще раз указал всему миру:

«Наступил канун новой мировой войны.

На Востоке роль застрельщика антисоветской войны и провокатора новой империалистической бойни берет на себя японский империализм.

На западе свои контрреволюционные услуги всему империалистическому миру предлагает фашистская Германия.

Бешеная гонка вооружений между США, Японией и Англией, между Францией и Германией ускоряет военную развязку крайне обостряющихся империалистических противоречий.

Из самой «разоружительной» женевской конференции вырастает угроза новой войны.

Буржуазия дрожит перед коммунистической революцией. Мир стоит перед близкими громадными потрясениями, перед новыми войнами и великими революционными боями. Надвигаются решающие битвы».

«Мир вплотную подошел к новой мировой империалистической войне. Фашистская Германия — главный поджигатель войны — создала армию, которая теперь уже оставила позади старую кайзеровскую армию».

VII всемирный конгресс Коминтерна в резолюции по докладу т. Эрколи подчеркнул, что «новый передел мира фактически уже начался», что «от версальского договора остались государственные границы и распределение мандатов на колонии. Ликвидация версальского договора совершилась в результате прекращения репарационных платежей и восстановления всеобщей воинской повинности гитлеровским правительством, а также заключения морского договора Англии с Германией». Конгресс еще раз указал, что главным поджигателем войны являются германские фашисты и японский империализм.

В свете этих политических фактов и событий мы поведем наш краткий анализ развития боевых технических средств в период 1919—33 гг. и новых оперативно-стратегических теорий, которые после первой мировой империалистической войны пропагандируются в капиталистических странах.

Несмотря на то, что все современные крупнокапиталистические государства заняты вопросами тщательного фортификационного укрепления своих государственных границ, их официальные военные теоретики в один голос, как и перед августом 1914 г., заявляют, что будущая война будет войной маневренной.

Соответственно с этой идеей и исходя из этой основной и доми-

нирующей над всем постановки вопроса, идет организационно-боевое строительство их вооруженных сил и строится все их военно-инженерное искусство.

По сравнению с 1918 г. боевая техника истребления и подавления сделала огромный скачок вперед в своем дальнейшем развитии и совершенствовании.

Военные писатели всех западно-европейских стран в подавляющем большинстве сходятся на той мысли, что современная авиация, моторизация и механизация войск не допустят того обстоятельства, чтобы начальный период войны мог сразу же вылиться в создание сплошного железобетонного фронта от моря до моря, от нейтральных и до нейтральных границ.

Правда, эти писатели, говоря о будущем, почему-то упускают настоящее и забывают, что такой сплошной фронт уже сейчас существует на восточной границе Франции между Бельгией и Швейцарией. Диалектика развития боевых технических средств одновременно вызывает, с одной стороны, широкие наступательные перспективы, а с другой, передает в руки современной обороны огромные возможности по своей мощности и сопротивляемости.

Первой основательной для преодоления преградой наступающей армии явится хорошо укрепленная и вооруженная пограничная полоса современных государств.

С момента подписания Версальского договора (1919 г.) в странах-победительницах эти пограничные полосы в отношении возведения оборонительных построек и фортификационных сооружений сделали большие успехи.

Эти успехи в создании прочной полосы обороны государственных границ продолжают расти и будут расти во всех основных капиталистических государствах, которые в деле военно-инженерного искусства стараются равняться по современной Франции, которая в этом отношении добилась больших успехов

Военные теоретики и практики буржуазии стремятся доказать, что современная разнообразная военная техника наступления (бомбардировочная авиация, новые типы танкового и химического оружия и пр.) вызвала и вызывает, как противодействие ей, сложную и мощную систему современной обороны.

В этом отношении действие закономерно и отнюдь не эволюционно, а революционно, скачкообразно, оно вызывает противодействие и вызывает диалектически.

Во всяком случае, появление танка у одной стороны очень скоро вызвало появление танков и у противников и противотанковой артиллерии и системы заграждений у обеих враждующих сторон; появление авиации вызвало зенитную артиллерию и истребительную авиацию; боевые газы — противогазы и т. д., причем то и другое — с обеих сторон. Но результаты в этой соревновательной борьбе были не всегда одинаковы для враждовавших сторон.

Современная военная техника, давая конкретный материал для современной обороны и инженерного искусства. одновременно с

этим (или даже с очень небольшим запозданием в отдельных элементах, в большинстве случаев благодаря научно-исследовательскому нерадению, вялости и неповоротливости) стремится так использовать военно-технические средства истребления и подавления, чтобы более успешно и с меньшими потерями преодолеть эту оборону, не дать противнику возможности быстро (а при современной технике он это вполне может) ее создать вновь на новом направлении наступающего. А все это делается для того, чтобы твердо и прочно выйти на маневренное поле борьбы.

Опыт Мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и проекты на 1919 г. (Петэн и Фуллер) постоянно предупреждают, что позиционная война была фактом в продолжении многих лет и что не исключена, как думают некоторые из западно-европейских военных писателей, возможность ее повторения в будущем, но на новом этапе развития военного дела в целом.

Вот это предупреждение в наши дни и является как бы швэрпунктом, который пытаются успешнее преодолеть все генеральные штабы современных армий, жаждущие громких молниеносных маневренных побед в открытом поле, а не томительной позиционной борьбы с долгим позиционным сидением, с исключительно длительной и систематической подготовкой к прорывам, которые в 1917—1918 гг. давали в конце концов очень малый оперативно-стратегический результат.

Но современное положение в полосе государственных границ ясно говорит, что дело без прорывов с самого начала военных действий никак не может обойтись.

На этот неприятный шаг уже идут (да и не могут не итти) генеральные штабы. Но учитывая, что укрепления и фортификационные заграждения не могут простираться от государственной границы до столицы, как главного политического, экономического и культурного центра страны (образно говоря, не может быть такого порядка, при котором — что ни шаг вперед от государственной границы, то «позиция запорова»), каждый генеральный штаб стремится к тому, чтобы после преодоления противником пограничной полосы на главном направлении, в дальнейшем не дать ему надолго останавливаться на выгодных для него рубежах и превращать эти рубежи в трудно-преодолимые препятствия. Эта основная линия в развитии современного военного искусства, разбирающего операции начального периода современной войны, опирается, главным образом на опыт Мировой империалистической войны 1914—1918 гг., а также развитие военного дела и военной техники за последние 10—12 лет.

Если, как мы видели выше, по Энгельсу гидростатика была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии, то точно так же, для того чтобы преодолеть современные сложные укрепленные полосы из серии укрепленных районов и огневых точек в полосе государственной границы, нужна и новая боевая техника, нужно и новое управление как этой техникой, так и живыми силами, которые будут действовать во взаимной связи с ней.

Новая система пограничных укреплений, основанная на опыте Мировой войны 1914—1918 гг. и современном состоянии военного дела в целом, насквозь пропитанном политико-экономическими факторами, вызвана к жизни именно благодаря новой, сложной боевой технике и той новой политико-экономической обстановке, на которую работает эта боевая техника.

Таким образом, новая система пограничных укреплений есть производная как от новой политико-экономической обстановки, так и боевой техники, которую по-новому будет использовать командование данной армии данного государства.

Методы и приемы преодоления железобетонного пояса генерала де-Ривьера (1914 г.) или укрепленных полос Вотана — Зигфрида — Гент — Германа — Гундинг — Брунгильда — Михеля (1917—1918 гг.) были подходящими и своевременными, т. е. соответствовали именно той политической обстановке и боевой технике и тем живым боевым силам, которые использовались в те годы.

Методы и приемы преодоления современных укрепленных районов, тянущихся вширь и в глубину по франко-бельгийской и швейцарско-германской границе, естественно, должны быть новыми, ибо никто после опыта мировой войны не пожелает пытаться со старыми средствами и методами вести операцию по оперативно-стратегическому развертыванию своих живых сил и технических средств для преодоления современных укрепленных полос, составленных из укрепленных районов и огневых точек (капониров и полукапониров), прекрасно замаскированных под местность.

Поэтому, прежде чем перейти к анализу и характеристике новых оперативно-стратегических теорий, которые к сегодняшнему дню имеются в передовых капиталистических странах в отношении проблемы стратегического развертывания в начальный период войны, попытаемся анализировать ту систему укреплений, которые тянутся по новой восточной государственной границе Бельгии и Франции, Швейцарии и Италии.

Это мы делаем еще и потому, что Франция является именно той страной, опыт которой с соответствующими поправками берут ее военно-политические союзники (Польша, Румыния, Чехо-Словакия и пр.) как в отношении строительства вооруженных сил в мирное время, так и в отношении использования этих сил во время войны.

Конечно, можно было бы пойти и по другому пути, а именно, сперва исследовать идейное содержание новых оперативно-стратегических теорий, относящихся к проблеме начального периода войны, а затем уже перейти к анализу, как в данное время эти теории пытаются претворить в жизнь на конкретных примерах.

Но этот путь, в сущности, не меняет основной цели в постановке вопроса уже всилу того, что идейное содержание новых оперативно-стратегических теорий опять же базируется именно на тенденции развития новых средств истребления и подавления и на спо-

собах их эффективного и лучшего использования в начальный период войны.

Мы видели из главы I и II, что идейное содержание оперативно-стратегического варианта Шлиффена (декабрь 1905 г.) в первую голову исходило у Шлиффена из анализа тех укреплений, которые были созданы французским генералом де-Ривьера после войны 1870 г.

Шлиффен считал, что бросить после стратегического сосредоточения и развертывания германские армии прямо на эти мощные пограничные укрепления это значит увязнуть на долгое время в борьбе за овладение этими укреплениями, с тем чтобы уже затем выйти на маневренный простор. Зачем же проделывать эту сизифову работу, когда есть возможность сразу же через бельгийскую территорию выйти на маневренное поле и тем самым обойти и выйти в тыл железобетонному поясу крепостей Бельфор — Эпиналь — Туль — Верден — Мезьер. Именно на этой основной идее, вытекавшей из анализа конкретного положения на французской государственной границе, и был построен вариант 1905 г. Шлиффена.

Для того чтобы яснее представить себе долговременную инженерную подготовку сухопутных границ современной Франции, необходимо дать несколько ориентирующих предпосылок.

Согласно статьям Версальского мирного договора Германия на своей западной границе передала Эльзас-Лотарингию Франции, а округа Рейнской провинции Эйпен, Мальмеди — Бельгии.

Кроме того, богатейшие угольные копи Саара перешли в собственность Франции, а Саарская область передана была под управление Лиги Наций (т. е. фактически также под протекторат Франции) на 15 лет; после этого срока, который истекал в 1935 г., государственная принадлежность Саарской области должна была определиться плебисцитом; как известно, в январе 1935 г. фашистская Германия выиграла по плебисциту Саарскую область.

Великое герцогство Люксембург, входившее до 1914 г. в таможенный союз с Германией, теперь передало это право целиком Бельгии [1]).

В отношении вооруженных сил численность германской армии (рейхсвера) устанавливалась в 100 000 чел. с комплектованием по вольному найму, со сроком службы 12 лет. Полиция определялась численностью в 180 000 чел. Большой генеральный штаб не имел права к существованию. Изготовление оружия и военного снаряжения допускалось лишь на заводах и фабриках, устанавливаемых союзниками. По Версальскому договору германская армия не получала права иметь: танки, военную и морскую авиацию, подводные

---

[1]) Кроме того, Германия потеряла Данцигский коридор, отошедший к Польше, затем Верхнюю Силезию, все свои колонии и обязалась признать независимость Австрии и не иметь планов по соединению Австрии с Германией и пр.

лодки; было запрещено также изготовление вредоносных боевых газов. Для каждого рода войск сохранялось лишь по одному военному училищу с минимальным количеством воспитанников. Изучение военного дела и военные упражнения в каких-либо других учебных заведениях или обществах воспрещались; воспрещались равным образом всякие мобилизационные мероприятия и посылка военных миссий заграницу. Из германских укреплений сохранялись южные и восточные и притом в их состоянии к 1919 г. Предельный состав германского военного флота устанавливался в 6 броненосцев (типа 1904 г.), 6 легких крейсеров, 12 контрминоносцев, 12 миноносцев с личным составом не более 15 000 чел.

Кроме того устанавливалась 50-км демилитаризованная зона к востоку от Рейна на всем его протяжении, в которой Германия не имела права держать войска, возводить укрепления и хранить военные материалы. Эта демилитаризированная зона в настоящее время также наводнена тысячами бойцов из германских штурмовых и различных других вооруженных отрядов.

Как мы уже знаем, до 1914 г. по Рейну тянулись основные германские крепости; по Версальскому договору все эти крепости были уничтожены.

Современная фашистская Германия отбросила прочь от себя все военные ограничения, установленные Версальским договором. Германия сейчас развила бешеную гонку вооружений и особенно в части тех, которые ей совсем запрещены.

Восточная граница демилитаризованной зоны по замыслу её создателя Фоша является для современной Франции ее военной границей, нарушение которой последняя будет рассматривать, как начало активных военных действий со стороны Германии. Устанавливая 50-км демилитаризованную зону, Фош считал, что в оперативно-стратегическом отношении р. Рейн с ее серией крепостей до 1914 г. должна быть для Германии совершенно потерянной.

Германия не должна рассчитывать в период своего стратегического развертывания на возможность опираться на эту мощную водную преграду. Напротив, Рейн теперь является опорой для Франции, а 50-км зона впереди Рейна будет служить как бы огромным стратегическим плацдармом для развертывания франко-бельгийских армий, — так полагал Фош.

Прежде чем германские войска достигнут государственной границы Бельгии и Франции, они первым долгом должны будут нарушить восточную границу этой запретной демилитаризованной зоны. И если германская армия преодолела бы эти 50 км, то от швейцарской границы до Карлсруэ, подойдя к Рейну, она вплотную бы подошла и к 1-й зоне французских укреплений, расположенных по Рейну на участке от Базеля (искл.) до Карлсруэ (искл.). Севернее меридиана Карлсруэ до нынешней новой франко-бельгийской границы германские войска должны пройти Рейнскую провинцию с глубиной от линии Рейна в среднем в 100 км. Отсюда, с тем чтобы подойти вплотную к восточным укреплениям Франции южнее

меридиана Карлсруэ, германские войска должны пройти 50 км, а севернее этого меридиана 150 км (100 км плюс 50 км демилитаризованной зоны).

Таким образом, и в случае внезапного нападения (т. е. без об'явления войны, которое теперь считается анахронизмом) сухопутные германские войска должны преодолеть такое пространство, для которого необходимо соответствующее время, с тем чтобы войти в соприкосновение с 1-й зоной франко-бельгийских укреплений. Правда, расстояние в 50 и 150 км для современной механизированной и моторизованной армии невелико, но все же даже один лишний час, который будет иметь в своем распоряжении франко-бельгийское командование, явится тем сигналом, который предупредит Францию и Бельгию о начале войны.

Именно в этом сущность идеи образования 50-км демилитаризованной полосы к востоку от Рейна на всем его протяжении, которую потребовал установить при выработке статей Версальского договора маршал Фош. Казалось бы, что франко-бельгийское командование ни под каким предлогом не должно было допустить со стороны фашистской Германии ревизии этой статьи Версальского договора, что лишило бы Францию боевого сигнала «тревоги», каковым было бы преодоление германской армией этой зоны. Но сейчас (осень 1935 г.) обстановка резко изменилась и можно твердо сказать, что «демилитаризованная зона» для Германии — фикция.

Конечно, по теории воздушной войны Гельдерса и Дуэ, о чем мы будем говорить ниже, все эти 50 и 150 км, как и сами франко-бельгийские пограничные укрепления, препятствий не представляют, так как воздушные армии Гельдерса преодолевают эти сухопутные «неприятности» птичьим полетом, но в эти теории современная капиталистическая буржуазия не особенно-то верит. Но демилитаризованная зона является фикцией потому, что она наполнена германскими вооруженными людьми [1]). Мало того, надо считать, что очень скоро эта зона превратится в мощный плацдарм для германской армии вторжения. Во всяком случае, все направлено к этому.

Фош и Вейган при создании новых приграничных укреплений, которые французами начали возводиться с 1925 г., исходили из основной формулы Наполеона I, что «без наличия крепостей нельзя составить хорошего плана кампании».

Но план войны не является чем-то установленным на долгие годы и трудно поддающимся в дальнейшем преобразованию. План войны не есть явление чрезмерно фундаментальное и стационарное,

[1]) По данным «Illustration» от 23 марта 1935 г., кроме двух полицейских дивизий, в этой зоне размещено свыше 40 кадровых и резервных национал-социалистских штурмовых бригад, хорошо вооруженных, обученных и готовых к бою по первому сигналу. Их расположение таково, что они уже сейчас стоят на важнейших направлениях оперативного порядка, являясь уже своеобразной армией прикрытия (см. схему 20).

а скорее явление, которое подвержено постоянным закономерным изменениям и дальнейшему развитию.

То же самое и военная система современных фортификационных сооружений не может быть на все время незыблемой, а должна видоизменяться и уточняться в зависимости от технических средств защиты, вытекающих из появления новых технических средств поражения и подавления.

Вся система современных фортификационных сооружений, расположенных по новой государственной границе Франции и Бельгии, исходит в основном из следующих положений:

1. Из целесообразной подготовки местности с тщательным учетом всех естественных преград для упорного сражения на границе.

2. Из требования, чтобы все фортификационные сооружения, постройки и система заграждений оперативно-стратегического порядка не боялись бы отравляющих веществ и боевых газов и были бы направлены к крепкому удержанию отечественной территории со стороны армии прикрытия.

3. Из требования, чтобы под защитой этих укрепленных районов и огневых точек, искусно сооруженных и расположенных на важнейших направлениях, создавалась безопасность мобилизации и стратегического сосредоточения в районы развертывания в приграничной полосе.

4. Далее эта система укреплений должна обеспечить бесперебойную работу промышленности (Кюльман пишет, что французская промышленность в отношении изготовления артиллерийских снарядов развертывается через 6 месяцев, а в отношении изготовления новых орудий и материальной части — через 1 год).

5. Созданные укрепленные районы, огневые точки и система заграждений и затоплений должны с помощью сети железных дорог и автомобильного транспорта обеспечить командованию свободу для активных оперативных действий в нужных по обстановке направлениях.

6. Укрепления Франции и Бельгии должны составлять единую систему оперативно-стратегического барьера, который не позволил бы противнику повторить прорыв, подобный тому, который был в августе 1914 г.

Франция обладает могущественной армией, ее государственная граница обеспечена не только 1-й зоной новых укреплений, но и 2-й зоной, оставшейся в ее распоряжении в виде сильнейшего железобетонного пояса Серре-де-Ривьера из крепостей Бельфор — Эпиналь — Туль — Верден — Мезьер с серией прилегающих к ним фортов, которые, как и сам пояс крепостей, постоянно модернизируются.

Генерал Кюльман пишет, что система современных пограничных укреплений отличается от бывшей в 1914 г., как современные боевая техника и пехота отличаются от довоенных.

Согласно плану новой инженерной обороны Франции (1925 г.), вдоль всей сухопутной границы государства построен непрерывный

барьер из укрепленных районов, районов искусственных затоплений и заграждений, а также подготовленных еще в мирное время обширных плацдармов, вступление противника на которые дает в руки французов значительное количество оперативно-тактических и огневых преимуществ.

Укрепленные районы с серией огневых точек большой и малой мощности по своей инженерной конструкции резко отличаются от довоенных крепостей; они прекрасно защищены с воздуха, мало заметны и мало уязвимы для дальнобойной тяжелой артиллерии и не требуют большого количества войск — гарнизона, как старые круговые крепости, хотя бы периода 1912—1914 гг. «Таким образом, в современном понимании идея крепости чрезвычайно расширяется и переходит на всю страну в целом, причем ядром такой единой крепости делается вся промышленная база и все ресурсы данного государства, а зоной обороны — тот комбинированный барьер, который создается инженерной подготовкой по границам».

Армия прикрытия и дислокация ее частей теснейшим образом связана со всей этой новой системой инженерной обороны; она опирается на эту систему фортификационных сооружений и обеспечивает упорную защиту приграничной полосы, к которой после общей мобилизации потекут эшелоны с войсками в районы сосредоточения и развертывания, намеченные планом войны.

План инженерной обороны сухопутных границ Франции был рассчитан на шесть лет (с 1929 по 1934 г.); общая стоимость этой новой системы фортификационных сооружений исчисляется в 5 млрд. франков. Здесь мы остановимся на западно-европейском театре военных действий, т. е. на укреплениях, созданных по границе с Бельгией, Люксембургом, Германией, Швейцарией и Италией (см. схемы 20 и 21).

В полосе новой государственной границы Франции французским командованием созданы три основных мощных укрепленных района, как бы представляющих собой 1-ю зону, которая имеет тесное боевое соприкосновение с укрепленным железобетонным поясом де-Ривьера (2-я зона).

Огромные горнолесистые массивы Вогезов, Арденн, Аргонн и рек Рейна, Мааса, Саара и др. искусно использованы для усиления новых фортификационных сооружений из бетона и стали. Эти три укрепленных района следующие:

1) укрепленный район Бельфора,

2) укрепленный район Агено — Виссембург — Битш,

3) укрепленный район Мец — Тионвиль — Лонгви — Монмеди, прикрывающий металлургическую базу Брие.

Промежутки между этими укрепленными районами заперты целой системой огневых точек, заграждений и искусственно затопляемых районов.

Так например, между 1-м и 2-м укрепленными районами вдоль эльзасского берега Рейна возведена целая серия огневых точек, перекрестный огонь которых почти исключает возможность быстро-

го форсирования р. Рейна на участке от Базеля (искл.) до нового укрепленного плацдарма Страсбурга.

Между 2-м и 3-м укрепленными районами участок в 30 км подготовлен к затоплению с помощью района Диезских прудов, а левый фланг обеспечивается р. Маас.

Левый фланг 3-го укрепленного района находится в полной огневой связи с бельгийскими укреплениями (огневыми точками), тесно расположенными вдоль границы Люксембурга и далее на Мальмеди и Эйпен. Западнее этого огневого барьера расположены новые укрепленные районы, базирующиеся на старые крепости Льеж, Намюр и Антверпен.

По северной границе Франции в данное время также ведутся усиленные фортификационные работы в районах Гирсон, Фурми. Мобеж, Валансьен, Лилль, Дюнкерк. По всей вероятности здесь также будут созданы один-два укрепленных района по типу Бельфора или Виссембурга.

Таким образом, новая система укрепленных райнов, обеспеченная с фронта и флангов, может расти в глубину по желанию командования, чего, как известно, не было в довоенных крепостях с кольцом фортов вокруг них, требовавших больших гарнизонов и изолированных от действия полевой армии.

Все французские укрепленные районы имеют широкую сеть подземных сообщений; внутри этих укреплений отдельные постройки не превосходят по площади 2 тыс. м; они располагаются в полосе глубиною в 20 км; наиболее важные сооружения отстоят друг от друга внутри укрепленного района до 5 км и связаны подземными ходами сообщений.

Французское командование создало и создает свои укрепления, исходя из основной идеи облегчить маневр «армии прикрытия» и мобилизованной полевой армии (этого правила держится и бельгийское командование).

Французы говорят, что командующий 3-й французской армией ген. Сарайль удержал в сентябре 1914 г. Верден потому, что его армия находилась в непрерывном боевом взаимодействии с крепостью Верден и его фортами. А поэтому современные французские укрепленные районы сооружаются таким образом, чтобы не только служить делу обороны, но и быть в первую голову плацдармом для наступления [1]).

---

[1]) Коротко укажем сооружения в укрепленном районе по французским данным; таковыми в укрепленном районе являются:

а) капониры, вооруженные 6 скорострельными орудиями 47 и 75-мм калибров и 4 пулеметами;

б) малые форты с 9 скорострельными пушками тех же калибров и 11 пулеметами, снабженные двумя броневыми куполами (для одного орудия и одного пулемета) и двумя броневыми наблюдательными пунктами, при общей численности гарнизона в 2 офицера и 40 солдат;

в) батареи дальнего боя из двух 155-мм или 200-мм орудий в броневых установках, возвышающихся над землей на 1,70 м и имеющих толщину купола в 260 мм;

Такова общая характеристика новых пограничных укреплений Франции, которая в настоящее время является самой передовой из всех капиталистических стран в деле современного военно-инженерного искусства и которой всемерно подражают страны, входящие в военно-политический союз с ней.

Мы наблюдаем сейчас, как в иностранной печати опять дебатируется вопрос, каким способом Германия может повести наступление на западно-европейском театре военных действий, т. е. так же как было и в период перед 1914 г., когда на страницах газет, журналов и брошюр обсуждались различные пути и возможности применения бельгийского и швейцарского вариантов наступления со стороны Германии. Кроме того, французским военным министром Мореном в марте 1935 г. была высказана мысль, что основной внезапный удар Германия поведет через Саарскую область, Люксембург или Мальмеди, но не через Бельгию.

Вариант Морена очень похож на варианты Мольтке-старшего — Шлиффена до 1903 г. (см. гл. I и II настоящей работы).

Новые укрепления, созданные на новой восточной границе Франции между Бельгией и Швейцарией, о которых в достаточной мере осведомлен современный германский генеральный штаб, крайне затрудняют атаку их прямо в лоб. Перед германским генеральным штабом опять встает шлиффеновская идея обхода этих укреплений, как насущнейшая проблема.

Едва ли Германия рискнет повторять в новой конкретной обста-

г) зенитные батареи (стационарные);

д) боевые припасы с хранением в казематах — огневые точки из капониров или полукапониров (вооруженных по 4 или 2 пулемета) с интервалом не более 1 км друг от друга; огневые точки не только заполняют промежутки между важными постройками, но и выносятся вперед;

ж) укрепленный район имеет широко развитую сеть путей сообщения, причем батареи калибра в 340 и 400 мм перемещаются электрической тягой;

з) на 20 км фронта укрепленного района приходится, примерно, до 20 более или менее значительных сооружений, эшелонированных на 20 км в глубину. Они составятся из 10 капониров со скорострельными орудиями, 5 малых фортов, 2 батарей дальнего боя, 2 зенитных стационарных батарей и 1 депо боеприпасов; количество пулеметных капониров и полукапониров на том же участке укрепленного района может достигать 400—600 штук. Прочность стационарных построек видна из следующих данных. Мелкие пулеметные постройки рассчитаны против одного попадания 420-мм снарядов. Остальные защищены почти от всех современных артиллерийских калибров. Общая численность стационарных огневых средств равна примерно, 105 легким скорострельным пушкам, 4 тяжелым и 8 зенитным орудиям. Количество пулеметов в среднем не менее 2 000 штук. Подвижные артиллерийские средства дальнего боя и ПВО в этот расчет не входят, их позиции простираются на 60 км в глубину (по данным «Информационного сборника» № 5 за 1932 г.). Сооружения бельгийских укрепленных районов очень мало чем отличаются от французских, так как бельгийское командование в деле создания новых укреплений всецело подражает своему могущественному соседу. По вопросу развития инженерного дела и строительства во Франции, кроме работ Шовине, Кюльмана, полезно ознакомиться с работой Леближуа «Долговременная фортификация» и со статьей фон Эрцена (Военный зарубежник» № 13 за 1935 г.).

новке бельгийский вариант или итти через Голландию, как это предполагал Шлиффен, ибо, если быстрый проход через Бельгию был возможен в 1914 г., то теперь, когда укреплена и продолжает укрепляться не только восточная граница Бельгии, но и французская северная граница, соприкасающаяся с Бельгией, движение через нее будет с каждым новым шагом вперед представлять невероятные трудности, не говоря уже о том, что всякое повторение такого рода операции с первого же момента нарушает идею внезапности главного удара.

Для того чтобы не итти прямо в лоб на французские и бельгийские укрепленные районы, а попытаться обойти их с фланга, современной Германии остаются только два оперативно-стратегических участка — швейцарский (проход через так называемую Юру) и тот, что предполагает французский военный министр ген. Морен.

Как читатель помнит, в стратегических разработках Шлиффена по планам развертывания швейцарский вариант также не упускается из вида. Но Шлиффен не стал его детализировать всилу исключительно трудных местных условий этого театра (гористая местность Швейцарии, трудность сообщений для действий массовых армий и пр.), а также слишком удаленного и кружного пути к столице Франции — Парижу.

Во всяком случае, при Шлиффене и Мольтке-младшем, благоприятный равнинный бельгийский театр военных действий и направление через него современных массовых армий были неизмеримо более выгодными, чем швейцарский. Но меняются времена, меняется и обстановка.

В настоящее время центр тяжести работ по созданию укрепленных районов и огневых точек сосредоточен как раз на бельгийском и французском (до швейцарской границы) театре военных действий.

Франция на своей границе с Швейцарией в данное время возводит одни лишь заграждения и мелкие укрепления по Юре. Во всяком случае, в этом направлении идут фортификационные работы второстепенного порядка.

Вследствие этого обстоятельства в современной военной литературе за-границей очень часто стал дебатироваться вопрос о швейцарской границе и возможности организации германского главного удара через Швейцарию, с тем чтобы с юга обойти восточные укрепленные районы Франции.

Но те местные трудности, которые были в швейцарском варианте при Шлиффене, остались и в настоящее время, а поэтому маловероятно, чтобы фашистская Германия самостоятельно рискнула двинуть через Швейцарию главные свои силы.

Германские войска так же могут надолго завязнуть в швейцарских горах и Юре, как и в современной укрепленной Бельгии.

Вот почему мы и видели, как Гитлер в 1933—1934 гг. стремился, во-первых, проглотить Австрию, а во-вторых, установить твердый военно-политический альянс с Италией. Германский генеральный

штаб полагает, что наступление Германии вместе с Италией через Альпы на Францию открывает целый ряд новых оперативно-стратегических перспектив. Итальянская сухопутная армия, и особенно передовой итальянский воздушный флот, как нельзя лучше разрешают целый ряд насущных вопросов.

Французские укрепления на сухопутной границе с Италией неизмеримо проще и слабее, чем в полосе между Бельгией и Швейцарией. Эти укрепления сейчас воздвигаются в укрепленном районе Ницца—Ментона, который распространяется до С.-Мартэна. Этот укрепленный район преграждает пути, ведущие по побережью и через перевал Танд. Кроме того, пути через Альпы во Францию преграждаются следующими небольшими укрепленными районами:

1) Де-Фурш — Сен-Поль (между Барселоннет и государственной границей); 2) Гилестр на р. Дюранс; 3) Аржантьер—Бриансон; 4) Модан; 5) Бур—Сен-Морис. Как известно, все эти укрепленные районы опираются на те укрепления и старые форты, которые были в вышеупомянутых районах в довоенное время (до 1914 г.).

Кроме этого, вторая линия обороны образуется опять же небольшими укреплениями у Антрево, Кольмар, Ле-Лозе, а также в районах старых крепостей Гренобль и Альбервиль.

Все эти укрепления являются второстепенными по отношению к тем, которые возведены между Бельгией и Швейцарией.

Таким образом, для германского генерального штаба при нападении на Францию остается в настоящее время разработка вариантов прорыва, главным образом, через Швейцарию, Бельгию, Голландию и Люксембург; каждое из этих направлений выводит германскую армию во фланг и обход основных французских укреплений. Мы считаем, что ген. Морен прав, когда открыто заявляет, что внимание французского общественного мнения должно быть сосредоточено на возможности внезапного главного удара германской армии по кратчайшему и наименее защищенному направлению Люксембург — Монмеди — Париж. Германский генеральный штаб имеет ряд разработанных еще Мольтке-старшим вариантов, говорящих о выгодности удара на Францию на участке севернее Вердена и Монмеди, а против России из Прибалтики (территория современной Эстонии, Латвии, Литвы) на Петроград и Москву. Во всяком случае, военные писатели современной буржуазии открыто заявляют, что германский генеральный штаб направляет все усилия к тому, чтобы превратить Рейнскую провинцию в плацдарм для наступления против Франции, а территорию Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии — в плацдарм для удара против Советского союза, не тратить огромных сил, средств, времени на атаку современных мощных долговременных укреплений, а стремиться найти такие участки для удара, которые позволили бы, заслонившись от этих укреплений, обойти их. Эти мысли Шлиффена достаточно популярны в современной германской военной печати. Германский генеральный штаб считает, что мощный воздушный флот и мотомеханизированные силы являются отличным дополнением к этим мыслям Шлиф-

фена. Современная фашистская Германия имеет около 2 миллионов вооруженных бойцов, находящихся в строю, из которых половина падает на армию и флот, а другая на различные штурмовые и военно-полицейские части. В случае войны Германия сразу развертывает до 100—108 дивизий пехоты. Она уже сейчас имеет 4 000 боевых самолетов, 5 кавдивизий, 1 мотодивизию плюс 4 механизированных бригады, 12 танковых батальонов. Из этих сил в «армию вторжения» германский генеральный штаб может уже в 1935 г. выделить не менее 1 500—2 000 самолетов, 1 мотодивизию плюс 4 механизированных бригады, 5 кавдивизий и не менее 15—20 пех. дивизий. Огромное развитие автомобильного транспорта и усиленная постройка автострад с соответствующим оборудованием дает Германии возможность уже в 1935—1936 гг. бросить «армию вторжения» по направлению, о котором говорит французский военный министр Морен.

Во всяком случае, в строительстве вооруженных сил Гитлер не только догнал, но и обгоняет Францию, а численность германской армии уже сейчас превосходит французскую армию почти вдвое.

ГЛАВА XXI

РАЗВИТИЕ БОЕВЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПЕРИОД 1919—1935 гг. И НОВЫЕ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Как мы говорили выше, мощные укрепления нового типа в полосе государственных границ Бельгии, Франции, Италии появились и продолжают появляться и совершенствоваться всилу нового соотношения политико-экономических и классовых сил в империалистическом лагере, а также вследствие резкого скачка современных боевых технических средств в количественном и качественном отношении.

Ниже мы обрисуем, что нового произошло в области боевой техники за период 1919—1935 гг. и какие новые мысли и мероприятия в области оперативно-стратегической она вызывает у ряда иностранных военных писателей.

По сравнению с последним годом мировой империалистической войны а в и а ц и я сделала к сегодняшнему дню гигантские успехи в своих качественных и количественных показателях. Это обстоятельство заставило все современные крупнокапиталистические государства в системе своих вооруженных сил уделить современной авиации почетное место.

Техническое усовершенствование самолета охватило все стороны его конструкции. Научно-технические и производственные возможности современной военной и гражданской промышленности подняли на огромную высоту не только летно-тактические, но и эксплоатационно-технические свойства самолетов. Мощность современных авиамоторов при их высоком качестве ныне достигла 1 500—2 600 л. с., увеличившись по сравнению с 1918—1919 гг. в 5—6 раз.

Резко изменились и боевые свойства самолетов, которые под влиянием успехов в области черной и цветной металлургической промышленности стали строиться, главным образом, не из дерева, как в период до мировой войны и во время ее, а из металла (высокие сорта стали и алюминиевых сплавов).

Совершенно ясно, что металлические самолеты из стали и дю-

раля [1]) имеют огромные преимущества во всех отношениях (боевых, эксплоатационных, производственных и пр.) перед самолетами из дерева.

Следующие показатели говорят, каких успехов по сравнению с 1918 г. достигли современные самолеты: 1) горизонтальная скорость истребителей 350—400 км/час., разведчиков — до 300 и более км/час.; тяжелых бомбардировщиков в 300 км/час.; 2) скороподъемность на 5 000 м у истребителей достигла 8 мин.; у разведчиков — до 15 мин., у бомбардировщиков — 30 мин.; 3) боевая нагрузка легких бомбардировщиков достигает 800 кг, тяжелых — 3 000 кг, сверхтяжелых — 7 000 кг; 4) продолжительность полета разведчиков увеличилась до 5—8 час., бомбардировщиков — до 8—12 час. Как видим, по сравнению с 1918 — 1920 гг. буквально по всем показателям рост огромный, причем этот рост продолжает увеличиваться буквально с каждым месяцем. Современная авиационная мысль интенсивно работает над основными проблемами высоты и скорости. 11 000—12 000 м — вот та высота, которой достигают современные боевые самолеты. Экспериментальные полеты на самолете знаменитого американца Вилли Поста дали высоту 14 500 м, тем самым показав, что проблема овладения самолетом возможностью свободного полета в стратосфере стоит на очереди в своем разрешении.

Резко изменилось и вооружение современных самолетов, открывая новые возможности и новые перспективы для ведения воздушного боя и воздушных операций. И не случайно, а вполне закономерно во всех главнейших европейских государствах созданы воздушные генеральные штабы (Англия, Италия, Франция, Германия), а также создаются самостоятельные воздушные армии.

Например, взятые на выдержку данные о нескольких системах современных самолетов (которые промышленностью могут выбрасываться при серийном производстве тысячами единиц), состоящих на вооружении иностранных армий, со всей наглядностью говорят о гигантской мощи современного воздушного флота, боевая сила которого продолжает расти.

Рассматривая нижеприводимую таблицу, надо иметь ввиду, что основные капиталистические державы Европы (Англия, Франция, Италия и Япония) сделали ряд новых всевозможных усовершенствований по сравнению с теми самолетами, которые вошли на вооружение их армий в 1930—31 гг. Совершенно ясно, что за последние 3—4 года целый ряд систем самолетов, далеко превосходящих по силе и мощи нижеуказанные, держится в секрете и капиталистическая промышленность готова их производить в нужном количестве, когда это потребуют обстоятельства (см. таблицу 40).

---

[1]) Дюраль и дюралюминий (твердый алюминий) есть сплав алюминия с медью и небольшими количествами марганца, магния, кремния, железа; после закалки получает большую крепость и твердость, легко поддается переработке и имеет разнообразное применение в технике.

Появились и появляются самолеты-гиганты вместимостью в несколько десятков человек. Сейчас они включаются в основном в гражданскую авиацию, но каждое государство строит и совершенствует их таким образом, чтобы в нужный момент без особых затруднений превратить гражданскую авиацию в боевую [1]) для военно-оперативных и стратегических целей (т. е. гигантский воздушный транспорт, а также и бомбардировщики).

Английский 42-местный самолет Хендлей-Пейдж 42 с 4 моторами по 450 л. с., американский 32-местный самолет Фоккер Ф-32 с 4 моторами Хорнет по 525 л. с., германский 120-местный гидросамолет ДО-Х с 12 моторами Кертис Конкверор по 650 л. с. — все это далеко не последнее слово в современной авиационной технике.

Появляются и будут появляться еще более мощные и совершенные системы самолетов, так как авиапромышленные, технические и конструктивные возможности, можно сказать, сделали лишь первые шаги [2]).

Из предыдущих глав мы видели, как ошибся такой большой военный деятель как Шлиффен, говоря в своей статье «О будущей войне» в 1909 г., что «беспрерывное стремление опередить друг друга дало, в конце концов, обеим сторонам (Германия и Франция) оружие, едва ли доступное дальнейшему усовершенствованию».

Уже в свете опыта Мировой войны 1914—1918 гг. мы наглядно видели, насколько глубоко ошибся Шлиффен, а послевоенное развитие боевой техники еще более наглядно показало ошибочность этого утверждения.

---

[1]) Удачный опыт использования гражданской авиации во время боевых операций японской армии в Жехэ (1933 г.), когда 10 самолетов, управляемые гражданскими летчиками, об'единенные в отряд под командованием офицера, за 100 летных часов перевезли свыше 100 тонн снаряжения, 400 офицеров и 350 раненых, является весьма показательным.

[2]) Например, испанский инженер Ла-Сиерва, сконструировав самолет-автожир в 1918 г., лишь смутно представлял себе, что этот бескрылый самолет с 12-метровым ротаром-винтом сверху, поднимающийся и опускающийся почти по вертикали, не требующий особых площадок для пробега, в будущем сумеет быть использован в качестве корабельного самолета для связи. В данное же время военная печать отмечает, что автожир может быть экономно и эффективно использован в качестве корректировщика артиллерийского огня и может вполне заменить современные аэростаты, которые требуют большого количества людей для своего обслуживания (170 солдат и 7 офицеров), в то время как автожиру достаточно всего лишь 15 чел. Мало того, привязной аэростат виден со стороны противника за 30 км, а автожир в ясную погоду виден всего лишь на 8 км и может быть использован и во время сильного ветра, в то время как аэростат не может. На этом маленьком и незначительном примере мы хотим подчеркнуть еще раз, что авиаконструкторская мысль находится еще в начальном периоде своего развития и в дальнейшем даст безусловно огромные достижения и возможности.

Например, совсем недавно промелькнула в печати мысль о возможности замены колес самолета гусеницей, дающей большие преимущества при посадке на неудобной и пересеченной местности, где обычному самолету на колесах гарантирована катастрофа.

Самолет	Мотор	Полетн. вес в кг	Полезн. нагрузка	Горизонт. скорость в км/ч. у земли	на 3 000 м	на 5 000 м
Одноместный истребитель						
Фиат CR 30	Фиат 830 л. с.	1 750	620	320	335	340
Двухместный истребитель						
Хаукерт Харт . . .	Рольс-Ройс 540 л. с. . . .	1 830	710	315	310	315
Воздушный крейсер						
Бреге 41	2 Испано-Сюиза 12. N. B. 1 300 л. с.	3 974	924	—	260	250
Легкий разведчик						
Бреге 330	1 Испано-Сюиза 12. N. B. 650 л. с.	1 881	730	250	240	230
Легкий бомбардировщик						
Фиат BR-3	Фиат 1 000 л. с.	4 550	1 700	250	240	230
Средний бомбардировщик						
Лиоре-Сливье 25 B-4	2 Испано-Сюиза 550 л. с. .	6 500	3 000	200	—	—
Тяжелый бомбардировщик						
Капрони 90-PB . . .	6 Изота-Фраскини 6 000 л. с.	30 000	15 000	200	—	—

Примечание: К 1935 году заграницей увеличилось число и калибр пулеметов современных одноместных самолетов. Одноместные истребители уже имеют 4 пулемета, каждый пулемет со скорострельностью до 1200 выстрелов в минуту. Пулеметы устанавливаются в крыльях. Скорость полета — 400 км/час, в пикировке до 600 км/час (например Кертисс 12—С1 США). Появляются истребители с пушками: Луар—46 (Франция) имеет 2 пушки: Морэн—227—С1 — одну пушку плюс два пулемета (пушки системы Эрликон 22 мм., Виккерс-Армстронг — 37 мм и др.). На бомбардировщиках устанавливаются 75-мм пушки (Борделез АВ—21, Франция); истребители в ближайшие год-два должны увеличить скорость до 550 км/час. В статье «Современная авиация на западе» («Красная звезда» 24 июля 1935 года) тов. Хрипин, рассматривая авиацию, виденную им в Англии и Франции, подчеркивает большой качественный рост индивидуальных и групповых полетов крупных авиасоединений. Из гражданских монопланов — «Комета» фирмы Де-Хавеленд с двумя моторами по 230 лош. сил сохранил легкую конструкцию, дав горизонтальную скорость

Время под'ема в мин. на 3 000 м	Время под'ема в мин. на 5 000 м	Рабоч. потолок в м	Число пулем. / Вес бомб в кг	Запас горючего в часах	Экипаж, чел.	Материал постр.	Год выпуска	Страна
—	10	9 000	2	3,5	1	дюраль	1932	Италия
7,5	15	7 000	3	3,5	2	сталь	1931	Англия
—	—	8 000	5	—	3	„	1931	Франция
—	17	8 000	3	4	2	„	1930	Франция
11	20	6 000	3 / 500	3	2	„	1931	Италия
16,5	—	9 000	5 / 1 000	5	4	дюраль	1930	Франция
—	50 мин. на 4 000 м	4 000	10 пулем. плюс 1 пушка / 6 000	7	11	сталь	1929	Италия

400 км/час и дальность беспосадочного полета свыше 4 000 км. Самолеты фирмы «Персиваль» с 1 мотором Джипси развивают скорость до 350 км/час, имея дальность в 1 000 км. Что касается продолжающегося соревнования между истребительной и бомбардировочной авиацией, то выделяются удачные изобретения конструктора Ферри. Его новый истребитель со скоростью 400 км/час имеет мелкокалиберную пушку плюс четыре пулемета при очень большой прочности всей конструкции. Очень интересны данные об установке подвижных огневых точек за хвостовым оперением, т. е. в конце фюзеляжа для свободного обстрела задней полусферы. Но поскольку скорость современных бомбардировщиков достигает 300—350 км/час, то скорость истребителей в 400 км/час уже недостаточна. Поэтому мы и видим, что сейчас конструкторская мысль направлена к достижению скорости истребителей порядка 500—600 км/час.

Тов. Хрипин правильно констатирует, что «ближайшие 1½—2 года, видимо, явятся тем периодом, когда авиация Западной Европы полностью модернизирует свое вооружение и резко поднимет свои наступательные свойства»

Ниже мы скажем, как в 1929 г., рассматривая перспективы и тенденции в развитии боевой техники, Фош оказался более осторожным в своих прогнозах на будущее.

Если уже в последний год мировой империалистической войны у обеих воюющих коалиций было около 10 000 боевых самолетов, а в отдельных больших сражениях участвовало одновременно над полем боя по нескольку сот (200—300 самолетов с каждой стороны) боевых машин, то в данное время эти единичные случаи превращаются в повседневность на крупных современных маневрах воздушных флотов главнейших европейских держав.

Самостоятельное ведение воздушных операций сейчас стало делом вполне реальным. Неверно предполагать, что можно лишь посредством операций о д н о г о воздушного флота выиграть войну и заставить современное крупное европейское государство подписать мир с этим воздушным победителем. Но что в полном и целесообразном взаимодействии с современными сухопутными родами войск и морским флотом авиация будет в предстоящей войне иметь одну из решающих ролей это совершенно ясно каждому. Германский фашизм, который под руководством ген. Геринга сейчас уже построил гигантский воздушный флот, устами Банзе заявил всему миру, что «самые жестокие, самые варварские способы ведения войны являются вообще самыми действительными», причем когда он так говорит, то он главным образом имеет ввиду новое развитие авиации, химии и бактериологии.

Так называемая «гражданская» авиация целиком и полностью будет с началом войны использована для ее нужд, а все эти многоместные пассажирские самолеты будут превращены в грозные самолеты-гиганты для переброски авиадесантов и воздушной транспортировки войск и боевых грузов, а также использованы как бомбардировщики [1]).

Кроме того, для быстрой переброски из одного конца страны в другой целых авиасоединений появился новый, невиданный в период Мировой войны 1914—1918 гг., фактор в виде целой серии авиалиний гражданской авиации с прекрасно оборудованной аэродромной сетью.

Эти воздушные пути будут иметь огромное значение в будущей войне, давая возможность в нужном оперативном направлении перебросить нужное количество авиасоединений.

Эти пути стали играть ту же роль, что железнодорожный и автомобильный транспорт для сухопутных войск [2]).

---

[1]) В Германии министр авиации ген. Геринг уже взял под свое руководство всю гражданскую авиацию.

[2]) Дальние перелеты военно-воздушных сил в составе крупных авиаотрядов в настоящее время стали повседневными; французы в 1933 г. пересекли весь африканский континент, 10—11 января 1934 г. шесть американских гидросамолетов совершили беспересадочный перелет через Тихий океан (4 200 км); тренировка японской военной авиации в дальних перелетах целым бомбардировочным авиаполком в октябре 1933 г. также закончилась успешно;

Современные империалистические армии Англии, Германии, Италии, Франции, США имеют каждая, примерно, от 3 до 5 тысяч боевых самолетов; это количество в первый же месяц войны будет увеличено в несколько раз.

Особенно показательны и убедительны цифры, говорящие о соотношении родов авиации. Во всех перечисленных государствах мы видели огромный рост бомбардировочной авиации. Является вопрос, закономерно ли это явление? Раз появились самолеты-гиганты с грузоподъемностью в 10—15—25 и более тонн, которые могут вполне переносить боевой груз в виде авиабомб весом в 5—8—13 тонн на огромные расстояния в 1 000—1 500 км, то естественно встает вопрос о возможности использования этих гигантов, как оперативно-стратегического оружия для воздействия на глубокий тыл противника.

Мало того, эти самолеты понесут не только разрушительные авиабомбы, но и отравление (химические бомбы), бурное пламя (зажигательные электронные бомбы), стойкие ОВ кожно-нарывного действия в специальных выливных (разбрызгивающих) авиаприборах.

Уже сейчас целый ряд самолетов приспособлен к распылению и обрызгиванию стойкими отравляющими веществами.

И мы сейчас видим, что бомбардировщики, находящиеся на вооружении в современных империалистических армиях в процентном отношении забили и разведчиков и истребителей, достигнув 55—60% по отношению к последним.

Но говоря так, не следует упускать очень важный момент, а именно борьбу-соревнование между современными бомбардировщиками и истребителями.

Современный многоместный, мощный в огневом отношении истребитель является грозным противником современного мощного бомбардировщика.

Как мы видим, и здесь действие родило противодействие и поэтому правильное, разумное, отнюдь не один за счет другого, оперативно-стратегическое использование этих двух ведущих типов боевых самолетов является насущнейшей и кардинальной проблемой в современном военном искусстве.

В будущей войне массовые налеты бомбардировщиков на жизненные центры страны, на железнодорожные станции и узлы, на скопления войск и пр. будут явлением таким же совершенно ординарным, как и борьба с этими налетами посредством истребитель-

---

перелет из Японии в Корею на расстояние в 1 200 км был совершен без посадок в 7—8 час.

Каждому ясно, какое оперативно-стратегическое значение имеют все эти беспосадочные дальние перелеты целыми авиасоединениями. Эти перелеты не только тренируют воздушные войска и проверяют техническую мощь современных самолетов, но и намечают авиапути и об'екты для будущего на случай войны.

ной авиации и новой мощной системы ПВО [1]) (противовоздушной обороны) и ПХО (противохимической обороны). Сейчас встает во весь рост вопрос о ночных групповых налетах на об'екты, значительно удаленные от места вылета.

Боевая авиация (бомбардировщики, штурмовики, разведчики, истребители) сделала огромный скачок вперед по сравнению с мировой войной не только в отношении своих качественных технических показателей, но также и в отношении ее большого и ощутительного внедрения во все основные рода войск (мотомехвойска, артиллерия, кавалерия, пехота и т. д.).

Вопрос о самом деятельном и целесообразном взаимодействии авиации с другими родами войск стал кардинальным и насущным вопросом, без которого немыслимо решение современного сложного боя, операций.

Немыслимо уже по одному тому, что современная авиация дала и сухопутным силам и морскому флоту решающий фактор в виде могущества огня и гибкости маневра.

В нашу задачу не входит рассматривать здесь те теории военных представителей буржуазии, которые решают выиграть войну в целом посредством только воздушного флота, посредством так называемой «пространственной армии», т. е. воздушной армии по терминологии ген. Дуэ. Все эти теории, родоначальником которых явился итальянский ген. Дуэ, не имеют на данном этапе развития военного искусства реального обоснования и не могут быть осуществлены, сколько бы ни старались написать очень интересных и занимательных книг после Дуэ его последователи в разных странах — Фор (Франция), Митчель, Фечет (США), Гельдерс (Германия), Нагоака (Япония), Кенворти (Англия) и др.

Но отвергая их теорию в целом, нельзя игнорировать и не изучать самым тщательным образом отдельные элементы этой теории уже всилу того, что большинство перечисленных авторов является не только проповедниками чистой воздушной войны, но и выдающимися специалистами своего дела.

Если бы жил сейчас ген. Дуэ, то, бегло посмотрев на грандиозные оборонительные укрепленные районы, тянущиеся в полосе государственной границы Бельгии и особенно Франции, он еще более уверовал бы в свою теорию.

Учитывая реальную политическую неблагонадежность для бур-

---

[1]) В области зенитной артиллерии огромный научный и практический интерес представляет собой новое изобретение, механизирующее стрельбу целого артиллерийского дивизиона (37-мм). Этот прибор управления огнем зенитной артиллерии сокращенно называется ПУАЗО.

Полная автоматизация наводки зенитных орудий исключает ошибки со стороны отдельных наводчиков. Точность попаданий при этой механизированной стрельбе достигает до 30—40%. 4-рупорные звукоулавливатели, соединенные с зенитным прожектором с помощью электропередачи и поста управления, дают возможность вести продуктивную стрельбу и ночью. Звукоулавливатели записывают звук самолета, его дистанцию и тип. Кроме того, сконструированы ночные зрительные трубы, дающие возможность наблюдения на 7 км.

жуазии многомиллионных трудящихся масс, из которых в основном составляются и образуются сухопутные вооруженные силы, он еще громче бы заявил:

«Ведь я вам говорил, что дело буржуазии и фашизма может спасти лишь армия специалистов-профессионалов, хорошо классово подобранная и посаженная в 1 500—2 000 самолетов-гигантов, которая свободно «перепрыгнет» через все эти укрепления и обрушит на глубокие тылы (экономические и политические центры) противника свою гигантскую силу разрушения, чтобы решить в одно генеральное воздушное сражение, продолжающееся не более 48 часов, всю войну».

Его противники немедленно бы ответили:

«Дуэ забыл, что такие государства, как Франция, а также современная фашистская Германия, имеют также многотысячный воздушный флот. Забыл он и прекрасную организацию ПВО и ПХО, так что господства в воздухе не так-то легко добиться, как об этом пишется. А потому еще неизвестно, какой из воздушных флотов выиграет генеральное сражение в воздухе».

Этот теоретический спор продолжался бы без конца [1]), а официальные генеральные штабы продолжали бы, как это делается сейчас, совершенствовать свои сухопутные вооруженные силы в полном взаимодействии с боевой авиацией и морским флотом и работать над проблемой наиболее целесообразного и искусного использования всех современных родов войск, над проблемой создания многомиллионной армии [2]).

---

[1]) Вполне возможно, что Дуэ использовал бы в своей теории новый фактор в виде стратосферных полетов, однако и в этом случае его противники сказали бы, что к моменту осуществления этих полетов безусловно будет найдено реальное противодействие им, иными словами, будет иметь место та же активная борьба в стратосфере, как сейчас в тропосфере.

[2]) В своей интересной статье «Реконструкция буржуазных армий» в сборнике «Подготовка второго тура империалистических войн» тов. Никонов пишет, что новые военно-технические средства борьбы не устраняют массовости современных армий. Тов. Никонов справедливо замечает, что «чем сильнее средство борьбы, тем оно сложнее, тем больше оно требует людей для своего изготовления и обслуживания. Некоторые расчеты дают, примерно, следующую картину: на каждую винтовку приходится в среднем в тылу и на фронте 1½ человека; например, на 2 млн. винтовок (а такое количество имеют многие государства) потребуется в тылу и на фронте 3 млн. людей. На каждый пулемет на фронте нужно иметь 12 чел., а в тылу 6 чел., легкое артиллерийское орудие требует на фронте 70, а в тылу 80 чел., танк требует на фронте 25, а в тылу 76 чел., самолет требует 75 чел. на фронте, а в тылу 125 чел., т. е. воздушная армия в 10 000 самолетов (в духе Дуэ, Гельдерса и др.) потребует, по крайней мере, 1,5 млн. человек. Таким образом нет ничего удивительного, что буржуазия в военном деле запутывается в противоречиях. Желая при помощи танков и самолетов уйти от массовой армии, она неизбежно вовлекает в дело войны еще более многочисленные людские массы. Конечно, чисто танковая армия требует непосредственно в войсках меньше людей, чем пехота при одном и том же боевом эффекте, но в целом танковой армии необходимо большое количество людей. Недаром количество рабочих, которые подлежат мобилизации на случай новой войны, очень велико: в Америке до 4 млн., во Франции — 3,5, в Англии — 3 млн., в Японии — 2 млн., в Польше, Румынии и Прибалтике, вместе взятых, — 1 млн.

Грандиозные успехи авиационной техники и огромные возможности современной авиапромышленности, при которых она может дать в очень короткие сроки сотни и тысячи самолетов, совершенно естественно создают в головах буржуазных военных и невоенных писателей целые теории по более эффективному использованию воздушных сил в начальный период войны.

Теперь уже совсем не встретишь в зарубежной печати автора, который бы в своих трудах о предстоящей войне останавливался на вопросе предварительного разрыва дипломатических отношений, отозвания послов, официальных нот с об'явлением войны, умышленного вызова пограничных инцидентов для оправдания войны и ее официального об'явления.

Все это теперь всеми считается безнадежным анахронизмом и уже едва ли где-либо может еще раз, после опыта июля 1914 г., повториться.

Взоры и мысли военных теоретиков обращены в сторону японской тактики и в этом отношении ее метод внезапного нападения на противника без официального об'явления войны считается единственно правильным и реальным.

«Кто хочет быть победителем, не должен терять ни одной лишней минуты» — таков основной лозунг современной империалистической буржуазии и ее теоретиков.

Этот лозунг дополняется проблемой внезапности перехода к активным действиям, обязательно выбрав такой момент, когда меньше всего полагают, что война может стать реальным фактом.

Мы не будем здесь разбирать теории лейбориста Кенворти, основная мысль которой сводится к следующему положению: «чтобы ликвидировать воздушную опасность, имеется одно лишь средство— это производить воздушные контратаки на противника. Мы должны разрушить его мобилизационные центры и аэродромы воздушных сил, разбить его воздушные силы в воздухе, а затем разбомбардировать его заводы, фабрики и т. п. Имея господство в воздухе, мы можем диктовать условия мира, например, Франции через месяц войны» (см. его книгу «Новые войны — новое оружие»).

Как видим, англичанин Кенворти[1]) продолжил победоносную 48-часовую войну ген. Дуэ (см. его книгу «Война 19... года») до месяца.

Мы не будем рассматривать теорию француза Пьера Фора (так называемая теория «непосредственного воздействия»), который проповедует создание мощной воздушной бомбардировочной армии из 400—500 самолетов по 75—100 тонн каждый для внезапной выброски ее на глубокие тылы противника, с тем чтобы зажечь и разгромить весь тыл своего врага, совершенно не принимая в расчет мирное население, а напротив стараясь его побольше истребить, чтобы вызвать больше паники и достигнуть скорейшей победы.

---

[1]) Кенворти — лейборист, член английского парламента.

Всё это сторонники идеи достигнуть окончания победоносной войны в весьма краткие сроки и посредством одной лишь воздушной армии.

Мы здесь остановимся на теории французского генерала Нисселя (известного нам по эпохе интервенции и гражданской войны 1918—1920 гг.), оперативно-стратегические соображения которого по использованию воздушного флота имеют ряд сторонников во французском генеральном штабе.

Эта теория использования воздушных сил интересна еще потому, что она исходит из новой проблемы так называемой «армии вторжения», «армии прикрытия» и увязана с теми пограничными укрепленными районами и огневыми точками, которые возведены французским и бельгийским командованием в послевоенный период.

Теория Нисселя имеет очень много точек соприкосновения с теорией «армии вторжения», разработанной Кюльманом и Шаллеа.

Ген. Ниссель считает, что наиболее целесообразным использование воздушного флота по тылам противника будет тогда, когда «армия вторжения», действующая на земле, перешла к активным действиям.

Он не сторонник стремления посредством воздушного флота нарушить проходящую мобилизацию и стратегическое сосредоточение в стане противника, так как считает, что брошенная для этой цели авиация может себя сразу же сильно ослабить, «не изменив резко общий вид земных сражений».

Иными словами, ген. Ниссель боится израсходовать до развития решительных операций на земле боевые силы авиации и считает полезным их сохранить «в решительный час сражения».

Военные писатели типа Пьера Фора считают такую теорию использования авиации «вегетарианской», они издеваются над положением ген. Нисселя, который благодаря своему паникерству даст возможность противнику, как в августе 1914 г., беспрепятственно произвести сосредоточение и развертывание своих сил. На это ген. Ниссель имеет следующий тезис:

«Когда началось земное сражение, тогда в особенности важно разрушить средства транспорта и снабжения противника или, во всяком случае, сильно затруднить их работу. Авиация может достичь этих результатов, для чего не нужно ни рвать фронта, ни обходить флангов. Результаты этих воздушных действий иногда могут сломать моральное сопротивление командования и правительства противника».

Этот тезис вызывает резкое нападение на ген. Нисселя со стороны воздушных экстремистов и механизаторов; они готовы утверждать, что автор этого тезиса проспал новые технические достижения в области современной авиации и мотомеханизации и остается на позициях конца мировой войны.

И когда в ответ на эти нападения ген. Ниссель, научно-исследовательские работы которого целиком направлены против теории

ген. Дуэ, пытается утверждать что если «воздушные десанты войск, успешно высаженные в жизненных районах противника, прочно захватят эти районы, то этот факт может полностью изменить облик будущей войны», дуэзисты и фористы считают, что ген. Ниссель делает лишь маленький робкий шаг по сравнению с опытом 1918 г., в то время как военное дело в целом уже двинулось далеко вперед.

По теории ген. Нисселя воздушная бомбардировка расчленяется на ряд об'ектов:

Военные: войска на стоянке, на походе, в бою; штабы, снабжение и склады материальной части; грунтовые и железные дороги в армейской зоне.

Морские: корабли, порты, морские базы, арсеналы.

Воздушные: аэродромы и гидроаэродромы, авиазаводы.

Гражданские: железные дороги и другие пути с их искусственными сооружениями в тылу противника; военные заводы, склады, средства снабжения всякого рода, население, политические центры. В гражданской войне авиация, кроме бомб, может широко использовать сбрасывание литературы соответствующего характера, ведя тем самым пропаганду с воздуха [1]).

Ген. Ниссель считает, что с каждым новым месяцем войны воздушные силы, благодаря мощно развитой авиапромышленности, будут сильно возрастать, тем самым давая все новые и новые перспективы для их мощного использования. Он считает, что воздушный флот в этом отношении стоит в неизмеримо более выгодных условиях, чем морской флот и сухопутная армия.

В основном эту теорию ген. Нисселя разделяют известные французские генералы Серриньи и Дебеней, причем первый требует от французского правительства создать во Франции такой воздушный флот, который бы был по численности равен двум наиболее могущественным воздушным флотам, могущим атаковать Францию.

Надо полагать, что в начальный период будущей войны будет взят ряд мыслей как из теорий дуэзистов и фористов, так и у ген. Нисселя.

Организованные в ряде буржуазных государств новые воздушные армии по своему смыслу и внутреннему содержанию являются одним из решающих элементов «армии вторжения», которая должна будет вторгнуться внезапно на территорию противника, обеспечивая свои действия на земле воздушной армией с воздуха.

Прежде чем перейти к рассмотрению современной проблемы «армии прикрытия» и «армии вторжения», которые на данном этапе развития военного искусства являются в плане стратегического развертывания современных армий очень важными звеньями, коротко остановимся на тех успехах в области танкового и химического оружия, которые имеются по сравнению с последним годом мировой империалистической войны.

---

[1]) Татарченко. Воздушная война, стр. 18.

По сравнению с 1918 г. танковое оружие сделало огромный качественный и количественный скачок вперед.

Танковое оружие периода мировой войны в данное время является уже достоянием музея, ибо в отношении а) увеличения скорости движения, б) расширения радиуса действий и большей проходимости, в) поля обзора, г) мощности мотора и брони и д) вооружения — к 1935 г. имеются совершенно новые и более высокие показатели.

Кроме того, появился ряд новых систем и типов танкового оружия, которые мы не наблюдали в период 1916—1918 гг. и которые явились достижением новейшей конструкторской изобретательности. Это новое танковое оружие, естественно, вызвало целый ряд новых способов и приемов для его использования и в бою и в операции.

Если бы мы задали себе вопрос, куда направлена основная мысль командования империалистических армий в отношении использования танкового оружия по-новому, какие заказы оно ставит техникам-изобретателям и инженерам-конструкторам, то ответ будет таков: танковое оружие должно быть не только орудием позиционной войны, орудием прорыва, но и главным образом орудием для его широкого использования в условиях подвижной маневренной войны.

Мало того, по мысли Фуллера, Лиддель-Гарта и их последователей, массовое применение технически совершенного танкового оружия должно быть так организовано, чтобы не допустить повторения позиционной войны с фронтом от моря до моря и от нейтральных до нейтральных границ, как это было в эпоху мировой империалистической войны.

По сравнению с танками периода мировой войны, о которых мы говорили выше, новые типы танков имеют следующие показатели (см. таблицу 41, стр. 564).

Из этой сравнительной таблицы совершенно ясно видно, как далеко в своих качественных показателях ушли различные типы современных танков по сравнению с 1918 г.

Но и за последние 3 года (1932—1935) танковое оружие сделало целый ряд новых достижений в отношении скорости хода, всюдупроходимости, радиуса действий, в стремлении иметь и прочную броню, и в то же время быть в огневом отношении сильным, не теряя при этом скорости.

Целый ряд опытных типов танков находится в периоде дальнейших полигонных испытаний. Например, Кристи сконструировал в 1932 г. модель танка, лишенного брони (танк изготовлен из дюраля), вес его всего лишь 5,5 т, мотор Кертис в 650 л. с. Этот танк может развить скорость на колесах до 160 км в час и до 95 км на гусеницах. Основной смысл этого конструкторского изобретательства заключается в том, чтобы посредством огромной быстроты хода танка минимально снизить у противника попадание в этот танк.

Имея ввиду, что будущие поля сражений будут насыщены не

Таблица 41

Типы танков	Вес (т)	Мотор (л. с.)	Броня (мм)	Скорость (км/час максим.)	Радиус действия (км)	Вооружение	
						Пулеметы	Орудия
Малые (к 1931 г.) „Карден-Лойд VI" (английский)	1,3	23	6—8	45	160	1	или 1—47-мм
„Форд" (американский 1918 г.)	2,8	44	12,7	12,7	70	1	или 1—57-мм
Легкие (к 1931 г.) 6-тонный английский	6,6	81	13	35	320	1	или 1—47-мм
„Рено" 29 тип А французский	9,0		30	40 на колес. 16 на гусен.		2	или 1—70-мм
„Рено" французский 1918 г.	6,7	39	16	7,8	60	1	или 1—37-мм
Средние (к 1931 г.) 16-тонн. МС английский	16	180	20	35—40	220	5	или 1—47-мм
„Кристи" М-40 американский	10—15	338	10	67 на колес. 48 на гусен.		2 или 1—12,5 мм	1—37-мм 1—47-мм 1—37-мм
„Уйпет" английский (1918 г.)	14	90	12—14	14	125	2	—
Тяжелые „Виккерс" англ. (1927 г.)	32	380	25	32	—	4	1
„2-С" французск. (к 1931 г.)	74	—	55	20	120	4	1—155-мм 1—75-мм
„Марка V" англ. (1918 г.)	28,5—35	150	12	7—8	70	5	1—57-мм

только сотнями танков, как в мировую войну, но тысячами, естественно, сейчас идет сильнейшая борьба за достижение такого танкового оружия, которое бы росло в своей огневой мощи и меткости, всюдупроходимости и лучшей управляемости. Эти достижения в основном направлены в сторону того, чтобы посредством их лучше и совершеннее бороться с различного рода современными заграждениями, минными полями, успешнее бороться против всевозможных средств ПТО (противотанковая оборона) [1]) и прочнее добиться успеха в бою и операции.

Танковое оружие, достигнув больших показателей по сравнению с 1918 г., все же к сегодняшнему дню находится еще на первых ступенях своего дальнейшего развития.

Как воздушный флот, так и танковое оружие в ближайшие годы дадут целый ряд новых и новых более совершенных показателей и особенно в отношении проблемы управления танковым оружием как в небольших подразделениях, так и значительных соединениях [2]).

Современное состояние танкового оружия открыло дорогу для создания крупных самостоятельных мотомеханизированных соединений, в состав которых входят самые различные типы танков [3]).

Малые (танкетки), вес до 1,5 т со скоростью до 45 км/ч. с радиусом действий 160 км. Назначение этого быстроподвижного оружия (пулемет или мелкокалиберная пушка), а также современных плавающих танков системы Карден-Ллойда, главным образом, разведка и охранение.

Для сопровождения пехоты, для действия со средними танками, для преследования противника в настоящее время применяются легкие танки весом до 8 т, со скоростью движения до 40 км/ч. с радусом действия до 300 км. Для прорыва укрепленной полосы с целью выхода во фланг противника и для действия по его тылам приспособлены средние танки весом 15—16 т, со скоростью до 35—40 км в час. Достаточно мощное вооружение и 20-мм броня этого типа танка, радиус действия которого простирается до 200 км, открывают ему широкие перспективы для оперативно-тактической деятельности. И, наконец, для борьбы с достаточно сильно подготовленной укрепленной полосой противника бу-

---

[1]) Особенно опасным для танка остается автоматическое противотанковое орудие в виде крупнокалиберных пулеметов и подвижных автоматических мелкокалиберных ПТ-орудий. Изобретение германским инженером Герлихом 7-мм пули Хальгер-Ультра весом в 6,5 г, пробивающей из винтовки высокосортную сталь в 12,7 мм на расстоянии 55 м, в будущих боях после дальнейшего усовершенствования этой пули будет вне сомнения широко использовано.

[2]) В настоящее время ведутся самые интенсивные экспериментальные работы по вопросам управления и связи танкового оружия. Ведется энергичная борьба за лучшую видимость из танка, меньшую тряску при движении, лучшую сигнализацию и радиосвязь между танками, более совершенные приборы управления огнем из танка и т. д.

[3]) Тау. Моторизация и механизация армий, стр. 61.

дут применяться тяжелые танки прорыва. Эти танки прорыва, благодаря своей 55-мм броне могут бороться против огня легкой артиллерии и противотанковых орудий. Вооруженные 155-мм и 75-мм пушками, эти танки прорыва имеют возможность с успехом преодолевать прочную оборону противника.

Но, повторяем, все эти типы танков отнюдь не являются последним словом современной техники. Известные фирмы Виккерса, Кристи и другие непрестанно продолжают работать над созданием еще более совершенных боевых машин.

В настоящее время мы имеем следующие типы колесно-гусеничных танков (см. таблицу 42):

Таблица 42

Типы танков	Скорость (км/час)	Вооружение	Броня (мм)	Дальность (км)	Примечание
Танкетка	20 / 30	1 пул.	10	100 / 200	Везде числитель 1925 г., знаменатель — 1934 г.
Разведывательный танк	20 / 35	1 пул.	12 / 15	100 / 170	
Танк сопровождения	18 / 25	1 пул. / 2 пул.	15 / 25	100 / 150	
Танк-истребитель	20 / 45	1 пуш. / 2 пул.	20 / 25	100 / 200	
Колесно-гусеничн. танк.	25 гус. 50 кол. / 45 гус. 100 кол.	1 пуш. / 3 пул.	12 / 20	200 / 300	
Танк прорыва (вес 70 т).	25	2 пуш. / 4 пул.	55	—	

Если мы к вышесказанному напомним читателю, что уже становится реальной проблема летающих танков [1]), то станет еще более ясно, что танковое оружие на современном этапе делает лишь пер-

[1]) Так же как колеса самолетов могут быть заменены гусеницей, которая даст возможность самолету снижаться в наименее благоприятной и пересеченной местности.

вые шаги в своем дальнейшем техническом и боевом развитии. Разведка, преследование, сопровождение конницы в период мировой войны, главным образом, ложилась на бронеавтомобили; эту роль теперь с успехом также могут и будут выполнять наравне с более совершенными типами современных броневиков также малые и легкие танки.

Взаимозависимость между современными мотомеханизированными частями-соединениями и современной боевой авиацией огромна и очевидна. Вряд ли стоит здесь говорить о всем известных положениях, что выбрасываемые глубоко в тыл противника (200—300 км) механизированные соединения не могут обойтись без боевой авиации, которая для мотомехчастей и соединений является не только разведочным фактором, но и постоянным боевым соратником.

Своевременной выброской и спуском посредством специальных парашютов огнеприпасов и горючего боевая авиация окажет огромные услуги прожорливым мехсоединениям, когда они находятся в глубоком рейде.

Она может помочь в рейде выброской по воздуху специальных авиамотомеханизированных десантов посредством тех самолетов-гигантов, о которых мы говорили выше.

Последние французские и английские маневры (1933—34 гг.). наглядно показали, как продуктивно может оказать содействие боевая авиация в сложных вопросах связи и управления мотомеханизированными соединениями.

Благодаря своему массовому развитию авиационные и бронетанковые средства пропитали собой старые основные рода войск (пехоту, кавалерию, артиллерию), которые без них уже не могут действовать в современном бою и операции. Вот почему мы и видим, что во всех современных армиях империализма авиация и танковое оружие органически вошли в штатный состав современной пехоты, конницы и артиллерии.

Кроме того, массовое развитие авиации и бронетанкового оружия дало возможность создать самостоятельные воздушные дивизии, армии и самостоятельные крупные мотомеханизированные соединения для выполнения крупных оперативных задач. С каждым новым днем на опытных учениях и маневрах воздушные силы и мотомеханизированные соединения детализируют и совершенствуют вопросы управления ими. Эти опытные данные также, естественно, вносят очень много нового в вопросы управления соединенными родами войск в современном сложном бою и операции.

Одновременно с развитием и совершенствованием современных родов войск развивается и совершенствуется химическое оружие.

Опыт Мировой войны 1914—1918 гг. очень показателен: в эту войну около 30% общей суммы потерь от всех видов оружия падало на отравляющие вещества. Этот огромный процент в будущей войне неизбежно возрастет вследствие непрерывного совершен-

ствования химического оружия, опирающегося на высоко развитую современную химическую промышленность, могущую дать в огромных размерах всевозможные ОВ (иприт, фосген, дифосген, хлорпикрин, дифенилхлорарсин, этиленхлорарсин и т. д.)

В европейской печати стала стереотипной фраза, что те 13 тыс. тонн иприта, 35 тыс. тонн фосгена, 10 тыс. тонн хлорпикрина и 75 тыс. тонн хлора, которые были изготовлены всеми империалистическими государствами во время мировой войны, теперь любое большое империалистическое государство не только может изготовить в один год, но и в состоянии превысить эти цифры в несколько раз.

Если к сегодняшнему дню появилось значительное количество новых ОВ, а также более усовершенствованных способов применения химического оружия, чем то было 15 лет тому назад, то совершенно естественным должно быть то положение, что в будущей войне армии и население воюющих сторон окажутся перед фактом появления новых еще невиданных отравляющих веществ. И прав т. Жигур, который в своей книге пишет: «Неожиданности в будущей войне в области средств химического нападения особенно опасны, поскольку существующие средства защиты (противогаз, защитная одежда) могут оказаться преодоленными новыми ОВ или новыми способами применения некоторых ныне известных ОВ (здесь автор, верно, хочет подчеркнуть возможность синтезирования существующих ОВ. Вл. М.). Применение новых ОВ в полевых условиях в массовых количествах, ОВ, против которых современные средства защиты оказались бы недействительными, поставило бы армии противника на время в тяжелое положение»[1]). Именно на время, так как появление новых ОВ очень скоро вызовет появление новых средств защиты от них. Но и этот элемент химической внезапности безусловно может сыграть выдающуюся роль.

Современная авиация имеет полную возможность не только переносить в огромных количествах ОВ в расположение противника и его промышленные центры, важнейшие железнодорожные узлы и пр., но эта авиация полностью приспособлена к новому грозному разбрызгиванию жидких ОВ, т. е. их выливанию на войска противника.

Несколько цифр дадут достаточное представление о крайней сложности ведения современных операций.

Иностранная военная печать пестрит такими фактами: один самолет с высоты 100 м поражает несколько га. Таким образом, несколько десятков этих самолетов могут неожиданным налетом облить ОВ (кожно-нарывного действия) лишь за один полет целую дивизию, двигающуюся в данном направлении. И если эта дивизия не приняла заранее соответствующих мер противохимической защиты, то она неизбежно понесет огромные потери и лишится

[1]) Жигур. Химическое оружие в современной войне, стр. 27.

громадного процента своих бойцов до боевого столкновения с противником.

Но этого мало, облитый ОВ район потребует значительного времени для его очищения и дегазации. Авиация в будущей войне будет самым энергичным и интенсивным образом посредством специальных выливаемых и разбрызгиваемых стойких ОВ способствовать войскам в наступлении, отступлении и обороне. Для нее не представляет трудности в настоящее время буквально в несколько минут одного полета поразить площадь до 500 м шириной и до 12 км длиной, иными словами, в несколько минут вывести из строя огромное количество людей и лошадей и сделать на несколько часов непроходимой пораженную местность. А, например, 50-кг ипритная бомба свободно поражает и заражает площадь до 1 000 кв. м.

Таким образом современная авиация в полном взаимодействии с химией будет наиболее опасным врагом как для войск, так и для всех об'ектов тыла (города, железные дороги, промышленные районы и пр.).

Но помимо авиации химическое оружие в лице механизированного транспорта также нашло себе крайне выгодного помощника.

Теперь уже не требуется долгих усилий, как в 1917—1918 гг., для заражения необходимых участков местности. Огромные площади могут сейчас получить сплошное заражение в очень короткие сроки, так как специальные химические машины, забирающие по несколько тонн ОВ (три и более), двигаясь даже по труднопроходимой местности со скоростью до 30 км в час (гусеничные и шестиколесные машины), с успехом проделают нужную работу.

Если в мировую войну химическое оружие оказывало свое решительное действие в бою и операции, то в будущей войне, в связи с дальнейшим высоким развитием химических научно-исследовательских организаций, химпромышленности и техники, для него открываются новые и новые перспективы [1]).

---

[1]) Мы считаем здесь необходимым упомянуть о бактериологической войне, т. е. бактериологических средствах нападения, иными словами, искусственном культивировании возбудителей болезней.

Оружие это, нельзя сказать, чтобы было новое, так как верный спутник каждой войны — это эпидемические заболевания в массовых размерах как в тылу, так и на фронте. Новое лишь в том, что современный империализм решил распространять у своего противника такие болезни, как лихорадка, дизентерия, тифы, сибирская язва, столбняк, чума и пр., искусственным путем. Начальник института физико-химической биологии в Швейцарии Воккер пишет (см. его книгу «Перспективы будущей войны»), что все генеральные штабы империалистических армий, держа в абсолютном секрете способы распространения заразных бактерий, твердо решили их применить в будущей войне при помощи авиации и шпионов, главным образом против глубокого тыла противника (центры расположения запасных и тыловых войсковых частей, важные военно-экономические районы и т. д.). «Бактериологическое оружие, — пишет Воккер, — в будущей войне будет служить средством нападения — это следует признать без всяких колебаний». В этом отношении империалисты держатся старого метода их борьбы с трудящимися — «цель оправдывает всякие средства».

Мысль о возможности поливки с воздуха стойкими ОВ будет заставлять войска все время находиться в состоянии нервной напряженности и очень часто прибегать к специальной противоипритной одежде; заражение огромных площадей слезоточивыми стойкими ОВ будет стеснять способность к маневрированию частей фронта и особенно резервов.

Авиация и артиллерия посредством химического оружия постоянно будут добиваться возможности как можно больше поразить противника и особенно перед началом решительной операции, заставляя его по несколько часов находиться в противогазах и тем самым внося расстройство в его ряды. Во всем этом деле современная модернизированная артиллерия будет играть выдающуюся роль [1]).

Как мы видели из главы XV, артиллерия еще в период мировой войны в бою и операции делилась на ряд тактических групп, с тем чтобы более планово, целесообразно и в полном взаимодействии с пехотой, танками, авиацией и пр. выполнять поставленные боевые задачи и тем способствовать лучшему осуществлению общей оперативно-тактической цели.

Современная усовершенствованная артиллерия получила новый орган, который только намечался в мировую войну — артиллерийский штаб, который вместе с начальником артиллерии организует управление огнем, заботится о плановом снабжении огнеприпасами, организует ПВО, ПХО и ПТО. Появились новые сложные способы инструментальной разведки (звукометрическая, светометрическая), топографическая и метеорологическая службы с основной целью более целесообразного боевого использования современной артиллерии и определения месторасположения батарей противника.

Для выполнения боевых задач совместно с другими родами войск современная артиллерия стала во всех армиях сводиться в тактические группы, и если полковая артиллерия и не входит в эти группы, то она также работает в полном взаимодействии с дивизионной и корпусной артиллерией. Артгруппы ПП (поддержки пехоты) и ДД (дальнего действия) так планируют свой огонь, что-

---

[1]) Например, дивизионная и корпусная пушка в настоящее время по сравнению с 1918 г. увеличила свою дальнобойность на 5 и 7 км (дивизионная стреляет теперь на 16 км, корпусная на 20 км). У дивизионной гаубицы дальнобойность возросла до 12 км, корпусной гаубицы до 16 км. Сектор обстрела с 6° в 1918 г. возрос сейчас до 60°. Универсальные орудия для обстрела земных и зенитных целей дают новую мощь огневого действия. Моторизация артиллерии и механизация наводки увеличила и быстроту передвижения и меткость выстрела. 155-мм тяжелая пушка в 1932 г. имеет дальнобойность 26 км (в 1918 г.— 16 км). Уже имеются все данные, что дальнобойность будет доведена в очень скором времени до 32 км. Железнодорожные пушки сейчас не только стреляют на 60 км, но и горизонтальный обстрел их возрос до 360°. Немецкая «Берта» 1918 г. с дальнобойностью в 120 км в лице реактивных снарядов с мощным разрушительным действием на несколько сот километров может получить реального соперника.

бы он способствовал борьбе пехоты (конницы), вооруженной автоматическим оружием, и приданных ей танков, в то время как артиллерия ДД ведет борьбу с артиллерией противника, действует на его тылы и глубокие резервы в глубине боевого порядка и помогает атаке танков ДД (дальнего действия).

Как видим, современный сложный бой и операция были бы немыслимы без новой сложной боевой техники; последняя же и потребовала новых методов и приемов в управлении и командовании.

Старые уставные и выведенные из опыта мировой империалистической войны нормы для преодоления пространства в данные отрезки времени соответствовали старой технике; новая техника совершенно естественно и закономерно потребовала новых норм и расчетов. Например, глубина в 25 км требует от общевойсковой колонны при преодолении этого пространства около суток, в то время как это расстояние механизированными войсками преодолевается в 2 часа. Как видим, старая единица времени сутки заменилась часами (для мотомеханизированных частей) и минутами (для авиации, которая суточный переход пехоты в 30 км преодолевает всего лишь в 10 мин.).

Таким образом новая техника выдвинула новые войска, новые расчеты и нормы, новые боевые порядки, новые способы и приемы управления войсками, но для того чтобы осмысленно видеть это новое, нужно хорошо знать старое, ибо каждая эпоха имеет свои трудности в вождении войск с боевой техникой.

Если в мировой империалистической войне мы наблюдали сотни и тысячи автомобилей, то за последние 15 лет количественный и качественный рост автотранспорта не мог не повысить значение а в т о м о б и л я, как средства транспорта в армии и ее моторизации.

Автомобильная промышленность идет теми же путями, что и авиационная; она ежедневно выбрасывает сотни и тысячи автомобилей, которые уже в мирное время так конструируются, чтобы их с успехом можно было бы использовать на войне.

Появление автомобиля с повышенной проходимостью является могучим средством для моторизации современной армии в целом.

Уволенный в отставку в 1933 г. ген. Фуллер на протяжении последнего десятилетия вел жесточайшую борьбу против современной массовой пехоты и многочисленной конницы. Фуллер и ряд его последователей требуют небольшой машинизированной армии, составленной из профессионалов, старательно в классовом отношении подобранных.

Именно эта «оперативная ударная армия» должна решать главную задачу вторжения.

Современная империалистическая буржуазия великолепно понимает, что огромные многомиллионные массы трудящегося населения любой капиталистической страны в политическом отношении для нее совершенно ненадежны.

Они будут могильщиками буржуазии с первых же месяцев вой-

ны. Вооружать эти массы — значит открыть путь к своей же гибели посредством этого оружия.

Вооружать можно только классово-подобранные войска — так думает современная буржуазия и ее военные теоретики.

«В результате продуманного опыта войны, — пишет Сект, — постепенно должно утвердиться мнение, что время массовых армий миновало и что будущее приведет к созданию небольших, но высококвалифицированных армий, пригодных для того, чтобы проводить быстрые и решающие операции и тем помочь духу вновь завоевать господство над материей» (из книги «Оборона страны»).

Оперативная ударная армия Секта равняется для Германии 200 тыс. человек; она должна быть прекрасно вооружена и моторизована и механизирована и снабжена достаточным количеством боевых самолетов. Эта армия должна решить свою наступательную задачу и завоевать победу «до того момента, как массы придут в движение».

Вот в чем Сект видит основную цель современной стратегии.

Сект не против создания народного ополчения, организованного на основе всеобщей обязательной службы, но эта массовая армия лишь вторая линия обороны страны.

Учитывая опыт 1917 и 1918 гг. эпохи мировой войны, Сект великолепно понимает, что мобилизованная масса теперь так же ненадежна для буржуазии и подчеркивает, что это «ополчение не должно разбавлять кадры ударной оперативной армии».

Но все это или мечты, или маскировка с целью ввести в заблуждение своих противников, так как ясно каждому, что ни 200 тысяч чел. прекрасно вооруженной профессиональной фашистской армии, и ни 400 тыс. (две таких армии), и ни 600 тыс. (три таких армии) в условиях современной войны победить не сумеют, так как современная война призовет многомиллионные массы людей и мобилизует многотысячную технику, в которых эта малая армия утонет, как муха в тарелке киселя. Это хорошо осознано Гитлером и его окружением, которые сейчас усиленно готовят многомиллионную, богато технически оснащенную армию.

Перед уходом в вынужденную отставку Фуллер, сильно заболев еще в период мировой войны распространенной у буржуазии политической болезнью в виде «массобоязни», громко заявил через печать в декабре 1933 г.:

«Времена, когда войны велись с помощью огромных масс пехоты и кавалерии, прошли безвозвратно. Война будущего будет войной научно-организованных механизмов. Воздушные военные силы и химические бомбы, естественно, являются важнейшим фактором техники всякой современной войны. Тем не менее в будущей войне борьба будет вестись не только в воздухе, но и на суше. Поэтому наши войска должны в кратчайший срок быть вооружены лучшими оборонительными средствами, которые создала техника. В первую очередь войска должны быть снабжены непроницаемыми для пуль бронированными панцырями и другими современными

средствами защиты. Кроме того, нужно срочно дать армии большое количество танков».

Он требует решительного сокращения современных больших кадров пехоты и конницы и территориальной армии, которая также состоит, главным образом, из пехоты и конницы, он требует создать малую профессиональную мотомеханизированную армию и воздушную армию.

«Трагедия» Фуллера (и оставшихся в весьма незначительном числе его последователей), страстно желающего продлить капиталистическое господство на земле, так же как у Секта, в основном заключается в том, что он пытается призвать современную технику на верную службу буржуазии, а современная сложная техника, создающаяся миллионами рук рабочего класса, в итоге будет против буржуазии. Фуллер и Сект и их последователи, написав много книг, вообразили, что они уже разрешили для буржуазии основные задачи современного стратегического искусства и через это победу в современной войне, но действительная жизнь со всей очевидностью говорит, что их политическая и оперативно-стратегическая концепция является сейчас и останется впредь квадратурой круга [1]) для капиталистической буржуазии и для ее военных теоретиков вне зависимости от их способностей и талантливости.

Незадолго до своей смерти Фош выступил в печати с описанием будущей войны, исходя из опыта мировой империалистической войны и послевоенного развития боевой техники [2]).

«Будущая война, — говорит Фош, — будет еще более ужасной, чем последняя война.

Разумеется, нельзя предвидеть всех деталей этой войны, но можно сказать одно: механические приспособления для одержания победы будут играть преобладающую роль.

Конечно, храбрость бойцов важна для управления боевыми машинами, но все же победители будут обязаны машинам, а не живым людям.

Каждая страна, независимо от женевского об'единения (Лига Наций), старается усовершенствовать свою военную технику, в частности, пользование ядовитыми газами, довести это пользование до полнейшего уничтожения врага. Весьма возможно, будут найдены необычайно смертоносные газы.

Как нельзя изгнать из человеческого обихода войну, так нельзя запретить и пользование газами в будущих боях. Я думаю, что каждое оружие, которое сможет дать шанс на победу, будет широко использовано в грядущей войне. Командование, естественно, переменит методы своей работы в связи с изменением условий войны и возможностью введения новых элементов в сражении.

---

[1]) Неразрешимая геометрическая задача, состоящая из построения квадрата, равновеликого по площади кругу данного радиуса.

[2]) См. газету „La France militaire" от 23 февраля 1928 г.

Трудно сейчас определить, какой из родов оружия будет играть преобладающую роль в грядущей войне. Во всяком случае, тип пехотинца с обыкновенной винтовкой в руке вероятно исчезнет. Каждый так называемый пехотинец будет вооружен легким пулеметом, который явится оборонительным оружием, чем-то вроде нынешнего револьвера.

Кавалерия попрежнему останется важным фактором сражения, главным образом, благодаря ее подвижности. Едва ли моторы вытеснят всадника на лошади. Конечно, и танки будут играть немалое значение в боях будущего. Однако, надо сознаться, что элемент удивления и чисто психологического эффекта теперь уже отпал, после того как танки принимали участие в прошлой войне. Но несмотря ни на что танк является все еще внушительной силой.

Что касается артиллерии, то едва ли увеличение ее калибров принесет особую пользу. Стрельба на очень далеком расстоянии попрежнему не будет достигать желательных результатов. В смысле же разрушительной силы, уничтожения городов, едва ли стоит применять артиллерию, так как войны выигрываются благодаря уничтожению армии, а не городов.

В деле разрушения больших промышленных центров, военных заводов и пр. военная авиация сыграет решающую роль.

Как видите, мы бегло перечислили те элементы, которые войдут составной частью в военную технику будущих боев. Трудно сказать, как усовершенствуется эта техника, если будущая война возникнет лет через 20. Но я представляю себе картину этой будущей войны и тех ужасающих потрясений, которые она неизбежно принесет с собой.

Представьте себе бесчисленное количество мощных пулеметов и орудий, направленных с разных сторон, вообразите себе необычайно разрушительную силу снарядов, начиненных особо-взрывчатыми веществами и ядовитыми газами, смертоносные пары которых проникают через все противогазы и убивают через несколько минут, разлагая человеческое тело мгновенными химическими соединениями.

Многие сотни танков каждой минутой своего движения приносят смерть такую же мгновенную, как и миллионы пуль, вылетающих каждую минуту из легких автоматических пулеметов, направляемых руками миллионов людей.

И вот помимо всего этого — небо, покрытое тысячами аэропланов, с которых огненные бомбы падают на землю, усиливая общую картину смерти и разрушения.

Губительный огонь артиллерии захватит не только боевую зону, но вероятно и далекий тыл, несмотря на то, что, повторяю, калибры орудий вряд ли особенно увеличатся.

Эту картину я нарисовал на основании уже существующих данных. Но воображение может итти дальше.

Можно представить себе, например, воздушные торпедные лодки, аэропланы, управляемые радио, без людей, даже танки, направляемые с помощью радио.

Пройдет еще немного времени и весь мир будет стоять перед возможность перенесения смерти на крыльях ветра в самые удаленные уголки земного шара с помощью радио. Этот жестокий тайфун будет истреблять все живущее и на фронте и в тылу».

Видя исключительный количественный и качественный рост современной боевой авиации, Фош в последнее время перед своей смертью уделял ей большое внимание. Он говорил:

«Воздушные атаки, производимые в большом масштабе, могут своим разлагающим моральным эффектом довести общественное мнение до такого состояния, что правительство вынуждено будет капитулировать. Таким образом воздушные силы сделаются родом войск, решающим исход войны».

В чем основной смысл этой оперативно-стратегической концепции Фоша в его прогнозе о будущей современной войне, который он оставил французскому генеральному штабу и империалистической буржуазии, верным сыном которой был до последнего дня своей жизни?

Как видим, концепция Фоша все же отлична от вышеочерченных прогнозов Фуллера, Лиддель-Гарта, Секта и прочих военных деятелей современной империалистической буржуазии.

Во-первых, Фош ориентирует читателя не на малую 200 или 500-тысячную армию, а на миллионные армии, с массовой боевой техникой, которые должны принять участие в будущей войне 1948 г.

Во-вторых, новый вид машинизированного боя у него приматирует над живым человеком, он считает, что победа останется в конечном счете за боевыми машинами, ставя на второй и третий план тех, кто ими управляет. В этом отношении у него ряд точек соприкосновения с теорией Фуллера, Фора, Секта и их последователей, но с той лишь разницей, что последние стремятся к тому, чтобы современная боевая машина, вооруженная броней и мотором, обеспечивала небольшой численно кучке профессионалов-фашистов, в ней сидящих и ею управляющих, успешный бой и конечную победу.

В-третьих, Фош считает, что в будущей войне примут активное участие все современные рода войск при полном их взаимодействии друг с другом. Пехота, вооруженная автоматическим оружием (легким пулеметом), и конница, организованная по-современному (т. е. с приданной ей авиацией, танками, бронемашинами с противохимической защитой и пр.), не в пример Фуллеру, у Фоша играют далеко не последнюю скрипку.

В-четвертых, Фош даже и будущую войну 1948 г. не считает последней; по его концепции войну вообще «изгнать из человеческого обихода» нельзя; иными словами, он повторяет старую

затасканную фразу буржуазных теоретиков, гласящую, что «мир не дарован смертным, что войны будут вестись, пока существует человечество на земле». Мы же думаем куда проще, а именно, что войны неизбежны, пока существует капитализм и его верный спутник империализм и с уничтожением капитализма и построением нового социалистического бесклассового общества во всем мире отпадет всякая возможность к существованию каких-либо войн.

В-пятых, воздушный флот и химическое оружие Фош выдвигает на передний план, причем он считает, что грань между фронтом и тылом в будущей войне сотрется. Боевая авиация и химия будут переносить огонь, разрушение и отравление на более далекие расстояния, чем любая дальнобойная артиллерия. За воздушным флотом Фош, как и ген. Ниссель, оставляет решающее место, особенно в исходе войны.

В-шестых, огромное внимание он уделяет влиянию радио на управление боевым оружием современной войны. В отношении использования радио ряд прогнозов Фоша уже действительно становится реальным (заграницей, как сообщает печать, опыты с радиоторпедой, радиосамолетом, радиоминоносцем, радиотанком, телевидением дали удовлетворительные результаты).

Фош не говорит, кто останется победителем, он, вероятно, считает, что смерть и разрушение — вот основной победитель. Судьба живых миллионных масс, о которых говорит Фош, очень мало его трогает. Он не желает ее вспоминать и особенно думать о ней и в этом большая его ошибка.

На глазах маршала произошла великая всемирно-историческая победа Октябрьской революции, уничтожившая эксплоататоров на $^1/_6$ части земного шара. Вот эту «мелочь» не хочет вспомнить Фош.

Мы вполне согласны с Фошем, что будущая империалистическая война безусловно будет более ожесточенной, чем война 1914—1918 гг. Но эта война намного скорее, чем последняя, перерастет в войну гражданскую и конечная победа будет на стороне многомиллионного рабочего класса и трудящегося крестьянства, которые обернут боевые машины и оружие капиталистической буржуазии против самой же буржуазии, как основного носителя эксплоатации, гнета и империалистических войн.

В вышеприведенном прогнозе Фоша о характере будущей войны нет основного стержня: он не говорит, кто и против кого в 1948 г. воюет. Фош говорит «вообще» без конкретного политического анализа современных послеверсальских буржуазно-капиталистических коалиций и реального соотношения классовых сил в этих коалициях. Но планы новой империалистической войны эти коалиции, конечно, имеют.

Блестящий анализ этих планов современных буржуазных политиков и их генеральных штабов мы находим в докладе тов. Сталина на XVII с'езде большевистской партии.

Тов. Сталин просто и убедительно показал не только ряд планов организации новой империалистической войны, но и чем эти че-

тыре плана могут окончиться, когда современная империалистическая буржуазия и ее вожди приступят к конкретному проведению их в жизнь.

Этот марксистско-ленинский анализ и прогнозы тов. Сталина достойны самого тщательного, глубокого и всестороннего изучения для того, чтобы правильно видеть перспективы будущей войны.

В свете этого анализа тов. Сталина мы старались рассмотреть состояние пограничных укреплений современной капиталистической Франции, состояние современной военной техники и тех оперативно-стратегических теорий, которые существуют в данное время в западно-европейской литературе.

ГЛАВА XXII

«АРМИЯ ВТОРЖЕНИЯ» И «АРМИЯ ПРИКРЫТИЯ», КАК ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЛАНЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МИЛЛИОННЫХ АРМИЙ

Все кратко очерченные и приведенные выше новые боевые технические средства в основном уже имеются на вооружении современных империалистических армий буржуазии [1]).

Эти новые военно-технические средства империалистическая буржуазия, исходя из своих политических и классовых целей и стремлений, пытается использовать и организовать на основе новых оперативно-стратегических теорий, которые обильно публикуются в современной иностранной печати.

Это новое боевое военно-техническое оружие целиком входит и войдет составной частью и в новые оперативно-стратегические соединения, т. е. «армии прикрытия» и «армии вторжения», которые являются важнейшими и основными звеньями в проблеме стратегического развертывания современных армий в начальный период войны.

Из предыдущих глав настоящего труда мы видели, что опередить в стратегическом сосредоточении и развертывании вооруженные силы своего противника с тем, чтобы внезапным ударом в заранее разработанном главном направлении опрокинуть его и взять инициативу действий в свои руки, являлось основной мечтой всех руководителей генеральных штабов до и во время империалистической войны 1914—1918 гг.

Эти задачи и стремления классового врага, пройдя неудачный для него опыт в нашей гражданской войне 1918—1920 гг., неудачный опыт для англо-греческого командования в национально-осво-

[1]) И если генеральные штабы современных империалистических армий все же осторожно идут на перевооружение и насыщение новыми и новейшими образцами некоторых видов и типов оружия, то из одной лишь боязни, что это оружие может оказаться устаревшим к моменту начала военных действий ввиду очень быстрого темпа новых и новых изобретений в области военной техники. Конечно, это вовсе не значит, что перевооружение не имеет места, но оно идет под основным лозунгом — так приспосабливать военную и гражданскую промышленность, чтобы к моменту начала войны иметь в нужном количестве наиболее совершенное и новое боевое оружие.

бодительной войне в Турции 1918—1922 гг., а также опыт в современных операциях японского империализма на Дальнем Востоке, остаются господствующими и поныне, но естественно с целым рядом новых дополнений в связи с новой общей мировой политической и военной обстановкой.

В предыдущих главах мы видели, что:

1) Революционные волнения, охватившие ⅓ действующей армии французской буржуазии в 1916 г. после неудачного наступления ген. Нивелля, Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, февральская, а затем Октябрьская революция 1917 г. в России, а также непрерывное революционизирование трудящихся масс в послевоенный период [1]) — весь этот печальный для современной буржуазии опыт заставил многих из её теоретиков заявить, что: «человеческие массы в материальном сражении будущего ничего из себя не представляют, они являются даже излишними... По опыту мировой войны путь устройства армии будущего ведет к малым армиям, технически отлично оснащенным, сосредоточивающим в себе лучший людской материал (иными словами, классово отобранных представителей современной империалистической буржуазии. Вл. М.). Необходимо осознать потребность перехода от количества к качеству (т. е. качеству, выгодному для буржуазно-помещичьего класса. Вл. М.)» (полк. Зольдан).

Так пишет полк. Зольдан, примерно то же говорят Фуллер, Лиддель-Гарт, Дуэ [2]) и им подобные.

2) Провал идеи быстрого окончания войны (3—4 месяца), провал идеи глубоких вторжений с целью нанесения окончательного поражения противнику, прочность современной обороны и слабость

---

[1]) Революция в 1919 г. в Венгрии и революционное движение в Италии и колониях (Индия, Китай и пр.).

[2]) Из воздушных экстремистов буржуазии ген. Дуэ является наиболее обстоятельным и вдумчивым в сравнении с его последователями вроде Пьер Фора, или особенно нашумевшим со своим романом «Война 1936 года» немецким майором Гельдерсом. Последний, заменив воздушную армию ген. Дуэ из двух тысяч самолетов-гигантов с мощностью мотора в 6 000 л. с. двумя сотнями 24-тонных самолетов универсального типа, в своем фантастическом романе «Война 1936 года» в три дня поставил современного военного и воздушного гегемона Европы — Францию на колени и заставил подписать ее такой мир, какого захотел победитель. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; такие «чудеса» могут родиться лишь в голове какой-либо спекулянтской коммерческой компании, которая, построив новый тип пассажирского самолета-гиганта, желает его быстро распространить и на этом деле поживиться высокими прибылями. Дельцы этой компании подбирают ловкого на перо военспеца, вроде Гельдерса, платят ему хороший куш и тот, сидя в удобном кресле своего отеля с сигарой в зубах, беспощадно громит и уничтожает современное капиталистическое государство — Францию, как конкурента другого капиталистического государства, в данном случае — Англии. Роман выходит в свет, делает шум, а спекулянты из данной компании анонсируют, что описанный в данном романе новый тип гиганта-самолета уже изобретен и выпускается в неограниченном количестве. Вероятно что-нибудь вроде сказанного было и с историей появления романа Гельдерса. Но это не исключает того, что мы должны самым внимательным образом изучать Гельдерса, как крупного военного писателя по авиационным вопросам.

и несовершенство в период мировой войны военно-технических средств, для того чтобы опрокинуть и разгромить противника, перешедшего к глубокой обороне на широком фронте, бурное развитие новых военно-технических средств, нового оружия в технико-огневом отношении более совершенного — все это, как и многое другое, вызвало к жизни новые оперативно-стратегические теории.

Идея поражения противника на всей его глубине была и в период мировой войны (1917—18 гг.), но для осуществления этой идеи не оказалось соответствующих военно-технических средств.

Кроме того, постоянно необходимо помнить, что сами-то ударные армии последнего периода мировой империалистической войны в своей массе больше мечтали о свержении буржуазии, чем об «ударной» защите ее интересов.

В настоящее время идея быстрого и глубокого вторжения у западно-европейских военных писателей в основном исходит из двух моментов:

а) создание классово-надежной для буржуазии многомиллионной армии для активных наступательных целей;

б) новые боевые технические средства создают новые боевые порядки, новые приемы управления ими, новые оперативно-тактические теории для достижения быстрой и прочной победы; но эта победа может притти только через осуществление теории, которая гласит, что надо с первого же момента начала военных действий стремиться поразить противника на всей его глубине боевого порядка на участке глазного удара, во всяком случае не менее как на 300 км в глубину от переднего края его обороны или государственной границы.

Современные военные писатели капиталистической Европы считают это вполне реальным и достижимым, так как для этой задачи может быть использована отборная в классовом отношении профессиональная армия, кроме того, созданы такие новые боевые средства, которые должны справиться с задачей преодоления современной обороны противника. Эти средства следующие:

1) Новое танковое оружие, которое не только будет действовать в тесной связи с атакующей и прорывающей машинизированной пехотой, вооруженной автоматическим оружием [1]), непосредственно её поддерживая, но также будет включать и быстроходные танки для самостоятельного труппового действия, вполне могущие выполнять отдельные важнейшие части (атака артиллерии противника, его резервов и войсковых штабов) общей боевой задачи.

2) Новое артиллерийское оружие с увеличенной дальнобойностью, которое может поражать противника на большую глубину, чем то было 15 лет тому назад. Взаимодействуя с пехо-

---

[1]) Наибольшая дальность современного стрелкового оружия капиталистических государств: ручной пулемет — 2 000 м; станковый пулемет Шварцлозе — 3 600 м; зенитный пулемет Гочкиса — 6 000—8 000 м.

той и танками, меняя позиции вперед, артиллерия будет огнем прокладывать путь им в глубине [1]).

3) Новое воздушное и химическое оружие, которое посредством целого ряда различных типов современных боевых самолетов (разведчики, истребители, бомбардировщики, штурмовики) в технико-боевом отношении более совершенных, чем когда-либо, имеет полную возможность громить противника на всей глубине (бомбардировка с воздуха по глубоким тылам плюс воздушные десанты), которая намечена командованием.

4) Новые самостоятельные мотомеханизированные соединения, с приданной им боевой авиацией, которые, не подменяя собой современной модернизированной конницы, а напротив, когда это нужно, действуя совместно с ней, обладая огромной ударно-огневой силой, имеют полную возможность по прорыве на узком фронте расположения противника действовать на его фланги и тылы.

Искусное применение всех этих новых боевых средств в полном их взаимодействии друг с другом и с постоянным учетом новых средств противотанковой (ПТО), противовоздушной (ПВО) и противохимической (ПХО) обороны, а также системы современных заграждений, обещает удачное выполнение задуманной современной наступательной операции.

Все генеральные штабы современных буржуазных армий, как мы уже говорили, рассчитывают на маневренную войну, на быстрые решения, так как современные многомиллионные массы трудящихся слишком опытны и революционны, чтобы буржуазия, как в 1914—1918 гг., их могла удержать 3—4 года в окопах позиционной войны. Кроме того, в современном мире существует великий, могущественный, передовой, революционный отряд мирового пролетариата — СССР. Все это заставляет военно-теоретическую мысль буржуазии биться в мучительных судорогах в поисках наиболее рациональной стратегии и тактики для будущей войны.

Основное стремление империалистической буржуазии и ее генеральных штабов — это выиграть первое сражение, так как эта победа все же на некоторое время отсрочивает революционные

---

[1]) Немецкие исследователи говорят, что «атака с глубокой целью не может быть до конца поддержана артиллерийским огнем с первоначальных позиций. Всегда будет иметься граница, у которой прекращается ее наблюдаемое действие. В этих условиях танк призван как раз для того, чтобы продолжать действие артиллерии. Ударом из глубины, перегоняя пехоту, он может покрыть возникшую паузу, способствуя развитию атаки в глубину. Часто танки для поддержки атаки в глубине оборонительной полосы будут брать на себя артиллерийские задачи, а после достижения цели атаки пехота снова начнет наступление при поддержке артиллерии. Танковые части будут часто встречать противотанковое оружие, действующее вне их зоны работы. Артиллерия в этом случае должна оказать им содействие и иметь возможность уведомлять их о способе и темпе стрельбы. Наблюдательные танки, бронированные артиллерийские отделения связи, сторожевые самолеты, все снабженные радиооборудованием, могут в значительной мере обеспечить связь».

взрывы. Это первое сражение надо выиграть через маневренную войну — таков основной лозунг современной военной печати западной Европы и императорской Японии.

«Маневренная война вообще осуществима лишь при исключительной быстроте. При наличии быстрой смены решений, тяжелый молот обрушится то здесь, то там, не давая покоя противнику, вращая вал без остановки, которая угрожает вызвать позиционную войну» — вот основной лейтмотив современной буржуазной военно-теоретической мысли.

Вопрос лишь в том, как это осуществить с началом будущей войны. Новые военно-технические боевые средства дают широкую возможность «обрушиться то там, то здесь», они же властно требуют «быстрой смены решений» и исключительной динамичности и непрерывности управления [1]).

Современная гитлеровская Германия сейчас усиленно догоняет в отношении вооружений своих вероятных противников — версальских победителей. Но германская военная печать очень часто дебатирует вопрос, что современные технико-боевые средства не только дают простор и подвижность, но и утяжеляют своей громоздкостью маневр. Автоматическое оружие требует колоссального количества огнеприпасов, а огромное количество моторов в армии массу горючего. Боевой порядок становится прожорливым и маломаневренным, а тыл его громоздким и неудобоуправляемым.

Как видим, и здесь действие вызывает противодействие.

Вследствие этого ряд немецких писателей отказывается как от громоздких мотомеханизированных дивизий, ратуя за мотомеханизированные полки, так и от современных пехотных дивизий, требуя

---

[1]) Большинство генеральных штабов буржуазных армий, вопреки всем теориям Фуллера, Дуэ, Фора, Зольдана и других, сейчас считает, что современная военная техника требует не только большого количества людей, которые производят эту технику, но сотен и сотен тысяч людей для ее использования, для ее обслуживания. И правильно замечает в упоминаемом ниже сборнике тов. Никонов, что «эта техника чрезвычайно прожорлива, она требует много горючего и смазочного материала. Эта техника мыслится только в массовых количествах с участием больших людских масс». И далее: «Всилу массовости современных средств вооружения буржуазия не может уйти от массовой армии. Сейчас во всех буржуазных государствах на случай войны готовятся большие армии. Например, мобилизационная подготовка Франции, Англии, США, Италии и Японии ведется с таким расчетом, что они вместе взятые могут в первые же дни новой войны выставить армии общей численностью до 9 млн. человек. Это говорит о ставке на большую войну, о развертывании массовых многочисленных армий. В то же время буржуазия принимает ряд мер к тому, чтобы обеспечить эти массовые армии от разложения, по крайней мере в начале войны». Как именно буржуазия и фашизм подготавливают политически и экономически свои армии, какие у них в этом направлении методы и способы см. интересные статьи тт. Блументаля, Никонова, Хмельницкой в сборнике «Подготовка второго тура империалистических войн». Партиздат. 1934 г.

их разукрупнить до полков, сделав из них общевойсковые соединения.

По теории известного немецкого военного писателя ген. Бранда современная модернизированная конница (т. е. конница с приданной ей авиацией, оснащенная танками, бронемашинами, автоматическим оружием и достаточным количеством автотранспорта) должна обязательно решать боевые задачи совместно с пехотой и мотомеханизированными частями.

Ген. Бранд против выбрасывания конницы с началом войны на укрепленные границы (во избежание лишних потерь трудно создаваемой конницы); он считает, что это в первую голову должны делать пехота с артиллерией и мотомеханизированные части, а затем уже, пользуясь своей быстроподвижностью — конница, которая выбрасывается вперед с боевыми задачами захвата и удержания намеченных об'ектов в расположении противника.

Немецкие военные писатели считают, что появление новой самодвижущейся дальнобойной артиллерии, новой боевой авиации и мотомеханизированных частей требует при наступлении расчленять войска и по фронту, и в глубину «с таким расчетом, чтобы любая маршевая труппа могла немедленно вступить в бой с внезапно появившимся противником, чтобы поражение маршевых групп неприятельскими мотомехчастями и авиацией было наименьшим». Вместе с тем при сближении с противником на 12 км (сфера действий артиллерии противника) колонны должны двигаться не по дорогам, а по местности, причем по местности движение может быть начато и раньше (учитывая наличие сильной дальнобойной артиллерии у противника и превосходство у него в авиации).

Мотомеханизированные разведывательные отряды (РО) и авиация могут заблаговременно предупредить о встрече с противником, а поэтому встречный бой в современных условиях будет носить другой характер, чем в 1914 г. в мировую войну.

Вследствие этого расчлененные по фронту крупные походные колонны более обеспечены от внезапности нападения и потерь.

В своей последней работе «Мировая война угрожает» хорошо нам известный Людендорф пишет:

«Уже в ночь и на первый день мобилизации начинается воздушная и морская война; крупнейшие жизненные центры подвергаются разрушительным воздушным атакам. Противники применяют химию, зажигательные снаряды. Броневые силы в первый же день переходят границу и вторгаются глубоко в страну противника.

С первых же часов войны боевые действия развертываются с необычайной силой и жестокостью. Международное право соблюдается еще меньше, чем в Мировой войне 1914—1918 гг. Все договоры о ведении войн, например, о запрещении авиации сбрасывать химические бомбы или об ограничении использования подводных лодок и т. д. не помогают уже.

Усилия воздушных сил все больше и больше направляются против неприятельских боевых сил в воздухе, на суше и в море, про-

тив таких стратегических важных сооружений, как железные дороги, гавани, промышленные районы или электроцентрали и предприятия военной промышленности.

В первый же день границу переходят наскоро мобилизованные войсковые соединения, усиленные боевые отряды пехоты на грузовиках и моторизованная артиллерия. Взаимодействуя с авиацией, эти силы глубоко вторгаются в неприятельскую страну. Конница, освобожденная авиацией в значительной мере от тех задач, какие легли на нее в начале мировой войны по стратегической разведке, уже не будет больше так рассредоточена, как в 1914 г. (об этом же самое пишет Сект в книге «Мысли солдата». В.л. М.).

Авиадесанты и диверсионные акты партизанского движения в глубоком тылу противника будут дополнять боевую работу действующих с фронта».

Иными словами, здесь Людендорф говорит об «армии вторжения», которая в своем составе имеет войсковые части с мобилизационной готовностью от нуля до нескольких часов (авиация с химией, мотомеханизированные части и пр.).

Как видим, эти мысли Людендорфа имеют очень много общих точек зрения с вышеприведенными мыслями маршала Фоша о войне будущего (см. главу XXI).

Немецкие военные писатели считают, что в начальный период войны на главных ударных направлениях, где по заранее разработанному оперативно-стратегическому плану войны будет действовать «армия вторжения», вполне возможен следующий характер операций:

1) прорыв современными быстроподвижными мотомеханизированными соединениями границы противника;

2) завязка ряда отдельных операций пехотой, отлично технически оснащенной современным автоматическим оружием и мотором;

3) рейдирование мотомеханизированных частей по тылам с увязкой их операций с действиями воздушных десантов (так называемое оперативное окружение);

4) действие современной модернизированной конницы на флангах и захват ею важнейших оперативных пунктов.

На второстепенных направлениях немцы считают необходимым организовать части, обильно снабженные автоматическим оружием (легкие и станковые пулеметы, зенитная артиллерия, противотанковые орудия, противохимическое оружие и пр.), хорошо знающие и умеющие создавать современную сложную систему заграждений.

С первого же часа начала боевых действий «армии вторжения», как считают немецкие авторы, надо поднять ту часть населения страны (фашистские элементы и сочувствующие фашистам), которая если не будет призвана в действующую армию, то будет активно помогать в своем противодействии частям «армии вторжения» про-

тивника, а также бороться против восстаний революционных рабочих масс.

Французские военные исследователи, говоря о начальном периоде предстоящей войны (Гамелен, Кюльман, Аллео, Шалез, Луазо и др.), в основном пишут примерно то же самое.

Они считают, что «армия прикрытия» с самого начала операций должна выполнять функции и задачи «армии вторжения» с основной целью:

1) нарушить мобилизацию противника (немцев),

2) быстро захватить наиважнейшие пункты и рубежи для дальнейших операций по вторжению в глубь германской территории.

Для выполнения этих задач французская армия уже сейчас имеет ряд благоприятных и существенных предпосылок.

Во-первых, французский генеральный штаб считает свою армию мирного времени, находящуюся на метрополии (440 000), «армией прикрытия». Она опирается в своей значительной части на мощные пограничные укрепления. Эта армия сводится в 20 дивизий.

Во-вторых, через несколько дней эта «армия прикрытия» без формального об'явления мобилизации, без санкции и согласия парламента одним распоряжением военного министра (по праву, данному ему новым законом) может быть увеличена еще на 20 новых дивизий посредством призыва под знамена 3 возрастных классов (760 000 резервистов) и через существующие 72 мобилизационных центра [1]).

Таким образом, «армия прикрытия» будет равна 40 дивизиям общей численностью 1 200 000 человек. Такая армия, будучи по-современному технически вооружена, на деле превращается в «армию вторжения» и может свободно выполнить крупные оперативно-стратегические задачи.

Из всего этого следует, что французская «армия прикрытия», она же «армия вторжения», будет состоять из значительных сил; это говорит о том, что французский генеральный штаб не намерен вести операции и добиваться конечной победы с помощью небольшой профессиональной армии по теориям Зольдана, Фуллера, Лиддель-Гарта и им подобных, а также по теориям воздушных экстремистов типа Дуэ, Пьер Фора и др.

Такая «армия вторжения» начинает действовать с первого же часа начала военных действий.

«Армия вторжения», состоящая из 40 пехотных дивизий (20 постоянной армии плюс 20 второочередных), 6 пехотных дивизий экспедиционных сил, 5 кав-дивизий (полумоторизованных), 5 воздушных дивизий, 20 полков легких и средних танков, имея актив-

---

[1]) По существующим французским законам каждый мобилизационный центр имеет боевые припасы, обмундирование, вооружение для развертывания новых частей и полков.

ную цель внезапным ударом сорвать мобилизацию противника, с первого же часа войны вторгается на его территорию.

Эта армия будет в дальнейшем подкреплена опять новыми отмобилизованными силами (3-й эшелон).

Современные военные писатели германской буржуазии, рассуждая о начальном периоде будущей войны, постоянно обращаются к опыту 1914 г. Они делают это для того, чтобы еще ярче оттенить мысль, что будущая война и ее начальный период будут выглядеть совершенно иначе, чем в 1914 г. Этот опыт говорит, что появились новые военно-технические средства, которые заставляют по-новому ставить вопрос о начальном периоде предстоящей войны.

Людендорф говорит, что уже не может быть такого положения, как в июле — августе 1914 г., когда «мобилизация и сосредоточение войск затягивается до 16—17-го дня мобилизации» [1]). Он говорит, что активные действия в начальный период в августе 1914 г. были весьма ограничены, малорешительны, а те силы, которые выделялись со стороны как Германии, так и Франции для активных действий на государственной границе до 17-го дня мобилизации, т. е. до момента окончания стратегического сосредоточения и развертывания, были крайне мизерны и что уже таких вещей мы больше не увидим в начальный период будущей большой войны.

Из первых глав настоящего труда можно было видеть, что продолжительность подготовительного к войне периода в 1914 г. исчислялась от 10 до 13 дней.

Следующая диаграмма показывает это (см. черт. 15, стр. 587).

Кроме того, на франко-германском театре военных действий активные операции в полосе государственной границы Бельгии и Франции у Льежа и в направлении Мюльгаузена (Верхний Эльзас) продолжались до 17 августа, т. е. до момента окончания стратегического сосредоточения обеих сторон. За 15 дней после официального об'явления войны со стороны Франции в огонь борьбы было брошено 3 пехотных дивизии плюс 1 кавалерийская дивизия, что составляет всего $^1/_{25}$ часть пехоты и $^1/_{10}$ часть кавалерии от тех 70 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, которые развертывались Францией к 17 августа против Германии.

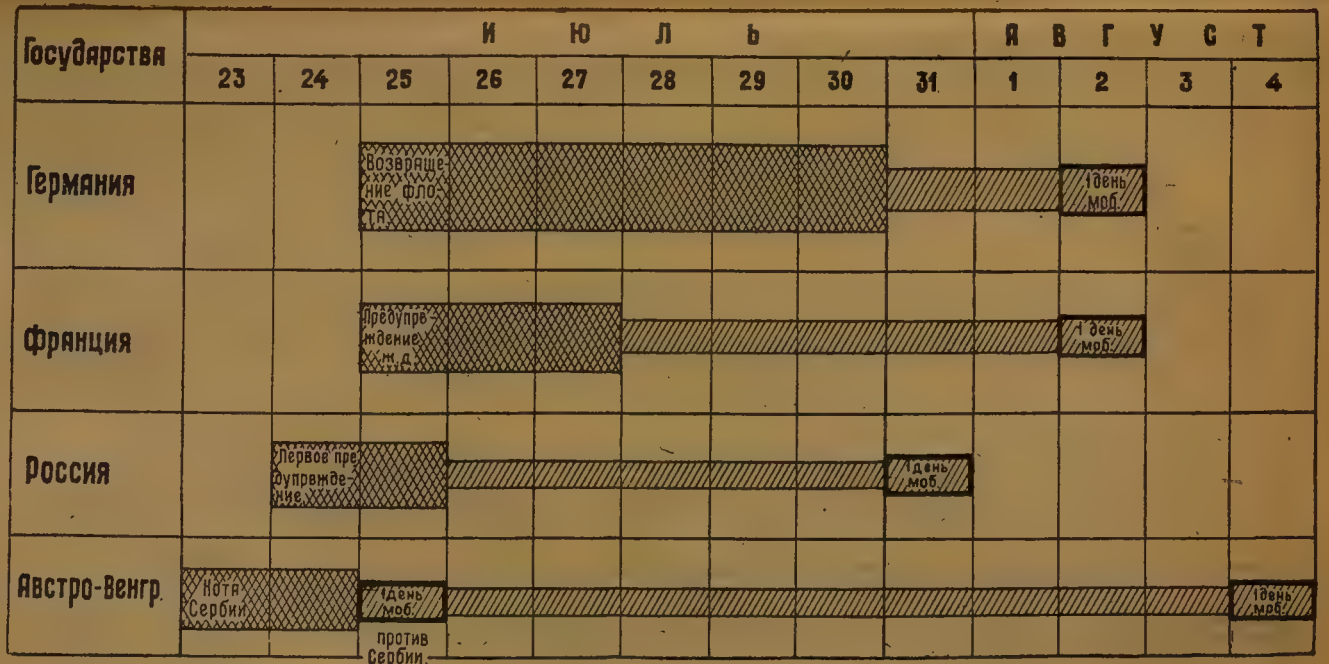
Германия в начальный период войны для активных действий бросила в эти же дни значительно больше сил, а именно 12 пехотных дивизий плюс 5 кавдивизий, что составляет $^1/_6$ часть пехоты и $^1/_2$ кавалерии от того количества, которое развертывала Германия до 17 августа против Франции.

Активные действия этого начального периода могут быть выражены следующей диаграммой (см. черт. 16, стр. 588).

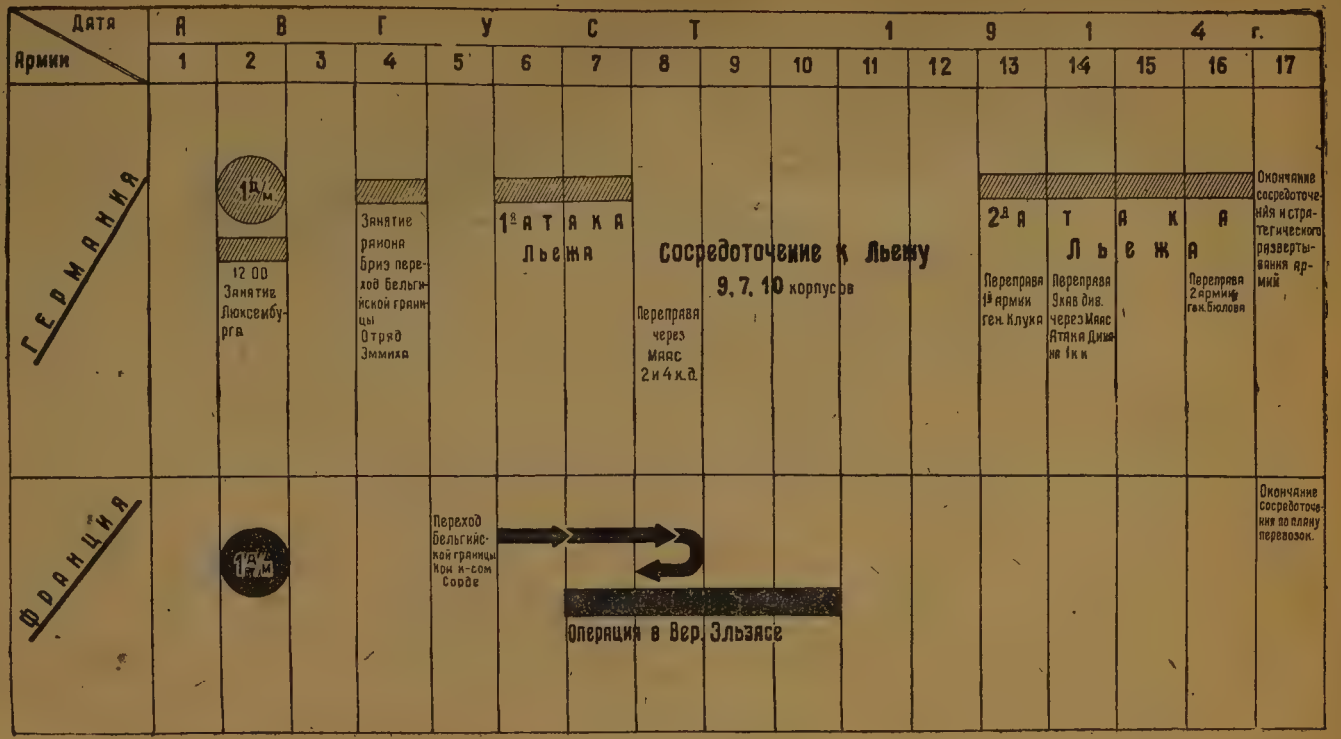
Эти две диаграммы со всей ясностью показывают чрезвычайную

---

[1]) См. Ludendorf. Weltkrieg droht auf deutschen Boden. München. 1930. S. 37


Государства
Июль
Август
23
24
25
26
27
28
29
30
31
1
2
3
4
Германия
Возвращение флота
1 день моб.
Франция
Предупреждение м.д.
1 день моб.
Россия
Первое предупреждение
1 день моб.
Австро-Венгр.
Нота Сербии
1 день моб.
против Сербии
1 день моб.
Неофициальный подготовительный период.
Официальный подготовительный период.

Черт. 15.


Дата
Армии
А В Г У С Т 1 9 1 4 г.
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17
ГЕРМАНИЯ
1Д/М
12 00 Занятие Люксембурга
Занятие района Бриз переход бельгийской границы Отряд Эммиха
1ая А Т А К А Льежа
Сосредоточение к Льежу 9, 7, 10 корпусов
Переправа через Маас 2 и 4 к.д.
2ая А
Переправа 1й армии ген. Клука
Т Л ь е ж А К А
Переправа Зкав див. через Маас Атака Дижна 1 к к
Переправа 2 армии ген. Бюлова
Окончание сосредоточения и стратегического развертывания армий
ФРАНЦИЯ
1Д/М
Переход Бельгийской границы Кон к-сом Сорде
Операция в Вер. Эльзасе
Окончание сосредоточения по плану перевозок.

Черт. 16.

медленность в развертывании событий и небольшую оперативную значимость тех «активных действий», которые имели место за целых 15 дней в начальном периоде войны.

Все военные писатели современной буржуазии в один голос заявляют, что не только темпы в мобилизации, сосредоточении и развертывании сил должны быть резко увеличены, но и удар должен быть внезапен, молниеносен и глубок с самого же начала. Для того чтобы это осуществить, нужна готовая к бою еще в мирное время «армия вторжения».

Тов. Тухачевский в своей статье «Военные планы нынешней Германии» (см. «Красная звезда», 2 апреля 1935 г.), анализируя германские взгляды на ведение современной войны и высказывания Секта, Людендорфа, Мецша, говорит, что из тех огромных вооруженных сил, которые имеет современная фашистская Германия для армии вторжения, она может в любой момент выделить 1 500 самолетов, 1 мотодивизию плюс 4 механизированных бригады, 5 кавдивизий, не менее 15 пехотных дивизий на автомобилях, как первый эшелон. Германия об'явила всеобщую воинскую повинность и закон о сформировании 36 дивизий мирного времени, таким образом остальные 16 дивизий мирного времени составят второй эшелон. Тов. Тухачевский пишет, что «в случае войны Германия может сразу же развернуть до 108 пехотных дивизий. Маршал Петэн называет цифру до 100 дивизий». Иначе говоря, Германия с первого дня войны утраивает количество дивизий мирного времени. Германскому генеральному штабу хорошо известно, что система современной пограничной обороны иная, чем в 1914 г., она строится с таким расчетом, что буквально в минуты изготавливается к встрече с противником. Всилу этого, если «армия вторжения» напорется на сильное сопротивление со стороны противника, для того чтобы «маневренный вал вращался безостановочно», могут потребоваться дополнительные силы; в этом случае германский генеральный штаб рассчитывает на быстроту маневрирования посредством железнодорожного и особенно автомобильного транспорта. Например, в 1934 г. во время фашистского партс'езда за 30 часов автомобильный корпус перебросил в Нюренберг 1,5 млн. человек. В настоящее время идет усиленная постройка автострад, т. е. гигантских магистральных автомобильных дорог, шириною 7,5 м, которые позволяют быстро пересечь всю страну на автомобилях в важнейших стратегических направлениях. Эти гигантские автомобильные шоссе со специальным оборудованием на всем их протяжении (колонки с бензином, мастерские для ремонта, склады запасных частей и пр.) дадут возможность быстро перебрасывать войска и грузы в Восточную Пруссию, Верхнюю Силезию, Австрию, Баварию, Швейцарию, Рейнскую область, Саар и к границам Польши.

Данные прессы говорят, что по этим автострадам машина за сутки может делать 1 000 км и больше, причем армия в составе пяти корпусов может быть переброшена с западной на восточную границу за 14—16 часов.

Все это чрезвычайно облегчает операцию и ввод резервов армии вторжения, действующей на важнейшем ударном направлении в начальный период войны.

Как видим, все современные генеральные штабы основных буржуазных государств решают развертывать миллионные армии, насыщенные современной сложной боевой техникой, о которой мы говорили выше.

Буржуазия в начальный период будущей войны прибегнет к самым энергичным мерам, чтобы добиться скорой победы над своим вероятным противником, постоянно применяя свирепые террористические средства по отношению к революционному рабочему классу, чтобы удержать свою диктатуру.

Современная французская военно-теоретическая мысль сделала шаг вперед по отношению к тому плану операций, который проектировал Петэн на 1919 г. и о котором мы говорили в главе XIX.

Если в плане Петэна основной оперативно-тактический стержень покоится на мысли сначала с к о в а т ь фронт противника, притянуть к этому фронту все его резервы, а затем уже, п е р е м о л о в э т и р е з е р в ы, обескровив противника, вести решительную операцию на участке главного удара, то в данное время французские военные писатели считают возможным с помощью новой военной техники несколько иной способ действий с самого начала операций.

Они говорят, что п е р е м а л ы в а н и е резервов противника слишком длительная и не всегда могущая дать желательный результат операция. Более целесообразно с помощью новой техники н е й т р а л и з о в а т ь р е з е р в ы противника и стремиться уничтожать их в глубине неприятельского расположения.

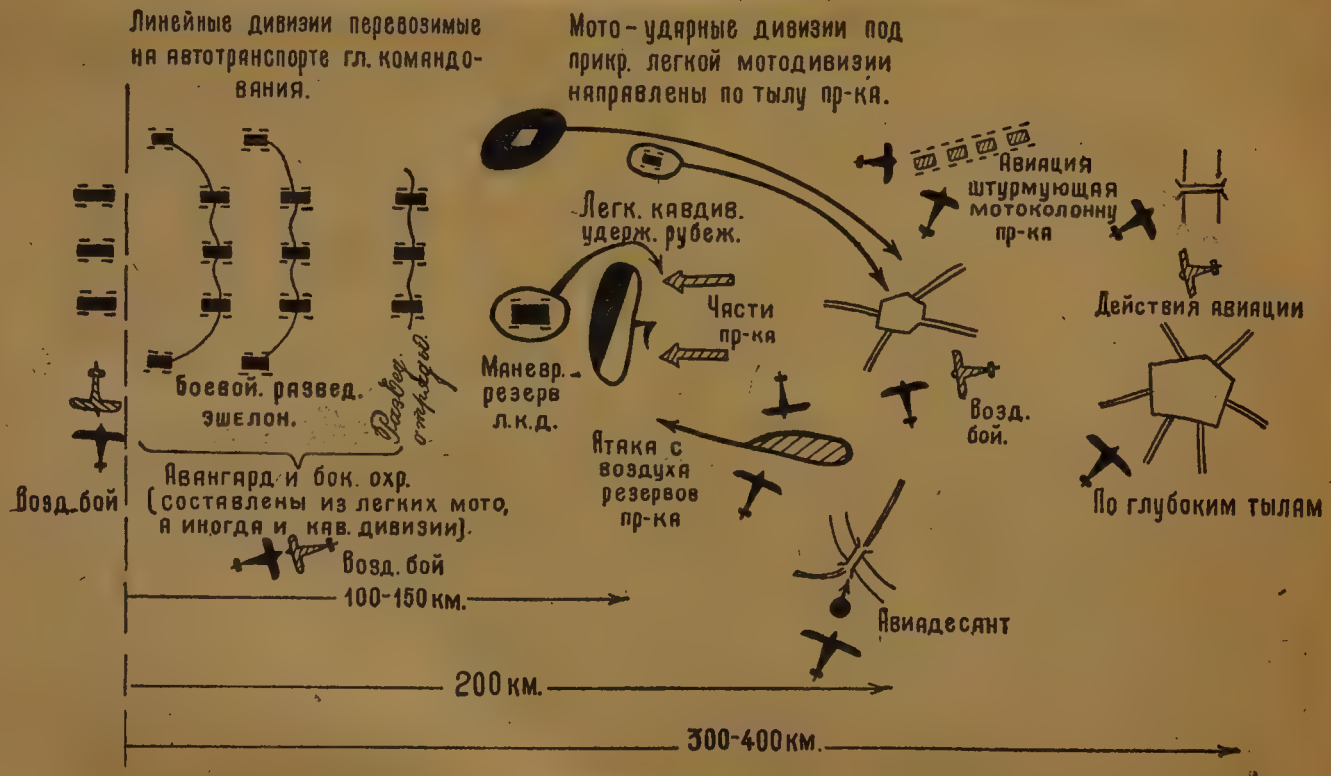
Если уничтожение в глубине не удается, то нейтрализация резервов противника должна быть обязательно достигнута н а т о в р е м я, когда производится главный удар на фронте.

Боевая авиация, авиадесанты, мотомеханизированные дивизии — вот основные силы, на которые ложится задача нейтрализации и уничтожения резервов противника в глубине, в то время как основная масса армии на фронте развивает свои наступательные операции.

Срыв мобилизации и стратегического сосредоточения неприятельских войск к границам возлагается также на эти силы.

В глубине на 300—400 км от государственной границы с помощью боевой авиации, авиадесантов, мотомеханизированных частей и современной модернизированной конницы представляется полная возможность с первых же часов начала боевых действий вкорне нарушить все планы по стратегическому сосредоточению и развертыванию армий противника и планы его промышленной мобилизации (города Рейна, Рурской области, фабрики и заводы на Майне, в Бадене и пр.).

Важнейшие политические и экономические центры противника, железнодорожные узлы и мосты, переправы через реки, аэродромы



Черт. 17 Действия „армии вторжения“ по французским взглядам.

и районы сосредоточения крупных резервов в 300—400-км полосе от границы германские и французские военные писатели считают совершенно необходимым с первого же часа войны взять под самое жестокое воздействие новых боевых технических средств и, главным образом, со стороны ВВС (военно-воздушных сил).

Эти действия в начальный период войны видны из приводимой нами схемы, дающей, конечно, лишь приблизительное представление, как всякая схема подобного рода (см. черт. 17, стр. 591).

По мнению французского генерала Фужерона совершенно очевидно, что будущая война не будет похожа на предыдущую.

Авиация и химическое оружие внесут в нее новый неизвестный до сих пор элемент. Самолет продолжит действия артиллерии по ту сторону фронта.

«Большие города, железные дороги, заводы, склады обмундирования, продовольствия и боеприпасов, как бы далеко в тылу они не были расположены, будут все-таки в пределах досягаемости авиации противника и должны быть защищены против ее попаданий как днем, так и ночью».

Дальше Фужерон подчеркивает:

«Внезапность и в дальнейшем останется одним из главных элементов успеха. В будущей войне подготовка к наступлению должна быть не только мощной, но и короткой».

«Будущая мобилизация и сосредоточение, столь пунктуально проведенные в 1914 г., будут по всей вероятности стеснены и задержаны действиями авиации противника».

С началом военных действий Фужерон требует активной мобилизации новых сил. «Нетрудно понять, — говорит он, — что если в начале войны профессиональная армия и может до известного предела играть роль слона в посудной лавке, то эти действия ее не могут быть ни очень длительными, ни сильно развернутыми».

«Армия вторжения», по высказываниям Секта, Людендорфа, Петэна, Мецша, Аллео, Шалеа и Фужерона, во-первых, должна опираться на собственную хорошо укрепленную полосу государственной границы; во-вторых, ее удар должен быть внезапным и именно в том направлении (оперативная цель), на котором противник не окажет большого сопротивления; она должна, в-третьих, создать трамплин для дальнейших действий тех новых отмобилизованных сил, которые будут сосредоточиваться к театру военных действий со всех концов страны (2-й и 3-й эшелоны мобилизации) и, в-четвертых, заставить противника отнести аэродромы так далеко в глубь его страны, чтобы у его авиации было меньше шансов прорваться к неприятельским границам и атаковать с воздуха жизненные пункты и районы. Этот последний момент об'ясняет причину широкого строительства подземных аэродромов.

На страницах французской печати начальник французского генерального штаба ген. Гамелен и его заместитель ген. Луазо усилен-

ным образом проповедуют теорию борьбы за фланги уже в первый период будущей войны.

Маневрирование войсками с помощью железнодорожного и автомобильного транспорта должно обеспечить командованию выигрыш фланга.

В этом фланговом маневре мотомеханизированные части, боевая авиация и авиадесанты будут играть решающую роль, так как они будут главным образом направлять все свои усилия к истощению резервов противника и выходу ударной группировки в его тыл [1]).

Французский генеральный штаб в настоящее время, как это явствует из военной печати, весьма внимательно следит за новыми вооружениями фашистской Германии.

Внезапность удара германской «армии вторжения» становится реальной, французские военные авторы считают, что сейчас Германия может без мобилизации в кратчайший срок выставить 900-тысячную армию отлично по-современному обученных и вооруженных бойцов.

Через 48 часов после принятого решения фашистская Германия может бросить свою «армию вторжения» в составе 500 000 бойцов к французской границе. Французский ген. Дебеней считает, что французской армии прикрытия, т. е. 1-му эшелону (20 пехотных дивизий и 5 кавдивизий, частично моторизованных, 10 танковых полков и 4 воздушных дивизии) нужно 4—5 дней (за исключением воздушных дивизий) для прикрытия важнейших направлений стратегического развертывания.

Таким образом Германия уже сейчас имеет преимущество во времени, а потому она может внезапным ударом нарушить планы мобилизации и сосредоточения французской армии.

Эти расчеты и мысли не остаются для французского генерального штаба безразличными, и мы видим, как в данное время французская «армия прикрытия» уже теряет свои пассивные тенденции зарываться в созданных новых пограничных укреплениях. Она превращается в активную «армию вторжения», которая не только будет стремиться не допустить вооруженный демарш со стороны германских фашистов, но сама внезапным ударом в жизненном направлении (Рейнская провинция, как первый этап) в любой момент заставит германский империализм почувствовать силу французского. Современная реорганизация французской армии как раз и направлена к этому.

Итак, «армия прикрытия», обращающаяся с момента решения на переход к активным действиям в «армию вторжения», фактически является 1-м этапом, первым эшелоном в проблеме стратегического развертывания современных армий.

Существование «армии вторжения» является концом для юриди-

---

[1]) Читатель по этому вопросу может ознакомиться со статьей Луазо «Фланговый маневр в войне будущего», «Военный зарубежник» № 9, 1933 г.

ческого и фактического об'явления войны посредством дипломатических нот, отозвания послов, а затем уже начала боевых действий, как это было в августе 1914 г.

«Армия вторжения» — это залог для осуществления внезапного удара именно в тот момент, когда меньше чем когда-либо его ожидают.

«Армия вторжения» является боевым щитом, за которым современная империалистическая буржуазия рассчитывает более успешно осуществить план мобилизации, сосредоточения и стратегического развертывания остальных своих вооруженных сил (2-й, 3-й и т. д. эшелоны мобилизации).

Польский генеральный штаб во многом копирует своего западного соседа в отношении оперативно-стратегического назначения «армии прикрытия» в начальный период войны.

По польским взглядам «армия прикрытия» есть в то же время и «армия вторжения» для внезапного удара и глубокого проникновения на территорию противника. Срыв мобилизации и районов стратегического сосредоточения и развертывания противника, захват его важнейших политико-экономических и военно-стратегических об'ектов в 200—300-километровой глубине от государственной границы — таков первый этап в действиях «армии прикрытия».

Например, польский генеральный штаб в пограничной полосе с СССР содержит $^1/_3$ пехотных соединений и $^1/_2$ конницы своих вооруженных сил мирного времени. Эти силы называются «армией прикрытия»; они хорошо оснащены в военно-техническом отношении и им приданы мотомеханизированные соединения и боевая авиация. Организационно-боевой состав их значительно усилен по сравнению с частями, расположенными в глубине страны (например, численность полков «армии прикрытия» равна 1 800—2 500 чел., в то время как обычный полк мирного времени не превышает 1 200—1 300 чел.).

Эта польская «армия прикрытия» постоянно находится в полной боевой готовности и по первому сигналу («тревога-алярм») командования без формального об'явления мобилизации выступает для выполнения оперативно-стратегических задач и целей крупного масштаба.

Таким образом, в современной «армии прикрытия» заложена основная и доминирующая оперативно-стратегическая идея активного внезапного вторжения.

В свете этих фактов особенно поучительными являются замечательные слова тов. Кагановича на 4-й Московской областной патконференции 17 января 1934 г.:

«Дипломатия — важное дело, особенно дипломатия марксистская, ленинская, сталинская. Мы понимаем обстановку, мы боремся за мир. Но наша борьба за мир, наша политика была бы не сильной, если бы у нас не было крепко с обороной, крепко внутри страны. Пакты пактами, но сам не спи, не зевай и крепи оборону СССР».

Японская оперативно-стратегическая доктрина по вопросу о назначении «армии прикрытия» имеет тот же взгляд, что и западноевропейские генеральные штабы, т. е. считает, что «армия прикрытия» внезапным ударом срывает мобилизацию и развертывание сил противника и тем самым обеспечивает себе свободу оперативных действий в кризисные часы и дни первых дней войны.

На примере японской «армии прикрытия» ярко видно, как она незаметно превратилась в «армию вторжения» летом 1932 г., когда 120-тысячная квантунская армия (7 пехотных дивизий, 1 отдельная бригада, 150 самолетов и 60 танков) оккупировала все важнейшие районы Манчжурии.

Отсюда ясно, что современный оборонительный термин «армия прикрытия» скорее является ширмой для внезапного наступательного удара «армии вторжения».

Существование «армии прикрытия» на границе должно заставлять держать в полной боевой готовности свои силы, чтобы не оказаться застигнутым врасплох и с первого же выстрела не потерять инициативу в действиях.

Насыщение «армии вторжения» современными военно-техническими средствами говорит о том, что приграничная полоса глубиной в 300—400 км является первой зоной боевых действий с первого выстрела противника. А всилу этого борьба за стратегическое развертывание по ранее разработанному плану войны будет самой жестокой, требующей особой гибкости и маневрирования районами сосредоточения и развертывания.

Если продолжительность начального периода войны (от первого дня мобилизации до начала крупных операций в пограничном сражении) в 1870 г. равнялась 19 дням, а в августе 1914 г. — 16 дням (Германия), то современные генеральные штабы империалистических армий (Франция, Германия, Япония, Польша) стремятся к тому, чтобы для первого эшелона — «армии прикрытия» (она же «армия вторжения») — эти сроки ограничивались часами, а для второго эшелона — призыв под знамена новых возрастов — днями (5—10 дней).

Эти минимальные сроки властно требуют от начальствующего состава и войск еще в мирное время прочного освоения новых технических средств борьбы и четкого понимания сложной работы современного тыла.

От правильной организации и работы тыла в начальный период операций будет зависеть очень и очень многое.

В этом отношении постоянно нужно помнить ошибки в сосредоточении и развертывании царских армий в августе 1914 г., когда войска оказались на 50—60% без своих тылов и огнеприпасов и в таком состоянии были ген. Жилинским двинуты в бой. Такая «организация» стратегического развертывания повлекла за собой ряд катастроф в Восточной Пруссии; примерно то же наблюдалось и у ген. Иванова на юго-западном фронте с 4-й и 5-й царскими армиями.

Страшная боязнь перехода будущей войны в позиционную с самых же первых боев и операций заставляет всех руководителей иностранных армий так строить и обучать свои вооруженные силы, так организовать работу военной промышленности, чтобы с первого выстрела большой серьезной войны «маневренный вал вращался бы без остановок».

Что касается организации командования, то, опираясь на опыт начального периода Мировой войны 1914 г., все генеральные штабы уже сейчас в мирное время ведут тщательную подготовительную работу по одному из сложнейших вопросов четкой расстановки личного состава армии и особенно крупных войсковых частей и соединений.

Основная установка такова: каждый начальник точно должен знать, что он будет делать с первого дня войны. Это необходимо для того, чтобы каждый начальник в мирное время себя готовил к той роли, которую он будет выполнять в первый период войны, памятуя, конечно, что работа над военной теорией, а также уставы, полевые поездки, маневры, военные игры на картах в мирное время лишь ориентир, первая отправная точка для проверки себя в первой операции, в первом действительном бою.

Настоящая учеба изо-дня в день начнется на полях сражения, там же начнется и действительная проверка накопленных знаний и опыта, там ошибаются, учатся на ошибках, учатся по-настоящему управлять. Знание и умение должно работать в полном взаимодействии и взаимопроникновении — вот в чем соль управления.

Кто более подготовлен, предприимчив, умеет вовремя отказаться от старых привычных навыков и заменить их новыми, кто более гибок к восприятию этого нового в борьбе, тот, ясно, будет в выигрыше по отношению к противнику, если тот этими качествами не обладает.

Наличие в современных империалистических государствах «армии прикрытия», которая располагает еще в мирное время районами пограничных укреплений и которая имеет в себе основную тенденцию превращения в «армию вторжения» с постоянной мобилизационной готовностью для внезапного удара и глубокого вторжения в территорию противника с первого часа войны, ясно говорит о том, что этот первый эшелон в первоначальный период войны не допускает мысли о стратегическом развертывании своего второго эшелона где-то в нескольких переходах от границы, от ее укрепленных районов, огневых точек, разбросанных в полосе государственной границы (т. е. отнесение стратегического развертывания назад, вроде плана царского генерального штаба от 1910 г.

А раз так, то борьба за районы стратегического развертывания, намеченные в мирное время планом войны, будет ожесточенной с первого выстрела новой войны.

В этом деле современная боевая авиация, мотомеханизированные части, современная конница, оснащенная мотором и броней, будут играть огромную роль.

Химическое и огневое нападение посредством авиации на железнодорожные узлы и двигающиеся в районы развертывания эшелоны с войсками и техникой, разрушения железнодорожного полотна на больших участках — все это будет новым фактором, которого мы не наблюдали в августе 1914 г., когда обе воюющие коалиции достаточно спокойно и беспрепятственно производили стратегическое развертывание своих армий.

В этом отношении установка буржуазных военных писателей, что «маневренная война вообще осуществима лишь при исключительной быстроте, при наличии быстрой смены решений, тяжелый молот обрушивается то здесь, то там, не давая покоя противнику, вращая вал без остановки, которая угрожает вызвать позиционную войну» имеет смысл, так как эта установка предусматривает интенсивное маневрирование на случай всяких неожиданностей.

Командование сдаст экзамен на свою зрелость, если сумеет быстро и целесообразно найти выход в том случае, когда предполагаемый планом войны район данного развертывания для данной частной армии оказался невозможным (налетом крупных сил авиации он разрушен, отравлен ОВ, выведен на долгое время из строя, разрушены железнодорожные пути, мосты и техническая связь).

Гибкость и быстрота в новом решении, мобильность в управлении развертываемыми войсками, перенос развертывания в другой район в данном случае необходимы как никогда. А что такие случаи будут в современной войне, в этом сомнения быть уже не может.

Все вышеизложенное совершенно ясно говорит о том, что «армия вторжения» по самой своей сущности не только имеет задачей захватить территорию противника, сорвать его мобилизацию и вероятные районы стратегического развертывания, но она имеет стремление вынести развертывание 2-го и 3-го эшелона своих отмобилизованных дивизий и корпусов вперед на территорию противника. Этого основного нельзя забывать. И было бы странно и неразумно предполагать, что руководители буржуазных генеральных штабов, организуя «армию вторжения», повторили бы с ней ошибки Наполеона III, который с полумобилизованными войсками и без войсковых тылов бросился на немецкие армии Мольтке-старшего и заплатил за этот опыт капитуляцией армии Базена в Меце и Седаном, или же ген. Жилинского, чье руководство привело к Самсоновской катастрофе в Восточной Пруссии и пр.

Буржуазные генеральные штабы, создавая «армию вторжения», имеют целью не только дать сигнал к образованию вооруженных фронтов в начальный период войны, но и посредством боевого опыта «армии вторжения» распознать противника, разузнать его боеспособность, его слабые и сильные стороны.

Совершенно ясно, что «армия вторжения», развертываясь на 150—200 и более километров фронта с целью глубокого внезапного удара, будет нацелена с первого момента в наиболее важный район противника.

Говоря о перерастании современной «армии прикрытия» в «армию вторжения», мы не видим в этом ничего особенно нового, так как еще старик Клаузевиц говорил:

«Быстрый и мощный переход к наступлению есть самый блестящий момент обороны. Кто такого момента в своих планах не предвидит, или, лучше сказать, кто сразу не включит его в понятие об обороне, тот никогда не убедится в преимуществах обороны перед другими способами борьбы».

В отношении же разрешения проблемы стратегического развертывания современные генеральные штабы буржуазии считают, что «армия прикрытия» (она же «армия вторжения») вполне может удовлетворить основным требованиям для целесообразного и успешного проведения развертывания вооруженных сил.

Во-первых, безопасность достигается тем, что «армия вторжения» не дает себя преждевременно атаковать, так как она сама внезапным переходом в наступление первая атакует противника.

Во-вторых, выигрыш во времени получается всилу того, что инициатива в ее руках и она бьет еще не совсем сосредоточившегося противника.

В-третьих, превосходство в силах получается благодаря тому, что «армия вторжения» обладает двумя условиями, указанными выше. Решившись на вторжение, этот первостепенной важности политический и стратегический шаг, инициаторы «армии вторжения» сосредоточат подавляющее превосходство в силах и средствах, с тем чтобы получить решающий успех.

В-четвертых, инициатор, пуская в дело «армию вторжения», выберет и удобные районы для ее развертывания и наиболее жизненное и выгодное для себя оперативное направление.

Иными словами, внезапный удар будет направлен в наиболее важном оперативно-стратегическом и политическом направлении при активной обороне на второстепенных.

**
*

Еще раз охватывая мысленным взором весь путь, пройденный нами при изучении военно-исторического материала, который пока частично вошел в настоящий первый том, мы приходим к следующему заключению.

Мы разобрали целый ряд различных планов стратегического развертывания в различных странах и в различное время, с тем чтобы еще конкретнее обосновать главную мысль данной книги, а именно показать, что в настоящий период высшей стадии (фазы) развития военного искусства методы и приемы стратегического развертывания изменились по сравнению с последним богатейшим историческим периодом 1870—1920 гг.

За эти 50 лет накопился огромный, разнообразный и разнохарактерный опыт, анализ и изучение которого дает материал для понимания того, каким путем будет осуществляться и протекать на-

чальный период и стратегическое развертывание в предстоящую большую войну.

Мы делаем пока что попытку научно-исторического обобщения сложного вопроса проблемы стратегического развертывания, ясно понимая как еще много осталось нерешенного и недосказанного. Очевидно одно, мы уже не можем более наблюдать того, если можно так выразиться, «спокойного», «медлительного» характера стратегического развертывания, которое было в предшествующий, ближайший к нам 50-летний период войн. Если отдельные элементы, отдельные штрихи из предшествующего опыта найдут свое место в будущем, то проблема стратегического развертывания в целом, как и эти отдельные элементы и штрихи, все будет уже иным, т. е. более сложным, быстротечным, внезапным. «Война начнется только внезапно. Она начнется именно в тот момент, когда ее меньше всего ожидают», так твердо заявляют авторитетные военные стратеги и операторы современной буржуазии. Отсюда, внезапность перехода в энергичное и глубокое наступление «армии вторжения», естественно, исключает устаревший акт официального «предварительного» объявления войны.

«Армия прикрытия», расположенная в мирное время частично в пограничных укрепленных районах, большею частью в недалеком от них расстоянии, имея штаты войск и учреждений очень приближенные к военному времени и самую максимальную мобилизационную готовность, выражающуюся несколькими часами, такая «армия прикрытия» по своему смыслу и содержанию является «армией вторжения». Иными словами, она постоянно готова перейти в энергичное, длительное и глубокое наступление.

Современная «армия прикрытия» в своем составе имеет, главным образом, активные и подвижные рода войск: механизированные (танкетки, танки, броневики), моторизованные (пехота с автоматическим вооружением на всюдуходных автомашинах) воздушный флот, конницу, оснащенную авиацией, противохимической защитой, танками и бронемашинами и т. д., т. е. те рода войск, которые могут вести длительный, упорный бой, глубоко вторгнуться в территорию противника и удержать эту территорию до подхода новых сил и средств из 2-го эшелона. Максимально сжатые сроки в мобилизации, а затем быстрое сосредоточение и развертывание живых сил и технических средств в ранее выбранном направлении с исключительно быстрым переходом промышленности с мирного на военное положение должны обеспечить быстроту в развитии решительных операций.

Германский фашизм утверждает, что:

«Стратегия завтрашнего дня должна будет стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону» («Militär Wochenblatt»). Отсюда идет проповедь в современной военной печати гитлеровской Герма-

нии, что противника необходимо захватить врасплох, перепутать карты в отношении его районов стратегического сосредоточения и развертывания, которые им намечены еще до войны, захватить быстро эти районы, находящиеся обычно в 80—100—150-км полосе от государственной границы, разгромить и захимить их авиацией, бросить авиаэскадрильи в глубокий тыл с основной задачей внести элементы паники, растерянности и деморализиции с первых же часов войны.

Во всем этом активное участие должны принять диверсионные и вредительские шайки, заранее брошенные в тылы на наиважнейших стратегических направлениях, на важнейшие об'екты промышленности, городского и сельского хозяйства, военные склады, аэродромы, электростанции и т. п., чтобы затормозить и разрушить оборонную работу этих об'ектов. Война будет в основном маневренной, но в отношении длительности споры идут большие. Большинство авторов современной буржуазии говорит, что нельзя допускать длительной на целые годы войны, так как такая война неизбежно вызовет революцию и победу последней. Они считают, что совершенно необходимо в начале же войны применять в широких масштабах принцип технической внезапности (различные н о в ы е средства разрушения и истребления).

Ни стратегия Кутузова с его тактикой отступления в глубь страны, ни стратегия Куропаткина с преднамеренным отходом его армий к Мукдену, ни стратегия Жоффра и Пилсудского с их отступлением к Марне и Висле для будущего маневра, совершенно не прельщает современных стратегов-операторов буржуазии. «Глубокий отход армии — это значит — революция в стране», заявляют они. Потеря территории страны признается величайшим злом, а внезапное вторжение на территорию противника благом. Мощность и быстрота современной техники внесла новые моменты в знаменитую формулу Мольтке-старшего, что «одна ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании». Было бы весьма ошибочным думать, что современные т р а н с п о р т н ы е с р е д с т в а совершенно опрокинули эту формулу Мольтке и сделали ее пережитком. Неправильное нацеливание современных огромных сил и средств повлечет за собой еще большее бедствие, чем раньше, так как не всегда удастся ошибки в проблеме стратегической исправить при помощи транспорта. Мощность и быстрота современной техники внесли новые возможности в прорыв, охват, преследование, но эта же техника, как никогда, требует и предвидения и искусства. План стратегического развертывания живых сил и технических средств и его осуществление в современных условиях развития военного дела является самым ответственным, самым решающим делом. Он должен быть мудрым и максимально простым. Тщательность и всесторонность его разработки, твердое и искусное осуществление его в жизни являются основным требованием к тем, кто призван будет пустить эту гигантскую машину в ход на театре войны, а отсюда и в стране.

Современные генеральные штабы буржуазии хорошо осознали, что сейчас проигранное большое пограничное сражение и качественно и количественно будет резко отличаться от пограничных сражений 1914 г. Проигрыш современного большого пограничного сражения будет огромной, невиданной катастрофой, переломом, большой потерей трудно создаваемых кадров, потерей колоссальных технических средств, которые вбирает, втягивает в себя современное сражение, это будет ударом по материальному состоянию живых сил армии и крушением авторитета у полководцев. А поэтому каждый современный полководец должен крепко изучить опыт своих исторических предшественников, итти дальше в искусстве вождения и, фигурально выражаясь, д е р з а т ь, предварительно положив свое сердце в голову. Не случайно, а вполне закономерно мы наблюдаем в лагере современной буржуазии большую популярность лозунга, что «первая победа в будущей войне — лучший залог для крепости фронта и особенно тыла». Итак, искусное стратегическое развертывание сил и средств на современных театрах войны, целесообразное и успешное введение этих сил и средств в дело, как никогда, будет являться лучшей оценкой того уровня полководческого искусства и творчества, которых достигла данная армия данной страны. Именно об этом и говорит конкретный военно-исторический материал настоящей работы.

В нашей работе над большой и сложной темой второго тома «Проблем стратегического развертывания», который охватывает анализ революционно-классовой борьбы за период нашей гражданской войны 1917—1922 гг. и те империалистические планы, которые вынашиваются генеральными штабами современной фашистской буржуазии против Страны советов, нашим маяком, нашей путеводной звездой остаются огненные слова гениального теоретика, мыслителя и вождя всего рабочего класса и трудящегося человечества тов. И. В. Сталина: «М и р о в о е з н а ч е н и е О к т я б р ь с к о й р е в о л ю ц и и с о с т о и т н е т о л ь к о в т о м, ч т о о н а я в л я е т с я в е л и к и м п о ч и н о м о д н о й с т р а н ы в д е л е п р о р ы в а с и с т е м ы и м п е р и а л и з м а и п е р в ы м о ч а г о м с о ц и а л и з м а в о к е а н е и м п е р и а л и с т и ч е с к и х с т р а н, н о т а к ж е и в т о м, ч т о о н а с о с т а в л я е т п е р в ы й э т а п м и р о в о й р е в о л ю ц и и, и м о г у ч у ю б а з у е е д а л ь н е й ш е г о р а з в е р т ы в а н и я».

Приложение 1.

ЗАСЕДАНИЕ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО СОВЕТА 19 июля 1911 г. [1])

(Выписка из протокола заседания ВВС).

Записка от 15 июля 1911 г., составленная вице-председателем ВВС ген. Мишель и представленная на обсуждение ВВС 19 июля 1911 г.

О РЕЗЕРВНЫХ ПОЛКАХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В СОЕДИНЕНИИ С РЕГУЛЯРНОЙ ЛИНЕЙНОЙ АРМИЕЙ

Настоящее положение вопроса

До сих пор придерживались принципа полного отделения на войне регулярных войсковых единиц от единиц резерва.

Сейчас наши силы первой линии состоят из корпуса регулярной армии; за ним на расстоянии одного-двухдневного перехода следует бригада резерва. Силы 2-й линии состоят из групп резервных дивизий, выступающих через 3—4 дня после корпусов регулярной армии. Обычно регулярные корпуса готовы к выступлению на 11-й день мобилизации; резервные бригады — на 13-й день; резервные дивизии — на 15-й день. Но, принимая во внимание расстояние, отделяющее их от 1-й линии, можно рассчитывать на их введение в действие самое раннее, и то при самых благоприятных условиях, лишь на 18-й день мобилизации.

Наши силы, распределенные таким образом на значительную глубину, следовательно дают:

1) $^1/_2$ — регулярные войска;
2) $^1/_3$ — резервные бригады два дня спустя;
3) $^3/_8$ — резервные дивизии спустя семь дней после изготовки регулярных корпусов.

Вот какова обстановка.

Дивизии резерва

Дивизия резерва, состоящая из трех бригад пехоты, имеет численный состав почти что равный корпусу. Дивизия недостаточно

[1]) Дословный перевод с французского.

снабжена конницей, артиллерией и вспомогательными службами, чтобы действовать самостоятельно. Она составлена из различных частей, из элементов, набранных отовсюду, которые не знают друг друга. Поэтому считают, что ей надо время 15—20 дней, чтобы хоть немного сорганизоваться и сплотиться. Командирами единиц резерва, бригад или дивизий назначаются старшие офицеры 2-й секции кадра Главного генерального штаба. Они обладают чересчур преклонным возрастом, чтобы стоять во главе единиц, составленных исключительно из резервистов.

Дивизии резерва существуют на бумаге, но кто может гарантировать их прочность? Лишь из-за одного этого следует отказаться формировать части, на которые нельзя твердо положиться. Просьба к Высшему военному совету дать свое заключение на вопрос: обладают ли дивизии резерва с точки зрения командования необходимой спайкой и стойкостью? Следует ли сохранить резервные дивизии или отказаться от них?

Современное значение регулярных и резервных соединений

Коренное отделение регулярных соединений от резервных соединений могло иметь место прежде при пятилетней военной службе. При двухлетней службе нет более основания для такого разделения.

Если мобилизация произойдет до того, как новобранцы будут достаточно обучены, то регулярный полк будет состоять из 1 разряда регулярных обученных солдат и 4 разрядов резервистов.

Полк резерва состоит целиком из резервистов сравнительно зрелого возраста и нужно сказать открыто, что резервисты всех армий уступают нашим. В октябре 1909 г. после двухлетней внимательной инспекции резервных полков ген. Мишель сказал о них не только свое личное мнение, но и мнение командиров корпусов, командовавших ими в период сборов: «Резервные полки резко отличаются от регулярных полков. Составленные из людей одной местности, почти одного возраста, одинакового роста, одинаковой крови, одинаковой учебы, эти полки обладают войсковым духом и их легко сплотить для совместных действий. Несомненно, что во время большой войны эти полки, однородные и образованные из крепких элементов, составляет грозную силу, способную удвоить силы регулярной армии.

По качеству солдаты резервного полка не ниже регулярного полка, как кадр он в настоящее время значительно ниже регулярного полка.

Многие командиры корпусов считают, и я разделяю их мнение, что с придачей 1 офицера из регулярной части и двух унтер-офицеров сверхсрочной службы к каждой резервной роте, — резервный полк был бы на высоте своего положения и мог бы быть в полной мере использован в первой линии.

Это выделение 1 офицера и 2 унтер-офицеров мало уменьшит

достоинства регулярного полка, тем более при всегда полном комплекте кадров; и эта мера обеспечила бы воспитание единиц резерва в хороших условиях. Так как по закону единицы резерва входят в состав регулярных войск, то и должны быть сорганизованы надлежащим образом».

Включение кадров регулярных соединений в резервные полки

Ценность полков резерва зависит от включения их в кадры регулярных соединений. Резервистам нужны начальники молодые, но опытные, знающие военное дело и могущие служить примером. Уже приняты меры к увеличению достоинств офицеров резерва: проект закона о кадрах пехоты вольет новую силу в командные кадры военного времени.

С принятыми уже мерами и с мерами, намеченными для проведения, достоинство единиц резерва достигнет полного расцвета, что позволит им уже с первого дня созыва участвовать в лагерных сборах. Соответствующий опыт будет произведен на маневрах на севере в этом году. Бригада резерва, собранная в лагере Сиссон, будет пущена в дело после нескольких дней приспособления к лагерной жизни, и этот опыт покажет ту степень доверия, которую можно иметь к полкам резерва, возглавляемым хорошими командирами и умело влитыми в кадр.

Полубригады

Было предложено слить резервный полк с регулярным полком и создать, таким образом, полубригаду из двух полков под командованием полковника регулярного полка. Каждый полк, регулярный или резервный, был бы управляем подполковником регулярной части, доведя до двух число подполковников каждого полка. Настоящий запасный кадр позволяет назначать начальниками 2 батальонов резервного полка офицеров регулярных частей. В ротах кадры, заимствованные из регулярной роты, будут заменены элементами того же порядка, взятыми из резерва. Все эти меры можно немедленно провести в полках. И со временем меры эти должны распространиться и на окружные и крепостные полки. Аналогичные меры могут быть приняты и для батальонов егерей. Таким образом, число наших соединений в пехоте удвоится (бригады, дивизии, корпуса). Также удвоится и численный состав единиц инженерных войск. Но в настоящее время на корпус невозможно увеличить число единиц конницы и артиллерии. Корпус будет иметь 2 кавалерийских полка и 40 батарей артиллерии.

Следующая таблица показывает состав соединений военного времени (все под командой начальника регулярной армии, старших офицеров 2-й секции кадра главного генерального штаба; офицеры, бывшие в отставке, назначаются, как правило, в территориальные соединения).

Регулярная армия. Командиры	Боевые единицы	Эскадроны	Батальоны	Батареи	Инжен. роты	Числен. состав в круг. числах бойцов
Подполковник . .	Полк	—	3	—	—	3 000
Полковник . . .	Полубригада	—	6	—	—	6 000
Ген. бригады . .	Бригада	1	12	1	1	12 000
Ген. дивизии . .	Дивизия	4	24	20	4	32 000
	Корпус 2 дивизии	8	48	40	8	70 000
	Корпус 3 дивизии	12	72	60	12	93 000

Дивизия военного времени с численным составом, почти равным составу нынешнего корпуса, станет основной единицей для наступления, для маневрирования и боя и будет заключать в себе: 1 полк кавалерии, 2 бригады военного времени, 2 роты инженерных войск и 5 дивизионов артиллерии по 4 батареи каждый.

Корпус будет состоять из 2 или 3 дивизий военного времени. К каждому из 21 корпусов можно прибавить по 1 дивизиону тяжелой артиллерии с двумя батареями. Такие корпуса обладали бы мощной ударной силой.

Штабы полубригад, бригад, дивизий и корпусов вновь пополняются из ресурсов, ныне питающих бригады и дивизии резерва. Офицеры резерва могут, в случае надобности, служить нужным дополнением.

Увеличение протяжения фронта и последствия этого

Фронт каждого соединения военного времени будет почти что вдвое увеличен. Мы сможем значительно расширить границы развертывания и сосредоточения наших армий.

Наконец, введение в действие одновременно единиц регулярной армии и единиц резерва позволит:

1. Менее однообразно распределять наши мобилизованные силы.
2. Не быть прикованным к границе, организованной для обороны одной и другой стороной.
3. Предоставить в распоряжение главнокомандующего маневренные силы, способные к широким и мощным наступательным и маневренным действиям.

Перевозка при сосредоточении

Проект изменит распределение существующих единиц, но не вносит никаких перемен в числовой итог перевозок войсковых единиц в районы сосредоточения, ни в условия перевозок. Перевозки начнутся в те же сроки, как раньше намечено, и закончатся между 11-м и 14-м днем мобилизации. Начиная с 11-го дня, командующие армиями будут располагать тем же численным составом, что и ныне, т. е. 800 тыс. человек, чтобы противостоять неприятелю.

Но последующие части будут подвезены в район сосредоточения на 14-й день мобилизации, а не 3—4 днями позднее после подготовки регулярных соединений. Таким образом может быть устранена задержка, связанная с сосредоточением дивизий резерва. Начиная с 15-го дня мобилизации, крупные соединения достигнут полного своего состава, т. е. 1 600 000 человек, готовых к выступлению.

Заключение

Слияние резервного полка с регулярным полком может вызвать только плодотворное соревнование между этими двумя полками.

Кроме того очевидно, что командир регулярного полка, который будет командовать полубригадой и поведет ее в бой, вполне заинтересован в том, чтобы обеспечить наилучший состав кадра в обоих полках.

Слияние даст резервному полку максимальную продуктивность в работе и поднимет дух полка. Само название «полубригада» напоминает самую славную эпоху нашей национальной истории.

Высший военный совет приглашается высказаться по следующему вопросу:

«Есть ли основания принять принцип создания полубригад из регулярных полков и соответствующих резервных полков, об'единяемых под командованием командира регулярного полка».

В случае утвердительного ответа, изучение касательно проведения этого принципа в жизнь будет продолжено. Результат изучения будет потом представлен Высшему военному совету.

В 1912 г. известное количество резервных полков могло бы быть призвано к учебному лагерному сбору вместе с соответствующими регулярными полками для совместных учений под командованием командира регулярного полка,

Также следовало бы произвести опыты с батареями поддержек, участвующими в маневрах с дивизионами, создавшими их. Таким образом в дивизионе было бы 4 батареи.

Начальник дивизии, вице-председатель ВВС ген. Мишель»

Париж,
15 июня 1911 г.

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Франция

Время		Убито		Пропало без вести и военноплен.		Ранено	
		офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат
1914 г. С 5 августа по 5 сентября	Приграничные бои .						
6—13 сентября	Сражение на Марне .	435 000				409 009	
Октябрь — ноябрь	Бег к морю. Сражение под Артуа и Изер						
1915 г. С 25 сентября по 15 октября	Сражение в Шампани	1 153	26 698	497	53 161	2 693	95 012
1916 г. С 21 февраля по 1 ноября	Верденское сражение	1 774	53 938	1 838	95 393	4 660	190 590
С 20 июня по 30 ноября 19.6 г.	Сражение на Сомме .	1 355	35 074	324	28 194	3 331	126 173
С 15 апреля по 10 мая 1917 г.	Сражение на р. Эн .	1 015	23 164	303	25 288	2 409	87 417
С 27 мая по 15 июня 1918 г.	Тоже	360	7 900	1 280	67 900	1 330	39 300
Март — июнь 1918 г.	Мартовское наступление германцев .	158 000				275 060	
9—15 июня 1918 г.	Сражение на Уазе. .	100	2 000	230	13 200	430	12 200
С 11 июля по 3 августа 1918 г.	Марнское сражение .	570	14 100	510	30 400	2 220	82 700

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

(по данным рейхсархива)

Германия

Время	На франко-бельгийском фронте			На британском фронте [1]			Всего на западном фронте [2]		
	убито [3]	пропавш. без вести и военно-плен. [4]	ранено	убито [3]	пропавш. без вести и воен.-плен.	ранено	убито [1]	пропавш. без вести и воен.-плен.	ранено
1914 г.									
Август — ноябрь [5]							116 750	107 650	453 060
Декабрь 1914 г. — январь 1915 г. [5]							54 826	11 100	104 100
1915 г.									
Февраль — март	20 446	9 457	66 079	2 927	4 394	11 169	23 373	13 851	77 248
Апрель — июнь	37 020	23 283	130 117	8 333	4 937	29 916	45 253	28 220	160 033
Июнь — август	13 427	4 805	48 553	2 225	708	8 684	15 652	5 513	57 237
Сентябрь — ноябрь	24 551	31 164	98 424	6 165	5 363	20 521	30 716	36 527	118 945
Декабрь 1915 г. — январь 1916 г.	5 623	2 312	20 998	2 279	82	8 408	7 902	2 394	29 406
1916 г.									
Февраль — июнь	46 973	25 316	206 450	10 845	2 531	42 131	57 818	27 847	248 581
Июль — октябрь	49 510	72 935	215 566	32 338	36 288	131 332	81 848	109 223	346 898
Ноябрь — декабрь	8 455	14 395	33 187	6 135	7 207	22 894	14 590	21 602	56 081
1917 г.									
Январь — март	5 826	1 241	23 116	6 878	5 226	23 094	12 704	6 467	46 210
Апрель — июль	38 122	48 285	151 913	29 642	40 806	105 323	67 764	89 091	257 226
Август — декабрь	25 728	33 548	108 105	37 630	51 848	147 658	63 358	85 396	255 763
1918 г									
Январь — февраль	2 049	1 441	3 740	2 351	545	8 938	4 400	1 986	12 678
Март — июнь	41 121	26 424	185 659	73 130	47 049	314 958	114 251	73 473	500 617
Июль — ноябрь [6]	45 169	154 313	215 135	33 027	193 554	144 535	78 196	347 867	359 670
Итого							789 401	968 207	3 083 753

(Статистический ежегодник 1924—25 гг., стр. 26).

[1]) Включая сюда и потери против португальцев, включенных временно на британский фронт.
[2]) Потери на американском фронте оцениваются около 25 000 чел. Подробных сведений не имеется.
[3]) Только убитых на поле сражения. Умершие в госпиталях, раненые и больные сюда не входят.
[4]) По данным из табелей срочных донесений, поступавших в ставку каждые 4 дня. Число пропавших включает также и число временно отсутствующих, которые позднее показаны или в числе убитых или раненых.
[5]) Потери с августа 1914 г. по январь 1915 г. имеются только в общих чертах, которые основаны на общем подсчете.
[6]) Данные за октябрь 1918 г. не полные, за ноябрь — совершенно отсутствуют.

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Англия

Операция	Погибших (убитых, умерших от ран, болезней и др. несчастных случаев)		Раненых		Пропавших без вести и попавших в плен		Всего потерь	
	офицеров	прочих чинов	офицеров	прочих чинов	офицеров	прочих чинов	офицеров	прочих чинов
1. Наступление на Сомме с 1 октября 1915 г. по 30 сентября 1916 г.	5 851	101 873	14 788	328 643	1 441	44 458	22 080	274 974
2. Аррасское наступление с 9 апреля по 6 июня 1917 г.	1 788	25 744	6 457	118 858	1 122	33 814	9 367	178 416
3. Мессинское наступление с 7 июня по 30 июля 1917 г.	857	14 878	4 183	80 740	337	8 387	5 377	104 005
4. Третья Ипрская битва с 31 июля по 31 октября 1917 г.	3 895 155 [1]	56 432 54	14 197 334	270 205 227	1 727 417	53 365 52	19 819 906	380 002 333
5. Наступление в Камбре с 20 сентября по 31 декабря 1917 г.	777 55	9 265 6	2 716 79	45 936 30	803 91	16 184 18	4 296 225	71 385 54

[1]) Цифры в знаменателе означают число летчиков (включенное и в общее число, обозначенное в числителе).

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Италия

Фронт	Операции	Период	Потери			
			убитых	раненых	пленных	всего
Изонцо	Итальянское наступление и австрийск. контрнаступление	Май — ноябрь 1915 г	54 000	160 000	21 000	235 000
»	Т о ж е	Август — ноябрь 1915 г.	45 000	112 000	20 000	177 000
»	Т о ж е	Май — сентябрь 1917 г.	92 000	226 000	46 000	364 000
Трентино	Австрийское наступление и итальянское контрнаступление	Май — июнь 1916 г.	35 000	75 000	45.000	155 000
»	Итальянское наступление и австрийское контрнаступление	Июнь 1917 г.	9 000	25 000	3 000	37 000
Изонцо — Трентино	Австро-германское наступление	Октябрь, 24—31 декабря 1917 г.	37 000	91 000	335 000	463 000
Астрико — Маро	Австрийское наступление и итальянское контрнаступление	Июнь 15—28 1918 г.	11 000	29 000	52 000	92 000
Порра — Пиаве	Итальянское наступление	24 окт. — 4 нояб. 1918 г.	7 000	23 000	3 000	33 000

Список

ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ I ТОМА

К. Маркс и Фр. Энгельс. Сочинения, тт. VIII, X, XIV. ИМЭЛ. 1918—1933 гг.
К. Маркс. Капитал, т. I, М. 1931 г.
К. Маркс. Избранные произведения, тт. I и II. М. 1933 г.
К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма. Соцэкгиз. 1931 г.
Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. ГИЗ. 1928 г.
Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. ГИЗ. 1933 г.
Ф. Энгельс. Статьи о войне 1870—1871 гг., изд. ВВРС. 1924 г.
Ф. Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, изд. «Красная новь». 1924 г.
К. Маркс и Фр. Энгельс. Архив, т. I (VI). Партиздат. 1932 г.
Ленин. Сочинения, тт. I, II, III, IV, V, XII, XIII; XVIII; XIX; XXII; XXV; XXVI, XXVII, XXX.
Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е. Партиздат, 1935 г.
Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 9-е. Партиздат. 1932 г.
Сталин. Вопросы ленинизма (дополнение к 9-му изд.). 1933 г.
Сталин. Отчетный доклад на 17 с'езде ВКП(б). Партиздат, 1934 г.
Ворошилов. Об итогах первой пятилетки. Партиздат. 1933 г.
Ворошилов. Речи на 15, 16, 17 с'ездах ВКП(б).
Ворошилов. Сталин и Красная армия. Партиздат, М. 1933 г.
Ворошилов. 15 лет Красной армии. Партиздат, М. 1933 г.
Фрунзе. Собрание сочинений, тт. I—III. ГИЗ 1924—1929 гг.
Стенографические отчеты 12 и 13 пленума ИККИ.
Стенографические отчеты 15, 16, 17 с'ездов ВКП(б) — речи Молотова и Кагановича.
Аллео. Моторизация и армия будущего. Париж. 1929 г.
Базаревский. Мировая война 1914—1918 гг. ГИЗ. 1927 г.
Барсуков. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. ГИЗ. 1926 г.
Бати. От вдохновения к методу. ГИЗ. 1928 г.
Белицкий С. Стратегические резервы. ГИЗ. 1930 г.
Белой. Галицийская битва. ГИЗ. 1929 г.
Бернгарди. Современная война, тт. I и II, изд. 1912 г.
Берти. За кулисами Антанты (дневник британского посла в Париже). ГИЗ. 1927 г.
Бетман-Гольвег. Мысли о войне. ГИЗ. 1925 г.
Бисмарк. Вильгельм II. ГИЗ. 1923 г.
Бозе. Катастрофа 8 августа 1918 г. ГВИЗ. 1934 г.
Bonnal. L'esprit de la guerre moderne. La manoeuvre de Sainte-Privat. Paris 1904.
Борисов. Краткий стратегический очерк войны 1914—1918 гг., вв. 1 и 2. М. 1918 г.

Брусилов. Мои воспоминания. ГИЗ. 1929 г.
Брухмюллер. Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне. Изд. ВВРС. 1923 г.
Буше. Основы подготовки великой войны. Л.-М. 1927 г.
Бюа. Германская армия в войне 1914—1918 гг. Париж. 1920 г.
Валентинов. Сношения с союзниками во время войны 1914—1918 гг. ГИЗ. 1920 г.
Варфоломеев. Ударная армия 1918 г. ГВИЗ. 1933 г.
Вацетис. Боевые действия в Восточной Пруссии. Изд. ВВРС, М. 1928 г.
«Военный зарубежник» (журнал) с № 1 по № 9. ГИЗ. 1931—1933 гг.
«Война и революция» (журнал) за 1927—1934 гг.
Вольпе. Фронтальный удар. ГВИЗ. 1931 г.
Вооруженные силы Австро-Венгрии по данным 1907—1914 гг. Изд. Главного управления генштаба. СПБ.
Wrisberg. Wehr und Waffen 1914—1918. Leipzig. 1922.
Гаскуэн. Эволюция артиллерии во время мировой войны. Изд. ВВРС 1921 г.
Гельдерс. Воздушная война 1936 г. ГИЗ. 1932 г.
Гере. Распределение боевых сил в Германии во время мировой войны. Берлин. 1926 г.
Гирль. Резервы в различные эпохи. Журнал «Война и революция», кн. 4. 1929 г.
Головин. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Прага. 1926 г.
Головин. Служба генерального штаба. СПБ. 1912 г.
Гольц. Вооруженный народ. СПБ. 1886 г.
Гранмезон. Идея обеспечения успеха и бой крупных войсковых соединений (два сообщения офиц. ген. штаба). СПБ. 1912 г.
Гровс. За дымовой завесой. ГВИЗ 1934 г.
Groener. Der Feldherr wider Willen. Berlin. 1931
Groener. Der Testament des Grafen Schliffen. Berlin. 1926.
Данилов Ю. Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин. 1924 г.
Дволайский. Расцвет германского империализма. БСЭ, т. XVI.
Де-Лазари. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914—1918 гг. ГВИЗ. 1935 г.
Дуэ. Война 19..., изд. 1929 г.
Дюпон. Высшее германское командование. ГИЗ. 1923 г.
Жигур. Оперативный план Шлиффена и современная действительность. Журнал «Война и революция», кн. 6—7. 1929 г.
Жигур. Химическое оружие в современной войне. ГВИЗ. 1933 г.
Жоффр. Подготовка войны и ведение операций. Изд. ВВРС. М. 1923 г.
Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг. (маневренный период на русском фронте). ГВИЗ. 1928 г.
Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. ГВИЗ. 1926 г.
Замбржицкий. Атлас танков и бронемашин. Изд. Арт. академии РККА. Ленинград. 1932 г.
Записки комакадемии (военная секция), кн. 1, 2, 3. ГИЗ. 1930—1931 гг.
Звонарев. Агентурная разведка в мировую войну 1914—1918 гг. М. 1929 г.
Зольдан. Человек и битва будущего. ГИЗ. 1928 г.
Извольский. Воспоминания. Петроград. 1924 г.
Иммануэль. Победы и поражения в мировой войне. Берлин. 1920 г.
Информационный сборник за 1930—1933 гг.
Иохим. Подготовка немецкой армии к большому сражению во Франции весной 1918 г., вып. 1—5. ГВИЗ, М. 1932 г.
Иссерсон. Эволюция оперативного искусства. ГВИЗ. 1932 г.
Камон. Моторизация армии. Париж. 1928 г.
Капустин. Оперативное искусство в позиционной войне. ГИЗ. 1927 г.
Каутский. Материалистическое понимание истории, тт. I, II. Гос. соц. эк. изд. М.-Л. 1931 г.
Кенворти. Новые войны, новое оружие. Лондон. 1930 г.
Кириллов-Губецкий. Современная артиллерия. ГВИЗ. 1933 г.

Киш Эгон. Падение полковника австро-венгерского штаба Редля.
Клаузевиц. О войне, тт. I, II, III. ГВИЗ. 1932—1933 гг. (и в двух томах изд. 1902 г.).
Клаузевиц. Основы стратегического решения. ГИЗ. 1929 г.
Conrad. Aus meiner Dienszeit 1906—1918. B. IV. Wien. 1923—24.
Красильников. Организация крупных общевойсковых соединений. ГИЗ. 1933 г.
Куль. Германский генеральный штаб. Изд. ВВРС. 1922 г.
Куль и Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций 1918 г.
Кюльман. Общая тактика по опыту мировой войны. ГИЗ. 1928 г.
Кюльман. Стратегия. ГИЗ. 1927 г.
Лапчинский. Техника и тактика воздушного флота. ГВИЗ. 1932 г.
Лапчинский. Тактика авиации. ГИЗ. 1931 г.
Леближуа. Долговременная фортификация. Воениз. 1934 г.
Леваль. Стратегия маршей. СПБ. 1893 г.
Леер. Стратегия (тактика театра военных действий). СПБ. 1898 г.
Лекции по стратегии во французской военной академии. Изд. Воен. академии им. Фрунзе. М. 1930 г.
Лемке. 250 дней в царской ставке. ГИЗ. П. 1920 г.
Les armées françaises dans la grande guerre, tt. I—VII, Paris 1923—25.
Ле Энаф и Борнек. Французские железные дороги и война. Изд. ВВРС. 1924 г.
Лиддель-Гарт. Новые пути современных армий. ГИЗ. 1930 г.
Лиддель-Гарт. Правда о войне 1914—1918 гг. ГВИЗ. 1935 г.
Ллойд-Джордж. Военные мемуары, тт. I—II, ОГИЗ—СОЦЭКГИЗ. 1934 г.
Лукин. Эпоха расцвета германского империализма 1895—1914 гг. БСЭ т. XVI, стр. 69.
Людвиг Эмиль. Последний Гогенцоллерн. Изд. «Красная газета». Ленинград. 1929 г.
Людендорф. Воспоминания, тт. I, II. Изд. ВВРС. 1923 г.
Ludendorf. Weltkrieg groht auf deutschen Boden. München. 1930.
Ludendorf. Kriegsführung und Politik. Berlin. 1922.
Люка. Эволюция тактических идей во Франции и Германии во время войны 1914—1918 гг. ГВИЗ. 1926 г.
Маниковский и Барсуков. Боевое снабжение русской армии в мировую войну 1914—18 гг. ГИЗ. 1930 г.
Мартель. 15 лет механизации британской армии. ГИЗ. 1932 г.
Меликов Вл. Вторая Марна 1918 г. Журнал «Война и революция», кн. 5. 1931 г.
Меликов Вл. Ленин в гражданской войне 1918—1920 гг. Журнал «Война и революция». Январь—февраль. 1934 г.
Меликов Вл. Марна (1914) — Висла (1920) — Смирна (1922). ГИЗ. 1928 г.
Memoires du marechal Joffre, tt. 1—2. Paris. 1932.
Мемуары германского кронпринца. ГИЗ. 1923 г.
Микель. Стратегические и тактические уроки войны 1914—18 гг. ГИЗ. 1928 г.
Незнамов. Современная война, тт. I, II. ГИЗ. 1921 г.
Николаи. Тайные силы. Изд. Разведупра штаба РККА. 1925 г.
Новицкий В. Мировая война 1914—18 гг., тт. I, II. ГИЗ, 1928 г.
Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918. Erster Band. Das Kriegsjahr 1914. Lieferung 1—5. Wien 1929.
Очерки марксистско-ленинского учения о войне. Сборник статей. ВПАТ. Ленпартиздат. Л. 1933 г.
Паке. Военное поражение Германии в 1918 г. Париж. 1926 г.
Подготовка второго тура империалистических войн (сборник статей). Партиздат. 1934 г.
Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, т. 1. Изд. ВВРС. М. 1924 г.

Пьерфе. 3 года в главной французской квартире. Париж. 1920 г.
Редигер. Комплектование и устройство вооруженных сил. СПБ. 1900 и 1914 гг.
Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914—1918. Bände 1, 2, 3. Das deutsche Feldeisenbahnwesen. Berlin 1928.
Риттер. Критика мировой войны. ГИЗ. 1923 г.
Рокко-Моретта. Какой будет завтрашняя война. ГВИЗ. 1934 г.
Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных армий 1904 г.
Свечин. Стратегия. «Военный вестник». М. 1927 г.
Seekt von. Gedanken eines Soldaten. Berlin. 1929.
Сект. Оборона страны. ГВИЗ. 1931 г.
Степной. Современные средства броневых войск. ГВИЗ. 1933 г.
Стратегия в трудах военных классиков, тт. I, II. Изд. ВВРС. 1924, 1926 гг.
Сухомлинов. Воспоминания. Берлин. 1924 г.
Тактика в трудах военных классиков. ГИЗ. 1928 г.
Татарченко. Воздушная война. ОГИЗ. 1933 г.
Тау. Моторизация и механизация армий и война. ГВИЗ. 1933 г.
Тирпитц. Из воспоминаний. ГИЗ. 1925 г.
Триандофиллов. Характер операций современных армий. ГВИЗ. 1933 г.
Тухачевский. Военные планы нынешней Германии, «Правда» 31 марта 1935 г.
Файоль. Сосредоточение огня и сосредоточение средств. ГИЗ. 1929 г.
Фалькенгайн. Верховное командование. ГИЗ. 1923 г.
Фельдман. К характеристике новых тенденций в военном деле. ГВИЗ. 1931 г.
Фельдман. Предисловие к книге Бастико «Воздушная война». ГВИЗ. М. 1934 г.
Föerster. Graf Schliffen und der Weltkrieg. Berlin. 1925.
Von Scharnhorst zu Schliffen. 1806—1906. Hundert Jahre preussisch-deutscher Generalstab.
Foch. De la conduite de la guerre. La manoeuvre pour la bataille Nancy - Paris. 1921.
Foch. Memoires pour servir à l'histoire de la guerre de 1914—1918. — tt. 1—2. Paris, 1921.
Фош. Принципы войны. ГИЗ. 1920 г.
Фрайс-Вест. Химическая война. Изд. ВВРС. 1923 г.
Фуллер. О будущей войне. Изд. 1928 г.
Фуллер. Реформация войны. ГВИЗ. 1931 г.
Фуллер. 100 проблем механизации, изд. ЛБТКУКС, 1933 г.
Фуллер. Танки в великой войне 1914—1918 гг. Изд. ВВРС. 1923 г.
Шапошников. Мозг армии, тт. I, II, III. ГВИЗ. 1927—1929 гг.
Schwarte. Kriegstechnik der Gegenwart. Berlin. 1930.
Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918. Bände I—V. 1922—24.
Шеллендорф. Служба генерального штаба. СПБ. 1908 г.
Шлиффен. «Канны», «Будущая война», «Полководец», «Миллионные армии», речи и разборы военных игр.
Шлихтинг. Основы современной тактики и стратегии. СПБ. 1910 г.
Штейнгаузен. Ошибки войны и генеральный штаб. Берлин. 1920 г.
Stenger. Schicksalswende von der Marne bis zur Wesle 1918. Reichsarchiv. Band 3. Berlin. 1930.
Хейгль. Танки. ГВИЗ. 1933 г.
Хмельницкая. Военная экономика Германии 1914—1918 гг. ГИЗ. 1929 г.
Цвель. Служба генерального штаба в мирное время и на войне. ГИЗ. 1928 г.
Цихович. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., часть 1, изд. ВВРС. 1922 г.
Чернин. В дни мировой войны (воспоминания австрийского министра иностранных дел). ГИЗ. 1923 г.
Эгли. Стратегическое развертывание армий Франции. Бельгии в 1914 г. Изд. 1919 г.
Эльце. Танненберг. Берлин. 1927 г.

Эмишен. Доктрина коалиционной войны. ГВИЗ. 1928 г.
Эр. Артиллерия прошлого, настоящего и будущего. ГВИЗ. 1933.
Justrow. Feldherr und Kriegstechnik. Berlin. 1933.
Международные отношения в эпоху империализма, тт. I—V.
Военные сборники (издание военной исторической комиссии) 1918—1919 гг.
Стратегические очерки войны 1914—18 гг. Изд. воен. ист. комиссии, кн. I, VII. Москва. 1919—1923 гг.
Большая советская энциклопедия.
Военная энциклопедия. Изд. Сытина.
Советская военная энциклопедия.
Малая советская энциклопедия.
Справочники и стратегические ежегодники по вооруженным силам Германии, Австро-Венгрии, Англии и Франции за период 1900—1914 гг. (указаны в тексте).
Мировая война 1914—18 гг. в цифрах. Изд. IV упр. штаба РККА. 1931 г.
Мировая война в цифрах. ГВИЗ. 1934 г.

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ

Схема 1. Крепостная система Франции (северо-восточная граница) и Германии в период 1905—1914 гг.

„ 2. План стратегического развертывания Шлиффена—декабрь 1905 г.

„ 3. План стратегического развертывания французских армий № 15.

„ 4. План стратегического развертывания Шлиффена (декабрь 1905 г.) и французский план развертывания № 15 (1903—1909 гг.).

„ 5. План стратегического развертывания против Германии французского генерала Виктор-Констан-Мишеля.

„ 6. Графическое сопоставление оперативно-стратегических замыслов по планам развертывания Шлиффена и Виктор-Мишеля.

„ 7. Схема военно-административного деления Франции (корпусные округа).

„ 8. План стратегического развертывания французских армий № 17.

„ 9. План стратегического развертывания французских армий № 17 (Положение от 2 августа 1914 г.).

„ 10. Схема развертывания французских армий по плану № 17 и германских по плану 1913—1914 гг.

„ 11. План развертывания Шлиффена 1905 г. и Мольтке 1914 г.

„ 12. Развертывание по плану 1908 г.

„ 13. Развертывание по плану 1910 г.

„ 14. Развертывание по плану 1 мая 1912 г. и план наступления австро-венгерских армий в Передовом театре и Галиции.

„ 15. Развертывание австро-венгерской армии по данным 1912 г. (купленным у австрийского полковника Редля).

„ 16. Развертывание сторон на восточно-европейском театре военных действий (1914 г.).

„ 17. Расположение сторон к 21 марта 1918 г. и три наступления Людендорфа.

„ 18. Стратегическое развертывание сторон на франко-британском фронте в марте 1918 г.

„ 18а. Боевое построение корпусов—дивизий перед наступлением Людендорфа на Амьен 21 марта 1918 г.

„ 19. Стратегическое развертывание союзных армий Фоша к 25 сентября 1918 г.

„ 20. Французские и бельгийские укрепления по границе с Германией (1933 г.).

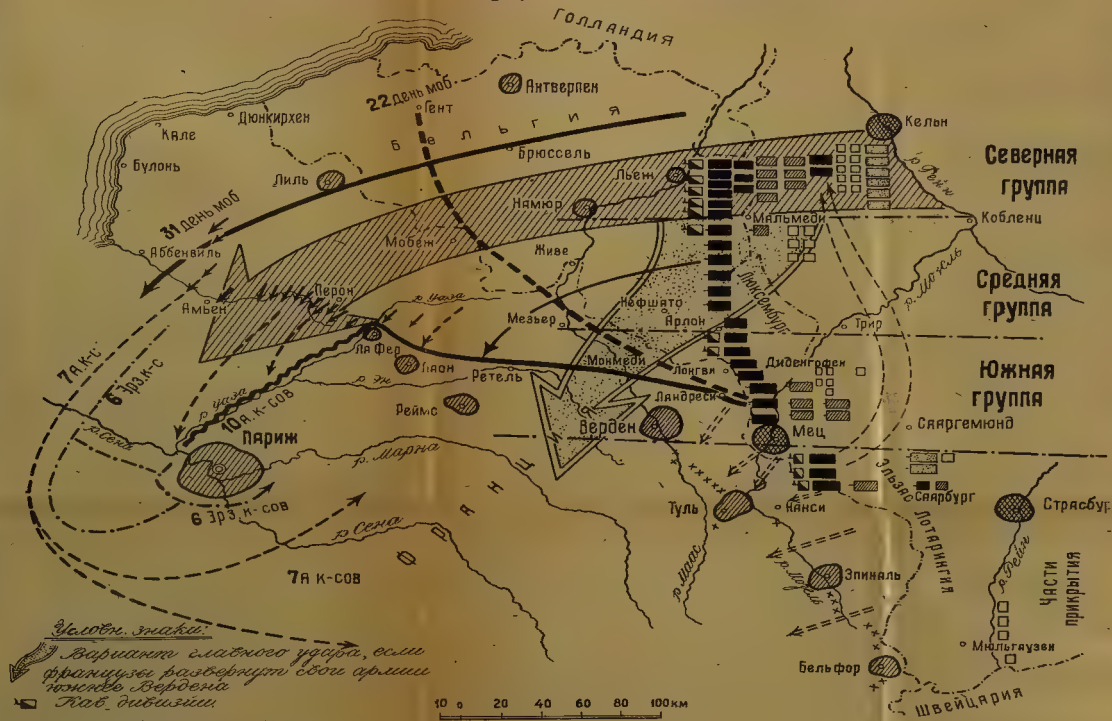
„ 21. Французские укрепления по итальянской границе (1933 г.).

M.12367

КРЕПОСТНАЯ СИСТЕМА ФРАНЦИИ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА) И ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД 1905—1914 гг.

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА, ДЕКАБРЬ 1905 ГОДА



Условн. знаки:

- Вариант главного удара, если французы развернут свои армии южнее Вердена
- Кав. дивизии.
- Арм. корпуса.
- Резервные корпуса, рез. дивизии.
- Ерзац. к-са, ерзац. дивизии.
- Ландверные бригады.

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ АРМИЙ № 15

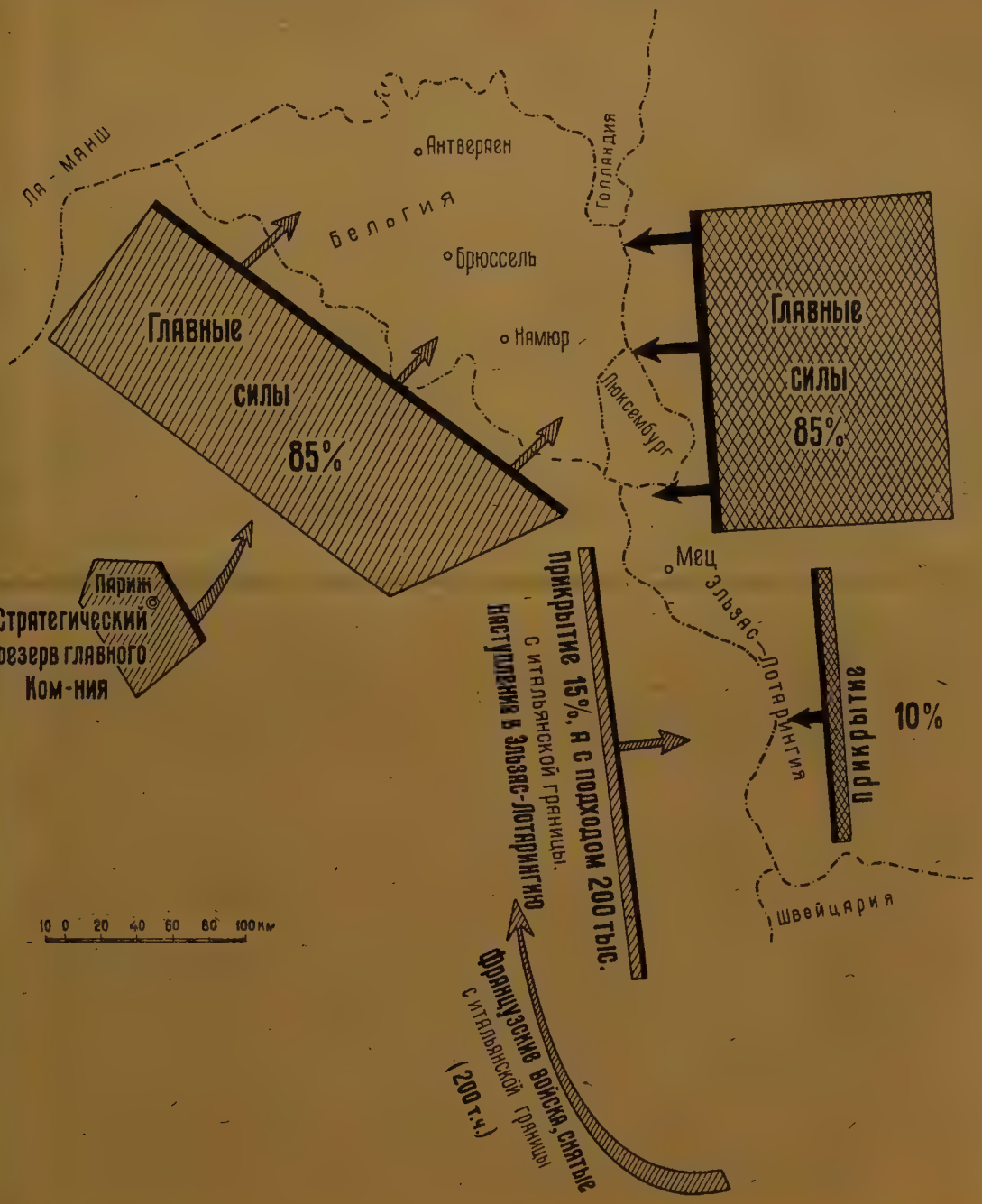
Вл. Мелков. Проблема стратегического развертывания.

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА (ДЕКАБРЬ 1905 ГОДА) И ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛАН РАЗВЕРТЫВАНИЯ № 15 (1903—1909 гг.)

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ГЕНЕРАЛА ВИКТОР-КОНСТАН-МИШЕЛЯ

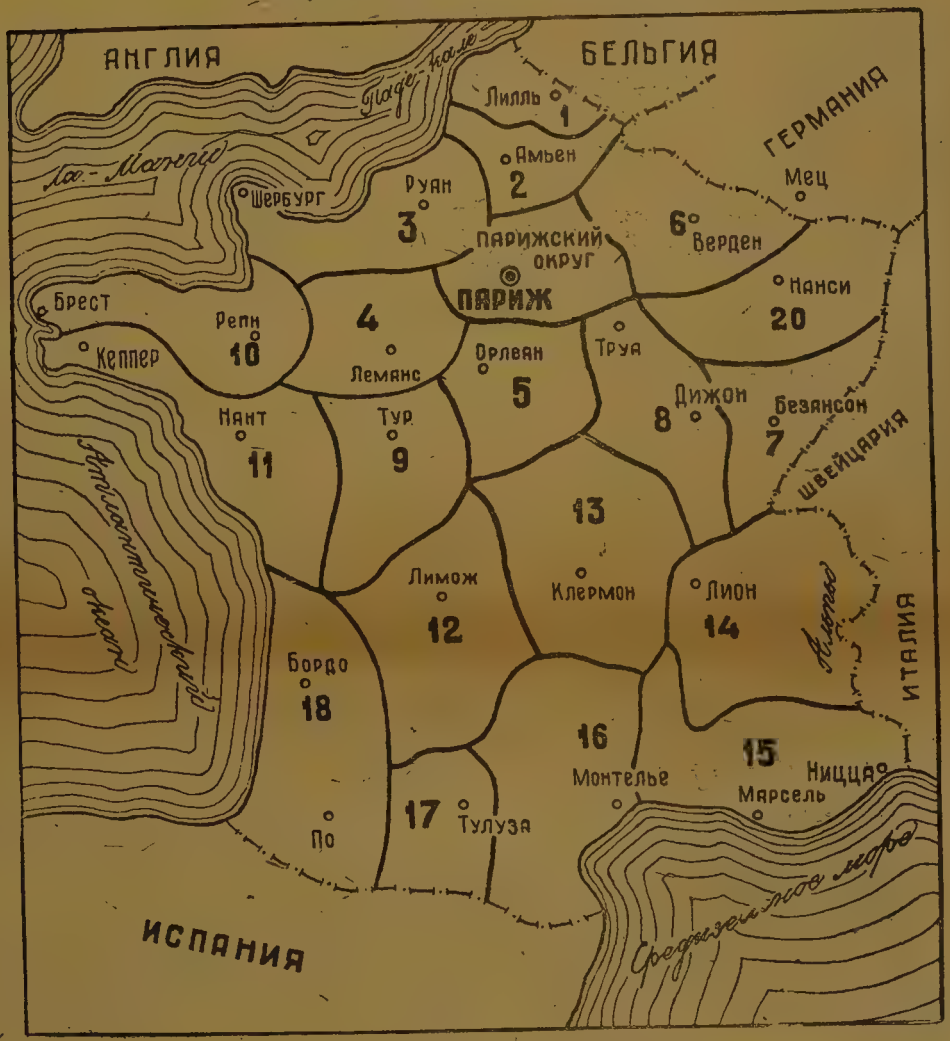
Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

ГРАФИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАМЫСЛОВ ПО ПЛАНАМ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА И ВИКТОР-МИШЕЛЯ



Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

СХЕМА ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ ФРАНЦИИ (КОРПУСНЫЕ ОКРУГА)



Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ АРМИЙ № 17

Условный знак
Предельная граница для стратегического развертывания французских армий

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

Схема 9

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ АРМИЙ № 17 (ПОЛОЖЕНИЕ ОТ 2 АВГУСТА 1914 г.)

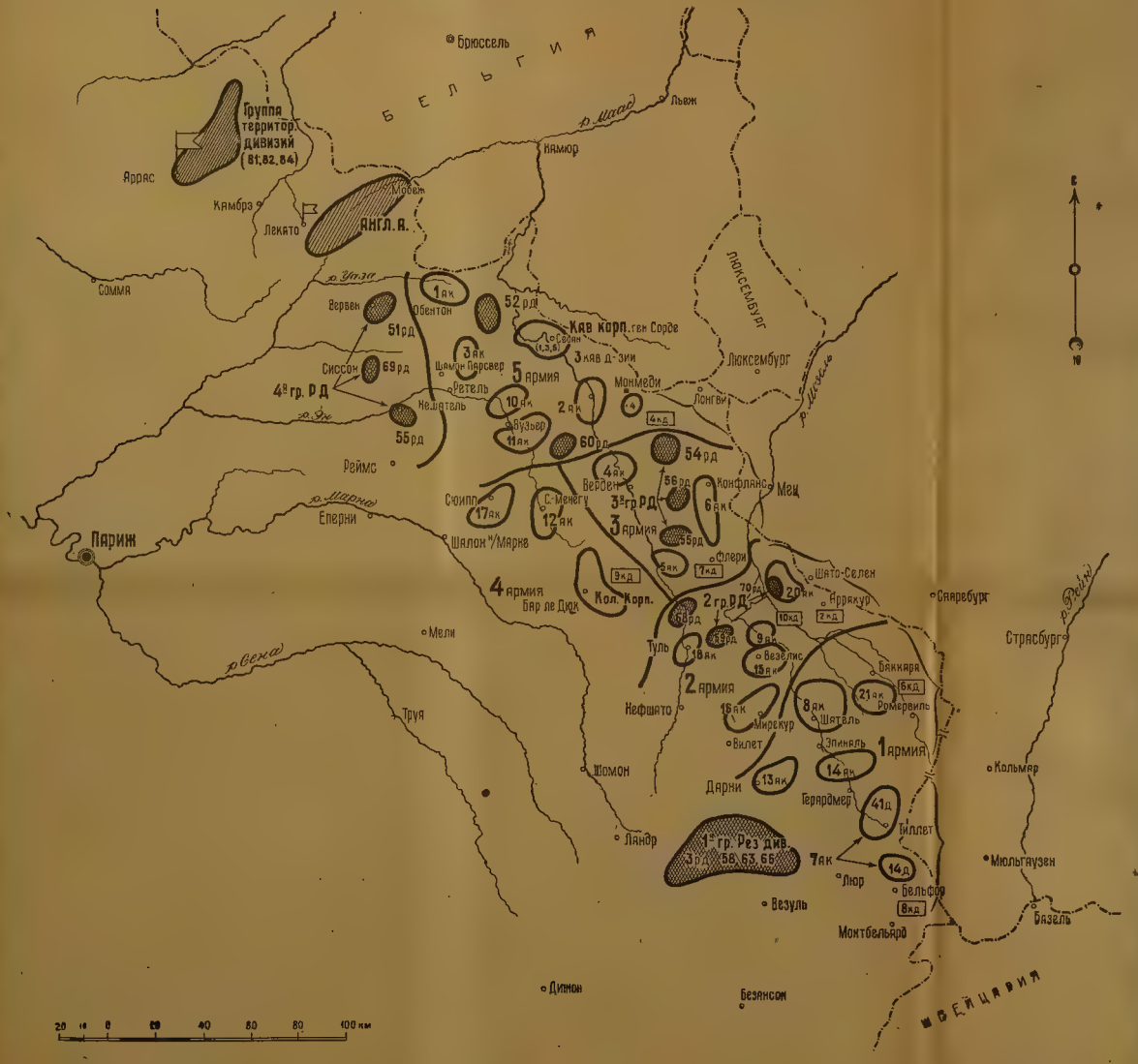
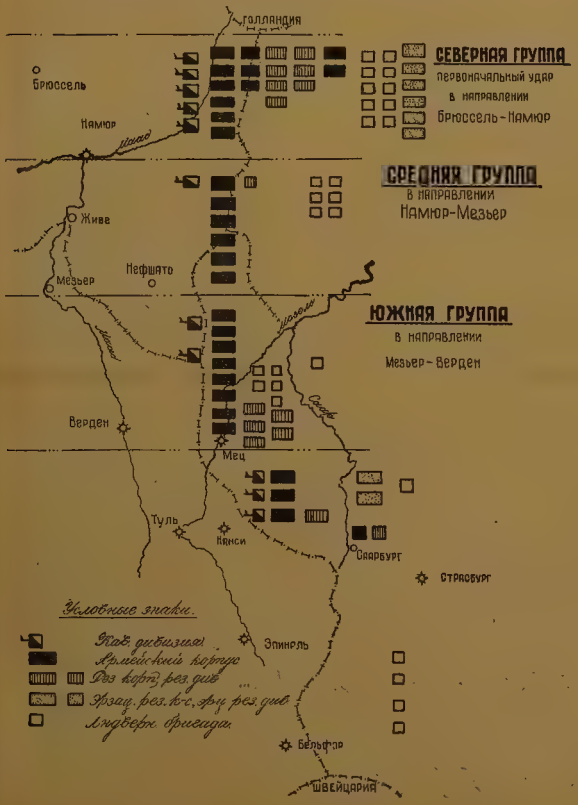


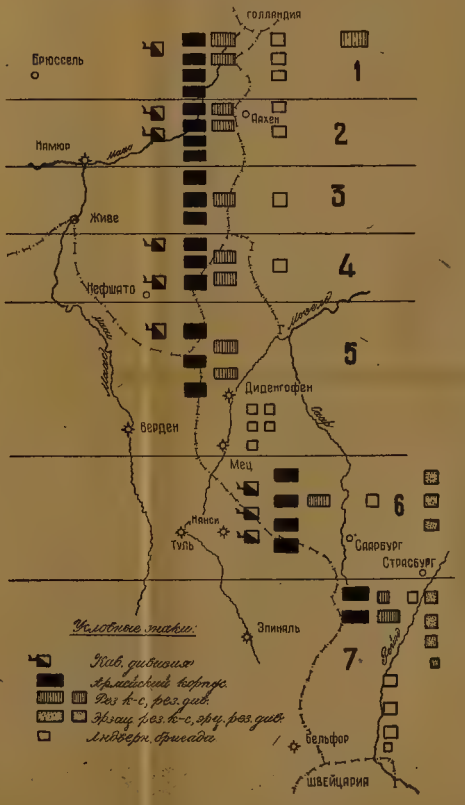
СХЕМА РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ АРМИЙ ПО ПЛАНУ № 17 И ГЕРМАНСКИХ ПО ПЛАНУ 1913—1914 гг.

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

ПЛАН РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА (1905 г.)



ПЛАН РАЗВЕРТЫВАНИЯ МОЛЬТКЕ (1914 г.)



Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

Схема 12 (к табл. 15)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЦАРСКИХ АРМИЙ ПО ПЛАНУ 1908 г.

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

Схема 13 (к табл. 16)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЦАРСКИХ АРМИЙ ПО ПЛАНУ 1910 г.

Силы противников, угрожающие западной границе царской России (по подсчетам г. Данилова):

а) Германия 25 к-сов (102 пех. + 11 кав. дивизий)

б) Австрия 16 к-сов (55 пех. + 9 кав. дивизий)

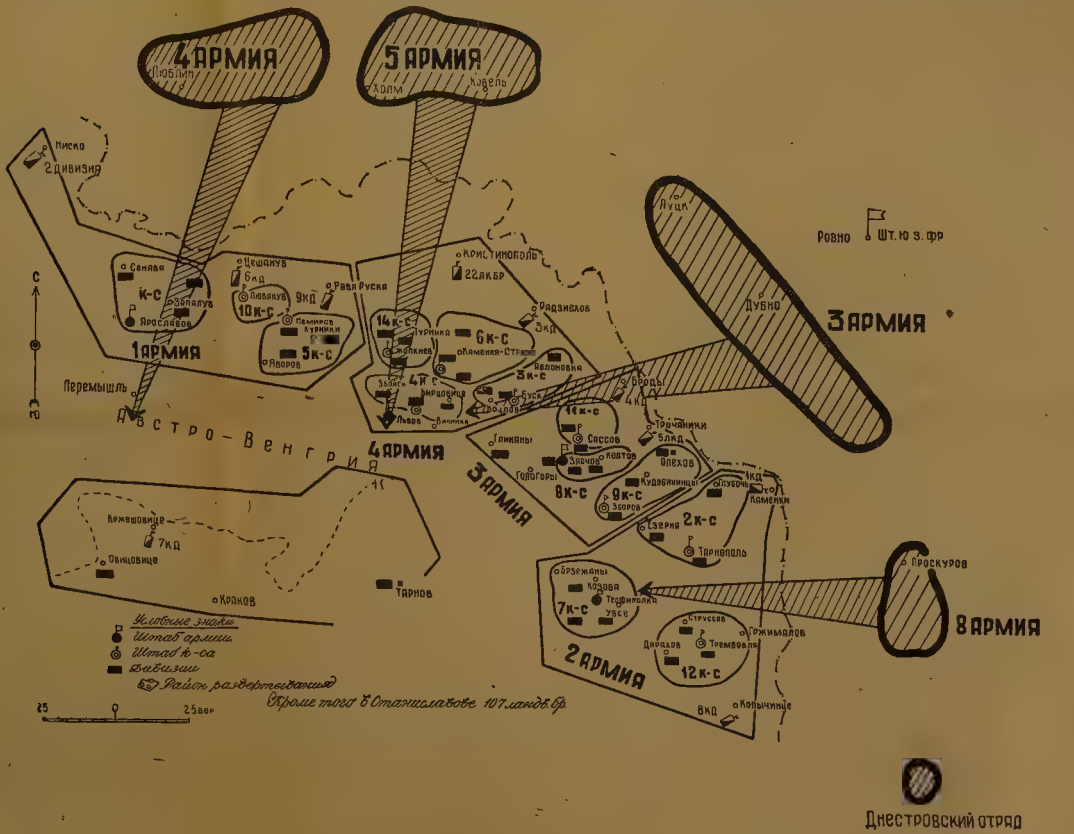
в) Румыния 4 к-са (14½ пех. + 1 кав. дивизия)

г) Швеция 8 пех. + 1 кав дивизия

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПО ПЛАНУ 1 МАЯ 1912 г. И ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ АРМИЙ В ПЕРЕДОВОМ ТЕАТРЕ И ГАЛИЦИИ.

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ ПО ДАННЫМ 1912 г. (КУПЛЕННЫМ У АВСТРИЙСКОГО ПОЛК. РЕДЛЯ)



Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ СТОРОН НА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (1914 г.)

В.я. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

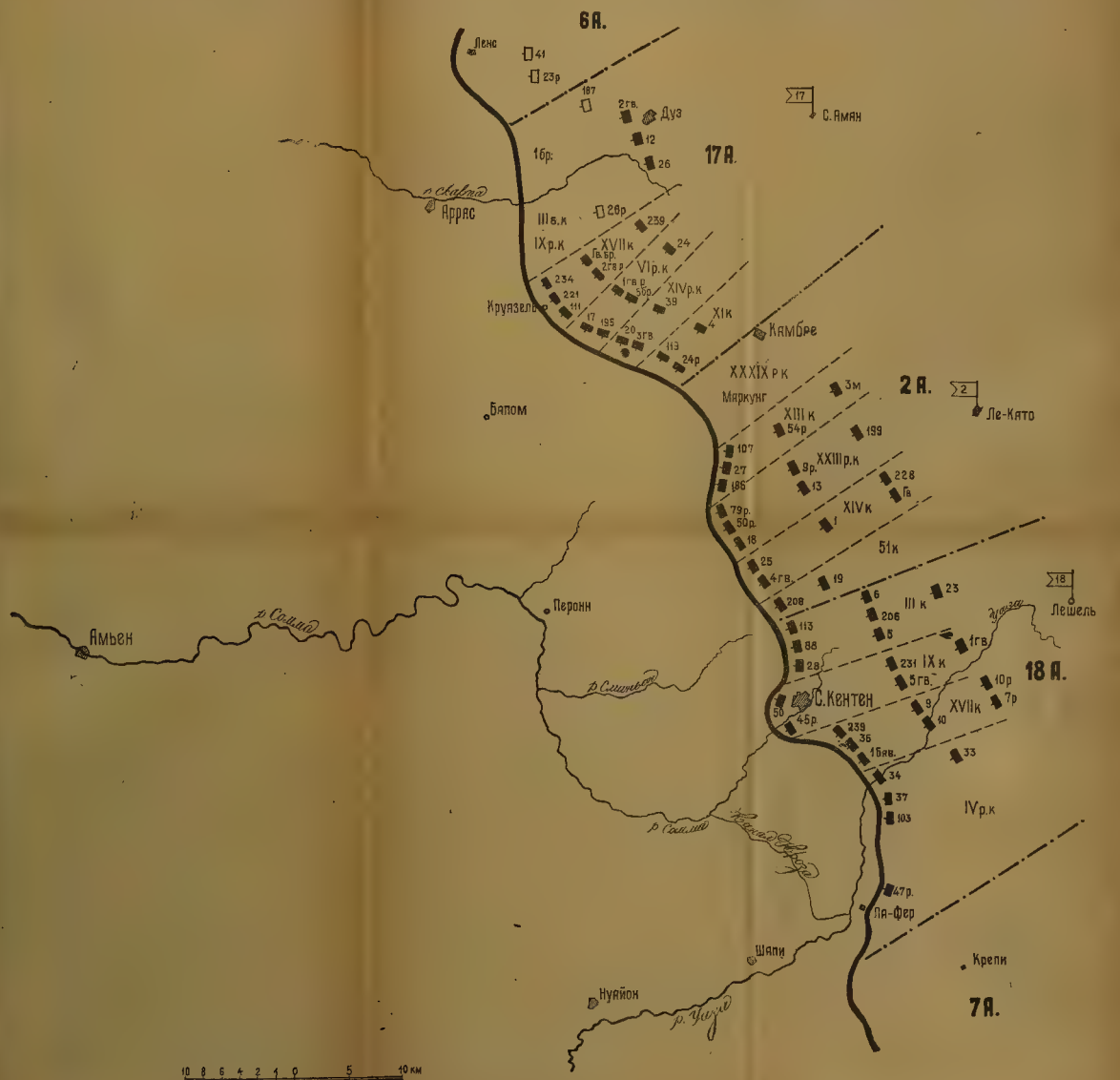
РАСПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН К 21 МАРТА 1918 г. И ТРИ НАСТУПЛЕНИЯ ЛЮДЕНДОРФА

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ СТОРОН НА ФРАНКО-БРИТАНСКОМ ФРОНТЕ В МАРТЕ 1918 г.

Схема 1ая

БОЕВОЕ ПОСТРОЕНИЕ КОРПУСОВ—ДИВИЗИЙ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ ЛЮДЕНДОРФА НА АМЬЕН 21 МАРТА 1918 г.



Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ СОЮЗНЫХ АРМИЙ ФОША К 25 СЕНТЯБРЯ 1918 г.

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

ФРАНЦУЗСКИЕ И БЕЛЬГИЙСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ ПО ГРАНИЦЕ С ГЕРМАНИЕЙ (1935 г.).

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.

Схема 21

ФРАНЦУЗСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ ПО ИТАЛЬЯНСКОЙ ГРАНИЦЕ (1935 г.).

Вл. Меликов. Проблема стратегического развертывания.